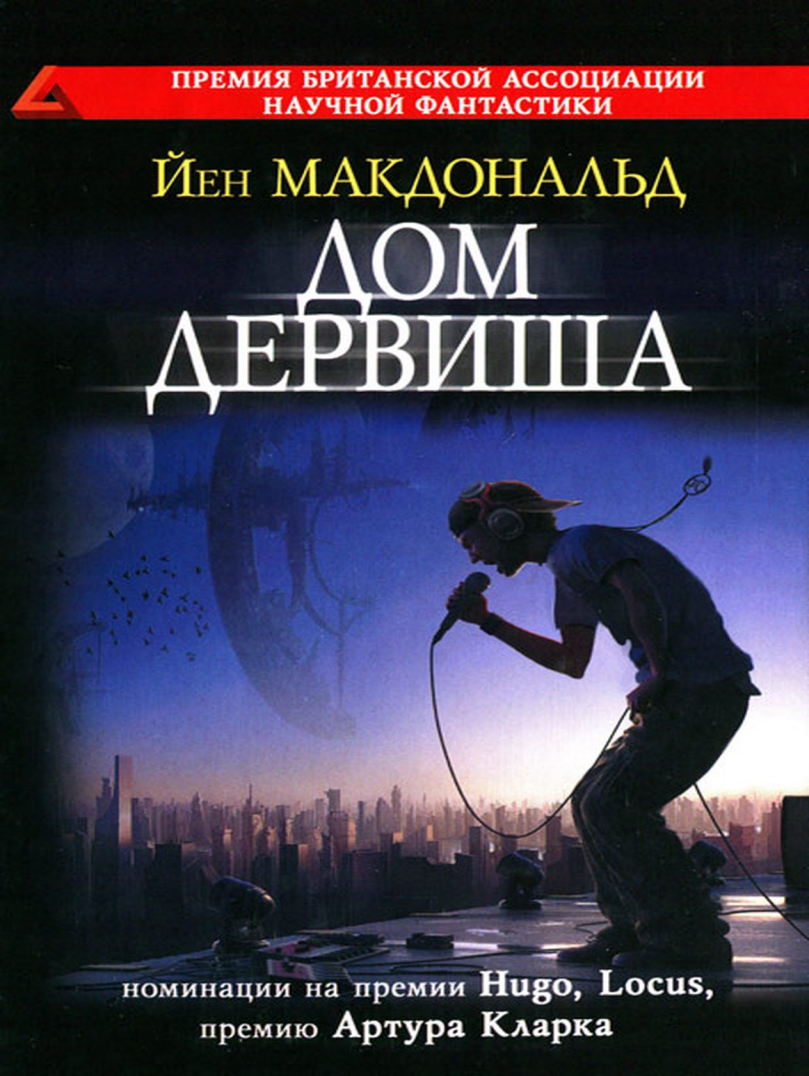
ПРЕМИЯ БРИТАНСКОЙ АССОЦИАЦИИ
НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Йен МАКДОНАЛЬД

ДОМ ДЕРВИША



номинации на премии **Hugo, Locus,**
премию **Артура Кларка**

Дом дервиша
Йен Макдональд

Аннотация
Йен Макдональд. ДОМ ДЕРВИША
ПОНЕДЕЛЬНИК
  1
  2
ВТОРНИК
  3
  4
СРЕДА
  5
  6
ЧЕТВЕРГ
  7
  8
ПЯТНИЦА
  9
  10

Аннотация

Все начинается с взрыва. Еще один обычный день, еще одна бомба, взорвавшаяся в автобусе. Но ударная волна, вызванная этим случайным терактом, распространяется далеко за пределы маленькой площади в турецкой столице.

Мир «Дома дервиша» — огромный, древний, парадоксальный город Стамбул. На дворе 2027 год, и Турция вот-вот отпразднует пятую годовщину присоединения к Евросоюзу. Передовые фирмы, развивающие нанотехнологии, спокойно сосуществуют здесь с восточными базарами, почти не изменившимися со времен Средневековья. А еще Турция — ключ к огромным газовым запасам России и Центральной Азии.

Хозяйка галереи искусств, занятая поисками уникального артефакта, который принесет ей миллион евро. Наркоман, чуть не убивший свою собственную сестру. Биржевой трейдер с фантастическими амбициями. Университетский профессор на пенсии. Девушка из провинции, приехавшая покорять

столицу. И мальчик, до которого не доносятся звуки окружающего мира, но который способен на потрясающие фокусы с мини-роботами. В день взрыва судьбы всех этих персонажей оказываются связаны в тугой клубок. И чтобы распутать его, вам придется совершить путешествие в дом дервиша, расположенный в самом сердце Стамбула.

Йен Макдональд
ДОМ ДЕРВИША

Посвящается Эниду

ПОНЕДЕЛЬНИК

1

Белая птица поднимается над Стамбулом — аист, скользящий на восходящих потоках воздуха по спирали на белоснежных крыльях с черными кончиками. Вспышка перьев, вращающаяся на дыхании двадцати миллионов человек, один из десяти тысяч аистов, которые двигаются вдоль невидимых термических потоков из Африки в Европу, постепенно переходя из одного в другой, формирующийся над озером Виктория и долиной Рифт, вслед за серебряной ниточкой Нила, через Синайский полуостров и Ливан к большому четырехугольнику Малой Азии. Здесь стая перелетных птиц разделяется. Некоторые устремляются на север, к берегам Черного моря, другие — на восток, к озеру Ван и подножью Арарата, но большинство летит на запад через Анатолию к блеску Босфора и дальше к местам гнездования на Балканах и в Центральной Европе. Осенью аисты вернутся на зимовку в Африку, совершив круговое путешествие длиной в двадцать тысяч километров. Город стоит по обеим сторонам пролива вот уже двадцать семь веков, но как давно аисты пересекают эту местность дважды в год,

одному Господу известно.

Высоко над Ускюдаром аисты спускаются с воздушного потока, широко расправив крылья, чувствуя воздух. По двое-трое они скользят вниз к набережным и мечетям районов Султанахмет и Бейоглу. Кружащаяся стая подчиняется своей математике, сложная красота соткана из простых импульсов и алгоритмов. Когда аист вырывается из круговорота, его теплоощущение подсказывает, что в этот раз что-то изменилось, и теплый воздух толкает наверх дополнительная сила. Город под его крыльями задыхается от несвойственной этому времени года жары.

Закончилось время молитвы, но еще не наступило время денег. Стамбул, Царь Городов, просыпается с криком. Слышны металлические верхние ноты первых машин, пронзительный визг газовых двигателей. Срединные ноты издают такси и долмуши, специальные маршрутные такси, курсирующие между городами, а также трамваи на рельсах и в туннелях, поезда в глубоких шахтах, проложенных через зоны разломов под Босфором. С пролива доносится басовитое гудение тяжелых судов: сухогрузы, доверху груженные контейнерами, проплывают мимо танкеров со сжиженным русским газом, похожих

на плавучие мечети, резервуары которых под давлением заполнили до краев в терминалах Одессы и Супсы. Стук судовых двигателей — сердцебиение Стамбула. Между судами курсируют беспринципные паромы. Сирены и гудки, переговоры между судами, моторы, включенные на реверс, создают водовороты, пока буксиры тянут суда к пристани Эминеню. А еще раздаются крики чаек, вечных чаек. Грязных вероломных чаек. Никто не укрепляет платформы на своих трубах, чтобы чайки могли гнездиться. Чайки всегда не к добру. Стучат рольставни, грохочут двери фургонов. Утреннее радио передает попсу и болтовню. Много болтовни о футболе. О полуфинале Лиги чемпионов, в котором встретятся «Галатасарай» и лондонский «Арсенал». Эксперты вещают со ста тысяч балконов и террас на плоских крышах. Попса, футбол и жара. Это десятый день сильной жары. Тридцать три градуса в апреле. В семь утра. Уму непостижимо. Эксперты-метеорологи рассуждают, не случится ли снова Большая жара, как в двадцать втором году, когда в одном только Стамбуле погибло восемь тысяч человек. Тогда было аномально жарко. Теперь в прямой эфир дозвонился какой-то шутник, объединил два экспертных мнения и размышляет вслух, так ли

уж плохо будет, если жара ударит по белокожим англичанам?

Поверх всех этих звуков, сквозь них, пробивается хор кондиционеров. Коробка за окном, вентиляционные отверстия в стене, строй вентиляторов на плоских крышах — один за другим они раскручиваются, подмешивая жар в еще более масштабные круговороты теплого воздуха. Город делает еле заметные выдохи в виде спиралей, закручивающихся внутри других спиралей, восходящих воздушных потоков и термических микропотоков.

Пуховыми перьями аист чувствует подъем на высоту. Избыточное тепло города, возможно, сэкономит ему несколько взмахов крыльев, которые потребуются, чтобы переместиться в следующий термический поток или ускользнуть от бреющего полета орла. Жизнь аиста — подсознательная алгебра, поиск баланса между энергетическим потенциалом и расходом энергии. Черные кончики крыльев трепещут, пока птица скользит вдоль плоских крыш.

Взрыв остается практически незаметным в громком реве пробуждающегося города. Глухой хлопок, и снова тишина. Первыми начинают голосить голуби и чайки, которые с криками

рванули вверх, громко хлопая крыльями. Затем слышатся звуки разных приборов: автомобильные и охранные сигнализации, портативные приборы, хип-хоп телефонных вызовов. И только потом раздаются вопли и крики людей.

Трамвай внезапно остановился в центре проспекта Неджатибей, в нескольких метрах от остановки. Взрывное устройство сработало на задней площадке, поэтому у трамвая разворочена синяя крыша и выбиты окна и двери. Тонкая струйка дыма просачивается из задней части второго вагона. Пассажиры уже выбрались на улицу и теперь толкутся вокруг трамвая, не понимая, что делать. Некоторые сидят на земле, уткнувшись головой в колени, в состоянии глубокого шока. Прохожим приходится поспешить на помощь. Кто-то предлагает пиджаки и плащи, другие звонят по мобильным, пробуя описать случившееся, многие окружили место происшествия, ощущая потребность предложить свою помощь, но не зная толком, что предпринять. Большинство же стоит поодаль, глазея и чувствуя свою вину за то, что произошло. Несколько человек без зазрения совести снимают видео на свои цептепы. Новостные каналы платят за любительские репортажи.

Вагоновожатая переходит от одной группы

пассажиров к другой, спрашивая, все ли на месте, не пропал ли кто, все ли в порядке. Со всеми все в порядке. Она тоже не знает, что делать. Никто не знает. В этот момент раздаются сирены. Прибыли люди, которые в курсе, что делать. Мигалки мелькают позади людской стены, и толпа расступается. Трудно отличить жертв от тех, кто пришел им на помощь, поскольку кровь кругом. На проспекте Неджатибей сосредоточены международные банки и страховые общества, но отголоски взрыва распространяются по трамвайным путям. От одной остановки до другой, улица за улицей, из одного остановившегося трамвая до другого. Бейоглу стоит в пробке. Теперь все знают о взрыве.

Глаза аиста, летящего со стороны Босфора, видят, как паралич расползается по городу из самого центра событий. Аист взирает на происходящее, не понимая. Для него сирены — всего лишь еще одна ничем не примечательная нота в шуме пробуждающегося города. Город и аист существуют в двух пересекающихся, но отдельных друг от друга вселенных. Спустившись, птица пролетает над развороченным в результате взрыва трамваем, окруженным синими мигалками, и дальше, в новый термический поток. А затем поднимающиеся

от Стамбула струи тепла закручивают одинокого аиста в водовороте белых тел и черных крыльев, над восточными окраинами города и дальше в сторону Фракии.

Неджет видит, как взрывается голова женщины. Он всего лишь пытался избежать прямого зрительного контакта с молодой девушкой с красивыми скулами и алыми прядями в волосах, которая трижды поймала на себе его взгляд. Неджет на нее не пялится, он же не извращенец. Его глаза рассеянно блуждают по лицам пассажиров, вежливо теснящихся в трамвае. Новый трамвай по новому расписанию, на двадцать минут раньше; благодаря пересадке Неджет доберется на работу с опозданием менее часа и не выведет из себя Мустафу, который ненавидит вести себя как босс. Итак, его утренние попутчики. Мальчик и девочка в старомодных синих школьных формах с пуговицами, застегнутыми под горлышко белых воротничков. Неджет думал, что такое детей уже не заставляют носить. У школьников за спинами рюкзачки, и они, не отрываясь, играются со своими цептепами. Мужчина, жующий жвачку, смотрит в окно, и жевательные движения передаются его великолепным усам. За ним элегантный деловой человек, следящий за

модой, изучает в цептепе спортивные новости. Лиловый бархатный костюм, должно быть, сшит из той новой наноткани, которая охлаждает летом, согревает зимой и превращается одним прикосновением из шелка в бархат. Женщина с выбившейся из-под платка прядью седых волос, на лице которой застыло отрешенно-печальное выражение. Она высвобождает правую руку из толпы и поднимает ее, чтобы поправить брошь на шее. И взрывает собственную голову.

Звук взрывающегося черепа — гулкий бас, всасывающий в себя все остальные звуки, поэтому мгновение после взрыва слышна только тишина. Затем тишина рассыпается на крики. Трамвай дергается и останавливается, Недждет по инерции чуть не падает. Упасть в давке — верная смерть. Недждет не может дотянуться до поручней и потому опирается на орущих пассажиров. Толпа бьется о закрытые двери. Давка удерживает обезглавленную женщину в вертикальном положении. Парень в элегантном бархатном костюме кричит, как сумасшедший, пронзительным голосом. Половина лилового пиджака стала темно-красной и блестящей. Недждет чувствует на лице влагу, но не может поднять руку, чтобы проверить, что это, или вытереть. Дверь со

вздохом открывается. Толпа напирает так, что Недждет боится, как бы не расщепились ребра. Затем он вываливается на улицу, не ощущая ни цели, ни направления, лишь желание покинуть трамвай.

Вагоновожатая двигается от одной группы пассажиров к другой, спрашивая, все ли на месте, не пострадал ли кто-то? На самом деле она ничего не может сделать, но как представитель городского муниципального транспорта должна хоть что-то предпринять, поэтому раздает влажные салфетки, доставая их из пластиковой тубы, лежащей в большой зеленой сумке. Недждет восхищен: в трамвае только что подорвала себя смертница, а вагоновожатая не забыла прихватить с собой сумку.

Влажная салфетка пахнет лимоном. Для Недждета этот сложенный белый конус — самое чистое и святое, что он когда-либо видел.

— Пожалуйста, отойдите от трамвая, — говорит вагоновожатая, пока он любуется маленьким кусочком прохладной цитрусовой белизны. — Взрыв может быть не один.

На ней дорогой платок «Эрмес». В памяти Недждета возникает еще другой платок, хиджаб, который он видел на голове той женщины. В по-

следний миг он видел задумчивое сожаление на ее лице, которое рассеялось, словно она получила откровение относительно какой-то давнишней семейной драмы. Женщина улыбнулась. А потом коснулась украшения на шее.

Пассажиры присаживаются на корточки вокруг школьников, пытаясь успокоить детей, чтобы те не плакали, предлагают обнять их. *Вы что, не видите, что кровь на ваших лицах пугает их еще сильнее,* думает Недждет. Он вспоминает, как в лицо ему брызнула теплая жидкость. Смотрит на влажную салфетку, которую скомкал в руке. Она не красная. Это была не кровь.

Все поднимают головы на звук вертолета. Он скользит над крышами, заглушая разговоры и звонки мобильных. Теперь вой сирен звучит поверх обычного утреннего шума автомобилей. Полиция приедет раньше машин скорой помощи. Недждет не хочет общаться с полицией. У него при себе удостоверение личности, как и у всех. Полиция просканирует его. Они прочтут углеродный дебет, который он использовал, чтобы купить утром билет, получение наличных прошлой ночью и еще один углеродный дебет вчера вечером в восемнадцать тридцать. Могут спросить про наличку. Наличные деньги «серые»,

но пока что не запрещены законом.

Это ваш нынешний адрес?

Нет, я проживаю в старом доме дервиша Адема Деде[1] в Эскикей. Со своим братом.

А кто ваш брат? Здесь у них могут возникнуть новые вопросы.

Исмет заменил висячий замок новокупленным. Яркая медь, золотая медаль на цепочке. Закрытые ставнями балкончики текке[2] нависали над ступеньками, это был отдельный затененный вход за контейнерами для отходов чайной «Фатхи Бей», вонючими и засаленными от грязного воздуха из кухонной вытяжки. Дверь была из старого оттоманского дерева, серого и потрескавшегося за несколько веков летней жары и зимней влажности, искусно украшенная орнаментом из тюльпанов и роз. Дверь, ведущая в тайны. Она открывалась в полумрак и кисловатый запах голубиного помета. Неджет осторожно шагнул в обволакивающую темноту. Свет проникал сквозь щели через закрытые и запертые оконные ставни.

— Нам не стоило этого делать, — прошептал

---

[1] Примечания: 1
Дедушка *(турецк.).*

[2] Примечания: 2
Обитель мусульманских дервишей в Турции.

Неджет. Архитектура располагала к шепоту. — Здесь живут люди.

— Какой-то пожилой грек да супружеская чета в передней части дома. А еще одинокая девушка-секретарь. Да еще та лавка для богохульников на месте семахане.[3] В конечном итоге мы с этим разберемся. А это крыло, брошенное гнить на пятьдесят лет, попросту разваливается. — Исмет с гордостью стоял в центре комнаты. Он уже ощущал себя тут хозяином. — Это преступление. Всевышний хочет, чтобы здесь было все как раньше. Именно сюда мы приведем братьев. Только посмотри!

Исмет распахнул такую же дверь в противоположной стене пыльной комнаты. В комнату хлынул цвет, и не только он: пышная зелень подстриженного самшита, запах нагретого на солнце дерева, журчание воды и внезапное пение птиц. Должно быть, Исмет открыл дверь в рай.

Сад был всего шесть шагов в ширину, но вместил целую вселенную. Дворик огибала крытая галерея со стенами, облицованными керамиче-

[3] Примечания: 3

Semahane — зал для танцев *(турецк.)*. Помещение, предназначенное для собраний дервишей и совершения религиозных обрядов, в частности ритуального танца «сема».

ской плиткой из мастерских Изника,[4] в которой можно было найти укрытие от солнца и непогоды в любое время года. Фонтан — монолитный островок нагретого солнцем мрамора, вода стекала с резных лепестков кувшинки в чашу. Изумрудно-зеленая ящерица очнулась от отдыха на солнце, метнулась вдоль зубчатого края и скрылась в тени под фонтаном. На небольших клумбах, огороженных деревянными планками, росли высокие прохладные травы. Почва была здесь темной и жирной, словно шоколад. Настоящий ботанический сад. Ласточки кружили и рассаживались вдоль деревянного балкончика прямо над крытой галереей. Их крики наполняли воздух. На мраморной скамейке желтел на солнце вчерашний выпуск газеты «Джумхуриет».

— Все так, как было, — сказал Исмет. — Редевелоперы, занимавшиеся вторичной застройкой, так и не удосужились зайти на задний двор. Старые обители используются под склад, но мы все вычистим.

— Кто-то присматривает за этим местом, — заметил Неджет. Он мог представить себя здесь. Он приходил бы сюда по вечерам, когда свет пе-

---

[4] Примечания: 4
Крупнейший центр по производству керамики.

реливается через крышу и падает на ту скамейку единственным солнечным пятном. Сидел бы там и курил травку. Отличное место для того, чтобы курить.

— Нам тут будет хорошо. — Исмет посмотрел на нависающие балкончики и маленький голубой прямоугольник неба. — Я позабочусь о тебе.

Недждет не хочет, чтобы полиция узнала, что он переехал в дом дервиша, который его брат намерен превратить в обитель тайного мусульманского ордена (он и сам к нему принадлежит). Полицейские считают, что тайные мусульманские ордена взрывают трамваи. А если они проверят старый адрес, то выяснят, что натворил Недждет там, в квартале Башибююк, и почему Исмет Хасгюлер взял родного брата под опеку. Нет, он хочет тихо и спокойно добраться до работы. Нет, господа полицейские, спасибо.

Воздух над дымившимся трамваем сгущается, наполнившись жужжанием насекомых. Ройботы. Эти устройства размером с комара могут соединяться в разные формы для разных целей. Над проспектом Неджатибей они сливаются, словно дождевые капли, в судебно-медицинские приборы размером с воробья, которые благодаря жужжащим лопастям порхают среди круживших

голубей, берут образцы воздуха на химические индикаторы, считывают с машин и личных цептепов логи передвижений, воспроизводя картину преступления, выискивают уцелевших пассажиров трамвая и фотографируют их лица, перемазанные кровью и копотью.

Неджет плавно перемещается к краю толпы выживших, достаточно осторожно, чтобы не попасть в поле зрения юрких аппаратов. Две женщины в зеленых комбинезонах парамедиков присаживаются рядом с вагоновожатой. Теперь ее бьет дрожь, она рыдает, лепечет что-то про голову. Она видела, как голова застряла под крышей за поручнями и смотрела на нее сверху вниз. Неджет слышал такое о террористах-смертниках. Голова просто взлетает в воздух. Головы находят потом на деревьях, электрических столбах, под свесами крыш или на вывесках магазинов.

Неджет незаметно смешивается с толпой зевак, аккуратно просачиваясь в сторону пустой улицы, со словами «простите, простите». Но тут перед ним возникает здоровый парень в белой футболке размера XXL с рукой, приподнятой к цептепу, который крепится к его глазу. Жест в наши дни мог значить только одно: я снимаю

тебя на видео. Неджет пытается закрыть лицо рукой, но здоровяк делает шаг назад и снимает, снимает, снимает. Возможно, он думает: о, это пара сотен евро на новостях, может, я смогу запостить видеоролик в Сеть. А может, он просто думает, что друзья будут поражены. Но он стоит у Неджета на пути, и Неджет слышит за спиной гул моторов ройботов, напоминающих комаров, но сосущих не кровь, а души.

— С дороги!

Он снова и снова толкает здоровяка обеими руками, оттесняя его назад. Рот парня открыт, но, когда Неджет слышит голос, произносящий его имя, этот голос принадлежит женщине и раздается прямо за его спиной.

Неджет оборачивается. Голова парит на уровне глаз. Это она. Та самая женщина, которая оставила голову на крыше трамвая. Тот же хиджаб, та же прядь седых волос, выбивающаяся из-под хиджаба, та же грустная извиняющаяся улыбка. Из ее сломанной шеи исходит конус света, золотого света. Она открыла рот, чтобы снова заговорить.

Плечом Неджет толкает здоровяка так, что тот пошатывается и орет:

— Эй!

Аппараты-разведчики поднимаются вверх, искрясь по краям, словно собираются рассыпаться на составные части, а потом перегруппироваться в новую конфигурацию, но снова переключаются на режим разведчика и устремляются вниз к синим мигалкам, которые только сейчас прорываются через пробку, растянувшуюся на весь город пробку, что растекалась во все стороны из искореженного трамвая № 157.

В приглушенном мире Джана Дурукана взрыв — всего лишь небольшой тихий хлопок. Его мирок — это пять улиц, по которым его возят в спецшколу, семь улиц и одна автострада до торгового центра и площадь перед текке Адема Деде, а еще коридоры и балконы, комнаты, крыши и спрятанные внутренние дворики дома дервиша, в котором он живет. В пределах этого мира, существующего на уровне шепота, он хорошо знает все звуки, и этот какой-то новый, другой.

Джан поднимает голову, оторвавшись от лежащего на коленях плоского экрана. Вращает головой из стороны в сторону. Джан выработал почти сверхъестественную способность определять местоположение нанозвуков, которым дозволено проникнуть в его мир, и расстояние до них. Он такой же чуткий и странный, как

летучая мышь. Два-три квартала к югу. Вероятно, проспект Неджатибей. Из окна гостиной виден кусочек проспекта, а если забраться на террасу на крыше, которая выходит на Киноварный переулок, то видна серебристая полоска Босфора.

Мать хлопочет на кухне, готовит завтрак из йогурта и семян подсолнечника, который, как она считает, полезен для сердца Джана.

— Не беги! — жестом показывает она. У Шекуре Дурукан множество масок, которые она надевает, чтобы усилить жестикуляцию. Конкретно это выражение лица означает: ужасно-устала-повторять-я-же-волнуюсь.

— Это бомба! — кричит Джан. Джан отказывается пользоваться языком жестов. С его слухом все в порядке. Проблемы с сердцем. С маминым слухом тоже все нормально. Джан часто забывает об этом.

Джан обнаружил, что величайшая способность, которую он только может проявить в этой квартире на пятом этаже, — повернуться спиной. Половину мира можно игнорировать. Мать не осмелится кричать. Один-единственный крик может убить.

Синдром удлиненного интервала QT. Сухое название, подходящее для заполнения бланков.

Стоило дать болезни наименование «кардиошок» или «резкий сердечный приступ», что-то похожее на название документального телесериала про всяких «уродцев», в котором рассказали бы о девятилетием мальчике со странной и потенциально смертельной болезнью сердца. Узоры хаоса текут сквозь сердце Джана. Ионы калия и натрия сталкиваются, превращаясь в волны и кривые фрактальной красоты, напоминающие черные тюльпаны. Шок может нарушить эти синхронизированные электрические импульсы. Единственного громкого звука достаточно, чтобы остановить его сердце. Джана Дурукана могли бы убить вой автомобильной сирены, треск опускающихся жалюзи, внезапный крик муэдзина[5] или лопнувший воздушный шарик. Поэтому Шекуре и Осман разработали для сына непроницаемый приглушенный мир.

Одиссей, древний мореплаватель, бороздивший эти узкие проливы, заткнул своей команде уши воском, чтобы противостоять убийственным песням сирен. Ясон, более коварный герой, сам заглушил сирен с помощью божественной арфы Орфея. Беруши Джана вдохновлены обоими

---

[5] Примечания: 5
Служитель мечети, призывающий мусульман на молитву.

этими героями. Они изготовлены из «умного» полимера с вплетенными наносхемами. Беруши идеально подходят под контуры ушных раковин мальчика, но не обеззвучивают реальность, а впитывают, трансформируют, изменяют звуковые волны и подают обратно, практически заглушив ее. Практически. Заглушить полностью означало бы глухоту. А так в уши Джана просачивается шепот мира.

Раз в месяц мать вынимает умные маленькие беруши, скрученные по спирали, чтобы вычистить ушную серу. Это чреватые опасностями полчаса, которые Джан с матерью проводят в специально оборудованной кладовой, куда они втискиваются вплотную, как зернышки граната. Стены и потолок обиты звукопоглощающими материалами, не хуже, чем в студиях звукозаписи, но мать Джана все равно пугается и делает большие глаза при каждом приглушенном стуке или треске, который просачивается по старым деревянным перекрытиям текке. Это время, когда она говорит с ним тишайшим шепотом. Полчаса в месяц Джан слышит голос матери, пока она обрабатывает его ушные каналы ватными палочками, пропитанными лекарством.

День, когда звуки исчезли, — самое первое

воспоминание, которому доверяет Джан. Ему было четыре года. Белая квадратная больница, современная, вся из стекла, казалось, сверкала на солнце. Это была очень хорошая больница, как сказал отец. И дорогая, добавила мать; она периодически повторяла это, напоминая Джану о страховке, из-за которой они живут в ветхом старом текке в поблекшей части города. Джан и так понял бы, что больница дорогая, поскольку она стояла у воды. За окнами клиники проплывал огромный корабль, нагруженный контейнерами, он был ближе и больше, чем любой из виденных им ранее движущихся объектов. Мальчик сидел на одноразовой простыне, болтал ногами и наблюдал, как корабль постепенно появлялся в окне, пока не занял всю его площадь. Врачи осматривали его уши.

— Что он чувствует? — спросил отец. Джан повернул голову в одну сторону, потом в другую, ощущая, что в ушах появились какие-то новые посторонние предметы.

— Некоторый дискомфорт будет сохраняться пару дней, — сказал врач. За окном двигался огромный корабль, похожий на гигантский остров. — Вам придется раз в месяц чистить их. Электроника тут крепкая. Не бойтесь сломать. Ну

что, опробуем? Джан…

И тут его слух резко сел, все звуки в мире сместились к самому дальнему краю вселенной. Доктор, отец звучали как крошечные птички. Его собственное имя превратилось в шепот. Корабль молча проплыл мимо. Джану показалось, что это корабль увез прочь все звуки мира. Когда мальчик поднимается на террасу, чтобы поглазеть вниз на крутой спуск Киноварного переулка и на крошечный клинышек Босфора, он все еще надеется увидеть корабль, который снова привезет звуки обратно, каждый звук в отдельном контейнере.

В тот вечер мать приготовила ашуре.[6] Особый десерт для особого дня. Ашуре — важное угощение в их доме, они с востока.[7] Джан слышал историю о «десерте Ноя», о том, как его приготовили из последних семи продуктов, оставшихся к моменту, когда ковчег причалил к горе Арарат, слышал ее много раз из уст матери и бабушки, пока та была жива, но в тот вечер мама с папой

---

[6] Примечания: 6

Традиционный мусульманский пудинг, который принято готовить в каждом доме Турции на окончание Курбан-байрама в месяц благодарения.

[7] Примечания: 7

Т. е. семья мальчика — шииты.

рассказывали ее с помощью жестов. Объевшись сладкого и ерзая в кровати из-за дискомфорта в ушах, Джан не мог уснуть. На обоях с изображением Багза Банни вспыхнули яркие сполохи от каких-то воздушных взрывов. Мальчик распахнул ставни. Небо взрывалось. Над Стамбулом расцветал салют, рассыпаясь серебряным дождем. Желтые и синие дуги пронзали темноту. Бронзовые огоньки рассыпались серебром, перед этим вспыхивая золотом так высоко, что Джану пришлось запрокинуть голову, чтобы увидеть их. Все это сопровождал приглушенный стук и тихий свист, а взрывы звучали не громче, чем если бы кто-то ломал сухую корочку хлеба. Благодаря почти полной тишине огни казались ярче и удивительнее, чем все, что Джану доводилось видеть. Возможно, конец света в самом разгаре, семь небес разверзлись, и теперь поливают огнем землю. Залпы летели все выше и выше, Джан слышал их на периферии восприятия, звук напоминал щелчки стручков, из которых высвобождаются горошины. Теперь светящиеся армии сражались над солнечными водонагревателями и спутниковыми тарелками Стамбула: батальоны пылающих янычар, вооруженные яркими вспышками, и артиллерия против сверкающих

сипаев, которые шепотом скакали с одного края неба на другой. А над ними, чуть ниже, чем сами звезды, ангелы семи небес сражались с демонами семи адов, и в один обжигающий момент небо вспыхнуло так, будто свет всех звезд с рождения Вселенной одновременно долетел до Стамбула. Джан ощутил его серебристое тепло на своем поднятом лице.

Когда свет рассеялся, город вернул подарок. Сначала с Босфора раздалась тихая флейта корабельной сирены, объединившаяся в хор танкеров, паромов, судов на подводных крыльях и водных такси. Улицы откликнулись трамвайными звонками, нежными, как молитва, а потом более глухими металлическими гудками легковых и грузовых машин. Джан наклонился вперед, пытаясь услышать. Ему казалось, что он может различить танцевальную музыку, просачивающуюся из чайной на Адема Деде. Он чувствовал ритм музыки, пульс, который накладывался на его собственный. А на заднем плане человеческие голоса, громкие возгласы и улюлюканье, смех и пение, крики не выражали ничего, кроме радости в чистом виде, все звуки сливались в единую *толпу*. Для Джана все они звучали как свист. Люди наводняли улицы и маленькую площадь, где рас-

полагались две чайных и мини-маркет. Многие несли флажки, но чаще — бутылки. Джан не мог поверить, что на тесной и замкнутой площади Адема Деде живет столько народа. Автомобилисты без конца жали на клаксоны, а из окошек машин торчали развевающиеся флаги: турецкий с белым полумесяцем и звездой на красном фоне и какой-то синий флаг с золотыми звездочками, расположенными по кругу. Такие же флаги несли и люди на площади Адема Деде: полумесяцы и звезды. Джан наблюдал, как молодой парень, голый по пояс, пританцовывал, раскачиваясь из стороны в сторону, на балконе конака[8] на углу Киноварного переулка и переулка Украденных кур. Полумесяц и звезда с турецкого флага были нарисованы на его лице, и полумесяц выглядел так, будто парень улыбается. Он повернулся и помахал толпе, те помахали в ответ. Парень притворился, что собирается прыгнуть вниз. Джан затаил дыхание. Толпа, казалось, подзадоривала молодого человека. Внезапно он прыгнул. Джан навсегда запомнил, как парень летел в свете уличных фонарей, кожа поблескивала от пота, а

[8] Примечания: 8

Конак (турецк.) — особняк. Конаки использовались изначально как административные здания, но постепенно так стали называть и большие жилые дома.

сам он улыбался в лицо силе притяжения. Парень растворился в толпе. Джан так и не узнал, что же с ним случилось.

Он понял, что мать стоит за спиной, только по прикосновению к руке.

— Что происходит? — спросил Джан. Собственный голос показался тихим, как у ящерицы. Мать присела на корточки рядом с ним и прижалась губами к самому уху. Когда она заговорила, то Джан не только услышал слова, но и почувствовал, как губы щекочут ухо.

— Джан, милый, мы теперь европейцы.

Джан бежит через тихие коридоры дома дервиша. Он знает, откуда открывается самый лучший вид на мир за пределами дома. Взбегает наверх на террасу. Там пахнет нагревшейся на солнце деревянной садовой мебелью и увядающей геранью. Джан поднимается на цыпочки, чтобы выглянуть за шаткое деревянное ограждение. Родители заперли его в мире шепотов, но никогда не думали, что он может попросту упасть с террасы. Он видит дым, поднимающийся между кружащимися аистами. Дыма не так уж много. Это на проспекте Неджатибей, как он и думал. Потом его пальцы вцепились мертвой хваткой в балконные перила. Воздух над площадью Адема Деде

наполняется мелкой рябью, похожей на вихрь пыли или рой саранчи. Стая ройботов размером с насекомое несется на средней высоте, огибая фонари и электропровода, сливаясь в бурный поток между близко стоящими многоквартирными домами. Джан возбужденно колотит кулаком по ограждению. Любому девятилетнему мальчику нравятся роботы. На его глазах ройботы прямо в воздухе поворачивают и текут по крутому спуску Киноварного переулка, как вода по камням. В открытом небе над крышами, служившем танцевальным залом для аистов, ветер пересилил бы нанотурбодвигатели ройботов и рассеял бы их, как пыль. Джан замечает один рой внутри другого, поток внутри потока, странные течения, фрактальные формы, самоорганизующиеся общности. Господин Ферентину научил его видеть кровь под кожей мира: простые правила, состоящие из еще более простых, которые формируются в кажущуюся сложность величия.

— Обезьяна! Обезьяна! — кричит Джан Дурукан, когда хвост роя исчезает в закоулках Киноварного переулка. — За ними!

В темном уголке столовой что-то шевелится и снует за затейливой резьбой перегородки на террасе. Из закоулков и трещинок вылезают, катятся

и ползут маленькие механизмы. Катящиеся шары соединяются, превращаясь в бегущих крабов, ползучие существа с несколькими конечностями сплетаются, становясь лапами. Фрагмент за фрагментом разрозненные куски сами собой соединяются, пока не встает на место последняя деталь, и тогда пластиковая обезьянка прыгает вверх на балконное ограждение, цепляясь за него лапами и хвостом, и поворачивает усыпанную сенсорами голову в сторону хозяина.

Джан вытаскивает из кармана компьютер из смарт-шелка, разворачивает его и открывает тактильный экран. Он сгибает палец. Робот-обезьяна резко дергается. Джан тычет пальцем, и робот делает огромный скачок на линию электропередач и несется галопом, цепляясь всеми конечностями, чтобы пружиной прыгнуть на противоположный балкон, где соседка-грузинка упорно развешивает сушиться свое нижнее белье. Выше и выше. Джан видит, как обезьяна сидит на перилах: темный силуэт на фоне неба.

Игрушечные битботы Джана не могут сравниться с полицейскими роботами, стаей пролетевшими мимо него, но благодаря господину Ферентину их технические характеристики намного превышают заводские параметры. Джан

кликнул на иконку с изображением Обезьяны. Его битботы могли перевоплощаться в Птицу, Змею, Крысу и Обезьяну. Из этих четырех элементов они воссоздавали город, от которого мальчик был отрезан. Он видел мир их глазами. Джан возбужденно хихикает, пока, следуя за картинкой с многочисленных сенсоров Обезьяны, несется по крышам, маневрируя в лабиринтах антенн и проводов, перепрыгивая через целые пропасти между стоящими по соседству соседними конаками. С помощью карты и камеры, передающей картинку в режиме реального времени, Джан направляет взгляд сквозь крыши старого разрушающегося района Эскикей. Такое мог сделать только мальчик. Он немного супергерой, немного спортсмен-экстремал, немного трейсер,[9] немного ниндзя. Это самая увлекательная компьютерная игра. С одних перил на другие, потом на столб, а потом, цепляясь всеми четырьмя лапами и хвостом, слезть вниз по пластиковой вывеске «Альянс Страхование». Джан Дурукан прибывает на место взрыва, вися вниз головой на хвостике гигантской буквы «С».

Сплошное разочарование. Не такой уж и боль-

[9] Примечания: 9

Человек, занимающийся паркуром, то есть преодолением в движении препятствий различного характера.

шой взрыв. Подъезжают скорые, пожарные и полицейские машины с включенными мигалками, а также съемочные группы, но трамвай почти не выглядит поврежденным. Джан сканирует толпу. Лица, камеры, лица, камеры. Одно лицо среди толпы зевак он узнал: тот парень с крысиным лицом, который переехал в пустующее крыло старого дома, у него еще брат уличный судья или что-то типа того. Сначала Джана возмутило их незаконное вселение. Пустые комнаты, полные пыли и голубиного помета, были его неразведанной страной. Сперва Джан подумывал отправить Обезьяну, единственного своего агента, у которого есть руки, передвинуть вещи, притворившись, что это духи потревоженных старых дервишей, но Крысиная Морда может устроить ловушку на озорную Обезьяну и схватить ее прежде, чем та развалится на отдельные элементы и ускользнет. Наблюдение было игрой.

Крысиная Морда старается сбежать. Он чуть было не начал драться со здоровым мужиком в белой футболке. Что это он делает? Выглядит так, словно увидел привидение. Теперь он пробирается сквозь толпу. Если роботы, изучающие место преступления, заметят его, то выпустят свои жала. Будет весело. Джан все еще желал зла

Крысиной Морде и его братцу-кади,[10] вторгшимся в его священное пространство. Нет… ему удалось сбежать.

Обезьяна отцепила хвост от стойки, приготовившись прыгнуть обратно на крыши. Ничего интересного, чтобы запустить в Сеть. Тут Джан замечает какое-то движение в районе вывески «Коммерцбанка» на здании слева. Там что-то есть. Обезьяна поворачивает напичканную сенсорами голову и увеличивает изображение. Щелк-щелк-щелк. Какое-то движение, блеск пластика. Потом размытые движения складываются в единую картинку.

Джан задерживает дыхание. Он смотрит на морду такой же многоглазой обезьяны-робота. В этот момент голова обезьяны поворачивается, глаза-камеры из смарт-пластика расширяются, фокусируются, и вот уже обезьяна уставилась прямо на него.

Кондитер Лефтерес любил говорить, что все греки в Эскикей поместились бы в одной чайной. А сегодня они поместились и вовсе за одним столом.

— Вот и он!

---

[10] Примечания: 10
Мусульманский судья, вершащий правосудие на основе шариата.

Георгиос Ферентину идет вразвалочку через площадь Адема Деде. «Площадь» — слишком громкое название для того, что выглядит как расширение улицы, идущей мимо текке ордена Мевлеви.[11] Старый общественный фонтан расположен в стенной нише, но воды там нет с незапамятных времен, никто в Эскикей уже и не помнит, когда он работал. Места хватает, чтобы разместились две чайханы, киоск Айдына на углу переулка Украденных кур с впечатляющим выбором русских порножурналов, которые прицеплены бельевыми прищепками к тенту, «Наномарт» Арслана, «Развивающий книжный», специализирующийся на ярких книжках для младшего школьного возраста, и художественная галерея «Той Женщины». Айдын, распространитель порнографии, пьет утренний чай в чайхане «Фетхи Бей» на шаткой лестнице в брошенной части дома дервиша. Площадь Адема Деде слишком мала для двух чайных, но она достаточно большая для конкурентов.

— Жара, — хрипит Георгиос Ферентину.

Он обмахивается заламинированным меню. За-

[11] Примечания: 11

Орден крутящихся дервишей Мевлеви представляет собой мистическую группу, члены которой являются последователями великого поэта Мевляны.

каз неизменен, как камни собора Святой Софии, но Бюлент, владелец чайханы, всегда выкладывает меню. Этот дешевый ублюдок Айкут через площадь никогда себя этим не утруждает.

— Снова.

Он сильно потеет. Георгиос Ферентину — огромная туша, насаженная на миниатюрные ноги танцовщика, поэтому всегда кажется, что он раскачивается на детских качельках. Никто из его товарищей по чайхане никогда не видел, чтобы на нем было надето что-то, кроме брюк с высокой талией и белого хлопчатобумажного пиджака, который на нем и сегодня. Ну, может быть, шляпа в самый разгар лета, как в ужасном двадцать втором году, а еще, когда солнце садится и светит через прореху в небе над Киноварным переулком, пара крошечных темных очков, из-за которых его глаза превращаются в две черные изюминки. А когда (правда, с каждым годом все реже и реже) над площадью Адема Деде кружит снег, и любители чая вынуждены прятаться за окнами, запотевшими от дыхания, к наряду добавляются красный шерстяной шарф и великолепное черное пальто, делающие его похожим на старого крымского купца времен последних дней империи.

— Чертовски жарко, — соглашается Константин. — Уже.

— Мы оставили тебе ножку. — Лефтерес пододвигает тарелку через маленький столик кафе. На ней лежит марципановый агнец, уже утративший целостность. Его кудрявые желтые бока украшены нежными красными крестами из глазури. Более ста пятидесяти лет, с момента приезда из Салоник в столицу империи, семья Лефтерес изготавливает марципановых пасхальных агнцев для христиан Константинополя. Агнцы на Пасху, а засахаренные фрукты, глянцевые, со съедобными золотыми и серебряными листочками — дары волхвов — на Рождество. Мусульман Лефтерес тоже не обделял вниманием: делал кунжутные козинаки и пахлаву для праздника Шекер[12] Байрам, который празднуют в конце священного месяца Рамазан. Коробки специального лукума и фисташек в карамели для приглашенных на свадьбу и чтобы подсластить беседу. Семья Лефтерес продала лавку в конце прошлого века, но последний из рода Лефтерес все еще производит своих сладких агнцев и засахаренные фрукты, сласти, которыми лакомились

---

[12] Примечания: 12
Шекер (турецк.) — сладкий.

жители площади Адема Деде. Он до сих пор известен как Кондитер Лефтерес.

Бюлент ставит перед Георгиосом Ферентину неизменный стакан яблочного чая.

— А вот и отец, — говорит он.

Последний из четверых старых греков с площади Адема Деде тяжело опускается на свое обычное место рядом с Георгиосом Ферентину.

— Благослови вас Господь. — Отец Иоаннис с трудом вытягивает ноги под столом. — Проклятые колени. — Не говоря ни слова, Бюлент ставит перед ним нежный стакан в форме тюльпана с липовым чаем. Отец Иоаннис делает небольшой глоток: — Эх, здорово. А эти негодяи опять взялись за свое.

— Что натворили на этот раз? — интересуется Бюлент.

— Кто-то выплеснул ведро с мочой на крыльцо, половина затекла под дверь прямо в храм. Я с четырех утра пытался все там оттереть. Негодяи. Не могу только понять… Они же, должно быть, собирали такое количество несколько дней. Небось подростки, стояли вокруг ведра, мочились туда и хихикали.

— При условии, что это человеческая моча, — подает голос самый тихий из завсегдатаев

чайханы на площади Адема Деде. — Это могло быть какое-то крупное животное.

— В центре этого города? — усмехается отец Иоаннис. — В любом случае, храни меня Господь и Богоматерь, я знаю, как пахнет человеческая моча.

Константин Александрийский пожимает плечами и изучает сигарету, догоревшую почти до пожелтевших подушечек пальцев.

— Мне потребуется гора ладана, чтобы избавиться от этой вони до Пасхи, но кто за это заплатит? — ворчит отец Иоаннис. — Я не могу добиться, чтобы патриархат черепицу на крыше поправил.

Георгиос Ферентину думает, что на Пасху, наверное, пойдет в церковь Святого Пантелеймона. Он не верит в Бога, вера ниже его достоинства, но наслаждается умышленным безумием религии. Маленькая церковка спрятана в конце переулка, ответвляющегося от другого такого же переулка. Самая старая в Эскикей, церковь Святого Пантелеймона позволила целому району вырасти вокруг себя, как фрукту вокруг семечка. В церкви хранится тот самый меч, что стал мягким, как воск, и согнулся, вместо того чтобы обезглавить мученика, в честь которого названа церковь,

пока тот сам не решил, что настала пора умереть, и отличная коллекция икон святого покровителя храма. Некоторые иконы написаны в альтернативной русской манере, на них святой изображен с пригвожденными к голове руками. Женщина, которой принадлежит художественная галерея в бывшем помещении для танцев, сделала отцу Иоаннису заманчивое предложение продать эти мрачные иконы. Но иконы не его, чтобы продавать их. Георгиос Ферентину понимает, что если пойдет туда на Пасху, то, возможно, будет единственным посетителем. Ну, может, еще пара старых вдов, которые приезжают бог знает откуда, в черных, как вороново крыло, одеяниях. Даже до этнической чистки 1955 года вера в Эскикей пошла на спад. Однако в последнее время Георгиос почувствовал, как она украдкой пробирается обратно, просачивается тоненькими струйками, нащупывая дорогу по булыжной мостовой между камней. Эта вера более пронзительная, чем вера приверженцев святого Пантелеймона или последователей ордена Мевлеви. В ней есть восточный компонент. Она грубее, моложе, нетерпеливее и увереннее.

— Это все жара, говорю же, — говорит Кондитер Лефтерес. — Из-за жары у них крыша едет.

— И футбол, — добавляет Бюлент. — До конца недели наверняка прирежут кого-нибудь из английских фанатов. Это все жара и футбол.

Греки из чайной на Адема Деде кивают и негромко соглашаются.

— Ты закончил тот памфлет? — интересуется отец Иоаннис.

Лефтерес разворачивает лист бумаги формата А4 и перемещает в центр стола. Лист девственно чист.

— Я решил не делать этого.

Лефтерес, мастер сахара и сочности, пасхальных агнцев и золоченых фруктов, по совместительству местный памфлетист в Эскикей.

Назойливый парень, невозвращенный долг, громкая музыка в неурочный час, кто-то выкидывающий мусор в ваш контейнер — отправляйтесь в чайхану на Адема Деде. Заплатите, сколько он скажет. Недешево. Качество всегда стоит недешево. Но уже на следующее утро жители Эскикей обнаружат листок формата А4, всегда написанный от руки, прикрепленный кнопками к двери обидчика, приклеенный скотчем на окно дома или налепленный на лобовое стекло припаркованного автомобиля. В лучших традициях турецкого стихосложения, с использованием

соответствующего размера и высокого штиля будет перечислен каждый недостаток, высмеяна каждая черта, жестко раскритикована каждая интимная подробность. Лефтерес безупречно проводит свои изыскания. Памфлет бьет точно в цель. Толпа у дверей — древнее мощное оружие. Слова нового памфлета быстро распространяются. Люди приезжают издалека, из других районов, чтобы прочесть и восхититься. Существуют даже международные сайты, посвященные памфлетам Лефтереса, Кондитера из Эскикей.

— Ты сказал Сибел-ханым?[13]

— Вообще-то да, — говорит Лефтерес. — Она не обрадовалась, но я сказал, что часть моей миссии заключается в том, что я должен убедиться на все сто процентов: есть убедительный мотив и четкая социальная необходимость. Так всегда было. Всегда. Эта женщина не проститутка. Вот и все. Да, она грузинка, но это не делает ее проституткой.

С тех пор как жители Кавказа и Центральной Азии обнаружили, что для них открылся парадный вход в Европу, грузины, армяне, азербайджанцы, украинцы, а также рабочие из

---

[13] Примечания: 13
Ханым (турецк.) — госпожа.

Казахстана и Туркменистана, сирийцы, ливанцы, иранцы, курды десятками тысяч наводнили Анатолию, пряжку на поясе большой Евразии, которую держит Стамбул. Именно так Георгиос понял причину, по которой Лефтерес отказался сочинять памфлет. Стамбул и раньше был многонациональным городом, и понятно, что он вскоре снова станет настоящей мировой столицей. Время турок заканчивается. Грузины и греки в одинаковом положении — приезжие.

— Кстати, знаешь, кого я видел вчера на Гюнешли Сок? — спрашивает Константин. — Ариану Синанидис.

— Сколько уже прошло с тех пор, как она уехала в Грецию? — задает вопрос Лефтерес.

— Сорок семь лет, — говорит Георгиос Ферентину. — Что она тут делает?

— Либо речь о завещании, либо имущественный спор. Зачем еще сюда возвращаться? — хмыкает Константин.

— Не слышал, чтобы кто-то умер, — замечает отец Иоаннис. В таком тесном сообществе, как греческая диаспора в Стамбуле, где все друг друга знают, каждая смерть — это маленькая катастрофа.

И тут взрывается бомба. Звук взрыва глу-

хим эхом отражается от фасадов домов. Взрыв небольшой, едва отличимый от обычного шума утреннего трафика, но четверо мужчин за столом вскидывают головы.

— Как далеко?

— Я бы сказал, меньше километра.

— Намного меньше. Это мог быть просто детонатор.

— А где примерно, по-твоему?

— Я бы предположил, в районе площади Топхане.

— Никаких предположений, это точная наука.

Константин кликает по ленте новостей в смарт-газете, лежащей между чайных стаканов и кофейных чашек, и сообщает:

— Проспект Неджатибей. Бомба в трамвае.

За прилавком Бюлент сжимает кулак:

— Да-а-а!

— Вот ведь сукин сын! — восклицает Лефтерес. — Сколько он выиграл?

Георгиос Ферентину достает свой цептеп. Большой палец неуклонно скользит по иконкам.

— Рынок террора взлетел на двадцать пунктов.

— Господи Иисусе, помилуй всех нас, — говорит отец Иоаннис, сжимая четки.

— Тогда завтрак за счет заведения! — объявляет Бюлент.

Георгиос Ферентину никогда не считал экономику «мрачной наукой».[14] Для него это прикладная психология, самая гуманная из наук. В романе между желанием и неприятием есть глубокие человеческие истины, а в сложных хитросплетениях финансовых инструментов чувствуется утонченная красота, такая же отчетливая и изысканная, как любая из миниатюр исфаханской школы.[15] Слепая мудрость толпы не перестает удивлять его с тех пор, как он впервые обнаружил ее в банке с плюшевыми игрушками. Банка стояла на столе Гексел-ханым, его учительницы в начальной школе. Она привезла банку от сестры, которая жила в Форт-Лодердейле. Соблазнившись Микки-Маусом, она пустилась в плюшевый загул по всему Диснейленду. Гуфи, Микки-Маусы, Плуто, Стичи, маленькие Симбы были затолканы в банку, как маринованные огурцы, и глазели оттуда на восьмилетнего Георгиоса Ферентину. Чифтчи, как упорно называла его Гексел-ханым.

---

[14] Примечания: 14

«Мрачной наукой» экономику назвал Томас Карлейль.

[15] Примечания: 15

Одна из основных школ иранской миниатюры, сформировавшаяся на рубеже XVI–XVII вв.

Это турецкий вариант его имени. Чифтчи спрессованные фигурки казались странным образом притягательными. Это здорово, подумал он, быть запихнутым в банку, полную других мягких тел.

— Угадайте, сколько игрушек, — сказала Гексел-ханым классу, — и выиграете их.

Чифтчи был ленивым. Гексел-ханым талдычила об этом каждый день. Ленивым и тупым. Но ему хотелось заполучить банку с игрушками, а потому он сделал то, что сделал бы на его месте любой ленивый и тупой мальчишка. Он спросил своих одноклассников. Ответы варьировались от пятнадцати до пятидесяти. Ленивый, тупой и не желающий принимать решение Чифтчи сложил все ответы и поделил сумму на число учеников в классе, округлив ответ наудачу.

— Тридцать семь, — уверенно заявил он Гексел-ханым.

Их оказалось ровно тридцать семь. Гексел-ханым нехотя отдала ему банку. Он поставил банку на тумбочку и несколько месяцев любовался ею, наслаждаясь видом своих пленников. Однажды мама вытащила игрушки из банки, чтобы постирать, а потом вернула на место, но внутрь попала влага, и за две недели игрушки позеленели, завоняли, и пришлось их выкинуть. Это было первое

знакомство Георгиоса с силой обобщения. Толпа решает.

Рынок есть для всего. Долги. Загрязнение атмосферы углекислым газом. Объем будущих урожаев апельсинов в Бразилии и добычи газа на Украине. Полосы частот электросвязи. Страховка на случай непогоды. Покупай дешево, продавай дорого. Личная выгода — это мотор, обобщение, как тогда в классе в семьдесят первом году, движущий механизм. Георгиос Ферентину просто распространил принцип свободного рынка на терроризм.

Рынок работает так: существует сеть, объединяющая по всему Стамбулу тысячу брокеров. Это самые разные люди, от студентов, изучающих экономику, до школьников и их матерей и до настоящих брокеров на Стамбульской углеродной бирже. Всю ночь участники прочесывают новостные сети — глубинные каналы, которые остались у Георгиоса после того, как он покинул академические круги, и менее «благородные» источники, например, чаты, форумы, социальные и политические сети. К утру составляется длинный список потенциальных будущих новостей. Первая задача Георгиоса Ферентину с утра, еще до того, как он выпьет чай на завтрак в чайхане

на Адема Деде, прямо в тапочках и пижаме, — набросать список торгуемых контрактов. К тому моменту, когда он бредет через площадь к своему столику, предложения разлетаются по городу, словно парящие аисты, поступают заявки. Я куплю двадцать контрактов номиналом по сто, что «Галатасарай» победит «Арсенал» со счетом 2:1 в четверг. Сколько вы готовы заплатить? Зависит от того, насколько вероятной вам кажется победа «Галатасарая» над «Арсеналом» со счетом 2:1. Это самый простой фьючерсный контракт, обычная спортивная ставка. Существует точное время окончания, когда контракт выполнен — звук финального свистка судьи на стадионе клуба «Галатасарай», — и простая система выплат. Единственное, что вам нужно решить, — за сколько вы готовы купить эту выплату, а остальные должны решить, сколько заплатят, чтобы выкупить у вас этот контракт. Все торги — это ставки.

Сколько вы заплатите за контракт номиналом в сто, если ставка на то, что цена на газ поднимется на пятнадцать процентов к закрытию торгов в следующий понедельник? Тридцать? Пятьдесят за сто? А если вы увидите, что цена на углеродной бирже поднимается? Семьдесят? Восемьдесят?

Превратите цены в проценты и получите вероятность, и тогда сможете предсказывать будущие новости.

Тридцать, пятьдесят, сто, но чего? Кудосы[16] — искусственная валюта на рынке террора Георгиоса Ферентину. Легкие виртуальные деньги, не имеющие запаха, зато имеющие ценность. Кудосы — не просто очки в игре. Их можно обменять на другие валюты, имеющие хождение в виртуальном мире, социальных сетях или онлайн-играх, часть из которых можно конвертировать в настоящие деньги, наличность в кармане. Ими можно торговать. Это еще один из экспериментов Георгиоса Ферентину в области поведенческой экономики. Кудосы чего-то стоят. Георгиос Ферентину понимает, что никакой рынок не может существовать без реальной выгоды и возможности реальных потерь. Деньги заставляют его работать.

Вот вам еще один контракт. Номинал сто кудосов. Во время нынешней жары в общественном транспорте Стамбула прямо на главной магистрали произойдет самоубийство. Купите?

Георгиос Ферентину проверяет окончательную

---

[16] Примечания: 16

От англ./греч. «kudos» — почет, признание, капитал, деньги.

цену. Восемьдесят три кудоса. Высокая, учитывая обилие спорных моментов: время после взрыва на автобусной остановке, заявление Анкары о запрете деятельности политических организаций, настроенных против секуляризации государства, возможность того, что жара может закончиться яркой вспышкой среди минаретов Стамбула. Он проверяет динамику цены с момента предложения контракта. Она росла так же стабильно, как температура на термометре. Вот оно, чудо рынка террора. Купля-продажа и мелочная жадность — более могущественные пророки, чем эксперты службы национальной безопасности и модели, выстроенные искусственным интеллектом. Сложное поведение на основе простых процессов.

Женщина, которой принадлежит религиозная художественная галерея на первом этаже обители дервишей, пересекает площадь. Она садится на корточки, чтобы открыть защитные жалюзи. Каблуки немного приподнимаются над землей, и она балансирует на подушечках пальцев. На ней добротные ботинки, узорчатые чулки, не слишком короткая элегантная юбка и хорошо сшитый пиджак. Жарковато для такой погоды, но стильно. Георгиос Ферентину наблюдает, как

женщина тянет жалюзи вверх. Такая кажущаяся легкость стоит дорогих походов в спортзал. У нее звонит цептеп, звонок — брызги серебряной музыки ситара.[17] Георгиос Ферентину смотрит в сторону с выражением сожаления на лице. Когда-то и им тоже восхищались. Тут его внимание привлекает какое-то волнение в воздухе, словно марево от жары, туча мелких насекомых, визуальный эквивалент сверкающего глиссандо цептепа хозяйки галереи.

Рой машин размером с комара кружит в душном воздухе над площадью Адема Деде. Даже мальчик, который несет из киоска Айдына симиты, бублики, присыпанные кунжутом, смотрит наверх. Затем облако нанороботов течет по Киноварному переулку, как вода через плотину, повторяя ступенчатый рельеф под ними, омывая движущихся по ступенькам вверх и вниз школьников, женщин, старую Сибел-ханым. Лети за роем. Избегай ближайших соседей, но старайся держаться от них на одинаковом расстоянии. Сплоченность, четкая схема, разграничение. Три элементарных правила, основа сложной текучей красоты.

---

[17] Примечания: 17

Ситар — многострунный индийский музыкальный инструмент.

Боковым зрением Георгиос Ферентину замечает маленькую обезьянку-робота, которая суетливо перемещается вдоль электрических проводов, чтобы перепрыгнуть на балкон грузинки — нарушительницы общественного покоя. В странном мире живет этот мальчик, думает Георгиос. Мир шепотов, далеких перезвонов на краю слышимого диапазона звуков, похожих на ангельские голоса. Но намного ли он страннее, чем у четырех старых греков, которые дрейфуют десятилетиями на обломках истории, собираются за чаем и пончиками, чтобы предвидеть будущее?

Ариана вернулась. Прошло почти полвека, и вот она в Эскикей. Этого не могли предсказать ни сделки, ни игры на бирже, ни прогнозы. Ариана вернулась, и теперь стало небезопасно.

Ялы[18] нависают над соленой водой, балкон над балконом. Аднан открывает деревянные ставни, ведущие на террасу на крыше. Утренняя жара смешивается с прохладными витками воздуха с Босфора. Течение темное. Аднану Босфор всегда казался темным, темным, как кровь, темным, как родовые пути. Босфор, по его ощущениям,

[18] Примечания: 18

Дома, построенные непосредственно на берегу, в буквальном переводе — «дача».

глубокий, глубокий и засасывающий. Аднан понимает, откуда берется этот страх: из отцовской лодки и бесчисленных залитых солнцем дней, которые он в детстве буквально прожил на воде. Вот почему мерилом успеха для него всегда был дом у кромки воды. Это притягательная сила страха, напоминание, что все нажитое можно по неосторожности потерять в любой момент. Утреннее солнце превращает борт русского газовоза в сплошную стену света. Чудовище. Аднан Сариоглу улыбается сам себе. Газ — это мощь.

— Один миллион двести, говорите?

У дверей ждет агент по недвижимости. Он еще толком не проснулся, но уже побрит и в костюме. Надо рано вставать, если хочешь продать что-то газовым магнатам. Делец дельца понимает.

— Это очень популярное место, и, как видите, можно сразу въехать. У вас будет собственный причал и терраса на берегу.

Аднан Сариоглу снимает видео.

— На эту недвижимость повышенный спрос, — риелтор гнет свою линию. — Эти старые ялы быстро уходят.

— Разумеется, — кивает Аднан.

Это не настоящая ялы, те давным-давно раскуплены и либо рассыпаются под весом гниющего

дерева в заброшенных бухтах Босфора, либо сгорели десятки лет назад. Это подделка, но хорошая. Турция славится умелыми подделками. Но это намного лучше, чем ненавистная клетушка на восьмом этаже многоэтажки, зажатой между грохотом скоростной магистрали и ревом мечети.

Аднан обводит цептепом террасу, делая панорамный снимок, мысленно уже заполняя пространство аскетичной скандинавской мебелью. Тут можно обустроить офис. Кожаные кресла, старые оттоманские кофейные столики, глянцевые журналы и убийственная стереосистема. Он бы приходил сюда по утрам и вызывал бы аватары, которые кружились бы и называли спотовые цены[19] от Баку до Берлина. Крупные дилеры, так называемые паши, так и работают: кто из яхт-клуба, кто из спортивного зала, кто из ресторана. Деньги из воздуха. Да, это подходящий дом, чтобы основать собственную династию. Аднан не может себе его позволить. Риелтор наведет справки и обнаружит эту деталь, но также обнаружит, что Аднан принадлежит к типу людей, у которых потенциально могут появиться деньги, даже нет, деньжищи; именно поэтому агент

[19] Примечания: 19

Текущая цена, по которой определенный товар может быть куплен или продан в указанное время и в определенном месте.

по недвижимости встал еще затемно, принял душ, побрился, подушился и надел приличный костюм.

Аднан направляет цептеп на воду. Наводит фокус на дома в пастельных тонах на европейском берегу. Машины больше, яхты быстрее, гавани глубже, дальше от соседских теней. Деньги и качество всегда прибивались к краю Европы. Аднан бросает оценивающий взгляд и переводит цептеп обратно. Между лоснящимися новенькими ялы двадцать первого века с их полисинтетическими крышами виднеется груда бревен, седая и одинокая, как вдова, — крыша просела, передняя стена покосилась в сторону моря, деревянные рамы без стекол наполовину заколочены. Призрак дома, брошенный и всеми забытый среди молодых, высоких и лощеных соседей. Настоящая ялы. Должно быть, дом стоял, гния год за годом, со времен Оттоманской империи. Аднан наводит резкость на пустые окна, провисшие балки и карнизы. Он даже подумать боится, во что обойдется вернуть дом в пригодное для жизни состояние, не говоря уже о том, чтобы превратить развалину в место, где будут расти его будущие дети, но знает, куда отправится дальше. Он начинает тут, а заканчивает в тени моста, на краешке Европы.

Боковым зрением Аднан замечает дым. Прямой, как мачта, столп дыма поднимается в ясное голубое небо. В тот же миг Аднан наводит фокус на источник дыма. В цептепе тут же выскакивает карта, указывающая местоположение интересующего объекта — Бейоглу. Тут же в сводках спотовых цен на газ на его сетчатке пробегает новостной жучок: «БОМБА В ТРАМВАЕ НА ПРОСПЕКТЕ НЕДЖАТИБЕЙ. ФОТО СЛЕДУЮТ».

Айше ездит на этом трамвае.

Ее цептеп звонит три раза, четыре, пять, шесть.

— Привет!

— Что-то ты долго.

— Да жалюзи застряли хуже обычного. Надо поменять.

— Так ты пропустила бомбу?

— А, на проспекте Неджатибей, что ли? Только что мимо промчался рой полицейских роботов.

Аднану становится интересно: то, что жена не от мира сего, связано с природной аристократичной бесстрастностью, или это какое-то излучение от предметов искусства, которые ее окружают? Эта лавка ориентирована на менеджеров хедж-

фондов[20] и карбоновых пашей, которые хотят инвестировать небольшую сумму в религиозное искусство, не настоящий бизнес. Типичное дамское занятие. Айше бросит лавку, когда они переедут сюда и пойдут дети.

— Это был твой трамвай.

— Ты не помнишь, я ведь сказала, что сегодня еду пораньше. У меня встреча с потенциальным поставщиком перед работой.

— Береги себя. Такие теракты никогда не происходят по одному.

— Договорились, буду высматривать террористов-смертников. Как тебе ялы?

— Я пришлю тебе видео. Вернусь, наверное, поздно. Попытаюсь добиться встречи с Ферид-беем[21] сегодня вечером. — Он упоминает имя не только для жены, но и для агента по недвижимости.

На минуту повисает молчание, которое эквивалентно раздраженному вздоху.

— Ну, тогда увидимся, как придешь.

---

[20] Примечания: 20

Инвестиционная компания, скупающая и продающая ценные бумаги конкретных фирм и выпусков.

[21] Примечания: 21

Бей — обращение к уважаемому лицу, аналогичное европейскому «господин», «мистер» и т. п.

Далеко за полночь он просочится через свет задних габаритов, которые изгибаются аркой через мост, в свою квартирку на восьмом этаже. Она, возможно, будет смотреть телевизор, или посматривать одним глазком, складывая белье в стиральную машину, или, если встреча затянется, уже ляжет в постель. Тогда Аднан скользнет под одеяло, не включая свет, что-то быстро пробормочет, когда жена, будто дельфин, выплывет на поверхность сна, затем он прижмется твердой теплотой члена к ее гладким ягодицам, нагревшимся под одеялом, а жена будет прижиматься к нему в ответ, а потом он провалится в сон так быстро, что даже не успеет дернуться от ужаса перед погружением на глубину, и в нос ударит сладковатый запах кондиционера для белья. Это не жизнь. Но он видит конец такой жизни. Еще несколько дней потрудиться, и все.

— Так значит, миллион двести? — переспрашивает Аднан.

— У нас много желающих, — мямлит риелтор.

— Я дам вам миллион сто.

— Нам обычно предлагают выше запрашиваемой цены.

— Разумеется. Только это не предложение, а реальные деньги. Наличкой.

Риелтор волнуется. Аднан втолковывает ему:

— Один миллион сто тысяч евро наличкой в вашем офисе к полудню пятницы.

— Ммм… мы обычно не ведем расчеты наличными.

— Не ведете? Наличность — царь всего, вот что такое наличность. Делай с наличкой все, что можно. Пятница. Обеденный перерыв. У вас на столе контракт, я подписываю его, пожимаю вам руку, и вы забираете мою гребаную наличку.

Через три минуты машина Аднана Сариоглу скользит по въезду на мост, ускоряясь в потоке машин, движущихся в сторону европейской части города. Автопилот вносит микрокорректировы в скорость, а другие транспортные средства считывают сигналы Аднана и соответствующим образом подстраивают расстояние и скорость под стать ему. Неутомимый транспортный насос каждую секунду подталкивает и приструняет стадо машин, движущихся через Босфорский мост по каждой из дорожных артерий огромного города.

В конце каждого часа информация для водителей. Новость о взрыве уже не на первом месте. Никто не умер, кроме самой смертницы. Это женщина. Необычный случай. Ее на том свете не ждут награды рая, лишь вечность в браке

все с тем же старым козлом. Что-то неладно в семье. Так обычно и бывает. Мужчины умирают за абстрактные идеи, женщины — за свои семьи. Нет, самая важная новость — это погода. Жара, жара и снова жара. Тридцать восемь градусов, влажность восемьдесят процентов, и никакого просвета в обозримом будущем. По нижней части лобового стекла ползет информация по спотовым ценам на дальневосточный газ, и Аднан удовлетворенно кивает. Его опцион на поставку каспийского газа в течение сорока восьми часов ударит по страйкам[22] сегодня утром. Приятный маленький заработок. Ему потребуются комиссионные за опцион для нескольких приобретений на торговой площадке Turquoise,[23] Бирюзовой площадке. Наличность — царь и бог. Аднан засовывает в ноздрю носик ингалятора. Поток вдыхаемых наночастиц распространяется по переднему отделу головного мозга, и цифры становятся четкими, зрение фокусируется. Аднан воспаряет над золотым сукном сделок и их производных, над спотами и страйками. Только

---

[22] Примечания: 22

Страйк — цена исполнения.

[23] Примечания: 23

Панъевропейская электронная торговая площадка, созданная в 2008 году.

наночастицы, способствующие концентрации, помогают Аднану выбрать один узор из всего полотнища транзакций. Старым трейдерам приходится использовать их все чаще, чтобы угнаться за молодыми турками. Он видит дрожь их рук, затуманенность глаз, пока едет с ними в скоростном лифте на подземную парковку после окончания торгов. Нано, каспийский газ, $C0_2$ и трейдеры — разные ипостаси углерода.

Музыка: особый звонок на вызовы его паши, его «белого рыцаря».[24] Аднан переводит вызов на лобовое стекло.

— Аднан-бей.

— Ферид-бей.

Это толстомордый гладковыбритый мужчина, его кожа настолько глянцевая, что похожа на кукольную. Аднан навел справки; он вспоминает, что этот Ферид очень тщеславен и очень следит за собственной внешностью.

— Да, мне интересно. Разумеется, мне нужно больше деталей, но думаю, мы сможем сотрудничать. После семи тридцати буду в банях хаджи[25]

---

[24] Примечания: 24

«Белый рыцарь» — дружественный инвестор.

[25] Примечания: 25

Хаджи — почетный титул мусульманина, совершившего хадж, т. е. паломничество в Мекку.

Кадына.

Он раскатисто смеется, хотя в сказанном нет ничего смешного.

— Там и увидимся.

Звонок окончен. «Ауди» снует в потоке других машин, а Аднан Сариоглу постукивает по приборной панели и улюлюкает от восторга. Раздается новый звонок. На этот раз мелодия более попсовая, мотивчик из мультипликационного телесериала, на котором выросли Аднан и три его приятеля по «Ультралордам Вселенной».

— Здорово, Драксор.

— Здорово, Террак.

Аднан и Огюз вместе закончили MBA и пошли работать в Озер. Аднан окунулся в сферу первосортных углеводородов и виртуальных денег, а Огюза закачало в дистрибуцию, в слишком уж осязаемый мир трубопроводов и компрессионных станций, танкерных причалов и пересыльных узлов. Слишком низко, никакого тебе гламура, никаких ланчей в «Олкей» или шампанского в «Су» после получения премии. Слишком просто недооценить. Вот почему, когда идея касательно Бирюзовой площадки блеснула, как молния, во всей своей полноте, пока Аднан скользил в лифте по стеклянной поверхности башни Озер, Огюз

стал первым из старых друзей по колледжу, кому он позвонил.

— У Волкана в двенадцать тест на уровень физической подготовки.

— Он ни за что его не пройдет, — говорит Аднан. — Жирный ублюдок настолько растерял форму, что не может даже до кончиков ног дотянуться.

Лицо Огюза на смарт-стекле усмехается. Четверо ультралордов Вселенной были еще и ярыми болельщиками «Галатасарая». За свои премии они могли легко позволить себе корпоративную ложу на Аслантепе, но им нравилось на трибунах рядом с обычными болельщиками с их кебабами и маленькими фляжками с ракией.[26] Джимбом![27] Джимбом! Джимбом! Ракия — напиток воинов. Ультралорды умеют ходить на матчи. Дело не в спорте. Нет такого понятия «спорт». Главное — увидеть, как проиграет команда противника. Одного миллиона голов будет недостаточно, чтобы разгромить противников. Когда Аднан там с остальными парнями, ему хочется увидеть, как противники умрут прямо

---

[26] Примечания: 26

Ракия — фруктовая водка.

[27] Примечания: 27

Прозвище команды «Галатасарай» среди болельщиков.

на трибунах. Римляне были правы. Это война. Крови нам, крови!

— Ну и где ты? — спрашивает Огюз.

Аднан включает транспондер. На лобовом стекле поверх усмехающегося лица Огюза накладывается карта центрального Стамбула. Огюз на севере, на мосту Султана Фатиха. Расстояния сопоставимые, водительская программа рассчитывает плотность трафика, жокей-приложение генерирует ставки. Улыбка Огюза становится шире. Ему нравятся такие пари.

— Пятьсот евро.

— Восемьсот, — Аднану тоже нравятся такие пари. — И расходы сверху!

В уличных гонках ультралордов Вселенной существует свой этикет: расходы сверху означают, что проигравший оплатит все штрафы, которые придут победителю.

— Да поможет мне стихия воздуха! — кричит Аднан. — Три, два, один!

Он дергает за рычаг рулевого управления и отключает автопилот. Раздается сигнал тревоги, но Аднан игнорирует его и вдавливает педаль в пол. Мотор едва повышает голос, но машина мчится вперед. Соседние машины, движущиеся на автопилоте, нервничают и расступаются, как

испуганные цыплята, когда Аднан ввинчивается между ними. Пора оторваться от стада. Аднан Сариоглу хохочет, пробиваясь сквозь пробки. «Ауди» наклоняется в сторону, как мотоцикл, когда Аднан перестраивается из одной полосы в другую. Машины расступаются, как головные волны от русских танкеров. Игра в разгаре. Аднан ощущает, как внутри нарастает гул, гул, который никогда не исчезает, гул в нанотюнингованном двигателе немецкого авто, предназначенного для езды по городским улицам, и в нем самом, пока Айше прижимается к нему в те ночи, когда он проскальзывает домой в темноте, пока она бормочет что-то и открывается его движениям, но сильнее всего этот гул слышен в реве газа, который со свистом проносится по газопроводу на дне Босфора, прямо в мир денег, гул — это сделка, каждая сделка, каждое закрытие биржи. Гул, который ни на минуту, ни на секунду не прекращается. Через семь минут он обгонит Огюза на триста евро и десяток штрафов с камер слежения. Вечером он встретится с главой самого жирного хедж-фонда Стамбула. В пятницу он с грохотом поставит чемодан, полный банкнот, перед риелтором с глазами цвета мочи в его дешевом блестящем костюме из «Лидл» и увековечит имя

Сариоглу на водах Босфора. Это игра, всего лишь игра, всегда лишь игра.

Ангел слеп и прикован железным обручем за правую ногу. Вместо глаз — пустые каменные орбиты. Он обнажен и окутан пламенем, удивительно мускулистый и сухопарый, но при этом бесполый. Ангел летит благодаря силе собственной воли, простирая руки, нацеленный, но не отдающий себе отчета, слепой в своей слепоте, сдерживаемый лишь железным обручем. Левая рука слепого ангела тянется к ребенку. Он ощущает его каким-то иным чувством, нежели зрение.

Второй ангел бережно уносит ребенка прочь от этой хватки. Он тоже мужчина, причем уже вполне определенно, но признаки мужественности закрывает нога ребенка. Ангел стоит на ленте из облаков над бескрайним морем и смотрит на своего слепого собрата с выражением непонимания. Ребенок крепко сбитый, невероятно мускулистый, смотрит в сторону и тянет руку в мольбе о помощи. У него очень кудрявые волосы. Ангел-спаситель выглядит как какой-то хлыщ. Вся страсть, вся энергия заключены в слепом горящем ангеле.

— Уильям Блейк. «Добрый и злой ангелы», — говорит Айше Эркоч, склонившись над карти-

ной. — Я люблю Уильяма Блейка. Мне нравится его видение, мне нравится пророческий огонь, который пропитывает его живопись и поэзию, мне нравится полнота его космологии. Я изучала Уильяма Блейка, читала Уильяма Блейка, видела полотна Уильяма Блейка в фолиантах и в Лондоне. В редких случаях мне доводилось продавать Уильяма Блейка. Настоящего Уильяма Блейка. Но это не Уильям Блейк. Это мусор. Бумага не та. Рисовал как будто пятилетний ребенок. Я отсюда чувствую запах побелки. Еще и ошибка в надписи. Это оскорбление для моего профессионализма.

Щеки Топалоглу мелко дрожат от смущения. Айше подумалось, что они похожи на два куска испортившейся печени. Субпродукты на подпорке из широких крестьянских усов.

— Я не хотел вас обидеть, госпожа Эркоч.

— Существует огромная — нет, даже колоссальная разница между предметами «неясного происхождения» и откровенной подделкой с Гранд-базара,[28] — продолжает Айше. — Если я вижу ее, то и покупатели увидят. Они осведомлены как минимум не хуже меня. Это коллекционе-

[28] Примечания: 28
Один из крупнейших крытых рынков в мире.

ры, страстные поклонники, инвесторы, которые искренне любят религиозное искусство, и только его. Им плевать, откуда я взяла тот или иной предмет, главное, чтобы он был подлинным. Стоит только моим покупателям услышать, что я торгую подделками, и в ту же секунду они переметнутся в галерею изящных искусств Анталии или в Сальянскую галерею.

Топалоглу кажется еще более униженным. Дешевый мелкий торгаш с душой продавца ковров, думает Айше. Абдуррахман порекомендовал его Айше как человека, который может достать исфаханские миниатюры. Придется переговорить с Абдуррахман-беем.

— Возможно, мне придется пересмотреть наши деловые отношения.

Теперь он бледнеет. Хафизе, помощница в галерее, любительница подслушивать и совать нос в чужие дела, поспешно ставит его стакан на поднос. Она снова в хиджабе. Айше нужно будет поговорить с ней. Хафизе стала более упрямой в демонстрации своей веры, с тех пор как в старом крыле, где раньше располагалась кухня, начали встречаться члены тариката, группы по изучению ислама. Айше видела, как молодые люди смотрят на нее, когда она вечером закрывает га-

лерею. Они хотят, чтобы Айше убралась вместе с ее идолопоклоннническими изображениями. Ага, пусть попробуют. У семьи Эркоч хорошие связи и толстые кошельки.

— Что у вас еще есть? — спрашивает Айше.

Топалоглу выкладывает миниатюры как гадательные карты. У него ослиные зубы, желтые пластинки эмали. От их вида Айше нехорошо. Она наклоняется над миниатюрами, разложенными на столе в отдельном кабинете, и настраивает увеличительное стекло на своем цептепе.

— Они подлинные, — блеет Топалоглу.

И плохонькие, думает Айше, сканируя мазки, окантовку, мельчайшие детали фона. Миниатюры школ Исфахана и Топкапи были работой многих мастеров. Каждый художник специализировался на чем-то одном и всю жизнь совершенствовался в своей области. Были мастера розы, облаков, скал, а также маэстро, который никогда ничего не писал, кроме плитки. Это явно работы учеников. Слишком силен контраст между тщательно прорисованными фигурами и «сырым» фоном. Не развито еще внимание к микроскопическим деталям. Великие миниатюристы, анонимные и идентифицируемые только по стилю, могли нарисовать решетку, оконные

ставни, плитку на стене самым кончиком кисти. А это штамповка томов суфийской поэзии, такие мелкие паши и беи скупали целыми полками, чтобы произвести впечатление на своих домашних.

— Мусор. Мусор. Мусор. Все? А что в обувной коробке?

Топалоглу прижимает коробку, наполовину скрытую полой пиджака, к себе. Коробка из-под кроссовок «Найк», модель пятилетней давности, как замечает Айше. По крайней мере сегодня на нем подобающие для такой встречи ботинки, начищенные до блеска. По опыту Айше, обувь может многое сказать о человеке.

— Несколько вещиц, которые вы, возможно, назовете безделушками.

— Покажите.

Айше не дожидается, когда Топалоглу откроет коробку, и срывает крышку сама. Внутри действительно громыхает всякий мусор: армянские кресты, православные кадила, пара зеленоватых обложек Коранов. Туристическая белиберда с Гранд-базара. Вдруг среди потускневшей латуни блестит серебро. Миниатюрные Кораны. Айше с жадностью выкладывает их в ряд на столе. Свет лампочек, встроенных в потолок, отражается

бриллиантовыми искрами от книжиц размером с большой палец.

— Вот это мне интересно.

— Это безделушки для паломников по двадцать евро, — говорит Топалоглу.

— Для вас, господин Топалоглу. Для меня и для коллекционеров это истории. — Айше стучит по покрытому гальваническим серебром футляру XX века, увеличительное стекло в виде глаза, традиционного амулета «бонд-жук», защищающего от порчи. — Некий юноша отправляется служить в армию. Мать, как ни пыталась, не смогла пристроить его в какое-нибудь тихое местечко типа туристической полиции, поэтому дает с собой Священный Коран. Как говорится, носи при себе слово Всевышнего, и Всевышний прижмет тебя к своей груди. — Еще один Коран начала XIX века, золоченый футляр, очень тонкая работа. — Купец из Коньи после долгих лет накопления капитала наконец освобождается от земных забот, чтобы совершить хадж. Наложница дарит ему этот Коран на память. Помни, мир ждет тебя.

— Откуда вы знаете, что этот Коран из Коньи?

— Выполнен в стиле Мевлеви, но не сувенир на память о паломничестве Руми, те как раз дешевый туристический мусор в массовом произ-

водстве. Нет, здесь куда более изысканная работа. Чувствуются деньги и вера. Как только вы научитесь видеть, то услышите и истории. — Айше кладет палец на крошечный серебряный Коран, который по размерам не превышает большой палец и нежен, как молитва. — А это XVIII век, Персия. Но здесь только половина. Священный Коран разделен? — Она открывает миниатюрный футляр и кладет персидский текст на ладонь. — Что за история за ним скрывается? Обещание? Разлученные возлюбленные? Вражда внутри одной семьи? Залог? Контракт? Вам захочется узнать. Это рынок. Кораны, как вы говорите, безделушки. А вот истории… Люди всегда будут покупать истории. — Айше кладет крошечную половинку Корана обратно в футляр. — Беру эти три. Остальное мусор. Пятьдесят евро за каждый.

— Мне казалось, что триста евро более подходящая цена.

— Не от вас ли я слышала, что это безделушки для паломников по двадцать евро? Двести.

— Наличкой.

— Наличкой.

Топалоглу соглашается на двести.

— Хафизе отдаст вам деньги. Принесите еще таких, тогда поглядим, что там с миниатюрами.

Топалоглу почти обнажает свои крестьянские зубы в улыбке.

— Приятно иметь с вами дело, госпожа Эркоч.

На ступеньках и вдоль деревянной галереи раздаются шаги. Это цокают каблуки Хафизе. Скромный хиджаб и модные каблуки. Стук в дверь. На лице Хафизе застыло выражение наполовину озадаченное, наполовину недоверчивое.

— Госпожа, к вам клиент.

— Сейчас подойду. Не могла бы ты закончить с господином Топалоглу? Мы условились на двухстах евро за эти три.

— Наличными, — добавляет Топалоглу.

Хафизе еще заберет себе двадцать процентов «комиссионных» от цены. Для молодой женщины с претензиями на респектабельность она неплохо умеет торговаться, не хуже, чем уличные торговцы, продающие на пристани Эминеню поддельные футболки.

С кругового балкончика Айше смотрит вниз, на семахане, танцевальный зал, где некогда кружились дервиши, доводя себя до религиозного исступления. Посетитель наклоняется к витрине с Торами. Его загораживает большая латунная люстра, но Айше улавливает блестящую рябь, напоминающую масляную пленку на луже в

Эскикей, которая расходится по спине гостя. Наноткань. Дорогой костюм.

Пока Айше спускается по ступенькам, Аднан присылает на ее цептеп видео. Айше разглядывает широкий Босфор, белую лодочку у пристани, снижающихся чаек, медленно движущуюся полоску машин на мосту. Мимо проходит газовый танкер. Аднан позволяет камере задержаться на нем. Его мечта, его дворец, когда закроется Бирюзовая площадка. Мы все еще не на той стороне Босфора, мой анатолийский мальчик. Ей нужно попасть обратно в Европу.

— Я Айше Эркоч.

Гость пожимает протянутую руку, и электронные визитные карточки с треском перескакивают из ладони в ладонь.

— Хайдар Акгюн. Я тут рассматривал ваши еврейские рукописи. Превосходная микрография. — На его костюме на темном фоне проступал более темный муаровый узор. Серебряные запонки на манжетах. Айше обожает серебро. Серебро более сдержанное.

— На самом деле тут двойная микрография. Если присмотритесь, то увидите — внутри одной каллиграфии вторая.

Акгюн наклоняется ближе к странице. Мерцает

цептеп. Лазерные лучи танцуют по поверхности глаза, рисуя на сетчатке увеличенное изображение. Это текст из Пятикнижия, шрифт помещен в декоративное обрамление из переплетающихся цветочных стеблей, решеток и фантастических геральдических существ с головами драконов и хвостами змей. Весь этот декор дразнит глаз, но если отвлечься от переднего плана, то видны очертания малюсеньких букв. И только под увеличительным стеклом появляется второй слой микрографии: оказывается, крошечные значки, в свою очередь, состоят из цепочек буковок еще меньшего размера. Глаза Акгюна расширяются.

— Очень необычно. Я видел подобное всего в двух местах. Первый раз у дилера в Париже, второй — в отделе редких рукописей Британской библиотеки. Сефарды, я полагаю? Испанцы? Португальцы?

— Угадали. Португальцы. Семья сбежала в пятнадцатом веке из Порту в Константинополь. Микрографическая окантовка воспроизводит биографию царя Давида из Книги Руфи.

— Это нечто, — говорит Акгюн, сосредоточенно изучая плетение каллиграфии.

— Спасибо, — отвечает Айше.

Это один из ее самых любимых экспонатов.

Много незаметных конвертов, набитых евро, пришлось отдать, чтобы выцарапать его из отдела полиции по борьбе с преступлениями в сфере искусства. Айше захотелось заполучить Пятикнижие в тот же миг, как его показал контакт в полиции. Для кого-то антиквариат — это потенциальный престиж, острое ощущение власти, деньги, которые можно заработать. Для Айше это красота, курсив красоты, закручивающийся по спирали через арамейские и сирийские тексты к демотическому письму папирусов Оксиринхуса, скрупулезно прописанных квадратных букв еврейского письма ученых-талмудистов из Лиссабона и Милана, божественной каллиграфии переписчиков Корана из Багдада, Феса и Гранады. Красота перетекает в органичные линии рисунков к Евангелиям из монастырей от Святой Екатерины на Синае до Клюни, в божественный свет греческих и армянских икон, сквозь тончайшие ослепительные детали персидских миниатюр к горящим линиям блейковских пожаров воображения. Зачем торговать красотой, если не ради красоты?

— Вы размышляете, как далеко можно зайти, помещая одну надпись внутрь другой? — спрашивает Акгюн. — Возможно, до нанографии?

Вам кажется, что это было бы нечто наподобие нанотехнологии? Чем меньше, тем мощнее? Есть ли уровни, которые мы не можем прочесть, но которые оказывают самое глубокое влияние на подсознание?

Айше поднимает глаза и смотрит на балкон, где Хафизе провожает Топалоглу к черной лестнице, а оттуда вниз, на старое кладбище текке. Она незаметно выпрямляет три пальца. Тридцатипроцентная скидка. Хорошая девочка. Галерее Эркоч пригодится каждый цент.

— Что, простите?

— Я говорю о нанографии, которая проникает прямо в мозг и заставляет нас поверить в Бога.

— Если кто и мог бы такое сделать, то только сефарды, — говорит Айше.

— Изобретательный народ, — соглашается Акгюн. Он распрямляется, отрываясь от рукописи. — Говорят, что вы можете раздобыть всякие раритеты.

— Похвалы от конкурентов нужно принимать с осторожностью, но у меня действительно есть некоторые… эээм… возможности. Вы ищете что-то конкретное? У меня есть отдельный просмотровый кабинет наверху.

— Вряд ли он есть у вас в галерее. Это очень ред-

кий и ценный предмет и, если его вообще можно где-то найти, то в Стамбуле. Если вы сумеете отыскать его для меня, то я заплачу миллион евро.

Айше часто размышляла, что она почувствует, если в галерее запахнет деньгами, способными кардинально изменить жизнь. Аднан рассказывает о дрожи в кулаках, когда миллионные кредиты в газовых торгах начинают кристаллизоваться в прибыль. Нельзя дать этому ощущению соблазнить тебя, говорит он. Это верный путь к погибели. А теперь гость в костюме за тысячу евро в понедельник утром предлагает ей миллион евро, как тут не соблазниться?

— Это большая сумма, господин Акгюн.

— Да, и я не думаю, что вы возьметесь за подобный проект без аванса.

Он достает из внутреннего кармана пиджака белый конверт и передает Айше. Конверт распух от денег. Айше берет конверт и приказывает пальцам удержаться от того, чтобы ощупать толщину конверта и количество купюр.

— Но вы так и не сказали, что же я должна найти.

Хафизе вернулась, выпроводив господина Топалоглу. Обычная спешка, с которой она готовит чай, чай для каждого рядового посетителя, сруб-

лена на корню цифрой «один миллион евро».

— Все очень просто, — говорит Акгюн. — Я хочу купить Медового кадавра.[29]

Лейла в элегантном костюме «специально для собеседований» и на высоких каблуках прижата к перилам в трамвае № 19. Ее подбородок практически упирается в грудь высокого парня, от которого пахнет молоком, а сзади стоит толстый мужик средних лет, чьи руки под напором общественности то и дело соскальзывают на ее ягодицы. Если это повторится еще раз, то Лейла пнет его по яйцам. Что такое с этим трамваем? Пять минут назад он встал намертво посреди проспекта Неджатибей. Они что, в этом своем управлении муниципального транспорта, не понимают, что ей надо попасть на собеседование? Жарко и становится еще жарче. Лейла потеет в своем единственном приличном костюме.

Вагоновожатый объявляет о том, что в трамвае впереди произошел несчастный случай. Обычно это означает самоубийство. В Стамбуле предпочитают сводить счеты с жизнью в темной

---

[29] Примечания: 29

Cadavre (фр.) — труп, мертвое тело. В XII веке на некоторых аравийских базарах можно было приобрести «медового человека» — человеческий труп, пропитанный медом, который применялся в медицинских целях.

бездне Босфора, но, если просто упасть на колени и положить голову на гильотину рельсов, все произойдет быстро и гладко. В Демре, где солнце ярко светит с бесконечных пластиковых крыш, принято вставлять выхлопной шланг в окно автомобиля.

— Это бомба! — верещит женщина, чей деловой костюм подороже, чем у Лейлы. На ее глазу цептеп. Она читает заголовки утренних новостей. Бомба в трамвае.

Этот крик производит масштабный эффект на пассажиров трамвая № 19. Внезапное волнение жителей пригородов, едущих в трамвае, отрывает миниатюрную Лейлу Гюльташлы от пола и бросает в объятия похотливого мужика с такой силой, что он довольно хрюкает. Люди рвутся к дверям, но двери по-прежнему закрыты. Теперь всех снова сбивает с ног, поскольку трамвай резко начинает двигаться. Он едет назад. Колеса со скрипом и скрежетом движутся по рельсам.

— Эй, у меня собеседование! — кричит Лейла.

Трамвай резко останавливается. Двери открываются. Толпа выносит ее на той же самой остановке, где она села. До собеседования тридцать пять минут. Ноги в туфлях отдавлены, костюм помят, волосы взъерошены, сама вся потная, но

с лицом полный порядок, поэтому она опускает голову и проходит через турникет на улицу.

Лейла готовилась к собеседованию, как к свадьбе. Как только за пределами балкона душная ночь сменилась серым рассветом, Лейла начала носиться туда-сюда в нижнем белье, разбирая гладильную доску, брызгая водой на единственный приличный костюм и блузку, прежде чем прикоснуться к ним горячим утюгом. С тех пор как Зехра объявила, что уезжает обратно в Анталию, у нее появились ужасные привычки. Пока костюм отвисал на вешалке, теряя запах кондиционера для белья, который проявился после глажки, Лейла приняла душ. Вода, как обычно, шла плохо и прерывисто. Лейла извивалась под тоненькой еле теплой струйкой. Семьдесят секунд, включая шампунь. Не более. Домовладелец на прошлой неделе подсунул под каждую дверь уведомление о том, что городские тарифы на воду снова выросли. Ненасытный Стамбул. Утюжок для волос уже был включен в розетку и нагревался. Лейла Гюльташлы размахивала феном и повторяла свою речь.

Игрушки «Генчлер». Игрушки для мальчиков от шести до одиннадцати. Основная линейка: Боевые Коты, а их коллекционная карточная

игра[30] для цептепов была признана лучшей в Евросоюзе два года назад. Их успех зиждется на битботах. У противного мальчишки, что живет наверху, такие есть. Лейла уверена, что он с помощью битботов подглядывает за ней. Но в компании освободилась вакансия в отделе маркетинга, а Лейла — специалист по маркетингу, а значит, будет говорить о битботах и Боевых Котах в превосходной степени.

Костюм, потом макияж на скорую руку. Добираться до офиса «Генчлер» час двадцать. Куча времени. Так, сумка брендовая, но без претензий, чтобы не показаться очевидной подделкой, коей она и является. Деловой девушке нужен хоть один убедительный аксессуар в гардеробе. Теперь туфли, и в путь.

А сейчас до собеседования остаются двадцать две минуты, и Лейла проклинает себя за то, что не додумалась надеть кроссовки. Хорошие туфли надо было положить в пакет и переобуться в дамской комнате, поправляя в последний раз макияж. Она могла бы бежать и в этих туфлях, но толпа на проспекте Неджатибей становится все

[30] Примечания: 30

Не имеет ничего общего с традиционными карточными играми; игрок обладает определенной колодой карт (то есть карточек с неким изображением), которую может пополнять путем покупки или обмена.

более плотной, и вот она уже прорывается через ленту оцепления, и перед ее глазами возникает трамвай с выбитыми стеклами и сорванной крышей, вокруг которого люди стоят между машин служб спасения с их красными и синими мигалками. На дороге образовалась пробка. Лейла издает крик разочарования.

— Пропустите меня, пропустите меня!

Полицейский орет в ответ:

— Куда это вы?

Но Лейла прорывается через толпу.

— Эй!

Ей остается только узкий проулок, больше ступеней, чем можно преодолеть по такой жаре и в таких туфлях. Пятнадцать минут. Лейла Гюльташлы делает глубокий вдох, закидывает сумку на плечо и начинает карабкаться вверх по лестнице.

Жили-были четыре девушки с юга. Все они родились на расстоянии пятидесяти километров друг от друга в окружении ароматов моря, но узнали об этом, только попав в дом дервиша. Лейла перебралась из пластикового края Демре в Стамбул на том условии, что о ней позаботится двоюродная бабушка Сезен. Раньше Лейла никогда не встречалась с двоюродной бабушкой

Сезен или с кем-то еще из дальних стамбульских родственников. Их квартирка на третьем этаже располагалась в зоне шумового следа аэропорта Ататюрк, с балкона там свисал турецкий флаг, под кухонным столом стоял двигатель «Хонда», в самой квартире шумели и галдели различные ветви и поколения семейства, которым намеками, тумаками и кивками правила двоюродная бабушка Сезен, матриарх семидесяти с гаком лет. Девушка с побережья Средиземного моря оказалась втянутой в невольную мыльную оперу с участием мужей, жен и детей, молодых людей и подружек, партнеров, и соперников, и врагов, с бранью и драками, а потом со слезливыми примирениями, сопровождающимися шумным сексом. Посреди этого урагана страстей Лейла Гюльташлы пыталась заниматься, сидя за кухонным столом, пока коленки замасливались об двигатель, а вокруг буйствовали многочисленные родственники. Родня считала ее скучной, Лейлу прозвали Помидоркой, поскольку родной город славился в первую очередь экспортом томатов. Да, томатами и еще Сантой,[31] другим всемирно известным брендом. Учеба страдала. Лейла нача-

[31] Примечания: 31
Демре считается родиной Николая Угодника, прообраза Санта-Клауса.

ла получать неуды по основным предметам.

Тогда Лейла отправилась к тетушке Кевсер, великому визирю семьи Гюльташлы, которая позвонила матери Лейлы в Демре. Женщины проговорили целый час и все решили: Лейла может снять квартиру вскладчину с хорошими девочками при условии, что она каждую пятницу будет отчитываться тетушке Кевсер. Разумеется, никаких мальчиков. Одна приличная девочка из Анталии, которая училась в бизнес-колледже, снимала отличную квартирку в самом центре, в Бейоглу. Так Лейла попала в дом дервиша и обнаружила, что «самый центр» означал обшарпанный и унылый Эскикей, а «отличный» применительно к дому означало, что его не ремонтировали со времен провозглашения республики сто лет назад. Рядом с тремя студентками, изучавшими маркетинг и бизнес, Лейла обрела даже меньше покоя, чем на кухне по соседству с двигателем «Хонда». Ее все так же звали Помидоркой, но в устах девчонок прозвище ей нравилось. Тетушка Кевсер честно звонила каждую пятницу. Лейла добросовестно отчитывалась. Через два года она получила диплом с отличием. Родители приехали на автобусе на выпускную церемонию. Стамбульские родствен-

ники рассредоточились по комнатам, словно фишки в какой-то игре, чтобы найди в квартире с видом на взлетно-посадочную полосу место для родственников-помидороводов из Демре. Пока шла церемония в кампусе, мать мертвой хваткой вцепилась в отца. Родители подарили дочери золото, а на каждой без исключения фотографии у них были закрыты глаза.

Итак, четыре девушки с юга делили маленькую вонючую квартиру в текке Адема Деде. Все они закончили бизнес-колледж Мармара в один день. Затем одна уехала во Франкфурт в инвестиционный банк. Вторая перешла работать на стройку огромного гипермаркета, который возводили на голом склоне близ Анкары. Пять недель назад Зехра объявила, что возвращается обратно в Анталью, чтобы выйти замуж за бойфренда, о котором до этих пор никто и слыхом не слыхивал, и Лейла осталась одна-одинешенька, без наличных денег и работы, в рассыпающемся старом доме дервиша, единственная, у кого не было никаких определенных планов на будущее. В Стамбуле переизбыток ярких юных девушек с дипломами в области маркетинга. День за днем, счет за счетом деньги утекали, но одно было совершенно ясно — она никогда не вернется в квартиру, полную во-

пящих родственников и реактивных двигателей.

Лейла считала ступеньки: тридцать одна, тридцать две, тридцать три. Расположение улиц знакомо: вон уже конец Киноварного переулка. Она в паре сотен метров от дома. Лейла снова сможет надеть удобные туфли. Двенадцать минут. Если ей удастся добраться до проспекта Иненю, оттуда уже ходят автобусы, долмуши и даже такси, хотя ей тогда придется потратить последнюю наличность, но все должно получиться, это же Стамбул. Ее пальцы трясутся от напряжения. В ушах что-то бряцает. Боже, она никуда не годится. Во всем виноваты проведенные перед телевизором вечера, множество вечеров, к тому же в квартире постоянно кто-то болтает и шумит. Потом Лейла понимает, что это бренчание издает вовсе не ее тело, а что-то извне. Она оказалась в облаке комаров. Лейла отгоняет рукой рой, кыш, мерзкие твари. Черное облако отскакивает от ее руки и собирается в парящую стрекозу. У девушки перехватывает дыхание от страха. Даже Лейла Гюльташлы слышала о подобных штуках. По всему Киноварному переулку утренние прохожие застыли на месте, пока роботы-стрекозы устанавливали их личности. Механизм парит на крыльях-вентиляторах. Торопись, торопись, то-

ропись. У нее собеседование через десять минут, де-сять. Лейла могла бы раздавить эту штуковину и бежать дальше, но она напугана. Солдатам можно построить глазки, слегка пофлиртовать, чтобы их день прошел не зря, и они тебе кивнут. Солдаты — люди. А эти штуковины, как она слышала, иногда вооружены ядовитыми стрелами, маленькими злыми наножальцами. Бросить им вызов означает рискнуть. Но все так медленно, медленно, медленно, а она опаздывает, опаздывает, опаздывает. Лейла мигает от вспышки лазера, это беспилотный летательный аппарат считывает ее радужку. Стрекоза-бот поднимается на своих крылышках и рассыпается, превращаясь в облако более мелких механизмов. А вот теперь пора. Лейла бежит вверх, а потом вниз по лестнице до конца Киноварного переулка, а стрекозы над ней рассыпаются в дым. Лейла миновала их, но она ужасно, просто смертельно опаздывает.

Весь транспортный поток, который развернулся из-за взрыва бомбы, переместился на проспект Иненю. Лейла воет, глядя на огромное скопление автомобилей, которые стоят плотно, передние фары вплотную к задней части кузова впереди стоящего автомобиля, дверь к двери. Гудки не смолкают. Лейла протискивается между стоящих

машин. Внезапно рядом с ней останавливается маленький пузатый ситикар, и Лейла в нерешительности мнется. Водитель бьет рукой по клаксону, но девушка отгоняет его бесцеремонным взмахом руки. Там автобус, автобус, автобус. Лейла танцует смертельный танец тореадора в пробке, пробираясь все ближе к автобусу. Очередь пассажиров становится короче. Двери закрываются. Черт бы побрал эти идиотские туфли, зачем она вообще их нацепила? Мужики вообще никогда не смотрят на туфли. Автобус отъезжает от остановки, но она сделает это, она сделает это. Лейла колотит по двери. На нее косятся два школьника. Девушка бежит вдоль медленно ползущего автобуса и бьет кулаком по его боку. «Стой! Стой! Стой!» Перед автобусом образуется свободное пространство, и он скользит прочь, обдав ее ароматами биодизеля. Лейла стоит и ругается, а поток автомобилей обтекает ее, пока хорошая девочка из семьи помидороводов с юга проклинает все на свете последними словами.

Долмуши, долмуши, долмуши. Вон целый рой этих микроавтобусов, которые жмутся друг к другу, словно набожные женщины, но они слишком далеко от остановки, и, даже если ей удалось бы сесть на одно из этих маршрутных такси, ему

придется нестись со скоростью света, чтобы вовремя добраться до места. А то и быстрее. Даже пророку на Бураке[32] не удалось бы успеть в офис «Генчлер» на собеседование. Лейла воет, в отчаянии простирая над головой руки, прямо посреди пробки на проспекте Иненю. Напоминание на цептепе звучит, усиливая ощущение провала. Опоздала. Все кончено. Даже звонить смысла нет. В Стамбуле слишком много таких, как она.

— Но я справилась бы с этой работой! — орет она на всю улицу. — Я справилась бы с легкостью!

Ее тошнит, тошнит от внезапно глупого костюма и туфель, от дешевой сумки-подделки. Ей нужна эта работа, нужны деньги, она не хочет возвращаться в квартиру с видом на взлетную полосу, но больше всего ей не хочется видеть, как солнце отражается от бесконечных километров пластиковых крыш над полями и садами Демре, и вдыхать надоедливый и дурманящий запах томатов. Лейла практически готова разрыдаться посреди транспортного затора на проспекте Иненю. Нет уж. Нельзя, чтобы ее видели такой.

---

[32] Примечания: 32

В исламе — верховое разумное животное, на котором Мухаммед совершил ночное переселение из Мекки в Иерусалим. Бурака обычно изображают в виде лошади с головой человека.

Домой. Завтра оправишься, принарядишься, поедешь туда снова и продемонстрируешь им, насколько ты хороша. А сегодня можешь рвать и метать, плакать и пинать предметы вокруг себя там, где тебя никто не увидит. Ну почему террорист-смертник решил отправиться на тот свет именно сегодня? Это так эгоистично, как и любое самоубийство в принципе.

Лейла почти добирается до площади Адема Деде, когда звонит цептеп. Это тетушка Кевсер. Последний человек, с кем она хочет сейчас говорить. Палец зависает над кнопкой «отклонить вызов». Нет, нельзя. Ты всегда на связи. Эту мантру вбили ей в голову в бизнес-школе.

— Что-то ты долго, — как всегда, разговаривая с Лейлой, тетя напоминает школьную учительницу.

— Ну, я просто была занята кое-чем…

— Занята? — Считается, что желаниями Лейлы вполне можно пренебречь. Женщины от всего отказываются ради семьи, так было принято в Демре, так принято и в Стамбуле.

— Да нет, ничего особенного.

— Хорошо. Напомни мне, какую специальность ты получила.

Ты же отлично знаешь, какую специальность

я получила, думает Лейла. Я не вижу этого, но наверняка за твоей спиной двоюродная бабушка Сезен руководит разговором со своего кресла.

— Маркетинг.

— Это включает в себя привлечение инвестиций и поиски инвесторов?

— Да.

— Хмм.

Говори уже, тупая старая ворона.

Тетя Кевсер продолжает:

— Ты знакома с Яшаром Джейланом?

— А кто это?

— Твой троюродный брат. Умный мальчик. Университет закончил.

Ага, давай, тверди об этом постоянно, бесплодная старая дева, я-то только в колледже отучилась.

— Он тут затеял какой-то новый бизнес-проект в районе Фенербахче с парнем, с которым учится в докторантуре. Понятия не имею, что там конкретно, какие-то новые технологии. Короче, они очень умные и сообразительные парни, но теоретики. Яшар хочет расширяться, но не знает, как найти людей с деньгами. Ему нужен кто-то, кто привлек бы инвесторов.

Ага, я так и знала.

— И когда ему нужен этот кто-то?

— Прямо сейчас. Но ты вроде сказала, что чем-то занята, поэтому я не знаю…

— А деньги у него есть? — Это всегда проблема, когда работаешь с родственниками.

— Он тебе заплатит. Ну так что, берешься?

— Берусь. Дай мне его номер.

Лицо тетушки Кевсер исчезает, появляется номер цептепа. Лейла быстро сохраняет его. Слава Всевышнему! Иногда семья — твой друг. Она практически перепрыгивает через последние ступеньки, ведущие к площади. От отчаяния до ликования за семь ступеней. Фенербахче. Новый бизнес-проект. Новые технологии. Свежеиспеченные выпускники университета. Это означает только одно. Речь пойдет о том, что построит будущее и изменит мир, о том, что может принести настоящую славу.

О нанотехнологиях.

2

Чужой робот, словно неуклюжий паук, прячется за буквами вывески «Коммерцбанка». Джан наблюдает за ним из укрытия в тени вывески «Альянс Страхования». Этот уродливый квадратный агрегат желтого цвета или «Сюйси», или сделан на заказ компанией «Дженерал Роботикс», серийный номер заклеен скотчем. Если бы это было контрольное устройство, то у него имелись бы специальные предупредительные знаки и мигалки. Джан Дурукан разбирается в роботах так, как другие дети разбираются в машинках, футболе или китайских комиксах. Бот промышленного производства и глазом бы не моргнул, даже если бы наступил конец света. Но что еще это могло бы быть? Во время странствий по крышам над районом Эскикей Джану доводилось встречать фотолеты: механизмы, которые молодые художники отправляли в путешествие длиной в месяц, чтобы сделать случайные и спонтанные фотографии. Эти штуки зависают, фотографируют и гордо летят дальше. Еще над крышами ему встречались неофициальные боты газетчиков: тайные системы слежения, которые журнали-

сты и фотографы используют, чтобы получить какие-то данные помимо тех, что публикуют в пресс-релизах. Эти роботы-привидения сжигают собственную память до состояния пепла, если их обнаружат госслужбы. Спорная версия. Если это такой агрегат, фотограф блестяще рассчитал время. Слишком уж блестяще. Да, бывают еще так называемые «темнолеты», о которых так любят перешептываться на явочных квартирах. Эти механизмы невидимы для полицейских роботов, слежка за слежкой. Но если эта громыхающая глыба желтого пластика и есть легендарный «темнолет», то он слишком уж замаскировался. И зачем тогда прятать серийный номер? Нет, все не то. Вот уж загадка так загадка. Обезьяна Джана подползает поближе, осторожно перебирая лапами, цепкий хвост то обвивается вокруг чего-то, то снова разворачивается, и все ради того, чтобы рассмотреть получше, но остаться незамеченным. Загадочный робот сканирует свидетелей взрыва за полицейским кордоном. Его фасеточные линзы разворачиваются и двигаются от одного выжившего к другому, находя новый фокус. Щелк! Ж-ж-ж! Щелк! Ж-ж-ж! Женщина, лицо которой покрыто брызгами крови, словно веснушками. Дрожащие дети в синих формах

со школьными рюкзаками такого размера, что они могли бы спрятаться внутри. Обалдевший бизнесмен, сжимающий в руках свой портфель. Какой-то парень отделяется от основной группы и уходит потихоньку, пробираясь между машин скорой помощи, явно не желая быть замеченным. Джан видит, как Крысиная Морда, тот самый парень из текке, медленно движется, смешиваясь с толпой за пределами полицейского ограждения с грозной надписью «За ограждение не входить». Джан всматривается так пристально и так сильно задерживает дыхание от волнения, что чуть было не упускает из виду момент, когда робот-ниндзя медленно и плавно, без резких движений, чтобы не привлечь внимание полицейских роботов, снимается со своего насеста и ползет вверх по крыше здания «Коммерцбанка». Джан видит, как желтая вспышка скрывается за перилами. Разочарованно присвистнув, Джан тоже направляет Обезьяну на крышу здания банка. Ага, загадочный шпион перебирается по крышам вдоль проспекта Неджатибей. Джан следует за ним, медленно, крадучись. Глаза мальчика расширились, язык прилип к нёбу, а сердце громко стучит от волнения. Это загадка. Это приключение. То, чего хочется каждому мальчишке и его роботу.

— Ай! — Джан сдерживает невольный возглас. Слишком громкий, слишком. Легко быть слишком громким, когда весь мир сжался до шепотов. Но это ведь грандиозное открытие. Загадочный робот следует за Неджетом, этим незаконным жильцом. Джан на балконе чуть было не начинает возбужденно бормотать себе под нос. Это уже не просто любопытство и даже не просто загадка. Это расследование! А он, Джан, — маленький детектив! Расследование в самом разгаре!

Осторожно, осторожно… Не спуская глаз с робота-лазутчика и с парня на улице, Джан ползет по крышам Бейоглу. Так, тут лапу разжимаем, там хватаем. Эта штуковина идет за ним, за Неджетом, а не за кем-то еще. Словно ящерица, которая охотится за богомолом и чувствует тень ястреба, Джан только благодаря сверхразвитому чутью, которое компенсирует отсутствие звуков, вдруг инстинктивно дергает рукой, заставив Обезьяну прокатиться вперед, избежав тем самым челюстей, которые сожгли бы микросхему его битбота электромагнитным импульсом.

Он был преследователем, но и его преследовали. Джан перенастраивает свои глаза, галопом убегая от нападавшего. Еще один анонимный робот. Джан нечаянно оказался в зоне контроля

еще одного наблюдателя, что послужило сигналом тревоги. Противник большой, быстрый и сильный. Он может разорвать битботов Джана на кусочки. Он мчится за ним, а индикатор батареи Джана показывает, что использована уже треть заряда. Надо отозвать Обезьяну, но тогда та приведет преследователя прямо к нему.

Беги, робот, беги! Обезьяна, прыгай, Обезьяна, сматывайся. А за ней, на расстоянии вполкрыши, движется разрушитель. Джан охает от умственной натуги и вытягивает руку, заставляя Обезьяну в два прыжка взобраться на стену, перемахнуть через перила и метнуться через тенистый зеленый садик, где белье, выстиранное утром, безвольно висит на изнуряющей жаре. Охотник движется следом. Он больше, быстрее и теперь еще ближе. Джан мельком бросает взгляд на индикатор батареи. Половина. В таком темпе Обезьяна жрет энергию. Прыжок. Когда Обезьяна оказывается в воздухе, Джан изменяет конфигурацию на мяч. Битбот прыгает и катится, отскакивая от кондиционеров и панелей фотосинтеза, чтобы с силой удариться о перила. Охотник прыгает за ним, несколькими шагами перемахивая через крышу, но битбот снова превращается в Обезьяну и свешивается

с пожарной лестницы, чтобы перепрыгнуть на крышу соседнего дома. Джан выиграл несколько десятков метров.

Джан не слышит, как открывается дверь. Джан ничего не слышит. Охота на крышах проходит беззвучно. Мальчик отвлекается от схватки роботов, только когда свет из приоткрытой двери ослепляет его. В проеме двери стоит длинная посторонняя фигура, залитая солнечным светом. Его мама. Она вздыхает. Джан хмурится. Он всегда сидит лицом к двери, чтобы понять, когда кто-то входит, а еще чтобы гость не смог заметить, чем он занимается за компьютером. Джану не разрешают волноваться. Мама заплакала бы. Она не может ни кричать, ни трясти его, ни бить, потому вынуждена мучиться сама. Она понимает, что я из-за этого чувствую?

Мать снова вздыхает. «У тебя есть чистая рубашка в школу?»

Джану хватает ума не отвечать кивком. От этого мама обидится, что он грубый и относится к ней без должного уважения. Она, возможно, даже спросит, чем таким важным занят сын, что не может поговорить с собственной матерью. Нельзя отрывать руки от экрана, но Джан вздыхает: «Да, есть, в шкафу».

«Хорошо, — говорит мать. Силуэт двигается в ярком свете, словно бы собравшись уйти, но потом оборачивается. — А ты чем занимаешься-то?»

Сердце Джана трепещет.

— Играю с Обезьяной. — И он не врет.

«Хорошо, только никому не досаждай своей игрушкой, ладно?» Затем мама растворяется в столпе света, и дверь закрывается. Джан присвистывает от сосредоточенности и склоняется над раскатывающимся экраном. Скорость, энергия, навигация, безопасность. Мимо пробегает кошка, а Обезьяна и ее преследователь галопом несутся по крыше и перепрыгивают на подставку для резервуаров под воду на соседней крыше. Расстояние пять метров, двадцать процентов батареи. Джану интересно, кто скрывается за этими глазами насекомого, чье лицо освещает экран, и какой экран.

Кто бы ты ни был, Джан Дурукан, маленький детектив, тебя удивит и обведет вокруг пальца. Джан сжимает кулак, чтобы собрать весь резерв из батареек, а затем резко выкидывает вперед руку, чтобы Обезьяна взлетела над бетонным заграждением. Бот-охотник прыгает следом. Он попался! Он думал, что там крыша, но там

ничего, кроме двадцати метров пустоты. Джан беззвучно хлопает в ладоши. Падающая Обезьяна распадается на компоненты, нанороботы дождем проливаются на Киноварный переулок. Джан скрещивает большие пальцы и встряхивает остальными. По облаку крошечных механизмов идет рябь, оно темнеет, а потом собирается в пару легких крыльев. Птица, Птица Джана. Уровень заряда батареи критический, но Птица бьет крыльями и летит над головами сидящих в чайной мужчин так низко, что они пригибают головы. Три удара, четыре, и вот уже он выруливает с Киноварного переулка. В камеру заднего вида Джан видит, что бот, охотившийся за ним, разбился о мостовую, словно фарфоровый краб. Осколки, ошметки и обрывки желтого корпуса. Он делает круг над площадью Адема Деде — большой белый аист, скользящий домой.

У Джана дрожат руки, горло пересохло, в носу щиплет, а еще надо по-маленькому. Сердце гулко стучит в грудной клетке, дыхание трепещет где-то в горле, лицо горит от волнения теперь, когда он понимает, что был в опасности. Пока он бежал, это была игра, лучшая из тех, в которые ему доводилось играть. Теперь он задумался о том, что случилось бы, если бы человек, управ-

лявший тем роботом, выследил его, пришел и постучал бы в дверь. Теперь можно бояться. Но Джан гордится; больше, чем когда-либо в жизни, гордится тем, что удалось сбежать от преследователя. Ему хочется поделиться с кем-то. Но ребята в спецшколе слишком тупые, чтобы понять, ну или с ними что-то не так. А родители… Джан понимает, что никогда не сможет вырваться из круга самобичевания матери и молчания отца.

Господин Ферентину. Он выслушает. Он поймет. А обо всем, чего не поймет, догадается, и его догадки всегда верны. Этим он и знаменит, как он говорит Джану. Джан Дурукан подходит к краю балкона, смотрит, как яркое утро врывается в Эскикей, и поднимает руку, чтобы поймать вернувшуюся домой Птицу.

Итак, представьте, что вы респектабельный житель Искендеруна, ранее называвшегося Александриеттой, примерно середины XVIII века нашей эры, подданный султана Османа III. Империя уже не та, что была в зените славы у ворот Вены. Это волшебный час сумерек для дома Османли. Все еще кажется лучезарным, спокойным и неподвижным, и создается впечатление, что все так и будет внутри этой бирюзовой оболочки. Но ночь безжалостно надвигается.

Имперский Константинополь может утешаться в великолепных зданиях мечетей, и купален, и императорских гробниц, но Александриетта расположена далеко от Блистательной Порты[33] и острее чувствует ветер с востока и с севера. Она всегда была огромным городом, где жили представители множества рас и конфессий и где торговые пути из Центральной Азии пересекаются с морскими путями из Италии и Атлантики. В здешних караван-сараях вы и сколотили свое состояние. Во цвете лет вы были путешественником, двигались на запад к Марселю и Кадису, на восток к Лахору и Самарканду, на север до Москвы и, как всякий уважающий себя мусульманин, добрались до Мекки на юге, совершив хадж. Теперь вы стары, вы отошли от дел и скрылись в своем тенистом доме, куда прохладный морской бриз приносит новости из всех уголков империи и мира за ее пределами. Прекрасная пора мира и благоденствия подходит к концу. Жена мертва уже пять лет, сыновья управляют всеми делами, а дочери удачно вышли замуж. Все жизненные обязательства выполнены. Пора уходить. Как-то

[33] Примечания: 33

Принятое в истории дипломатии и международных отношений наименование правительства (канцелярии великого визиря и дивана) Османской империи.

утром вы приказываете слугам принести чашу соснового меда. Вы вкушаете мед серебряной ложкой в тишине комнаты, в которой нет часов. Днем вы снова просите принести чашу меда. И вечером тоже. Только мед, и больше ничего.

На третий день медовой диеты слуги разносят слух об этом за пределы дома. К пятничной молитве об этом знает весь город. К вам приходят друзья, целые толпы, поскольку ваше имя известно в Александриетте в каждом доме, но сначала вы принимаете сыновей и дочерей. Женщины плачут, а мужчины задают вопрос: что подтолкнуло вас на столь эксцентричный поступок? Вы отвечаете: опухоль размером с гранат. Я чувствую ее внутри своего тела и уже много месяцев не могу мочиться без боли. Она меня убьет, и я не могу ее одолеть, но решил организовать свою встречу с Азраилом[34] чуть иначе. К этому моменту слугам приходится пропитывать занавески уксусом, чтобы отгонять от вас мух.

Созывают докторов, получивших образование в Европе. Они выходят из комнаты, которая пахнет теперь вашим медово-сладким потом, и говорят ожидающим ответа сыновьям и зятьям,

---

[34] Примечания: 34

Архангел смерти в исламе и иудаизме, который помогает людям перейти в иной мир.

что ничего не в состоянии сделать: вы поглощены процессом, а процесс идет своим чередом. Даже имам не сможет отговорить вас от того, как вы решили с собой поступить. Это необычное явление, но с длинной и благородной историей. На второй неделе трансформаций вы изъявили желание попробовать экзотический и редкий мед: смеси разных медов и мед из отдельных районов, от медвяной росы, которую производят тли в пихтовых лесах Вогезов и южной Германии, до изысканного меда «Тысяча цветов» из Бордо. На третьей неделе вы изучили мед, который был добыт с риском для жизни: акациевый мед из диких ульев в Африке (у тамошних сборщиков выработался иммунитет к пчелиным укусам, и от них умирает куда меньше народу), мед из бенгальских саундарбанов,[35] где тигры выслеживают охотников за ульями в мангровых зарослях, мед рожковых деревьев с базаров Феса, украденный на Высоком Атласе из легендарных ульев размером с дом. В моменты ясности сознания между промежутками, когда вы плаваете в золотых сладких галлюцинациях, вы понимаете, что стали теперь крупнейшим знатоком меда

[35] Примечания: 35

Мангровые болота вдоль Индийского океана в западной части страны, непроходимы без лодки.

во всей империи, и можно было бы передать ваши знания миру. Вы нанимаете секретаря, юношу из хорошей семьи с отличным почерком, получившего образование в лоне тариката, чтобы записать весь ваш бред о меде, который слуги теперь капают по ложке на ваш язык. На четвертой неделе вы познаете высшую сладость — разновидности меда из пыльцы одного цветка. Ваши таланты достигли таких высот, что вы по единственной капельке можете сказать, был ли то мед из мирры с Аравийского полуострова, тимьяновый с Кипра, мед из цветов апельсиновых деревьев из Болгарии или же, безошибочно, кедровый мед из Леванта. За пределами империи вы открываете лавандовый мед из Испании с дремотным ароматом и кактусовый мед из Мексики. Два дня вы смакуете и описываете горьковатую, с привкусом мяты, темноту сардинского меда из цветов дикого земляничного дерева. Больше трех дней вы во власти галлюцинаций от рододендронового меда с Гималаев. Ближе к концу вы порой целыми днями потеряны в золотистом свете, который сияет из-за постоянно закрытых ставней; вы бормочете медовые пророчества и сочитесь сладкими видениями, но когда просите секретаря перечитать ваши бессвязные речи, то

оказывается, что на странице не написано ни единого слова.

К этому моменту ваши поры выделяют уже не пот, а золотистый гной. Моча ваша стала сладкой, как конфеты, а экскременты напоминают мягкую янтарную смолу. Мед проникает во все сосуды вашего тела, обтекает ваши органы и просачивается по капле в пустоты в вашем мозгу.

Переход из бодрствования в сон, из сна в кому, а потом из комы в смерть сладок, еле заметен и протекает с такой же скоростью, с какой капля меда капает с ложки. Доктора с помощью маленького зеркальца подтверждают, что дыхание покинуло ваше тело. Ваш секретарь стоит и трясется, пряча слезы, вцепившись в свой трактат о меде, когда ставни распахиваются настежь. Дочери ваши уже стоят на коленях, а сыновьям осталось выполнить последнее задание. Имам подписывает согласие, пока слуги омывают тело, которое благоухает тимьяном, лавандой, сосной, миррой и апельсиновыми цветами. Теперь сыновья должны действовать быстро. Большой каменный гроб, древний языческий римский предмет, уже наполнен медом. Ваше тело медленно погружают туда, вы тонете в меду, а на поверхность сквозь янтарную жидкость неспешно поднимаются

огромные пузыри. Крышка скользит на место, ее запечатывают свинцом, а оставшуюся пустоту заполняют медом, вливая его через отверстие во рту языческой богини, пока последняя капелька не застывает на ее губах, которые потом тоже запечатывают расплавленным свинцом. Множество людей и лошадей — причем все люди пришли по доброй воле, это те, кто знал вас при жизни, — везут вас по улицам Александриетты в амбар, где для вас выкопают могилу. На могиле прямо в брусчатку вбивают специальную мемориальную доску, на которой написано «Хаджи Ферхат (1191–1268)», а чуть пониже вторая дата «Берат Кандиль[36] 1450».

В каждом ремесле есть свои легендарные чудовища, свои птицы Рух,[37] циклопы, джинны, которые могут перенести вас из Багдада в Самарканд в мгновение ока. У адвокатов это маньяки-убийцы и другие известные подсудимые, которые опозорили нацию или просто провернули поразительную аферу. У трейдеров — звездные

---

[36] Примечания: 36

Ночь Отпущения грехов (Берат Кандиль) отмечается с 14 на 15 священного лунного месяца хиджры Ша'абан.

[37] Примечания: 37

Рух, или *птица-слон*, — в средневековом арабском фольклоре огромная (как правило, белая) птица размером с остров, способная уносить в своих когтях и пожирать слонов.

игроки, которые благодаря своей интуиции за минуту просчитывают рынок и зарабатывают невообразимые деньжищи. Средства массовой информации кишат рассказами о пороках актеров и чудачествах редакторов, продюсеров и режиссеров. Прихоти и поправки к контрактам музыкантов вошли в легенды. Всеми забытый пыльный уголок антикваров и торговцев рукописями ничем не отличается. Здесь есть свои Граали, утраченные манускрипты, запретные книги заклинаний и амулеты из руки повешенного, а по медовой тропинке между всех этих реликвий идет, крадучись, Медовый кадавр.

Медовые кадавры — существа из легенд антикваров. Раз в жизни они могут попасться где-нибудь на обширных базарах Дамаска или Каира, вынырнув из далекого и чуждого прошлого. Они стоят просто бешеных денег, поскольку являются воплощением мощной магии. Даже джинны уважают Медового кадавра. В соответствующий день, который указан на надгробии, гроб распечатывают, и, когда крышку убирают, под ней находится засахаренный труп. Мед заполнил все каналы и органы, пропитал плоть, проник в каждую клетку. Сахар — это мощное консервирующее и антибактериальное веще-

ство. Незнакомое солнце золотит предмет в гробу. Теперь начинается подлинная работа Медового кадавра.

Труп разламывают на кусочки размером с пахлаву. Ими лечат все болезни и раны. Плоть Медового кадавра, мягкая, как манная халва, обладает способностью вылечивать недуги, заживлять раны и выправлять сломанные кости. Если мазать ею веки, то можно вылечиться от катаракты, а еще можно вернуть слух оглохшим. При нанесении на гениталии она восстанавливает потенцию. Наиболее эффективный способ — прием внутрь. Крошечная доза, растаявшая на языке, растворяет опухоли, способствует отхождению мокроты из легких, регенерирует важные органы, улучшает пищеварение, искореняет любые камни, желчь и язвы. Даже волосы с головы мумии, плотные и липкие, как тесто кадайыф,[38] известны в качестве лекарства от облысения.

— В нашем бизнесе то и дело кто-то хвастается, что видел Медового кадавра, — говорит Айше. Она отчетливо слышит собственное дыхание. — Однако я уверена, что Медовые кадавры

[38] Примечания: 38

Очень тонкие волоски из теста, широко распространенные на Ближнем Востоке и в арабских странах, причем наполнителем может быть любая начинка.

— больше, чем просто легенды, но мой опыт показывает, что они встречались исключительно в Средневековье.

Внезапно в здравомыслии разверзлась пустота, и теперь Айше качалась на грани. Персидские миниатюры, изображающие Савскую царицу и пророка, которые висели на стенах, закружились, не меняя положения. Это было эхо эпохи чудес в третьей декаде XXI века. Но если и есть место, где Медовый кадавр мог выйти из магического времени, где фантастическое и земное запросто соприкасаются, где джинны касаются носком почвы, то это определенно Стамбул.

— Ох, нет, нет, — сказал Акгюн.

В отдельном кабинете Айше может хорошенько рассмотреть своего гостя. Наноткань костюма закупорилась из-за прохлады кондиционера и блестела, как дамасская сталь. Часы дорогой марки, изысканный маникюр от кончиков ногтей и до запонок для манжет. Гладко выбрит, как положено бизнесмену, но что-то не так с его запахом. Он пользуется лосьоном после бритья «Арслан». Даже такой записной фанат Джимбома, как Аднан, никогда не наносит лосьон, который создали для бомбардира «Галатасарая».

— Люди всецело доверяют свидетельству Ли

Шичжэня.[39] Есть веские доказательства, что Медового кадавра в 1912 году продали в Ташкенте одному из китайских врачей.

— Да, но это далековато от Медового кадавра XVIII века из Александриетты.

— Вы правы в своем скептицизме. Вот почему я принес источник.

Внутри папки из углеродного волокна оказалась еще одна, из мягкой кожи медового оттенка. Айше не удивилась бы, если бы это оказалась человеческая кожа. На ней маленькая татуировка в форме тюльпана. Сканеры подсказывают ей, что эта отметка из трассирующих молекул. Внутри толстый бумажный конверт, запечатанный воском, в котором находится сам фолиант в кожаном переплете с орнаментальной позолоченной розеткой на обложке.

— Можно?

Акгюн передает книгу через стол. Она ложится возле конверта с наличкой. Айше наклоняет лампу, чтобы изучить переплет. Строчка кажется подлинной, крепкая льняная нитка, эквивалент современных переплетных лент. Пыль сыплется оттуда, откуда нужно, кожа пахнет, как старая, и

---

[39] Примечания: 39

Выдающийся фармацевт, врач и ученый эпохи правления династии Мин (1368–1644 гг.).

она помята, где положено, словно лицо, на которое наложил морщины опыт. Она поскрипывает, когда Айше открывает книгу. Внутри завитки аккуратного почерка сумбули,[40] выведенные рукой парня, записавшего по памяти Священный Коран, протоколируя мысли Всевышнего, которые скапливались в его памяти, будто вода, бьющая ключом из источника.

«Вересковый мед с высокогорья варварского королевства Шотландии, которое охватывает самую северную часть острова Британии. Вереск — это небольшой ползучий кустарник с гибкими ветвями и маленькими листьями, похожий на чабрец. Обычно растет на склонах холмов и в горах, столь характерных для этого края. В высокогорьях Шотландии практически отсутствуют деревья из-за близости к полюсу, суровой погоды, влажной, мрачной и пасмурной, и обилия болот».

— Ну что?

— На первый взгляд кажется подлинной, но мы — мировая столица подделок. Для пущей уверенности мне нужно провести молекулярный анализ, — говорит Айше.

---

[40] Примечания: 40
Разновидность мусульманской каллиграфии.

В маленькой комнатке стоит кедровый запах старой книги, которую открыли свету. Аромат — это джинн воспоминаний, когда все времена сливаются воедино. Разглядывая книгу и сканируя каллиграфию, Айше в то же время оказывается в дедушкиной книжной лавке в Сиркедиже, состоящей из нескольких смежных комнат (такое впечатление, что они в разных городах, в разных эпохах и разных вселенных), книги становятся все старше и темнее по мере того, как вы продвигаетесь, эдакая геология слов. В девятилетием возрасте Айше закрыла бы глаза и брела бы через этот заповедник, ведомая резкими пряными кетонами и эфирами современной целлюлозы и бумажных обложек альбомного формата, через качающиеся башни продающихся со скидкой твердых переплетов и блестящих маслянистых альбомов к мускусным и пикантным антикварным томикам на осевших полках; многие из них написаны непонятными буквами, которые она даже прочесть правильно не может. Но это неважно, Айше просто странствовала бы часами, словно завороженная, вдоль строк арабской скорописи. Часто ей достаточно бывало просто стоять, крепко закрыв глаза, под маленькими лампами из мечетей с низковольтными

лампами и вдыхать запах истории, феромоны мертвых.

— Но тогда придется взять небольшой образец.

Шок Акгюна неподдельный. Айше думает, что перед ней человек, разбирающийся и любящий книги. Он не может одобрить никакого насилия по отношению к книгам. Он вернул бы книги в бумажных обложках вовремя, без трещин на корешках и без загнутых уголков. Но он не знает, что с новыми чипами наноанализа отщипывают всего несколько волокон бумаги, несколько молекул чернил. И то, что он этого не знает, тоже подозрительно. На смену всплеску адреналина всегда приходит ясность суждений. Медовый кадавр, кровь закипает, а мозг загорается даже просто от возможности того, что это правда. Но ее сомнения не так легко изгнать, как и джинна из дома. Почему из всего множества лавок, продавцов и антикваров Стамбула он выбрал именно эту лавку и меня? Мир прост, но не чист. А этот парень в правильном костюме и с неправильным лосьоном после бритья кажется слишком чистеньким. Айше Эркоч закрывает книгу и отодвигает от себя конверт, набитый купюрами по пятьсот евро.

— Вы меня искушаете, но я не могу принять эти

комиссионные.

— Можно поинтересоваться, почему?

— Вот вы говорите, что я могу достать всякие редкие предметы, а все потому, что я выстроила сеть дилеров, антикваров и экспертов. Выстроила, благодаря непосредственному общению, и ревностно охраняю. Это очень мелкий бизнес. Все друг друга знают, и слухи разносятся, словно пожар. Репутация — вопрос жизни и смерти. Когда узнали, что Юнал-бей распространяет казахские подделки под видом миниатюр эпохи Тимуридов, он сбежал, а через две недели от стыда пробил на машине ограждение Босфорского моста. Может быть, вы слышали об этом в новостях? Я знаю своих поставщиков и агентов и знаю своих клиентов, многие из них очень состоятельные и влиятельные люди, но все делается по личной рекомендации. Я не сомневаюсь, что ваш источник подлинный, и именно мумия из Александриетты всплыла в Стамбуле, я солгу, если скажу, что не испытываю сильнейшего соблазна. Но в нашем деле существует этика. Мне очень жаль, мистер Акгюн.

Мужчина прикусывает нижнюю губу и наклоняет голову.

— У вас есть моя карточка. — Он поправляет за-

понки на рубашке. — Надеюсь, вы передумаете.

— Поверьте, ничто не доставило бы мне больше удовольствия, чем отыскать Медового кадавра, — говорит Айше.

Она протягивает руку. Рукопожатие Акгюна твердое и бесстрастное. Между ними не происходит никакого обмена информацией. Айше ждет на балконе, пока Акгюн спускается по лестнице. Глаза Хафизе расширяются, она простирает руки в изумлении, когда за гостем закрывается дверь. Она наблюдала, как и обычно, за сделкой по скрытой камере. Ее жест говорит: вы что, отказались от миллиона евро?

Да, говорит ей Айше, когда Акгюн уходит. Ты еще не нюхала его лосьон после бритья.

Его любовь пришлась на военное время. В конце лета Георгиос Ферентину оторвался от красивых, но абстрактных сплетений статистических регрессий и сложных алгоритмов и увидел развевающиеся кудрявые волосы и восхитительные скулы Арианы Синанидис на другой стороне бассейна Мерьем Насы. Юный рьяный старшекурсник был вовлечен в длительную воинственную переписку с ливанским экономистом из Нью-Йорка. Оппонент Георгиоса считал, что мир формируют случайные события, которые

лежат вовне прогностической теории. Люди и их жизни болтыхаются на волнах вероятности. Георгиос в ответ заявлял, что теория сложных систем сглаживает пики и впадины случайности до уровня повседневной банальности. Все бури в конечном итоге стихают. Тем летом они спорили через Атлантику, отправляя легкие синие конверты авиапочтой, пока в Стамбуле маршировали демонстранты, собирались протестующие, политические партии создавались, составляли манифесты, формировали альянсы, раскалывались на новые партии, а в мусорных урнах на улице Истикляль взрывались бомбы. В Анкаре генералы, адмиралы и командиры жандармерии встречались друг у друга дома. А в университетской библиотеке Георгиос Ферентину, тощий, гибкий парень с ясными, как у оленя, глазами, продолжал работать, словно бы не обращая внимания на ухудшающийся политический климат сезона.

А потом его пригласили на вечеринку Мерьем. Мерьем Насы — эквивалент современной стамбульской аристократии — происходила из семьи еврейских интеллектуалов, которые якобы жили на Босфоре со времен Диаспоры. Сама Мерьем не обладала особыми талантами, а потому ее

безнадежно влекло к одаренным людям. Она их коллекционировала. Ей нравилось собирать разных, иногда даже враждебных друг другу гениев вместе, чтобы посмотреть, достигнут ли они критической массы, объединятся ли, или разделятся, или сгенерируют взрыв креативной энергии.

— Если что и убьет Турцию, — говаривала Мерьем, — так это недостаток идей.

Никто в ее окружении не осмеливался упомянуть, что если что и убьет Турцию, так это пресыщение идеями, обилие политических концепций и идеологий. Но декан экономического факультета упомянул о смышленом и агрессивном старшекурснике, который ведет смехотворную, но отважную битву против американского академика, в десять раз превосходящего его в опыте и в сто раз — в репутации. Через три дня на стол Георгиоса Ферентину легло приглашение. Даже при его необщительности, он не мог игнорировать призыв от Мерьем Насы. И вот он сидел, словно аршин проглотив, во взятом напрокат костюме и дешевых ботинках, сжимая мертвой хваткой стакан, на ее террасе в Эникей, нервно морщась, когда кто-то двигался через его личное пространство.

— Дорогой, тут кое-кто хочет с тобой познако-

миться.

Мерьем была низкорослой дамой пятидесяти с хвостиком лет с копной волос, со скрипучим голосом, в пиджаке с подплечниками и осиной талией, но она сжала плечо Георгиоса Ферентину железной хваткой борца и подвела к группе мужчин у ступенек бассейна.

— Это Сабри Илич из «Хюрриет»,[41] Азиз Албайрак из отдела государственного планирования, а Акифа Хикмета с факультета ты уже знаешь. А это Георгиос Ферентину, тот самый плохой мальчишка, что не дает покоя Наби Нассиму в Колумбии.

Теплым сентябрьским вечером их разговор шел о нефтяном кризисе, который грянул год назад зимой, когда старушки замерзали в своих квартирах в Стамбуле. Сначала заикаясь в такой примечательной компании, Георгиос предположил, что более безопасное энергетическое будущее будет подпитываться природным газом. Газ менее подвержен политическим колебаниям цен в ОПЕК, в транскаспийском регионе газа так много, что, даже если сжигать его в газовых факелах, это все равно вернуло бы Турции ее тра-

---

[41] Примечания: 41
Крупнейшая и одна из самых авторитетных газет в Турции.

диционную позицию на Кавказе. Акиф Хикмет, подмигнув своему студенту, сказал, что американцам не понравится, если их основной партнер в обеспечении безопасности на Ближнем Востоке свяжется с их идеологическим противником ради энергетической политики. Сабри Илич, новый редактор отдела деловых новостей газеты «Хюрриет», сказал, что это в первую очередь американцы взвинчивают цены на нефть. Азиз Албайрак из Анкары заявил, что Турция должна смотреть на запад, а не на север, в сторону ЕЭС, а не СССР. Георгиосу было девятнадцать лет, на нем был костюм для похорон и дешевые ботинки, но люди, чье мнение формировало государство, закивали, когда он заговорил. Он почувствовал себя невесомым, наполненным светом, который готов был брызнуть из каждой поры, голова кружилась от интеллектуального волнения, но в то же время он вел себя уверенно и все контролировал. Он отдавал себе отчет, что его рот не откроется раньше времени и не выпалит лишнего. Теперь они энергично спорили о том, какие эффекты повлечет девальвация и конвертируемость лиры: Центральный банк откроется международным рынкам и инвесторам, но при этом лира станет уязвимой перед валютными спекулянтами. А что

думал на этот счет Георгиос-бей? Георгиос-бей на мгновение отвлекся от спора, и в ту же секунду девушка, которая так же увлеченно беседовала на другой стороне бассейна, отвела глаза. Их взгляды встретились. Этот взгляд стер все мысли. Георгиоса Ферентину поразил молнией старейший из богов. Его взгляд продолжил движение, но момент был упущен. Девушка вернулась к разговору, а он растерялся. Как всякий нормальный ботаник, который привык учиться под аккомпанемент телевизора, орущего радио, криков и воплей и оживленной болтовни, Георгиос отстранился от своей компании и настроился, словно радиоперехватчик, на далекую и яркую звезду — на нее. Девушка говорила о политике с группой очарованных мужчин, сидящих вокруг нее на мраморной скамейке, как жители античных Афин. Она строила теории касательно «глубинного государства», живучей турецкой паранойи, что государство — это тайная организация, которой управляет клика генералов, судей, промышленников и гангстеров. Массовая резня на площади Таксим за три года до этого и убийство Алевиса спустя несколько месяцев в Кахраманмараше, нефтяной кризис, длительная экономическая нестабильность и даже вездесущие «Серые вол-

ки», молодежное националистическое движение, распространяющее патриотические листовки и оскверняющее греческие церкви, — не звенья ли это цепи событий, за ниточки которых дергают пальцы Дерин Девлет, того самого «теневого государства». С какой целью, интересуются мужчины. Государственный переворот, объясняет девушка, наклоняясь вперед и сжимая пальцы. Именно тогда Георгиос Ферентину запал на нее. Классический профиль, решительный подбородок и красивые скулы. А еще то, как она покачала головой, когда собеседники с ней не согласились, и как качнулись при этом ее вьющиеся волосы. Она не стала спорить, а поджала губы и посмотрела на собеседников так, словно их тупость — оскорбление природе. Ее выражение лица во время спора уравновешивало поразительное спокойствие, пока она слушала, обдумывала и выстраивала новый ответ. Теперь она замолчала, ощутив чей-то взгляд, а потом повернулась к Георгиосу и улыбнулась.

В конце лета 1980 года Георгиос Ферентину влюбился в Ариану Синанидис около бассейна Мерьем Насы. Три дня спустя, двенадцатого сентября, начальник генштаба вооруженных сил Кенан Эврен сверг правительство и запретил

любую политическую деятельность.

И вот теперь Ариана вернулась в хитросплетение улиц, на площадь перед ним. Он пытается вообразить, как время оставило свои следы на ее лице, углубив морщинки, заострив и без того резкие черты, добавив теней. Вряд ли Ариана подурнела и раздобрела так, как он. Она всегда будет двигаться как муза. Но зачем она вернулась? Он стар, прошло сорок семь лет. Отважится ли он найти ее?

У всех меньшинств нюх на слежку. Георгиос медленно поворачивается на скрипящем кресле. Змея прильнула к стене, не сводя с Георгиоса своих ярких, словно драгоценные камни, глаз. Георгиос Ферентину кивает следящему за ним роботу и неуклюже спускается по лестнице в свою библиотеку. Какой-то он сегодня неповоротливый. Машина скользит впереди него по стене. Тот же инстинкт старого грека из Фенера[42] познакомил Георгиоса с соседским мальчиком Джаном Дуруканом. Как-то раз зимним вечером он размышлял над своим смарт-экраном, пока караель, черный ветер,[43] выискивал щели в оконной

[42] Примечания: 42
Название главного христианского района старого Стамбула.

[43] Примечания: 43
Название северо-западного ветра.

коробке; тут шею слегка заколoло, и Георгиос поднял голову. На резной деревянной люстре спрятался крошечный наблюдатель. Георгиос встал на стул, чтобы рассмотреть его получше, но штуковина упала на пол и бросилась к двери. Однако Георгиос был у себя дома. В мгновение ока он схватил пиджак со спинки стула и накинул на убегающего шпиона. Георгиос поймал его, поднял пиджак и остолбенел. Непонятный предмет корчился и бурлил, словно был чем-то инфицирован. Во все стороны расползались крошечные роботы-паучки. Георгиос с изумлением покачал головой. Когда последний паучок устремился к щели под дверью, ведущей в библиотеку, Георгиос накрыл его стаканом: «Попался!»

Через час в дверь его квартиры кто-то постучал.

— Входи! — сказал Георгиос. — Мне кажется, у меня тут есть одна твоя штучка.

Мальчик нахмурился, наклонился вперед. Разумеется. У него же нелады с сердцем. Как и все жители дома дервиша, Георгиос каждый новый год получал под дверь записку, в которой ему напоминали избегать громких ссор, тяжелой обуви, электроинструментов, а еще просили не стучать, не ронять кастрюли и убавлять музыку

и телевизор. Георгиос Ферентину уже двадцать лет не держал в тесной кухоньке ничего тяжелее металлического чайника и, что нетипично для математика, не обладал музыкальным слухом. Твой паучок в библиотеке, написал Георгиос карандашом на стене у двери. Мальчик вытаращил глаза при виде такого беззаботного вандализма.

— Это библиотека? — спросил Джан тихим невыразительным голосом. Он оглядел побеленную комнату с единственной латунной лампой и маленькими окном, закрытым ставнями. — У женщины внизу сотни и сотни книг.

— Но те книги не для чтения, — написал Георгиос на смарт-экране, лежавшем на старом столе в оттоманском стиле. Библиотека, полная книг, которые никогда не читают, это не библиотека. Он позволил словам стираться самим, буква за буквой. — В этой библиотеке всего одна книга, но это все книги мира.

Георгиос оставил битбота под перевернутым чайным стаканом, в который он заключил его под стражу на полу. Он написал: «Умная технология». Жестом велел Джану поднять стакан. Маленький робот пополз по указательному пальцу мальчика, забрался под рукав футболки, а потом на завиток волос на виске. Эта штучка могла бы

стать не просто игрушкой, а чем-то большим.

— Что вы имеете в виду?

— Мы могли бы ее перепрограммировать. Заставить делать действительно интересные вещи.

Джан дважды моргнул, глядя на старика.

— Мне пора идти, а то мама будет волноваться. Ей не понравится, если она узнает, что я приходил к вам. Она считает вас педофилом. Я вообще-то так не думаю, но мне все-таки пора.

Возвращайся, подумал Георгиос, глядя на закрывающуюся дверь. Джан действительно вернулся на следующий день, а на его плече ехала Обезьяна. Начался медленный, осторожный процесс обучения.

И вот уже в другое время года и вообще в другом году Джан ждет в Библиотеке Всех Книг. Он кивает. Змейка стремительно ползет по потолку и падает. Прямо в воздухе она распадается на компоненты, а потом облако микророботов превращается в Птицу. Она взлетает и садится мальчику на плечо. Джан аккуратно вытаскивает беруши из ушей. Георгиос всегда задерживает дыхание, когда Джан вынимает этот тонкий механизм. Сегодня мальчик сам на себя не похож. Он взволнован, лицо пылает. Георгиос заваривает чай. Два стакана, два блюдца, две ложки. Друг

напротив друга за крошечным белым столом.

— Господин Ферентину, я ходил смотреть на бомбу. Ну, вы знаете, ту, что взорвалась на проспекте Неджатибей.

Георгиос размешивает ленивые кристаллики сахара на дне стакана. Маленький мирок Джана полон громких историй. Джан продолжает нетипично громким голосом:

— Я спрятался перед зданием «Альянса», а рядом, на соседнем доме, сидел еще один робот, тоже прятался, как я. Я решил, что он наблюдает за бомбой, но нет. Он наблюдал за людьми, которые ехали в том трамвае. Он смотрел на всех них, а потом двинулся следом за одним из них. Господин Ферентину, он следил за господином Хасгюлером с нижнего этажа.

— За Исметом? — Георгиос боится шейха[44] Исмета. Тот — полный контраст его жизни.

— Нет, за другим.

— За Неджетом. Не знал, что Неджет там был, но зачем кому-то интересоваться им?

— Ну эта штука за ним следила, и не только она. Там был еще один робот, я его не заметил, зато

[44] Примечания: 44

Шейх — в арабских странах: глава рода, старейшина общины. В исламе: почетное звание представителя высшего духовенства, а также лицо, носящее это звание. Так называют и руководителя религиозной группы.

он заметил меня. Он за мной гнался и поймал бы, если бы Обезьяна вовремя не прыгнула. Он за мной охотился, господин Ферентину.

— Охотился?

— По крышам. Он был страшный, но классный. Большой и быстрый, но не слишком умный. Я проделал тот трюк, который тренировался делать: прыгнул и прямо в воздухе превратился в Птицу. А тот робот решил, что дальше еще одна крыша. Упал и разбился. Прямо у Кенана.

Ложка выскальзывает из рук Георгиоса Ферентину и ударяется о стенку хрупкого чайного стакана в форме тюльпана, раскалывая его. Чай разливается по столу. Георгиос вытрет его позже.

— А эта штука знает, где ты живешь?

— Нет, я же говорю, я его обманул и убил.

— Прямо у Кенана, говоришь? Я не против пойти взглянуть.

Джан вскакивает с места, а Змея на плече сотрясается волной. Георгиос жестом велит ему сесть обратно.

— Останься тут. Кто бы ни послал этого робота, он сейчас его ищет. Вряд ли этим людям стоит знать, что ты живешь здесь.

— Вы думаете, это заговор?

— Господин Дурукан, если Господь мертв, то

все вокруг — заговор.

Джан прижимается лбом к окну в крошечной чайной. Мистер Ферентину ковыляет вниз по ступенькам, приветствует Бюлента и Айдына, продавца бубликов, и выглядывает из-за аппарата, торгующего кока-колой. Справа, справа от вас, двигаются губы Джана, и он молча машет рукой в сторону улицы. Он там, прямо там. Георгиос Ферентину выглядывает и снова прячется, лицо красное, словно вот-вот взорвется. Он разводит руки в жесте непонимания. Ничего!

— Но там был робот, правда был, он правда охотился за мной, и я его убил, — говорит Джан, когда господин Ферентину возвращается.

— Я тебе верю. Они его уже унесли. У них есть видеосъемка твоих роботов. И если эти люди по каким-то причинам интересуются господином Хасгюлером, то вернутся в дом дервиша.

— Но если они следят за Неджетом, то я мог бы наблюдать за ними.

— Господин Дурукан, я думаю, тебе с твоими роботами стоит оставаться в тени.

— Но я знаю этот дом, как никто другой. Все его потайные места. Меня никто никогда не найдет.

Я же слежу за вами, думает Джан, за девушкой Лейлой, которая слишком много смотрит телеви-

зор, а она и не догадывается. Я слежу за всеми.

— Я запрещаю и очень разозлюсь, если узнаю, что ты этим занимаешься.

— Но это заговор, прямо на пороге моего дома. Это же круто! Настоящий заговор!

— Господин Дурукан, мой опыт подсказывает, что настоящие заговоры — это не так уж круто. Настоящие заговоры опасны, они ошеломляют, утомляют и пугают. Когда речь о настоящем заговоре, ты уже себе не принадлежишь. В любом случае это не для девятилетнего мальчика. Забудь об этом.

Георгиос Ферентину берет тряпку и вытирает пролитый чай, стараясь не порезаться об осколки стекла.

Первого джинна Недждет видит сидящим на сушилке для рук, когда выходит из туалетной кабинки. Джинн похож на тучного ребенка с глазками-щелочками и пухлыми щеками. Он горит. Недждет чувствует тепло прямо от двери кабинки. Джинн шкворчит и шипит, как жарящийся жир.

— Мм, хочешь высушить мне руки? А это гигиенично?

Джинн наклоняет свою толстую голову на один бок и протягивает вперед коротенькие ручки.

Неджет тянется к ним своими руками. Жар невыносим. Руки высыхают мгновенно.

— Ну я пошел.

В коридоре ему в голову приходит вопрос: а почему сушилка не расплавилась? Неджет заглядывает в туалет. Разумеется, пусто. Джиннов никогда не оказывается на месте, когда вы их ищете. Его начинает трясти. Неджет наклоняется над раковиной, ощущая спазмы в желудке. Он прижимается лбом к холодному фарфору. Твердая, надежная, прохладная определенность. Неджет не осмеливается поднять глаза. Возможно, это существо с ужасным лицом младенца снова сидит на сушилке для рук. Или там что похуже. Или голова той женщины, что взорвала себя в трамвае. Неджет наклоняет голову под кран и жадно заглатывает холодную свежую воду, позволяя ей течь по лицу, попадая в глаза. Смыть с них то, что они сегодня видели. Когда Неджет поднимает голову, в туалете по-прежнему пусто.

В холле Мустафа отрабатывает высокий удар с закруткой. У Мустафы всегда есть план. Ни один не принес ему ни цента, не говоря уж о том, чтобы помочь сбежать из алюминиевой коробки здания Центра спасения бизнеса, но теория заключается в том, что, если он будет генерировать достаточ-

ное количество идей, одна из них непременно выстрелит. Одна из последних — использовать то, что он заперт в Центре спасения, превратив его в городской клуб для занятий гольфом.

— Это новый городской вид спорта, — говорит Мустафа. — Превратим здание в поле для гольфа. Коридоры станут фарвеями,[45] а офисы — гринами.[46] Но это даже круче, чем просто гольф, ведь придется огибать углы и загонять мячики наверх через лестничные пролеты. А офисная мебель, перегородки и всякая оргтехника будут играть роль помех и неровностей. Никогда не знаешь, куда угодит мячик. Что-то типа гандбола, или сквоша, или безумного трехмерного гольфа. Может, стоит выдавать защитные каски и очки, как думаешь? Я собираюсь написать рекламный проспект, уверен, мне удастся привлечь инвестиции. Это еще одна великая турецкая идея!

Мустафа ударяет клюшкой, и мячик летит по коридору со стартовой площадки на пустой стойке регистратора. Удар с подкруткой, так что мяч ударяется о стену перед поворотом и рикошетом

---

[45] Примечания: 45

Часть поля от стартовой площадки до лунки.

[46] Примечания: 46

Ровная площадка или участок с травой в конце фарвея для перемещения мяча в лунку.

отлетает за угол. Мустафа закидывает клюшку на плечо. У него полно времени для тренировок.

Вы могли бы обойти вокруг здания Центра спасения и даже не понять, что оно там есть. Сотни людей делают так каждый день. Сорок тысяч квадратных метров офисного пространства встроены в фундамент небоскреба Башни Эмирата. Похожие на пещеры холлы, офисы и переговорные, склады, кухни и туалеты, даже комната отдыха и спортзал похоронены под землей и никогда не видели солнечного света. Если землетрясение, пожар или наводнение сотрет с лица земли сияющие башни, корпорация без потерь переведет свой бизнес в Центр спасения. Площади хватит для того, чтобы вместить всю стамбульскую фондовую биржу. За те полтора года, что Недждет провел здесь, красный телефон прозвонил всего один раз, да и то кто-то ошибся номером. Мустафа тут с первого дня. Недждет — единственный из его напарников, кому удалось продержаться больше шести месяцев. Мустафе нравится пыльное одиночество залитых неоновым светом рабочих станций, переговорных, стулья в которых расставлены на равном расстоянии вокруг овальных столов. Это пространство для креативного мышления. Тысячи цветов рас-

пустились среди этих пулов серверов.

— Отличный удар, — говорит Мустафа, потрясая кулаком в воздухе, как заправский гольфист. — Что с тобой? Ты выглядишь так, будто привидение увидел.

— Не привидение. Я видел джинна в туалете.

— А, это любимое место джиннов. — Не впечатленный Мустафа забрасывает клюшку на плечо и соскакивает со стойки. У него полно времени, просто целый вагон, чтобы разбираться понемногу во всем, чем угодно. — Согласно мистикам и суфиям, которые изучают подобные явления, надо спрашивать разрешения каждый раз, как соберешься отлить.

— Он сидел на сушилке для рук и выглядел как ребенок. Горящий ребенок.

— Ну, тогда другое дело. Понеси, пожалуйста. — Мустафа передает Неджду питчинг-ведж, патер и несколько айронов.[47] Он всего-то на три года старше Неджда — они говорили о возрасте, они вообще обо всем говорили в бункере, — но ведет себя как умудренный жизнью космополит. — Я склонен к теории, что джинны — это избыточные мысли, оставшиеся с момента Сотворения мира,

---

[47] Примечания: 47
Названия клюшек, предназначенных для различных ударов.

воспоминания о Большом взрыве, так сказать. Именно поэтому они — создания огня. Среди имамов, которые чуток разбираются в квантовой физике, бытует новая теория о том, что джинны — это мы, только в параллельной Вселенной. Но я думаю, в данном случае это, скорее всего, эмоциональная травма из-за пребывания в эпицентре взрыва. Такое просто не проходит. Уверен, у них тут есть штатный психолог. Я бы лично дал тебе выходной, но это не в моих силах, увы. — Центром спасения управляет вечно жующая жвачку Сьюзан; когда она дважды в неделю звонит, чтобы убедиться, что Неджет и Мустафа не поубивали друг друга пожарными топорами, то чавкает так, словно жует жвачку размером с автомобиль. Но ни Неджет, ни Мустафа никогда ее не видели. — А может, ты всего лишь надышался там дыма, а теперь подействовало. Дай-ка мне вон ту клюшку, пожалуйста.

Это объяснило бы появление парящей светящейся головы смертницы, думает Неджет, выбирая нужную клюшку из тех, что зажаты в руке. Я тебе об этом не сказал, поскольку и сам так думал. Но я чувствовал жар того джинна на своем лице. Я сушил им руки. Посттравматическим шоком руки не высушишь.

Мустафа обращается к мячу. У него отличная позиция в центре коридора, идеально подходящая, чтобы нанести короткий удар и отправить мячик на лестницу. Мустафа подергивает ягодицами. Какое-то мерцание, которое Неджет видит боковым зрением, заставляет его обернуться и взглянуть через плечо. За стеклянной стеной расположен основной операционный отдел: двадцать семь тысяч квадратных метров пыльных столов, задвинутых стульев и устаревших компьютеров. Все мониторы, насколько Неджет может видеть, потрескивают от статического электричества и демонстрируют призрачное лицо из другой Вселенной.

Римский император Веспасиан говорил, что деньги не пахнут. Император врал. Деньги в каждом выдохе, который Аднан Сариоглу делает на торговой площадке. Запах денег — это ионный заряд Товарно-газовой биржи Озер,[48] сладковатый и мускусный, электричество и углеводородный запах нагретого пластика, времени и напряжения. Для Аднана, который переквалифицировался из инструктора по плаванию в трейдера, деньги пахнут как гидрокостюм, кото-

[48] Примечания: 48
Товарный рынок.

рый надевала женщина.

Площадка на торговой бирже, которую на сленге называют «ямой», представляет собой цилиндр в самом сердце стеклянной башни Озер: восемь этажей по кольцу вокруг центральной шахты, венчаемой куполом из витражного стекла, который отбрасывает цветные сполохи на трейдеров, выстроившихся вокруг Денежного дерева. Так Аднан называет процессор, который тянется от пола до потолка: ярусы серверов и сетей, и каждый их уровень настроен на определенный товар. Газ медлителен, поэтому газовые трейдеры на втором ярусе, том, что выше неочищенной нефти, и Аднана лишь иногда удивлял синий или золотистый осколок света, который просачивался через джунгли роутеров, серверов и источников питания и падал на его лицо. Углерод выше всех, почти под самым куполом. Углерод возвышенный, углерод чистый.

Аднан Сариоглу протягивает руку и двигает экраны с транзакциями вокруг ветвей Денежного дерева. Он открывает новые таблицы с ценами, некоторые увеличивает, другие отодвигает в глубь центрального дерева. Для виртуального взора трейдера Озера информационный столб в центре густо порос информационными листьями,

почти непроходимыми в общей листве мировых рынков. Торговые площадки, на которых раньше громко выкрикивали заявки и цены, стали молчаливыми, словно монастыри дервишей, поскольку теперь всю информацию по торгам в виде луча направляют в глазное яблоко, а программы-помощники нашептывают подсказки во внутреннее ухо. Аднан познакомился со старой торговой площадкой, будучи стажером в красном пиджаке, но вопли трейдеров, который орали друг другу в лицо, сотрясли его кровеносные сосуды и эхом отозвались в желудочках сердца. Когда прозвонил звонок, и торги закрылись, а он вошел в кабинет, тишина буквально сбила с ног, словно прибойная волна. Теперь единственное место, где он сталкивается с нарушением тишины, это трибуны стадиона Аслантепе.

На новой фондовой бирже вся суета стала визуальной. Аднан двигается через вихри информации, экранов и панелей, которые кружат вокруг него, словно скворцы зимним вечером. Трейдеры разодеты, как павлины, разительно отличаясь от одетых в строгие цвета дилеров и офисных работников вспомогательных подразделений. Некоторые трейдеры вшивают в пиджаки полоски наноткани или целиком шьют их из

ткани-«хамелеона». В моде мерцающие огоньки на манжетах, по подолу и на лацканах. Другие навешивали на себя атрибутику хеви-металл, ревущих динозавров, вращающиеся значки «евро», фигурки обнаженных красоток или логотипы футбольных команд. А команда трейдеров Онур-бея взяла на вооружение рисунок в виде тюльпана, распространенный в Эпоху Тюльпанов.[49] Аднану кажется, что это не по-мужски, да и вообще декадентство. Сам он носит пиджак с красными и серебряными вставками — это цвета Озер. Просто, четко и естественно, как и подобает мужчине. Единственное отступление от естественности — нашивка с крупными буквами ДРК, которые означают «Драксор»: некогда ультралорд Вселенной, навеки ультралорд Вселенной.

Аднан протягивает руку и кликает по одному из экранов из плотного потока вокруг него. Через десять минут сигнал оповестит о закрытии биржи в Баку, этом крупном газовом рынке в Центральной Азии. На грани закрытия появляется разница курсов между Баку и Стамбулом. В те несколько секунд, пока рынок реагирует, дилеры типа Аднана Сариоглу могут заработать

[49] Примечания: 49

Последние двенадцать лет, правления первого «европейски ориентированного» султана Ахмеда III (1718–1730 гг.).

деньги. Главное здесь — спекуляции на разнице курсов. Представитель Озера в Баку — Толстый Али. Аднан встречался с ним на корпоративном мотопробеге в Каппадокии. Аднан не особенно хорошо ездил на мотоцикле. Как и Толстый Али. Оба предпочитали машины, так что оставили коллег наедине с их кожаным шмотьем и пылью дорог, а сами провели день, попивая вино на террасе на крыше отеля и размышляя, хорошим ли вложением станет покупка винодельни. Они тогда много выпили. Помимо любви к машинам и вину их объединяла любовь к родному футбольному клубу. Короче, они поладили. Но Толстый Али не был ультралордом.

Глаза Аднана перескакивают с экрана на экран, со второго на третий. Каждые две секунды Аднан проверяет цены на июньские поставки в Баку. Наночастицы в голове поддерживают необходимый уровень концентрации.

— Четыреста сорок шесть, процесс идет вяло, — говорит Аднан. — Вы там живы вообще? Давай, Али, кто-то из ваших любителей верблюдов должен начать покупать опционы.

Ангел спекуляции — это ангел разницы. Программы-помощники могут среагировать быстрее любого человека, но когда они пытаются подтолк-

нуть рынок, то любой мало-мальски разумный человек увидит, что они прут, как поезд. Некоторые дилеры во многом полагаются на помощников. Аднан доверяет своему чутью и способности увидеть процесс за несколько секунд до того, как цифры появятся на экране. Приди ко мне, о ангел разницы.

— Четыреста сорок семь, торговля вялая, — вторит Толстый Али в Баку.

Но в какой-то момент, когда часы начинают отсчитывать секунды до окончания торгов, найдется какой-нибудь местный трейдер, который закупается в Баку, но не имеет представителя на центральной стамбульской бирже и не может вести здесь торги. Цена уйдет в Баку, и за те несколько секунд, пока рынок в Стамбуле не дернулся, Аднан Сариоглу и Толстый Али успеют заработать.

— Что там делает «Бранобель»?[50]

— Сидит ровно.

Экран из Баку замирает перед Аднаном.

— Ага, у нас четыреста сорок пять.

Вот она, разница. Теперь все что нужно — вос-

---

[50] Примечания: 50

Аллюзия на реально существовавшую российскую нефтяную компанию — «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель», которая вела нефтедобычу и нефтепереработку в Баку.

пользоваться ею. Аднан крутит экраны вокруг себя. Кто-то хочет продать по-крупному. Давай же, ублюдок, я тебя чую.

— Высунется, и мы его застрелим.

Аднан двигает руками — это танец, это код. Новое предложение растекается от него по многим экранам на Денежном дереве, словно ветер, который треплет листву. Мгновенно реагируют программы-помощники. Сейчас мы тебя спугнем, думает Аднан. Где-то тут есть дилер с ограничением на ежедневное понижение цен на свои контракты. Аднан резко снизил цену, чтобы посмотреть, пойдет ли рынок и дальше вниз. Столкнувшись с перспективой неограниченных убытков, тот трейдер вынужден будет продавать. Ага, вот оно. Одна звездочка горит ярче других на задней стенке сетчатки глаза Аднана. Стоплосс.[51] Аднан покупает две сотни. В то же время Толстый Али продает все те же две сотни, играя на разнице курсов в Баку. Куплены в Стамбуле по четыре сорок пять, проданы в Баку по четыре сорок семь. Две секунды работы и сорок тысяч евро прибыли. Еще через две секунды рынок выравнивается и закрывает разницу. Ангел раз-

[51] Примечания: 51

Биржевая заявка, выставленная трейдером с целью ограничить свои убытки при достижении ценой заранее определенного уровня.

ницы летит дальше. Ни за что на свете никто не должен унюхать газ, который купил Аднан. Это было бы ужасной ошибкой. Это секрет Товарно-газовой биржи Озер: никогда не оставляй у себя никакого газа, никогда ничего не запасай, и тогда не придется отдуваться. Обещания и опционы — вот здешняя валюта.

Программа-помощник Аднана фиксирует сделку и перебрасывает в офис Кемалю. Сорок тысяч евро. По его деньгам волнами проходит запах неопрена, выцветшего под солнцем и согретого женским телом. Замечательная сделка, и мало кто смог бы разыграть все лучше, чем Аднан Сариоглу и Толстый Али, но не здесь сокрыты настоящие деньги.

Товарные деньги всегда будут быстрыми, эти деньги приходится подманивать к себе лестью, они хитрые и стремительные. Если ты их заработал, значит, кто-то другой потерял. Это закрытая система. В Озере не бывает ничьей. А вот Бирюзовая площадка — совсем другое дело, там настоящие деньги. Деньги, которых хватит, чтобы прекратить кого-то обманывать и барыжить коврами. Там волшебные деньги, возникающие из ниоткуда. Пять минут до закрытия в Баку, час до сигнала в Стамбуле. Аднан Сариоглу взмахи-

вает руками, раскрывая перед лицом экран со спотовыми ценами на двадцать четыре часа. Что-то есть, какая-то тень динамики, словно водяной знак на банкноте. Как я смогу здесь заработать?

Лейла на Нанобазаре. Эти бизнес-ячейки, отделенные стенами из прессованного углеводородного волокна, — караван-сарай, где торгуют на наноуровне. Баннеры и указатели делят крышу «Бигбокса» с турецким полумесяцем и звездами на флаге Европейского союза. Стену, выходящую на улицу, украшает огромная фреска, изображающая порядок величин во Вселенной, начиная с космологических слева до квантовых справа, на самом краю, выложенных в виде растительных орнаментов керамической плиткой из Изника. В центре, где прорублены ворота, напоминающие вход в покои хана, дан масштаб человеческого роста. Пока Лейла рассматривает стену Нанобазара, подъезжает и отъезжает с десяток грузовиков, автобусов и долмушей, а вокруг нее снуют мопеды, желтые такси и маленькие трехколесные ситикары. Сердце Лейлы выпрыгивает из груди.

Она всегда-всегда мечтала оказаться на таком базаре. В Демре, с гордостью заявляющем о себе как о родине Санты, к сожалению, наблюдалось полное отсутствие лавок чудес. Маленькие ма-

газинчики, полупустые сетевые супермаркеты, постоянно балансирующие на краю разорения, огромные торговые центры, обслуживающие фермы и отели, втиснулись между пластиковым небом и галечным берегом. Русские прилетали сюда чартерными рейсами погреться на солнышке и напиться до потери пульса. Ирригационное оборудование и импортная водка — типичная для Демре комбинация. Но в Стамбуле все иначе. Стамбул — волшебный город. Вдали от дома, вдали от влажной клаустрофобии теплиц, простиравшихся на гектары вокруг, можно стать безымянной песчинкой в самом большом городе Европы. При этом благодаря анонимности появляется свобода быть глупой, фривольной, жить фантазиями. Гранд-базар! Само имя чудесно. Гектары китайских шелков и ташкентских ковров, рулоны дамаста и муслина, медь, серебро, золото и редкие специи, наполняющие воздух пьянящим ароматом. Купцы, торговцы и караванщики. Рог изобилия, куда доставлялись в итоге грузы по Шелковому пути. Гранд-базар в Стамбуле оказался дерьмом, полным мошенников. Всякая ерунда для туристов по бешеным ценам, дешевая и блестящая. Покупай, покупай, покупай. Египетский базар оказался точно таким же. За этот сезон Лей-

ла посетила все старые рынки в Султанахмете и Бей-оглу. Магии там не было.

А тут чувствовалась магия. Опасная, как и положено настоящей магии. Это была новая конечная станция Шелкового пути, сюда стекались со всей Центральной Азии инженеры и нанопрограммисты, купцы и караванщики, творящие Третью промышленную революции. Лейла смело вошла в ворота.

Воздух на Нанобазаре тяжелый, каждый вдох — новая эмоция. Радостная эйфория сменяется нервной паранойей, а через несколько шагов и ужасом. Перед ней кружится пыль, поблескивая в тонких солнечных лучах, которые пробиваются через покрытый пятнами пластиковый навес. Пыль собирается в призрачное отражение ее лица. Оно хмурится, шевелит губами, словно желая что-то сказать, а потом исчезает во вспышке света. Крошечные крысоботы стремительно огибают ее каблуки. На окнах нефтяной пленкой мерцает телевизионная картинка, вместе с жалюзи раскатываются огромные логотипы брендов, все те замечательные марки, которыми она насладится, когда получит приличные деньги за работу маркетолога. Пузыри стремительно летят ей в лицо, девушка отшатывается, когда они лопают-

ся, но затем радостно охает, поскольку каждый маленький взрыв сопровождается отрывком из хита прошлого лета певицы Гюльшен. Птички, которые выглядывают, сидя на желобах отдельных отсеков, вовсе не птицы. А лицо Ататюрка на футболке проходящего мимо парня внезапно бросает на нее взгляд и хмурится. Лейле хочется захлопать в ладоши от изумления.

— Отсек двести двадцать девять? — спрашивает Лейла у бородатого мужчины с кудрявой шевелюрой.

Он наклонился над мотором маленькой трехколесной транспортной тележки, на боку которой написано «Бекшир. Борщ и блины». Лейла слышала, что русская еда очень модна среди технарей. Водка замораживается в камерах охлаждения реактора. Парень хмурится, глядя на нее, и что-то ворчит по-русски. Она так часто слышала эту речь от пьяных туристов. По сравнению с музыкой турецкого русский кажется ей гортанным и грубым, но сейчас он звучит волнующе, пикантно, экзотично. Два десятка разных языков звенят в воздухе вокруг этой бывшей военной авиационной базы в дешевом квартале района Фенербахче.

— Отсек двести двадцать девять?

Парень только что купил с лотка два стакана кофе, по одному в каждой руке, — кофе в европейском стиле, не кофе, а ароматизированное молоко со вкусом кофе, которое продают в картонном стаканчике с деревянной палочкой. Он высокий, бледный и долговязый, причем лицо выглядит старше, чем одежда: немного тяжеловатая челюсть и задумчивые щенячьи глаза, которые он постоянно отводит, избегая ее взгляда.

— Он там, в Меньших.

— Где?

— Ну, у нас тут все организовано по технологическому масштабу. Милли, микро, нано. Маленькие, Меньшие, Наименьшие. Маленькие — это красиво. Размер имеет значение. Я туда как раз собираюсь.

Лейла протягивает ему руку. В ней зажата визитная карточка. Мужчина поднимает, извиняясь, стаканчики с кофе.

— Я Лейла Гюльташлы, фрилансер, маркетинговый консультант. У меня встреча с Яшаром Джейланом из «Джейлан-Бесарани».

— А что вам надо от Яшара?

— Он хочет, чтобы я подготовила бизнес-план расширения компании. Привлечение капитала, белые рыцари, венчурные компании и все такое.

— Венчурные компании. — Он с шумом втягивает в себя воздух. — Понимаете, меня пугают все эти разговоры про деньги.

— Не так страшно, если знаешь, что с этим делать.

Несмотря на объяснения тетушки Кевсер, Лейла так и не поняла, кем ей приходится Яшар, но он был милым и вежливым, когда она позвонила; без типичного для гиков[52] эгоцентризма.

— Фенербахче, да, поняла.

Далековато, пять разных видов транспорта. Если повезет, то на дорогу уйдет полтора часа. Нет, скажем, три. Она снова приняла душ под дорогой водой, отгладила печальные складки на своем костюме для собеседований и вышла с большим запасом.

— Нанотехнологии.

— Типа того.

Нанотехнологии или даже «типа того». Что она знает об этом? Да что вообще хоть кто-то знает по-настоящему о нанотехнологиях, кроме того, что это новая модная тенденция, которая обещает изменить мир так же радикально, как информационные технологии поколение назад.

---

[52] Примечания: 52

Люди, чрезмерно увлеченные чем-то, к примеру компьютерными технологиями.

Никакой специальной подготовки, кроме хорошо отутюженного костюма и непреодолимой веры в собственные способности. Это настолько далеко от Демре, насколько возможно.

— Отсек двести двадцать девять. — Парень машет кофейными стаканчиками и проходит вслед за девушкой в безымянный однокомнатный офис. — Яшар, это Лейла Гюльташлы. Она наш маркетинговый консультант.

— Ах да, рад встрече!

Лейла пытается подавить румянец смущения, пока пожимает руку молодому парню, который вскочил из-за стола прямо у стены. У Яшара Джейлана слишком длинные волосы, слишком толстый живот и густая растительность на лице, но у него яркие глаза, он выдерживает взгляд Лейлы и сердечно пожимает ей руку. Обмен информацией, рука к руке, визитка к визитке.

— Как я понимаю, вы уже познакомились с Асо, моим деловым партнером.

— Деловой партнер, разумеется, мне стоило бы догадаться, тетушка Кевсер ничего не сказала мне, партнер, ну, ну… конечно же, — мямлит она, как деревенщина.

— А это Зелиха.

Четвертая в крошечном кабинете — это де-

вушка около тридцати, почти потерявшаяся за грудами инвойсов и всяких бумажек, которыми завален маленький стол. Она хмурится, глядя на Лейлу, — судя по всему, расстроена, — а потом прячет лицо за одним из кофейных стаканчиков. Два стола, три стула, шкаф, на котором стоит принтер, ряд модных уродливых фигурок «Урбантой» на подоконнике за спиной Яшара. Они вчетвером втиснуты в комнатушку, словно дольки апельсина.

— Так чем вы тут занимаетесь?

Яшар и Асо переглядываются.

— Программируемой нуклеиновой биоинформатикой.

— О'кей, — говорит Лейла Гюльташлы. — Может быть, самое время сообщить, что я понятия не имею, что это такое.

— Ну да, и ты вовсе не настоящий маркетинговый консультант, — говорит Яшар. — Прости. Тетя Кевсер мне рассказала.

Зелиха хихикает над кофе.

— Но ты нам все равно нужна, — быстро добавляет Асо. — Мы так же мало знаем о маркетинге, как ты — о программируемой нуклеиновой биоинформатике.

— За исключением того, что если мне придется

рекламировать ее, то мне стоит хотя бы в общих чертах иметь представление, что это.

Яшар и Асо снова переглядываются. Они напоминают двух комиков на детском телеканале.

— Понимаешь, мы занимаемся реально мелкими штуками, — говорит Яшар.

— Но не самыми, — заключает Асо.

— Да, никаких микроботов и умного песка.

— Это не нано и уж тем более не фемто.

— Мы где-то между.

— На клеточном уровне.

— Технология, которая сближается с биологией.

— Биология, которая сближается с технологией.

— Получается биоинформатика.

— Стоп, — говорит Лейла Гюльташлы. — Может, я и не спец по маркетингу, но понимаю одно — если вы будете в такой манере общаться с потенциальными инвесторами, то они вас просто выкинут прочь.

— Ладно-ладно, — Яшар поднимает руки. — Вернемся к азам. К масштабам. Мелкие технологии — это, к примеру, микроботы.

— Ага, типа битботов или полицейских роботов, — весело говорит Лейла.

— Да, — говорит Яшар. — На другом конце масштабной линейки самые мелкие технологии, если не считать квантовые точки, — это нанотехнологии, которые начинаются при масштабе в одну десятую длины волны света.

— Ага, это то, что я прыскаю в нос, когда хочу что-то запомнить, сконцентрироваться или просто на время притвориться кем-то другим, — говорит Лейла. — То, что заставляет рисунки на футболках двигаться, то, благодаря чему у нас есть смарт-бумага, то, что выводит лишний холестерин из сосудов или алкоголь из печени. То, благодаря чему мой цептеп или машина, если бы у меня была машина, перезаряжаются за пять секунд.

— Ну, этим дело не ограничивается, — говорит Яшар.

— А есть кое-что между, именно здесь наша область деятельности. Мы работаем с клетками человеческого тела, — объясняет Асо.

— Типа крошечных подводных лодок в кровотоке? — уточняет Лейла.

Оба парня смотрят на нее. Зелиха снова хихикает.

— Ну, это научная фантастика, — говорит Асо.

— Понимаешь, на клеточном уровне вязкость

крови столь высока…

— Стоп. Хватит этого парного конферанса. Просто скажите, это связано с репликаторами?

Яшар и Асо в ужасе, словно Лейла обвинила их в педофилии. Даже Зелиха взбешена.

— Мы занимаемся биоинформатикой, — бурчит Яшар.

— А изучение репликаторов проходит под строгим надзором правительства и при наличии правительственной лицензии, — добавляет Асо. — Эксперименты с репликаторами можно проводить только на научно-исследовательских базах, одобренных правительством, а они все в Анкаре.

То есть кто-то на этом базаре чудес экспериментирует с репликаторами, думает Лейла. Интересно, в каком из отделов — Маленькие, Меньшие, Наименьшие? Репликаторы были опасны. Репликаторы были новым ядерным оружием. Репликаторы убивают вас, без вопросов, без жалости. Репликаторы были концом света, который наползал, один безжалостный атом за другим. Это давний детский кошмар: Лейла не могла уснуть и спустилась вниз по лестнице. Тихонько-тихонько, никто не услышал. Мама с папой сидели каждый в своем кресле, старший

брат Азиз и сестра Хасибе развалились на полу. По телевизору шли новости, и лица казались синими от света, который лился с плоского экрана, занимавшего всю стену. На этом уровне ужаса нельзя уже избежать. Мир двигался к концу по наихудшему из сценариев. Позднее Лейла узнала имя этому апокалипсису. Серая слизь.[53] Она видела, как медленная серая волна поглотила город типа Демре. Дома, улицы, мечеть, торговый центр, автобусную остановку, автобусы, машины на улице — постепенно все захватила ползучая масса, серебристая, как плесневый грибок, который пробирался в теплицы, превращая томаты из темно-красных в мягкие и пушисто-серые.

В том Демре-смертнике не было людей. Но в фильме показали, как кошку, черную кошку с белыми лапками и хвостом, загнала в угол неизбежная серость, поглотила, превратив в серебристый коврик в форме кошки, который несколько мгновений корчился, а потом растаял. Девочка начала орать.

— Все хорошо, милая, все хорошо, это лишь

---

[53] Примечания: 53

Гипотетический сценарий конца света, связанный с развитием молекулярных нанотехнологий и предсказывающий, что неуправляемые самореплицирующиеся нанороботы поглотят все доступное им вещество Земли.

телепередача, это все не по-настоящему, старый глупый фильм. — Мать обнимала ее, а отец быстро переключил на какое-то шоу про ясновидящих.

Но Лейла видела значок в углу экрана и понимала, что он значит. Это были новости, это была правда. Откуда это, где это происходит? Ей было семь, может, семь с половиной, но картинка, как ее мир, родители, все и вся, что она любила, особенно Бубу, кошка, которая охотилась на мышей в теплицах, превращается в серую плесень, заставляла ее просыпаться с криком от ночных кошмаров. Годы спустя, когда она пересказала историю на семейном собрании, то наконец выяснила, что это сняли в ответ на заявление Анкары о придании особого экономического статуса развитию нанотехнологий, чтобы повысить научный статус Турции как кандидата на вступление в Евросоюз. Это была искусная компьютерная анимация, показывающая, как сбежавшие репликаторы пожирают мир. Пророком нанотехнологического конца был плотный элегантный мужчина с аккуратно подстриженными седыми усами и самыми узенькими глазами, какие ей доводилось видеть. С тех пор она много раз видела Хасана Экена, поскольку

он все еще был экспертом по опасностям гонки нанотехнологий. Доктор Слизь, как называли его журналисты, но в ту ночь он был ангелом смерти. Он напугал ее больше, чем кто бы то ни было до или после. Репликаторы — это смерть.

Она обвинила потенциальных новых клиентов в том, что они гики и преступники, занимающиеся репликаторами. Да, так не работают с клиентами.

— Короче, биоинформатика — это наука о том, как ДНК… это материал в ядре каждой клетки твоего тела, которая программирует, как соединяются протеины, создающие живое вещество… — начинает Яшар.

— Я в курсе, что такое ДНК.

— Ну, биоинформатика смотрит на ДНК не с точки зрения наследования и строительства клеток, а как на информационный процесс, практически как на программирование. Каждая спираль ДНК — сложный пример биологической программы, в которой рибосомы синтезируют белки. ДНК можно использовать как химический компьютер, я уверен, даже ты слышала о биочипах, тут полдесятка лабораторий работают над проектами биочипов, СМИ всегда о них трубят, это прямое соединение технологии и человеческого мозга,

который сам по себе представляет последнюю границу, а если открыть череп, то цептепы будут звонить прямо в мозг собеседника, отправлять картинки в зрительную кору. Вам нужно будет только подумать что-то, и цептеп передаст вашу мысль в чужие мозги.

— А вот это звучит для меня как научная фантастика, — говорит Лейла. Она произносит это лишь потому, что отмечает, как мило хмурится Асо, упорно пытаясь что-то объяснить, причем это выражение лица обращено вовнутрь, словно он пытается сначала убедить себя, а потом уже кого-то еще.

— А ты знаешь, что такое некодирующие ДНК? — спрашивает Яшар.

Лейла пытается придумать умный ответ, но качает головой.

— Ну, человеческий геном избыточен, то есть два процента ДНК делают всю работу по обучению рибосом, которые строят протеины, а те формируют клетки твоего тела. Девяносто восемь процентов нашей ДНК просто сидит и поплевывает в потолок. Заполняют пространство в гене.

— Для биоинформатиков — это вакантное пространство памяти, — говорит Асо. — Упущенная вычислительная мощность. Пока не появится

преобразователь Бесарани — Джейлана.

— Преобразователь Джейлана — Бесарани, — быстро поправляет Яшар.

Асо поднимает палец. Он начал, значит, он и закончит.

— Преобразователь Бесарани — Джейлана — это молекулярная машина, которая воспринимает информацию с программируемых наночастиц в кровотоке и преобразует в мусорную ДНК.

Лейла понимает, что в этом месте надо выглядеть впечатленной.

— Преобразователь записывает информацию на резервные мощности некодирующих ДНК, — говорит девушка.

Они все еще ждут.

— Ага.

— Подумай-ка минутку о том, что это подразумевает, — просит Асо.

— Вы храните информацию в клетках. — Они ждут большего. — Вы превращаете живые клетки в… крошечные компьютеры?

Ага, теперь они выглядят более довольными.

— А сколько клеток в человеческом теле? — спрашивает Яшар.

— Столько, сколько звезд на небе! — неожиданно провозглашает Зелиха.

— Десять триллионов клеток, — говорит Асо, — а внутри каждой клетки тридцать две тысячи сто восемьдесят генов, три миллиарда баз, восемьдесят пять процентов из которых некодирующие. — Странный взгляд, так смотрят фундаменталисты.

— Перемножь цифры, — умасливает ее Яшар, но Лейле никогда не удавалось держать в голове нули.

— Тысяча миллиардов, — неуверенно блеет Лейла. — До фига.

Яшар качает головой.

— Нет, нет, нет. Одна тысяча триста пятьдесят зетта-байт информации, которую можно сохранить внутри каждого человеческого существа. Зетта-байт! Есть числа, которым еще не придумали имен. Но все, что можно записать, можно и прочитать. Ведь компьютер не что иное, как механизм, который прочитывает инструкции в одном месте и записывает ответы в другом.

— Вся музыка, когда-либо написанная человечеством, вместится в аппендикс, — говорит Асо. — Все книги во всех библиотеках займут лишь несколько миллиметров тонкого кишечника. Все детали твоей жизни можно записать и воспроизвести. Запись размером с желудок. Ты сможешь проживать чужие жизни. Можно

загружать таланты, способности и новые навыки и хранить их постоянно. А не как сейчас, когда информация стирается, если наночастица удаляется из системы. Преобразователь Бесарани — Джейлана записывает информацию прямо в клетки тела. Хочешь играть на пианино? Пожалуйста. Хочешь запомнить пьесу или выучить все подобные дела из библиотеки юридических материалов? Иностранные языки, прокладка труб своими руками, программирование, физика и химия — пожалуйста. Теперь лишь от тебя зависит, что ты будешь делать с ними, как только их получишь, как ты будешь использовать их. Мы не гарантируем профессиональную компетенцию, лишь то, что информация тут, закодирована в твою ДНК.

— Пойдем, посмотришь, — говорит Яшар.

Все ерзают, чтобы выпустить Яшара из-за стола и добраться до двери в дальней стене.

Склад за дверью настолько же темный, прохладный и просторный, насколько офис светлый, жаркий и тесный. Он пахнет свежими шлакобетонными блоками, сохнущим цементом, краской и электроникой. Асо включает батарею ламп. В центре склада высится единственный сверхкомпактный сервер, который технари обычно

называют «лезвием». Он обмотан трубками, которые бегут к массивному охлаждающему устройству под потолком. Но это не просто склад, а владения паутины и птичьих гнезд, приклеенных под карнизами, и пыль поблескивает в свете, который пробивается через высокое узкое окно.

На слое пыли, лежащем на бетонном полу, Лейла рисует полукруг носком дорогой туфли.

— А на что я конкретно смотрю? — кричит Лейла Гюльташлы. Шум вентиляторов, насосов системы охлаждения и пылеуловителей из черного монолита заглушает разговор.

— Ферма моделирования в реальном времени, работает на Х-цис, Атомаж и Целлрендер-7, — с гордостью объявляет Асо.

— Лицензионные копии, — добавляет Яшар.

— Нам нужно сорок тысяч евро на высококлассное оборудование для молекулярного моделирования, — кричит Асо.

— Это переделанная рендер-станция, мы внесли модификации и апгрейдили ее почти на десять тысяч евро, разгон осуществляла компания «Братья Рефиг», пиковая производительность почти пятьсот терафлоп. Ты даже не захочешь узнать, сколько эта штуковина жрет электричества и воды.

— То есть я смотрю на мощный компьютер.

— Ты смотришь на современнейшую установку по молекулярному конструированию и моделированию в реальном времени.

— Правильно ли я понимаю, что вы тут ничего не производите?

Парни выглядят шокированными, словно она обвинила их в содержании порностудии.

— Мы конструкторы, — холодно сообщает Яшар. — Создаем оборудование, на котором все потом всё делают. Здесь только изготовление.

— Мне кажется, тебе надо это увидеть, — говорит Асо. — Какая пропускная способность у твоего цептепа?

Лейла смиренно достает из сумки самую простую модель. Парни склоняются над цептепом, аист и скворец, крутят в руках, молча передавая друг другу.

— Пойдет, но тебе понадобится это, — Асо осторожно надевает на Лейлу пару очков без линз, подгоняя, чтобы они сели на носу, словно заботливый окулист. — По-настоящему идею можно понять только в 3D.

Лейла моргает и вздрагивает, когда перед глазами вспыхивают лазерные проекции. В сумке звонит цептеп, а потом она ныряет в мир ДНК.

Пыльный склад полон спиралей, которые тянутся, словно несущие тросы подвесного моста, уходя за пределы стен. Они вращаются вокруг своей оси, напоминая штопоры, винтовые лестницы, Архимедовы винты.[54] ДНК: двойные спирали, связанные парами оснований. Атомы вальсируют вокруг нее, величественные и безжалостные. Зрелище приковывает — масштабное, гипнотическое, но при этом расслабляющее. Лейла думает о том, что можно позиционировать это на рынке как спа-процедуру, пока не замечает впереди какое-то движение. Какие-то суетливые штучки, напоминающие жучков, которых девушке приходилось видеть в цистернах с водой у себя дома, вращаются на поверхностном натяжении, подтягиваясь атом за атомом вверх по бесконечным спиральным лестницам ДНК. Симулятор фокусируется на нитях ДНК, приближая Лейлу до тех пор, пока спирали не становятся размером с автобус. Это масштаб атома. Вселенная Тинкертой,[55] построенная из мячиков: больших резиновых,

[54] Примечания: 54

Изобретенная Архимедом водоподъемная машина, состоящая из бесконечного винта с укрепленной осью.

[55] Примечания: 55

Детский конструктор, популярный в США, основным элементом которого являются цилиндры и палочки.

футбольных, теннисных и крошечных прыгучих для пинг-понга. Штыри сделаны из соединяющихся сфер, коленец, рычагов и колес, которые, в свою очередь, тоже состоят из мячей. Мячи сделаны из мячей, а те — из мячей поменьше. Все как в игровой детсада: мягкое, круглое и веселое. Но это вовсе не детские игрушки. Это целеустремленные, неутомимые и неукротимые гусеницы, которые вытягивают пара за парой нити ДНК через свои внутренности, обкусывая основания, а потом склеивая их вместе, но уже в измененном виде, болтающимися, словно шарики паучьего клея на нити шелковой пряжи. Лейла наблюдает, как молекулярные ножницы обрезают атомные связи и плетут из них новые узоры. Подцепить, обрезать, соединить, отбросить. Атом за атомом вверх по бесконечной цепи ДНК.

Когда Лейла была совсем маленькой, она однажды свалилась с ужасной ангиной, которая дала осложнение на мозг, и температура просто зашкаливала. Две ночи она болталась на грани жизни и смерти, потела и видела галлюцинации типа этих атомных гусениц, которые без остановки ползут вверх по бесконечным спиралям, но не продвигаются при этом ни на сантиметр. Это был бесконечный поход через молекулы соб-

ственного тела.

Лейла снимает очки.

— И что мне нужно сделать?

Они возвращаются в офис, чтобы поговорить о деньгах.

— Нужен промышленный образец, — говорит Яшар.

— Доказательство концепции, — добавляет Асо. Выступление в дуэте начинает раздражать.

— На этой стадии наш бюджет — двести семьдесят пять тысяч евро. Нам нужны инвестиции, какой-то белый рыцарь или даже готовое предприятие. В обмен на пятьдесят процентов нашей компании.

— Хорошо, — говорит Лейла. — Звучит вполне реально. Я могу взглянуть на бизнес-план и составить стратегию финансирования. Могу помочь с маркетингом. Мои услуги стоят…

— Две вещи перед тем, как ты поспешишь согласиться на что угодно, — говорит Асо. Он смотрит на Яшара, а тот прикусывает нижнюю губу.

— Нам нужно действовать быстро. Существует конкурирующий проект. Мы слышали, что они уже переходят к созданию образца.

— Насколько быстро? — спрашивает Лейла.

— Две недели максимум.

— Есть еще кое-что… — мямлит Асо.

Яшар морщится:

— Компания не целиком наша.

— А какой долей вы владеете?

— Пятьюдесятью процентами. Нам нужны были деньги на ферму и на программное обеспечение.

— И где вы их достали? — спрашивает Лейла.

— А где, по-твоему, два парня, только что закончившие постдок и не имеющие кредитной истории, могут раздобыть пятьдесят тысяч евро? — спрашивает Яшар.

— Семья, — выдает Асо. — Его семья. Ваша семья.

— Мехмет Али.

— Кто? — спрашивает Лейла.

— Троюродный брат, — объясняет Яшар. — Он из тех родственников, кто всегда добивается цели.

— Есть договор? — уточняет Лейла.

— Это неофициальное соглашение. По-семейному. Есть опознавательный знак; у кого есть этот знак, у того половина «Джейлан — Бесарани».

— Почему у меня появилось чувство, что нельзя все свести к тому, чтобы сделать Мехмету Али предложение, от которого он не сможет отка-

заться?

— А никто уже пару месяцев ничего не слышал о Мехмете Али. Он не отвечает на звонки.

— А опознавательный знак?

Яшар разводит руками в беспомощной мольбе.

— Вам нужно забрать его обратно. А то вдруг войдет к вам сюда какой-нибудь хитрый дальний родственник, швырнет бумажку на стол и потребует пятьдесят процентов…

— А это не бумажка. — Асо роется в кармане пиджака и демонстрирует Лейле какой-то предмет на открытой ладони. Это миниатюрный Коран, из тех, что некоторые туристы покупают в качестве сувениров после посещения могил святых. Очень красивый, старая фамильная реликвия. — Мне сказали, что он персидский. В какой-то момент истории его аккуратно разрезали пополам.

Ультралорды Вселенной едят кюфту в киоске «Пророк кебабов» на Левент-плаза напротив башни Озер. Они сидят в порядке стихий за крошечным прилавком и едят безумно вкусные сочные мясные фрикадельки, заткнув салфетки за воротники рубашек. Они под нанокайфом. Сначала они много говорят, без умолку, стрекочут, как пулеметы. На этой стадии делаются ставки, а также вносятся оплаты, например штрафы с

камер слежения за превышение скорости. На второй стадии все ведут себя тихо и очень отстраненно. Дистанционное зрение затуманивается, так что стеклянные и денежные башни Левента покачиваются, как тростник. А затем и ближнее зрение начинает смазываться так, что обедающим у «Пророка кебабов» приходится держать тарелки на расстоянии руки, чтобы сфокусироваться на них. За этим следует ужасный провал, если он продлится больше пары минут, то вы спрыгнете с моста или под трамвай. А потом вы снова становитесь собой, а ультралорды Вселенной опять превращаются в обычных людей.

Кемаль с опозданием плюхается на свой барный стул с красной обивкой между Аднаном и Кадиром Инанчем из отдела оценки риска.

— Стихия огня, сражайся на моей стороне! — кричит он. «Пророк кебабов» швыряет кебаб, завернутый в бумагу, на зеркальный прилавок.

— Стихия воздуха, помоги мне! — орет Аднан.

— Стихия воды, ведем войну! — говорит Кадир, он знает, что у него дерьмовая строчка.

— Стихия земли, надели меня властью! — бормочет Огюз.

Драксор, Ультрор, Террак и Гидрор. Они то появлялись, то исчезали во владениях неподалеку

от атриума биржи Озер, четыре свежих лица и модных костюма с иголочки. У них много общего. Все они — мужчины, все они — часть группы новобранцев, которые попали на крупнейшую и самую перспективную товарную биржу в один и тот же день, и все четверо безумные фанаты Джимбома. Высокомерная дама, которая вела вводный курс, сводила всех новичков хоть одним глазком взглянуть на райские кущи зала совета директоров: кто знает, может, вы даже проделаете весь путь наверх и тоже будете сидеть за этим столом. Шутник-пофигист с южного берега прокомментировал это так: скорее похоже на Храм судьбы Слейвора. Трое уловили намек на старый детский мультик и тихонько засмеялись. Впоследствии эти четверо отыскали друг друга, и так появились ультралорды Вселенной. Пока что до золотого храма никто из них не добрался, но они планируют финансовый переворот десятилетия.

Ультрор, ультралорд Огня, составил бизнес-план в операционном отделе, сотни помощников посвятили фрагмент своей пропускной способности кусочку информации, не понимая целое.

Террак, ультралорд Земли, замаскирует это под очередную газовую сделку в Баку, понизит баррели в трубопроводе Набукко из Эрзурума.

Гидрор, ультралорд Воды, скроет это в лабиринте системы аудита Озера, словно имя Всевышнего среди каллиграфических надписей в мечети.

Драксор, ультралорд Воздуха, заключает сделку. Он получает деньги. А когда деньги будут у него, когда сделка будет на мази, когда цена будет оптимальной, он шепнет остальным ультралордам, что пора подключить Бирюзовую площадку.

— Я сегодня снова собираюсь повидаться с Ферид-беем, — говорит Аднан. — Говорит, что ему нужно больше информации.

— Больше? — встревает Кемаль, он всегда был раздражительным, но это уже сильнее природы или нано. — У него есть бизнес-план.

— А он хочет анализ рынка.

Кемаль снова закатывает глаза. Это все жара, думает Аднан. Она высасывает из нас силы и делает нас нервными и раздраженными, как уличные псы, но пока жара длится, живет Бирюзовая площадка. Кемаль протягивает руку над останками гаофты и хлеба. Аднан пожимает ее в ответ.

— Вот тебе гребаный анализ рынка.

Между ними пробегает информация, страница за страницей классификации, диаграммы и прогнозы. Это высокое и темное искусство, для

которого Аднану не хватало ни таланта, ни терпения. Эта сделка, это рукопожатие, эти люди — подарки судьбы.

— Когда ты с ним встречаешься?

— В частном банном комплексе.

— Смотри, чтоб он не начал тебя клеить, — фыркает Огюз.

— В этом году твои яйца будут пахнуть как никогда хорошо, — говорит Кемаль.

— А если он клюнет? — спрашивает Кадир. Ферид-бей далеко не первый олигарх, к которому обратились ультралорды Вселенной, но первый, кто назначил вторую встречу, и первый, кто попросил больше деталей.

— Иранец все еще в городе?

— Это можно организовать.

— Тогда ящик шампанского, — заявляет Аднан.

— И мяч в сетку ворот! — хором провозглашают ультралорды и Пророк кебабов.

— Ты посмотрел на ту ялы? — спрашивает Пророк кебабов. Его зовут Пророком, поскольку он восстанавливает гармонию, врачует души и еле заметно направляет слова и мысли четырех финансистов, которые горят сосредоточенностью и синтетической агрессией. Лучшее лекарство после нанокайфа.

— Разумеется, — говорит Аднан. — И сделаю им предложение.

— По мне так слишком близко к воде, — бурчит Кемаль. — У тебя заведутся грызуны. Крысы размером с гребаную собаку. Я таких видел, их даже кошки боятся. Я б предпочел одну из новостроек в Улусе.

— Уверен, Аднан хочет основать старомодную Оттоманскую династию, — ухмыляется Кадир.

— Я б не стал там растить детей, — возражает Огюз. — Там же испарения с Босфора. Я знаю, о чем говорю. Там сосредоточены все морские загрязнения. Это как смог. А с учетом приливов и отливов, вода там на самом деле застаивается. Сточные воды задерживаются на неделю, а то и подольше. Есть и кое-что похуже. Я знаю точно — не спорьте — мне рассказывал один приятель-коп: когда кто-то прыгает с моста, то трупы туда прибивает, и они там плавают месяцами.

— Ладно, девочки, — говорит Аднан, вытирая рот бумажной салфеткой. — Если мы закончили обсуждать самоубийства, дерьмо и чистоту моей мошонки, то пойдемте чуток поработаем, а?

Кемаль хрустит оберткой от кебаба и бросает ее в сторону мешка для мусора, висящего на обруче за прилавком. Промахивается. Пророк кебабов

поднимает мусор и выкидывает в черный пластиковый пакет.

Гуманитарий и технарь по-разному видят белую комнату. Для гуманитария это куб ужаса, пустое пространство, которое надо заполнить силой воображения. Это пространство, о котором вы пишете, когда не видели больше ничего несколько дней. Произведение о произведении. Для математика это вакуум, чистый белый свет, который, пройдя через призму анализа, преломляется в числа, и это определенная реальность. Стены белой комнаты — это стены Вселенной, а за ними простирается математика.

Георгиос Ферентину не боится своей белой, аскетичной, как монашеская келья, библиотеки с единственной книгой. Одно маленькое окно, защищенное старыми деревянными дырявыми ставнями, выходит на площадь Адема Деде и сутулые многоквартирные дома. В этой белой комнате стены открывались на другой Стамбул, где улицы и здания рисуют характер расходов местных жителей в супермаркете, их болезни и медицинские вмешательства или же еле заметное пересечение географической, социальной и религиозной принадлежности. Существуют неутомимые Стамбулы транспорта, дорог и

туннелей. Есть гибкие Стамбулы, нервные, как освежеванный человек, полные газа, энергии и данных. Есть Стамбулы, выстроенные целиком из футбольных сплетен. Для каждого товара, для каждого вида деятельности город можно проанализировать и смоделировать.

Для Георгиоса Ферентину экономика — самая гуманная из наук. Это наука желаний и разочарований. Это психологический объект для абстрактных сил математики. Когда какой-то человек делает ставку на новостную заметку, когда ученик младшей школы угадывает, сколько диснеевских игрушек в банке, это все продукт оценки и опыта. Соберите их воедино в виде среднего арифметического или с помощью финансовых инструментов с обещанием будущей выгоды, и они станут оракулами. Математика — это власть, простирающаяся за пределы белых стен библиотеки, состоящей из одной книги. Георгиос слишком старый агностик, который не может поверить в какого-нибудь бога, который поверил бы в него, но он все чаще чувствует, что эта Вселенная платоническая. Математика слишком безукоризненно точна в своей способности описать физическую и человеческую реальность. В основании всего — число. Когда он умрет, а об

этом Георгиос думает каждый божий день, как и положено старику, он распадется на атомы углерода. Он станет белым и смешается со стенами математики и пройдет сквозь них в те, другие Стамбулы.

Мысли Георгиоса Ферентину путаются, как и у всякого старика, он совершает прогулку по запутанным улочкам памяти, к Ариане. Он представляет ее на крутых улочках района Эскикей. Она не постарела ни на день. Она не могла постареть. Время остановилось с тех пор, как он увидел ее идущей с парома к станции. Греческая диаспора стала меньше, но при этом сплоченнее. Он мог бы с легкостью найти ее, но Георгиос размышляет не о том, сможет ли он найти Ариану, а о том, осмелится ли. Зачем она вернулась через сорок семь лет?

Георгиос стряхивает наваждение. Он снова смотрит фотографии обломков, которые Джан прислал со своего битбота. Робот-наблюдатель означает, что смертница в трамвае действовала не в одиночку. Одиночки обычно неудачники, которым нужны свидетели их славы. Они постят в социальных сетях пространные проповеди об отчужденности, прежде чем взять ружье и пойти в школу, торговый центр или правитель-

ственное учреждение. Смертники, которые себя взрывают, женщины или мужчины, доносят обличительные речи, касающиеся социальной несправедливости, превращений и обещаний рая. За спиной отчаявшейся обезглавленной женщины стоит какая-то структура.

У каждой из многочисленных террористических организаций в Турции свой почерк. Курды любят театральность. Им нужно привлечь всеобщее внимание к себе как к нации. Серые волки, националисты, выступающие против ЕЭС, видят себя в романтическом свете младотурков[56] и любят одиночные убийства и стрельбу на улицах. В трамвае № 119 произошла классическая исламистская смерть во имя веры. Это жестокость преданной домашней собаки, которая звереет и разрывает ребенка, жестокость соседки, которая закалывает мужа, или неожиданное самоубийство коллеги. Невидимые силы давят годами, искажая жизни и отношения. Организация, стоящая за взрывом на Неджатибей, — скорее всего ячейка из трех-четырех человек с нелепым названием — захотела бы зафиксировать момент

[56] Примечания: 56

Политическое движение в Османской империи, которое пыталось провести либеральные реформы и создать конституционное государственное устройство.

жертвоприношения. Ваххабитские сайты полны взрывов и мученических смертей с доморощенной графикой и героической музыкой. Зачем же рисковать этой информацией в погоне за битботом мальчишки? Зачем прерывать сигнал? Зачем выслеживать до дома? И правда, что-то странное. Странность — это зернышко порядка в бурлении хаоса. Странность — это информация.

От обрывочных несвязных образов у Георгиоса болят глаза. Он ищет визуального успокоения, глядя на белые стены.

Дверной звонок звонит так громко и внезапно, что звук вонзается прямо в сердце. На пороге какой-то человек. Сердце Георгиоса громко стучит в груди. Они нашли его, они пришли за ним. Они все знают. Они у двери. Сердце трепещет, не в силах приземлиться. Подумай логически. Убийцы не стали бы звонить в дверь. Просто убили бы его тихонько, задушили бы, как оттоманского принца.

Звонок звучит снова. Посетитель смотрит в камеру.

— Георгиос Ферентину? — Хорошо поставленный интеллигентный голос. Они обычно такие. Фанатизм — порок среднего класса. Приличный костюм, чистая рубашка, аккуратно завязанный

галстук. — Меня зовут Хайдар Бекдир. — Георгиос отклоняется от экрана. Смарт-бумага не дает возможности его увидеть, но человек на пороге хмурится, словно смотрит прямо в комнату. Раздается третий звонок. — Господин Ферентину, мне очень нужно поговорить с вами.

Он прижимает ладонь к двери. Компьютер считывает удостоверение личности. МИТ. Главная спецслужба Турции. Что могло понадобиться от него сотруднику спецслужбы?

— Господин Ферентину?

Георгиос впускает гостя.

— Простите, у меня пыльно, — Георгиос извиняется, провожая посетителя в гостиную. Это еще одна переоборудованная келья: два дивана на слишком близком расстоянии друг от друга, а между ними длинный узкий стол. — Привык жить по своим правилам. Через пару месяцев слой пыли не становится толще, как я выяснил. Выпейте чаю.

В примыкающей кухне Георгиос Ферентину кипятит чайник, находит два одинаковых целых стакана. Он кладет на краешек каждого блюдца по кубику кунжутной халвы из кондитерской Лефтереса. Гость вытирает небольшой участок стола носовым платком, расстилает его и ставит

сверху блюдце.

— Если вы из-за этих ставок… — начинает Георгиос. Он тяжело опускается на диван. Лица мужчин находятся слишком близко друг к другу над столиком, слишком интимно для незнакомцев.

— Нет, это не из-за ставок. — Посетитель улыбается. — Нет, это… честь для меня. Вы рады будете услышать, что этому мы мешать не будем… — Он нервничает, и стакан подрагивает. — Мистер Ферентину. Хочу признаться. Я и сам игрок. Трейдер на рынке террора. — Георгиос понимает, что гость, наверное, восторгается им. — Мой ник Дальнозоркий.

Георгиос не может скрыть неприязни. Анонимность — одно из правил. Ему нравится тот факт, что мужчина, сидящий за низким столиков в чайхане Фетхи-бея через площадь, водитель, нервно постукивающий пальцами по рулю в ожидании сигнала светофора, женщина, мимо которой он ежедневно проходит в отделе замороженных продуктов в супермаркете, — все они могут быть игроками рынка террора инкогнито.

— Благодарю, я рад, что игра пользуется популярностью и на таком высоком уровне. Но что от меня понадобилось МИТ?

Бекдир складывает руки.

— Вы знаете об исследовательской группе Хаджетеппе?

— Я стоял у ее истоков.

— Простите. Я не знал. Вы, может быть, не в курсе, но в МИТ недавно создали вторую исследовательскую группу, куда более скромную, которая будет работать параллельно с Хаджетеппе, базирующейся в Стамбуле и использующей необычные и даже спорные методики. Мы полагаем, что креативная конкуренция между двумя методологиями поможет по-новому взглянуть на состояние безопасности в стране.

Георгиос Ферентину разворачивает блюдце так, что ложка напоминает стрелку компаса, которая смотрит в самое сердце Бекдира.

— Вы хотите, чтобы я присоединился к группе.

— Да.

Георгиос смеется себе под нос хриплым смехом.

— Должно быть, наша безопасность в крайне плачевном состоянии, раз вам для спасения страны нужен я. С чего вы взяли, что у меня есть хоть какое-то желание участвовать…

— Речь о группе Кадикей. Любопытно, господин Ферентину? — Бекдир достает из пиджака свое-

го дешевого костюма маленький пластиковый пузырек с ингалятором и ставит на маленький пыльный столик. — Тут доза на один раз. Там ответы на ваши вопросы. Закодировано на вашу ДНК, так что если попробует кто-то еще, то получит только кратковременную звуковую галлюцинацию, напоминающую хлопанье птичьих крыльев.

Георгиоса не удивляет, что у МИТ до сих пор есть образец его ДНК. Государство всегда с неохотой ослабляет хватку.

— Только быстро, наночастицы закодированы на определенное время. Вы все забудете ровно через час после того, как вдохнете. Ну, спасибо за чай, господин Ферентину, что бы вы ни выбрали, я продолжу играть на рынке террора, но уже под другим ником.

Бекдир протягивает руку, Георгиос ошеломленно пожимает ее, загипнотизированный полупрозрачным пузырьком без этикетки.

Джинны ждут Недждета, когда тот, жмурясь, поднимается по бетонной лестнице из Центра спасения на залитую солнцем улицу в час пик. Целая толпа, целая буря джиннов, которые наблюдают с каждой крыши, с каждого балкона, из каждой шахты лифта и люлек для мытья окон,

сидят на каждом светофоре, дорожном знаке и рекламном плакате, на всех электронных и телефонных проводах, сбиваются в кучи на крышах проезжающих автобусов и долмушей, смотрят вниз со стеклянных глыб небоскребов Стамбула и минаретов уродливых новых мечетей с дешевыми серебряными куполами — там их особенно много. Джиннов всегда притягивают мечети. Они мерцают, то исчезая, то появляясь, словно холодное пламя, их больше, чем душ во всем огромном Стамбуле.

— Что? — кричит он ждущему джинну. — Что такое?

Женщина, которая торопится домой, таращится на него. Эксцентричное поведение вызывает подозрение теперь, когда все чем-то недовольны, но обладают средствами выразить свое неудовольствие. Неджет пристально смотрит на женщину в ответ, а когда отводит взгляд, площадь пуста, миллион мыльных пузырей лопается одновременно и беззвучно.

Неджет едет на долмуше. В трамваях и метро могут быть бомбы. Большинство в Левенте посчитали так же, а потому улица Гайретепе забита грузовиками, интерконтинентальными роскошными автобусами, ситикарами и сине-

кремовыми долмушами. Крошечный автобус отъезжает и пробивается через пробку по метру за раз. Со всех сторон гудят, автоинспекторы свистят. Мимо проносится на три четверти пустой трамвай. Неджет прячется на заднем сиденье долмуша позади груды дешевых деловых костюмов и боится джиннов. Он страшится головы, светящейся женской головы. Неджет выглядывает в окно. Спокойное синее пламя, такое неподвижное, словно оно вырезано из сапфира, нависает над крышами всех транспортных средств на Джумхуриет. Джинн внутреннего сгорания. Неджет закрывает глаза и не открывает до тех пор, пока маршрутное такси не въезжает в ревущий транспортный водоворот площади Таксим.

Он идет по потным улицам между просевших усталых жилых домов с открытыми окнами и грохочущими кондиционерами. Неджет чувствует джиннов как тепло, тепло внутри тепла, узлы и завихрения электроэнергии, пойманной в ловушку между старыми зданиями. На площади Адема Деде, темной и наполненной свистом голубиных крыльев, джинны кружатся, подпитываясь испарениями скопившегося за день тепла в зловонии прогорклого кулинарного жира из чай-

ханы Фетхи-бея, и обретая плотность. Неджет ощупью ищет ключ от огромного медного висячего замка. Они за спиной, надвигаются, словно грозовой фронт. Он чувствует их запах, как запах кулинарного жира.

— Неджет, — раздается женский голос, знакомый голос, хотя он никогда и не говорил с ним напрямую. Это девушка, которая помогает в галерее, идет по лестнице между домом дервиша и чайной. Вверх ногами. Она под землей. Ступеньки, площадь, здания неумолимо твердые, но из-за какого-то трюка джиннов Неджет может заглянуть под землю и видит, как девушка идет, ее ноги касаются его ног. Она выглядит точь-в-точь как девица из лавки, но беременная. Она наклоняется вперед, поскольку бережет спину и колени во время подъема по лестнице. Она останавливается за ступеньку до Неджета и смотрит на него промеж собственных ног. Девушка кладет руки на живот, вздыхает и ползет по ступенькам, по еле уловимой кривой ее пустого мира. Карин. Это бесплотные существа, некоторые богословы спорят, сделаны ли они из глины, как люди, или из огня, как джинны, но они не менее склонны к зависти и мелкой злобе, чем джинны. Незамужние женщины, дервиши и знахари иногда

их чувствуют, шейхи слышат и говорят с ними и могут ими командовать. Все согласны, что каждая карин — это зеркало, изнанка земли, жизни на земле, они охраняют счастье и мир их земных сестер. Неджет шатается около двери текке, и она открывается нараспашку.

— Исмет! Исмет! Братишка, ты мне нужен! Исмет! — Неджет, запинаясь, входит в кухню. Сердце глухо стучит. Исмет сидит около дешевого стола из ИКЕА со Священным Кораном в руках. Исмет Хасгюлер — один из тех, с кем говорят книги. Его чтение Священного Корана легкое, музыкальное, бальзам для ушей. Оно лечит болезни, изгоняет злых духов, очищает дома и благословляет детей. Когда какая-то женщина стучит в дверь и задает вопрос, ответа на который нет в этом мире — а такие вопросы задают только женщины, — то книга в руках Исмета всегда открывается на подходящем стихе. Напротив него, прижавшись друг к другу, сидят две женщины в платках. Они испуганно вскидывают головы, словно провинились в том, что предугадывают волю Всевышнего. Это она. Та девица из галереи, высокомерная, та, что никогда не пыталась скрыть презрение к Неджету. Та, которую он только что видел вниз головой под землей пару

ступенек назад.

— Я тебя видел, — бормочет Неджет и тычет пальцем. Девушка отшатывается, а вторая женщина, постарше, скорее всего тетя, вцепляется ей в руку. — Я видел тебя. Всего секунду назад. Твою карин, земную сестру. Я видел ее под землей. Она позвала меня по имени. Я видел тебя, и ты была беременна.

Рот и глаза молодой женщины расширяются. Она собирается заплакать, а потом воет, обнимая тетушку или мать.

— Это знак, знак! — твердит женщина постарше, простирая руки в молитве. — Слава Всевышнему! Вот, вот. — Она подталкивает евро к Исмету, а тот делает шаг назад, словно деньги отравлены.

— Что? — спрашивает Неджет. — Что здесь происходит?

— Вы настоящий шейх, — говорит девица из галереи, и тут Неджет понимает, что она рыдает от радости. — Я слышала о вашем брате, о том, что он хороший судья, прямолинейный, справедливый и быстрый. Так сказал дядя Хасан, когда разрешил все проблемы со своим двоюродным братом в магазине спорттоваров. Сибел-ханым тоже говорила, что он искусно владеет словом

Всевышнего, когда он выгнал джиннов из зеркала в спальне дочери. Но вы… вы повелитель джиннов. Два брата вместе — вот сила Аллаха. Благодарю вас, огромное вам спасибо.

— Вот, заберите. Вы получили ответ?

— О да, — говорит девушка и дотрагивается до живота точно таким же жестом, как и ее сестра под землей. — Еще какой. Аллах воистину милостив.

Тетушка-матушка слышит нотки безумия в голосе Неджда, хватает девушку из галереи за руку и волочет с кухни на улицу. Наличка остается лежать там, где ее оставили, — на столе среди чайных стаканов.

— Что это было? — Исмет требует объяснений. — Ты был ужасно груб с этими женщинами. Вышвырнул их за дверь. Я пытаюсь заработать себе какую-то репутацию здесь, но этого никогда не произойдет, если ты будешь пугать тех, кто обращается ко мне за помощью.

Неджд закрывает глаза. Комната наводнена едва различимыми духовными и эмоциональными силами, воздух потрескивает от ужаса и энергии.

— Слушай. Я был в том трамвае сегодня, ну ты знаешь, в котором взорвалась бомба. Я там был и

видел женщину, что это совершила. Я видел, как она потянула за шнурок, и ее голова отлетела. Я был в том трамвае.

— Братишка, почему ты не сказал мне? Тебе надо в больницу. Неджет, ты должен обратиться к врачу.

Неджет качает головой, пытаясь стряхнуть с себя дурманящий шепот потустороннего мира.

— Врачи мне не помогут. Я вижу джиннов. Ты это понимаешь? Я вижу джиннов.

Иголки желтого света падают на Аднана Сарио-глу, лежащего на мраморном восьмиугольнике. Вокруг клубится пар. Пот озерцом скапливается на животе — больше жира, чем ему хотелось бы, — несколько мгновений подрагивает, а потом скатывается по боку на теплый мрамор. Он потягивается. Кожа прилипает к камню. Каждая косточка и сухожилие ощущают жар, словно по ним ударяет молот кузнеца. Стальные пальцы телака, банщика в хамаме, разминают все мышцы, каждый сустав до хруста.

Ферид Адаташ, владелец одного из крупнейших гражданских инвестиционных фондов в Турции и клиент самого нового эксклюзивного частного хамама в городе. Хамамы снова в моде. В старые банные комплексы можно попасть только по

записи, а новые с закрытым членством открываются каждую неделю. Это еще одно противоречие после вступления в ЕЭС. Спа — это для слабаков, слишком по-европейски. Хамамы — аутентично и по-турецки.

Аднан сохнет на мраморной плите под звездным куполом — чертов телак пытался заставить его стонать, как девственницу, — и млеет, погружаясь в полное расслабление. Мышцы, о существовании которых он даже не знал, расслабились и заурчали. Каждая клетка наэлектризована. Аднан смотрит в темный купол, испещренный концентрическими кольцами круглых смотровых окон. Он, возможно, один в своей личной вселенной.

Вода брызгает и бежит по тонкой пленке вдоль стеклянного настила поверх мозаики. Хамам хаджи Кадына — это смешение стилей в архитектуре, ставшее типичным после объединения: купола в оттоманском стиле и альковы, построенные над забытыми византийскими дворцами, годами и десятилетиями накапливался мусор, утрамбовывался, скрывая под собой греческие лица с ангельскими глазами на мозаичных полах, и так век за веком. Опальные лики показывались на свет божий снова, когда строители

сносили дешевые многоэтажки и обнаруживали чудо. Стамбул — это одно чудо поверх другого, чудеса слоями, метафорические слоя чудес. Вы не можете посадить грядку фасоли, чтоб не явился какой-нибудь святой или суфий. В какой-то момент каждая страна понимает, что надо съесть собственную историю. Римляне сожрали греков, византийцы — римлян, оттоманы — византийцев, турки — оттоманов. ЕЭС с потрохами съест всех. И снова раздается журчание, когда Ферид-бей зачерпывает теплую воду бронзовой чашей из мраморной ванны и льет себе на голову.

— Замечательно! — ревет он. — Великолепно!

Ферид-бей отрывается от теплого стекла и ковыляет в сторону парной. Он не толстый и не лощеный, у него крепкие бедра и поседевшие волосы на груди. Аднан тоже отклеивается от мраморной плиты и следует за ним в парную с мраморными стенами. Из-под стеклянного пола едва освещенные патриархи и Палеологи[57] пялятся на его яйца. Ферид-бей широко расставляет ноги и прижимается спиной к мраморной стене. Аднан принимает такую же удобную позу.

---

[57] Примечания: 57

Последняя и наиболее долговечная династия императоров Византии, правившая на протяжении двух столетий до взятия Константинополя турками.

Впервые за долгие месяцы он чувствует себя по-настоящему живым.

— Я просмотрел ваши более детальные планы, — говорит Ферид-бей. Капли стекают с кромки банного полотенца «пештемаль», обернутого вокруг талии. — Единственный явный минус заключается в том, что вы просите меня стать контрабандистом газа.

— Мы считаем это альтернативной системой поставок.

— Ага, расскажете судьям, когда вас поймают.

Это витает в воздухе. Это длинный пас, который летит прямиком в штрафную, и его подкручивает ветер. Такой любой примет. Аднан должен доверять своим способностям.

— Они его просто сжигают. Газопровод в Тебризе не справляется с объемом, так что излишки сжигают. Пшик! Все равно что поднести спичку с чемоданчику, набитому евро.

— Я не верю, что надо просто открыть запорный кран.

— Огюз, наш приятель, который работает на газопроводе, говорит, что на компьютере всего две команды. Закрыть и открыть. Два клика.

— Тогда скажите, как вы об этом узнали? — Двое мужчин сидят вплотную друг к другу в крошеч-

ном, как гроб, пространстве парной.

— Пока все служили в Стране Возможностей, жалуясь и хныкая, что курды их кастрируют, если поймают, я использовал время с большей выгодой.

— Ну и как вам Восток?

— Настоящая задница. Но это наша задница.

Пот собирается в бусину под подбородком Ферида, а потом падает на стеклянный пол, став изъяном на глазу мозаичного святого.

— Я инвестор, а не ученый, но должен удостовериться, что это безопасно. Не могу позволить себе облучать греков, как бы ни хотелось.

Аднан улыбается шутке, а сам думает: ага, он сказал «я». Я не могу облучать греков. Он клюнул.

В тот день, который все помнят, Аднан штопал на пляже костюмы для дайвинга. День выдался солнечный, солнце стояло высоко, это было самое начало сезона, и первые лодки собирались отвезти дайверов к затонувшим ликийским городам. Самыми лучшими среди клиентов были молоденькие шведки и коренастые серьезные датчане. Скандинавам нравятся люди, которые увлечены своей работой. Новости бурлили на плоских экранах, установленных под навесом

бара «Осьминог» для тех, кто любит спорт. Аднан работал на пляже, а не на лодках, так что всегда знал, если что-то происходило, и понимал, что это может значить.

В тот день он вполуха слушал новости и, уловив, как изменился голос у дикторов, сосредоточил внимание на экране. Мрачные выражения лиц, бегущая строка внизу экрана; трясущаяся камера демонстрировала, как на небе горизонт освещают вспышки. Аднан отложил пистолет для склеивания и пошел к бару. Ему стало интересно. Все головы на набережной повернулись. Мужчины побросали свои веревки, оборудование для дайвинга, свои лодки, фургоны и мопеды. Шведки и датчане оторопели, не будучи уверенными, что у них есть право поучаствовать в том, что показывают телевизоры в барах на пристани.

В одиннадцать двадцать по времени Анкары на гору Фандоглу в провинции Азербайджан в западном Иране обрушились сорок ракетных снарядов с термобарическими боеголовками. На спутниковой съемке видно, как на горных складках, словно прекрасные тюльпаны, цветок за цветком распускается пламя. Один огненный шар за другим. Новые картинки, в этот раз снимки с мобильного, на которых на сапфировом небе

вырастало одно идеальное грибовидное облако огня, а потом другое. И еще одно. Затем картинка дернулась и исчезла.

— Это ядерные взрывы? — спрашивает чей-то голос. — Кто-то использует ядерное оружие!

— Нет, это не ядерное оружие, — возражает Аднан, глядя на экран. — Это вакуумные бомбы, они безопасные и чистые, хотя это все гребаная теория, если ты оказался в эпицентре.

— А как ты узнал? — интересуется какой-то старый бездельник.

— Видел по каналу «Дискавери». Такие бомбы создали специально, чтобы использовать в подземных бункерах.

— А что они забыли в этих бункерах? Это ж просто дыра в земле.

— Теперь точно, — бурчит кто-то.

— Только одно, — говорит Аднан. — Настоящее ядерное оружие.

— Нет же, то был Кум, его ООН проверяла, все это знают.

— Кум — то, что все хотели увидеть.

Кто-то бросает:

— Евреи.

Топал двадцать лет отработал на северном Кипре, а потом в Леванте, так что считался самым

большим космополитом во всем Каше.

— Чертовы евреи наконец-то сделали это!

Бар «Осьминог» взрывается громкими криками, присутствующие грозно потрясают кулаками.

— Заткнитесь, я хочу послушать, что происходит! — прикрикивает Аднан.

Он видит на экране лишь изображение красного пламени, по форме напоминающее дерево кипариса или перо, которое взмывает на тысячу метров в воздух и клонится к востоку, словно столп дыма, по направлению к Тебризу. У ведущих такие лица, словно они вещают из могилы. Это апокалипсис.

— Заткнитесь, мать вашу! — восклицает Аднан, когда возникает пауза. Воцаряется тишина. — Спасибо. Слушайте! Слушайте!

Аднан пытается вообразить, как компьютерная модель выглядит вживую. Единственный термобарический удар превратил бы туннели в ад. Ударная волна сделает из человеческих органов месиво, разобьет вдребезги конечности и ребра. Огненный смерч несется со скоростью, близкой к сверхзвуковой, по коридорам, через комнаты всех этажей, и те, кто пережил пожар, задохнутся, когда инферно израсходует весь доступный кислород. Канал «Дискавери» никогда не показы-

вал, что произойдет, когда по ядерному реактору с водой под давлением нанесут подряд сорок ударов очередью. В центре горы вспыхивают системы управления, резервные схемы сгорают дотла, предохранительные устройства тают и перестают работать. Охлаждающие системы не работают, внутренняя температура зашкаливает. Изоляция пробита, расплавленная масса топлива проходит через охлаждающую воду. Из-за парового взрыва гейзер радиоактивного вещества вырывается из туннелей в атмосферу. Радиационное облако, которое несет западный ветер, находится на высоте пятнадцати километров и растягивается на сотню. Под поверхностью горы не выжили даже бактерии.

Шведки с красивыми скулами и круглолицые датчане потихоньку сматываются.

Все мужчины Каша собрались в барах, ресторанах, чайных и смотрят телевизор. А дома женщины сбиваются в стайки вокруг плоских экранов. Ужас расползается. Облако добирается до газовых месторождений в Маранде, в восьмидесяти километрах к востоку. Все погибло. Месторождением нельзя будет пользоваться веками. Тебриз эвакуируют. Премьер-министр Еткин пообещал помощь турецкого народа.

Аднан смотрит на снимок старухи, на которую льются радиоактивные осадки. Она простерла руки над головой, подняв лицо к небу и не понимая, что оттуда падает яд. Кнессет[58] подтвердил на пресс-конференции, что Израиль нанес удар и уничтожил ядерный объект Ирана. Молчание сменяется ворчанием. Два слова звучат снова и снова: гребаные евреи. Затем кто-то швыряет стул. Стул ударяется о телевизор, и тот качается на своей подставке. Веселье продолжается. Руки срывают предательские экраны. Столы разбивают вдребезги, ломают стулья. Бутылки одна за другой разбиваются о стену позади барной стойки, висящие лампы выдирают с корнем и бросают на пол. Посетители разграбляют бар «Осьминог». Но этого мало. Кто-то подносит спичку. Огонь жадно пожирает куски дерева и алкоголь. Сотрудники бара пытаются справиться с огнем с помощью огнетушителей, но на них бросаются с кулаками. В полночь обрушивается крыша, поднимая фонтан углей и искр. На следующее утро здание все еще тлеет и так пышет жаром, что к нему не подойти. Этого Аднан не понимает. Испытывая гнев по отношению к

[58] Примечания: 58
Израильский парламент.

евреям и американским провокатором, жители Каша разрушили жизнь собственных соседей. По всей Турции, по всему исламскому региону такое выливается в поджоги, взрывы и бессмысленные самоубийства.

Мир какое-то время шатается на краю. Но Израиль все рассчитал весьма проницательно. Иран угрожает закрыть Ормузский пролив для транспортировки нефти, флот США выступает против. Переселив миллионы жителей, Тегеран понимает, что можно выиграть, изображая жертву. Пакистан рвет и мечет, бомбит посольства, но отступает перед лицом снисходительной мощи своего соседа — сверхдержавы Индии. Афганистан продолжает самосожжение, продуманное в деталях, словно дорогой ковер. Сирийские призывы стереть с лица земли Израиль не более чем позирование, ритуальные выкрики оскорблений. Эти крылатые термобарические ракеты и самые ужасные последствия в нескольких минутах от Дамаска. Китай выражает протест и грозит санкциями, но куда более близким и угрожающим выглядит его собственный экологический апокалипсис. Европейский союз читает нотации. Южная Америка разглагольствует о моральных принципах, но не обращается ни к кому кон-

кретно. Совет безопасности накладывает вето на все официальные порицания со стороны ООН. Русские объявляют строгий выговор и угрожают по мелочи, но в глубине души радуются, что иранские газовые месторождения на долгие десятилетия выведены из производства, погребены под медленным снегом радиоактивной пыли, — это все, что осталось от ядерного объекта на горе Фандоглу. Мир пошатнулся, но потом снова выровнялся и двинулся дальше. Закружился в обычном танце.

А в Турции, на берегу бирюзового Средиземного моря, на следующий день после того, который все помнят, парень в лавке на пляже купил коробку дешевых четок из девяноста девяти бусин и за час продал их все с накруткой в триста процентов. Пока Каш ждал, когда небо прояснится, а Махди нашептывал секретное сотое имя Всевышнего, возвещая конец мира, Аднан наблюдал другое чудо, рыночное.

Пятнадцать лет спустя гора Фандоглу в западном Иране все еще оставалась зоной радиоактивного ожога, границу закрыли, а на трубопроводы наложили международное эмбарго. Но тот самый паренек из лавки на пляже превратился в трейдера и нашел лазейку к каналу непродаваемого

газа через заброшенную, почти забытую ветку в газопроводе Набукко, который тянется из Каспийского моря в Адриатику. Газ стоит так дешево, что иранцы отдают его практически задаром, а в сумасшедшую жару на рынках Стамбула он будет стоить целое состояние.

Сделка умная и запутанная, но сложная. Аднан заключает соглашение с иранцами. А белый рыцарь Ферид-бей вкладывает деньги. Ультралорды подменяют дорогой каспийский газ дешевым иранским на насосной станции на крайнем востоке, где старая опечатанная Зеленая линия из Ирана встречается с газопроводом Набукко из Баку. Все получают выгоду после продажи газа на рынке жадного до газа Стамбула. Все в итоге получают деньги. Но сделка мертва, пока Ферид-бей не поставит на контракте свою печать.

— Когда вы закроете сделку? — Ферид-бей прислоняется к горячему мрамору. Живот собирается в складки над дешевым клетчатым полотенцем.

— За день до того, как сменится погода.

— Вы умеете предсказывать погоду? Тогда зачем вам нужны мои деньги? Скажите, я ведь не первый, кто послал вас подальше? Вы ведь не сразу пришли ко мне.

Чтобы допустить Аднана в эту жаркую ком-

нату, в харарет[59] в частном турецком хамаме, Ферид-бей проверил его так тщательно, что он распознает ложь раньше, чем она окажется между губами Аднана.

— Некоторые из них сегодня здесь. И вы с ними уже поговорили.

Ферид-бей встает, хлопает себя по ляжкам и животу, стряхивает капельки пота с густых волос.

— Верно. Хватит об этом. Пойдемте ополоснемся. Вы мне нравитесь, Аднан-бей. Я знаю ваши документы, ваши цифры, но не знаю вас. У вас есть яйца, но мне не нравится вести дела с незнакомцами. Приходите завтра на ужин. Я живу на острове Хейбелиада. В восемь пойдет лодка от Эминеню. Вы женаты, есть подруга?

— Моя жена Айше торгует предметами религиозного искусства.

— Да? Мне это нравится. Женщины должны работать. Я был бы рад знакомству с ней.

— Но есть еще мои коллеги…

— Сделку я собираюсь заключить только с вами, так что приходите и приводите супругу. Там будут еще несколько моих друзей.

— Когда можно ожидать контракт? — говорит

---

[59] Примечания: 59
Парная круглой формы, освещаемая маленькими окошками сверху.

Аднан, когда Ферид-бей надевает деревянные башмаки и ковыляет по мокрому стеклу к бассейнам.

— Времени еще куча. Поговорим завтра. Оденьтесь неформально.

Аднан Сариоглу наклоняет голову и позволяет бусинам пота скатиться по обе стороны от носа, собраться на его кончике и упасть на стеклянный пол. Он вдыхает горячий ароматный пар, который жаром ударяет по ноздрям, но пахнет деньгами.

Воздух в спальне жаркий, липкий и неподвижный, но Айше в белье дрожит и ныряет в новое платье. Как только вы покинете свою детскую, вам никогда больше не будет тепло и уютно. Платье струится по груди и плечам, Айше поправляет складки и поворачивается, чтобы посмотреть на себя в зеркало старого шкафа. Она так часто смотрелась в него, снимала и надевала так много платьев, так часто восхищалась собой: плоским животом, налитыми грудями, изгибом подбородка и точеными руками. Перед этим зеркалом она впервые искала волосы у себя на лобке и с гордостью ощущала увеличение груди, что свидетельствовало о конце детства и цветении девичества. Айше помнит первый

комплект убойного белья, который она в возрасте семнадцати лет украла из нового отдела белья «Агент Провокатор» в торговом центре «Джевахир», и длинный роскошный ритуал надевания этого белья, предмет за предметом, застегивание всех крючков и кнопок, завязывание сложных и ненужных шнуровок, после чего она приняла нужную позу и, когда повернулась лицом к зеркалу, то увидела модель на подиуме или шпионку из дымного XX века, которая встречается со своим информатором в красном бархатном будуаре. Трение бедер друг о друга удивило ее, крошечные бантики на белье говорили, что она может быть очень сексуальной. Айше не могла оторваться от кружев, шелка и сетки. Она ощутила, что достойна всех сокровищ Стамбула. Она часами нежилась в постели, изучая, какие чувства и эмоции могут вызвать у семнадцатилетней девушки пять кусочков просвечивающей ткани, и разглядывая себя как дикую штучку в этом простом и массивном зеркале гардероба. Она сидела, широко расставив ноги, на краю кровати, курила и исследовала свое отражение. Она боялась, но в глубине души даже надеялась, что дверь распахнется, и ее застукает мать. Она открыла в себе чувственную женщину в этой старой комнате с

девчачьими плакатами поп-звезд на стенах.

— А вот и я. Что думаешь? — Айше шагает по коридору, где всегда, сколько она себя помнит, воняет жареным луком и заскорузлым жиром, и входит в гостиную. Мать сидит на стуле у окна, откуда она может обозревать оба мира — в доме и за его пределами. — Такие ботинки сюда не годятся, но оно подойдет?

— Для чего?

— Я же говорила тебе десять минут назад — для этого ужина с Феридом Адаташем завтра.

— Ферид… как ты сказала?

Их дом был дворцом памяти. Айше впервые столкнулась с подобными зданиями на страницах сочинений времен Ренессанса о Флоренции XV века. Мастера сооружали легендарные палладианские палаццо, в которых каждый зал и комната, каждая картина и статуя, любой предмет мебели и орнамент на этой мебели были ключом к какому-то памятному факту. Контакты, судебные дела, поэмы и лекции разбирались на фразы и приписывались каким-то определенным местам в этом мнемоническом дворце. Прогулка из портика через вестибюль и вдоль крытой галереи могла стать сложной логической аргументацией, а другая прогулка от той же точки,

но через центральную нишу, гостиную и дальше на балкон, откуда открывается вид на английский сад из кипарисовых деревьев, взмывающих вверх, как темное пламя, может быть исследованием фамильного древа или брачного контракта. Связи между воспоминаниями Фатмы-ханым становились все более хрупкими, и тогда мать Айше изобрела собственное искусство, облекая в воспоминания лампы, элементы декора, фамильные снимки, книги, давнишние журналы и маленькие украшенные камнями шкатулки, которые ей так нравились. Она расставляла эти безделушки под определенными углами, и уборщице строго-настрого запрещалось их двигать, поскольку это полностью изменит воспоминания. Поворот на двадцать градусов мог превратить школьный приз в свадьбу двоюродной сестры, а если просто переставить стул с серебряными подлокотниками по другую сторону стола рядом с прогнувшимся диваном, то выпускной брата превратится в фейерверки в Нью-Йорке по случаю наступления нового века и будет навеки утрачен. Когда перестали работать даже такие ассоциации, Фатма-ханым стала наклеивать исписанные желтые стикеры и ставить напоминания в мобильном телефоне. Она ужасно, как

умеют только старики, злилась на уборщицу, когда ее записки начинали исчезать. На самом же деле клей просто высыхал, и побледневшие от солнца желтые бумажки, буквы на которых потускнели почти до невидимости, летели по пыльному воздуху на землю, словно листья. Память к памяти, Фатму-ханым и саму занесли на карту квартиры Эркочей. Айше казалось, что хаотичные воспоминания матери — хранители их семейной истории. Пока сама Айше, ее сестры и брат, а также двоюродные сестры и братья, тетки и весь карнавал большого рода Эркочей ходили в школу, влюблялись, женились, рожали детей, или делали карьеру, или умудрялись совмещать то и другое, разводились, жили на полную катушку, мать собирала воспоминания, отряхивала их и помещала каждое на свое место до того момента, как они могут понадобиться, через годы или в следующей жизни. Теперь дом был слишком полон воспоминаний, а вот внутри Фатмы-ханым их недоставало. Для нее это означало успех: все записано, надо просто прочесть.

— Мама, что думаешь? — спрашивает сестра Айше Гюнес.

Взгляд Фатмы-ханым скользит от Айше к венам на собственных руках, лежащих на коленях, пада-

ет на украшения на каминной полке, телевизор поблескивает синим в дальнем от окна углу. За последние три месяца состояние памяти матери еще сильнее ухудшилось, темная дыра засасывала детали, имена и даже лица. Гюнес боялась, что мать оставит включенной воду или забудет на кухне газ, а потому перебралась с детьми в родительский дом. Девятилетний Реджеп и пятилетняя Хюлья галопом скакали по квартире, не обращая внимания на бессмысленные фамильные вещицы и аккуратно развешенные напоминания, раскрепостившись внезапным простором старых оттоманских комнат. Ибрахим, ее муж, остался жить в крошечной современной квартирке в районе Байрампаша. Гюнес столько лет ждала этого. Она так долго хотела, чтобы неудачный и непредсказуемый брак закончился, и она могла бы вернуться в лоно семьи. Гюнес всю жизнь нравилось о чем-то заботиться, а Айше всегда была карьеристкой и курильщицей. Но Айше больше не тревожило моральное превосходство сестры и постоянные намеки, что ее брак с Аднаном — мезальянс. Так решил Всевышний, ну, или ДНК. Не спорь с ними.

— Ах да, милое платье, а куда, ты сказала, ты его наденешь? — спрашивает Фатма-ханым.

— Ужин. На Принцевых островах.

— На Принцевых островах? А кто там живет?

— Ферид Адаташ.

— Ты упоминала это имя, как мне кажется. А кто он? Мы знакомы?

— Он управляющий инвестиционного фонда. Бизнесмен, очень успешный.

Фатма-ханым качает головой.

— Прости, дорогая.

Дипломаты, бюрократы или новомодные еврократы, даже члены самого вымирающего вида, принцы, — вот то общество, которым наслаждались Эркочи на Принцевых островах, когда Фатму и самого привлекательного капитана Северного флота доставляли на бал на катерах матросы в форме, а за их спинами развевались турецкие флаги. А у бизнесменов пальцы желтые от денег. Их маленькие глазки пытливо смотрят на ряды циферок, а не на подрагивающий горизонт на границе воды и кроваво-темного Черного неба.

— Он друг Аднана.

Взгляд Фатмы-ханым скользит дальше. Все сказано, открыто и прямо. Бизнес. Это не достойное общество. А в другом углу комнаты на стуле у окна, где достаточно света для шитья, Гюнес неодобрительно цокает языком, и этот звук на-

поминает шипение ящерицы. Это имя нельзя произносить в присутствии Фатмы-ханым. Любое напоминание о том, что младшая дочь упустила достойного претендента на руку и сердце, легко вызывало у пожилой женщины слезы.

Айше целует мать в лоб. Когда она подходит к двери, Фатма-ханым снова спрашивает:

— Куда она собралась?

— На Принцевы острова, — терпеливо говорит Гюнес.

Мармарай[60] забит от Сиркеджи. Айше тащится под Босфором. Вагон воняет электричеством, а освещение вызывает мигрень. В вагоне царит страх, ведь все знают, что за одним взрывом следует другой, организованный той же группировкой или другой, жаждущей погреться в лучах славы. Айше пытается не думать о бомбе в этом глубоком туннеле. Она пытается не воображать себе вспышку белого света, после которой крыша лопается, туннель раскалывается, а вода, словно нож, вонзается под давлением в миллион тонн. Вагон покачивается на поворотах, туннель освещают синие лампы. Айше знает, что у всех остальных пассажиров те же мысли. Глубокие

[60] Примечания: 60

Подводный железнодорожный туннель под проливом Босфор, строящийся для соединения европейской и азиатской частей Стамбула.

туннели, высокие здания, быстрые поезда и самолеты — всему этому не устоять перед людской злобой. Все это — вызов Всевышнему.

Миллион евро, и больше не придется этого делать.

Вечером долмуши без конца снуют между жилыми кварталами Ферхатпаши. Дороги, разбитые, пыльные обочины, бетонные фасады, низкие холмы — все тонет в желтом свете. Айше не может больше выносить этого уродства. Миллион евро перенес бы ее по ту сторону Босфора, обратно в Европу. Дети болтаются в холле многоквартирного дома. Разве в новой мечети нет специального клуба для подростков?

Мужа нет дома. И не будет еще несколько часов. После хамама они останутся выпить и еще поговорить. Ей не хочется ждать узнаваемого фырчанья «ауди» на парковке. В квартире все еще жарко и пахнет кондиционером для белья. Айше слышит телевизор у соседей двумя этажами выше. Такое впечатление, что передача, которую они смотрят, это сплошные крики. Айше пьет вишневый сок из коробки, такой холодный, что больно. Айше раскладывает наряд для завтрашнего мероприятия на туалетном столике. Повезло, что она вообще смогла расстегнуть эти

ботинки, — смешная мода для подобной жары, но тем не менее это мода. Обнаженная Айше проскальзывает под простыню, но даже так слишком жарко. Сон не придет. Айше пытается поудобнее устроиться на боку, потом на другом, а потом на спине, перебраться на более прохладную сторону кровати, положить одну ногу на другую, одну руку под другую. Бесполезно. Мысли мчатся вперед.

Она воображает Аднана в бане. Такой серьезный, он всегда такой красивый в своей серьезности, когда занимается бизнесом. Аднан выпьет лишнего, он любит нравиться компаниям, но всегда будет как минимум на один бокал впереди хозяина. Она представляет себе завтрашний ужин: мужчины говорят друг с другом о футболе, политике и сделках, а женщины обсуждают за столом семейные дела, сплетни и происходящее в обществе. А как вы проводите время, миссис Эркоч? Да так, ищу Медового кадавра. Что может быть абсурднее в Стамбуле: легенда, вынырнувшая из магического прошлого, или отказ от миллиона евро из-за запаха лосьона после бритья?

Она надевает халат и делает звонок. Акгюн тут же вспоминает ее имя.

— Миссис Эркоч. Простите, чем я могу помочь?

Она ощущает фантомный запах лосьона «Арслан».

— Речь о вашем Медовом кадавре.

— И?

— Я займусь этим.

ВТОРНИК

3

— Жарко, — говорит отец Иоаннис.

— Жарче, чем вчера, — вторит ему Георгиос Ферентину.

— Жарче, чем когда бы то ни было, — замечает Лефтерес-кондитер. — За тридцать восемь перевалит.

— Жарко, как в аду, — добавляет Константин. — Прошу прощения, преподобный.

— В аду пожарче, — возражает отец Иоаннис.

Бюлент приносит палочку, на которую нанизаны бублики.

— И что на этот раз? — спрашивает Лефтерес. Он перемешивает чай, кристаллики сахара кружатся и тают в горячей жидкости.

— Волкан прошел тест на уровень физической подготовки, да?

Лефтерес в отчаянии поднимает руки.

— Как ты это делаешь?

— Я от природы предприниматель, у меня понимание рынка на уровне инстинктов.

— Ага, тогда почему ты до сих пор держишь эту лавку? — спрашивает Лефтерес-памфлетист.

— Да я бросил бы, если бы речь шла о реаль-

ных деньгах, — говорит Бюлент. — Возможно, я боюсь успеха. Это наш основной национальный недостаток.

Константин отщипывает кусок от своего бублика.

— Эй, Ферентину, что там про вчерашнюю бомбу?

— А почему ты его спрашиваешь? — интересуется отец Иоаннис.

— А вы все пропустили, — говорит Лефтерес. — Наш дорогой доктор наук внезапно стал консультантом по национальной безопасности. Пил он себе утренний чай, как вдруг в дверь постучали, а на пороге агент из МИТ.

— Ну, для начала, я не консультант по безопасности, — бурчит Георгиос Ферентину. — Пока что я всего лишь согласился поработать с новой правительственной комиссией. Им нужны люди с еретическими идеями. Ортодоксальные, похоже, не работают. И слава богу.

— Он имеет в виду, что они не предсказывают взрывы в трамвае, — поясняет Лефтерес.

Бюлент ставит пустые стаканы на поднос.

— Можешь считать меня наивным, но первое, что приходит на ум, когда речь о комиссии по вопросам безопасности, это то, что они держат

рот на замке, нет?

— Я всего лишь сказал вам, что являюсь членом группы «Кадикей», а это не государственная тайна.

— А ты собираешься в «Кадикей»? — спрашивает Лефтерес.

— Да, сегодня днем. Это так странно?

— Пытаюсь припомнить, когда ты в последний раз выбирался дальше площади Таксим.

— За мной пришлют машину, — говорит Георгиос Ферентину, но памфлетист уже успел всадить в него свой шип. Многие годы он позволял миру вокруг сжиматься, пока он не стал совсем тесным и удобным, как старый костюм. Призрачные Стамбулы в его белой комнате вытеснили старые чудесные имена улиц и переулков: улицу Тысячи землетрясений, аллею Цыплят, Которые Думают, Что Умеют Летать, авеню Кустистых Бород, улицу Златовласой Нафи.

— А что это ты там вчера высматривал у лавки Кенана? — спросил Бюлент.

— Юный господин Дурукан заявляет, что за ним гнался робот.

— Ты все еще позволяешь этому мальчику навещать тебя? — спрашивает Константин.

— Глупо с твоей стороны, Георгиос, — замечает

Лефтерес.

— А я и впрямь кое-что вчера видел, — говорит Бюлент. — Робота-птицу и второго робота тоже. Я решил, что это цветочный горшок или спутниковая тарелка, свалившаяся с крыши.

— Мальчик отправился посмотреть на бомбу на проспекте Неджатибей, — объясняет Георгиос. — И обнаружил, что он не единственный робот, который наблюдает за происходящим. И что самое интересное, тот, другой, за кем-то следил. Мальчик пытался расследовать, что происходит, но еще один робот, уже третий, выследил его и попробовал схватить. Мальчику удалось сбежать. Робот преследовал его досюда, но парню удалось обмануть преследователя. Робот прыгнул, упал и разбился.

— Наверно, это я и видел, — говорит Бюлент.

— Прокрути-ка назад, — просит отец Иоаннис. — Ты сказал, что они за кем-то там следили.

Георгиос поднимает палец в предостерегающем жесте.

— Да, причем за кем-то, кого мы знаем.

У всех перехватывает дыхание.

— За одним из тех молодчиков из подвала, — сообщает Георгиос.

— Ну тогда я надеюсь, что это полиция, и что

они найдут его и выселят, — ворчит отец Иоаннис. — От этих парней одни неприятности. Это они выплеснули мочу к дверям моей церкви, я уверен. Пусть валят, это всегда был смешанный район.

— Ну я тебе кое-что скажу. — Бюлент наклоняется над прилавком так, словно это кафедра проповедника. — Все еще про этого же парня: он видит джиннов.

— Совсем крыша съехала от того, что весь день курит травку, — растягивая слова, произносит Константин.

— А что вы на это скажете, господа скептики, — Хафизе, которая работает у Эркоч-ханым в галерее, прямо под тобой, Георгиос… Короче, брат Исмет, местный кади, прославился тем, что открывает Коран в нужных местах, и Хафизе пошла к нему, чтобы он и ей почитал, поскольку думала, что, возможно, беременна. Неджет взглянул один раз на нее и прямо в лицо заявил, мол, ты точно беременна. А как он узнал? Он видел ее карин, вверх ногами под землей, с огромным животом.

— Для прирожденного предпринимателя, который чует рынок на уровне инстинктов, ты несешь несусветную чушь, — заявляет Константин.

Отец Иоаннис вскидывает руку:

— Кади, а теперь еще и этот чудотворец. Только этого нам не хватало. Лефтерес…

— Я могу вмешаться, только если меня попросят, — говорит кондитер.

— Должно быть, бомба что-то выпустила наружу, — ворчит Константин.

— Этот молодой парень оказался в трамвае, где взорвалась бомба, а теперь видит джиннов, — говорит Георгиос, обмахиваясь меню. Серебристый гребень солнца показался над крышей жилого комплекса Исмет Иненю, скоро оно выплеснет весь свой жар на площадь Адема Деде и загонит стариков в укрытие. — Джана Дурукана, который наблюдал за случившимся, застукал робот и гнался за ним по крышам. Робот сломался, и кто-то уничтожил доказательства.

— А с той бомбой что-то не так, — добавляет Бюлент. — Обычное правило: сначала смертник себя взрывает, затем появляется видео. Вспомните знаменитую мученическую смерть против турецкой проституции в руках загнивающего Запада. Такое видео оказывается в Сети быстрее,

чем вы успеете произнести «Иншаллах![61]».

— А ты довольно много об этом знаешь, — замечает Лефтерес.

— Я смотрел несколько таких видео. Мне нравится оценивать их. Я это воспринимаю как телешоу: люди присылают свои видео, зрители голосуют, а выигравший отправляется на смерть.

— Господи, прости нас, — говорит отец Иоаннис. — Это даже не смешно.

— Странно, что тот, кто заложил эту бомбу, отправил робота удостовериться, что никаких видео не осталось.

— Они высматривали что-то другое. — Константин постукивает тростью по мостовой. — Что-то, за чем надо наблюдать, но так, чтобы их не увидели и не заподозрили. Они испугались, что твой юный друг тоже это видел.

— Именно, — кивает Георгиос Ферентину, наклоняясь вперед и сжимая пальцы, неосознанный жест, оставшийся с тех времен, когда дискуссию приходилось вести не только со старыми греками в чайхане. — Давайте подытожим,

---

[61] Примечания: 61

«Будь на то воля Аллаха!» — ритуальное молитвенное восклицание, используемое в мусульманских странах как знак смирения мусульманина перед волей Аллаха.

что нам известно. Одна маленькая бомбочка, от которой никто, кроме самой смертницы, не пострадал. Никакого вам видеообращения. Организаторы теракта или кто-то еще, такое тоже возможно, оставляют на месте взрыва робота. Робот, скорее всего, вел запись, но, когда кто-то посторонний попытался провести свое расследование, стал преследовать чужака и попытался установить его личность. Это интересно.

— Предлагаешь сыграть в сыщиков-любителей? — спрашивает Лефтерес. Он со скрипом поднимается с низкого стула и быстро пожимает руки друзьям. — Кучка старых греков и хозяин чайханы?

Следующим уходит отец Иоаннис:

— Что бы это ни было, оно обрушится на нас, как это обычно бывает. Да защитит нас Господь и Божья Матерь.

— А когда тебя увезут в «Кадикей»? — спрашивает Константин.

— Днем.

— Тогда у нас еще куча времени. — Константин достает доску для игры в триктрак с подставки под столом и разворачивает ее.

— Ты же знаешь, что я у тебя снова выиграю, — ухмыляется Георгиос.

— Знаю. — Константин раскладывает шашки и подготавливает стаканчик для игральных костей. — Просто решил, что тебе понравится такая причина провести со мной побольше времени.

— С чего бы? Мы и так видимся каждый божий день.

— Может быть, тебе захочется о чем-то меня спросить.

— О чем мне тебя спрашивать?

— Ну, например, о том, где можно найти Ариану Синанидис?

Внимание Георгиоса привлекает какое-то движение. Маленькая пластиковая обезьянка скользит на мягких лапках вдоль провода, натянутого от дома дервиша к жилому комплексу Исмет Иненю, карабкается по стене и исчезает. Бюлент приносит свежий чай на дребезжащем подносе.

— Давай уже, бросай чертовы кости, — говорит Георгиос Ферентину.

Джан — маленький детектив, и он патрулирует крыши в районе Эскикей. С выгодной позиции на перилах террасы жилого комплекса Исмет Иненю он смотрит вниз на площадь Адема Деде. Вон сидит господин Ферентину со своим приятелем, это тот, противный, который Джану не

нравится. А вон Бюлент облокотился на прилавок и что-то читает в цептепе. Грузинка вышла на веранду этажом ниже, чтобы снять белье. Она курит, а в комнате орет телевизор. Она не видит маленького детектива. А все потому, что он мастер маскировки и может принимать множество форм. А вон та тупая девица, что работает в лавке, полной мертвых книг, возится с замком. У нее всегда такой хитрый вид, когда она открывает лавку, и внутрь она проскальзывает так, словно совершила преступление.

Обезьянка вращается до тех пор, пока координаты камеры не совпадут с GPS-логом, оставшимся после вчерашней погони по крышам. А теперь стань размером с крысу! — командует маленький детектив. Обезьянка распадается на битботов и превращается в осторожно ползающую Крысу, которая сопит и вынюхивает, обыскивая крышу на предмет улик. Каких улик? Ну, типа тех, ради которых сыщики в кино выгоняют всех из комнаты, а потом, надев маски, поднимают эти самые улики длинными щипцами и кладут их в пластиковые пакеты. Улики. Пустая пачка из-под сигарет — это не улика. Наполовину порванный лотерейный билет, пара кальсон, давным-давно свалившихся с веревки и ставших уже серыми

и грязными от долгого лежания на крыше, — тоже. Крыса продолжает рыскать по крышам. Встревоженные чайки поднимаются, издавая раздраженные крики, а потом снова садятся. Крыса зависает на крошечных лапках на краю парапета, нюхает воздух. Вон мистер Ферентину играет в триктрак с мерзким египтянином. А вот мама маленького детектива выкатывает маленькую серебряную машинку из гаража в Киноварном переулке. Газовый пузырь, как он ее называет. У маленького детектива есть еще десять минут, чтобы провести расследование, прежде чем придется натянуть синюю форму и надеть огромный рюкзак на спину. Думай, Крыса, думай. Бюлент выставляет блюдца с молоком для местных кошек. Он кормит их потому, что Айкут по ту сторону площади их ненавидит. Думай, Крыса, думай. Маленький детектив кликает GPS-логи. Ага, вот здесь Обезьяна прыгнула в воздух, а здесь преследовавший ее робот упал и разбился. Смотри, хорошенько смотри, сконцентрируйся. Маленький детектив снова касается экрана, и Крыса превращается в Змею. Давай, проползи в самые потаенные углы. Стены — не преграда для Змеи, поскольку она может приклеиваться к ним животом, а потому Змея ползет вниз, не переста-

вая сканировать. Взгляд Джана скользит по пяти панелям с информацией, выискивая что-то крошечное, недооцененное, упущенное из вида, то, что могли не заметить люди, заметавшие следы. Люди, которые управляли тем роботом, старые и медлительные. А маленький детектив юный, быстрый и умный. Его мозг от природы настроен на то, чтобы выхватывать визуальные улики, которые пропустили другие. Эта новая схема, как ее называет господин Ферентину, компенсация за его приглушенный мир со звукоизоляцией.

Вон! Что это? В сточной канаве вдоль лавки Кенана. Что-то маленькое, оранжевое, заостренное. Змея петляет по стене жилого комплекса Исмет Иненю. У Змеи нет рук, поэтому Джан преобразует ее в Обезьяну и выуживает оранжевый обломок из высохшей, потрескавшейся грязи. В три прыжка Обезьяна оказывается на подоконнике балкона дома дервиша. Обезьяна роняет сокровище на ладонь маленького детектива. Это кусочек пластика, который откололся от оболочки вражеского робота. Должно быть, отлетел далеко от места падения. На нем что-то написано. NG428. Джан сжимает пластик в кулаке, пока он не ломается. Отлично, просто отлично.

А теперь делай так, как ведут себя настоящие

копы на месте преступления. Зарегистрируй это. Секундное дело сфотографировать с высоким разрешением на свой цептеп. Теперь запакуй. Он кладет обломок в пластиковый пакет для ланча, на котором пишет слово «УЛИКА», и прячет в школьный рюкзак. Джан повязывает синий школьный галстук, когда входит мама и знаками интересуется, готов ли он ехать.

— Целиком и полностью, — отвечает Джан, маленький детектив.

— Карин, — говорит Мустафа, готовя ритуальный ежеутренний кофе в огромной кухне Центра спасения, — такое не каждый день увидишь, даже ты.

В Центре спасения регулярно вплывает тема — таланты, которыми уже обладают два охранника и которые могли бы стать сверхспособностями. Вот Мустафа за один вечер может стать экспертом по чему угодно. Он может в мгновение ока увлечься какой-то идеей, буквально загореться ею. Городской гольф уже устарел. Теперь бесконечно увлекательными кажутся джинны.

Недждет, который явно обладает теперь сверхспособностью — видеть джиннов, — совершенно уверен, что Мустафа знает о джиннах больше, чем он сам сможет когда-либо узнать: их ранги

и классификацию, слабые и сильные стороны, и те заклинания, с помощью которых сильный шейх может повелевать ими. Мустафа Багли, специалист по джиннам, ифритам[62] и другим порождениям огня.

— Значит, под землей и вниз головой, очень интересно. — Мустафа наливает две крошечных чашки пенистого кофе из медной джезвы. Кофе крепкий и очень вкусный — это среди прочего тоже входит в компетенцию Мустафы после того, как он заинтересовался судьбой тех мешков, что турки бросили у ворот Вены, куда добрались на вершине имперских притязаний. — Такая интерпретация популярна в Северной Африке, особенно в Каире. Скажи, а если ты посмотришь вниз, то увидишь что-то у меня под ногами?

— Нет, но зато кое-что сидит у тебя на плече.

Мустафа чуть не разливает кофе.

— Опиши мне эту… сущность.

— Ну это как рука на плече, но только она похожа на краба, сделанного из глины…

— Из глины, говоришь?

— Из глины, ну или из камня, типа того американского супергероя, который был сделан из

---

[62] Примечания: 62

Разновидность джинна. Считается, что это души людей, умерших насильственной смертью.

камня. — Неджет решает не упоминать глаза, которые расположены между пальцами.

— А, ты говоришь о персонаже комиксов Бенджамине Гриме[63] по прозвищу Существо. Понимаешь, есть и другая интерпретация, якобы карин скорее порождения глины, а не огня, и они сидят у человека на плече, как ангелы или демоны.

— Оно барабанит пальцами по твоему плечу.

Теперь Мустафа роняет чашку с кофе на серый ковер.

Вытерев лужу, он бредет между рядов пыльных компьютеров к тому месту, где сидит Неджет, лениво читающий сайт со сплетнями.

— Оно все еще там? Ну, эта штука на моем плече.

Неджету не хочется рассказывать Мустафе, что конкретно сидит у него на плече, а потому он отвечает односложно:

— Ага.

Мустафа пододвигает стул из соседнего отсека.

— Мне это интересно. Мне неприятно это говорить, поскольку я рационалист, современный европеец и современный турок, но, похоже,

---

[63] Примечания: 63

Вымышленный персонаж, супергерой Вселенной Marvel, член Фантастической Четверки.

мы переживаем новую эру ментального рецидивизма. Любому действию должно найтись адекватное противодействие, и не только в физическом мире, но и в духовном. Стоило только нам избавиться от репутации «больного человека Европы»,[64] вечных варваров, как оказалось, что самая примитивная и суеверная из анатолийских народных религий поднимает голову в наших городах. Джинны, шейхи, уличные кади, дервиши и все такое прочее. Действие и противодействие. Целая туча всяких глупостей. Какая-то исламистка взрывает себя в трамвае, ты начинаешь видеть джиннов на сушилке для рук, встречаешь карин у порога и обнаруживаешь руку Бена Гримма у меня на плече. Я не знаю, как это работает, это скорее всего какие-то посттравматические галлюцинации, но скажу тебе не таясь — если беременная девчонка начнет болтать, половина соседей притащится к тебе за молитвами, чтениями из Корана и лечением. Конца не будет. Твой брат сколько угодно может рассказывать, что хочет нести людям чистый,

[64] Примечания: 64

Публицистический штамп, который используется для обозначения европейских государств, испытывающих комплексные экономические и политические проблемы, вошел в употребление в середине XIX века применительно к Османской империи.

свежий современный ислам, как и суфии старой школы, но если ты спросишь меня, то я отвечу, что никогда еще имам, ну, или в вашем случае кади не мог устоять перед легкими деньгами. Здесь можно подзаработать, единственное, что требуется, — правильный маркетинг. Хороший такой, креативный маркетинг с далеко идущими планами. Инвестиционная структура. Чтобы ты выбрался из этой дыры и зажил нормальной жизнью.

— Говоря «маркетинг», ты имеешь в виду себя.

— Ммм, да.

— Ты руководишь Центром спасения бизнеса, который никто никогда не использовал.

— Да, но с фантазией.

Этого Недждет не может отрицать. Спа, где рыбки лечат американцев от псориаза, турецкие розы, новый суперпродукт — лесные орехи для здоровья и счастья, личные пещеры в Каппадокии, ну и из последнего городской гольф — все это бизнес-проекты Мустафы. Фантазии.

Мустафа идет сделать утренний звонок жвачной Сьюзан. Поступает распоряжение выключить кондиционеры. Цены на газ подскочили. Мустафа рассудительно замечает, что центру кондиционеры необходимы из-за тепла, которое выделяют

сотни компьютеров. Давайте выключим компьютеры и одним махом решим проблему с ценами на газ. Простая идея. Гениальная идея.

Недждета внезапно охватывает паника, в голове с шумом и ревом начинается оползень: все эти места и лица из прошлого ускользают от него, обрушиваются, сталкиваются, перемалывают друг друга, сжимаясь, пока не становятся лишь облаками пыли, которые вздымаются по обе стороны. Недждет снова смотрит на Мустафу, который жарко спорит на экране со жвачной Сьюзан, и узнает его. Где-то за пределами подземелья Исмет Недждет видит его лицо, слышит голос и произносит имя. Он знает, что есть и другие, братья по тарикату, которые приходят во вторник днем, чтобы обсуждать новые законы Корана и Хадиса, но не видит их лиц и не слышит имен. Разве в трамвае не должно было быть женщины, той, у которой оторвало голову? Недждет видел ее как некий образ, парящий перед ним, пока он пытался пробраться сквозь толпу, пока полиция не начала задавать вопросы, на которые он не хочет отвечать; должно быть, это было только вчера, но лицо, место, время, даже гулкий звук взрыва, когда детонирует ожерелье из взрывчатки, затуманены, став воспоминаниями воспоминаний.

Почему он так испугался полиции? До того, как Исмет пустил его в пыльный подвал под домом дервиша, что он такого натворил, где он был? Неджет не помнит. Его воспоминания — это вихрь джиннов.

Паника нарастает, становясь абсолютной, невнятной, парализующей, это паника полной потери и совершенной беспомощности. Затем Неджет слышит, как кто-то играет на флейте. Он разворачивается на вращающемся стуле, чтобы найти источник звука. Джинны летят по воздуху, словно дым или вода, утекающая по невидимому каналу. Джинны постоянно меняют размер и форму, от пылинок до птиц, от каких-то суетливых существ до шлейфов трепещущего серебряного огня. Это создания из потустороннего мира, но очень даже живые. Неджет знает, что ему надо идти следом. Мустафа, все еще поглощенный спором со Сьюзан, не обращает внимания, когда Неджет выскальзывает из своего закутка и идет по течению джиннов.

Поток джиннов проскальзывает под дверь подсобки. Разумеется. Джинны кружатся в водовороте вокруг веников и швабр, ведер и совков для мусора, прижавшегося к земле цилиндра робота для полировки пола, который не работает

с тех пор, как Мустафа попытался превратить его в автоматический коктейль-бар. Снова под дверь к счетчикам электроэнергии и щиткам. Энергия, которая здесь содержится, будоражит джиннов, они кипят и растворяются, переходя из газообразного состояния в жидкое, и жидкость течет и струится серебряным ручейком, но Неджет осторожно следует за ним к решетке вентиляции в нижней части стены. Бесплотная жидкость просачивается сквозь сетку. Все это время играет флейта.

Решетка закреплена на пластиковых заклепках, дешевых, как и все здесь, они поддаются с первого же раза. Неджет просовывает голову и плечи в темный проход. Ощущается холодный сквозняк с запахом старого камня и подземелья. Река джиннов течет мимо него. Ощущение такое, словно по его телу скользит кошачья шкурка. Это захватывающе, потрясающе, и единственное, что Неджету остается, — ползти вперед. Лампочки мерцают и загораются, а Неджет оказывается в сервисной шахте вентиляции высотой в человеческий рост, опутанной шнурами, кабелями, трубкам и проводами. Шахта неуклонно спускается вниз, запах застарелой земли и еще более древней влажности становится все

сильнее, а конденсат поблескивает на стенах и капает с труб. Здесь холодно. Джинны пенятся и огибают его ноги, как пороги реки. В конце туннеля есть дверь, джинны протискиваются под нее, словно вода через мельничный лоток. Дверь открывается, стоит ему прикоснуться. За дверью темнота и пахнет древностью. Неджет закрывает глаза в глубокой тьме, ощущения, куда более интимные, чем зрение, подсказывают ему, что он в месте, принадлежащем другой эпохе. Камень. Капли воды. Движущийся воздух говорит, что над головой купол. Эхо предполагает наличие колонн. Неджет вдруг понимает, что уже какое-то время не слышит флейту. Джинны собираются в лужицу у него под ногами. Фотон за фотоном глаза привыкают к освещению. Он в каменном склепе с колоннами. Точные размеры непонятны, поскольку темнота простирается дальше, чем он может видеть, и по всей длине колонны. Над головой ниши, своды, купола. Это место очень глубокое, очень старое. Теперь он начинает различать предмет, что находится прямо перед ним, — массивный, низкий, украшенный скульптурной работой. Он напоминает фонтан в саду дома дервиша, где Неджет любит сидеть и курить. Воспоминания возвращаются. И в мо-

мент узнавания приходит еще одно — какая-то фигура сидит на плите фонтана.

Неджет вздрагивает, а потом, когда джинны летят к ногам сидящего, сбиваясь в кучу и впервые давая свет, его заполняет потрясающее умиротворение. Одеяния, длинная борода, зеленые глаза, которые видят тебя буквально насквозь, зеленый тюрбан, небрежно повязанный вокруг головы. Как Неджет может бояться его? Это самый старый, Зеленый святой, старше, чем Аллах, чем Иисус Христос и мать его Мария, старше, чем Яхве. Если сейчас он и носит зеленое одеяние суфия, так это потому, что ислам позаимствовал у него цвет жизни. Его зелень — зелень Тигра и Евфрата, анатолийской весны в Хатгуше и Чаталхеюке. Это Хизир, Хидр, ал-Хидр, святой, пророк и ангел. Он есть вода, он есть жизнь. Он — это помощь, пришедшая непонятно откуда, именно его рука выдергивает вас из-под колес трамвая, надувает подушку безопасности, которая помогает спастись в авиакатастрофе. Это беспокойный работник парковки или приставучий сотрудник службы безопасности, который для начала постарается не дать вам попасть на обреченный самолет.

Но все же Неджету страшно. Хизир — это

непредсказуемость воды, беззаконие высшего закона. Хизир может благословить, а может убить, он есть созидание и разрушение, засуха и наводнение. Он обращает взор своих зеленых глаз на Недждета.

Читай.

— Что читать? — спрашивает Недждет. Но он уже знает ответ на свой вопрос. Любой мальчишка, получивший образование в медресе, знает. Недждет выучил его в пятничной школе, где сидел с Исметом и декламировал, пока не узнал верные слова так же хорошо, как стук собственного сердца. А потом они с Исметом шли на пыльную площадку, посреди которой вбиты ворота. Исмет играл. Исмет был хорошим центральным нападающим. А Недждет садился на земляной вал, охранял куртки и смотрел, как большие колонны автотранспорта катятся по шоссе к мосту. Недждету никогда не давались игры с мячом. Он не видел в них смысла. Он учился узнавать буквы на тугих боках фур и знал, что эта фура из России, а вон та из Сирии, третья — из Грузии, а последняя в колонне… ну тут все просто, поскольку надпись сделана на арабском, на языке Всевышнего. Это еще одна вещь, казавшаяся ему бессмысленной: сидеть по пятницам на полу и

кивать головой в такт словам на божественном языке. Почему Всевышний не может говорить как все? Если бы он был Всевышним, то говорил бы и по-турецки, и по-арабски. Неджет моргал, глядя в окно на солнце в пыльном небе, и однажды, не подумав и даже не успев понять, что делает, он вдруг обнаружил, что поднял руку.

— А зачем все это? В чем смысл?

Другие мальчики шокированы и рассержены, но имам — очень терпеливый человек, тайно пристрастившийся к просмотру спортивных передач по телевизору.

— Смысл в том, что однажды тебе это потребуется. Может быть, завтра, а может, когда наступит конец света, и ты предстанешь перед Всевышним, но тебя обязательно спросят, и придется отвечать. И что ты скажешь?

Еще одно воспоминание. Джинны ерзают у ног Зеленого святого, отбрасывая длинные тени на купол старого резервуара. Хизир снова произносит «читай».

А натиск воспоминаний несет Недждета вспять.

Он слышит решительные удары пневмопистолетов, жужжание бензопилы, которая режет стропила. Все дяди пришли помочь строить дом.

Они начали на закате, как положено. Бетонные блоки и известковый раствор. Ряд за рядом. Пластиковые окна с двойными рамами — не в трущобах же. Ближе к полуночи появилась крыша, дяди удерживают полимерную пленку на ветру, а отец Недждета проходит вдоль свежих срезов, герметизируя болты с помощью специального пистолета. Он не торопится, поскольку домов без крыши не бывает, но поглядывает на горизонт. Если поставить крышу до рассвета, то такой дом у тебя никто отнять не сможет. Это закон. На пересечении автодорог, на границе промышленных зон, на склонах изъеденных эрозией холмов и переживших ужасные наводнения долин — целые районы по соседству расцветали, как цветы после дождя. Поселения геджеконду[65] строились на основании закона и надежды.

Женщины сидели в машинах, готовили чай и еду на газовых горелках, которые потом с гордостью закатывали в новую кухню. Они болтали, они смеялись, слушали радио и следили за детьми. Это воспоминание настолько старое,

[65] Примечания: 65

Дословно «построенный за ночь», так называли трущобы, отстроенные мигрантами, которые опирались на старинную норму османского права, гласящую, что дом, построенный за ночь на общественной земле, сносить нельзя.

что Неджет даже толком не уверен, может быть, это ему кто-то рассказывал. Он определенно был очень маленьким. Младшая сестренка Кизбес была даже меньше, она подпрыгивала на коленях у матери в кузове пикапа. Исмет всего на два года старше, но уже достаточно взрослый для настоящей мужской работы, бегает с коробками гвоздей для пневмопистолетов, с новыми тюбиками герметика или счищает известковый раствор с совков. Неджету тоже хочется — хочется внимания, ощущения, что ты полезен. Он видит пистолет в кузове пикапа дяди Соли и поднимает его в ночное небо. Бах! Бах-бах-бах! Неджет запускает огромные звезды прямо в предметы. Красивое зрелище — пневматический пистолет на фоне неба над Стамбулом. И звук красивый, и то, как вещи меняются навсегда, и два предмета, которые были разлучены, теперь соединяются навеки.

— Эй, кто-нибудь, остановите его, заберите у него пистолет! — Дядя Соли кричит слишком медленно и слишком поздно, поскольку Неджет переворачивается на бок, щелкает курком и отправляет десятисантиметровый гвоздь прямо сквозь ногу тети Неввал в пыльную землю.

Дома теснятся вдоль холма, пластиковые

крыши постепенно сменяются на красную черепицу по мере того, как геджеконду становятся официальными пригородами. Блестящий алюминиевый купол новой мечети на той стороне шоссе, мечети, которую, как и религиозную школу, построили на деньги Саудовской Аравии. Тетя Неввал медленно выходит из долмуша, опираясь на палку, без которой не может обходиться после несчастного случая с пневматическим пистолетом, ставшего крещением их дома, поскольку Неджет даже тогда понимал, что дом не может стоять без крови. Вот где он жил до дома дервиша: в жарком, вонючем пригороде, который, как и сотня других, тянулся вдоль шоссе в Анатолии. Стамбул был здесь притчей, оттуда приезжали грузовики, туда отправлялись автобусы и долмуши. Башибююк, дом и сердце.

— Что это? — кричит Неджет. — Это правда, это так, что это? Убирайся из моей головы, зеленый человек! Слышишь, убирайся, пошел вон, прочь, прочь!

Хизир смотрит на Неджета в упор и поднимает палец.

Читай.

Горящая девушка пулей выскакивает из дома на улицу. Легкий полиэстер спортивной куртки

— идеальное горючее: горячая ткань стекает дымящимися каплями расплавленного пластика на ее джинсы, ее туфли. Она поднимает руки и бьет ими по своему телу. Она пронзительно визжит, Неджет даже представить не мог, что такие звуки может издавать человеческое горло. Теперь вся девушка охвачена огнем. Крики стихают, поскольку ей не хватает кислорода. Кизбес падает на землю, и тут же подскакивают мужчины, побросавшие свой чай, и начинают катать ее по грязи. Сосед слева, Этьен, хватает огнетушитель из пикапа, а Семих, сосед справа, звонит в скорую помощь, хотя Башибююк далеко от больниц и неотложки. Теперь Кизбес занимаются женщины, срезая куртку с тех мест, где полиэстер прилип к коже. Крики ужасны. Волосы наполовину обгорели. Для Неджета, наблюдающего за происходящим через кухонное окно, это самое интересное, что ему доводилось видеть. Теперь отец Неджета несется сломя голову по холму с бензоколонки, где он моет автобусы, он останавливается на минуту рядом с толпой женщин, окруживших Кизбес, а потом забегает в дом и вытаскивает Неджета на свет. Отец и остальные соседские мужчины пинают Неджета так, что он скатывается с холма. Ему

удается вырваться, и он бежит прямо к шоссе. Грузовики сигналят, машины резко выворачивают. Автобус практически задевает его. Он видит выражения лиц пассажиров. Скорость и безумие переносят его на другой берег стремительного ручья. Некоторые из упрямых башибююкских парней рискуют, перебегая шоссе, — задиры, что всегда презирали Неджета, — но теперь он уже скрылся в лабиринте домов и улиц на южной стороне долины.

— Зачем ты мне это показываешь?

Хизир не сводит глаз с Неджета.

— Почему ты смотришь на меня? Это не я.

Свет от джиннов водоворотом кружится у ног святого.

— Я не делал этого. Это несчастный случай. Она курила и выронила сигарету.

Хизир поднимает одну бровь.

— Она действовала мне на нервы, понял? Она действовала мне на нервы, стояла там и загораживала дорогу, я не мог от нее избавиться. Ходила за мной хвостом. Хотела травы, а у меня не было, но она меня не слушала.

Но он ничего не чувствовал. Отупение, только отупение. Он наблюдал, как Кизбес охватило пламя, словно издали, совершенно бесстрастно.

Его крики были лишь звуками сломавшейся машины. Он смотрел через стекло, на экране, будто новости с далеких фронтов. Родной отец толкнул его на землю и пинал раз за разом, продираясь сквозь толпу других мужчин и парней, чтобы дать еще пинка. Неджет понимал, что его тело серьезно пострадало, но ничего не чувствовал. Он переживал все с мягкой улыбкой на лице. Он не бросал сигарету в Кизбес из-за того, что она действовала на нервы и рассердила его. Он не испытывал ни гнева, ни раздражения, вообще ничего. Просто сестра подвернулась под руку, когда ему захотелось узнать, а как будет гореть женщина.

Четыре ночи Неджет провел в доме своего дилера. Родители Юмита знали, кто он такой — парень, который поджег родную сестру. Даже Юмит, казалось, относился к нему с опаской, понимая, что парень, который поджег сестру, запросто стукнет полиции, если только откажешь ему в гостеприимстве. На пятый день пришел брат Исмет, хороший, набожный, и предложил сделку. Он заберет Неджета на европейский берег под охрану исламского ордена, основанного им вместе с несколькими единомышленниками, с которыми он познакомился онлайн. Не позво-

лит катиться в пропасть, промышлять мелкими партиями травки и сидеть на стуле у входной двери, бездумно глядя на шоссе. Привнесет порядок, стабильность, спокойствие, ощущение правильности и божественности. Или так, или живи как волк на холмах. В Башибююк Неджет вернуться не сможет. Кизбес выжила. Она в больнице. Имам открыл сбор средств. Волосы никогда не вырастут такими, как прежде, но залысины можно прикрыть париком, чего не скажешь о глянцевых шрамах на лице. Скорее всего, она никогда не выйдет замуж.

Хизир, Зеленый святой, опускает палец и отводит глаза.

— У меня с головой что-то не так! — кричит Неджет. Он колотит кулаками по вискам. — Проникни туда, проникни туда! Почему я ничего не чувствую? Там ничего нет, просто деревяшка. Ничего настоящего!

Хизир снова смотрит на него, а губы его искривляются в еле заметной, блаженнейшей и духовнейшей из улыбок.

Но ты чувствуешь. Злость и страх, оцепенение и изумление, половину времени ты невероятно растерян, а вторую половину времени — не в своем уме, видишь такие вещи, какие другие даже

представить не осмеливаются. Самое реальное, что происходило с тобой, Неджет Хасполер, — этот суфийский святой и его легион джиннов. Хизир, помощь из потустороннего мира, с его опасными дарами. Он предлагает тебе детство. Вот оно, возьми его, но это ужас. Ты чудовище. А теперь спроси, а можешь ли ты доверять увиденному? Это настоящее детство или только то, что, как тебе кажется, ты помнишь? Старые воспоминания или новые? В этом старом каменном склепе рядом с водой, которая есть его сердце и кровь, Хизир превращает его во что-то другое? В нового Неджета?

Читай, да. Читай, во имя Всевышнего, который сотворил тебя из кровавого сгустка.

Грязная плита, следы готовки, сигаретный дым въелся в обои, не опорожненные мешки для мусора в пылесосе. Освежители воздуха, которые расставил консьерж на подоконниках, рабочих поверхностях и емкостях, воняют моргом. А сама пустая, изобилующая какими-то звуками квартира с толстым слоем пыли на жалюзи, сальными половицами и мертвым голубем, разлагающимся на балконе, пахнет холостяком. Вот упаковка гранулированного быстрорастворимого чая на липком кухонном шкафу. Письма и катало-

ги валяются у стены рядом с входной дверью. Дыра под балконной дверью. Мягкий темный овал, оставшийся от жирных волос, на стене над призрачными очертаниями изголовья кровати. Матрас весь в пятнах, унитаз коричневый от налета. Серая жвачка растаяла на кафельной плитке в кухне.

Лейла борется с рвотным позывом.

— Задолжал за два месяца арендную плату, — говорит консьерж, маленький, с выпирающим животом, напоминающий пещерных людей.

Лейле подумалось, что такой подвид вымер несколько десятилетий назад, подвид озлобленных людишек, постоянно шныряющих по дому и везде сующих свой нос. Он взял пачку мелких купюр за то, чтобы проводить ее и Яшара в эту квартиру на восьмом этаже. Лифты перестали работать здесь задолго до того, как Мехмет Али снял квартиру. Жители пристально сердито смотрят на них, пока они протискиваются по лестнице. У всех дети, и телевизор орет в гостиной. На третьем этаже Лейла сбрасывает туфли на каблуках, иначе им придет конец на разбитых бетонных ступеньках.

— А вы ему кто? Друзья? Родственники?

— Деловые партнеры, — говорит Лейла. — А

как давно его нет?

— С февраля, — отвечает консьерж.

— А что, тут не привыкли ждать, пока кто-то будет объявлен мертвым, а потом уже распродавать его имущество?

Капыджи[66] пожимает плечами.

— Это решение хозяина дома. Это ж его владения. А вся эта ерунда покрывает первые пару месяцев аренды. Вы уверены, что вы ему не родственники?

— Это не наши проблемы, — бурчит Яшар из кухни.

— Ну кому-то ж это принадлежит.

— Вы не против, если мы осмотримся? — спрашивает Лейла.

Привратник, кажется, не слышит ее и зажигает, как ни в чем не бывало, сигарету. Лейла выуживает из кошелька двадцать евро. Да, репутация стамбульских привратников как взяточников подтверждается. Ну, мало было надежд, что на их стук дверь откроет сам Мехмет и напоит их чаем с конфетами. Мехмет исчез, но все его пожитки на месте, и так даже лучше. Теперь предстоит проделать работу детективу, а она еще

---

[66] Примечания: 66

Капыджи — привратник *(турецк.).*

в глаза не видела контракта от злобной Зелихи. Родственники — худшие работодатели. Лейла садится на корточки и осматривает трещинки в полу, заглядывает под плинтусы, встает на цыпочки, чтобы посмотреть на верхних полках, шарит по углам шкафов. Старые трусы, которые использовали как тряпку для вытирания пыли, да целлофановые упаковки от сигаретных пачек. От цветочного букета освежителя воздуха начинает болеть голова. Этот запах будет витать в мозгу несколько дней. Она поднимает крышку туалетного бачка.

Надо найти вторую половинку, сказал Яшар в машине, принадлежащей Джейлан — Бесарани, помятом ситикаре «пежо», которым приходилось управлять в ручном режиме, поскольку автопилот подцепил какой-то вирус. Яшар отпустил руль, чтобы порыться в конверте, а Лейла перехватила его левой рукой и объехала автобус дальнего следования с аккуратными кружевными занавесочками. Лейла забрала прекрасный миниатюрный серебряный Коран, по размерам меньше большого пальца. Яшар снова взялся за руль.

— Старый.

— Персидский. Настоящее серебро.

Лейла перевернула вещицу, и ощущение насилия, застывшее на обнаженной странице, поскольку Священный Коран разрезали пополам, напомнило, что не так уж далеко она уехала от Демре.

— А как он стал половинкой?

— Есть семейная легенда. По любому поводу найдется семейная легенда.

— Расскажи, я люблю семейные легенды.

— Все началось на заре XX века во время Первой мировой. Мой прапра-чего-то-там дедушка Абдулкадир — нас даже заставили выучить его имя, словно он был отцом нации или чем-то в этом роде, — так вот, его отправили в Чанаккале. Есть там такой холм Чанак Байыры, где прославился Мустафа Кемаль. Даже в Стамбуле все понимали, что это практически смертный приговор. Коран был старинной реликвией; узнав, что Абдулкадир собирается на фронт, его мать пошла к еврею-ювелиру и попросила аккуратно разрезать Коран пополам. Мусульмане бы не согласились такое сделать, как гласит история. Одну половинку мать дала ему с собой на фронт, а вторую сохранила. Священный Коран — единое целое, он неделим, и вторая половинка всегда будет искать первую и приведет сына снова домой.

— Он вернулся? Он выжил?

— О да, дедуля Абдулкадир оказался живучим. Он быстро смекнул, что сносить голову на плечах можно, нужно лишь держать от Кемаля и его удальцов подальше, в итоге дожил до восьмидесяти восьми и свалился замертво прямо в разгаре новогодней вечеринки.

— Думаю, тебе стоит гордиться им. Мне кажется, все, кто был в Чанаккале, герои.

— Он был единственным из подразделения, кто вернулся без единой царапины.

— Это все Коран.

— Это все инстинкт самосохранения.

Лейла заглядывает в бачок. На его дне не плавает ничего завернутого в шесть презервативов. Отлично. Ей совершенно не хочется совать руку в эту воду. Пусто.

— Взгляни на это, — тихо зовет ее из кухни Яшар. Он открыл ящик для ножей. Помощники хозяина дома даже ножи и вилки отправили на аукцион, но оставили пустые пластиковые пузырьки. Ящик полон ими. Яшар открывает все ящики. Все они полны пластиковых пузырьков. Яшар поднимает один, зажав между большим и указательным пальцами, — Нано.

— Вы уверены, что он не ваш родственник? —

не унимается консьерж.

— Нет, он не родственник, — лжет Лейла.

— Хорошо, тогда я скажу вам, что на самом деле думаю. Он был плохим человеком, этот Мехмет Али. К нему постоянно приходили. Причем таких посетителей мы в семейной многоэтажке не жаждем видеть. Болгары, целая куча. Те, что готовы сразу при встрече вонзить в тебя нож. А еще грузины и русские — это нации бандитов. И женщины. Вы понимаете, о каких женщинах я говорю. Туда-сюда какие-то тюки таскали. А еще ящики с пустыми пластиковыми бутылочками, крошечными такими. Я понимаю, что это означает. Я тут прошелся со специальным пылесосом для аллергиков. Ну, знаете, для тех, кто не может, чтоб пыль лежала. Не хочу, чтобы эта ерунда забилась между досками, попала в трубы и все такое. Представляете, если она попадет к грызунам?

— Сверхумные крысы-мутанты, — ухмыльнулся Яшар. — Круто.

Наночастицы все еще пугают Лейлу Гюльташлы. Неважно, что они стали безопасными в применении, пользуются доверием и спросом потребителей, она представляет, как эти частицы расползаются внутри нее, словно в легендах о

том, как в древности горный народ истребили вши, сожрав людей изнутри. Она воображает, что наночастицы летят, словно пепел, по венам, как в рассказах тех, кто кололся, — ты чувствуешь себя грязным изнутри. В колледже она всегда отказывалась, ходила с чистым мозгом на экзамены и пересдачи, даже если невыгодно смотрелась на фоне сосредоточенных, умных соучеников, узнающих все формулы. Она сдалась под давлением выпускных экзаменов. Всегда найдется кто-то, кто знает, у кого можно достать вещества, которые реально работают. Пузырек проделал весь путь по цепочке, возможно, прямо с этой кухни. Он стоял у нее на тумбочке, вызывая кошмары. Утром в день первого экзамена Лейла отвинтила крышку и вылила наночастицы, текучие, словно вода, в туалет. Дважды спустила воду для верности. Пусть рыбы под мостом Галата будут сосредоточенными и умными и узнают формулы, которых никогда не видели раньше. Лейле невыносима мысль о грязи и пыли внутри себя.

— Вы знаете, кто купил все оборудование? — спрашивает Лейла.

— Нужно спросить у…

— …хозяина. Можно мне его номер?

Консьерж пожимает плечами. Лейла отстеги-

вает еще двадцатку. Ее единственная оставшаяся сестрица одиноко жмется к шелковой подкладке. Еще одна купюра перекочует к Зелихе. Всего можно добиться с помощью мелкой налички.

Лейла снова снимает туфли, поскольку путь вниз еще вероломнее, чем наверх.

— Яшар.

Он послушно трусит на две ступени позади. Вне офиса он ласковый котенок. А в офисе резкий и агрессивный. Лейла росла в доме с братьями и понимает мальчиков и их безостановочное соревнование. Интересно, как они с Асо вообще смогут заставить компанию работать. А она не работает. Вот почему Лейла тут. Ну кто пишет договоры займа на половинках Корана?

— Две вещи. Первое — я договорилась на сегодня о встрече с Европейским банком инвестиций в новые технологии. У них схема ускоренного рассмотрения предложений, хотя я точно не знаю, насколько ускоренного. — Она до трех часов ночи рылась в обилии европейских фондов, грантов, инвестиционных кредитов, займов на запуск производства и аналогичных программ. Сегодня утром в метро договорилась о встрече, поскольку в последнюю минуту кто-то отказался. — Я хочу, чтобы туда пошел Асо. Ты блестящий инженер,

но ты выглядишь и одеваешься как барабанщик из затрапезной группы металлистов.

— Какого…

— Придется подстричься. И надеть костюм.

— Ни за что.

— Тогда идет Асо. И второе — дай мне чип от машины. Ты самый плохой водитель, какого мне доводилось видеть.

— Ты водишь?

— Разумеется.

— Но тут тебе не Демре, а Стамбул.

— Чип давай.

Но никто никуда не едет. «Пежо» затащили на прицеп большого красного тягача, расписанного приветствиями и религиозными лозунгами. Лейла стучит по водительской двери. Водитель опускает стекло, но с ней говорит не он, а пассажир.

— Вы ищете Мехмета Али. — У пассажира круглая голова и детское личико с поросячьими глазками и надутыми губками. Говорит он тихо и вежливо. — Мы его тоже ищем.

— А вы кто? Вы хозяин? Я уже сказала привратнику, что мы не родственники. Отдайте машину обратно!

— Нет, я не хозяин. А что, он и хозяину за-

должал? Меня это не удивляет. Собственно, привратник и прислал мне сообщение. Я бывший деловой партнер Мехмета Али. Он должен мне круглую сумму.

— Это не мое дело. Отдайте мою машину.

— Нет, это ваше дело. Теперь это очень даже ваше дело, и если вы его отыщете, то дадите мне знать.

Где же Яшар? Лейла прекрасно понимает, что она стоит рядом с эвакуатором с туфлями в руках, и выбор у нее невелик. Хорошо хоть он не знает, что она ищет Мехмета Али не из-за денег. Да и вообще она ищет не Мехмета Али, а его половинку миниатюрного Корана.

— По рукам, — говорит она.

Детское личико круглоголового парня выражает неподдельное удивление, но водитель эвакуатора нажимает какую-то кнопку, лебедка воет, и «пежо» скатывается с платформы.

— Но мне нужно как-то с вами связываться, — говорит Лейла. — Оставьте контактную информацию.

— Предпочитаю этого не делать, — отвечает круглоголовый. Водитель заводит двигатель. — Мы будем следить за вами.

Лейла ждет, пока красный тягач поворачивает

за угол и исчезает, а потом поворачивается к Яшару:

— Чип давай. Давай чип от замка зажигания.

Яшар смиренно отдает чип. Парень действительно напуган, и Лейла не знает, то ли виной тому происшествие с эвакуатором, то ли все дело в ней. Ее бьет дрожь от страха и злости. Она проскальзывает на водительское сиденье. Бросает туфли назад. Эту кучу металлолома можно вести и босой.

— Я поведу, а ты показывай дорогу. Семейный совет. Прямо сейчас. В мои планы не входит похищение моей машины какими-то бандитами.

В Кузгунджуке старые деревянные оттоманские дома спускаются вдоль улицы под пышными деревьями. Они выкрашены ярко и броско: хромовый желтый, ярко-синий, малиновый, розовый. Верхние этажи нависают над улицей, в тени сидят старики и кошки и наблюдают, что творится в мире. Балконы на последних этажах защищают резные деревянные экраны. Все благоразумные жители, кому не нужно на работу, сидят на балконах, пытаясь поймать хоть какой-то ветерок. Старики и кошки никогда не отличались благоразумием.

Айше медленно бредет между ярких домов.

Улица довольно крутая, день жаркий, ботинки узкие, а мостовая опасна для каблуков. Старики смотрят на нее поверх очков — надо же, нашелся кто-то еще более безумный, чем они. Она выискивает синий дом, синий, как василек. Здесь обитает местная колдунья, урболог, психогеограф. Айше нравится этот район, зеленая равнина обвивает его, словно шаль. В какой-то момент она даже думала разместить в Кузгунджуке галерею. В километре к северу простирается мост через Босфор, скоростная автомагистраль бежит по гребню горы на въезде в долину, между домов и ветвей, освещенных фонариками, можно рассмотреть паромы, но ничто не портит благоуханного шарма Кузгунджука. Но изоляция Кузгунджука была и его минусом: пришлось бы день-деньской ждать, когда же кто-то позвонит в дверь. Люди приходят поглазеть, подивиться, потратить время и найти вдруг приятную безделушку. Но никто не может построить бизнес на случайности. Эскикей серый, грязный и старый, но он в сердце района антикваров. Зато Кузгунджук идеально подходит для праздно гуляющих, туристов, историков духа места, психогеографов. Голубой дом, последний в ряду, тяжело облокотился на забор в виде цепи. За ним багряники, иудины деревья, взбираются

по крутому холму. Айше дергает за китайские колокольчики у входной двери. В окошке в виде сердца, вырезанном в балконной двери, появляется чье-то лицо — женщина средних лет с пышной шапкой курчавых волос, лягушачьими чертами и светлыми глазами.

— Дверь открыта, входите.

Кузгунджук прославился тем, что здесь закрыли полицейский участок за отсутствием преступлений.

Сельма, местная колдунья, облачена в свободную шелковую пижаму, а пальцы ног украшены кольцами. Валики и подушки разложены по периметру балкона, образуя своеобразный диван. Айше снимает свои убийственные модные ботинки. На балконе тоже ни ветерка, зато там есть чай и кунжутная халва.

— Это евреи, дорогая. Они делают самую лучшую халву.

Остатки еврейской общины выжили в Кузгунджуке. А еще греки и армяне. Церкви, мечеть и синагоги стоят лицом к лицу на перекрестке. Задача Сельмы Озгюн — понимать природу вещей и их причину. Она урболог, то есть городская ведьма. Раньше Сельма учила Айше оттоманской каллиграфии, которую переписчики использовали

при переписывании дивана,[67] но обнаружила, что куда больше можно заработать, просто гуляя по городским улицам и составляя ментальные карты, записывая, как история связана с определенными местами, нанося жизни слой за слоем на карту, обрисовывая духовную географию множества божеств, составляя энциклопедию того, как пространство формировало сознание, а сознание формировало пространство на протяжении трех тысяч лет существования Стамбула. Эти исследования предполагают пешие прогулки, как практики странствующих дервишей. Они движутся со скоростью шага, и это скорость истории, именно на этой скорости во время долгих прогулок возникают научный метод, связи и соотношения. Появляется странная симметрия между отдельными зданиями, словно имел место некий городской континентальный дрейф. Улицы отвечают древним атавистическим нуждам. Трамвайные пути идут вдоль старинных водотоков, слова богов и императоров произносятся в камне. Человеческая география, карты души. Рыбные рынки вдали от моря, районы, где торговля киснет или вымирает в одно поколение, чтобы

[67] Примечания: 67
Поэтические сборники.

вернуться спустя десятилетия. Еле заметные границы. Странные переходы между кухнями ресторанов: эгейская на этом перекрестке, а дальше по этой улице уже восточная. Проклятые места, где бизнес никогда не идет, хотя через две двери по соседству процветает. Адреса, где, если вы живете на одной стороне улицы, то вас в десять раз вероятнее обворуют, чем тех, кто живет напротив.

Обо всем этом Айше узнала во время длинных вечерних променадов с Сельмой Озгюн по городу, которые выглядят как праздные, но на самом деле у таких прогулок всегда множество скрытых целей и секретных намерений. Больше всего Сельму завораживают исчезнувшие народности Стамбула: греки, евреи, армяне, сирийцы, цыгане, русские, отголоски старой империи, и то, как переселенцы из глубин новой европейской империи неосознанно заняли районы, улицы, заглушив жизни и голоса вытесненных призраков.

Вот какие статьи написала в итоге Сельма Озгюн: «Кораблекрушения на Босфоре», «Вспышки суицида», «Карта гомосексуального Стамбула со времен янычар и до нашего времени», «Спонтанные с виду тропы, так называемые линии желания, которые люди вытаптывают на новом

участке территории», «Географические потребности и желания в небольших объявлениях на онлайн-форумах», «Эволюция популяции рыб, оставшейся в изоляции в римских гидроканалах».

— Меня пригласили в какую-то чертову правительственную комиссию, — ворчит Сельма, подставляя пальцы свету и воздуху, чтобы лак лучше высох. — Я пыталась донести до них, что они совершили ужасную ошибку, но нет. Видимо, даже машину вышлют. Надо выглядеть так, будто я стою тех денег, которые они на меня тратят. Как дела в галерее? Все еще торгуешь сомнительными армянскими евангелиями?

— Они все подлинные.

— В этом-то и вопрос, — Сельма никогда не скрывала, что считает Айше контрабандисткой, мародером, торгашкой и расхитительницей гробниц. — Что за блажь привела тебя в наш азиатский уголок этим чудным утром?

— Я пытаюсь найти Медового кадавра.

— Ага, яйца птицы Рух, мечи пророка, лампы с джиннами, какие еще невероятные вещи ты хочешь, чтобы я нашла до обеда?

— Я взяла комиссионные от клиента. Кажется, он считает это вполне возможным.

Сельма Озгюн вытянула свои стыдливые ноги на воздух и публичное обозрение. Даже в беззаботном мультикультурном Кузгунджуке она считается по-английски эксцентричной.

— А кто клиент?

— Конфиденциальная информация.

— Да плевать я хотела на конфиденциальность. Говори.

Сельму пугает сама идея передачи данных кожа к коже, потому Айше пишет имя клиента на карточке. Сельма Озгюн нацепляет на нос очки для чтения, которые висят на груди на золотой цепочке.

— Нет, ничего не говорит, дорогая. А он из Искендеруна?

— А должен быть оттуда?

— Ну, речь, скорее всего, о мумии из Искендеруна. Она всплывает каждые десять — пятнадцать лет. Ты не первая, далеко не первая, дорогая моя. Есть целая небольшая отрасль, которая связана с Медовым кадавром из Искендеруна. Это одна из великих легенд Стамбула, сравнимая с утраченными драгоценностями собора Святой Софии. Некоторые посвящали всю свою жизнь, публиковали мириады томов всякой чуши и проматывали огромные деньжищи в поисках

Медового кадавра из Искендеруна, но не приблизились даже к слабому запаху меда.

— Я всего лишь хозяйка галереи, которая хорошо умеет доставать труднодоступные вещи.

Сельма Озгюн наливает еще чашку чая из медного чайника, стоявшего на горелке.

— Эргюнь Шаш из Боазыджи считает, что Медовый кадавр из Искендеруна — это хаджи Ферхат, один из членов зажиточной купеческой семьи в Александриетте, состояние которой сильно поубавилось в конце XVIII и XIX веках. У него есть свидетельства о серии теологических диспутов и решениях шариата в споре между местным имамом и странствующим дервишем, известным как Волосатый человек из Каппадокии, который считал себя истинным поборником закона, разногласия касались религиозного статуса Медового кадавра. Волосатый человек объявил его харамным,[68] якобы именно потому семья Ферхат и страдает от кары Аллаха. Дело не только в том, что хаджи Ферхат не был похоронен, как положено, в землю, так его еще и поместили в языческий гроб, но ужаснее всего то, что мумификация считается косвенной попыткой избежать

[68] Примечания: 68
В шариате — запретные действия.

Судного дня. Проклятие можно снять, только если они избавятся от нечистого предмета и вернутся к подлинному подчинению воле Аллаха.

— Такое чувство, что Волосатый человек из Каппадокии распознал ценный религиозный артефакт с первого взгляда.

— Да, думаю, это не ускользнуло и от Ферхатов. Как бы то ни было, они отдали гроб Волосатому человеку, который прочел им пару сур, объявил их халяльными[69] и свалил вместе с хаджи Ферхатом. Принцип простой, дорогая, если ты найдешь дервиша, то найдешь и Медового кадавра из Искендеруна. В итоге все теории строятся относительно путешествия хаджи Ферхата в компании дервиша и того, как он добрался до Стамбула. Сунниты и шииты в подметки не годятся охотникам за Медовым кадавром. Это банда ворчливых стариков. Они впадают в истерику, когда их теории критикуют. Один человек, мнению которого ты можешь доверять, дни напролет проводит за ловлей рыбы с моста Галата, все его знают под прозвищем Красный. Ему можешь верить, он больной на всю голову, но соблюдает нейтралитет, и ему доверяют все. Он самый

[69] Примечания: 69
Дозволенные поступки в шариате.

авторитетный из ныне живущих стамбульских экспертов по Медовому кадавру из Искендеруна. Мимо не пройдешь, но только, задавая вопрос, упомяни мое имя, а не то он будет говорить исключительно о рыбалке. Правда — это не ко мне, я специалист по красивой лжи, из которой соткан этот город. Кстати…

Сельма Озгюн поднимается с дивана. Она стала еще пышнее и неуклюжей с того дня, как Айше видела ее в последний раз на открытии галереи осенью, когда ветер разносил пыль по кафельной плитке на полу. Скоро может наступить конец странствиям по Стамбулу. Будущие путешествия Сельма Озгюн будет совершать по городу памяти.

Подъем по ступенькам дается Сельме еще тяжелее, чем спуск. Она ставит маленькую баночку с янтарной жидкостью на столик.

— Давай.

Айше держит банку на свету. В золоте плавают крошечные кусочки и хлопья. Когда она наклоняет банку, жидкость медленно перемещается, густая и сладкая. Крышка покрыта ржавчиной, запах подтверждает анализ.

— Это он?

— А что ты хочешь, чтоб это было?

— А можно попробовать?

— Если я скажу, что ему пятьсот лет, и я заплатила три тысячи новых турецких лир, это повлияет на вкус?

Айше решительно макает указательный палец в янтарную жидкость и прикладывает к губам.

— Ну, и на что похоже?

— На мед.

— Или же я могла купить это в лавке на углу. — Сельма Озгюн зачерпывает полную ложку и кладет в чай. Хлопья кружатся в водовороте: кусочки цветов, крылышки пчел, частички человеческой плоти. Сельма поднимает тост: — За вечную жизнь! Ну, дорогая, ты явно решила этим заняться, так что я ничего не могу поделать. В глубине души я боюсь того, что может случиться, если ты его найдешь. Это сокровище, одно из чудес света. Легенды должны оставаться легендами, в противном случае они станут историей, а естественный ход вещей предполагает обратное движение: от истории к легенде. Но мне кажется, если у кого-то и получится, так это у тебя.

К дому подъезжает огромная тяжелая машина. Мотор работает очень тихо. Сельма Озгюн смотрит через деревянную решетку.

— Это из министерства за мной приехали. До-

пивай чай, сиди, сколько хочешь, только дверь оставь открытой. Приятной охоты, дорогая.

Сельма обнимает Айше, целует в обе щеки. Ногти на ногах поблескивают, пока она вразвалку спускается по лестнице. Айше садится на диван и наблюдает, как Сельма залезает в большую машину. Она допивает чай, но сидеть не собирается, поскольку Красный как раз в подходящем месте, и Айше успеет навестить его посреди рыбалками перед тем, как встретиться с Аднаном на причале.

4

— А вы за мной? — спрашивает Георгиос Ферентину водителя черной машины, подъехавшей к его двери. В машине тонированные черные стекла. Водитель весь в черном. Жар поднимается от черных изгибов. Водитель открывает перед ним дверь. Георгиос, прижимая портфель к груди, осторожно щупает обивку, словно бы сидит на коже живого существа, и его греческое тело может осквернить поверхность. Машина едет плавно и тихо. Георгиос смотрит через плечо, видя, как за углом переулка Украденных кур исчезает фасад дома дервиша. Он утратил связь со своим маленьким мирком. Водитель включает поворотник, собираясь повернуть направо, на проспект Иненю.

— А не могли бы мы поехать другим путем, на пароме? — робко просит Георгиос.

Водитель включает левый поворотник.

Последняя правительственная машина, в которой Георгиос ездил, повернула направо, на мост через Босфор в Азию.

Та комната была цвета мертвого легкого. Табачный дым разъел толстый слой блестящей краски.

Георгиосу подумалось, что если послюнявить палец и провести по стене, то он станет коричневым. За длинным столом три человека курили безостановочно и ритмично: вытаскивали окурок изо рта, тут же брали новую сигарету из пачки, чиркали дешевой одноразовой зажигалкой, а потом очередной огрызок мертвого фильтра оказывался в растущей горке в пепельнице с эмблемой «Эфес». Это было частью устрашения, как и запах — сигаретный дым вперемешку с маслами и фенолами военной краски и назойливой хлоркой. Можно только представить, *что* тут посыпали хлоркой: мочу, рвоту, кровь, экскременты. Хлорка все маскировала, но ничего не скрывала.

— Я помогу всем, чем смогу, — сказал тогда Георгиос. Стул отстоял довольно далеко от стола, чтобы лишить психологической защиты. — Я хочу, чтобы вы знали, я законопослушный гражданин.

Люди за столом оторвались от своих бумажек, подняли головы и нахмурились. Они изучили записи и показали какие-то строчки друг другу.

— Ваши родители… — произнес человек по центру. Его сосед справа снял колпачок с синей шариковой ручкой и приготовился писать. Геор-

гиосу Ферентину стало страшно, как никогда в жизни: до самого нутра, до мозга костей, такой страх чувствуют, когда боятся навеки потерять свободу.

— Они уехали из страны, — промямлил Георгиос Ферентину.

Человек с шариковой ручкой начинает писать. Он не останавливается двадцать минут. Эти люди, комната, непрестанные сигареты, запах чего-то скрытого и постоянный страх, что его будущее целиком и полностью зависит от того, что произойдет в этой комнате, и в итоге слова лились из Георгиоса, как вода из шланга. Он всегда воображал, что будет стойким, если его начнут запугивать, и его не смогут сломать. Но признания хлынули из него потоком. Он был целиком в их власти. Георгиос был слишком молод, чтобы помнить бунты 1955 года, из-за которых половина стамбульских греков, последних детей Византии, покинула город. Но истории той сентябрьской ночи были ужасными былинами времен его детства: поджоги, насилие, насильственное обрезание на улицах, вырывание бород священников, парень, который методично разбивал молотком одну за другой жемчужины в разграбленной лавке на проспекте Истикляль,

не понимая их ценности и не видя красоты. Угрозы 1980 года прятались за закрашенными витринами магазинов, фекалиями на стенах церкви, запиской «советуем валить», наклеенной на дверях стоматологического кабинета отца Георгиоса. Они прислушались к совету, новое правительство лишило их гражданства.

А теперь он сидел в прокуренной насквозь комнате и изливал душу так, словно бы крутил любовь с этими мужиками из разведки. Со сколькими предателями он знаком? Ну, Акиф Хикмет с факультета, Сабри Илич, редактор экономических новостей из «Хюрриет», и Азиз Албайрак, но он из отдела государственного планирования, он не может быть предателем, а еще математик Реджеп Гюль и писатель Девлет Сезер. Имена перетекали в блокнот человека с ручкой. Весь день Георгиос выпаливал ответы. В семь часов они отложили ручки и сложили руки.

— Я могу идти? — спросил Георгиос Ферентину.

— Один последний вопрос, — спросил главный. — Вы знаете Ариану Синанидис?

Желтая от дыма комната в Усюодар в азиатской части, поездка по мосту через Босфор в черной машине.

Невольный вздох срывается с губ Георгиоса Ферентину при виде очертаний Султанахмета с моста Галата, роскошных куполов и минаретов над бухтой Золотой Рог. Они словно священное войско, которое встало лагерем от собора Святой Софии и Голубой мечети до мечетей Сюлеймание и Султана Селима. Рамазан закончился месяц назад, но между минаретами все еще висят гирлянды праздничных огней и баннеры с проповедями. Георгиос вздыхает при виде блеска одного из величайших городов мира, но еще и потому, что не может вспомнить, когда в последний раз видел этот парад архитектуры, когда в последний раз пересекал мост Галата. Трамвай проносится мимо и движется в сторону пристаней Эминеню, на которых толпится народ. Даже кондиционер не может прогнать запах жареной макрели. У виртуальных Стамбулов в белой библиотеке Георгиоса нет запаха. Они съезжают вниз, пробираются сквозь толпу и оказываются на пароме. От Европы до Азии всего двадцать минут, но Георгиос хрипит и поднимается по лестнице на палубу. Водитель настаивает на том, чтобы пойти с ним. Георгиос подозревает, что он, наверное, вооружен. Все на палубе надеются на передышку от жары, но на Босфоре сегодня

ни ветерка. Женщины в платках обмахиваются маленькими электрическими веерами. Какая-то девица с гладкими ногами в сексуальных шортиках и майке пристраивается около ограждения там, где ее могут видеть водители грузовиков. Паром проходит мимо мыса Сарайбурну и слегка притормаживает, корректируя скорость и курс и пристраиваясь за русским газовым танкером, который ползет по Босфору в Мраморное море. Георгиосу нравится, что капитан парома постоянно инстинктивно высчитывает относительную скорость. Сознательность не нужна для интеллекта. Миновав все мосты, танкер разворачивает паруса. Георгиос прикрывает глаза ладонью от солнца, чтобы рассмотреть, как натягиваются паруса размером с городской квартал. Ага, еще километр, и будет ветер. К югу, где трещина между континентами простирается до самого горизонта, небо черно от парусов.

Ариана уехала из Стамбула, когда началась вторая волна арестов. Георгиос переплыл с ней пролив. Он помнит, как над ними зависали чайки, почти не шевеля своими заостренными крыльями, когда они скользили друг вокруг друга, не нарушая симметрии стаи. Паром приткнулся позади той длинной дамбы к вокзалу

Хайдарпаша. А потом он увидел полицейский фургон, припаркованный у тевтонского фасада вокзала, и запнулся на лестнице. Полицейские стояли у стены и курили. Полиция в его планы не входила.

— Не ходи со мной, — сказала она. — Все будет нормально.

Поезд до Измира, а потом паромом до Пирея. В Эгейском море она будет в безопасности. Он помахал рукой на прощание, пока она шла мимо бездельничающих полицейских. Те даже головы не подняли. Она так и не обернулась. Георгиос смотрел ей вслед, пока не убедился, что Ариана благополучно добралась до вокзала. И тут Георгиос осознал, что боялся так долго, что страх стал частью его дыхания, ходьбы, сна, чтения. Он понял, что сейчас ощущает не потерю, а конец этого страха. Потерю он ощутит позже, и это будет ужасно.

Ни звонков, ни писем, велел он ей. Георгиос не сомневался, что его почту вскрывают, домашний телефон прослушивают, а университетский — постоянно записывают, однако ждал хоть какой-то весточки через сеть эмигрантов. Но Ариана сгинула с концами, словно умерла.

Паром проносится мимо вокзала Хайдарпаша,

который больше не является воротами в Азию, поскольку теперь поезда ездят напрямую под дном Босфора, под слоем грязи и сгнивших костей. Двигатели ревут, пока капитан совершает маневр, чтобы пришвартоваться. Автомобиль везет Георгиоса по берегу Мраморного моря, в тени огромной бетонной чаши стадиона Фенербахче, через безликие кварталы многоэтажек, через хребет навстречу внезапному чуду. Здесь, в узкой долине, спускающейся к Мраморному морю, есть потайной уголок. Ногами он упирается в уродливую береговую линию и шоссе Бурсы, но зато головой купается в зелени. Георгиос видит через балдахин средиземноморских дубов и лаймов со снятой корой чувственные выпуклые оттоманские крыши. Какой-то мужчина в шляпе открывает настежь кованые ворота высотой в три его роста. Второй мужчина в строгом костюме кивает и прикладывает палец к наушнику цептепа. Георгиос замечает вдоль петляющей подъездной дорожки нескольких таких же надменных парней в расстегнутых пиджаках. Павильоны и беседки спускаются к морю меж рододендронов и азалий. В этом коконе из прохладной зелени не видно заплесневелых белых кубов домов, которые раскинулись вдоль хребта. Ароматы кедра и

алеппской сосны витают в салоне.

Здание разочаровывает. Крыша слишком плоская, карнизы слишком тяжелые, а балконы слишком подаются вперед; не требующая усилий гармония классической архитектуры в османском стиле испорчена чрезмерностью. Это качественная имитация малого императорского дворца времен конца империи, типа тех мест, где мелких пашей держали под домашним арестом, пока их братья взбирались на трон, в те культурные времена, когда соперников не душили сразу после воцарения. Какой-то предприниматель конца империи возвел это здание, ностальгируя по ярким и ясным дням, когда империя была сильна.

Женщина в костюме берет образец запаха Георгиоса с помощью специального прибора, проверяет, есть ли он в списке, затем выдает пропуск и провожает вверх по лестнице в малую гостиную.

Все вокруг — европейский кич: золотые канделябры в человеческий рост, украшенные позолоченными фруктами и листьями, тщедушная капризная мебель во французском стиле. Херувимы, ангелы, римские боги и второстепенные члены христианского пантеона кружат

вместе на потолке в лучах солнечного света в едином порыве. Нарисованы они коряво, чего и стоит ожидать от культуры, где нет традиции изображения людей.

Гостиная наверху — это версальский Зеркальный зал в миниатюре. Позолота на рамах зеркал отслоилась, а бокалы почернели и пошли пятнами в тех местах, где серебро окислилось. Дешевка. Официант предлагает Георгиосу кофе и несколько кубиков сахара. В гостиной полно групп мужчин в хороших костюмах. Они непринужденно общаются, словно бы видятся каждую неделю, они с легкостью балансируют между кофе и пахлавой. Георгиос обходит их стороной, слишком старый, толстый и застенчивый в своем пиджаке с вытертыми локтями и в хорошей, но чересчур тесной рубашке.

Другой одиночка привлекает внимание Георгиоса, он тоже кружит вокруг созвездий уверенных в себе мужчин. На нем серый костюм, купленный в торговом центре, воротник рубашки жмет, а ее манжеты загнуты за край рукавов пиджака. Признав в Георгиосе собрата по несчастью, он становится рядом в глубоком проеме окна, которое выходит на сады с кустами и беседками и узкую полоску стройки у моря. Паруса

кораблей, покидающих пролив, заполняют небо, словно стая темных перелетных птиц.

— Мне бы руки чем-то вытереть, — говорит мужчина.

— Мне кажется, около двери были салфетки.

— Это я так хотел извиниться за липкое рукопожатие.

Собеседнику Георгиоса под тридцать, у него небольшая бородка, аккуратно подстриженная, явно по случаю сегодняшнего события, а обычно он наверняка дает ей свободно расти. У него яркие глаза животного и смуглое лицо, видевшее много солнца. Рукопожатие действительно липкое, но крепкое, спортивное.

— Эмрах Бескардес.

— Георгиос Ферентину.

— Было бы нечестно сказать, что я о вас слышал.

— О, обо мне никто не слышал, и давно.

— Ручаюсь, обо мне вообще никто не слышал.

— Чем вы занимаетесь?

— Я зоолог. — Георгиос Ферентину не из тех, кто насмешливо улыбается, услышав чью-то специальность. Его интересуют все науки. Подлинная мудрость просачивается из точек соприкосновения между дисциплинами. — Моя специализация

— сигналы внутри популяций животных.

Георгиос поднимает брови. Он не утратил своей симптоматичной любознательности.

— Мне кажется, это могло бы быть очень полезно.

— Честно сказать, я не слишком уверен, чем могу быть полезен, — говорит Эмрах Бескардес. — Но деньги предложили хорошие. Вы не возражаете, если я задам тот же вопрос?

— Нет, ну что вы… я экономист, точнее, я был экономистом. Занимался экспериментальной экономикой, но уже не работаю много лет.

Внезапно великосветские беседы прерывает звон, и это не бой мудреных часов из позолоченной бронзы, а человек в костюме, который стучит ложкой по ободку кофейной чашки.

— Дамы и господа, прошу следовать за мной.

— Думаю, лучше пойти отдать долг родине, — говорит Бескардес. Он быстро и незаметно сует носик ингалятора с наночастицами в ноздрю и делает короткий вдох, потом предлагает крошечный конус Георгиосу. Георгиос отказывается. Его восхищает то, как этикет застегивает перчатки, а технология вальсирует по миру.

Купец, который построил этот маленький дворец, потратил состояние на внешний фасад.

Гостиная в задней части дома лишена украшений и кажется неряшливой — плоские пилястры, потрескавшиеся картины, облупившаяся краска, которая выцвела настолько, что превратилась из золотой в тошнотворно горчичную. Окно выходит на склады и гараж, солнечные установки и линии электропередачи, которые бегут от застроек на хребте в эту спрятанную долину. Организаторы расставили столы буквой «П», а на стене напротив повесили старомодный экран из смарт-шелка. Здесь нечего скачать цептепом, нечего унести с собой. На столах расставлены два типа бутылок с водой, но при этом нет ни бумаги, ни ручки. Эмрах Бескардес рисует домик на лежащем перед ним детском волшебном экране, а затем с явным удовольствием стирает его.

Делегаты рассаживаются. Георгиос отмечает, что они держатся теми же небольшими группами, что сформировались в основной гостиной. Всего три женщины. Высокий худой человек с невероятно длинными руками влетает через двустворчатые двери, чтобы занять место на открытой площадке перед столами, и Георгиос испытывает два чувства, которые связаны между собой и которые он не ожидал испытать снова. Одно — напряжение в нижней части живота,

мышцы, давно погребенные под слоем жира, вспомнили о своем предназначении защищать тело от угрозы. А еще у него медленно, с легким покалыванием сжимаются яички. Георгиос знает этого человека. В последний раз он видел его сидящим за точно так же поставленным столом, с двумя бутылками воды, с газом и без, на собрании, после которого Георгиосу пришлось уйти на пенсию. Этого человека зовут Огюн Салтук. Он заклятый враг Георгиоса.

Время обошлось с тобой милостивее, чем со мной, думает Георгиос, наблюдая, как профессор Салтук медленно сканирует комнату. Мы были худощавы, мы были парнями, неутомимыми в работе и теоретизировании. Твои волосы давно выпали, но тебе хватило ума обрить голову налысо, а в бороде еще проглядывает черный цвет.

— Дамы и господа, — говорит профессор Салтук. — Благодарю вас за то, что пришли сегодня на первое заседание группы «Кадикей». Простите, если все организовано в стиле Джеймса Бонда, но подобные мероприятия, в достаточной мере экспериментальные, приходится проводить за закрытыми дверями, в обстановке полной секретности, для ограниченного круга лиц. Некоторым из вас пришлось приехать по первому же

требованию и проделать довольно долгий путь, надеюсь, вас поселили в хороших отелях. Уверяю, со счетами мы разберемся. Что ж, позвольте представиться. Я профессор Огюн Салтук из школы экономики при Стамбульском университете. — Он делает небольшую паузу, чтобы глотнуть воды. Эмрах Бескардес уже рисует ящерицу на волшебном экране. Салтук продолжает: — Нас специально выбрали из различных отраслей науки: экспериментальная экономика, физика материалов, эпидемиология, политическая и экономическая аналитика, история, психогеография. Есть даже наш собственный научный фантаст. — Он кивает на приземистого мужчину средних лет с седеющей бородой, который умудряется милостиво улыбаться.

— Зоология, — шепчет Бескардес и стирает ящерицу, похожую на Салтука.

— Разные дисциплины, разные послужные списки. Вы спросите, а есть ли у нас вообще что-то общее. Я не стану говорить банальные слова о любви к великой стране, но скажу так: она нам небезразлична. Очень даже небезразлична. У каждого по-своему болит душа за эту страну, ее прошлое, настоящее и, да, за ее будущее. Возможно, мы верны каким-то определенным по-

литическим объединениям, но в первую очередь все мы добропорядочные граждане Турции. За пять тысяч лет цивилизации наша история зачастую становилась служанкой географии. Турция расположена четко посередине между Северным полюсом и экватором. Мы — ворота между Плодородным полумесяцем и Европой, между закрытой Центральной Азией и Средиземноморским регионом и Атлантикой. Целые народы и империи то прибывали сюда, то утекали прочь. Даже сегодня шестьдесят процентов европейских газовых поставок идет или под Босфором, или по трубам прямо под нашими ногами. Мы всегда были пупом земли. Но прекрасное по природе своей место окружило нас историческими врагами: русские на севере, арабы на юге, Персия на востоке, а на западе — само Красное яблоко, Европа.

Красное яблоко — миф оттоманского империализма. Когда Мехмет Завоеватель смотрел из-за зубчатых стен своей крепости в Европе на Константинополь, то Красным яблоком был золотистый земной шар на открытой ладони статуи Юстиниана на Ипподроме, символ римского владычества и амбиций. Мехмет ехал через разрушенный Ипподром, по захиревшим улицам умирающей Византии, и Красное яблоко стало

самим Римом. Но правда заключается в том, что Красное яблоко всегда оставалось недосягаемым, поскольку клонилось к западу, словно шар заходящего солнца.

— А теперь мы оказались зажатыми между арабской нефтью, русским газом и иранской радиацией и решили, что единственный способ заполучить Красное яблоко — стать его частью.

Фигня, думает Георгиос. Такими россказнями ты не смог бы оскорбить даже интеллект студентов.

— Эту группу создали как неофициальную научную комиссию, которая работала бы параллельно с группой «Хаджетеппе» в Анкаре. Я обсуждал с МИТ идею чисто теоретической работы, но обстоятельства вынудили нас ускориться. Как вы знаете, вчера в трамвае на Бейоглу была взорвана бомба. У нас есть дополнительная информация, которая заставила МИТ повысить уровень угрозы до красного. Я не собираюсь рассказывать, что это конкретно за информация, это не касается работы группы. Вы, может быть, слышали о моей работе, я опубликовал книгу «Большой скачок. Когда незнание действительно во благо?». Нет? Она вышла на английском… Неважно, основной ее посыл заключается в том, что ученые, работая

с минимумом информации, могут интуитивно совершать куда б***о***льшие скачки, чем при целенаправленном мышлении.

Знаю я эту теорию, думает Георгиос Ферентину. Очень хорошо знаю. А ты так же хорошо знаешь вторую часть теории: предпосылкой для креативного скачка является достаточная информационная экология, чтобы одни данные не перевешивали другие. Не нужно предоставлять идеальную информацию, это все из области экономической фантастики, просто пусть пейзаж будет пребывать в равновесии.

— Мы собрали группу самых разных и оригинальных мыслителей Турции. Мы широко раскинули сети, мы стремились к эклектике. Я считаю, что такая разношерстная группа, работая с минимумом информации, может генерировать идеи и интуитивные догадки, какие не по силам группе «Хаджетеппе». Думайте в любом направлении, вам позволено все. Полная свобода мысли. Скажу одно: во время наших сессий не полагайтесь только на свои сильные стороны. Позвольте себе играть, позвольте дать удивить себя.

Но можете расслабиться, поскольку сегодня от вас никакого мыслительного напряжения не потребуется. Это вводное собрание, шанс позна-

комиться друг с другом и с вашими областями деятельности. Я бы попросил вас не торопиться, остаться и поговорить. Все за счет правительства. — Раздается тихий, но благодарный смешок академиков постарше. — На этой неделе мы проведем четыре собрания. Как вы понимаете, я не могу дать вам с собой никаких документов, но я оставлю вам напоследок одну мысль. Просто поиграйте с ней, покатайте ее в своей голове.

Салтук щелкает пальцами, как телеведущий. А еще он отбелил зубы. Георгиос замечает их идеальный прикус. Эти вставные зубы выглядят ненастоящими и слегка устрашающими. Георгиос понимает, что скрипит своими зубами.

— Не ограничивайте себя, не бойтесь. Одно лишь слово. Газ.

Звонок разносится по торговому залу Озера. Компьютеры вокруг Аднана захлопываются, словно бабочки, складывающие крылышки. Рынок закрывается. Четверть миллиона чистой прибыли, и это на небольшой разнице. Аднан использовал стратегию «железный кондор» в торговле опционами. Это прелюдия к Бирюзовой площадке, стимуляция рынка, чтобы получить наибольшую отдачу от продажи иранского газа. Аднану нравятся опционы, быстрые деньги на

краткосрочных продажах, стратегии хеджирования меняются каждую неделю по мере того, как рыночная цена колеблется вокруг цены реализации опциона. Стрэдл и стрэнгл,[70] бабочки и железный кондор. Аднан постоянно менял стратегии, предвосхищая движения рынка. Дело не только в газе. Неважно, что продавать, газ, углеродные кредиты или апельсины. Продукт не имеет значения. Во главе угла сделка. Важны торговые сделки, контракты. Есть даже рынки опционов, на которых торгуют луком. Рынок — это деньги в постоянном движении. Рынок — это бесконечное удовольствие.

Когда Аднан вернулся в Каш на своей первой «ауди» и в сшитом на заказ костюме, лодочники на пристани высмеивали его, хозяева баров и ресторанчиков острили, но за язвительными замечаниями и шутками стояло понимание, что можно выбраться из Каша, пробиться в Стамбул и заработать деньги.

Никто не понимал, как именно Аднан зарабатывает эти деньги.

— Ты продаешь то, что тебе даже не принадлежит, чтобы потом купить дешевле, когда цена

---

[70] Примечания: 70
Названия опционных стратегий.

поползет вниз? — спросил отец Аднана. — Как так можно?

Они сидели в лодке, пришвартованной к причалу. Когда-нибудь Аднан вышел бы на ней в залитую солнцем бирюзовую синеву Средиземного моря, но не сегодня.

— Это называется короткая продажа, — объяснил Аднан. — Это способ защиты инвестиций.

Отец покачал головой и поднял руки, когда Аднан попытался объяснить, что такое финансовые инструменты, опционы и фьючерсы, и что каждый день из рук в руки переходят контракты, в десять раз превышающие объем производства во всем мире.

— Такое впечатление, что вам такие, как мы, не нужны; — сказал отец. — Банки, фонды, компании типа Озера — всем вам нужны только контракты и товары, а реальная экономика вам неинтересна. Она только вам мешает.

— Папа, мы просто продаем и покупаем.

— Я понимаю, понимаю. По крайней мере, когда меня спросят, я хоть смогу объяснить, чем занимается на самом деле мой сын.

Аднан снимает красный пиджак и бросает одному из ассистентов по дороге к выходу. Пиджак пропитан потом. Аднан как-то раз попытался

подсчитать, сколько пота он выделяет в торговом зале. Наверное, как футболист за матч, а то и больше. Футболисты играют всего девяносто минут и с перерывом. Они могут носить футболки. Аднан почти всегда обезвожен. Ему нравится это ощущение жара и нервозности, оно хорошо сочетается с наночастицами, а первый стакан воды всегда ударяет по башке, словно молотком.

За стеклянной перегородкой поднимает голову Кемаль, он хмурится и корчит странные рожи.

— Ты куда это намылился?

— У меня встреча.

— Встреча? И с кем же?

Аднан наклоняется к самому уху:

— С белым рыцарем.

— А я думал, вечером.

— Ну да, в семь часов прекрасный быстроходный катер отвезет нас на Принцевы острова. Но пока что я собираюсь забрать самую лучшую рубашку, какую только можно купить в Стамбуле, у своего портного, и проведу около часа у парикмахера, поскольку не хочу выглядеть как студент, а у меня в носу волосы растут, как на собачьей заднице. Возможно, я куплю Айше какое-нибудь украшение из серебра, потому что ей нравится серебро, и в нем она выглядит сексуально. Когда

я все это сделаю, уже подойдет и время садиться на катер.

— Короче, сегодня бумажки просматривать не будешь. — Кемаль закусывает нижнюю губу. Последнее время это вошло у него в привычку, хотя он всегда был нервным. Он принимает слишком много нано. Он нервничал в «Пророке кебабов», совсем как пучеглазый солдат из фильма про войну, который вышел из себя и начал палить из пулемета. Конвульсор, ультралорд нервозности.

— Не сегодня, — это вопрос профессиональной чести — присутствовать, когда подбивают счета. Сариоглу всегда выполняют обязательства. — Так что, если тебе надо спрятать пару маленьких трупов, сегодня отличный день для этого. — Аднан хлопает Кемаля по спине, тот чуть не падает.

— Иди и трахни нашего белого рыцаря, — говорит Кемаль, но шутка неприятна, словно песчинка, попавшая в глаз.

— Конечно. Я позвоню.

Не в первый раз Аднан задумывается, насколько надежен Кемаль. Он продумал все детали: подставные компании, финансовые инструменты, манипулирование рынком, стратегии хеджирования. Все, кроме стратегии ухода.

Двоюродная бабушка Сезен так долго жила

на балконе, что стала уже частью архитектуры. Никто не помнит, когда она впервые перетащила свою кровать через общую комнату на маленький железный балкон, с которого свисал турецкий флаг. Минимум два поколения мужчин Гюльташлы, вооружившись фонариками и электроинструментами, водружали защитные экраны и козырьки, соорудив пристройки так, что балкон бабушки Сезен превратился во вторую квартиру, которая, словно паук, прилипла к первой. Зимой и летом ее можно было найти тут. Бабушка Сезен считает, что спать в закрытом помещении плохо для легких. Она утверждает, что не болела простудами тридцать лет. А еще она может наблюдать за жизнью Бакиркей, смотреть, как самолеты заходят на посадку, и это нравится ей именно потому, что она никогда не летала на самолетах и никогда уже не полетает. Она наблюдает за ними, как за особой породой птиц в дикой природе.

Она настоящая львица. Находясь снаружи, она заполняет собой все пространство квартиры. Она женщина внушительных размеров, увенчанная густой серой гривой, которую каждый день причесывают и укладывают родственницы. Она мало говорит, ей это просто не нужно. У нее

ясные проницательные глаза, которые все видят и понимают. Бабушка Сезен читает с трудом и постигает мир через своих многочисленных скандальных родственников, а еще благодаря радио, которое Сезен обожает, особенно теперь, когда оно подключено к солнечной батарее. На телевизор у нее нет времени. Она мать семейства в настоящей семейной мыльной опере. Все без исключения боготворят ее.

Тетушка Кевсер — ее визирь. Она консультирует, сообщает и командует. Она доносит волю двоюродной бабушки Сезен. Она выносит фетвы.[71] Если двоюродная бабушка Сезен выступает в пользу чего-то, это считается халяльным, первостепенным, одобренным на самом высшем уровне. Если Кевсер говорит, что бабушке Сезен что-то не нравится, то это нечто становится харамным, осуждается без надежды на апелляцию. Тетушка Кевсер зачастую не беспокоит бабушку Сезен по пустякам, она по опыту общения с матриархом знает, что бабушка Сезен одобрила бы, а что — нет, и этого достаточно. Тетушка Кевсер, тонкая, как проволока, коротковолосая женщина неопределенного возраста, носит квадратные

[71] Примечания: 71

В исламе — решение по какому-либо вопросу, основанное на принципах ислама и на прецедентах мусульманской юридической практики.

очки и постоянно кипит нервной энергией. Ей неудобно ни на стульях, ни на диване, она никогда не была замужем, но этого никто от нее и не ждал. Она визирь и привратник.

— Он похитил мою машину, — говорит Лейла Гюльташлы.

Яшар поднимает палец. Тетушка Кевсер настаивает на том, чтобы семейные советы проводились по установленной процедуре, и бабушка Сезен поддерживает порядок.

— Прошу заметить, это была машина нашей компании.

— Я хотела сказать, что я согласилась на эту работу при условии, что стану разрабатывать инвестиционную стратегию для молодой нанотехнологической компании, — возмущается Лейла. — Никто не говорил мне о бандитах, которые будут забирать машину компании, или о хитрых родственниках, которые из-под полы торгуют наночастицами, а потом смываются, задолжав целую кучу денег, или о том, что в качестве долговой расписки используется половина семейной реликвии.

Представители семейства Гюльташлы и Джейлан смотрят на нее. Совет состоит из тетушки Кевсер, дяди Дженгиза, двоюродного брата

Дениза, тети Бетюл, Яшара и бабушки Сезен, участвующей со своего балкона. На заднем плане радио заливается, как певчая птичка.

— Я профессионал и ожидаю хоть каплю профессионального уважения.

За столом воцаряется молчание. Под столом все так же на стопке журналов про мотоспорт стоит мотор «Хонда».

— Я и пальцем не пошевелю, пока кто-нибудь не объяснит мне, что происходит.

Молчание нарушает тетя Бетюл. Она — семейный специалист по генеалогии.

— Мехмет Али происходит из ветви Языджоглу нашего семейства, его прадед Мехмет Паша приходится дедом и вам с Яшаром, так что вы троюродные родственники. Мехмет Паша приходится отцом бабушке Сезен, а его старший сын Хюсейин был главой той ветви семьи, пока не умер преждевременно двенадцать лет назад, о чем мы все сожалеем, его третий сын Мустафа Али — твой дедушка, был водителем автобуса в 1940-х годах и женился на девушке из Демре, а младшая дочка Фазилет вышла в 1973 году за Орхана Джейлана и положила начало ветви семьи в Зейтинбурну. Так что вы все родственники.

Семья в первую очередь, семья всегда. С тех пор

как автобус привез ее из Демре, Лейла боится, что с ее побегом в Стамбул смирились лишь потому, что считали его временным. Однажды мать упадет и что-нибудь сломает, или у отца случится удар. В Стамбуле зазвонит цептеп с родственным призывом, и тогда Лейла проведет остаток жизни, кормя отца с ложечки, помогая матери подняться и спуститься на улицу. Братья пристроят к дому еще один этаж, и Лейла будет довольствоваться собственной кухней, ванной и балконом, откуда сможет смотреть на ряды пластиковых крыш, похожих на волны недоступного моря. Но у нее не будет свободы. У женщин в Демре нет свободы, только обязанности. Карьера? А зачем женщине карьера? Женщины не работают, это против природы. Всегда предполагалось, что работой Лейлы будет уход за престарелыми родителями, а мужьями и детьми обзаведутся старшие сестры.

На двенадцатый день рождения сестренки Рабии Лейла купила распрекрасный подарок, вещь, которую она увидела онлайн и которая наполнила ее сердце восторгом, — «Волшебные небесные фонарики»! Когда стемнело, все поднялись на плоскую новую крышу — Азиз только что закончил новый этаж — и отец поджег маленький небольшой комок ваты, пропитанной бензином.

Они окружили светящийся шар из папиросной бумаги, аккуратно держа его, как написано в инструкции, и сомневаясь, что такая хрупкая и огнеопасная вещица способна на что-то еще, кроме как воспламениться и полететь по ветру. А затем, когда отец разжал руку, фонарь чудесным образом резко скакнул вниз, а потом начал подниматься выше и выше, яркий шар света в багряном небе с полосками пронзительно-синих облаков. Волшебный фонарь поднимался выше и выше, пока ветер с гор не подхватил и не понес его над крышей самого высокого из русских отелей и дальше, над темным морем.

Рабия кричала: еще, еще! Они запустили оставшиеся три шара один за другим, но магия сработала только в первый раз, и Лейла, глядя на крошечные светящиеся точки на фоне облаков, думала, что и с ней случится то же самое. Она поднимется так высоко и блеснет так ярко, что ее просто невозможно будет выдернуть обратно на плантации помидоров в Демре.

Но семья тянет, семья ограничивает свободу, семья связывает, и Лейла собрала этот семейный совет в гостиной Гюльташлы отчасти потому, что ей не рассказали всей правды о Мехмете Али и контракте, скрепленном половинкой Корана, а

отчасти для того, чтобы заявить родственникам, что не стоит позволять с ней любые вольности, какие только придут им в голову. Она здесь сегодня как Лейла Гюльташлы, профессиональный консультант по маркетингу, а не Помидорка, зарывшаяся носом в книги. Принимайте меня всерьез.

Дядя Дженгиз — старший из мужчин и правит внешним миром бизнеса и сделок, а женщины управляют внутренним миром дома и семьи.

— Этот парень всегда был проблемным, прямо с рождения. Отец его водил грузовики, и его никогда не было дома, чтобы приструнить парня, а когда Мехмету было тринадцать, мать взяла вдруг и ушла с младшей сестренкой. В этом вся проблема нашей страны, ничто никого не держит, как только возникает какая-то проблема или требуется некоторое усилие, турки тут же встают и уходят. Когда дело плохо, легче просто сбежать. Короче говоря, отец не смог заниматься им при такой работе, а я в то время работал с его дядей Азизом Языджоглу в магазине автозапчастей. У него не было места для парня, поэтому он обратился ко мне, а у меня как раз освободилась комната, когда Семих женился, и я взял Мехмета к себе. Самая большая ошибка в моей жизни. Я

заботился о нем, пока его не забрали в армию, я-то надеялся, что в армии ему хоть что-то вобьют в голову, но набилось кое-что другое, поскольку сразу после возвращения Мехмет переехал в собственную квартиру. Потом полгода от него не было ни слуху ни духу, а через полгода Мехмет явился, одетый в модный костюм, в спортивном автомобиле и с какой-то русской девицей под боком. Сначала клянчил у всех по мелочи, а потом резко за полгода разбогател? Так не бывает, если ты работаешь честно.

— Как давно это было? — спрашивает Лейла.

— Три года назад.

— Кто-нибудь поинтересовался, откуда на него внезапно свалились эти деньги?

— Сказал, что приторговывал на бирже, занимался застройками и трудовыми мигрантами. Каждый недоносок пытался на этом подзаработать после вступления в ЕЭС, — ворчит дядя Дженгиз.

Тетя Кевсер откашливается. Бабушка Сезен не одобряет непристойные выражения. Из-за Лейлы Дженгиз Гюльташлы выглядит полным идиотом в собственной гостиной. Лейла понимает, что дальше надо спросить, неужели они в это поверили, но придется-таки задать следующий вопрос,

пусть даже и выставив дядю дураком:

— Чья идея была пойти к такому человеку за ссудой?

— С нами не хотел иметь дело ни один коммерческий банк, — вставил Яшар.

— А Асо? У него нет контактов или родственников, которые могли бы помочь?

— Существуют курдские фонды регионального развития для новых проектов в сфере высоких технологий, проблема в том, что все они базируются в Диярбакыре.[72]

— То есть ты не захотел обращаться в региональный фонд, поскольку не захотел ехать в Курдистан.

— Я работаю с курдом. Курд — мой деловой партнер, более того, мы с ним друзья. Я не обращался в эти фонды лишь потому, что у них нет инфраструктур. Стамбул — город нанотехнологий, и Анкара тоже город нанотехнологий, а Диярбакыр… просто город.

— Я принял решение, — говорит дядя Дженгиз. — Никто не стал бы связываться с юнцами, все хотели немыслимых гарантий, или слишком большой кусок компании, или проценты были

---

[72] Примечания: 72

Административный центр ила Диярбакыр и неофициальная столица турецкого Курдистана.

просто бешеные. А у родственника нормальный процент и возможность выкупить обратно половину бизнеса, когда они заработают приличные деньги. Сначала ведь обращаешься к семье.

— Он привозил нелегалов, — говорит Яшар. — Нелегальных рабочих.

— А теперь барыжит нано, — добавляет Лейла. — Вся кухня завалена пластиковыми пузырьками. Кто-нибудь знает, что за парень пытался увезти машину? Это кредитор? Можно поспрашивать у родственников? Кто-то должен что-то знать. Это важно, потому что тот тип обещал не спускать с меня глаз. А если он не спускает глаз с меня, то, значит, не спускает и со всех нас. Он меня пугает.

Мужчины за столом тихонько переговариваются.

— Кто-нибудь знает что-то о Мехмете Али? Мне сказали только, что у троюродного брата Мехмета Али есть половинка Корана, которая гарантирует половину компании, дескать, ищи Коран. Так что искать, Священный Коран или человека? Он жив? Мертв? Он в Стамбуле? Он вообще в Турции?

— Он жив, — отвечает тетя Бетюл, — иначе я бы знала. У меня дар.

— Что ж, тогда помогите мне. Если вы хотите

сохранить Коран в семье, то мне нужна помощь семьи.

— Мы тебе поможем, — говорит тетя Кевсер. — Мы ваша семья и всегда вас поддержим.

И тут с балкона доносится голос двоюродной бабушки Сезен, словно голос самой священной книги:

— Коран хочет стать единым целым.

Сомнений нет, на Айше Эркоч самые лучшие туфли на всем мосту Галата. Правда, никто, кроме нее, их не заметит. Трамваи движутся неумолимо и безостановочно. Движение слишком плотное, и за рулем сплошь мужики. Туристы ослеплены откровением Стамбула, который внезапно простирается так близко от них со всеми своими перспективами и чудесами на фоне полотнища золотистого заката: пешеходы торопятся домой, подростки тайком выскальзывают с нелегальных рынков, торгующих нано, которые стихийно появились в подземных переходах, туннелях и оружейных магазинах Бейоглу, воры, карманники и жулики, маскирующиеся под чистильщиков обуви, слишком сосредоточены на своих делах, чтобы заметить пару туфель, промелькнувшую мимо них. Мужчин и редких женщин, что стоят, облокотившись на перила, глядя на удилища,

которые топорщатся как усы у кошки, туфли не смогли бы отвлечь от их занятия, даже если бы были на ногах самого Махди, мусульманского мессии. Айше на мгновение представляет, что лес удилищ — это весла, а мост — галера, которая взяла да и отчалила, как старый железный понтонный мост, который поплыл к Балаткарабашу и в сторону Золотого Рога навстречу приключениям. Между табуретками и пластиковыми ведерками с уловом и приманкой, ведерками с мотылем и головами скумбрии, а также пластиковыми коробочками с крючками, блеснами и катушками таится множество ловушек для дорогих туфель. Но Айше движется легко и плавно. И впрямь хорошие туфли.

— Ты куда это в таком платье, доченька? — спросила мама, когда Айше снова разделась и оделась в музее собственного детства.

— Я же тебе вчера сказала, — ответила Айше, надевая туфли.

— А ты была здесь вчера? — Айше заметила, как Фатма Эркоч бросила взгляд на заботливую дочь Гюнес, и та кивнула. — Ах да, разумеется. Милое платье. Новое?

— Мы ужинаем на Принцевых островах с человеком по имени Ферид Адаташ. Он финансист.

Мультимиллионер. Как я тебе?

— Для мультимиллионера пойдет, — сказала Фатма.

Айше легонько поцеловала мать в губы, оставляя след помады толщиной в одну молекулу.

— Ох, милая, туфли не годятся! — прокричала мать вслед уходящей дочери. — Порядочные женщины не носят красное.

Красные туфли. Человек по прозвищу Красный. Ты его не пропустишь, сказала Сельма Озгюн. Красный рыбак, эксперт по Медовому кадавру, одет с ног до головы в красное: красная с золотым бейсболка с эмблемой «Галатасарая», красная куртка на молнии, застегнутая наглухо, несмотря на жару, красные спортивные штаны, мешком висящие на заднице и на коленках. Вот только обувь подвела: подделка под знаменитые кеды «конверсы» в традиционном для них синем цвете. Ага, красные такие не достал, думает Айше. Красный прислоняется к ограде моста со стороны Эминеню с сигаретой в руке, лицом к морю, взгляд его при этом скользил вдоль удочки, устремляясь туда, где Золотой Рог сообщается с Босфором, за Азией. В ведерке пусто. Да там и не должно ничего быть. Айше удивляется, как это, проходя столько раз по мосту Галата, она не обратила внимания

на рыбака в красном, столь яркого среди коллег в одежде мрачных старческих цветов. Сколько раз она пробегала здесь в спешке, даже не поднимая головы? Это магия красного. Видишь цвет, но не замечаешь человека.

Айше находит место рядом с рыбаком. Ароматы жареной рыбы поднимаются из ресторанов внизу.[73]

— Клюет? — спрашивает Айше.

— Нет. Все дело в погоде. Рыба торчит внизу, где темно и холодно. Умно с ее стороны.

Айше невольно задается вопросом, а что, если причина того, что у Красного не клюет, и все ведерки, выставленные в ряд другими рыбаками, пусты, в том, что всю рыбу выловили тут давным-давно? Поколения рыбаков на Галате, наверное, много лет назад уже вытянули по кусочку все легендарное золото Византии, которое затопили в бухте Золотой Рог, чтобы оно не досталось турецким завоевателям. Рыбак — уважаемая профессия в Стамбуле, многие проводят с удочкой всю свою жизнь.

— Сельма Озгюн передавала вам привет.

---

[73] Примечания: 73

Мост Галата представляет собой двухэтажную конструкцию, на первом этаже прогулочная зона и рестораны, а на втором этаже осуществляется автомобильное и трамвайное движение.

— И как наша отважная Сельма?

— Работает на правительство.

— Надеюсь, они ей за это хорошо платят.

— Это правительственная научная комиссия.

Красный сдерживает улыбку. У него худое лицо, потемневшее от непогоды, и небритый подбородок. Пальцы пожелтели от сигарет, которые в итоге он так и не выкуривает.

Айше говорит:

— А я…

— Айше Эркоч.

— Разве мы… — Айше пытается представить его выбритым, в костюме, надушенным одеколоном и обходительным.

— Нет, я бы запомнил. Это маленький город. Все мы живем в маленьких городах.

— Сельма сказала, что у вас можно спросить про хаджи Ферхата.

Красный хлопает по плечу рыбака рядом и показывает вниз. Тот кладет газетку на табуретку Красного и передвигает коробки со снастями. За территорию у ограждения яростно соперничают и занимают ее по времени. Как только Красный проходит мимо гигантского турецкого флага, который перед лестницей в конце пирса, Айше понимает, почему никогда не замечала его в бух-

те. Человек с флагом рядом с красным флагом. Он прячется, оставаясь на виду. Красный делает жест хозяину первого из ресторанчиков, тот щелкает пальцами, и юные официанты ставят на улице стол и два стула.

— Это самые ужасные рестораны во всем Стамбуле, — говорит Красный. — Цены кусаются, рыба мерзкая, кофе тошнотворный, но зато я могу следить за поплавком. — Он кивает на поплавки, которые скидывают в воду со второго этажа прямо у ресторана. Айше становится интересно, как он узнает свой поплавок среди сотен других. Видимо, это часть легенды. Им приносят кофе, воду и жареные фисташки. Рядом с водой, в тени моста можно передохнуть от жары. На водной глади закручиваются прохладные водовороты.

— Прежде чем я скажу вам хоть что-то о Медовом кадавре из Искендеруна, я должен попросить вас взглянуть на меня. Что вы видите? Видите ли вы человека, окончившего университет с красным дипломом? Лучшего в своем потоке? Видите ли подающего большие надежды историка, журналиста, готового поведать о секретных радостях стамбульской жизни? Нет, вы видите бродягу, который в любую погоду торчит с удочкой в руках, с лицом помятым, как портфель у начинающего

школьного учителя, призрака моста Галата. Вы видите потраченную впустую жизнь. Это лицо и эта жизнь принадлежат человеку, который охотился за Медовым кадавром из Искендеруна. Не позволяйте аромату меда одурманить себя.

Слишком поздно, думает Айше. Сельма Озгюн уже капнула этого самого меда мне на язык.

— Это не для меня, а для клиента.

— Он вам заплатил?

— Аванс.

— Ну раз он хочет посмотреть, как его деньги бросают по ветру чайкам…

— Моих клиентов это обычно мало волнует.

— Ладно. Но помните, что вы потратите зря свое время, деньги и счастье на Медового кадавра. Раз Сельма прислала вас ко мне, значит, она рассказала вам основное: Ферхаты, проклятие и Волосатый человек из Каппадокии. После этого истории расходятся, превращаясь в теории. Я не верю в теории. Это ненадежный фундамент для веры.

Красный зажигает сигаретку, он машет ею, как дирижерской палочкой, отбивая ритм слов.

— Теории о том, что же случилось дальше с Медовым кадавром, можно разделить на три основных категории, по географическому при-

знаку, то есть в зависимости от того, где потом оказалась мумия. Итак, мы имеем три школы: северную, восточную и западную. Последователи северной школы утверждают, что хаджи Ферхата перевезли в Трабзон на побережье Черного моря, а оттуда в Крым и в летний дворец Путятиных, князей, которые восходят к Рюриковичам, киевским князьям. Разумеется, согласно этой теории цесаревича лечил вовсе не Распутин, а мед из гроба хаджи Ферхата. Когда Путятины сбежали из России, спасаясь от революции, то прихватили с собой в Стамбул и Медового кадавра. К огромному сожалению, эта теория связана с поисками Анастасии и спекуляциями на тему судьбы цесаревича; если и есть на свете что-то похлеще, чем охота за Медовым кадавром, так это теории касательно судьбы Романовых. Теории. Всегда эти теории.

Красный подается вперед, глядя на свой поплавок, а потом откидывается назад и беззаботно отхлебывает кофе.

— Восточная школа полагает, что Волосатый человек из Каппадокии не выезжал из центральной Анатолии, а был странствующим дервишем из Персии, который на какое-то время присоединился к пустынникам неподалеку от Невшехира.

Он снова поехал на восток вместе с гробом. А дальше история нечистая, это мне интересно, поскольку подлинная история никогда не бывает чистой. Северная школа представляет одну последовательную теорию, пусть и изрядно приукрашенную. Восточная школа — это целый букет теорий. Большинство представителей восточной школы сходятся во мнении, что дервиш каким-то образом утратил гроб, то ли умер от болезни, то ли его убили, то ли ограбили, то ли его задушил соперник, то ли любовница задушила, то ли проиграл. Некоторые говорят, что гроб оказался у вероотступнического ордена алевитов,[74] и те передавали его из поколения в поколение, а в Стамбуле он оказался только в 1970-х, когда начались массовые миграции с востока. Другие утверждают, что гроб передали в руки сирийских христиан или армянской церкви, или же он оказался у представителей более древних форм христианства типа несторианцев. Есть и еще одна версия: якобы курды убили дервиша, стащили гроб и увезли на место современного Ирака, чтобы использовать во время кощунственных ритуалов езидов. Каждые десять лет они сце-

[74] Примечания: 74

Субэтническая, религиозная и культурная община в Турции и Албании, насчитывает несколько миллионов.

живают немного меда, чтобы лечить болезни и творить чудеса, и люди толпами стекаются туда отовсюду, с обеих сторон границы. Если верить этой версии, гроб добрался до Стамбула только в 2003 году, после американского вторжения, якобы курды перевезли его сюда, поскольку их враги в последнюю очередь станут искать гроб в крупнейшем турецком городе. Звучит и такой вариант: якобы гроб перевезли в Стамбул в 2001 году в ходе спецоперации ЦРУ. Они работали в пограничном районе годами, там даже расчеты все шли в долларах. В Измире гроб конфисковали, когда накануне операции «Иракская свобода» мы не позволили американскому флоту пополнить запасы на нашей территории. Якобы гроб задержала таможня. Мне особенно нравятся эти истории, поскольку я люблю, когда сказка вплетается в реальные события. К несчастью, доверия этим версиям у меня никакого. Слишком уж все публично, наша таможня чересчур коррумпирована, чтобы Медовый кадавр спокойно пролежал где-то на складе двадцать пять лет. Хаджи Ферхат побывал в Мекке, в Медине, в монастыре Святой Екатерины на Синае и в Иерусалиме, чуть ли не в Эфиопии, Аксуме, где рассказ о нем соединился с историей о конечном местоположении Ковчега

Господня. Обратите внимание, южной школы не существует, юг фигурировал в историях, но слился воедино с восточной интерпретацией около пятидесяти лет назад. Ферхат, по некоторым рассказам, добрался на востоке аж до храма Огня в Баку.

Красный бросает сгоревшую до фильтра сигарету в воду и зажигает новую. Паром протискивается через зазор между нижними ярусами. Так хорошо сидеть рядом с водой, рядом с кораблями, практически на одном уровне с ватерлинией, думает Айше. Отсюда открывается новая перспектива. Если бы на ней были менее помпезные туфли, то она бы скинула их и спрятала ноги под стул. Настало время историй.

— Перейдем к западной школе. Здесь версии особенно интересны, их объединяет общая предыстория: якобы, заполучив гроб, наш волосатый товарищ из Каппадокии направился на запад в сторону Балкан, чтобы присоединиться к ордену дервишей на территории современной Боснии. Гроб стал местной святыней и местом паломничества, после того как дервиши в текке заметили мед, сочащийся из гроба, и родилась легенда, будто бы этот мед при нанесении на губы солдат придает им смелость, силу и неуязвимость

самого хаджи. Раны будут сами затягиваться, тела — обновляться. Очевидно, что это вариант легенды о Хизире, но в итоге мазали всех: и партизан, которые боролись с оттоманами в 1890-х годах, и немцев во время Второй мировой, и сербские дружины в 1990-х. В те моменты, когда боснийский народ особенно будет в этом нуждаться, могила хаджи Ферхата снова начнет источать волшебный мед. Это прекрасная история, и, разумеется, все мусульмане от Сараева до Исламабада присвоили ее себе. Пуштунские моджахеды, палестинские сепаратисты интифады, которые забрасывают камнями израильских солдат, чеченские террористы-смертники и даже курдские боевики утверждали, что защищают хаджи Ферхата. Интересно, что и восточная школа медленно впитывает традицию западной; лет так через двадцать или около того, как я думаю, она полностью поглотит западную школу. Итак, вот вам три версии. В двух из них Медовый кадавр из Искендеруна оказывается в Стамбуле, а в третьей — в текке в Боснии.

— Прошу заметить, вы не говорите, какая из них верная.

— Да.

— Есть ли тогда явно неверные?

— Ну, текке хаджи Ферхата не существует. В Боснии есть несколько текке Золотой цепи Накшбанди Хаккани, но это умеренный орден, они не почитают мощи. На Балканах много приверженцев ордена Ал-Кадирийа, но они все тщательно фиксируют, и в их записях нигде не фигурирует Медовый кадавр. Как и у рифаитов с их главным центром в Албании. Однако они близки с бекташи и алевитами, поэтому Медовый кадавр мог проделать обратный путь в Анатолию. Существует возможность, что хаджи Ферхат стал неким местным святым или даже был воспринят христианской церковью, но, учитывая всю силу легенды, мы бы об этом услышали. Определенно это привлекло внимание сербской армии в последние дни боснийской войны. Пока сербов оттесняли войска НАТО, небольшую группу спецназовцев под командованием майора Дарко Гаговича направили, чтобы найти и выкрасть тело хаджи Ферхата.

— Выкрасть легенду? — спрашивает Айше.

— Но ведь это не легенда. Дарко со своими ребятами прошлись без разбору по домам дервишей во всей Боснии. Хаджи Ферхат был предлогом, их миссия заключалась в том, чтобы убить как можно больше суфиев и сжечь как можно больше

текке. Они ничего не нашли, но это не значит, что найти было нечего. Когда пошла молва о карательном походе, дервиши, понятное дело, спрятали свое сокровище. Понимаете, о чем я? Ничего не известно. И нельзя что-то узнать. Потому я прихожу к выводу, как бы я ни был очарован западной школой, что в конечном итоге их теория неубедительна.

— Расскажите мне о русском следе.

— Мне кажется, русский след тоже неубедителен, но уже по другим причинам. Кучка престарелых белогвардейцев заявляет, что Медовый кадавр у них. Это сразу кажется мне подозрительным. Почему именно русские, а не поляки, не кашубы, не болгары или армяне? Воронка истории в форме Октябрьской революции очень удобна, но попахивает исторической реконструкцией. То есть такую историю вы сочините, глядя в прошлое из сегодняшнего дня. Если хаджи Ферхат действительно был в Крыму, то его, скорее всего, вывезли во время Крымской войны, а тогда он появился бы в Стамбуле лет на шестьдесят пораньше, или во Франции, или в Англии. Боюсь, это типичное для русских выпячивание своего «я». Больше всего меня убивает, что ни одна из историй северной школы нигде не фигурирует

до книги, вышедшей в Москве в 1992 году после августовского путча, она называлась «Божественный мед: Романовы и Медовый кадавр». Автор книги — бывший капитан вертолетной части Черноморского флота Дмитрий Лебедев, которому явно некуда было девать время.

— Мой покойный отец командовал нашим черноморским флотом, — говорит Айше.

— Я служил в ВМС. — Красный пожимает плечами, глядя на свой поплавок. — И тоже не знал, куда девать время.

Красный поднимается со стула, чтобы проверить поплавок, сверху с шумом забрасывают грузило, которое плюхается в безжизненную воду. Паром увеличивается в размерах, направляясь к мечети Рюстем-паша.

— То есть это вариант восточной школы, — говорит Айше.

— Это лабиринт, в котором можно потерять всю свою жизнь. Сельма предупредила вас, и я предупреждаю снова. Некоторые потратили годы, а то и жизни целиком на изучение Медового кадавра. Многие были исследователями вроде вас, но сдались, поняв, что если Медового кадавра и найдут, то не благодаря их теориям, а значит, их теории окажутся несостоятельными, а жизнь

— потраченной впустую. Стамбульцы могут с легкостью тратить жизни на всякую ерунду, пока не вмешивается реальность. Теории. Никогда не позволяйте подвергнуть вашу теорию вульгарной проверке на практике. Если хотите продолжать поиски, я могу указать вам лишь то же самое направление, что и всем остальным, дальше дело за вами. У меня есть только истории, а может, этого и достаточно. Потребуется колоссальная творческая работа. Но если хотите поговорить с прямыми потомками хаджи Ферхата, ну или с людьми, которые претендуют на это звание, то нужно ехать к Бесхун. Вы найдете ее на Египетском рынке. Она работает по утрам. Высматривайте кроликов. Кроликов и семена овощей. Скажете, что вас прислал Красный. — Он поднимается с места, зажигает свежую сигарету и смотрит на свой поплавок в воде. — Ну же, сволочи, давайте. Солнце село, наступил прохладный-препрохладный вечер. Ох, кстати, вы ведь заплатите за кофе.

Как Красный и обещал, цена за кофе кусается. Айше скрепя сердце оставляет несколько центов на чай и замечает, как вдоль парома движется в сторону причала Эминеню маленький проворный катер. Айше забыла про время, не обратила

внимания на наклон солнечных лучей, длину теней и насыщенно-золотистый свет на холмах Азии. Катер пришел за ней.

— Мы предпочитаем онлайн-заявки, — говорит щеголеватый парень из Европейского банка инвестиций в новые технологии.

Он красив и знает это, что в глазах Лейлы является недостатком, носит галстук из наноткани, которая меняет рисунок каждые двадцать секунд. Это уже не такой серьезный недостаток. Кабинет забит маленькими наноигрушками и безделушками: лист из шелка с наночастицами складывается и раскладывается в бесконечные оригами, а куча смарт-песка на подносе, стоявшем на столе, сама собой насыпается в пагоды, причем каждый раз разные. Насыщенная наночастицами жидкость бежит вверх и крутит маленькую водяную мельницу, а покрытие на полу меняет свою текстуру, превращаясь из ворса в мех, а потом в перья, а из перьев — в кору. В этом судорожно вибрирующем кабинете ничто не задерживается в одной форме больше, чем на тридцать секунд.

— Мне кажется, я бывал в таком месте, когда принимал ЛСД, — шепчет Асо, когда они уселись за нервозным столом, а Мете Оймен нашел свои

записи о компании «Джейлан — Бесарани».

В рубашке и костюме Асо как посол «Джейлан — Бесарани» выглядит куда представительнее, чем Яшар. Он внушительного роста и не толстый, толстых мужиков Лейла категорически не любит. Не так-то сложно подправить внешний вид, но Асо есть куда расти: для начала надо подобрать другую обувь и отутюжить одежду.

— Онлайн-заявка не дает того непосредственного контакта, что встреча с глазу на глаз, — говорит Лейла. — Вы не ощущаете страсти.

Мете Оймен выглядит так, словно его тошнит от одной мысли о страсти с глазу на глаз. Он изучает свой экран.

— Нано. Ага. Восемьдесят процентов наших заявок — это проекты, связанные с нано.

— Мы уже не проект. Нам требуются инвестиции, чтобы создать прототип и проверить товар на рынке.

Мете Оймен снова изучает экран.

— Вы к нам раньше не обращались.

— До этого мы использовали частный капитал. У вас ведь быстро рассматривают заявки.

— Обычно на это уходит от четырех до шести недель.

— У нас есть около четырех дней.

— Тогда это вряд ли возможно.

— Хоть какая-то заинтересованность.

— Следующий раз решение о финансировании будут принимать на собрании в пятницу. Может быть, и ваша получит одобрение. Сколько денег вам нужно?

— Четверть миллиона.

— Заявки свыше ста тысяч долларов должны пройти через Европейский фонд развития инфраструктуры.

— Быстро?

— У нас быстрее. В ЕФРИ есть возможность ускоренного рассмотрения, поскольку это структурный фонд и не привлекает такой большой процент финансирования из других источников.

— Можно получить одобрение в пятницу?

— Сомнительно. Может быть, можно разбить вашу заявку на две-три отдельных, чтобы каждая не превышала сто тысяч.

— По крайней мере взгляните на нашу презентацию.

Асо передает через рукопожатие код Мете Оймену.

— Лучше на цептепе.

— Византия не умерла, — шепчет Асо Лейле, пока Мете смотрит на маленькие симпатичные

движущиеся молекулы. Рисунки перестают двигаться на его глазных яблоках.

— Я не понимаю.

Лейла чувствует, как Асо передергивает. Спокойно.

— Это универсальное биоинформационное устройство записи и чтения. Оно хранит информацию на некодирующих ДНК, или, как их еще называют, мусорных ДНК, превращая каждую клетку вашего тела в компьютер.

— Зачем это может кому-то понадобиться?

Асо трясет от сдерживаемой злости. Лейла дотрагивается до его предплечья и говорит:

— Эта технология изменит мир. Революционная технология. Ничто уже не будет таким, как прежде.

— Боюсь, революции плохо продаются. Я не уверен, что у проекта есть коммерческий потенциал, но изложите все в заявке, и она будет рассмотрена по всем критериям, чтобы понять, ценная она или нет. Мне понадобится ваша текущая бухгалтерская отчетность, заверенная аудитором, свидетельство о регистрации компании, выписка из реестра об отсутствии невыполненных финансовых обязательств и заявление о вашем участии в инвестициях в денежной или натуральной

форме.

— Мы все вам предоставим.

— Если вы хотите, чтобы мы рассмотрели вашу заявку на следующем собрании, то все документы должны быть у меня на столе завтра с утра. Не знаю, хватит ли вам времени.

— Мы все успеем, господин Оймен.

Его рукопожатие такое же бесформенное и невнятное, как и его наноигрушки.

В лифте Асо молчит. Он продолжает молчать в холле и на улице, пока они топают по адской жаре к тому месту, где Лейла припарковала машину, проклиная зараженный вирусом автопилот, поскольку Лейла не могла оставить машину кататься по городу без водителя, а потом по сигналу вернуться к ним. Они пристегнулись, мотор заурчал, машина робко тронулась, и только тут Асо заорал: «Сволочь!» — да так громко, что Лейла чуть не сбила паренька, возвращавшегося из школы.

— «Боюсь, революции плохо продаются». Сволочь! «Я не уверен, что у проекта есть коммерческий потенциал». Это с чего вдруг, господин Мете Оймен? Потому, что ты не в состоянии вообразить, что кто-то сможет хранить в своем теле всю информацию, которую накапливает всю жизнь?!

Или потому, что не понимаешь, зачем люди захотят закачивать таланты и способности и даже личности целиком, как приложения в цептеп? И не видишь преимуществ прямой телепатии от мозга одного человека к другому? «Изложите все в заявке, и она будет рассмотрена по всем критериям, чтобы понять, ценная она или нет». Да ты не поймешь всей ценности, даже если я распишу ее тебе лазером на лбу, ты, сопливый, трусливый, снисходительный, самодовольный мелкий турецкий бюрократ! Приношу извинения присутствующим здесь туркам. Простите. Он меня взбесил. Я зол. Я не просил понимать все до последней детали, просто уловить идею в общих чертах, осознать потенциал, поразиться. Она меня волнует! Это тотальная реконструкция. Человечество 2.0!

— Я вообще-то тут пытаюсь вести машину, — говорит Лейла.

Час пик, Стамбул страдает от жары, и хочется побыстрее добраться до прохлады собственных домов, снять с себя туфли, пиджак и врубить кондиционер. Асо не единственный злой человек на улице. Лейла пробирается через застопорившийся потеющий трафик, а над ситикаром, норовя раздавить его, нависают колеса грузовиков.

— Мой народ очень горячий! — кричит Асо. А еще он в возбуждении размахивает руками. Лейла пригибает голову. — Вот что я тебе скажу, мы, курды, такой народ, что сразу распознаем несправедливость, поскольку у нас богатый опыт, а это была несправедливость, чудовищная, чертовская несправедливость!

— Только не накручивай себя, что тут было что-то личное, — говорит Лейла, протискиваясь на ситикаре между двух долмушей, плотно набитых пассажирами, которые кажутся даже более несчастными, чем Асо. — Это не было связано лично с тобой или с проектом, и уж точно не было связано с восьмью сотнями лет предубеждений против курдов. Если бы даже Оймен решил, что это самая потрясающая и дальновидная идея, какую он только слышал в жизни, и самый большой эволюционный скачок для человечества с тех пор, как люди стали прямоходящими, мы все равно не получили бы одобрения. Не смогли бы. Асо, у нас нет свидетельства о регистрации компании.

— У нас есть наша половинка Корана.

— Да что ты? А он посмотрит и скажет — и как это может быть свидетельством о регистрации? А ты ему такой объясняешь, мол, вторая половинка

дает право на пятьдесят процентов компании парню, который барыжил нано, а потом в лучшем случае исчез, а в худшем лежит сейчас на дне Босфора. Оймен попросит не тратить понапрасну его время. Вот почему нужно сразу все делать профессионально. С самого начала.

— Он все равно возненавидел бы проект, — бурчит Асо.

Лейла не выдерживает и смеется. Они зажаты в крошечном дерьмовом ситикаре, как дольки апельсина, окружены грузовиками и огромными автобусами и спорят об эволюционном будущем человечества, облагороженного нано. Она могла бы разрабатывать планы сбыта детских игрушек.

— Все курды такие?

— Какие?

— Противоречивые.

— Нет, это Асо такой.

Она снова смеется.

— Хорошо смеешься, — говорит Асо.

— Вы слишком много на себя берете, господин Бесарани, — перебивает его Лейла. — Вам прямо сейчас нужно обратно в офис?

— А почему вы спрашиваете, мисс Гюльташлы?

— Потому что я хочу кое-куда позвонить и познакомить вас с новыми друзьями. Это господа Ботинки, госпожа Рубашка, господин Маникюр и госпожа Стрижка. И пока мы всем этим заняты, я все еще хочу получить мой трудовой договор.

— Дети, у меня для вас сюрприз, — говорит Пинар-ханым.

Джан поднимает голову, а до этого смотрел по сторонам. Поскольку ему не нужно читать по губам, то нет необходимости постоянно следить за фарфоровым личиком учительницы, но Пинар-ханым бесит, когда дети отвлекаются. Теперь, когда Турция стала членом Евросоюза, ей не позволено бить учеников, но она так же виртуозно владеет приемами остракизма, личных оскорблений и сарказма, как воины в фильмах о кунфу владеют нунчаками. Сейчас Джан обратил на нее внимание. Сюрприз. Теперь, когда на нее направлены все вздоры, Пинар-ханым сообщает:

— К нам сегодня пришел особенный гость. Проходи, Бекир.

Джан выпрямляется за партой в дальнем конце класса. Бекир, лучший его друг и соперник, единственный, кого Джан считал своим другом и братом, единственный из учеников специнтерната Йилдиз, кто проявлял хоть какой-то интерес к

суетливому городу вокруг них и к другим городам и другим мирам. Они были пиратами, преступниками, супергероями и занозами в заднице. Они всегда первыми тянули руки, чтобы дать правильный ответ, причем ответ был больше чем просто правильным, поскольку выходил за рамки плана урока Пинар-ханым. Два излишне умных мальчика в самом конце класса. Три месяца назад Бекир сел в родительскую машину и больше не вернулся. Когда такое случается, то единственное, куда мог деться человек, — это клиника Гайретеппе. Там глухим возвращают слух, но при этом забирают из специнтерната. Джан — слышащий мальчик в интернате для глухих, который не может покинуть так школу, поскольку в клинике Гайретеппе лечат слух, а сердце вылечить не могут.

— Бекир пришел проведать нас, — объявляет Пинар-ханым.

Бекир переминается с ноги на ногу. Он знает, что он предатель. Он предал страну глухих.

— Поздоровайся, Бекир.

— Привет, — говорит Бекир слабым голосом.

— Бекир хочет сказать нам кое-что особенное, правда, Бекир?

— Я был у врачей, — он говорит все тем же

скрипучим голосом, свойственным глухим, которые никогда себя не слышали. Все и так в курсе, где он был.

— И что же случилось?

Все и так в курсе, что случилось.

— Они вернули мне слух.

— Это ведь здорово, да, ребята? Давайте поаплодируем Бекиру.

Громкие аплодисменты, словно теплая волна, бегут по пальцам ног Джана. Бекир вглядывается в даль, ищет глазами Джана, словно говоря: эй, привет, мы все еще друзья? Да, все нормально. Теперь ты такой же, как я, думает Джан. Не глухой.

Сегодня слишком жарко, чтобы в перерыве выйти на улицу, а потому Джан и Бекир сидят в дальнем конце класса за ноутбуком Джана. Поток холодного воздуха из кондиционера шуршит крышкой из фольги на стаканчике айрана.

— Ты чем занимаешься?

— Расследую убийство. Ну, это не убийство, но кое-кто умер.

— Круто! Можно посмотреть?

— Если хочешь.

Бекир заглядывает через плечо.

— Что это ты постишь?

— Осколок робота.

— Какого еще робота?

— Который за мной гнался.

— За тобой гнался робот?

— Ну да, но я убежал, а он свалился и разлетелся на куски, а у меня есть его серийный номер.

— Собираешься запостить на bot.net?

— У меня там много друзей.

— Они говорят только про ботов. Они просто фанаты. Ничего не знают. Не уверен, что они вообще в курсе, что такое серийный номер. Смотри. — Бекир наклоняется к Джану и нажимает клавиши. Открывается новая страница.

— Gladio.tr? Это зануды, которые рассуждают о «глубинном государстве».

— А ты что знаешь о «глубинном государстве»?

— Мне мистер Ферентину рассказывал.

— Этот твой Ферентину грек и, возможно, предатель. Даже если они и зануды, это не значит, что они ничего не знают.

— О ботах?

— Обо всем.

— Где регистрироваться?

— Тут.

Клик-клик-клик. Он в Сети. Две минуты спустя Джан постит фото со своего цептепа на форум. Итак, теперь он конспиролог.

Пристегнутый в «Газовом пузыре», пока мама везет его домой из интерната, Джан прижимается к стеклу лбом и ладонями. Стамбул мелькает мимо калейдоскопом цветов, движений и крошечных откровений: каскады куполов мечети в меняющейся перспективе между двумя башнями из стекла и металла, человек, толкающий тележку по крутой улочке под балконами, постер с поп-звездой Шемси в облегающих красных блестящих брючках, которые не перестают волновать Джана. Он прикасается губами и языком к стеклу, чтобы почувствовать вибрацию мотора и грохот города. Прохожие смотрят на него, мол, что за странный ребенок, лижет стекло! Но никто из вас не знает, что под этой личиной скрывается маленький детектив.

Цептеп вибрирует. Кто-то ответил на его пост. Один из зануд-конспираторов под ником Волк, помешанный на ботах, идентифицировал обломок вплоть до номера инвойса.

— Ты только посмотри на это, — говорит Аднан Сариоглу своей жене на частной пристани в Седефе. — У него под хвостом мешок, чтобы собирать его дерьмо? Он жемчугом, что ли, испражняется?

Катер — винтажная итальянская «Рива», отполированное красное дерево и зеленая кожа,

легкий в управлении, роскошный и быстрый. Когда он, вспенив воду, обогнул сигнальную башню, Аднан и Айше увидели, что под антикварным оттоманским газовым фонарем их ждет коляска.

— Это еще что такое?

— На острове существует закон, запрещающий автотранспорт.

— Что значит «закон»? Он же владеет островом. Если захотел бы, то нас ждала бы сейчас «ламборгини».

— В «ламборгини» всего два места, — говорит Айше.

Кучер помогает ей подняться по маленькой и опасной лесенке на убийственных каблуках и сесть в экипаж. Аднан скользит рукой по ее икре.

— Чулки со швом.

— Разумеется.

Аднан садится рядом с ней. Четырехколесный экипаж подпрыгивает на рессорах. Аднан откидывается в кресле. Он вдыхает запах старой кожи, лошади, трав и мускуса острова. Газовые фонари вьются зигзагом по невидимому холму в направлении скопления света наверху, отчего небо вокруг светится — это дом Ферида Адаташа. Аднан различает еле слышную музыку. Это Бил-

ли Холидей.

Кучер забирается на козлы, щелкает хлыстом. Пара жеребцов срывается с места. От внезапного рывка Айше падает на Аднана. Они хихикают. Они хихикают с тех пор, как «Рива» отплыла из Эминеню. Аднан ненавидит лодки и темную воду. Айше знает, что муж хихикает, только если очень нервничает.

Я с тобой, думает Айше. Ты тут не один. Я прикрою тебя, защищу с фланга, сниму снайперов. Мы же команда.

Утонув в мягкой коже кресел коляски, Айше шепчет:

— У жеребца с левой стороны эрекция.

— Не только у него.

— Думаю, это называется «стояк кучера». Болезнь возникает из-за постоянной тряски. Производственный риск, как я слышала.

Аднан валится набок, не в силах сдержать смех.

— Посмотри на размеры. Прямо пожарный шланг какой-то. Вообрази, каково это ходить, когда эта штуковина болтается у тебя между ног, но теперь…

Аднан берет руку жены и прижимает ее к собственному эрегированному члену, скрытому

тканью сшитых на заказ брюк. Айше смеется, а потом ее глаза расширяются, когда она ощущает внезапное прикосновение пальцев Аднана к бедру под юбкой, легкое и волнующее, как прикосновение крыла бабочки.

— Что ты делаешь, варвар из Анатолии?

— Просто проверяю.

Аднан ведет рукой по шву на чулках Айше. Кожа, шелк, палец, кожа, кожа. Слои, пласты, покровы. Она всегда считала, что нежный шелк, прозрачный нейлон, кружева и тонкий газ, напоминающий крылья бабочки, возбуждают куда сильнее, чем прикосновение к коже. Шелк становится посредником, нейлон каждое прикосновение превращает в ласку, а наглое скольжение ладони делает романтичным.

Айше чувствует, как рука Аднана напрягается в том месте, где заканчиваются чулки и начинается теплое, обнаженное бедро. Он действует прямо, и переход от одного состояния в другое, от завуалированных намеков к обещаниям волнует.

— А шов-то и впрямь вдет до самого верха. Отличное качество.

Ага, и отличная пятка, но не думаю, что ты заметил. Жаркая ладонь Аднана надавливает на шелковый треугольник поверх ее лобка.

— Когда заключишь сделку, — шепчет Айше.

К тому моменту, как Аднан войдет в столовую, он станет столбом сдержанной энергии и харизмы. На него будут обращены все взоры, все уши будут ловить его слова вплоть до мелочей. Это не ужин, это война.

Айше прижимается к Аднану в объятиях кожи, такой же теплой, как человеческая.

Коляска останавливается и покачивается. Копыта цокают по мостовой, позвякивает сбруя. Дом представляет собой геометрическую фигуру из пересекающихся плоскостей, демонстрирующую множество фасадов, и с первого взгляда трудно понять, что к чему. Дом не приветствует гостей, не видно даже явного входа, а вместо окон узкие горизонтальные прорези. На террасе, свободно парящей над холмом, можно заметить какой-то намек на движение и беседу, а еще доносятся обрывки голоса Билли Холидей. Кучер разворачивает складную лесенку. Ливрея в оттоманском стиле, коляска и жеребцы со смешной бахромой вокруг глаз совершенно не вписываются в этот агрессивный модернизм. Аднан глубоко вдыхает ночной воздух. Чабрец, полынь, пыль, соль, мед и пот.

— Пахнет, как в Каше.

Маленький черный прямоугольник возникает в белой стене.

— Аднан! — Ферид Адаташ пожимает им обоим руки, причем одинаково крепко. — Миссис Сариоглу, рад знакомству.

— Эркоч, — поправляет его Айше. — Я не стала менять фамилию.

— Ах, простите. Добро пожаловать! Как вам поездка?

— С низким содержанием углерода. — Аднан кивает в сторону коляски.

— Ну на углероде выигрываете, на метане теряете, — говорит Ферид. Он смеется собственной шутке.

Пока они идут по мощеному дворику, Аднан успевает прошептать в темные волосы Айше:

— Хотел сказать, что ты сегодня охренительно выглядишь. Просто потрясающе. Не знаю уж, кто там собрался, но никто не приблизится к тебе!

Айше легонько сжимает его ягодицы.

Напитки поданы на террасе. Кроме Аднана и Айше к Ферид-бею приглашены господин Мунир Гюней с супругой Назат, генерал Барчин Чиллер с супругой Тайибе, профессор Пинар Будак и ее муж Эртем.

Мунир-бей — высокопоставленный чиновник

в Европейской комиссии в Брюсселе. Специализируется на торговле и тарифах. Генерал Барчин — войсковой командир, который недавно служил на иракской границе, пресекая потоки нелегальных мигрантов. Пинар-ханым — профессор, специалист по литературе, работает в университете Богазиджи и занимается женской поэзией XVII века.

Айше запоминает все имена и лица по мере того, как Сюрейя Адаташ представляет гостей. Женщины представляют женщин, мужчины — мужчин. Это выглядит как правило этикета, но Айше чувствует, что здесь куда более продуманная стратегия — изолировать ее от Аднана. Сюрейя-ханым заперла ее в уголке на террасе. За темными водами Мраморного моря сияет Стамбул, окутанный завесой света. Паромы кажутся быстро двигающимися созвездиями на черной глади моря, большие суда — это медлительные скопления желтых и зеленых огней. А высоко в небе, под звездами, неторопливо подмигивают навигационными огнями паруса яхт.

Айше ставит стакан на перила из нержавеющей стали. Воздух вихрем закручивается над террасой, и Айше впервые за многие недели становится холодно. Она наклоняется вперед,

ее внимание привлекают какие-то небольшие предметы среди низких кустов.

— Это кости?

— Собачьи, миссис Эркоч, — говорит Сюрейя-ханым. — У острова необычная история. В 1920-х годах новые власти Стамбула озаботились проблемой разросшейся популяции диких собак, которые терроризировали улицы. Они нападали на старух, вытаскивали младенцев из колясок. Трупы пьяниц находили по утрам обглоданными. Когда псов пересчитали, то оказалось, что их слишком много, чтобы уничтожать по одному. В итоге всех их свезли сюда и позволили природе самой разобраться. Через год не осталось ни одной собаки. Садовники до сих пор выкапывают кости.

Ужин накрыт в длинной гостиной, обставленной в духе элегантного минимализма. Одна стена сделана из дымчатого стекла, которое приглушает огни побережья Мраморного моря, превращая их в светлячков, а другая высечена из горной породы острова.

Айше тайком проводит по столу пальцем. Прикосновение подтверждает то, что она поняла глазами и носом, — стол сделан из цельного куска ливанского кедра. Над головами висят лам-

пады, как в мечетях, и сначала они кажутся ей нетипично простыми, а потом она распутывает значение, скрытое за витиеватой арабской вязью, и понимает тайный замысел. Лампы развешены так, чтобы в итоге получалась карта весенних созвездий.

Ее сажают настолько далеко от Аднана, насколько это позволяет этикет. Во главе стола с одной стороны сидит Ферид Адаташ. Слева от него Айше. Напротив нее миссис Чиллер, жена генерала. У нее широкие крестьянские ладони и свет мудрости в глазах. Айше думает, что ей эта женщина понравится. Слева от Айше Эртем-бей, признанный критик и поэт. Дальше по часовой стрелке вокруг кедрового прямоугольника: элегантная и надменная миссис Гюней, потом и сам генерал Чиллер. Что такое с военными, думает Айше, они носят отутюженную форму с достоинством, но, стоит им нарядиться в костюм, пусть даже отлично сшитый, тот сразу кажется помятым. Сюрейя-ханым, само очарование, сидит на противоположном конце стола, напротив супруга. Слева от нее, по диагонали через весь стол, Аднан. Слева от него профессорша Будак. Рядом с госпожой Будак Мунир из Европейской комиссии, и снова круг дам. Чиновник, военный,

гуманитарий и жесткий капиталист.

Айше поворачивает стакан с водой на девяносто градусов. Аднан не перестает очаровывать хозяйку и генерала, но Айше знает, что он заметил знак. Это просто проверка. Она разработала план, заранее предвидя такую рассадку. Они с Аднаном репетировали, пока плыли. Повернуть стакан, стукнуть себя по мочке уха, повертеть кольцо, дотронуться до ожерелья, потеребить сережку.

— А вот этот? — Палец дотрагивается словно бы невольно до сжатых губ.

— Он означает: замолчи, мать твою, немедленно.

— Мне нравится ваше украшение, миссис Эркоч, — говорит Ферид. — Это греческий крест?

— Армянский, двенадцатый век, — отвечает Айше. Господин Гюней и господин Будак вытягиваются в струнку, словно сурикаты, навострив свою политическую чуткость. — Скорее всего, из мастерской при церкви Святой Рипсиме.

— Очень мило, — подает голос госпожа Будак, — мне так нравятся старинные вещицы. А где вы его достали? Мне никогда не везет. Их либо кто-то покупает задолго до меня, или это оказывается болгарская или курдская подделка.

— Для начала обратите внимание на гроздья винограда у основания креста. — Айше наклоняется вперед. — Видите? Шесть на одной грозди и пять на другой, это апостолы за минусом Иуды Искариота. Концы должны заканчиваться тремя петлями в честь Святой Троицы, а еще говорят, что традиция уходит дальше в историю, к солярным культам, когда это были солнечные диски. Если всего этого нет, это определенно подделка. Кроме того, у меня есть одно неоспоримое преимущество, когда речь о таких вещицах, я владею галереей.

— Антикварным салоном? — спрашивает Гюней.

— Нет, — осторожно отвечает Айше. — Галереей. Я специалист по религиозному искусству, в основном это миниатюры и каллиграфия, но бывает сложно устоять, когда приносят хороший крест, хотя кресты появляются и вполовину не так часто, как мне хотелось бы.

— Что ж, если вам принесут такой же крест, я определенно к вам загляну, — говорит госпожа Чиллер.

Подают первое блюдо. Маленькое и изысканное, как брошь. Ферид-бей уверенно наклоняется над тарелкой. Он любит тесный контакт. Его

пальцы ложатся на запястье Айше.

— Тайибе не говорит, что и сама торгует антикварными безделушками.

Это не безделушки, собирается сказать Айше, это слова и выражение Всевышнего, но госпожа Чиллер перебивает ее своим восклицанием:

— О, Ферид!

Госпожа Чиллер ударяет Ферида Адаташа ложкой по тыльной стороне ладони.

— Мы перешли на торговлю недвижимостью. Покупаем новые дома в Мекке. Бизнес процветает. Вы даже не поверите, сколько людей хотят провести остаток жизни тихо и чинно в квартире с видом на Большую мечеть. Мы не справляемся со спросом.

Когда тарелки уносят молчаливые и проворные официанты, генерал Чиллер наклоняется и говорит через стол Гюнею:

— Что это я такое читаю в «Хюрриет» про то, что Страсбург раскалывает нацию?

— Нет никакого раскола, есть попытка французов осуществить Европейскую региональную инструкцию за номером 8182 с требованием Курдского регионального парламента.

— А это не раскол? — генерал Чиллер в злобе вскидывает руки. Он огромный коренастый чело-

век, образцовый солдафон, но двигается быстро и легко. — Французы попирают наследие Ататюрка. Вы как думаете, господин Сариоглу?

Ловушка более чем очевидная, но Айше видит, как Аднан поправляет галстук, этот код означает: доверься мне, я знаю, что делаю.

— Что я думаю о наследии Ататюрка, генерал? Давайте попробую ответить. Мне плевать. Эпоха Ататюрка прошла.

Гости замирают на своих местах, еле слышно втягивают воздух, ахая. Это ересь. На улицах Стамбула расстреливали и за меньшее. Аднан привлек к себе все взоры.

— Ататюрк был отцом нации, без вопросов. Не будь Ататюрка, не было бы и Турции. Но в какой-то момент любой ребенок должен покинуть отца. Надо встать на ноги и обнаружить, что ты и сам уже мужчина. Мы как дети, которые хвастаются, чей папа круче: мой папа всех сильнее, а мой лучше всех дерется, а мой быстрее всех водит, а у моего самые длинные усы. А когда кто-то к нам цепляется, задирает или даже просто косо смотрит, то мы несемся обратно с криками: «У меня есть папочка! У меня есть папочка!» В какой-то момент надо подрасти. Простите за грубость, но надо отрастить яйца. Мы сильны в бла-бла-бла:

великая нация, гордый народ, глобальное объединение тюркских племен и все такое. Никто не умеет лучше нас расхваливать себя. А потом ЕЭС говорит: ладно, докажите. Дверь открыта, входите, садитесь, будьте одним из нас. Покиньте родной дом, въезжайте в новый с другими парнями. Выйдите из тени своего Отца нации. И знаете, что ЕЭС показал нам? Что мы и впрямь такие крутые, как говорили. Мы не лгали и не хвастались. Мы хорошие. Великие. Мы держава. У нас экономика, которая простирается до Южно-Китайского моря. У нас энергетика, идеи и талант, только посмотрите на все, что производят бизнес-парки в наносекторе, и на все новые проекты в области синтетической биологии. Турецкое. Все турецкое. Это наследие Ататюрка. И неважно, что у курдов появится собственный парламент или что французы заставят всех встать на площади Таксим и извиниться перед армянами. Мы и есть наследие Ататюрка. Турция — это ее народ. Ататюрк сделал свое дело. Теперь он может превратиться в пыль. С ребенком все хорошо. Очень даже хорошо. Вот почему я считаю, что вступление в ЕЭС это самое лучшее, что с нами случалось, поскольку это научит нас в итоге как быть турками.

Генерал Чиллер хлопает кулаком по столу,

отчего ножи и вилки подпрыгивают.

— Аллах Всемогущий, это безрассудство, но вы совершенно правы!

Приносят главное блюдо. Маленькое, темное и скульптурное. Аднан ловит взгляд Айше. Она переворачивает вилку. Не дави. Генерал и госпожа Адаташ втягивают Аднана в жаркий спор, в ходе которого в основном Чиллер тараторит, тряся в воздухе пальцем. А госпожа Чиллер расспрашивает Айше о галерее.

— Галерея находится в старом переделанном текке в Эскикей в Бейоглу. Я уверена, что там до сих пор обитают последователи ордена Мевлеви и множество джиннов. Какое текке без джинна? В этом месте определенно что-то есть, иногда, когда я смотрю на каббалистические тексты, то боковым зрением вижу, как текст движется, сам себя переделывает, переписывает. Я всегда с неохотой продаю их.

— Как вы там работаете? — говорит госпожа Чиллер. — У меня бы душа ушла в пятки.

В разговор вклинивается господин Будак. Это плотный, грубоватый мужчина, который любит поспорить.

— Но вы их таки продаете. У вас там не музей, а коммерческое предприятие.

— У меня специфическая сеть коллекционеров.

— Да-да-да. Я уверен, что они самые благородные и образованные ценители, но в конечном итоге вы обращаетесь с предметами религиозного искусства, священными текстами — ценными культурными артефактами для создавшего их народа — как с товарами в супермаркете.

— Между Кораном и пакетом с йогуртом большая разница.

— Это моя точка зрения. Вы видите утонченных ценителей, а я вижу присвоение чужого культурного наследия. Вот вы говорите, что у вас есть тексты сефардов, а кто дал вам право продавать их? Вы задумывались о желаниях самих сефардов или любой другой общности, чьи святыни вы продаете в галерее? Вы когда-нибудь думали о том, чтобы спросить разрешения?

Все сидящие за столом сосредоточились на задире Будаке, но Айше не упускала из виду и его супругу, профессоршу. Ага, тоже комбинация. Эртем-бей шокирует, а потом вступает Будак-ханым. Будак-ханым говорит:

— Исторически при оттоманской системе

миллетов,[75] когда каждая религиозная и этническая общность была до определенной степени автономной под эгидой султаната, сама идея собственности, имущества была не так четко определена, не в этом ли причина? В местных общинах собственность базировалась на ощущении полезности; не на абсолютной рыночной стоимости того или иного товара, а на социальной значимости, на тех преимуществах, которые он может привнести в жизнь этой общности. Именно это экономисты называют фундаментальной ценностью в противовес «корректировке по рынку»? Не так ли, господин Сариоглу?

— Я трейдер, а не экономист, — говорит Аднан. — Я не разглагольствую о деньгах, я слишком занят, зарабатывая их.

— Да, конечно. Я тоже не экономист. На самом деле я пытаюсь сказать, что исторически существовал и третий путь между фундаментальной стоимостью, которая может быть значима для отдельного индивидуума, и корректировкой по рынку — это то, что мы называем социальным

---

[75] Примечания: 75

В мусульманских державах миллетом называется группа людей одной веры, имеющая автономные административные учреждения, расположенные в специально отведенном для этого месте. В Османской империи этот термин стали использовать для классификации ее жителей по религиозному признаку.

рынком. Ценность как общее благо и нечто, объединяющее людей и определяющее общность. Скажем, у греческой иконы или армянского креста есть стоимость на социальном рынке, которую цена на розничном рынке просто не в состоянии отобразить.

Аккуратнее, Аднан, думает Айше. Я вижу, что ты летишь меня защищать, мой герой, но нападают-то не на меня. Профессор Будак — прирожденный оратор. Ее низкий, негромкий, но слышный, скромный, но уверенный голос заглушил все остальные. Она командует за столом. Никто не обратил внимания, что главное блюдо унесли и подали чайные ложки с освежающей пастой, чтобы использовать ее между приемами пищи.

— Мне кажется, в реальном мире более плодотворным может оказаться третий подход: рассматривать экономику в социальной сфере, а не как математическую абстракцию или продукт индивидуальной психологии. Ведь рынок в конечном итоге — это социальная модель, не так ли? Я не могу отрицать потрясающую энергию западного индивидуализма, но и за него приходится платить. Над нашим поколением маячит тень обвала, хотя мы и живем в условиях быстро растущего рынка, который использует все более

сложные и взаимосвязанные финансовые инструменты. В какой-то момент рынок неизбежно обвалится снова: как и оружие массового поражения, нерегулируемые рыночные экономики очень тонко устроены, но они и самые надежные. Я ловлю себя на мысли, что в XXI веке моделью может стать социально опосредованная экономика, то есть та, что основана на общественной ценности, доверии и взаимных обязательствах. На передний план выходят не финансовые олигархи и не принцип «малое прекрасно», а что-то промежуточное, маломасштабное, как общая культурная идентичность и собственность во многих культурах в составе Оттоманской империи. Ценность равна идентичности. А вы что думаете, господин Сариоглу?

Айше узнает этот намек на бледность на лице Аднана и сжатые губы. Она вертит стакан. Давай же, трейдер.

— Что я думаю? Я вам скажу, что я думаю. Я — это деньги. Вот так вот просто. Я — это деньги. Через мои счета ежедневно перетекает больше денег, чем ВВП нашей страны. Каждый день. Больше денег, чем вы можете представить. Я скажу вам кое-что о деньгах. На этом уровне деньги перестают уже быть просто деньгами.

Они становятся чем-то другим. Чем-то большим, более сильным и прекрасным. Это денежная буря. Денежный ураган. Я ими не владею, я не контролирую их, и никто их не может контролировать или господствовать над ними. Я закрываю глаза и вхожу в этот поток, он подбрасывает меня и несет какое-то время, всего-то пару секунд, потому что дольше никто не сможет выдержать, а потом я выхожу из потока, и когда я разжимаю кулак, то вижу, что кое-что успел ухватить. Выгода. Это вовсе не ругательство, а единственное, что вы можете получить от этого потока. Всего одна пригоршня. Вы думаете, я обрабатываю рынки ради этой жалкой пригоршни, ради прибыли? Нет, я это делаю из-за красоты. Деньги красивы, но они и ужасающи и могут разорвать вас на клочки, но на те несколько минут, что я внутри этого потока, я и есть деньги. Вы говорите обо всех этих ваших фундаментальных ценностях, корректировках по рынку, о социальных рынках, а для меня это все пустой звук, потому что деньгам плевать. Правила простые, как в детской игре, — вы даете мне это сейчас, я отдаю вам это позднее, в итоге все играют друг с другом и кружатся в потоке, который никто не может удержать, никто не может предсказать и никто не может даже надеяться

контролировать. Мне кажется, это великолепно. Деньги. Деньги в чистом виде. И все. Вы должны быть довольны такими людьми, как я и Ферид-бей, поскольку каждый день мы смотрим на этот поток, мы запускаем в него руки и вытаскиваем оттуда то, что заставляет ваш мир работать. Если он когда-нибудь остановится или даже просто слегка замедлит ход, если когда-либо он станет сиять не так ярко, то все, что вы знаете, закончится. Так что ваши теории хороши и занимательны, но деньгам плевать. И мне тоже плевать, потому что я — это деньги. Я заставляю мир вращаться. Я — это деньги.

За столом воцаряется молчание. Официанты пользуются возможностью унести неиспользованные ложки с освежающей пастой и проворно подать последнее блюдо.

Звук в переулке оглушительный, чужеродный, ужасающий. Недждет идет по ступенькам в Киноварный переулок, и это физическая сила. Она отталкивает его обратно к закрытым дверям лавки. Хизир — повелитель джиннов, и Зеленому святому вполне по силам привести в старый дом дервиша армию джиннов размером с облако. Он прижимается щекой к штукатурке, выкрашенной красной краской. Звук ползет по стене, то

нарастая, то убывая, гоня душный воздух по лабиринту переулков и площадей Эскикей, отражаясь от стальных жалюзи и аппарата по продаже колы, прикрепленного цепью к стене, и балконов, нависающих над Киноварным переулком. Он оглушающий, странно знакомый, от него волосы становятся дыбом. Он реален.

Хизир вовсе не безопасный святой. Зеленый человек забирает все, каждое воспоминание, хорошие и плохие поступки, а взамен дает то, что Недждет помнит как свою жизнь. Он поджег свою сестру. Исмет спрятал его в доме дервиша, чтобы спасти от собственной семьи.

— Что ты от меня хочешь?

Зеленый святой закрыл глаза и отвернул лицо. Недждет думает, что он, может быть, сошел с ума. Коридор переходил в другой коридор, один тоннель — в другой, засасывая еще глубже в темноту, в подвалы и водохранилища, которые старше любого из трех городов, чьи имена значились на этих камнях. Он оказался около трубы в толщину как его тело, которая бежит из темноты в темноту. Она гудела под его ладонью, а когда Недждет приставил к ней ухо, то ему показалось, что он слышит через толстый изоляционный слой визг несущегося газа. Недждет уже не понимал, что

происходит по-настоящему, а что — фантазия, и что представляет собой мир между этими полюсами. Когда Мустафа наконец определил, что стук доносится от пожарного выхода, который никогда не открывали, и сломал охранные пломбы, то обнаружил за дверью Недждета, грязного, пыльного, окровавленного, но лицо у него сияло, как у пророка. Он был потрясен, он изменился.

Шум гремит громче, концентрируясь и усиливаясь в узких улочках, пока Недждет осторожно пробирается по Киноварному переулку. Площадь Адема Деде заполнена людьми. По большей части это женщины в платках, но встречаются и редкие молодые люди в кожаных куртках с красивыми волосами и в отполированных ботинках. Все они стоят лицом к дому дервиша. Недждет видит за рядами голов в платках голову Исмета. Должно быть, брат стоит на ступеньках галереи. Теперь он заметил в толпе и соратников брата по ячейке. Они в пиджаках с иголочки и модных ботинках. Это хорошо одетый тарикат, состоящий из мужчин, у которых есть работа. Из толпы доносится предвкушающий шепот на высоких тонах. Это и есть тот звук, что преследовал его через Эскикей.

Бюлент и его заклятый враг Айкут наблюдают каждый из своего дверного проема. Столы и

стулья убраны. Греки, которые пьют чай у Бюлента, предусмотрительно куда-то делись. Айдын закрывает свой лоток с газетами и лотерейными билетами, не переставая извиняться перед женщинами в платках и дорогих плащах. Последний из бубликов, уже изрядно зачерствевший, идет на корм голубям. Все соседи наблюдают за происходящим с балконов. Даже семья глухого мальчишки открыла настежь ставни и обеспокоенно смотрит вниз. А вот и сам мальчишка выглядывает из-за перил. Неджет поднимает голову. Вон игрушечный робот паренька, приняв форму птицы, кружит над площадью. Некоторые окна закрыты. Разумеется, в квартире старого жирного грека. И той грузинки, которую все считают проституткой. Что это, он видел, как шелохнулась занавеска, но перестала двигаться, стоило сфокусироваться на ней? Детали. Такое впечатление, будто ему дали новые органы чувств. Мир стал более ярким, более детальным, более связным. Какие-то слова написаны на двери галереи. Что-то про идолопоклонников. А вон в толпе та девушка из галереи, та, чью карин он видел под землей. Наверное, не хочет, чтобы толпа узнала, что она тут работает. Неджету очень интересна женщина, что владеет галереей. Ему

нравится дерзость ее ботинок и юбок. Классная штучка, она кричала бы громко.

Движение справа. Толпа расступается, женщины сбиваются в более плотные группы. Хизир здесь, сидит на краешке фонтана. В этот момент девчонка из галереи видит Недждета. Она тычет пальцем и кричит, на площади тут же воцаряется тишина. Все оборачиваются и смотрят на него. Бесполезно даже пытаться бежать. Так вот почему Хизир ждет его именно тут! Ты не можешь переступить через волю Всевышнего. Исмет протискивается через толпу, за ним братья из тариката, которые образуют кольцо вокруг Недждета и провожают его до крыльца галереи. На двери серебряной краской написано «Сожжем идолопоклонников». Кругом сплошные головы и лица, лица и головы, головы, лица и платки. На балконах еще больше лиц. Уже без платков.

— Слушайте! Слушайте! — кричит Исмет, поднимая руки. — Всевышний дал нам величайший дар, прямо тут, в Эскикей. В наши дни, на наших улицах Аллах все еще с нами. Я следовал за Всевышним и основал здесь тарикат, чтобы привнести справедливость, истинную справедливость в Эскикей, и Всевышний вознаградил наш труд. Он послал нам в дар шейха, нашего

собственного шейха!

Глухой паренек из четвертой квартиры практически перевешивается через балкон. Мать держит его за футболку. Хизир наблюдает с фонтана. Должно быть, он доволен. Исмет поднимает руки. Все ждут, что Неджет что-то скажет.

Я не шейх. Я подлец. Я не святой. Я бездельник. Я не суфий. Я поджег свою собственную сестру. Я паршивая овца.

Неджет вспоминает, где уже видел эту картину раньше. Толпа на проспекте Неджатибей, стена лиц, когда он пытается скрыться от полицейских ботов, и парень в белой футболке, снимающий его на видео за секунду до того, как Неджет увидел перед собой женскую голову, из которой льется свет.

Хизир смотрит наверх. Неджет видит, как на площадь Адема Деде просачивается дымка, и слышит похожий на комариное жужжание шум крошечных моторов.

— Уходите отсюда! — кричит Неджет. — Полиция, сюда идет полиция! Они прислали роботов.

Женщины в платках смотрят наверх, а там еле заметный дымок ройботов собирается в крупных роботов, размером с насекомое. Толпа бросается врассыпную, женщины закрывают головы и

лица, защищая себя от атаки полицейских ботов, которые охотятся за участками голой кожи, чтобы поставить радиочастотную метку. На землю летят платки и длинные закрытые уличные плащи, поскольку женщины сбрасывают с себя все, на чем может остаться предательский оранжевый спрей, который приведет на порог дома полицию. Теперь на площади Адема Деде совсем другой шум — это пронзительный визг паники. Площадь пустеет за несколько секунд. Балконы тоже пусты, и ставни закрыты наглухо. Мостовая, стены, витрины магазинов, машины — все в пятнах оранжевой краски. Исмет отдергивает Недждета в тот момент, когда плевок с красящим веществом врезается в ставни галереи. Теперь надпись «Сожжем идолопоклонников» стала серебряной с оранжевым. Рой машин, закручиваясь по спирали, поднимается высоко в воздух над площадью и распадается в пыль. Приближаются сирены. Через плечо Недждет бросает взгляд на членов тариката, которые толкают его по Гюнешли. Хизир исчез. На его месте одинокий робот выползает, словно паук в неотступном ночном кошмаре, из-под ободка чаши и бежит вверх по стене, испещренной оранжевыми пятнами. Это не полиция и не игрушка глухого мальчишки.

Это чужой наблюдатель.

У Аднана своя теория касательно сигар. Сигары — это ампутированные члены твоих врагов. Это у бизнесменов аналог извержения шампанского на подиуме «Формулы-1». Я откусил твой пенис, враг.

Чета Будак с трудом пережила кофе. Коляска умчалась по холму рысцой, переходящей в галоп. Потом ушли супруги Гюней, причем муж держался сухо и излишне официально, а жена улыбалась и даже подмигивала. Аднану послышалось, или она шепнула Айше, что это было потрясающе весело? Госпожа Адаташ предусмотрительно увела Айше и генерала с супругой полюбоваться коллекцией византийской мозаики в гостиной. Результат не заставил себя ждать. Но пока еще ничего нельзя прочесть по лицу. Вопрос подвешен. Но Аднан не испытывал страха.

— Давайте вернемся на террасу, — говорит Ферид Адаташ.

Ночь все так же тиха и невероятно, бесконечно чиста. Казалось, мир находится в состоянии хрупкого равновесия, но еще миг — и все развалится. И вот тут Аднан ощущает себя ужасно напуганным и ужасно живым, каждой клеткой, каждой чешуйкой кожи, каждым волоском. Еле уловимое

движение, легкое дыхание, даже намек на какую-то мысль разрушит этот момент чистого бытия.

— Не удивлюсь, если вы получите приглашение на ужин, — говорит Адаташ.

— От кого?

— От Пинар.

— Вы думаете?

— Еще как. Она от вас в восторге. Она старая троцкистка, но уважает людей, у которых есть свое мнение. Неважно, какое, лишь бы они могли его отстоять. Она обожает хороший спор, как ничто другое. Она вас поддевала, чтобы проверить, упертый вы или очередная размазня из Озера. Вы получите приглашение на ужин. У нее потрясающий винный погреб. В следующий раз так легко не отделаетесь, она вас разорвет. Но она забавная, Пинар. А вот муж ее лицемерный говнюк. Сигару?

И в этот момент Аднан чувствует, что добился своего. Словно бы через него пролетела падающая с неба звезда, это был вихрь, огненная вспышка.

Дым по спирали опускается вниз внутри его тела. Это самое прекрасное чувство, которое ему доводилось испытать.

— Вашу руку, господин Сариоглу. — Данные перепрыгивают с ладони на ладонь, закодирован-

ные на основе естественной электропроводности тела. — Краткое содержание вашей сделки.

— Я хотел бы взглянуть.

— Я бы обиделся, если бы вы не хотели.

Аднан проворно извлекает цептеп из нагрудного кармана и крепит за ухо. На глазу появляется устройство записи.

— Срок — шестнадцатое.

— Так или никак.

— Двадцать пять процентов.

— Вы ожидали большего.

— Как вы говорили, это контракт… — Но вообще-то тут целых два миллиона. Все, чего он просил. — Как скоро я смогу использовать кредитную линию?

— Как только вы вернете эту бумагу к моим адвокатам с номером счета.

Счет — это уже не его территория. Он ультралорд Сделки. Теперь Кемалю в офисе предстоит подготовить папки с документами, графики оплаты, денежные переводы и условные счета.

— Без секьюритизации.

— Я занимаюсь хеджированием. Что такое два миллиона туда, два миллиона сюда между мной и Озером? Это хорошая ставка. Тысяча процентов прибыли? Мы бы не стояли сейчас на моей

террасе, если бы я сразу не распознавал хорошую игру на бирже. Ваши расчеты верны, контакты законны, насколько вообще может быть законен подобный бизнес. Скажу так, я впечатлен вашей дерзостью — откачать горячий иранский газ, и я ценю мнение Пинар, но главное — это последняя строка в расчетах. Отсюда и все остальное.

По брусчатке глухо стучат копыта. Это вернулась коляска; жеребец в шорах с бахромой стоит, подняв одно копыто.

— Это за вами. Генерал и госпожа Чиллер остаются. Они наши старые друзья; не сочтите меня негостеприимным хозяином, но вам рано утром на работу. — Ферид-бей оглашает террасу взрывом хохота и с силой хлопает Аднана по спине. — И пожалуйста, не бросайте окурок. Могут загореться кусты.

В холле Аднан и Айше обмениваются последними кодами этого вечера.

Айше разворачивает руки ладонями вверх, словно просит чего-то. Ну что?

Аднан незаметно сжимает кулак. Да!

Он совершенно, совершенно растерян. Это улицы его детства, внезапные ряды ступенек и стремительные переулки, спрятанные садики и потерянные кладбища, лавки, лицеи и питьевые

фонтанчики, но при этом он стоит, словно парализованный, посреди Соганджи Сок, на которой толпятся девушки в коротких летних юбках и ярких туфельках, а мимо проталкиваются парни с опасно набриолиненными волосами, в футболках без рукавов с логотипами на груди. Зазывалы орут: «Заходите в наш бар и весело проведите время!» Неоновые и пластиковые указатели, тенты, уличные сплетни, молодые люди, которые курят шиш, снова вошедший в моду кальян, крошечные ситикары на газу и мопеды. Его атакует с десяток разных мелодий, фрагменты и отрывки отдельных ритмов.

На протяжении шести лет Георгиос каждое утро топал по этой улице с напоминающим солдатский вещмешок рюкзаком за плечами на встречу с Гексел-ханым, но теперь здания кажутся другими, их фасады сделаны из грубого бетона, а не из мягкого и слишком легко воспламеняющегося дерева из старого Джихангира. Фонари висят неправильно, водосточный желоб в центре узкой улицы слишком глубок, а вот здесь должен быть узкий проулок с низкой зеленой двустворчатой дверью. Картографически все верно, но все кругом незнакомо.

Георгиос останавливает разносчика пиццы,

который идет к своему мопеду. В руках у него нарисованная от руки карта, которую Константин вручил ему в то утро в чайхане.

— Я пытаюсь найти «Мач Чок».

Парень берет карту и хмурится.

— Третий слева поворот, мимо мечети.

— Благодарю.

Парень снял с мотора глушитель, и когда он отъезжает со стопкой пицц на багажнике, то рев напоминает орудийный огонь. Георгиос все еще стоит, окаменев, на Соганджи Сок. Несколько ступенек — и он будет на месте. На ее улице, у ее двери. Слишком внезапно, слишком быстро, слишком близко.

Каждый вторник группа Новых мыслителей встречалась в мейхане[76] «Каракуш» в Долапдере. По понедельникам здесь собирались поэты, в среду — киношники, четверг был днем певцов и поэтов-песенников, музыканты приходили по пятницам и субботам, но вторник принадлежал Новым мыслителям — политика, философия, феминизм, критика. Экономика.

— Дорогая, тебе надо залучить к себе этого юношу, — проворковала Мерьем Насы, оттащив

---

[76] Примечания: 76

От старого турецкого «дом вышивки», название типично турецких традиционных ресторанов.

Георгиоса от группы политиков и ученых мужей и подведя туда, где стояла Ариана Синанидис в окружении своей ослепительной свиты. — Это самый блестящий экономист за последние тридцать лет. Он сотрясет все эти устаревшие левые догмы.

— Экономист? — переспросила Ариана таким тоном, каким могла бы произнести «палач».

— Экспериментальная экономика, — извинился Георгиос. — Экономика с доказательной базой.

Войска высаживаются из грузовиков и выстраиваются в колонны на площади Таксим, хотя Георгиос и не видит никого опаснее, чем офисные работники, возвращающиеся домой. За несколько недель после того, как генералы сместили Сулеймана Демиреля, войска на улицах стали правилом, цель — посеять ощущение всезнания: армия знает, что планирует противник, еще до того, как сам противник это понял. Георгиос прошмыгнул мимо полицейских щитов, опустив голову. Его пугает военное положение.

Кафе «Каракуш» — прокуренное помещение, увешанное фотографиями французских интеллектуалов и турецких поэтов. Новый большой портрет Ататюрка висит за барной стойкой, а

рядом портрет чуть поменьше — Кенана Эврена. Столы и стулья расставлены вплотную, в дальнем конце зала возвышается платформа с микрофоном. Из будки диджея доносится английская музыка в стиле ска. Бар забит битком, сесть некуда. Молодые люди в немецких армейских куртках и комбинезонах из денима и девушки в джинсах-бананах и пиджаках наподобие формы кавалеристов стоят, прислонившись к стенам. В помещении висит густой табачный дым. Георгиос запнулся, поскольку, стоило ему открыть дверь, как все собравшиеся посмотрели на него. Он бы, наверное, сбежал, но тут из-за ближайшего к сцене столика, где сидели самые привлекательные и активные молодые люди, поднялась Ариана и поприветствовала его:

— О, ты пришел все-таки, проходи. Вот тут есть места. Нам всем не терпится услышать, что ты скажешь.

Георгиос, стыдясь своего костюма, нервно выпил кофе и начал нервничать еще сильнее. Он слишком широкой улыбкой отвечал на все попытки Арианы втянуть его в дискуссию о перевороте, о том, кто исчез, о том, что армия в итоге повернулась к этим марионеткам, серым волкам, которые настолько тупы, что мнят себя

неприкасаемыми, но чего еще от них ожидать, тем более за ними всеми стоит ЦРУ, и все это происки «глубинного государства».

Георгиос услышал свое имя из диджейской будки и под редкие аплодисменты поднялся на сцену, жмурясь от крошечного прожектора, который был прикреплен к потолку и превращал табачный дым в стену светящейся синевы, и тут вдруг наступила мертвая-премертвая тишина. Он, заикаясь, начал говорить, перемешивая свои записи, сделанные на открытках, подыскивая слова. Зал был где-то далеко, холодный и замкнутый. Потом на него снизошла страсть, он забыл про карточки в руках и стал говорить о своих открытиях в экономике, о попытках извлечь предмет из мертвого моря математических моделей и превратить его в эмпирическую экспериментальную науку, подлинную науку гипотез и доказательств. Это была самая человечная из наук, поскольку имела дело с потребностями, себестоимостью, стоимостью. Он говорил о новом предмете — нелинейности, о том, как математическое прогнозирование можно применять к случайности, к хаосу, о теории катастроф Рене Тома, когда одна характеристика поведения внезапно меняется на противоположную. Он

говорил об иррациональности рациональных субъектов и экспериментах в экономике, о математическом ожидании и парадоксе и играх с ненулевой суммой. Он говорил о своих надеждах на будущее экономики, которая моделирует наш мир как нельзя лучше и занимает нишу где-то между психологией, социологией и зарождающейся физикой нелинейных систем. В десять часов наступил комендантский час, а Георгиос все говорил и говорил. Потом он поблагодарил собравшихся за внимание.

Из зала стали задавать вопросы. Георгиос увлеченно спорил с марксистом в берете а-ля Че Гевара о неизбежности классовой войны, когда нагрянула полиция. Гранаты со слезоточивым газом покатились между ножками стульев, испуская едкий пар. Дверь выбили, и в зал ворвались полицейские в противогазах, вооруженные щитами и дубинками. Девушка в блузке с рюшами в стиле леди Ди упала как подкошенная, а из безобразной раны на голове хлестала кровь. Марксист мужественно ринулся на противника, подняв над головой стул, но полицейский сбил его с ног щитом и прижал к полу тяжелой черной дубинкой. От газа воздух стал тусклым. Крики не смолкали. А с улицы еле слышный далекий голос

выкрикивал в мегафон неразборчивые приказы. Георгиоса отбросило к стене. Рядом с ним треснули фотографии Сартра и де Бовуар в рамках. Публика штурмовала бар, надеясь скрыться через черный вход. Из кухни донесся приглушенный рев, и толпа мгновенно среагировала. Полиция и у заднего выхода тоже. Через долю секунды Ариана пробилась сквозь толпу, схватила Георгиоса за руку и потащила к будке диджея.

— Там лестница на крышу.

Она три пролета тащила его за собой мимо каких-то коробок, складов и богом забытых комнат, после чего они оказались на наклонной крыше. За ними следовали и другие, просачиваясь между водяными цистернами и телевизионными антеннами, с крыши на крышу, с крыши на крышу. Ариана не пыталась найти убежище, она подошла к самому краю и глянула вниз.

— Тебя увидят.

— Да и наплевать.

Армейские грузовики и фургоны заблокировали улицу во всех направлениях и стояли с опущенными задними бортами и дверями. Солдаты заталкивали людей из мейхане в грузовики, сковав им руки наручниками за спиной и заставив нагнуться. Раз — и все. Очень профессионально.

Задержанные шли быстро и тихо. Женщин сажали в фургоны. Им разрешили не нагибаться, но зато они больше визжали и кричали. Армейские собаки на коротких поводках лаяли, показывали зубы, утихомиривая женщин. Посетительницы кафе «Каракуш» слышали истории о женщинах, которых раздевали и запирали в комнате со специально обученными псами-насильниками. После такого остается только покончить с собой, потому что отмыться от этого позора уже невозможно. Четверо солдат вели марксиста в берете, его голова болталась безвольно, словно у снятого с креста Иисуса. Кровь блестела на мостовой. Во всех квартирах по обе стороны улицы горел свет, за занавесками виднелись силуэты людей.

— Ну же, я вижу вас! — заорала Ариана, глядя на освещение. — Расскажите, что вы видели, прошу вас, расскажите! Но вы ведь струсите? Наверное, вы их и вызвали. Сволочи! Ублюдки!

Она отпрянула, а потом смачно и зло плюнула на улицу.

— Ариана, пойдем! — закричал Георгиос. — Они нас выследят здесь, это лишь вопрос времени.

Но она стояла и осыпала проклятиями улицу внизу, а платье ее развевалось на сильном сентябрьском ветру. Георгиосу она показалась

величественной, гордой и свирепой героиней греческого мифа, она была безумной Электрой, она была Немезидой. Но солдаты услышали ее, навели на крышу прожекторы из грузовиков, а их соратники уже снимали с плеча винтовки. Страх буквально парализовал Георгиоса, пока он насильно не оттащил Ариану от края крыши.

— Возьми меня за руку.

Чары рассеялись. Георгиос сжал пальцы Арианы и потащил ее по потрескавшейся черепице, под протекающими баками, через лабиринты веревок с бельем и горшков с геранями, по крышам Долардере.

Он побывал на площади Таксим два дня спустя. В Каракей в одном из темных течений Босфора, которое обычно ловит самоубийц и жертв самосуда в свои бесконечные водовороты, всплыло тело молодого парня. Лицо было обезображено настолько, что его не смогли опознать даже отец с матерью. Полиция сказала, это все винты. Здесь туда-сюда плавают корабли, так что тела, которые падают в воду, крошат только так. В итоге родители опознали его по немецкой армейской куртке и красному берету, который лежал, аккуратно свернутый, в кармане.

В ту октябрьскую субботу на площади Таксим

собралось три сотни человек, чтобы выразить протест военному положению. Шестью неделями ранее тех, кто взбешен последствиями переворота, было бы тридцать тысяч. Но у гнева есть период полураспада. Генералы стали очередным правительством. Против трехсот человек выступила целая армия, двенадцать кордонов окружало мемориал Ататюрка, который всегда становился мишенью протестующих, но тем не менее Ариана протянула руку Георгиосу, чтобы идти в первых рядах рядом с лидерами. К тому моменту они стали любовниками.

Площадь была огромной, небо над ней казалось бесстрастно-синим, а силы против них — чудовищными и безжалостными, но Георгиос почувствовал, как из горла вырывается незнакомый доселе крик, а в глазах застыли слезы гордости за праведный гнев Арианы, за город, в который он осмелился нырнуть вслед за ней. Больше Георгиос никого по-настоящему не любил.

Разносчики пиццы — самые надежные проводники. Искомое место оказалось рядом с Мач Сок, чуть вглубь, само здание немногим шире зеленой двустворчатой двери. Закрытые ставнями окна зигзагом поднимаются на четыре этажа. Он не

может просто подойти и постучать. Он не может прийти без приглашения, явиться после сорока семи лет молчания. А что, если она ответит? Что, если застанет его врасплох, пока он даже не успеет сообразить, что ответить? А если она ничего не скажет? Если она его не узнает? Что, если она стала такой, как это здание — сутулой, шаткой и кривой?

Напротив располагается табачная лавка, залитая неоновым светом, из которой доносится бормотание радио. В свете от автомата по продаже колы на маленьком низком табурете сидит подросток и читает журнал о футболе. Георгиос перебирает газеты и журналы на лотке. Он выглядит смешно и немного подозрительно.

— А вы не знаете, не переезжала ли сюда недавно женщина? Не с востока — европейка, гречанка из Афин.

Продавец газет качает головой, но подросток отрывается от журнала. Но то, что он скажет, уже неважно, поскольку сама Ариана Синанидис уже здесь, она идет прямо по центру улицы, неся в каждой руке по пакету из местного супермаркета. Это она, сомнений быть не может, как Георгиос вообще мог бояться не узнать ее? Она стала старше, но не состарилась. Стала тоньше, но не

высохла, не погрузнела, не стала ходить вразвалочку. Ариана грациозно движется по опасной брусчатке на высоких каблуках. Никаких синих вен на руках, сжимающих пластиковые пакеты. Она даже прическу за эти сорок семь лет не поменяла. Волосы все так же струятся по спине, такие же блестящие, как он помнит. Ее лицо… он очень долго не осмеливается взглянуть ей в лицо, боясь, что Ариана поймает его взгляд и увидит, что он за ней наблюдает. Она кажется усталой. Георгиосу хочется подойти и забрать у нее пакеты. Позыв такой сильный, что почти вызывает тошноту. А потом мгновение упущено. Ариана входит в свой покосившийся дом.

Подросток смотрит на Георгиоса, когда тот покупает бутылку воды, чтобы как-то замаскировать свое пребывание здесь, и начинает неосознанно вертеть ее в руках. А потом Георгиос понимает, что на лацкан капают слезы.

«Рива» мчится по темным волнам, подпрыгивая и ударяясь о воду. Глубокая ночь, темная вода, быстрый катер. Айше стоит в кабине, держась за латунную кромку ветрового стекла, в экстазе от пульсации мотора, брызг на лице и соли в волосах.

— А можно еще быстрее?

Капитан кивает и открывает дроссельную заслонку. Компьютер синхронизирует моторы, и катер еще выше поднимает нос над водой. Ускорение происходит мгновенно, словно ускорение атома. Айше представляет, что за ней на воде остаются два радиоактивных следа. Свет. Ночь светится. Под куполом неба город простирает во все стороны крылья света: ряд за рядом, ярус за ярусом, один холм на другом, отдельные огоньки просвечивают через слои света. Айше бросает взгляд через плечо. Аднан сидит в центре дивана в хвостовой части, раскинув руки вдоль спинки. Он кажется безразличным, но Айше знает, что муж вцепился в кожаную обивку мертвой хваткой.

Я люблю тебя, парень, посмотри, какая классная ночь, думает Айше. Ты был смелым, блестящим, потрясающим и прекрасным, и именно это я люблю в тебе.

— Дайте я поведу.

Капитан смотрит на нее неодобрительно.

— Мне уже раньше доводилось.

Как может дочка моряка не уметь управлять моторным катером? Отец учил ее летом по выходным, когда город становился слишком удушливым, и они со всем хозяйством переез-

жали по трассе D100 в летний дом в Силиври на побережье Мраморного моря.

Айше кладет руки на дроссельные заслонки, и к ней возвращаются запахи из детства: жидкость для разжигания костра, соленый песок, лосьон после загара. У них была совершенно не гламурная моторка из стекловолокна с двумя двигателями, ни капли не похожая на эту жемчужину из дерева и углеродного волокна с жадными до углерода моторами, но капитан Эркоч показал дочери, как заставить ее лететь над водой. Айше выключает автоматический синхронизатор, настраивая мотор по пульсации собственного тела. Главное здесь — вибрация. Лодка рвется вперед. От настроек двигателя захватывает дух.

Айше трясет головой, чтобы стряхнуть слезинки в уголках глаз, появившиеся из-за скорости. Она делает длинную петлю вокруг мыса Сарайбурну с гигантским турецким флагом, и перед ней открывается Золотой Рог, а по обе стороны распростерлись стамбульские холмы, устланные золотом. Вот он, вход в Царь Городов. Айше снова бросает взгляд на Аднана. Она напугала его, но он возбужден. Ну что, трейдер, я горячая штучка, а?

Она снует между паромами и круизными катерами, которые причалены у Караой, словно стена

света, а потом мягко пришвартовывает «Риву» к пристани, едва коснувшись шин. Мотор булькает пару раз и затихает, вода успокаивается.

— Кто вас научил этому? — спрашивает моряк, галантно подавая руку и помогая спуститься на пристань.

— Мой отец командовал эсминцем.

Капитан отдает честь. На суше Аднан снова становится героем. Он одергивает пиджак, поправляет манжеты. А потом сгребает Айше в охапку, привлекая к себе так, что каблуки скрипят по асфальту, и целует.

— Я молодец? — ревет он, и Айше чувствует привкус вина, которое он выпил. — Молодец?

Аднан крутит ее в руках, а Айше, заключенная в объятия, чувствует, как катера, автобусы, машины и минареты теряют четкость.

— Пойдем! — кричит Аднан.

Он ставит Айше на землю, но не выпускает ее руку и тащит мимо ночных прохожих, через ряды каких-то подозрительных предметов, затянутых брезентом, прямо на проезжую часть, пританцовывая и останавливая грузовики и туристические автобусы взмахом руки. Мимо проносится трамвай. Айше визжит, Аднан успевает выхватить ее из пасти убийственного монстра

и ведет между скутеров и «фольксвагенов», а потом вдоль улицы, мимо магазинов, теснящихся вокруг Новой мечети. Здесь, в арке, рядом с закрытыми подъемными ставнями красного цвета, над которыми висит завиток глицинии, Аднан привлекает ее к себе. Айше прижимается к нему — это объявление не только любви, но и войны — она хочет, чтобы муж почувствовал ее живот, силу и красоту ее бедер. Какой-то парень в кожаной куртке презрительно усмехается, глядя на них. Аднан непристойно хохочет, но тянет ее дальше, вглубь Султанахмета. В этой старинной столице империи нет места любовникам.

На улице Ходжапаша за крошечной мечетью Айше толкает мужа к дверному проему. Его отличные брюки, надетые по случаю сделки, расстегнуты, а тяжелый, почти уже твердый член у нее в руке. Она уже придумала, что с ним делать, и тут на решетке через дорогу зажигаются огни. Айше заливается смехом и резко отворачивается, бежит и смеется в лабиринте мощеных улочек Джаалоглу. Вдали от главных улиц Султанахмет пуст. Закрытые витрины излучают память о дневной жаре. Айше останавливается посреди переулка в тени пыльных ветвей миндаля и проворно снимает трусики. Аднан догоняет ее,

забирает из руки жены прозрачный треугольник и прижимает к лицу.

— Вот это я называю изысканным букетом! Исключительный урожай!

Айше выхватывает трусики и запихивает их Аднану в рот, истерически смеясь, когда он чавкает, как голодное чудовище. Какая-то припозднившаяся дама с авоськой в руке переходит дорогу чуть поодаль. Она в ужасе смотрит на Аднана, у которого изо рта торчат трусики.

— Ага! — ревет он, размахивая руками.

Женщина несется прочь, еще плотнее закутываясь в плащ чаршаф, чтобы защититься от аморальной ночи. Айше и Аднан все смеются до колик, когда заходят в лифт многоярусной парковки. Платье у Айше задрано. Она обвивает ногой талию Аднана, а спина прижимается к кнопке экстренного вызова, и тут лифт останавливается, дверь открывается, и за ней стоит парень нездорового вида в плохо сшитом костюме с плохой прической. Он моргает, а маленький рот открывается.

— Мы вверх, — сообщает ему Аднан.

Они вываливаются из лифта и садятся в свою «ауди». Это единственная машина на всем этаже.

— Два миллиона евро! — кричит Аднан, и крик

возвращается эхом, отражаясь от обтесанных столбов и бетона, отполированного множеством шин. — Два миллиона евро!

Никто не испорчен настолько, чтобы трахнуться на пустой многоярусной автостоянке. Но Айше не отпускает член Аднана, пока он на третьей передаче едет к выходу, вцепившись в руль. Шины визжат — это духи старой автостоянки. Если попадется какая-то лужица бензина, нам крышка, думает Айше. Нет, не может быть. Не сегодня.

На улице Аднан переключает машину в режим автопилота. Айше льнет к нему, открываясь его прикосновениям. Она ласкает его легонько, скорее дразнит — всю дорогу, пока они пробираются между долмушами на трассе 01. На мосту Айше чувствует, как Аднан убирает большой палец с ее клитора. Автопилот со щелчком выключается. Газовая турбина ржет, как горделивый жеребец. Ускорение вжимает Айше в сиденье. Это потрясающая машина. Мост в Азию кажется аркой света. Высоко над темной водой, между континентами. Внизу видны корабли. Освещенные лучами прожекторов турецкие флаги стоят, словно маяки, на холмах азиатского побережья. Луны и звезды безвольно повисли. Ночь не дает отдохновения от жары. А там внизу, где темные воды граничат со

светлым берегом, стоит ялы мечты Аднана. Твоя секретная сделка поможет нам ее купить, а моя секретная сделка поможет нам перебраться в ту ялы, о которой ты по-настоящему мечтаешь, в ту, что осталась за спиной, на европейском берегу.

Айше курит. Даже ночью поток машин не иссякает. «Ауди» мчится мимо бесконечных грузовиков, которые движутся с запада в пасть великому Стамбулу. Айше отодвигается к окну, чтобы посмотреть на пятна дешевых домов и магазинов. Она складывает губы трубочкой, и дым льется изо рта, как вода. Острые минареты, серебристые купола, дешевые мечети, построенные на деньги саудовцев, чужие и глупые. Шатаются какие-то юнцы. Среди них модна спортивная одежда. Вот полиция остановила грузовик. Три машины с копами. На грузовике буквы армянского алфавита, помятый водитель в грязной одежде, который равнодушно стоит рядом, проделал еще более долгий путь с востока.

Они кажутся единственными страстными существами на Ферхатпаше, когда пересекают все еще теплый бетонный пол от гаража к холлу. Скоростные катера, повозки, запряженные лошадьми, и блистательные анонсы отошли в прошлое, как и вечер ярких огней, хороших

костюмов, туфель на каблуках и сделок на миллионы евро. Ферхатпаша в такое не верит. Айше все еще хочет мужа, муж тоже хочет ее, но каждую секунду скучная и тусклая атмосфера Ферхатпаши остужает их жар.

Аднан скидывает ботинки в прихожей, бросает пиджак, галстук и рубашка летят на пол в гостиной. Мужчина должен сам раздеться ниже пояса. Она так и не смогла его научить. Ленивый мальчишка с пляжа в Каше.

— Минуточку подожди! Во всеоружии подожди! Я собираюсь трахать тебя, пока твои яйца не станут напоминать курагу.

Быстро пописать. Ей очень нужно. Но когда она подмылась и осталась в одних чулках, которые так понравились мужу, и на убийственных каблуках, он уже лежит на кровати, раскинувшись в позе морской звезды лицом вниз, и храпит.

СРЕДА

5

С раннего утра все работают на площади Адема Деде, вооружившись швабрами и ведрами, шлангами и тряпками, чистящими средствами и растворителями для краски. На лестницах, перевешиваясь через балкон, на стульях, все усердно оттирают детали резных дверей зубными щетками, склонившись над автомобилями, точечно закрашивают специальными карандашами от царапин оранжевые пятна. Хафизе отдраивает ступеньки перед входной дверью в галерею Эркоч и отмывает пятна на резьбе, заодно избавляясь и от граффити с цветочными завитками, она закатала рукава и штанины самым бессовестным образом от духоты и усилий. Госпожа Дурукан перегнулась через балкон и с энтузиазмом поливает из шланга фасад дома, а заодно и прохожих, словно бы это их вина; прохожие отвечают злобными окриками. Роликовые ставни спасли Кенана от атаки роботов с краской. Даже бесстыжая грузинка ползает на коленках по балкону, спрятав волосы под платок. Временное перемирие объявлено между Бюлентом и Айкутом, пока они очищают от краски столы, стулья

и витрины нейлоновыми губками для мытья посуды. Оранжевые ручейки бегут по площади, перемешиваются и исчезают в канализационных стоках и случайных трещинках между булыжниками на мостовой, льются ярким водопадом по ступеням Киноварного переулка. Если бы был полицейский сканер, то можно было бы составить карту водных путей Эскикей, думает Георгиос Ферентину, сидя за только что вымытым столом рядом с чайханой Бюлента. Еще один секретный Стамбул. Его собственный кусок дома дервиша остается решительно пятнистым. Первый же дождь смоет всю краску.

— Я думаю обратиться в суд, подать иск, — бурчит Бюлент, выжимая швабру и выплескивая очередное ведро в канализационный люк.

— На полицию? Не трать зря время, — говорит Лефтерес.

— Нет. — Бюлент кивает в сторону мейхане Айкута. — На него.

На несколько минут воцаряется неловкое молчание.

— Лучше бы не начиналось, — говорит Лефтерес.

— Все уже начинается, хотим мы того или нет, — говорит отец Иоаннис. Огромная темная

фигура в облачении и с бородой. Сегодня он еще тише и задумчивее, чем обычно. Георгиос замечает, что отец Иоаннис без остановки перебирает молитвенные четки. — Вчера вечером они снова были у церкви. Написали из баллончика: «Всевышний велик. Неверные сгорят. Греки педики».

— Ты не пытался поговорить с Хюсейином Яшаяном? — Хюсейин Яшаян был имамом маленькой Тюльпановой мечети и блестящим историком-любителем, изучавшим типажи и характеры Бейоглу. Георгиос часто опирался на изумительные знания имама для составления альтернативных карт Стамбула.

— Я ему звонил. Но он тоже мало что может поделать с Хизиром.

— С Зеленым святым? У нас проблемы.

— Хюсейин упомянет о добрососедских отношениях во время пятничной молитвы, но это не его прихожане делают. Это низовая, народная религия. Храни нас Господь от молодых людей с этой их верой. Хюсейин боится их не меньше нашего. Он обязан сообщать о подобных случаях в министерство по делам религии, но в таком случае его мечеть сожгут сразу после нашей церкви. Это плохо кончится.

— Знаете, — говорит Лефтерес, помешивая

чай, — я тут размышляю о том, брать ли комиссионные.

— За памфлет?

— Ну да, про эту вашу девицу. — Он кивает на грузинку, которая на минуту отрывается от усердной работы, чтобы вытереть лоб.

— Мне казалось, ты говорил, что тебе должны заплатить, потому что имелась явная причина и социальная потребность, — говорит Бюлент.

— В том, что касается причин, я могу быть гибким, если есть явная социальная потребность, — говорит Лефтерес. — А сейчас все яснее ясного.

— Спаси ее Господь, — бормочет отец Иоаннис.

Все за столом понимают, что национальное меньшинство тыкает пальцем в сторону еще меньшего меньшинства. Покажи, на чьей ты стороне.

— Я приступил к новому контракту на бирже, — объявляет Георгиос Ферентину, чтобы нарушить неприятное молчание. — В течение следующих десяти дней будет предпринята террористическая атака, успешная или нет, в которой каким-то образом задействуют газ.

— Я бы купил, — кивает Бюлент. — Вы об этом говорили на этом вашем слете?

— У них есть информация, — говорит Георгиос. — А вообще, интересная группа. Куча исследователей из разных областей. Меня посадили рядом с зоологом, который изучает, как птицы сообщают всей стае об угрозе за долю секунды. Не здорово ли? Может, и террористические группы обмениваются друг с другом сигналами. Если бы мы только понимали их язык. Еще там была некая Сельма Озгюн, психогеограф. Ей интересно, как в течение веков городская архитектура влияла на социальные и ментальные пространства жителей. Я думаю, там можно вычислять, куда с большей долей вероятности террористы нанесут удар, или же где они живут и встречаются. Здесь есть закономерности. Они даже привлекли единственного в своем роде писателя-фантаста. Умно с их стороны.

— Всегда были опасения, что террористы подорвут один из газовых анкеров на Босфоре, — замечает Бюлент. — Я по телевизору смотрел. Стамбул особенно уязвим, поскольку холмистая возвышенность по обе стороны Босфора сдержит ударную волну. По телевизору сказали, что в итоге сила взрыва может сравняться с тем, что прогремел в Хиросиме.

— Господи, прости вас за то, что слишком много

знаете о таких вещах, — говорит отец Иоаннис.

— Ну, когда у вас трехлетний внук, который слишком много смотрит канал «Дискавери Азия»… — поясняет Бюлент. — Это хорошо, учится.

— Понимаете, я все думаю, что там замыслил Огюн Салтук.

— Огюн Салтук… Не тот ли это… — начинает было Константин.

— Да, тот самый, — быстро отвечает Георгиос. — Это он.

— Понятно. — Константин хмурится так, словно бы ложка, которой он мешает чай, это ось великого Стамбула. — Тот самый, про которого ты сказал, что он не сделает академической карьеры, поскольку лишен какой бы то ни было оригинальной мысли.

— Я и не только это сказал, он идиот и плагиатор, — говорит Георгиос. — Но мне интересно. Я хочу увидеть, во что это выльется.

— Значит, ты не думаешь, что это будет танкер, — уточняет Бюлент.

— Слишком очевидно.

— Десять к одному, что Огюн Салтук предлагает именно это, — встревает Константин.

— Скажи, что ты сам думаешь, прежде чем

запустить новый контракт, — просит Бюлент.

— А я не знаю, — признается Георгиос. — Что-то происходит. Силы пришли в движение, я не вижу модели, но чувствую.

— Ага, а дальше ты и джиннов начнешь видеть, — хмыкает Лефтерес. — Может, из-за этого все и случится.

— Я бы взял несколько твоих контрактов, — говорит Бюлент. — Они меня никогда не подводили.

— Что ж, джентльмены, я откланиваюсь. — Лефтерес с гримасой боли поднимается со своего места. — Мне еще памфлет писать.

Следующим встает с низенького стула отец Иоаннис.

— Я собираюсь переговорить с Хюсейином, хотя он максимум может осыпать их проклятиями. Кстати, если кому-то интересно, вечером всенощная.

Георгиос и Константин сидят молча, им вполне комфортно молчать друг с другом, слова не нужны. Александриец зажигает сигарету и впадает в негу, позволяя тонкой ленточке дыма течь по теплому воздуху. Вокруг соседи, занимающиеся уборкой площади, независимо друг от друга одновременно прекращают борьбу с метками,

оставленными стамбульскими спецслужбами. Чертовски жарко для работы.

Георгиос смотрит на своего курящего друга. Циничный манипулятор, сплетник не хуже, чем старая вдова, очень мстительный и скрытный, Константин совсем не тот человек, с кем хотел бы подружиться Георгиос. Семья Константина якобы имеет столь же старинную историю, что и город, давший имя дельте, это сыны и дщери самого Александра. Константин говорит на семи языках, включая древнегреческий, симпатизирует пяти религиям, хотя и не принадлежит ни к одной из них, учился в трех университетах в столицах трех бывших империй. Национализм, а потом исламизм, оба политические изобретения XX века, разрушили греческую цивилизацию в Египте, которая существовала три тысячи лет — сначала в Каире, вечном политическом горниле. Но космополитичная, разлагающаяся Александрия не могла оставаться равнодушной к силам, сотрясающим исламский мир. Свиные беспорядки, как их называли александрийцы, — правительственные акции с целью пресечь распространение H1N1, свиного гриппа, привели к массовой гибели свиней и чистке рядов немусульманских сообществ. В Александрии копты все еще были

сильны, а потом жертвой религиозного гнева пала маленькая и слабая греческая диаспора. За десять дней их стерли из истории. Константин лично видел языки пламени, которые вырывались из купола собора Святого Афанасия, и улетел следующим же рейсом. У него все еще имеется кое-какая собственность в городе, которой он управляет через подставные фирмы, а деньги получает благодаря посредникам и продажным чиновникам, на жизнь в Стамбуле хватает. Из одной умирающей греческой диаспоры в другую. Упадок, медленное поглощение внешним миром, «хюзюн», как стамбульцы называют меланхоличную ностальгию.

— Я видел Ариану.

— Говорил с ней?

— Нет.

— Надо поторопиться, Ферентину. Она уедет в пятницу.

— Откуда ты знаешь?

— Мы не единственные греки в Бейоглу. Я могу дать тебе ее номер.

— Позвонить ей?

— У тебя есть дело, которое так и висит неоконченное вот уже больше сорока лет.

— Задолго до того, как твоя нога вообще ступила

в Эскикей, — внезапно огрызается Георгиос. — Ты думаешь, что все знаешь, а на самом деле ни черта не смыслишь. Ты просто старый сплетник, вот ты кто.

Он поднимается из-за стола и бросает горсть монеток. Да, дело не окончено вот уже сорок семь лет, но Константин, устроившийся удобно, как блоха в изгнании в собачьей шерсти, думает, что все сводится к безответной любви. Любовь была, но время и политика превратили ее в желание оправдаться: Георгиос Ферентину боится, что Ариана Синанидис винит его в смерти Мерьем Насы.

Неджет не может вспомнить, когда его нога ступала в мечеть, но тело все помнит. Омыть ноги, руки, лицо, шею, уши. Омыть водой из сердца Хизира. Зеленый святой удалился, джинны тоже отпрянули к краю их мира, но он слышит их шепот, словно шорох листьев на ветру. Их всегда привлекают мечети, алтари, священные камни. Неджет оставляет в алькове кроссовки. По всей обстановке, от мозаики на полу до массивных медных светильников, Неджет понимает — Тюльпановая мечеть некогда была очень богато украшена, но постепенно обеднела, как и весь район в целом, и не может позволить

себе содержать охранника-пенсионера, который присматривал бы за обувью. Ковер под ногами толстый и мягкий, Неджет зарывается туда пальцами ног. Джинны толкаются у дверей в мечеть, трепещут и шелестят. Закон Аллаха запрещает им входить сюда.

Тарикат собрался под ложей, приподнятой платформой, где молятся представители аристократии, на пару метров ближе к Всевышнему, но Неджет пока что не присоединяется к ним. Он помнит другие, въевшиеся рефлексы. Он опускается на ковер лицом к михрабу[77] на колени и совершает земной поклон. Тело не забыло движения, а язык не забыл арабский. Ритуал овладевает им, растягивает мышцы. Он снова садится, положив руки на колени. Колоссальное умиротворение. Неджет поднимает голову и смотрит на кафельную облицовку купола. Там видны какие-то слова, растянутые и скрытые среди геометрических узоров, тайные слова. Если сосредоточиться, то он сможет их различить. Девяносто девять прекрасных имен Всевышнего, переплетающихся со стебельками и листьями цветов. Райские кущи цветут на плитке, которой

[77] Примечания: 77

Ниша в стене мечети, часто украшенная двумя колоннами и аркой, указывающая киблу, то есть направление, где находится Кааба в Мекке.

облицован купол. Что это за цветы? Тюльпаны. Это же Тюльпановая мечеть. Недждет внезапно осознает, что это красивое здание, а он ничего не знает о нем. Сколько ему лет, кто его построил и зачем? Роскошное здание, а он и не в курсе. Место, где он живет, дом дервиша… Он всегда воспринимал его просто как место для того, чтобы поспать, покурить, скрыться, а ведь у этого дома история, в него вплетены жизни, в нем жили святые. Он внезапно понимает, что дом дервиша очень и очень старый. Что появилось первым — текке или мечеть? Кто были те дервиши, что решили возвести там свой дом? Что привлекло Исмета и новых дервишей — здание, история, Всевышний или что-то еще?

— Мир вам, — говорит он и садится на ковер рядом с братьями.

Дервиши бормочут приветствия в ответ. Многие лица знакомы Недждету, поскольку эти братья бывали в текке, кто-то чаще, кто-то реже, но есть и совершенно незнакомые. Недждет всматривается в каждого по очереди: детали, отличительные черты. Это люди, индивидуумы.

— Во имя Аллаха приветствуем тебя в группе Адема Деде, — говорит Исмет. — Многих из нас ты уже знаешь, но это твое первое нормальное

вступление в тарикат. Мы видели вещи, которые нельзя объяснить рационально, видели, что ты говоришь и делаешь, а еще мы видели пророчества Аллаха. Мы хотим устроить тебе братскую проверку, чтобы понять, согласуются ли они с духом ислама или нет.

Теперь что-то говорит сидящий напротив крупный парень в полосатой рубашке. В обыденной жизни Неджет знает его как автослесаря. Его зовут Юсуф, и он второй по старшинству в ордене. Исмет продолжает:

— Всевышний повелел основать эту группу, чтобы исследовать, как правосудие Аллаха работает в современном городском обществе. Воля Аллаха вне времени, в ней нет подразделений, однако она, как алмаз при изменении освещения, может по-разному отражать лучи своими гранями. Мы чтим описанное в хадисах[78] и обращаемся к Корану как к непоколебимому фундаменту. В Священном Коране свет сияет ярче всего. В каждом слове нам показывают праведное общество, истинный шариат. Наша божественная задача — возблагодарим Всевышнего и его пророка Мухаммеда — применить этот идеаль-

[78] Примечания: 78

Сообщения о различных эпизодах жизни пророка Мухаммеда; его высказывания, переданные устным или письменным путем.

ный закон там, где люди в нем нуждаются: на улице, в семье, между людьми, между малыми предприятиями. Людям нужно правосудие. Наши судьи в лучшем случае равнодушные, в худшем — коррумпированные. Они далеки от жизни и судят, опираясь на человеческие ценности, а не ценности Всевышнего.

— Вечные ценности, — бормочет великан Юсуф.

— И это всегда имеет цену. Закон — это игры для богатых. Адвокаты жиреют на исковых заявлениях, контрактах и разводах. Они затягивают дела снова и снова, чтобы обобрать клиентов до нитки. Но почему закон должен хоть что-то стоить? Почему он должен быть доступен лишь тем, у кого туго набиты карманы или имеются влиятельные друзья? Это коррупция. Правосудие Всевышнего чистое и бесплатное. Этот тарикат, по воле Аллаха, занимается обучением братьев, чтобы они стали судьями в общинах. По всему миру мы встречаем примеры микрокредитов внутри какой-то общины, так почему бы не быть микроправосудию? Мы предлагаем новый шариат для тех, кто согласен соблюдать его установления. Мы хотим, чтобы правосудие осуществлялось быстро, справедливо, прозрачно

и в соответствии со Священным Кораном.

— А теперь у нас есть дело, чтобы по-настоящему проверить твою веру и способности, твои видения и пророчества могут значительно упрочить наше положение в общине, но сначала нам надо понять, исламского ли они толка или нет. Опиши, что ты видишь?

— Я вижу каких-то существ, живых тварей, не из нашего мира. Я видел сущности из живого огня, двойников людей, точные их копии, только под землей вверх ногами.

— А сейчас видишь что-то? — допытывается Юсуф.

— Нет, сейчас нет.

— Джиннам нельзя заходить в мечети, — поясняет Исмет. — Но сами они не противоречат Корану. Смотри суру шестую и суру семьдесят вторую целиком.

Юсуф поднимает палец:

— Брат, мы пока даже не установили, являются ли эти видения джиннами.

Исмет садится на место. Неджет чувствует, как внутри него поднимается волна спокойствия, приковывая его к мрамору. Он говорит:

— Я видел горящего младенца. В туалете на работе. Я видел еще духов внутри компьютеров.

— Мой брат работает в Центре спасения бизнеса, — перебивает его Исмет.

— Я видел улицы, заполненные ими, — говорит Неджет и снова слышит их шорохи, скрежет и скрип, это джинны сбиваются в кучу. — Они были на каждой машине, на всех улицах, я видел их на плечах у людей, в земле…

— Надо сделать скидку на современные интерпретации, — говорит Армаган, старший из братьев, с седой шевелюрой и внимательным, вдумчивым взглядом за стеклами очков.

— Разумеется, — кивает Юсуф, — продолжай.

— Я видел того, кто ими управляет.

Все невольно напряглись, застыли, еле слышно охнули.

— Можешь ли ты побольше рассказать об этом видении? — просит Юсуф.

— Хорошо, — говорит Неджет и понимает, что сейчас рассказать самое время, поскольку он чует, как по Тюльпановой мечети расползается зелень листвы, аромат цветов и запах глубокой воды. — Что-то вытолкнуло меня из офиса через служебный вход. Там были коридоры и туннели, которые спускались очень-очень глубоко, глубже, чем можно представить, под Левентом. Там есть фонтан, старый-престарый, еще с языческих

времен, но там все еще течет вода. И вот там он сидел, у фонтана.

— Кто? — уточняет Исмет.

— Зеленый человек, — говорит Неджет, и среди братьев расползается шепотом имя: «Хизир». Зеленый святой. Слава Аллаху.

Юсуф снова поднимает руку.

— Братья, прошу тишины. Брат Неджет, не мог бы ты описать этого зеленого человека?

— Это был старик в зеленом одеянии, он был словно бы старше всех на свете, но при этом и моложе всех. У него крючковатый нос и густая борода, как у старых османцев, и зеленые-презеленые глаза. Он пах водой, застоявшейся водой, глубокой водой, очень-очень чистой водой. Он мог улыбаться, но при этом наводить своим видом ужас. От него исходило ощущение опасности, дикой опасности, словно он мог вывернуть наизнанку весь этот город просто потому, что ему так хочется. Я очень испугался, но в то же время как я мог бояться? Его?

— Слава Аллаху! — восклицает Бедри, мальчик с востока, который работает в отеле «Таксим».

— Священный Коран… — быстро говорит Исмет.

— В суре «Пещера» нет прямого упоминания

имени Хизира, — говорит Юсуф. — Он — тот неизвестный, кто встретился с Моисеем, как говорится в той же суре. А еще он визирь Зуль-Карнайна.[79]

— Он здесь, — говорит Неджет.

Братьев охватывает смятение: благоговение и страх одновременно.

— Я вижу его, он прямо за тобой, Хасан.

Паренек с еле заметными усиками напрягается. Лампы в мечети на длинных цепях покачиваются от внезапного сквозняка. Неджет кланяется фигуре в зеленом, сложив ноги крест-накрест. Юсуф поднимает руки, в круге братьев снова воцаряется молчание.

— Братья, святой, возможно, среди нас, но Всевышний внутри нас. Брат Неджет, у меня вопрос. Ты был в том трамвае, в котором в понедельник взорвалась бомба?

— Да, был.

— Тогда погибла только смертница. Я бы не назвал это терактом, поскольку никто не заявил, что это теракт. Эти твои видения… они начались только после взрыва?

— Верно. Я пытался сбежать от полиции и уви-

---

[79] Примечания: 79
Праведник и великий царь.

дел голову.

— Голову? Какую голову?

— Ее голову. Той женщины, что взорвала себя. Я видел ее голову, висящую в воздухе, и из нее лился свет.

— Но до взрыва никогда таких видений не было? Нам нужно выяснить это.

— Никогда.

— Не думаешь ли ты, что, возможно, все эти джинны и даже сам Хизир могут быть чем-то типа иллюзии, галлюцинации из-за того, что ты был в зоне взрыва?

— Один мой приятель пострадал от курдского самодельного взрывного устройства, когда служил в Газантиепе, — говорит Неджметтин, тощий парень двадцати с чем-то лет с плохой кожей, который всегда казался Неджду близким по характеру и темпераменту. — С ним черт-те что творилось — не физически, а тут. — Он стучит по черепу. — Ужасы, такие, что вы бы и не поверили. Как будто какие-то твари жрут его живьем. Он видел себя самого идущим вниз по лестнице. Посттравматический стресс. Все об этом знают, но признавать не хотят.

— А я ездил в одно место под названием Дивриджан, — говорит большой Шефик, огромный

покорный медведь в человечьем обличье со странной рыжей бородой. — Служил там. Так там целая деревня вдруг начала видеть джиннов, ангелов и духов. Они все были курды, езиды, дьяволопоклонники.

— Мой брат видел, что девчонка из галереи беременна, — говорит Исмет. — Неджет сказал ей, что она беременна, поскольку видел ее карин под землей.

— А вот это, как мы уже согласились, не в духе ислама! — раскатисто произносит Юсуф.

Имам, пожилой ученый муж в очках с толстыми стеклами, ходит под женским балконом, проверяет плитку на стене, осматривает изношенный участок ковра, находит перегоревшую лампочку, но краем глаза следит за тарикатом. Он поднимает голову, когда братья повышают голос.

— Братья, это молельный зал, — говорит Исмет, но Неджет видит, как брат смотрит в упор на имама, и старик отворачивается.

— Брат Неджет, расскажи теперь о себе. Как ты очутился в доме дервиша у своего брата?

— Это к делу не относится, — цедит сквозь зубы Исмет.

— Но некоторые братья не посещают твои со-

брания в доме дервиша.

— Я поджег свою сестру, когда был не в себе из-за наркотиков, — говорит Недждет. — Я не был хорошим человеком. Я нигде не работал, был буйным, аморальным типом, не слушался родителей и не уважал ислам. Я употреблял наркотики, торговал ими, крал машины, крал деньги у соседей, вламывался в их дома и грабил, был зачинщиком драк и бил других просто потому, что мне так нравилось, я постоянно злился. — Все это время Недждет не сводит глаз с Хизира. Зеленый святой заставляет слова вытекать из него, как воду из источника. — Я поджег сестру, потому что она косо посмотрела на меня. Отец убил бы меня, но Исмет спас меня и привез сюда, чтобы присматривать за мной, увезти подальше от знакомых. Я был бесполезным, но Исмет предоставил мне тихое место и нашел мне работу.

— Я всего лишь предоставил убежище, — говорит Исмет.

— Признаешь ли ты, что нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммед является его пророком? — спрашивает Юсуф.

— Такое впечатление, будто я спал, или был погребен, или мои глаза просто не открывались, а теперь я проснулся и вижу. Мне кажется, до

сих пор я притворялся кем-то другим. Как такое возможно?

— Признаешь или нет? — снова спрашивает Юсуф.

— Силу Аллаха нельзя сдерживать, — говорит Исмет.

— Мы судьи, а не мистики.

— Не вижу разницы. Мы судьи и мистики. Если люди должны поверить нашим суждениям, то они должны поверить, что мы представляем волю Бога, а не человека.

— Дешевые шаманские штучки обесценят нашу работу.

— Это воля Аллаха в действии. Аллах дал нам редкий и ценный дар. Мы не обязаны понимать, почему, как и кому он его дает. Мы не можем понять. Единственное, что мы должны сделать, — принять его.

— Это суеверие.

— Оно привлекает людей.

— Ага, и полицию, — бормочет Армаган.

Исмет напускается на него:

— Пускай! Мы лишь покажем, как они слабы, как боятся, как далеки от истинных желаний и чаяний народа. Если они преследуют нас, это означает, что мы выполняем волю Аллаха. Пус-

кай приходят, покажем им, кто здесь сильный. Проголосуем. Что скажете, братья? Я считаю, дар от Всевышнего.

— Харам, — говорит Армаган.

— Халяль, — говорит молодой человек рядом, тот самый, с жидкими усиками, друг которого подорвался на самодельной бомбе.

Голосование идет по кругу. Модель понятна: молодые голосуют «за», а те, что постарше, «против».

— Нет, — говорит Юсуф. — Харам.

Но он знает, что проиграл в голосовании и утратил влияние в группе.

— Это в духе ислама, — говорит последний дервиш.

— Давайте не допустим разобщения, — говорит Исмет, протягивая руку Юсуфу. — Нет бога, кроме Аллаха.

— Нет бога, кроме Аллаха, — говорит Юсуф и пожимает руку Исмета.

Затем тарикат произносит короткую молитву, и братья поднимаются. Молодые дервиши толпятся вокруг Исмета. Они уже называют его «деде», то есть дедушка, это уважительное обращение к лидеру дервишей. Исмет Деде. Шейх Исмет.

Хизир все так же сидит на ковре. Что же ты

наделал, думает Недждет. Хизир отвечает голосом радостным, как весна: а кто говорил, что я добрый святой?

Исмет на прощание говорит что-то каждому из членов тариката, когда они уходят, кому-то жмет руку, кого-то хлопает по плечу, кого-то обнимает. Когда они надевают обувь и расходятся по гаражам, банкам, магазинам, поездам метро и такси, Недждет говорит брату:

— А что, если бы я проиграл в этом суде?

— Как нас могут уважать как кади, если наш суд не имеет веса?

— Не понимаю.

— Половина закона — это его исполнение. Даже нечестные судьи скажут тебе это.

Имам поднимает голову. Он хочет, чтобы эти ревностные молодчики, эти смутьяны, убрались восвояси. Он хочет вернуть свою прекрасную историческую мечеть. Исмет аккуратно разворачивает брата, укрывая его от взгляда имама, при этом распахивается его пиджак. За поясом брюк виднеется рукоятка пистолета. А снаружи в ярком свете джинны, словно скворцы, сбиваются в стаю.

— Красный? И что он?

Бесхун Ферхат сидит на возвышении среди кро-

ликов и птиц. У ее ног высятся огромные мешки с семенами овощей, фотографии баклажанов, перцев и здоровенных томатов, заретушированные настолько, что стали монохромными. По правую руку маленький столик, на котором стоит стакан с чаем, на пепельнице лежит сигарета «Собрание Блэк Рашен» в мундштуке из слоновой кости, испуская роскошный сладковатый аромат, а еще рядом сидит белый кролик на поводке.

Бесхун Ферхат — массивная женщина, которая похожа на гору, расширяющуюся книзу от макушки к цветастым шароварам и громоздким крестьянским ботинкам. Она пахнет розовой водой и маслянистым мускусом менопаузы, согретым внутри ее тела. В потемках птичьего рынка Бесхун носит круглые темные очки, будто бы хочет выдать себя за слепую, хотя Айше понимает, что это не так. Она кажется неподвижной среди всех этих клеток с домашними кроликами, щеночками, певчими птичками, этакий столп рынка.

Айше ненавидит это место еще по самым ранним воспоминаниям. Запах пропитанной мочой соломы и грязных животных переносит ее в прошлое, когда отец привез ее, пятилетнюю, сюда в выходной. Айше рыдала, глядя на щенков, жав-

шихся вшестером в клетке, и пыталась уговорить отца купить их всех и выпустить на волю. Они не остановились у этого прилавка, но ужасная женщина запечатлелась в памяти Айше.

— У него не клюет, — говорит Айше.

— Ни у кого не клюет, — отвечает Бесхун и делает глубокую затяжку — это неестественный театральный жест, в котором продумано все от нежного прикосновения кончиков пальцев к слоновой кости, легкого откидывания головы назад и тонкой струйки дыма, которая между птичьих клеток поднималась к минаретам Новой мечети. Бесхун замечает, что Айше смотрит на нее. — Хочешь, дорогая?

Айше зажигает сигарету, делает вдох и смакует пикантный экзотический русский вкус. Это напоминает ей о скоростном катере «Рива», коляске, запряженной лошадьми, изысканных вербальных дуэлях и почти состоявшемся сексе на пустых улицах рядом с площадью в тени мечети. Она выпускает тонкую струйку дыма из глубин горла.

— Знаете, надо мне такие чаще покупать.

— Я раньше курила «Самсун», но турецкие марки стали безвкусными после присоединения к Евросоюзу. — Кролик подергивает ушами. —

Итак, дорогая, тебя интересует наша фамильная реликвия? Красный рассказал тебе свои истории, да? От меня ты получишь еще одну историю. Тут все состоит из историй. Да, и еще раз да. Я Бесхун Ферхат, внучка хаджи Ферхата в десятом колене. Мы — подлинные наследники рода Ферхат из Искендеруна, хоть никто из нас там сейчас и не живет. Мы не живем там уже пять поколений. Ферхаты обитают в Стамбуле с 1895 года, но ты же знаешь, дорогая, что нужно куда больше времени, чтобы тебя признали коренным стамбульцем. А твоя семья, дорогая?

— Эркоч из Шишли. Это старинный род моряков. Моя мать Чалышлар из Мешрутийета, ее сестра вышла замуж за министра юстиции.

Бесхун кивает головой.

— Старый род. Вот. Дай-ка я тебе покажу кое-что. — Она ищет сумку. Айше отказывается искать вместе с ней. Бесхун достает лист пожелтевшей бумаги в пластиковой папке. — Это мое семейное древо. — Она скользит пальцами по стволам и веткам. — Видишь, я могу отследить весь свой род до Фахира Ферхата, старшего из сыновей хаджи Ферхата, того, что наблюдал, как запечатывали гроб. — Пальцы перепрыгивают к резкому сужению ствола. — Вот тут мы

перебрались в Стамбул. Видишь, сколько ветвей отмерло? В конце XIX века судьба отвернулась от нас. Смерти на войне, утопления, убийства, кровная месть, болезни и мор. Молодые мужчины, наследники, умирали молодыми, а некоторым даже не суждено было родиться, если ты понимаешь, о чем я. Аллах был жесток к Ферхатам, но справедлив. Он обрезал старые ветви, больные и рожденные от кровосмесительства. Он дал нам возможность дать новые побеги, и судьба снова улыбнулась нам.

Ага, и поэтому ты торгуешь в самом дальнем углу Египетского базара, думает Айше, хотя сигареты у тебя неплохие.

— Это было много лет спустя после проклятия Волосатого человека из Каппадокии.

Бесхун топает ногами в тяжелых ботинках и бьет по столику кулаком. Кролик пугается, выпучивает глаза и раздувает ноздри, но поводок уже слишком короток.

— Не оскверняй мой слух именем этого шарлатана! Не было никакого проклятия, не было никакого волосатого дервиша из дебрей Анатолии. Послушай, если ты умна. Моя семья была известна в Искендеруне как семья великих магов. Это всегда было источником наших богатств.

Сам хаджи Ферхат стал основателем семейной школы, он был купцом и путешественником, но обучался магии в тех странах, где бывал. Его интересы не знали границ, он общался с шейхами из Алеппо и Дамаска, повелителями джиннов из Каира, каббалистами из Триполи и заклинателями ангелов из Иерусалима. Он был на короткой ноге с самыми великими магами Персии и Индии. Он обучался вместе с ритуальными магами в Риме, магами-астрономами в Милане, регулярно посещал демонологов в Праге и Вене, состоял в переписке с Эттейлой[80] в Париже и лондонскими последователями Еноха.

Мужчина средних лет прогуливается среди клеток и спрашивает, чем кормить морскую свинку. Бесхун тяжело откидывается на стуле и вытаскивает вакуумную упаковку сена из ящика под клеткой со щенками. Совершеннолетний мужчина не должен держать у себя морских свинок, думает она. Один из щенков начинает отчаянно чесать ухо. Айше боится блох.

— На чем я остановилась, дорогая?

— На магах.

— Ах да. Хаджи Ферхат. Как любой хороший

---

[80] Примечания: 80
Французский оккультист и таролог.

отец, он хотел успеха и для своих сыновей, в семье и в жизни, а потому научил их по возможности магии. Эти знания передаются по наследству до сих пор. — Бесхун грубовато поглаживает кролика. Тот вздрагивает от ее прикосновений. — Но в то же время он был членом тайного тариката. Их штаб-квартира располагалась в Стамбуле, но привлекала братьев со всей империи. Это не было собранием магов, братство пользовалось большим уважением, в его рядах состояли шейхи и дервиши, а кроме того, многие выдающиеся люди из разных частей Фракии и Анатолии, но интересовали их более необычные аспекты религии. Они изучали не только суфизм, но и буддизм из Японии и Тибета, индуистские верования, христианских мистиков. Они верили, что существует священный язык — не арабский или иврит, латынь или греческий, не любой людской язык, а язык Божий, это письменный язык, и каждая буква в его алфавите отвечает за контроль над своей частью Вселенной. У братства возникли проблемы с некоторыми имамами из-за богохульства и подобных вещей, но у них хватило денег и политических связей, чтобы откупиться. Что ж, дорогая, ты в курсе, что сделал хаджи Ферхат и во что превратил себя, иначе ты не пришла

бы ко мне. И знаешь, что Медовый кадавр из Искендеруна исчез. А вот как это случилось на самом деле.

Бесхун зажигает новую сигарету. Айше берет предложенную ей сигарету. Курить на птичьем рынке не то же самое, что курить на улице. Это приемлемо для приличной женщины.

— Понимаешь ли, в истории о проклятии Медового кадавра достаточно правды, чтобы быть неправдой. Да, для моей семьи и впрямь настали трудные времена, но вовсе не из-за Медового кадавра. Да, был какой-то дервиш, но не бродячий суфий. Он был маг. А случилось вот что: мой прапрапрапрапрапрадедушка Ахмет решил, что единственный способ как-то поправить наши финансовые дела — это продать Медового кадавра. Заявки поступили со всех концов империи, из России, Египта, из британских колоний и даже из Китая. А потом пришло письмо. Словно гром среди ясного неба. Мы напрочь забыли о тайном обществе, о тарикате Божественного слова, но зато они не забыли о хаджи Ферхате. В письме говорилось, что человек обязан хранить верность своему тарикату, он приносил клятву, и хаджи Ферхат не переставал быть их братом, а потому у тариката Божественного слова есть железные

права на Медового кадавра. Как ты понимаешь, было не совсем законно продавать Медового кадавра, даже во времена Османской империи, поэтому мы не могли обратиться к судье. Тарикат предложил решение: позволить Всевышнему решить посредством дуэли магов — наши семейные маги против их. Никто не знает, что случилось дальше, поскольку никаких записей не осталось, все участники поклялись хранить тайну, и об этом никогда не говорили, но мой двоюродный прапрапрапрапрадед Нихат Ферхат, который так и не женился и посвятил себя изучению сочинений великого предка хаджи Ферхата, встретился с самым великим магом из тариката Божественного слова. Это была битва слов: старая магия устного слова против магии письменного слова. Мы проиграли. Мы отдали Медового кадавра. Наш род потерял все, распродал все имущество в Искендеруне и перебрался в Стамбул, чтобы поправить дела, — то были руины гордой семьи.

Две женщины медленно выдыхают ароматный дым.

— А тарикат Божественного слова? — спрашивает Айше.

— Его, как и другие тарикаты, уничтожил Ататюрк во время революции, — говорит Бесхун.

— Но мы же знаем, что ордена невозможно уничтожить, они просто уходят в подполье.

— Этот орден выбрали специально. Он был популярен у членов семьи султана и высокопоставленных правительственных чиновников, кроме того, в нем состояли и члены комитета «Единение и прогресс».[81] Говорят, что другие тарикаты подавляли, чтобы скрыть тотальное уничтожение конкретно этого.

— Никаких следов не осталось?

— Ты далеко не первая, кто пытается найти тарикат Божественного слова, дорогая.

Но идеи уже кишат в воображении Айше, как блохи на шкурке щенков, кружат, как мухи вокруг дерьма из клеток, завернутого в газеты, трепыхаются, как певчие птички в клетках. Хитрость в том, чтобы не дать истории заманить тебя в город, выстроенный из историй, где одна история наслаивается на другую. Стамбул — изустная культура. Старинная магия пробуждается к жизни благодаря устному слову. Историки, репортеры, писатели, охотники за древностями, даже психогеографы прежде всего ориентируется на слух, в итоге уши вводят их в заблуждение. У

[81] Примечания: 81

Политическая организация турецких буржуазных революционеров, так называемых младотурков.

Айше главное чувство — зрение. Правда всегда перед глазами.

Бесхун гладит своего кролика.

— Магия никогда не исчезает.

Ага, мне пора платить рассказчице, думает Айше.

— Способности все еще передаются к прямым наследникам от братьев из Искендеруна. У меня ограниченные способности, я умею лишь предсказывать судьбу. Хочешь?

— Давайте, — кивает Айше.

— Обычно я беру…

У Айше уже наготове купюра в двадцать евро.

— Машаллах,[82] сорок один раз, — бормочет Бесхун, доставая обувную коробку из-под стола. Коробка набита карточками, наклеенными на картонку, на каждой из которых написана строфа из Корана, пословица или строчка из стихотворения.

Бесхун убирает стакан и пепельницу под стул. Айше боится, что горящая сигарета теперь слишком близко от сена для морских свинок. Бесхун ставит коробку на бок, чтобы карточки чуть-чуть высунулись наружу, а потом ослабляет поводок

---

[82] Примечания: 82
Арабское ритуальное молитвенное восклицание.

кролика, берет его на руки, прижимается носом к его маленькому подвижному носику, а ртом к маленькой пасти и нашептывает какие-то заклинания. Айше вздрагивает.

— Это Сюлейман.

— Надо задать вопрос.

— Нет, дорогая. Сюлейман и так знает.

Бесхун переворачивает кролика вниз головой трижды, приговаривая:

— Стань моим ухом, стань моим слухом, стань моим ртом, все мне расскажи потом, правду расскажи, истину покажи!

Кролик Сюлейман трясет ушами, нюхает ряд карт, проходя его целиком три раза, а потом тыкается носом в одну из карт. Бесхун берет ее и кладет лицом вниз на стол. Кролик выбирает еще две карты. Бесхун аккуратно раскладывает их, а потом целует Сюлеймана промеж ушей, прежде чем снова пристегнуть его на поводок.

Бесхун с большой осторожностью переворачивает первую из карт. Аль-Баис. Одно из прекрасных имен Аллаха, написанное на арабском фломастером.

— Воскрешающий свои создания в день Страшного суда, — произносит Бесхун.

Она переворачивает вторую карту. У Айше

перехватывает дыхание. Театральность — более половины успеха любого оракула. Это старая карта, бумага пожелтела и вытерлась по краям, углы подклеены пожелтевшей клейкой лентой. На карте строка из Руми.[83]

— «Странная неизведанная доселе сладость растеклась по телу, и губы упивались сладким вкусом флейты и губами музыканта», — читает Бесхун.

Бесхун переворачивает третью карту. Там целый клубок строк на арабском. Пчелы, нарисованные фломастером и карандашом, жужжат вокруг слов, у некоторых в лапках маленькие ведра с медом. Это сура шестнадцатая.

— «И внушил Господь твой пчеле: „Устраивай себе жилища в горах, в деревьях и в людских постройках. Питайся всеми плодами, летай смиренно по путям, устроенным твоим Господом“. Из внутренностей их питье выходит сладкое различных цветов. В нем есть исцеление и польза для людей».[84]

Бесхун пододвигает карты в центр стола.

— Ну что, дорогая? Тебе ответили?

---

[83] Примечания: 83
Выдающийся персидский поэт-суфий.

[84] Примечания: 84
Сура «Пчелы», 16:68–69.

— А вы что думаете?

— Ты его не найдешь. В Стамбуле слишком много секретов, слишком много историй.

Айше оставляет на столе еще одну банкноту в двадцать евро. Она медленно идет в солнечных очках по проспекту Йени-Джами, ослепленная солнцем после темноты рынка, и вдруг у нее начинает нехорошо сосать под ложечкой: она тут не одна. Она не понимает, как это узнала, но за ней определенно следует машина. Айше ставит сумку на коробку с кнопкой, которую надо нажать, чтобы загорелся зеленый свет светофора, и пользуется этой возможностью, чтобы просканировать улицу. За рулем автомобилей мужчины. Это может быть любой из них. Водитель серебристой «шкоды» задержал на ней взгляд чуть дольше положенного? Богатства и заговоры. Скрытые истории. Магическое мышление. Ей нужно заглянуть в книжный и найти потерянных дервишей.

Маленький детектив и его закадычный друг робот-обезьяна пробираются по темным заброшенным коридорам вверх и вниз по затерянным лестницам. За сто с лишним лет после того, как Анкара своим декретом запретила существование текке, застройщики и жители делили и

расчленяли огромные пространства, принадлежавшие дервишам: то пристраивали балкон, то присоединяли флигель, то отгораживали лестницу, разбивали большие комнаты на более мелкие, в итоге затерянными остались целые помещения, располагавшиеся в непосредственной близости, но навеки отделенные от населенных частей дома дервиша. Здесь пролегали пути, известные лишь крысам, тощим кошкам, которые охотились на крыс, и девятилетним мальчикам. Обычно в туннелях и закрытых коридорах Джан вел пальцами по стене, чувствуя вибрацию внешнего мира, его людей, его крики, голоса и музыку, усиленные деревом. Сегодня он слишком взволнован и перепрыгивает через ступеньку. Обезьянка рядом с ним самопроизвольно рассыпается на уйму составных частей, а потом преобразуется в Змею, которая снова и снова перевоплощается, собираясь в новые комбинации, подхватывая радостное возбуждение своего хозяина. У маленького детектива есть ключ к разгадке, настоящий ключ, как в детективах по телевизору.

Сначала формальности. Джан вынимает беруши, аккуратно очищает их от ушной серы, чешуек кожи и всякого дерьма, что на них скапливается.

Слышимый мир обрушивается на него. Сердце глухо стучит, но не в панике, хаотичные узоры из ионов натрия поляризуются и деполяризуются на его поверхности, но в чистом восторге от того, что полноту обрели все те звуки, что он ощущал лишь кончиками пальцев. Господин Ферентину заваривает чай. Джан не любит чай, но любит, когда ему предлагают чай. Это настоящий мужской разговор.

Господин Ферентину в плохом настроении сегодня утром. Он открыл дверь в плохом настроении, он заваривал чай в плохом настроении, он с дребезгом поставил на стол блюдца в плохом настроении.

— С вами все нормально? — спрашивает Джан.

Господина Ферентину застает врасплох прямолинейность вопроса. Он сердится, фыркает, а потом смягчается.

— Я кое с кем поссорился.

— Люди в вашем возрасте ссорятся?

— Люди никогда не перестают ссориться, — говорит Ферентину. Джан думает о тех вибрациях, что время от времени доносятся до него через стенку спальни по ночам, очень мягкие, ритмичные звуки, высокие и низкие, сначала долго-долго говорит мать, потом коротко отец и снова долго-

долго мать. Родители ссорятся, когда знают, что сын их не слышит. — В моем возрасте ссориться опаснее, поскольку есть вероятность, что не успеешь помириться.

Джан понимает, что он говорит о смерти. Джан знает о смерти. Он вынужден думать о ней каждый день.

— И что вы сделаете?

— Я помирюсь до того, как этот упрямый придурок помрет. Я ему позвоню. Боже, что за болван.

Джан кладет пластиковый пакетик с уликой на стол. Он с трудом сдерживается, ерзает на кресле.

— Я кое-что нашел. Это ключ.

— Что ты сделал? — спрашивает господин Ферентину.

— Тот кусок робота, что я нашел… я запостил его фотку на сайте конспирологов.

— На сайте конспирологов?

— Ну да, Gladio.tr.

Господин Ферентину закатывает глаза и что-то произносит на своем тарабарском языке. Джан понимает, что это плохой знак.

— Да будет вам известно, юноша, что МИТ следит за такими сайтами.

— Но у меня улика, — упорно твердит Джан. Его

битбот принял обличье Крысы и сидит теперь на плече, шевеля силиконовыми усиками. — Я нашел того робота, ну того, что гнался за мной.

— Похоже, мы увязли по самые уши. Расскажи, что ты нашел.

— Это номер с часси… ммм… хасси, — Джан запинается на иностранном слове. — А! Вспомнил! С шасси! Короче, это фабричный идентификатор. Это версия маневренного робота Nissan A840. Номер лицензии NPM21275D. Их производят для исследования труднодоступных мест, например, на высоте, в туннелях или под напряжением, допустим, для работы с электросетями и силовыми станциями.

Ферентину кивает. Он впечатлен.

— Итак, мы знаем, где он произведен.

Тут Джан начинает подпрыгивать на стуле.

— Но я знаю и куда он отправился! Я знаю, кто его купил! Есть такой сайт отслеживания ботов. Botsearch.tr. Он на английском, но у турецких пользователей там свой подфорум на турецком. — Джан кликает по экрану из смарт-шелка, по книге, которая содержит в себе все остальные книги, а потом переворачивает страницу, чтобы посмотрел и господин Ферентину. — Видите? Произведен в мае 2024 года, сдан в лизинг в июне

2026 года компании «ТИК», что такое лизинг?

— Ну это типа аренды. «ТИК» — большая компания, которая занимается инфраструктурой.

— Да, они строят мосты и Мармарай, я знаю, — говорит Джан. — Это большая энергетическая компания, они тянут электропровода и устанавливают опоры линии электропередач. Это ведь тоже инфраструктура, да?

— Еще как, господин Дурукан.

— Робот был у них до прошлого октября, а потом его отстранили, поскольку он слишком часто ошибался.

— «Он», «его». Ты сказал «его».

— Да?

— Да. Забавно, что мы считаем, что роботы мужского пола. Продолжай.

Джан часто не понимает лирических отступлений господина Ферентину и его отвлеченных мыслей. Он хмурится сосредоточенно. Так делают все детективы.

— Затем о нем какое-то время ничего не было слышно, а потом он снова появился в продаже, уже здесь, в апреле месяце. — Клик. Окошко открывается. Аукцион «Самаст» в Каймшдаги.

— Ты знаешь, кто его купил?

— Нет, покупатели заплатили наличкой. Как

вы любите говорить, наличка — царь и бог.

— Да, это первый урок, который должен усвоить любой уважающий себя террорист, ну или борец за свободу. Ты провел прекрасное расследование, но здесь следы, похоже, теряются. От аукциона до обломков на нашей улице довольно далеко.

Джан кипит от волнения, он почти пищит от удовольствия, выхватывает экран у господина Ферентину и открывает новые страницы проворными молодыми пальцами.

— Помните, я вам говорил про фанатский сайт?

Новая страница озаглавлена «Слежение», две трети ее заполнены информацией о NPM 21275D. О том самом роботе. Время и даты: 15:30, 18 января 2027, 09:25, 22 февраля 2027, 14:04, 2 марта 2027 года. А еще места: проспект Деребою, проспект Мерич, улица Эврен.

— Это и есть «краудсорсинг»?[85] — спрашивает Джан. Он выучил это умное слово от господина Ферентину. Ему нравится сама идея: бросить вопрос в мир, чтоб кто-то, или все вместе, ответили.

— Да, теперь это так называется, — Господин

---

[85] Примечания: 85

Решение общественно значимых задач силами множества добровольцев.

Ферентину хмурится, а потом наносит адреса с сайта на карту.

Картинка, вид с высоты полета аиста, кружится, а потом захватывает и восточные пригороды. Звездочки начинают появляться среди плоских крыш жилых кварталов — это те места, где программы слежения, девятилетние мальчики и старики, которым нечем заняться по утрам, отследили робота NPM 21275D.

— Видишь, как они близко? — спрашивает господин Ферентину. — Террористы обычно формируют маленькие локальные сети, которые лишь периодически связываются с глобальными.

— Террористы! — ахает Джан.

— Ну я так думаю, господин Дурукан.

И тут господин Ферентину проделывает один из этих фокусов, на которые Джан так любит смотреть, но не совсем понимает. Не удаляя отметок, он накладывает на карту карты других Стамбулов — те, на которых отмечено, сколько времени потребуется, чтобы дойти на работу, как далеко люди отправляются купить еду, где проходят линии электропередач и маршруты долмушей. Автобусные маршруты, уровни задолженности, водопроводные сети, возраст мечетей,

газопровод. Тут Ферентину останавливается. Джан ведет пальцем по карте. В центре созвездия перемещения робота находится маленький клубок голубых линий.

— Компрессорная станция Кайишдаги, — говорит господин Ферентину.

Они с Джаном ведут пальцами вдоль синих линий. Джан помнит зимы, когда он коротал время за книжками с головоломками, которые отец купил ему в киоске Айдына. Надо было соединять точки; испытываешь удовольствие, предвкушая готовую картинку, которая становится все понятнее и понятнее с каждой точкой. Найти центр в лабиринтах было легко, а награда за это полагалась не особо щедрая: плитка шоколада, ангелок или статуя. Настоящую радость можно ощутить, следуя за, казалось бы, тупиковыми линиями и воображая, какие сокровища могли бы лежать за пределами страниц: потайные двери, другие миры.

Жирные вены бегут во все стороны, на север и юг, чтоб соединиться с другими узлами, на восток в Анатолию, а затем на Кавказ, к газовым месторождениям Центральной Азии, на запад к Стамбулу, под Босфором к Балканам и Южной Европе.

— Газопровод «Набукко»… — Джан резко замолкает.

Господин Ферентину захлопывает экран и прижимает его к груди.

— Довольно. Хватит. Это и так уже слишком. А теперь тебе пора.

— Но, господин Ферентину…

— Нет-нет, даже не говори мне больше об этом. Не занимайся этим, Джан, понятно? Я начинаю кое-что понимать, и меня это очень пугает. Мы с тобой не детективы, и это не телепередача. Серьезные преступления и террористические заговоры не раскрывают старики и маленькие мальчики. Это дело полиции и спецслужб, с пистолетами. Обещай, что больше не будешь заниматься этим. Ты должен дать мне честное слово, в противном случае ты больше ко мне не придешь.

— Так нечестно, — начинает было Джан, но тут же прикусывает язык, потому что эти слова обычно орут малыши, а между ним и господином Ферентину всегда существовали джентльменские правила, они ведь даже обращаются друг к другу «господин». Господин Ферентину совершенно серьезен. Джан смотрит ему в глаза, отчего старику всегда не по себе, и произносит: — Хоро-

шо. Я обещаю.

Но это ложь. Нет, не ложь, а что-то другое. Просто пометка «не применяется». Крыса сидит у него на плече, а все знают, по крайней мере в его спецшколе, что обещания, данные в присутствии крысы, не имеют силы.

Разговор с Тюркан-беем, владельцем жилого комплекса «Блаженство», происходит от начала и до конца через домофон.

— Мехмет Али Языджоглу, — повторяет Лейла.

— Этот мерзавец, сутенер, недоносок, этот гомосек, мошенник, уклоняющийся от уплаты налогов и отмывающий деньги, эта сволочь, болеющая за «Бешикташ», это ничтожество… если Всевышний все видит с небес, то этот гад закончит свои дни замурованным в фундамент перехода на E018…

Лейла делает шаг назад к решетке, чтобы прервать поток ругательств.

— Привратник сказал, что вы распродали содержимое его квартиры.

Пауза.

— Вы ему не родственники?

— Дальние.

— Ну, кто-то должен мне арендную плату за два месяца. За два!

— Господин Озкек, куда вы дели его личные вещи?

— Ни черта я не получил за эту кучу дерьма. У вас деньги есть?

— Господин Озкек, назовите имя дилеров.

— Какая-то лавчонка в Сейитназам. Все, я спускаюсь. Разберусь с вами лично. Стойте где стоите. Я иду.

Лейла пулей мчится на своих высоченных шпильках. Она велела Яшару ездить по кварталу, поскольку припарковаться рядом с офисом Тюркан-бея в Инебей практически невозможно. Ну где же он? Где?! Пожалуйста, только не ДТП, не затевай драку у светофора, чтобы никакой полиции. Ага, вот он переваливается через трамвайные пути. Машина не останавливается, когда Лейла открывает дверцу и плюхается на пассажирское сиденье.

— Поехали! Давай! Давай!

Яшар встраивается в поток машин. Лейла видит грузного мужчину с покатым лбом, тяжелой челюстью и внушительными усами, который стоит в дверях офиса и оглядывает улицу. Когда машина проезжает мимо, Лейла пригибается, но это движение привлекает его внимание. Он узнает девушку с камеры домофона и обдумы-

вает погоню, но в итоге довольствуется тем, что потрясает в воздухе кулаком и орет.

— Дай я догадаюсь. Он все еще хочет свою арендную плату.

— Веди давай, а то он может поехать за нами.

— Тебя, скорее всего, иначе учили на твоем маркетинге, но аренда имущества никогда не казалась мне достойным способом заработать, — философствует Яшар. — Использовать деньги, чтобы зарабатывать деньги.

— А мы разве не тем же занимаемся? Пытаемся раздобыть денег, чтобы заработать еще больше? — парирует Лейла.

— Нет, мы пытаемся раздобыть денег, чтобы создать что-то, что изменит мир. Заметила два слова в серединке? «Создать что-то».

— Комиссионки в Сейитназам, — говорит Лейла, когда они меняются местами на бензоколонке.

«Хазине», почти тут же выпаливает Яшар и высвечивает навигационная система. Ехать, ехать, бесконечно куда-то ехать, вертеться по огромному раскаленному городу между дешевыми домами в новых пригородах, офисами, сдающимися понедельно, черными мраморными атриумами и бизнес-апартаментами с видом на

Босфор. Сколько водителей и пассажиров вокруг нее бесконечно снуют по магистралям, кольцевым дорогам и перекресткам Стамбула, так и не добираясь до центра, так и не добираясь никуда. Днем у них встреча с «Давай, нано!», лидирующей маркой на рынке нано. После этого надо сделать еще множество звонков в офисы компаний, занимающихся нано, в фирмы с частным акционерным капиталом и венчурные фонды. Лейла даже предположить не может, когда ей удастся заползти наверх по скрипучей деревянной лестнице дома дервиша. Мысль о сегодняшней встрече напоминает Лейле о вопросе, который терзал ее.

— Как так получилось, что ты работаешь с Асо?

— Мы познакомились в университете Анкары, а потом вместе пошли в университет Биликент. Это единственное достойное место, если ты хочешь чего-то добиться в области нано.

— Странная парочка.

— Странная? Что ты имеешь в виду?

— Ну, я никогда не считала… ммм…

— Курдов?

— Ну да, курдов. Не похожи они на ученых.

— Да? А какие они, по-твоему?

— Ну, я никогда не слышала…

— Ага, курды пасут овец, совершают убийства во имя чести, а больше всего любят кровную месть.

— Нет, — она так не думала, не такими словами, картинками или клише, но предубеждения словно вода, они просачиваются в нее, будто в системах полива в пленочных теплицах, через семью, друзей, телевидение, новости, мечеть и школу: курды консервативные и замкнутые, они живут по собственным правилам и обычаям, курды и не граждане Турции толком. Это фундамент, на котором строятся все ее представления о курдах. Она простая расистка из Демре. Вот она, уродливая правда.

— Парень — гений, — говорит Яшар. — Я делаю грубую работу: проектирую молекулы, провожу расчеты и строю компьютерные модели. А Асо мыслит шире. Он провидец. Он из тех, кто видит на десять, пятьдесят, сто лет вперед и знает, что с нами всеми тогда будет. Он видит это ясно как божий день. Это меня чертовски пугает, но он видит будущее, смотрит в него, как на солнце, и оно его не слепит. Или и это курдам не положено?

— Яшар, прости…

Звонит дядя Дженгиз, он велит сделать крюк

в Бакиркей и захватить двоюродного брата Наджи.

— Он хороший парень… и крупный. Таэквондо занимается.

— А чем мне пригодится брат со знанием таэквондо? — спрашивает Лейла.

— Я тут пил чай с Главным и спросил, не знает ли он, кто может крышевать делишки в жилом комплексе «Блаженство», где жил Мехмет. — В любом городке, в любом квартале есть свой Главный. У него множество прозвищ и почтительных обращений, но все сводится к тому, что он большая шишка. Главный чаще всего сидит. В основном на улице. Пьет чай литрами, может, даже курит. Соседи приветствуют его. А он выгуливает свою собаку, которая и дома-то никогда не бывает. Он со всеми знаком и улаживает проблемы. Он принимает небольшие подарки и находится под защитой у местных. — Я дал ему описание того парня. Он сказал, что по описанию похоже на Абдуллу Унула. Он работал с русскими, типично русский бизнес: рэкет, торговля людьми и прочее дерьмо типа этого. Главный слышал, что теперь этот тип дает деньги в долг.

— Значит, у нас деньги Абдуллы Унула.

— Лейла, еще он сказал, чтоб вы были очень

осторожны. Абдулла Унул работал на русских. В их стиле, понимаешь. Лейла, думаю, тебе не повредит взять с собой кого-то еще, поэтому и отправляю с тобой Наджи.

— А вы никогда не думали, что неплохо бы позвонить в полицию? — спрашивает Лейла.

— В полицию? — Шок и стыд в его голосе заглушают гул шин. — Но тут же семейное дело, нет-нет.

Двоюродный брат Наджи околачивается около десятиметрового вращающегося пластикового дервиша, который зазывает посетителей в ресторан «Челеби» для туристов по ту сторону от пыльного парка, пропахшего выхлопными газами с автострады, поодаль от гордиева узла развязки Атакей.

Наджи крупный, широкоплечий, слегка насупленный парень двадцати с небольшим лет от роду, в тренировочных штанах и белоснежной футболке «Адидас». От него пахнет кондиционером для белья. Двигается он изящно, с непринужденной грацией. Яшар явно терпеть не может Наджи, поэтому Лейле тот нравится по умолчанию. Два парня в элегантных светло-голубых комбинезонах и симпатичных галошах моют машину, пока Яшар обыскивает магазин

на предмет какого-нибудь перекуса и безалкогольных напитков. Лейла смотрит на медленно вращающегося дервиша, одна рука которого обращена к Всевышнему, а вторая указывает на землю. Сквозь сердце проходит линия единства. Здесь родилась нанотехническая революция — так Лейла и скажет, когда у нее будут брать интервью для раздела новостей под заголовком «Люди, которые потрясли мир».

Заднее сиденье в «пежо» модели 2020-го не было спроектировано под Наджи. Даже прижав колени практически к подбородку, он все равно напирает на передние сиденья. Лейла чувствует, как машина накренилась назад, и передние колеса едва касаются дороги.

— Какой у тебя пояс? — спрашивает она Наджи.

— Черный.

— А дан?

— Пятый. Разрешение как на боевое оружие.

Комиссионный магазин «Хазине» представлял собой запирающийся на подъемные ворота отсек позади жилого дома рядом с автомагистралью D100. Вместе с пылью в воздухе висит ощущение дешевизны и посредственности. Балконы уже отваливаются от зданий, под креплениями на

стене видны небольшие подтеки ржавчины. На воротах граффити, призывы к Аллаху, Ататюрку и футболистам. На улице стоят пикапы «тойота». Комиссионка «Хазине» — базар последней инстанции. Покупаешь у тех, кто отчаянно хочет продать, а потом накручиваешь цену, насколько возможно. Внутри полки до потолка, забитые мини-мотоциклами, электрогитарами, свадебными платьями, музыкальными центрами, велосипедами, дизайнерскими солнцезащитными очками. Тут же всякая бытовая утварь в ярких оранжевых звездочках, на которых маркером написаны цены. Целая коробка цептепов. Каждый предмет здесь — крах чьих-то надежд. Слишком завышенных надежд. Это не ломбард, нет, ни в коем случае. Ломбарды сродни ростовщичеству, а это харамное занятие.

Тургут-бей в костюме с иголочки и с улыбкой выглядит очень пристойно.

— Продажа имущества, оставшегося от жильцов. Да, мы этим занимаемся. Делается это так: мы платим фиксированную плату, еще не видя квартиры, а потом я отправляю своих мальчиков, чтобы все рассортировали и разложили по коробкам. Я получу гораздо больше, если все будет рассортировано, особенно за всякие антикварные

вещицы. Дилеры специализируются каждый на своем: кто-то на книгах, кто-то на фарфоре, кто-то на антиквариате.

— Вот этот адрес.

Лейла написала адрес на бумажке. Ей не нравится сама мысль об обмене информацией с этим мужиком через прикосновение. Тургут-бей пожимает плечами:

— Вам надо спросить у мальчиков.

Они действительно мальчики, чьи-то сыновья и двоюродные братья в кожаных пиджаках, водители фур, поигрывающие ключами. В стеклянном отсеке, который служит офисом, Тургут-младший показывает на экране таблицы.

— Двадцать коробок всякого хлама, рассортированы, — объявляет Тургут-младший. На бетонном складе жарко и пыльно, здесь пахнет чужими мелкими горестями.

— Мы ищем кое-что особенное, — говорит Лейла. — Это фамильная реликвия, миниатюрный Коран, вернее, его половинка. Вы его, наверное, заметили.

— Честно говоря, у нас тут столько всего. — Тургут-младший кликает по экрану. — Настолько подробно мы уж не каталогизируем. Вот одна коробка с религиозными принадлежностями.

Вам повезло.

— Можно поинтересоваться, кто ее купил?

— Это коммерческая тайна.

Первая за день двадцатка на текущие расходы покидает свой шелковый гарем. Зелиха неохотно выдала ей деньги. Лейле нужно еще раз напомнить про трудовой договор.

— Вот этот парень купил. Один из наших постоянных клиентов. Любит всякие религиозные вещицы.

Тургут-младший открывает квитанцию на весь экран. Коробка ушла за двадцать евро, столько же заплатила ему и Лейла. Разумеется, нет никаких гарантий, что половинка Корана находилась в коробке, а если она там и была, покупатель мог перепродать ее. А может быть, Абдулла Унул разжал пальцы Мехмета Али молотком-гвоздодером и отнял Коран. Смертоносный Обладатель Черного пояса Наджи рассматривает байк. Лейла надеется, что вида Наджи будет достаточно.

«Топалоглу. Искусство и антиквариат», улица Кавафлар, Гранд-базар. Надежды Лейлы тают, как дым. Миниатюрные Кораны из разряда тех сувениров — аутентичных, с восточным колоритом, легких и почти не нарушающих рамки приличий, — которые так нравятся туристам.

Половина Корана привлекает куда меньше внимания. Настолько меньше, что этот Топалоглу вполне мог выкинуть его. Можно рехнуться от всех этих размышлений. Пока что ясно одно — у них с Асо через два часа встреча с «Давай, нано!», и ей надо принять душ, переодеться и отрепетировать речь.

Лейла начинает привыкать к тому, что братец Наджи загораживает зеркальце заднего вида. Кондиционер для белья пахнет куда приятнее, чем этот автомобиль изначально — замшелый дизайнер нано и гниющая еда. Коврик под водительским сиденьем усыпан крошками всякой еды. Туфлям это не на пользу.

На виадуке Лейла жмет на газ и впихивает «пежо» в чудесным образом открывшийся зазор между такси и эвакуатором. До того как взяться за эту работу, она даже не обращала внимания, сколько на дорогах эвакуаторов.

После того как автобус увез одетого в униформу Аднана Сариоглу из Эрзурума после шести месяцев в Краю Возможностей, он поклялся честью отца, жизнью матери, мужественностью брата, непорочностью сестры и бородой пророка, что больше никогда сюда не вернется. Всевышний, зная людей, не ценит ни честь, ни непорочность,

ни даже жизнь, но обожает нарушать клятвы во имя своего пророка. Так что по воле Аллаха Аднан Сариоглу оказался в Эрзуруме через семь лет после того, как хитростью перевелся отсюда в туристическую полицию в Даламане: разве кому-то надо, чтобы парень, говорящий на английском, подорвался на самодельной бомбе? Ну на самом деле он оказался не «в» Эрзуруме, а «почти в». В аэропорту Эрзурума. На голом летном поле на пронизывающем мартовском ветру, который грозил дождем со снегом троим мужчинам в стамбульских костюмах и темных очках.

— Какого черта мы тут делаем? — спросил Кемаль, мучившийся от похмелья и подавленный необъятностью неба.

— Я хочу, чтобы вы увидели и поняли, — сказал Аднан. — Я не торгую тем, чего не видел.

— Ты торгуешь природным газом, — хмыкнул Огюз, — и маленькими наборами циферок, которые ты называешь контактами.

Своим коллегам в отделе контроля и в торговом зале они рассказали, что собрались на мальчишник, проехаться на байках по Дикому Востоку. Самолет перенес их над высушенной Анатолией цвета охры и болезненно-синими озерами в долине Тигра и Евфрата. В бизнес-классе ма-

ленького «Эмбраера» было всего восемь мест, и ультралорды Вселенной купили их все и кричали друг другу через проход в отсеке, отделенном от салона занавеской.

Кемаль всю дорогу пил и приставал к стюардессе. На ее лице застыла маска из смеси неприязни и толстого слоя тонального крема.

— У них тут фестиваль арбузов, — сказал Кадир, пока они тащились по мокрой, продуваемой ветром площадке от самолета к ожидавшему их чартерному вертолету. — Прочел в журнале в самолете.

— И что полагается делать? — спросил Кемаль. — Запихивать арбузы друг другу в задницы?

— Никогда не суди о городе по его аэропорту, — заметил Аднан, поправляя темные очки на носу. В ветре чувствовался лед с Арарата, а он забыл сказать, чтобы все захватили пальто.

— Напротив, суди о городе исключительно по его аэропорту, — буркнул Огюз.

В вертолете напитки не предлагали. Кемаль весь полет сидел, прижавшись лбом к вибрирующему стеклу и глядя на пустынную ширь востока. От стекла на лбу остался красный след.

— Ты выглядишь как шиит в день Ашуры,[86] — сказал Огюз.

Аднан первым заметил серебристый сборный трубопровод, который тянется через горный хребет и долины, через деревню и потрескавшееся поле, поднимаясь по склонам и пересекая снежные равнины. Он жестом попросил пилота пролететь над трубопроводом.

— Можете спуститься? — прокричал Аднан.

— Это бесполетная зона! — прокричал пилот в ответ. — Ограничение по высоте!

— Как низко можете пролететь?

— Ну, ниже тридцати метров я бы снижаться не стал.

Аднан усмехнулся за стеклами черных летных очков, которые заставил купить всех своих сообщников в аэропорту Ататюрк, чтобы они выглядели как бандиты. Он показал пальцем вниз.

— Приземляйтесь.

Транзитный пункт Чалдыран выглядел чужеродным объектом, базой оккупантов, сооруженной из серебряных труб и рифленых железных кубов, ограждений из проволочной сетки с желтыми предупредительными знаками, солнечных

---

[86] Примечания: 86

У шиитов — день поминовения имама Хусейна, павшего мученической смертью; в этот день многие истязают себя до крови.

батарей и вентилей, и все это — посреди вытянутой в длину долины из пожелтевшей за зиму травы и лоскутов горной породы. По обе стороны высились припорошенные снегом горные хребты в белых шапках. Вертолетная площадка и двухколейная дорога врезались в поверхность, словно раны, а по склонам бежали тропы для скота. Три трубы напоминали стальную буквы «У», своего рода трискелион.[87]

— Ну и дыра. Ты тут служил? — спросил Кемаль.

— Я служил в Эрзуруме, а сюда мы выезжали на учения. Ты бы видел здешние места весной. Цветы просто невероятные. Можно стоять часами и слушать… тишину.

— То весной, — хмыкнул Кемаль, заворачиваясь в пиджак. Алкоголь, высота, низкое давление и делирий в мягкой форме пробрались в его кровь и выморозили изнутри. — Так и слышу, как голос нашептывает мне: «Переохлаждение, переохлаждение».

— Тут вообще кто-то работает? — поинтересовался Кадир.

— Я вижу парня с отарой овец. — Кемаль поко-

[87] Примечания: 87

Древний символический знак, представляющий собой три бегущие ноги, выходящие из одной точки.

сился на равнину. — И с АК-47.

Свет режет глаза, отражаясь от сугробов.

— Станция автоматизирована, — сказал Аднан. — Наладчик приезжает из головного офиса в Эрзуруме раз в месяц, чтобы убедиться, что все работает и местные не распродали трубы на металлолом.

— А заодно полюбоваться дикими цветочками и послушать прекрасную тишину? — ухмыльнулся Кемаль.

— Кемаль, заткнись, — огрызнулся Кадир. — Я вижу трубы. А теперь покажи мне, как ты все провернешь.

— Огюз у нас ультралорд Трубопровода, — сказал Аднан.

— Да очень просто. Небольшое мошенничество с природным газом, — объяснил Огюз. — Чалдыран изначально построили как приемное устройство для газа из иранского месторождения Маранд, чтобы качать его отсюда по трубопроводу «Набукко». Только после закрытия Зеленой ветки Озер и партнеры в «Набукко» сообразили, что Чалдыран может служить обводным каналом вокруг Эрзурума в случае случайного выключения или политических катаклизмов.

Кадир перевел взгляд на горы по бокам. Он все-

гда был надменным, высокомерным и дотошным. По его жилам бежит кровь османских пашей.

— Азербайджанцы, грузины, армяне, курды и с полдесятка исламистских группировок хотели бы вышвырнуть нас из ЕЭС и передать в руки мулл, где нам и место. Не говоря уж о самих иранцах.

— Ну местные довольно дружелюбны. Эта система позволяет сделать простую перекачку. Лорд Драксор не тратил время зря. Мы организуем перекрытие «Набукко» в Эрзуруме. Газ здесь отводится, но мы контролируем Чалдыран. Мы уже подводим газ с Зеленой ветки к станции в Кхой.

— Они не заметят отставания во времени?

— Огюз подгонит все до минуты, — сказал Аднан. — Тютелька в тютельку.

— Компьютеры продумают все мельчайшие детали, — добавил Огюз. — Никто никогда не заметит.

— А бакинский газ?

Аднан пожал плечами:

— Подержите его в трубе, выпустите, сожгите, перегоните еще дальше по Зеленой ветке, пусть бедные вдовы в Маранде три месяца готовят бесплатно. Мне важно, что я продаю иранский газ на стамбульском рынке по бакинским ценам.

И снова Кадир вглядывается в горы и на облака,

которые плывут по голубому небу.

— Это кража.

— Мы просто меняем одну партию газа на другую, — возразил Аднан. — У Озера остается прибыль с бакинского газа, иранцы получат наличку, а мы — разницу. Это не игра с нулевым исходом.

— Ты говоришь о каких-то конкретных иранцах?

— У меня есть свой человек.

— Ну, предлагаю вздрючить твоего иранца, а меня отвези, мать твою, в Стамбул, пока в Иране еще что-нибудь не рвануло и не зажарило мои яйца, — проворчал Кемаль, перетаптываясь с ноги на ногу, скрючившись и засунув руки поглубже в карманы.

«Свой» иранец — белокожий, сладкоречивый парень с бегающими глазками, с похожей на сено бородой, хорошим маникюром, но в дешевых ботинках, утративший былую мощь последователь аятоллы,[88] который на цептепе просматривает те же социальные сети, что и его отпрыски, а не

[88] Примечания: 88

«Знамение Аллаха». Шиитский муджтахид, который может выносить самостоятельные решения по правовым вопросам. В Иране много аятолл, но величайшими аятоллами становились лишь несколько человек, в числе которых лидер иранской революции Р. Хомейни.

сиськи или спорт, как уважающие себя турки, но при этом он фанат «Сепахана»,[89] может перечислить всех членов команды, принимавших участие в иранском чемпионате по футболу 2025 года, а потому Аднан может с ним сработаться. Когда сделка будет завершена, и все получат свои доли, они возьмут его на прогулку по площади Таксим. Это тебе не какая-нибудь благочестивая дыра типа Исфахана или Тегерана ради всего святого. Это Стамбул, Царь городов. Ты будешь сидеть там в своем мусульманском бежевом костюме, без галстука, потягивать айран, хотя тот, кто готов отвести через Зеленую ветку тридцать три миллиона кубических метров газа, на который наложено эмбарго, не может слишком уж беспокоиться об Аллахе. Прогуляешься по городу с лордами, вот тогда мы и увидим настоящее лицо Сейамака Лариджани.

Единственным публичным пороком иранца является выбор отеля. «Анадолу» — бутик-отель в новоосманском стиле, тут все такое новенькое, что Аднан оставляет следы на ковре. Маленький отель обладает исключительной индивидуальностью, и в нем все кричит о дороговизне — каждое

[89] Примечания: 89

Иранский футбольный клуб из Исфахана, основанный в декабре 1953 года.

произведение искусства, каждый предмет обстановки. Аднан задумывается, а продает ли Айше и мебель помимо всех этих миниатюр в рамочках. Она ему не говорила, не считает нужным. Галерея — ее бизнес, а он занимается Озером, такая договоренность. У мужчин свой мир, у женщин — свой. Только Бирюзовую площадку можно обсуждать. Бирюзовая площадка нарушает все правила.

Бар на крыше представляет собой стеклянную коробку высоко над площадью Беязит, в которой поддерживается в этот жаркий день свой микроклимат. Деньги и высота, думает Аднан.

Три остальных ультралорда Вселенной уже приехали и развалились в огромных кожаных креслах, заказав себе кофе у официантов — красивых русских в псевдоосманских сюртуках. Иранец поднимается с места, чтобы пожать Аднану руку.

— Итак, контракт наконец на месте, — говорит Лариджани. Один бок у стакана с охлажденным айраном запотевает из-за кондиционера. Официантка с потрясающими скулами приносит Аднану кофе, хотя он и не просил. У него все еще гудит голова после вчерашнего. — Меня немного беспокоит отсутствие… прозрачности.

— Адаташ никогда не участвует, если не почует хорошую сделку, — говорит Аднан. В основании живота и между ног все еще пульсирует жар. Надо было потрахаться вчера вечером. Какого черта он уснул?

— Я смотреть это, — говорит Кемаль на своем плохом английском.

Контракт прислали на цептеп Аднана, когда тот, зевая, ехал в хвосте утренних задних габаритных огней в Европу. Юристы белого рыцаря никогда не спят. Договор подготовили реальные юристы, из плоти и крови, это не тот контракт, который можно доверить искусственному интеллекту. В мгновение ока Аднан переправил контракт Кемалю. Кемаль переключил автомобиль в режим автопилота и пробежался по пунктам договора, пока «лексус» последней модели несся вперед — атом в бетонной артерии Стамбула — по направлению к площади Беязит. «Лексус 818» — подходящая машина для менеджера высшего звена, который живет с мамой. Ты материшься, но у тебя трусы поглажены, думает Аднан. Правда, сегодня утром Кемаль, что для него нетипично, воздерживается от грубостей, и Аднан сомневается, что это из уважения к иранцу.

— Это типовой краткосрочный договор займа с нестандартными положениями.

— Нестандартными? — переспрашивает Лариджани своим вкрадчивым голосом, который невероятным образом заполняет все пространство. Его английский чистый и похож на английский, что необычно для нации, так давно не доверяющей британцам. Он командует в любой комнате, в которой находится.

— Я думаю, вы понимаете, что господину Адаташу нужно подстраховаться, когда речь идет о подобной сделке, — говорит Кадир.

— Я предполагал, что господин Адаташ страхует свои инвестиции путем хеджирования. Так делают обычно белые рыцари.

— Мы имели в виду, что он не хочет афишировать свое имя, когда речь пойдет об игре на Бирюзовой площадке, — поясняет Кадир.

— Это вопрос многослойности специальной инвестиционной организации и целевой компании, — говорит Аднан. У него самый лучший английский из всех четверых ультралордов, английский из Каша, английский мальчика с пляжа.

— Я знаком с этими финансовыми механизмами, — говорит Лариджани. — «Тебризгаз» должен

перестраховаться дважды. Напоминаю, условия нашего договора предполагают, что после уплаты денег вы не сможете предъявлять нам претензии в случае убытков для вас или господина Адаташа. Все претензии до.

— Моя вотчина — контроль и должная оценка, господин Лариджани, — замечает Кадир.

— Он имеет в виду, что после завершения сделки все мы получим то, что нам причитается, мы закроем торги на Бирюзовой площадке, а затем скатаем договор в рулончик и подотрем им зады так чисто, что с них можно будет вкушать инжир, — встревает Аднан. — Пока не решим, что нам это так понравилось, что мы готовы повторить все заново.

— Посмотрим, господин Сариоглу. — На секунду Лариджани встречается с ним глазами. — А теперь то, что касается оплаты. Я требую, чтобы средства были перечислены на специальный счет до семнадцати часов сегодняшнего дня.

Аднан смотрит на Кемаля. У Кемаля самый слабый из четверых ультралордов английский, но это его вотчина. Кемаль сидит, выпрямившись в кресле, со сложенными руками и слегка покусывает нижнюю губу. Он ничего не говорит, тогда Аднан быстро вставляет:

— Средства вам перечислят, как только документы будут одобрены юридической службой Ферид-бея.

— Разумеется. Тем не менее время все то же. Это вопрос безопасности. Ах да, я почти забыл. — Лариджани сует руку в нагрудный карман пиджака и ставит маленький пластмассовый пузырек на низкий столик, облицованный плиткой из Изника. — Кто делает перевод?

— Я подписываю документы, — говорит Аднан.

Лариджани подталкивает пузырек к нему.

— Вы шутите.

— Я думал, в Озере использование нано обычное дело?

— Да, но стимуляторов массового производства. — Ну, есть еще «серые» стимуляторы, которые продаются на рынках в Фенербахче и под навесами из гофрированного алюминия за пределами Анкары. — А это…

— Из Ирана? — улыбается Лариджани. — И как, по-вашему, оно работает, превратит вас в буйного муллу? Это доза стимулятора оптической безопасности. Благодаря ему номер счета запишется на сетчатке глаза так, чтобы потом лазерное устройство цептепа могло его считать.

— Это военная технология, — ахает Кадир.

— Ну, мы в «Тебризгазе» не такие отсталые, как можно подумать.

— Да хрен с ним, — говорит Аднан, подхватывая пузырек. — Приму ваши исламские нано и понесусь на всех парусах.

Кемаль останавливает Аднана, когда тот собирается открыть пузырек.

— Может, стоит дождаться, когда люди Ферид-бея подпишут?

— Мои условия вам известны, — замечает Лариджани.

— А вот мои, — объявляет Аднан. — Я начинаю торги на Бирюзовой площадке. Спецы по биржевому анализу прогнозируют минимум на протяжении восемнадцати часов, максимум на протяжении девяноста шести часов, и пик спотового рынка на двадцать четыре часа. Но эти аналитики даже свои члены не нашли бы в темноте. Я предполагаю, что пик наступит в четверг утром. А газ будет в Стамбуле спустя двенадцать часов.

— Вы можете прогнозировать, когда рынок пойдет вверх? — усмехается Лариджани. — Вот уж поистине пророк наших дней.

— Я, черт возьми, газовый пророк, вы уж поверьте и никогда не ошибетесь, — Аднан отки-

дывается в кресле. Да, я знаю рынки, я заключаю сделки, да, я получаю деньги. И знаешь почему, ты, плоскозадый любитель айрана, прячущий от посторонних взглядов жену и болеющий за «Сепахан»? Потому что деньги меня любят. Они, мать твою, меня любят до чертиков. — Держите цептеп заряженным. Вы ведь не хотите пропустить этот звонок.

— Я жду его с нетерпением, — говорит Лариджани, — «Тебризгаз» и Зеленая ветка будут в полной боеготовности. — Он поднимает стакан с айраном, кисломолочный напиток покрывает стенки тонким потрескавшимся слоем. Ультралорды в ответ поднимают чашки с кофе. Кофе и айран — так не поднимают тосты за богов денег. — Друзья мои! За успех и прибыль!

— За успех! — бормочет Аднан.

Пока остальные ультралорды убирают цептепы, Кемаль подзывает самую красивую русскую, чтобы оплатить счет, а Лариджани наклоняется через стол и шепчет тихонько Аднану:

— Говорю это вам, потому что вы женатый человек. Когда все закончится, и мы получим деньги, вы должны навестить нас в Исфахане. Это премилый город, а у меня вип-ложа на весь сезон на матчи «Сепахана».

— Только после того, как вы сходите на матч «Джимбома».

— Резонно. Но моя жена очень хотела бы познакомиться с вашей.

— Разумеется, — кивает Аднан. — Это честь для меня. — Перевод такой: я скорее посмотрел бы, как Айше снимает все лишнее после первого тайма на стадионе Аслантепе, чем она будет кутаться в эти уродливые тряпки, что носят ваши женщины. — Когда мы получим деньги.

— То тридцать один год ждешь пророка, то они появляются один за другим. — Мустафа ударяет по плоскому экрану тыльной стороной ладони. Первым делом он каждое утро прочитывает за чаем онлайн-газеты.

Джинны ведут себя тихо после того суда в Тюльпановой мечети. Они все еще здесь, их в воздухе столько же, сколько страниц в книге, но они очень смирные. Недждет сомневается, что это его заслуга. Они подчинились шариату, как решили дервиши Адема Деде, или же Хизиру?

— Слышишь? Ты вообще меня слушаешь? Я сказал, что ты не одинок.

— Что?

— Какая-то тетка в Эрейли может заглядывать

в души. С ней говорят пери[90] и прочие диковинные сущности. Люди съезжаются со всех концов, чтобы излечиться от недугов и узнать свое будущее. В «Джумхуриет» пишут.

Неджет через плечо Мустафы читает статью. Он кликает по экрану и внезапно замирает, увидев снимок плохого качества, на котором изображена немолодая женщина.

— Это она.

— Ну да, пророчица Эрейли. Мне кажется, тут они перегнули палку.

— Да нет же, ты не понял. Это она. Мне нужно поехать туда. Нужно поговорить с ней. Я ее знаю. Раньше видел. Она стояла прямо рядом со мной, когда взорвалась бомба.

Наверху, прямо над табличкой «ОБЕД», на двери висит знак «ОХРАНЯЕТСЯ РОБОТАМИ». Айше толкает дверь. Она знает, что дверь открыта. Звонит колокольчик.

— Что, читать не умеешь? — раздается окрик с расстояния куда большего, чем предполагает конструкция лавки. — Охраняется роботами! Они жалят! Три дня невыносимых мучений и

---

[90] Примечания: 90

В иранской мифологии существа в виде прекрасных девушек, аналог европейских фей.

омерзительная на вид непроходящая сыпь!

— Ты даже пылесос себе не можешь позволить, какие уж тут роботы! — кричит Айше в ответ.

Из невероятных глубин доносится лающий смех.

— Айше, цветочек мой! Я в подсобке!

Путь в подсобку книжного магазина «Султан Мектеп» — это путешествие по истории архитектуры Стамбула. Оттоманский фронтон XIX века с натуральным деревом, потом часть галереи раннеисламского периода, которая ведет в византийское подземелье. Бурак Озекмекчиб и товар свой раскладывает по такому же принципу. Поближе к входной двери стоят учебники, поскольку «Султан Мектеп» расположен поблизости от университета, и современная художественная и научная литература. Дальше располагаются политические тексты, запрещенные книги и подпольные журналы, некоторые из них помнят те времена, когда «Султан Мектеп» был одним из пунктов в маршруте хиппи. Здесь продавались и билеты из «Пудинг-шопа»,[91] и путеводители, и Герман Гессе. Тогда книжным магазином владел

[91] Примечания: 91

Ресторан, расположенный в районе Султанахмет, был самым популярным местом среди многочисленных хиппи на пути в столицу Непала Катманду и вообще на Восток, ныне считается культовым местом.

отец Бурака, против него много раз выдвигались обвинения в подстрекательстве к бунту и антитурецкой деятельности. Бурак — авантюрист в архитектуре, вооружившись эхолокатором, GPS и древними картами Беязит, расширил свое наследство в третьем тысячелетии. Под сводами старого ханства первую нишу занимают переводы на турецкий, вторую и третью — книги на английском, а третью и четвертую — на арабском. Бурак еще дальше, в Византии. Здесь уже книги старые, фальшивые, шокирующие, фантазийные, безумные, тут вам и оккультизм, и разоблачения, и галлюцинации. Порнография, пророчества и светская литература лежат вместе на прохладных каменных полках.

— Тебя когда-нибудь обчистят.

— И что? Книжки украдут? — Бурак смотрит поверх очков. У него густые темные волосы, которые висят сосульками, недостаточно сильные очки, клетчатая рубашка, вельветовые брюки на подтяжках и коричневые ботинки ручной работы. Бурак Озекмекчиб с ног до головы типичный торговец антикварными книгами.

— Ну, кто-то типа меня, Бурак. Кто знает, сколько они стоят.

Несмотря на имидж книжного червя, Бурак

Озекмекчиб — полная противоположность Айше. Они познакомились в университете, когда слушали лекции о классической персидской каллиграфии насталик.[92] Аднан возненавидел его с первого взгляда, решил, что он голубой, но на самом деле Бураку просто не нравится сама мысль о сексе с кем бы то ни было.

— Ну, цветочек, что я могу сделать для тебя?

Проигрыватель тихонько напевает песни старушки Сезен Аксу.[93] Матери они нравились, думает Айше. Это саундтрек к ее детству, напоминание об осенних вечерах на Саманйолу Сок, когда мама красилась, чтобы выйти в свет с бравым капитаном Эркочем, о лете в домике у моря, когда маленькая Айше плясала во дворике, ожидая, когда будет готов шашлык.

Бурак целует Айше взасос. Французский поцелуй. После окончания университета он пять лет провел в Париже и вернулся, чтобы унаследовать книжный магазин после смерти отца. В Париже, по его собственному утверждению, он научился целоваться, анархии, искусству пить вино и

---

[92] Примечания: 92

Один из традиционных почерков арабского письма.

[93] Примечания: 93

Родилась в 1954 году, турецкая поп-певица, продюсер и автор многих песен.

неспешно обедать.

— Мне нужна информация.

— Как обычно, розочка моя. Давай проходи в зал, у меня открыта бутылочка хорошего вина.

Айше снова путешествует вслед за Бураком через время. Бутылочка и впрямь хорошая — «Мадиран» урожая 2022 года ждет их на гигантском письменном столе в оттоманском стиле. Бурак достает из шкафа пыльные бокалы и протирает носовым платком, после чего садится на вращающийся офисный стул, а Айше занимает старое кресло-качалку. Бурак разливает вино.

— И о чем же?

— О хуруфитах.

— Эту ветвь создал Фазлуллах аль-Астрабади по прозвищу Наими, который родился в иранском Астрабаде примерно в 1340 году нашей эры. В 1370 году он странствовал по Персии и Азербайджану, проповедуя ортодоксальный суфизм, но постепенно отошел к более эзотерическим учениям, суть которых изложил в своем сочинении «Джавидан-е Кабир» («Великая вечность»). Он пытался обратить в свою веру и Тамерлана, но поплатился за заносчивость и был казнен, после чего его сторонники восстали, но восстание подавили с оперативностью, свойственной Моголам.

Пару десятков лет они продолжали борьбу уже в качестве секты, но постепенно выдохлись и вошли в состав более ортодоксальных орденов. Балканские бекташи и последователи Шатари в Индии сохраняют наследие Наими. Ну как тебе Wiki-Бурак? Хуруфиты мертвы, розочка моя, давно и бесповоротно.

Вино очень хорошее, сначала чуть вяжущее, а потом глубокое и мягкое, оставляющее после себя приятную сухость. Какое удовольствие выпить в обед бокал вина, сидя в книжной пещере, которую охладила византийская архитектура, с бокалом в руке и глядя на потеющий Стамбул за окном!

— Ну, это официальная версия, а я пришла к тебе послушать неофициальную, Бурак. Если хуруфиты еще где-то живы и поныне, то ты должен знать.

— Разумеется, есть самопровозглашенные хуруфиты, маковка. Каждый недоделанный оккультист, каббалист, леттерист и кроссвордист спешит назваться хуруфитом или неохуруфитом. Но орден мертв, ягодка моя. Если хочешь, я могу назвать тебе пару шейхов в ордене Бекташи, у которых есть оригинальные тексты Наимы и его карты, отображающие божественную печать на

человеческом лице. Кроме того, существуют товарищи типа фонда Меру, которые утверждают, что продолжают традицию хуруфитов и обнаружили арабские буквы в первой строке еврейской Книги Бытия, но это принципиально американский каббалистический проект. Дважды в год можно прочесть статьи в журнале «Топлумсал Тарих» на тему сакральной геометрии мечети Синан или о Семи буквах Стамбула.

Айше отрывает палец от бокала с вином.

— Расскажешь об этом поподробнее?

— О Семи буквах? После смерти Синан-паши появилась легенда, якобы из первой строфы Корана выпущены семь букв, которые вместе составляют тайное имя Всевышнего, и эти буквы зашифрованы в архитектуре Стамбула. Тот мужчина, что прочтет их все, откроет сердце Священного Корана и увидит настоящее лицо Всевышнего. По мне так это шитая белыми нитками пропаганда, утка, которую запустил халифат, чтобы оправдать огромные суммы, потраченные на возведение мечети Синана в Стамбуле с целью сделать город центром паломничества сродни Медине и Мекке и тогда уже грести деньги лопатой, а заодно укрепить притязания Османской империи на главенство в исламском мире. Разумеется, никто

так и не нашел эти семь букв.

— Мужчина?

— Что, прости?

— Ну ты сказал: «Мужчина, что прочтет их все…»

Бурак наливает полный бокал вина. С ним опасно пить, думает Айше, с таким собутыльником ваш бокал никогда не будет пуст. Но потом, когда она получит деньги, она пойдет куда-нибудь с Бураком и будет говорить об искусстве, старом Стамбуле, университете и всех тех вещах, которые не может обсудить с Аднаном.

— А к чему эти расспросы, сладкая моя? — хмурится Бурак.

— Да так, охочусь кое за чем.

Бурак поднимает руки в предостерегающем жесте.

— Осторожнее, милая, я слышал, что отдел по охране памятников закрутил гайки.

— Бурак, ты меня обижаешь. Скажи, а те статьи о семи буквах кто писал, не припомнишь?

— Припомню, конечно. Большинство из них настрочил парень по имени Барчин Яйла. Я ему продаю книги. Всякую арабскую ерунду, персидскую теологию, сочинения по суфизму и каббале. Я удивлен, что он не вышел на тебя, ягодка моя, он

ведь все время пристает ко мне с каллиграфией.

— Я ему не по карману.

— Что правда, то правда. Приятный парень, но хвастун, каких поискать. Он, кстати, провозгласил себя последним хуруфитом. Золотая моя, хочешь поговорить с ним? Только я сначала у него спрошу. Я уверен, что он согласится, просто он малость нервный.

— Я была бы благодарна.

— Подожди минуточку.

Бурак надевает на глаз цептеп. Цептеп совершено не вписывается, словно лучевая пушка или тюрбан. Айше наблюдает, как циферки мелькают на глазном яблоке. Сезен Аксу тянет популярные некогда песни о потерянной любви и тоске. Почувствовав, как что-то скользнуло у ног, Айше чуть не выпустила бокал из рук. Крыса! О, нет! Нечто куда более удивительное, учитывая место, — маленький домашний робот размером с две ладошки усердно пылесосит вокруг стопок книг. Бурак хмурится:

— Звоню. А ты решила, что я наврал насчет роботов?!

Через десять шагов от входа в отель «Анадолу» рубашка Аднана прилипает к телу от пота. Жара на проспекте Еничерилер словно удар, словно

груз, который кто-то вешает на шею. Только дураки и подростки почти без одежды бравируют на обжигающих тротуарах. Даже англичане прячутся от жары, их красные морды светятся в потемках кафетериев. Трамваи скользят мимо, в их окнах торчит толпа усталых, изнемогших от жары пассажиров. Автобусы неуклюже маневрируют, отъезжая от остановок, груженные потными, злыми, обезвоженными стамбульцами. Водители автомобилей давно уже потеряли надежду продвинуться вперед и торчат в пробках, опустив окна, из которых орет попса и радио. Водители не отрывают ладоней от клаксонов. Одно слово, одна искра на фитиль транспортного коллапса — и вся улица схлестнется в драке не на жизнь, а на смерть. Около лотка, торгующего свежим гранатовым соком, рядом с баром на углу Чемберлитас, нет покупателей. Аднану кажется, что это самое лучшее место в мире, резкое падение в бездонную прохладу. Кондиционер в баре грохочет. Аднан идентифицирует этот звук и тут же различает другой, более низкий, доносящийся из магазина цептепов. Потом, когда Аднан привыкает к их хору, подключается еще и третий голос, пронзительный и визгливый вентилятор из модного бутика, перегретое шипение из книж-

ной комиссионки, жужжание кондиционера автобуса дальнего следования, присвист систем кондиционирования автомобилей. Последним подключается гудящий на низких частотах большой вентилятор на крыше. Аднан находится в эпицентре симфонии кондиционеров. Это лучшая, мать вашу, мелодия в мире.

— Ты прямо в офис? — спрашивает Кадир.

— Не спешу.

— Мечеть Беязит прямо-таки создана для размышлений. Она спроектирована так, что летом внутри прохладно. Все дело в мраморе.

— Да что ты знаешь об архитектуре мечетей?

— В любом случае пошли со мной.

Лихорадочная площадь Беязит сдалась на милость жаре, толпы прохожих схлынули с солнцепека на прилегающие улочки, под тень от балконов и наклонных стен. Шагнуть через арку ворот мечети во двор все равно, что путешествовать сквозь миры и время. Гомон улицы исчезает. Аднан слышит, как вода капает из медных кранов в мраморные чаши фонтана во дворе. Постройки здесь дают тень и убежище. Мрамор призывает прикоснуться к нему босыми ногами. Обезумев от жары и волнения по поводу сделки, Аднан внезапно снимает свои дорогие ботинки

и носки. Под подошвами ног полутысячелетний мрамор. Геологическая рефлексология.

— Попробуй, — Аднан шевелит пальцами ног.

— Эээ… не стоило тебе так делать, — говорит Кадир. — Трудно вести серьезную беседу с босым собеседником.

У Аднана сводит судорогой ступни.

— Говори.

— Кемалю нельзя доверять.

— Кемаль просто пустозвон.

— Определенно, но он к тому же потерял около двухсот восьмидесяти миллионов евро за последние четыре недели торгов.

Мрамор под ногами Аднана внезапно кажется ему ледяным и липким, как кожа трупа. Двор, колоннады, фонтан, каскады куполов, каменный водопад, ниспадающий с полумесяца, венчающего мечеть, качаются и замирают. Босые ноги кажутся голыми, глупыми, беззащитными.

— Кемаль не трейдер, он офисная крыса. — Хладнокровие Аднана улетело, как испуганные скворцы. Он тараторит без умолку, говорит первое, что пришло на ум.

— Но он, как и ты, работает с Хадуком и Хилми.

— С парнями из «Лебедя»? Это не финансы,

это вуду.

Купля и продажа, поиск выгодных предложений, возможности для арбитражных операций, бездыханная стратосферная область вторичных ценных бумаг, а за всеми абстракциями и точным расчетом по времени стоит реальный товар, будь то топливо для вдов из Маранда или прохлада для жителей Стамбула. Скрытая ликвидность, так называемые скрытые пулы, игра вслепую, когда продавцы и покупатели скрывают свои намерения от рынка, — это черная магия. Идешь ощупью, обладая минимумом информации, словно ловишь рыбу на морском дне. Это холодная и безжалостная энтропия. Теория тверда и проста, как лодка. Крупные учреждения-вкладчики, пенсионные фонды, инвестиционные фонды, менеджеры, ворочающие огромными пакетами акций, хотели найти способ покупать что-то, не сигнализируя о своих намерениях всему рынку, чтобы их не смогли обскакать мелкие и более гибкие трейдеры. Скрытые пулы ликвидности позволяют заявить о желании что-то купить или продать анонимно — ни тебе цены, ни качества, ни имен. Покупатели и продавцы ощупью бредут навстречу друг другу.

Аднану скрытые пулы всегда напоминали за-

брошенный кинотеатр в Эскишехире.

— Кинотеатры меня не интересуют. Аллах дал нам возможность качать кино из Сети, зачем же воротить нос?

Это было третье свидание с Айше, а на третьем свидании девушка представляет тебя своим друзьям. Друзья Айше все сплошь люди искусства, но в целом выглядели они посимпатичнее, чем магистры бизнеса.

— Это не кино. Это инсталляция.

На третьем свидании вам позволено отказаться, но только один раз, чтобы не прослыть нытиком, но при этом показать, что вы не слабак. Аднан собирается гнуть свою линию. Его не интересуют кинотеатры, но инсталляции интересуют еще меньше.

— Это скорее напоминает игру, — говорит Айше, воспользовавшись первым проблеском телепатии, которая проклевывается на третьем свидании.

Художники вовсе не такие симпатяги, как он ожидал, но им выдали по лазерной указке и велели рассредоточиться. В зале уже находилась пара десятков человек, которые притаились между кресел, за занавесками, за колонками, за акустическими экранами.

— Как в армии? — спросил Аднан громко, поскольку это раздражало либералов.

— Типа того, — ответила Айше.

Затем погас свет. Кто-то чужой, не Айше, скользнул мимо Аднана, и луч лазерной указки пронзил пыльные глубины кинозала, на что тут же ответили пять других лучей, и тогда Аднан понял правила. Это была дуэль на лазерных указках в темноте. Каждый выстрел может попасть в цель, но он тут же выдает ваше местоположение. Через пятнадцать минут Аднан разработал стратегию: прислушиваешься, потом высовываешь голову из-за ряда кресел, стреляешь и перемещаешься. Стреляешь и перемещаешься. Стреляешь и перемещаешься. Темнота была бархатистой, пыльной, теплой и полной, как потайные места на теле.

— Аднан.

Он направил лазер на источник шепота у ног, но потом узнал голос и снял палец со спускового крючка.

— Нравится? — шепотом спросила Айше. Паутина лазерных лучей пересекала влажное пространство кинозала.

— Еще как, — сказал он, а потом добавил: — Это похоже на рынок. Кто бы мог подумать. Ты сиг-

налом обозначаешь свои намерения и делаешь выстрел, все понимают, где ты, и идут на тебя.

— Я бы до такого не додумалась, — проговорила Айше. — Я пришла сюда, потому что тут можно сделать вот что.

Она не отслеживала вспышки лазеров, а просто взяла и положила руку ему на бедро.

— Ну да, — Аднан притянул ее к себе.

Вот такой всегда была разница для Аднана между светлым и темным рынком. Светлый рынок — это непрекращающаяся дуэль лазерных лучей, где все подают друг другу сигналы, все реагируют, словно скворцы, порхающие между минаретами Голубой мечети или между машинами. В темноте ты спотыкаешься, различаешь лишь контуры тел, идешь ощупью, шепчешь, узнаешь, а потом обмениваешься жидкостями, сдавливая крик.

Миллиарды ежедневно проносятся через эту темную жижу, между покупателями от имени организации и продавцами, которые рискуют, что рынок почувствует, как их подводные лодки движутся против него. Но нет абсолютно темной темноты. По ночам кто-то продолжает шептаться. Аналитики запускают свои алгоритмы, выискивая статистические закономерности и признаки роста или падения цен. Скупщики акций устраи-

вают финансовую перестрелку в темноте, чтобы понять, что могут продать, сколько и по какой цене. Кто-то применяет термодинамику, выискивая участок снижения общей энтропии темного рынка, чтобы получить свой куш.

Проект «Лебедь» — это еще большая абстракция, которая призвана прощупывать темноту скрытых пулов. Два чудовищно умных специалиста-аналитика Халук и Хилми берут за аналогию черные дыры и теорию информации. Самые скрытые из пулов, как и черные дыры, никак не проявляют свое присутствие, пока покупатель не попадает в их гравитационные поля. Они засасывают всю информацию о ценах и качестве. У черной дыры нет ни волоска, как любят шутить физики. Аднан никогда этого не понимал. Как не понимает он и уравнения квантовых полей и формулы Стивена Хокинга, которые Халук и Хилми используют, чтобы извлечь из темноты информацию по ценам. Но он восхищается. Всех сотрудников Езера убедили превозносить Халука и Хилми. Квантовая теория ценообразования просто блестящая, она заслуживает Нобелевской премии. Аднан может восхищаться ею, пока она имеет денежное выражение. И вот тут вдруг Кадир говорит, что это не так. Катастрофически

не так.

— Теория дала им прекрасные данные, — говорит Кадир. — Они смогли видеть в темноте. И тут они попытались стать умнее. Решили, что могут совершать арбитражные сделки на темном рынке.

— Пытаюсь представить, какие вычислительные возможности необходимы для арбитражных сделок в режиме реального времени.

— Такие, что требуется подпись с сорокового этажа.

— Мехмет.

Мехмет Мерал, главный операционный директор. Мехмет-Завоеватель, как он сам себя любит называть. Его кабинет украшен военной атрибутикой янычар. Он проповедует военные добродетели: скорость, уверенность, дисциплинированность, мужество кавалерии сипаев. «Манда» — зовут его между собой трейдеры.

— Он специально поставил Кемаля на договоры, чтобы убедиться, что все нормально, и на какой-то момент Кемаль отвлекся, как говорят, оторвал глаза от мяча.

— Кемаль такого не сделает.

— Сделает, если мяч — это Бирюзовая площадка.

— Сволочь!

— В итоге он переложил счета проекта «Лебедь» на группу стажеров, решив, что они будут друг друга страховать. Не вышло. Они допустили маленькую ошибку, попытались скрыть ее. Одни ошибки прикрывают другие. Ну ты знаешь, как это бывает.

Иногда в маленькой, жаркой и вонючей спальне в районе Ферхатпаша Аднана будит звук в ночи. Это не рев шоссе, не шум телевизора у соседей и не крики подростков с бензоколонки. Это громкий вой, который заполняет собой весь дом и землю под ним, это бесконечный стон, словно бы Всевышний разверз все семь небес и разорвал все создания, живущие на них, на атомы. Этот звук парализует Аднана, он потеет, сердце глухо стучит в груди и не дает снова заснуть. То рвутся деньги. Сделки столь быстрые, возможности столь краткие, а цифры столь большие, что, должно быть, произошла ошибка. Давление за этой дырой такое сильное, что она способна все разрушить. Тысячи вырастут до миллионов, превращаясь в убытки, которые пошатнут целые экономики. Деньги рвутся. Когда он женился, то купил отвратительную маленькую квартирку и понял, что позорит Айше перед родными, хоть

она и не говорит, и, когда она спала в дешевом пригороде на его руке вместо подушки, он слышал, как небеса трещат чуть ли не каждую ночь. Он был младшим трейдером, который заполнял формы, почти всегда куда-то бежал и не отходил от индексов ни на минуту, чтобы проверить, не совершил ли фатальной ошибки, которая поползет по небоскребу вверх, а потом разобьет его вдребезги. Аднан не может вспомнить, когда в последний раз слышал этот пронзительный звук, но понимает, что сегодня ночью точно его услышит.

— Как ты узнал?

— Он сам мне сказал. Он думал, что я подредактирую записи. Я взглянул на них. Это ужас. Он удалял убытки из балансовых отчетов, вносил их как прибыли, вписывая одни неправильные проводки поверх других, он брал деньги из маржи, чтобы проводить торги за свой счет в надежде покрыть убытки, проводил поддельные хеджи. Классика жанра. Это практически учебник.

— Вот ведь козел. Но зачем ему вообще пытаться прикрывать это все? Просто спалить ублюдков и получить свое от Мехмета-Манды! У Озера капитализация куда больше, чем двести восемьдесят миллионов.

— У Мехмета-Манды свои проблемы. Мехмет, Эрджан, Памир. Озер гниет с головы. Каждый из отделов получил завышенную оценку, в шесть раз выше нашей реальной капитализации. Мы — фикция. Это карточный домик, но обрушит башню именно «Лебедь». Памир скормит Кемаля волкам, чтобы не дать финансовому надзору инициировать расследование всей деятельности Озера в целом.

— Мы не защищены! Вот черт!

Сторож мечети, терпеливо метущий двор, поднимает голову и хмурится.

— Может, отменим? — спрашивает Кадир.

Аднан распекает его:

— Если Озер накроется, то я не хочу, чтобы меня показали в десятичасовых новостях сидящим на ступеньках со всем имуществом, помещающимся в картонную коробку. Бирюзовая площадка — страховка на случай потери работы. Должен быть выход. Мы справимся. Это наши деньги. У нас все получится. Мы — ультралорды Вселенной и все еще самые умные парни из всех.

Он не может проиграть. Он не проиграет. Не сейчас, после всего, что он сделал, после всей подготовительной работы, контрактов, встреч, сделок, планирования, долгих лет планирования,

начавшегося после случайного вопроса во время военной службы на востоке: «А куда идет эта труба?» И вплоть до момента, который он до сих пор помнит очень четко, ярко и кристально, когда он ехал в панорамном лифте, а внизу виднелись холмы и водные артерии Стамбула, и внезапно блеснула идея дерзкой газовой аферы века, Аднан тогда чуть не подавился от смеха, поразившись смелости этой идеи, и Бирюзовая площадка предстала перед ним во всей своей красе, когда двери лифта открылись на этаже торгового зала биржи. Он не может позволить себе разжать руки и смотреть, как его идея с плеском плюхается в темную воду, пропадая навеки.

Вода капает из медного крана в фонтане. Аднан наклоняется, наливает в сложенные руки прохладную воду из подземных акведуков и водохранилищ под Стамбулом и выплескивает себе в лицо. Вода бежит между пальцев, он смывает жар и усталость с лица, а от чистоты и прохлады перехватывает дыхание.

— Если бы мы были торговцами наркотиками или полицейскими, — позволяет себе сделать замечание Кадир.

— Но это не так, — решительно говорит Аднан. — Мы даже думать не будем, как эти люди.

Больше я об этом слышать не хочу.

— Мне нужно было предложить.

— Ну считай, предложил. — Капельки холодной воды сбегают по шее Аднана за шиворот.

— А у тебя есть предложения получше?

— Получше? То есть такие, которые не сделают нас убийцами и не отправят в тюрьму? Нет. Как заставить замолчать человека, который слишком много знает?

— Ну, может, ему и не надо заставлять его замолчать, — говорит Кадир. Всегда вежливый, получивший отличное образование парень из хорошей стамбульской семьи, из старинного костантинопольского рода, сейчас он ведет себя по-османски. — Может, ему нужно просто забыть важные детали?

— Каким образом? Искусственная амнезия? — От воды рубашка Аднана стала прозрачной и прилипла к телу, а завитки волос на теле образуют рисунок в виде спиралей.

— Нано дает, нано забирает.

Кадир — дилер ультралордов, он привозит им маленькие пластиковые пузырьки с серого рынка в подземном переходе на трамвайной остановке Галата. Аднан был там однажды, в вонючем туалете с залитым неоновым светом

лотками, с которых торговали сигаретами, муляжами пистолетов и нано без рецептов.

— Искусственная амнезия нам не по силам. Воспоминания хранятся голографически, в разных местах. Нано придется определить местоположение воспоминаний и обезвредить их, реполяризировав нейроны, не повредив при этом другие воспоминания. Редактирование воспоминаний станет возможным лет через десять, а то и двадцать. Но на каждый скальпель найдется своя бейсбольная бита. Мы все шутим в «Пророке кебабов», что мы на переднем фланге фармакологии, экспериментируем с собой, и часовая неврологическая бомба ждет своего часа. А что, если она и впрямь взорвется?

— Ты имеешь в виду дать Кемалю слишком большую дозу?

— Нет, это ненадежно. Мы можем не добиться желаемого эффекта, а Кемаль сыграет в ящик. Производители нано не могут редактировать отдельные воспоминания, но общая амнезия, наверное, вполне достижима.

— Ты говоришь сейчас о химической лоботомии.

— Ну минуты назад мы обсуждали как вариант убийство, так что это уже прогресс. Но все будет

не так, как ты говоришь. Существует технология, которая позволяет определить отделы мозга, отвечающие за различные типы мозговой деятельности: эмоции, запахи, кратковременная память. Думаю, наша цель — кратковременная память. Я навел кое-какие справки. Придется делать под заказ и за большие деньги, но, как только программу напишут, производство займет один день. Думаю, я могу гарантировать, что со стороны это будет выглядеть как серьезная кратковременная амнезия. А мы все спишем на нагрузку на работе, стресс, злоупотребление нано с целью выполнить проекты в срок. У него есть кто-то из родных? Ну кроме матери? Думаю, мы даже сослужим Озеру добрую службу — кто знает, что он еще заодно позабудет?

— Всевышний, не дай мне сотворить зло, — говорит Аднан. — Ты хладнокровный сукин сын.

— Есть другие предложения?

— Ты же знаешь, что нет. Временная амнезия.

— Я не могу дать гарантии.

Аднан обращает лицо к каскаду куполов. Вода повсюду в этой мечети, в сердце каждой мечети.

— Если бы был выбор, я бы велел засунуть нано тебе в зад, но увы. Я согласен.

— Я скажу Огюзу. Ему нужно знать.

— Он не поддастся на уговоры.

— Поддастся. Хорошо, мы договорились. Я достану нано. А ты сделаешь все остальное.

— Стоп! Я дам нано Кемалю?

— Я в отделе надзора, если я спущусь, то все массово наделают в штаны. А ты в операционном зале, вы каждый день видитесь. Я достану нано, а ты ему дашь. Уверен, ты что-нибудь придумаешь.

— Пошел ты знаешь куда?..

— Все меня туда отправляют. — Он слабо улыбается. — Такая уж у меня работа.

— Ладно, я сделаю.

— Хорошо. Мы оба понимаем, что это необходимо. Вернемся в офис?

— Нет, я хочу побыть тут еще немного. Во имя Аллаха, это кошмар.

Жара и послеобеденный шум площади Беязит засасывают Кадира. Аднан садится на краешек галереи. Сторож подходит и специально начинает мести прямо рядом с ним в надежде получить бакшиш.

6

Корабль взрывается. Белый свет, ослепительная вспышка, огненный шар, слишком горячий и чистый, чтобы быть просто пламенем. Первые несколько секунд разрушения видны лишь в виде силуэта: вот они, темные плечи Азии и Европы, туго натянутый лук моста между ними, пятнышки кораблей в канале. Мир мигает и снова становится цветным. От взрыва разорвало центральный пролет моста, трещат ванты. Дорожное полотно извивается и ныряет вниз, как раненая змея. Машины разлетаются, будто листья с дерева. Грузовики сыплются с поврежденного моста и медленно летят среди обломков дороги. Целые куски танкера — переборки, участки надпалубных сооружений, смятые цистерны, моторы размером с дом — взлетают в воздух и падают на землю, разрушая дома, шоссе, сметая целые колонны автотранспорта, попавшего в ловушку на подъезде к мосту, давя машины, как муравьев. Взрывная волна опрокидывает внезапным ударом приземистые неуклюжие паромы, как игрушечные кораблики. Горящий танкер, покачиваясь, плывет по главному фарва-

теру и сталкивается с сухогрузом. Босфор объят пламенем пылающих кораблей, это огненный флот газовозов, нефтяных танкеров и грузовых черноморских судов. В круизных лайнерах пламя вырывается с каждой палубы закрытых окон. А вдоль берега ударная волна сносит дома и целые кварталы, где обитают состоятельные стамбульцы, срывает крыши, а дешевые конаки просто превращает в пыль. Последние из старых босфорских ялы разлетаются, как сухая солома. Машины падают, словно домино, а быстроходные катера раскидывает на холмы и ветви деревьев. Приливная волна, на секунду медленнее, чем взрывная волна и огонь, с силой ударяет по домам на берегу, превращая обломки крыш и тлеющих балок в поток крушащего все на своем пути дерева и металла. Это цунами достигает пика, а потом идет на убыль, утаскивая машины, лодки, дома, людей, цепляющихся за свои жилища, в Босфор. Богатые районы Бебек и Канлиджа в руинах, старый добрый Кузгунджук объят огнем. Газ вырывается из поврежденных магистралей. Стеклянные башни Левент и Маслак смотрят пустыми глазницами, оконные стекла выбиты, и бриллиантовые стеклянные кинжалы градом сыплются на улицы и площади. Стамбул уничтожен в мгновение ока,

одним взрывом. В конце концов пилоны-близнецы моста Ататюрка, ослабленные в результате взрыва, падают на колени и соскальзывают в темные воды, остаются лишь обрубки, похожие на сломанные зубы.

— Впечатляет, черт подери, — шепчет Эмрах Бескардес Георгиосу Ферентину, — но я видел такое по «Дискавери Азия».

Видеоролик заканчивается. Экран уезжает наверх. Члены группы «Кадикей» моргают, ерзают, перебирают бумажки и пьют воду.

— Пятьсот тысяч тонн сжиженного натурального газа, — говорит Огюн Салтук.

«Он говорит, как ведущий на „Дискавери“», — пишет на своем экране зоолог Бескардес, а потом стирает.

— Разумеется, это ролик со спецэффектами из телепрограммы, который вы могли видеть пару месяцев назад, посвященной тому, насколько не защищен Стамбул в случае террористической атаки на русский газовоз. Я участвовал в создании этой программы в качестве научного консультанта…

«Что я говорил», — снова царапает на экране Бескардес.

— …детали точны, лишь немного поэтизирова-

ны телевизионщиками. Но по Босфору регулярно проходят суда водоизмещением в полмиллиона тонн. — Салтук резко кликает по экрану, и на нем возникает чудовищный плавучий монолит, мост и постройки теряются на фоне этого монстра, похожего на гроб. — Это «Арарат», самый большой из нынешних газовозов, русские ввели в эксплуатацию это судно водоизмещением в три четверти миллиона тонн пять месяцев назад. Вы, наверное, его уже видели, поскольку он пересек Босфор уже пять раз. 19 апреля он снова будет плыть через Босфор. То, что вы видели в ролике, основано на разрушениях от взрыва корабля водоизмещением меньше полумиллиона тонн, которое стало промышленным стандартом. А водоизмещение «Арарата» в два раза больше. А значит, в два раза выше и разрушительная сила. Террористам не устоять перед таким искушением.

— Каким террористам? — Георгиос слышит свой голос. Его голос дрожит от злости, он просто не может дальше слушать эти глупости. — Кто захочет уничтожить Стамбул? Убить восемьдесят тысяч людей? Зачем? Исламисты больше не взрывают символы загнивающего Запада. Джихад перетек на улицы. Я знаю, я видел. Тарикаты, кадисы, шейхи. Они решают проблемы,

поддерживают мир и общественный порядок, разрешают споры. Это новый шариат — уличный закон. Он работает. Люди прибегают к нему.

Огюн Салтук закусывает нижнюю губу:

— У Турции всегда были враги и внутри страны, и за ее пределами, а теперь, когда мы на пороге Европы, их стало больше. Считается, что мы приняли решение и отгородились.

Георгиос Ферентину заглушает его:

— У нас достаточно строгие меры безопасности на Черном и Мраморном морях, вы сами видите каждую ночь, как танкеры выстраиваются в очереди, чтоб войти в Босфор после проверки службой безопасности. На газовоз водоизмещением в три четверти миллиона тонн не так просто напасть.

— Танкеры идут через Босфор на автопилоте, чтобы избежать случайного столкновения. Программу могут хакнуть, — раздается еще чей-то голос.

Эмрах Бескардес шепчет Георгиосу:

— Мне кажется, я видел такое кино, очень старое. Там всех спас повар. Он очень искусно обращался с ножами.

Огюн Салтук стучит ручкой по стакану с водой.

— Не упустите эту творческую энергию, у нас

запланировано время для работы в малых группах. Мы прервемся на свободный полет фантазии, а потом снова соберемся, чтобы свести воедино наши идеи. Помните, творческое воображение приветствуется.

Георгиос смотрит завистливо, как Эмрах Бескардес вместе со своей группой отправляется в одну из прохладных беседок в саду. Его самого отправили в пахнущую сыростью прихожую с потрескавшимися карнизами и пятнами плесени на штукатурке. Потолки высокие, от стен и пола отражается эхо. Сидя на позолоченном стуле, Георгиос смотрит на бирюзовый треугольник моря между верхушек деревьев. Кроме него в группе молодые агрессивные парни, которые с удовольствием обсуждают миллионы тонн водоизмещения и миллионы убитых, поэтому он рад видеть еще и Сельму Озгюн.

— Мы не знакомы, но я поклонник ваших работ. Позвольте представиться, Георгиос Ферентину.

Сельма смотрит на него с недоумением:

— Ферентину из Джихангира?

— Да, но перебрался в Эскикей. На площадь Адема Деде.

— Я знаю вашу соседку. Владелицу художественной галереи, которая специализируется на

подозрительных предметах религиозного искусства. Галерея Эркоч.

— Я как раз над ними.

— В старом текке Мевлеви? Вот здорово. Это очень интересное место, дом дервиша на Адема Деде. Одно из последних деревянных текке XVII века, которое не сожгли. Так вы знакомы с Айше? Кстати, я пошутила насчет «подозрительных предметов искусства». Вы над чем трудитесь?

— Я занимаюсь, точнее, занимался, поскольку сейчас на пенсии, экспериментальной экономикой. Экономика — это настоящая наука, а не просто набор математических понятий.

— Меня заинтересовали ваши слова об уличном шариате, — говорит Сельма Озгюн. — Понимаете, мне нравится идея общественного правосудия. Это личное, и мне кажется, это работает эффективнее судов, поскольку в таком случае судья видит стороны ежедневно. Когда вы каждый день видите в супермаркете не только другого участника процесса, но и судью, это способствует поддержанию порядка в обществе. Можно долго говорить об оттоманской системе миллетов, когда каждая община имела право жить по своим собственным социальным и юридическим законам, и суды осуществлялись по ним же,

при условии, что они не противоречат законам империи. Я думаю, что правительству нужно не подавлять такие системы как угрозу светскому государству, а искать способы встроить ее внутрь уже существующего законодательства. Мы ведь организуем религиозные объединения на базе общин, почему бы не применить это и к закону? Короче говоря, мне дико понравилась ваша мысль об уличном шариате, вы не будете возражать, если я заимствую это выражение, друг мой? Но только при условии, что они не попытаются наложить запрет на алкоголь и не заставят меня носить платок.

— Я не стал бы вас обнадеживать, — говорит Георгиос. — У них есть шейх. Он видит джиннов.

— А вот это уже интересно. Шейх в старом доме дервиша. С этого места поподробнее, друг мой.

Георгиос рассказывает о Неджде, незаконно поселившемся в текке, который оказался в злосчастном трамвае на Неджатибей, а теперь видит карин, говорит с джиннами и является доверенным лицом Хизира, Зеленого святого. Георгиос замечает, что она — не единственная, кто заинтересованно слушает. Пока агрессивные молодчики яростно спорят, что внести в блокноты, мужчина чуть постарше из их компании,

с военной выправкой и в отполированных по военной привычке до зеркального блеска ботинках, с аккуратными усами, но в плохом костюме прислушивается к их с Сельмой разговору, все дальше отклоняясь от спорщиков.

— Я поклонница спонтанных проявлений чудесного, — говорит Сельма Озгюн, хлопая от восторга пухлыми руками, украшенными множеством колец. — Я собираю истории о местных чудотворцах, уличных пророках и современных дервишах. Мне совершенно ясно, что эра чудес еще не миновала. Кстати, ваш сосед уже четвертый.

— Что вы имеете в виду? — спрашивает Георгиос.

— Среди тех, кто видит странное и удивительное. Новый виток. Я читала в местных новостях. Иногда помимо склок и статистики без указания источника можно найти и что-то интересное.

— Другие тоже видят джиннов?

— Не совсем. Началось все с той женщины в Эрейли, которая начала заглядывать в души и предсказывать будущее, типа ей нашептывают пери. А еще бизнесмен в Невбахаре, очень интересный случай, с поправкой на современность. Он видит не фей или джиннов, а роботов. Вернее

ройботов, которые складываются в различных роботов. Но в общем-то то же самое. Он находит пропавшие вещи и предсказывает события.

— Эрейли.

— И Невбахар.

— Эскикей. А четвертый?

— Фирузага.

Георгиосу кажется, что паркетный пол уходит из-под ног. Он сжимает золотую кисточку псевдопарижского кресла. Кресло дешевое и плохонькое, а потому кисточка выскальзывает из пальцев.

— Ох! — восклицает он, это единственное слово, в которое может вылиться бурное воображение. Эрейли, Невбахар, Фирузага, Эскикей — все они в шаговой доступности от трамвайной линии Топкапи — Есилче. Джан, мальчик, роботы. Сделал ли он фотографию, фотографию той бомбы? Женщина, бизнесмен, Неджет. Их легко отыскать.

— Все в порядке? — беспокоится Сельма Озгюн. — На вас лица нет. Я принесу воды.

— Все хорошо, просто эта комната… здесь ужасно душно и плесенью пахнет.

— Хизир… вот кого я бы хотела увидеть… — продолжает Сельма, но сотрудники МИТ уже зазывают группы обратно в конференц-зал. Она

берет блокнот — после заседания все записи будут уничтожены в целях безопасности. Группа покидает влажное и душное помещение. Военный отстает, чтобы переговорить с Георгиосом.

— Майор Октай Эйилмез.

— Профессор Георгиос Ферентину. На пенсии.

— Я знаю. Мы встречались раньше. Это давно было. Помните группу «Хаджетеппе»? Типа такого, только в Анкаре. Я был тогда совсем юн…

— Простите, но я не…

— Я же говорю, я был совсем юн. А здесь интересно. Я вот что думаю, если нас собрали для генерирования самых невообразимых идей, то определенно не стоит себя ограничивать в том, о чем думать. — Он замолкает, чтобы пропустить Георгиоса вперед, и в этот момент успевает прошептать на ухо: — Я выразил сомнение в том, что Салтук способен руководить этой группой.

Он смотрит вниз. Георгиос Ферентину следит за его взглядом. Майор держит свой экран на уровне пояса. На нем всего три слова: «Паром Эминеню, 16:30». Майор стирает надпись одним движением, а потом сует экран во внутренний карман ничем не примечательного пиджака.

В пипетке тридцатишестипроцентный раствор соляной кислоты. Когда Барчин Яйла увидит

Седьмую букву на теле Стамбула и узрит там лик самого Всевышнего, то он снимет колпачок и спокойно закапает по половине дозы в оба своих немигающих глаза. Может ли какое-то другое зрелище сравниться с именем Аллаха? Они лишь будут затуманивать чистоту и сбивать с толку. А так оно будет ярким и свежим навеки, как последнее из того, что Барчин Яйла увидел в своей жизни.

В квартире дико воняет. Айше ожидала, что так и будет, это дешевая квартирка на последнем этаже без лифта, с видом на задний двор, куда поколения жителей района Кючюкаясофья бросали мусор. Добавьте к этому жару. Тут и должно плохо пахнуть. Но запах просто ужасен, многослойный и богатый: отдельные неприятные запахи комбинируются в новые неустановленные, и, когда привыкаешь к одной волне, в нос тут же бьет другая, вызывая тошнотные рефлексы. Клубы пыли, мужской пот, грязные простыни, немытый пол, древний диван, гниение, плесень и моча — Айше клянется, что больше не пройдет мимо ванной, — но вместе с тем и более эзотерические запахи одержимого идеей одинокого мужчины: затхлые книги, чернила для принтера, старый ладан, выветрившееся масло, пожелтевшие газеты,

специфический запах фенопласта, который идет непонятно откуда, фотореактивы, фиксаторы и консерванты, перегревшиеся электрические приборы и горячие галогеновые лампочки. Пока Айше рассматривает фотомонтаж аэрофотоснимков Стамбула и Усюодара, которые занимают всю стену гостиной, являющейся по совместительству и кухней, она вытаскивает пузырек духов «Шанель № 5» — только классика! — размером с большой палец руки, чтобы потихоньку попшикаться.

Потрясающий объем работы. Все мечети, могилы и бани обозначены, раскрашены, от каждого объекта тянется линия к огромным простыням текста, ксерокопиям газетных статей, надписям и отрывкам на талике,[94] фотографиям миниатюр, контактным листам с эскизами изображений, снимкам перспективы одной великой мечети с другой, устройству минарета третьей, страницам, вырванным из старого туристического путеводителя, рисункам сакральных узлов, напечатанным объемным многогранникам и топологическим формам, к различным алфавитам и шрифтам — тут тебе и персидский, и арабский, и турецкий, и

[94] Примечания: 94

Одна из графических разновидностей арабско-персидского письма, особенно широко применявшаяся в Персии.

набатейский, иврит и греческий, — к молитвам, вписанным в магические квадраты, к архитектурным планам, подробным схемам, на которых карандашом прописаны размеры, к чертежам куполов, трактатам по нумерологии, статьям на английском из научных журналов по теории сетей и теории графов, отчетам геодезистов и инженеров, кратким биографиям султанов и пашей, к маленьким полуотклеившимся желтым листочкам, исписанным аккуратным убористым почерком. Это облако из сопроводительных материалов затмевает даже карту. Айше видит, как линии тянутся над дверью, на потолок, перепрыгивая через бордюр, к краткой истории хамама Хасеки Хюррем,[95] нумерации строк в иллюстрированных Коранах на шрифте сулюс, к знаменитой математической загадке о трех домах, к которым надо подвести воду, газ и электричество так, чтобы линии снабжения не пересекались. Сам потолок — это мозаика из статей и фотографий, чертежей и текстов, которая борется с силой притяжения благодаря

[95] Примечания: 95

Хасеки *(турецк.)* — «наложница», речь идет о знаменитой возлюбленной, а потом и жене османского султана Сюлеймана Великолепного, матери султана Селима II, которая в Европе была известна по имени Роксолана.

пожелтевшему скотчу и чертежным кнопкам, а отсюда линии бегут обратно через десятки идей к карте. Это суммарный итог священной геометрии Стамбула, прародитель мэшапа.

Среди паутины этих линий и нагромождения исследований Айше сначала не замечает рисунка на аэрофотоснимке. Ее внимание привлекает синяя ниточка византийского акведука. Она следует взглядом вдоль линии к Цистерне Тысячи колонн, затем под парком Султанахмет к хаману Хасеки Хюррем. Здесь Айше теряет голубую ниточку — это вода, понимает она, — а потом находит ее снова у мечети Хасеки Хюррем, также посвященной жене Сюлеймана Великолепного. И тут она видит весь рисунок, весь план целиком. Тот же дар, что приводил в движение буквы в руках давно умерших сефардов в ее галерее, отрывает голубую линию от улиц, мечетей и домов Стамбула и превращает в букву «Ха»,[96] парящую надо крышами и куполами. Эта буква в самой своей длинной части около двух километров, написана архаичным куфическим письмом[97] и вытянута вдоль мечетей, мавзолеев, хамамом

[96] Примечания: 96
Арабская буква «Ха».

[97] Примечания: 97
Один из самых древних каллиграфических стилей арабского письма.

Султанахмета. И тут Айше видит еще одну связь.

— Синан,[98] — охает она.

Великий строитель, новообращенный армянин, ставший архитектором султанов. Он жаждал построить огромный исламский купол выше купола Айя Софии, но этому желанию не суждено было сбыться.

Барчин Яйла энергично кивает. Как полагается прихожанину расположенной по соседству мечети Мехмет-Паши, который посещает пять ежедневных молитв, Барчин настолько же чист, насколько отвратительно грязна его квартира. Если не считать дыхания. Такое впечатление, что ему не знакомы зубные щетки. Айше дает ему лет тридцать пять, но она знает по опыту знакомства с многими антикварами, дилерами и фальсификаторами, что возраст человека, одержимого страстью, трудно определить. Как и обещал Бурак, Барчин вежлив, робок, серьезен, наивен, решителен и осторожен. Он — последний хуруфит.

— Синан никогда не стал бы связываться с хуруфитами, — говорит Айше.

Барчин Яйла нервно прикладывает палец к

[98] Примечания: 98

Коджа Синан, самый знаменитый из турецких архитекторов и инженеров османского периода.

губам, словно сдерживая возражения.

— Я думаю, вы обнаружите, что Синан был военным инженером и архитектором при янычарах. Официальным орденом янычар был Бекташи, и, как мы знаем, приверженцы ордена Бекташи многое взяли от хуруфитов. Я думаю, очень даже вероятно, что учение хуруфитов существовало в виде ордена внутри ордена, было секретным обществом для избранных. Военным нравилась иерархия и ритуалы. Моя работа наглядно показывает, что Синан выражал философию хуруфитов в математике своих творений. Организация пространства, пропорции, объем — все это нумерологически заимствовано из Священного Корана.

— Одно дело, когда здание отражает нумерологию Корана, и совсем другое — задумать гигантский алфавит поверх всего города еще до того, как построил первую мечеть.

— Да, но помните, что Синан был главным архитектором и градостроителем во времена завоевания Каира. Он практиковался в этом городе — сносил и строил где ему нравилось. Не сомневаюсь, что у него уже начала формироваться идея сакральной геометрии. Первое, что он построил как архитектор Обители Счастья, была мечеть

Хасеки Хюррем, посвященная Роксолане. Не самая лучшая работа, как ни крути, поскольку он работал с готовыми чертежами, но, без сомнения, первая зрелая работа. В его автобиографии есть история о том, как он осматривал площадку и обратил внимание на детей, которые вылавливали живую рыбу из люков на улице. Синан провел изыскания и обнаружил под землей римское водохранилище. Возможно, это и вдохновило его на реализацию идеи. Спрятанная вода. Никогда не иссякающий поток хуруфизма.

— Но потом он построил и бани Хасеки Хюррем.

— И ее гробницу, но все в соответствии с планом, чтобы нарисовать Семь букв.

Айше следует взглядом за другими линиями вокруг мечети Роксоланы. Зеленый, цвет пророка, тянется через Босфор к мечети Атик Валиде и мечети Михримах Султан в Ускюдаре, образуя букву «Син»[99] протяженностью десять километров. Линия за линией здания Синана складываются в монументальный алфавит. Подобную работу можно выполнить, только если писать буквы убористым куфическим письмом.

---

[99] Примечания: 99
Двенадцатая буква арабского алфавита.

Внезапно Айше озаряет, что буквы могут быть написаны не последовательно, а наложены друг на друга, то есть одно и то же место может оказаться смысловым узлом для нескольких букв. Их нужно не читать по одной, а понять как единое целое вездесущим глазом Всевышнего.

Айше пытается вообразить годы попыток извлечь эти буквы из тысячелетий истории Константинополя, убрать дома, улицы, римские и византийские чудеса, работы предшествующих и не столь знаменитых инженеров и увидеть только здания работы Синана и их геометрические взаимосвязи. Перестановки, должно быть, заняли годы. Темный и извращенно-приятный страх грызет Айше, это интеллектуальная интоксикация, которую она испытывает, откапывая новую рукопись или разворачивая невиданную миниатюру, когда приходит понимание, что она стоит на краю непостижимого, держит в руках целый мир и чуждый ей во всех отношения образ мышления. Прошлое — это другая Вселенная: давно умершая секта высекла свои истины поверх целых городов для поколений, которые не могут этого даже представить. Но тем не менее Семь букв, которые явно вырисовываются по ходу цветных линий на спутниковых снимках

Стамбула, ясно доказывают, что это — правда и останется правдой, покуда стоит сам город. Это темный, оккультный плод. У Айше кружится голова от странного чувства.

Она делает шаг назад от стены и говорит:

— Одной не хватает.

— Верно.

Айше рассматривает узор из линий.

— Последняя буква «Фа»,[100] но я ее не вижу. Ее здесь нет.

Барчин Яйла склоняет голову. Он садится за письменный стол, так же заваленный вырезками, журналами, распечатками и фотографиями, как и стены. Айше замечает, что между грудами бумаг на одном конце столешницы нацарапано огромное количество кругов, явно следов от циркуля.

— Я не могу найти ее.

— Что вы имеете в виду?

— Я не могу найти ее. Последнюю букву. «Фа». Это должна быть «Фа», но я не могу ее найти. Я пытался всячески двигать ее по фотографиям и картам, даже попросил друга из университета написать для меня программу, чтобы пробовать

---

[100] Примечания: 100
Двадцатая буква арабского алфавита.

разные топологии, даже разные шрифты примерял. Но не получается. Может, я что-то упускаю. Может, есть какой-то ключ к разгадке, который я не вижу, или какое-то здание уничтожили, а мне об этом неизвестно, хотя такое и маловероятно… я совершенно уверен, что собрал все архитектурные записи и копии старых карт. Может, Синан попросту не закончил. Умер раньше.

— Не могло такого быть, — сочувственно говорит Айше.

Дело теперь уже не в миллионе евро. Это загадка, расследование, тайна. Город все еще носит у самого сердца скрытое сокровище. Теория Айше прекрасна, элегантна, свежа и волнующа, она просто не перенесет, если теория рассыплется в прах лишь потому, что великий архитектор не успел закончить загадочную схему, которую воплощал пятьдесят лет. Нет, великий Синан не мог так поступить. Если Барчин Яйла прав, и Семь букв завершены несмотря на то, что Синан строил флот на озере Ван, чтобы переправить османских солдат на войну против Сефевидгов; ему как придворному архитектору позволили бы некоторые капризы. Синан не оставил бы самое лучшее на последний момент.

— Нет, рисунок завершен. Он должен быть

обращен. Это же главный архитектор султаната. Наш местный Леонардо да Винчи.

— Судя по голосу, вы в этом уверены.

Скажи ему. Тебе придется когда-нибудь сказать ему. Она могла бы соврать, но мания Барчина Яйлна и его затворничество заслуживают правды. Его квартира воняет, как задница Иблиса,[101] но она его уважает. Он серьезен и благонадежен. Ему плевать на Медового кадавра и сделки на миллион долларов, ему лишь хочется прочесть наконец Седьмую букву на божественной географии Стамбула и выжечь себе глаза, чтобы тайное имя Всевышнего осталось навеки запечатанным в его сетчатке. Он невинный. Блаженный. Он суфий хаоса. Скажи ему.

— Я считаю, что Медовый кадавр Искендеруна похоронен где-то внутри финальной «Фа».

Галерея интересует и отталкивает Барчина: его глаза блестят при упоминании каллиграмм[102] ордена Бекташи, в которых буквы складывались в форме груши, розы, птицы или человеческого лица, что особенно важно для самопровозгла-

---

[101] Примечания: 101

В мусульманской мифологии — дьявол.

[102] Примечания: 102

Стихи, в которых графический рисунок строк складывается в изображение.

шенного члена секты, которая считала человека наиболее совершенным воплощением Божественного слова. Но затем глаза вновь темнеют, когда Барчин слышит, что все ради выгоды, а потом становятся узкими, пока Айше рассказывает историю хаджи Ферхата.

— Это неправильно. Только бессмертным дозволено во плоти увидеть день воскресения. А человек, который распыляется на запрещенные практики, встает на путь саморазрушения.

Глаза расширяются, когда Айше признается, что у нее есть покупатель на Медового кадавра.

— Деньги разрушат суеверия вокруг этого чудовища. Это хорошо. Продайте его, сломайте, уничтожьте, чтобы душа заблудшего хаджи вернулась на землю.

Барчин выпрямляется на стуле, выпучив глаза от удивления, как ребенок, когда Айше признается, что за ниточка привела ее к порогу его дома.

— Когда я услышала о битве магов, между словом устным и написанным, то мне это показалось эхом куда более древней битвы, между устной традицией и письменной традицией. Тарикат Божественного слова — даже само название в духе хуруфитов. Если принять за чистую монету хронологию Бесхун Ферхат, ее семья утратила

контроль над Медовым кадавром ближе к концу XIX, а не XVIII века. Янычар султан Махмуд Второй ликвидировал в 1826 году. В то же время бекташей, которые были особым религиозным орденом янычар, распустили, а их шейхов и баба, глав общины, казнили. Мы знаем, что бекташи хранили философию и теологию хуруфитов, и мне кажется логичным, что в Стамбуле орден ушел в подполье, особенно если он был элитной группой.

— Но Бесхун Ферхат утверждала, что хаджи Ферхат являлся членом этого секретного тариката в XVIII веке, — возражает Яйла. — До Благодетельных событий 1826 года.

Айше всегда восхищал талант османцев придумывать эвфемизмы. Благодетельное событие было на самом деле массовым убийством, казнью десяти тысяч янычар. Тела свалили в кучу на Ипподроме, оставив гнить на июньской жаре. Чем сильнее рафинирован язык, тем более жестоки репрессии.

— Это, скорее всего, было религиозным обществом для респектабельных людей, где предпочтение отдавали эзотерическим играм с алфавитом и нумерологией. Вы же знаете, как тарикаты раскалываются, меняются и реформируются. Я не

думаю, что в этом повинна какая-то сверхъестественная сила или битва магов. Для меня война устного и письменного слова — это столкновение правовых систем: местных миллетов с опорой на устную традицию против шариата. Они проиграли дело и потеряли гроб. Но если секретный орден бекташей пережил Благодетельное событие, если Синан использовал тайны хуруфитов, которые хранили воинственные бекташи, чтобы нарисовать Семь букв, кажется вполне резонным, что тарикат Божественного слова тоже знал об этом. Когда им грозило уничтожение после основания Республики, они попытались спрятать величайшее свое сокровище, уберечь его от реформ Ататюрка, чтобы это стало своеобразной инвестицией, если орден когда-либо возродится. Они наверняка знали его рыночную стоимость. Мое убеждение — моя теория — заключается в том, что они спрятали его там, где только они могли бы его найти, используя эзотерические знания о Семи буквах. Почему я думаю, что это седьмая буква? Потому что ее не нашли даже вы. Это — спрятанный ключ к имени Всевышнего. Они знали это, однако ликвидация ордена оказалась куда более тотальной, чем они могли представить. Общество было уничтожено, инфор-

мация утрачена, но я полагаю, гроб все еще здесь, затерянный в веках где-то среди архитектурных творений Синана. Найдешь последнюю букву — найдешь гроб.

— Найдешь гроб — найдешь последнюю букву, — Барчин Яйла впал в задумчивость, и его пальцы бессознательно двигаются так, что Айше волнуется. Он перекатывает пипетку между пальцами. Айше воображает, что она сейчас сломается, и соляная кислота брызнет ей в лицо.

— Это прекрасный ход мысли, но привел он нас туда, где мы и так находимся. Я посвятил годы молитв изучению Священного Корана и Семи букв.

Ага, ты из вежливости не говоришь, что раз не нашел ее, то и никто не найдет, думает Айше.

— Это самая полная коллекция материалов о Семи буквах Стамбула во всей Турции, — говорит Айше. — В мире. Ни у кого нет большего количества книг, рисунков, архитектурных проектов, заметок, вырезок и статей. Дополнительно ничего узнать не возможно. Чтобы поверить, достаточно того, что есть в этой комнате. Ответ здесь. Вы его видели, просто не узнали. — Она идет к книжной полке. Она не может счесть количество антикварных томов на полках. Вера, даже одержимость, всегда находит деньги. — Итак,

давайте прикинем. Вы не первый, кто прочел эти книги. Какие тексты являются ключевыми? Тарикат Божественного слова, что они читали? Ключевые тексты они должны были прочесть. Ну же! Вы хотите увидеть секретное имя Всевышнего? Книги, книги и еще раз книги. Покажите мне книги. Вопрос представляет собой написанное слово, ответ — тоже. Ключом является Синан. Личность, а не здания. Где я могу прочесть мысли Синана? Кому он доверял свои секреты?

Барчин Яйла ошеломлен напором Айше. В твоем мире тетки так себя не ведут, думает Айше. Если в твоем мире вообще они есть. Барчин вытаскивает три увесистых кирпича в кожаном переплете с красивым позолоченным тиснением.

— «Архитектурный архив великого муфтия Стамбула Сай Мустафа Челеби», «Летопись строений» и «Тезкиретул Бюньян», жизнеописание Синана, составленное им самим. Вы читаете по-арабски?

— Читаю.

Барчин протягивает Айше автобиографию Синана.

— Вы быстро читаете по-арабски? Один вопрос. Что конкретно я ищу?

— То, что глаз верующего не замечает.

Строки бегут. Страницы шуршат. Часы проходят. Абсолютная тишина. Весь Стамбул за окном кажется приглушенным, словно бы замедляется, вязнет в золотистом тепле, в меду. Айше поднимает голову, чтобы дать глазам отдохнуть. Арабский навязывает свой ритм, да и направление письма отличается от латиницы. Комната отрезана от времени, могло пройти сто лет, а могла пронестись и тысяча. Священное время. Айше понимает это сейчас. Слова бегут. Бегут слова. То, что глаз верующего не замечает. Взгляни на это глазами неверного, глазами торговца, купца. Свет скользит по комнате, и еще один слой желтого ложится на стопки газет и журнальных вырезок. Тени удлиняются, жара стоит невыносимая. Айше давно уже не замечает вони.

…Главный архитектор Обители Счастья заказал роспись гробницы любимой кадины[103] Хюррем у Якова Ассы из общины сефардов.

Айше снова перечитывает строку.

…Яков Асса из общины сефардов.

Она не может дышать. Эта пыльная, вонючая коробка душит ее. Она откладывает книгу.

---

[103] Примечания: 103
Жена султана.

Яков Асса. Сефард.

То, что не видит глаз неверного. Айше нацепляет свой цептеп и кликает по архиву изображений. Здесь весь Стамбул, оцифрованный, вечный, в любом виде. Усыпальница Роксоланы построена Синаном в 1558 году в составе комплекса мечети Сюлеймание. Сердце глухо колотится, пока Айше быстро пролистывает изображения залов, облицованных плиткой. Дерево жизни расцветает над нишами, украшенными цветочными узорами. Над каждой дверью плитка из Изника с каллиграфической надписью золотом по синему. Это единственные надписи здесь. Айше наводит фокус на одно из слов, кликает снова и снова, увеличивая размер. Внутри еще есть буквы. Она не может дышать. Каждая из буквы сплетена из других миниатюрных букв. Разрешения достаточно, чтобы увидеть их отдельно друг от друга, не более, но Айше не сомневается, что каждая из букв содержит целый отрывок, написанный микрографией. Фрактальная геометрия. Большое складывается из малого.

— Микрография, — выдыхает Айше. Первое слово за сколько часов? Она и сама не знает. Солнце низко, оно бьет прицельно прямо по этой комнатке на чердаке. — Седьмая буква, «Фа»,

здесь. Она всегда здесь была, просто слишком мала, чтобы вы заметили.

Это привилегия, понимает Айше, доступная немногим, — увидеть, как кто-то переживает духовное откровение. Когда она объясняет историю и технику микрографии, которую евреи-сефарды привезли с собой в либеральное общество Константинополя, после того как по Альгамбрскому декрету 1492 года были изгнаны из Испании. Барчин Яйла движется от молчания через удивление к потрясению, какое испытала и Айше, когда увидела ответ как на ладони, написанный миниатюрными буквами на могиле Роксоланы. Теперь она понимает, что чувствовал Аднан, когда его осенила идея с Бирюзовой площадкой, но Яйла видит еще кое-что недоступное ни ей, ни Аднану. Он видит Вселенную, скрытую от всех остальных, будь то правоверные или неверные. Перед ним личное открытие. Кульминация собственной жизни. Доказательство его веры. Если Всевышний присутствует в каждом атоме Вселенной, то имя его должно быть написано в каждом камне, в каждой клетке тела, каждой молекуле, каждой элементарной частице. Вся реальность соткана из Семи букв.

— Аллах Всемогущий, — шепчет он. — Аллах

Всемогущий.

— Элементы микрографии сефардов проникли в каллиграммы бекташей. Сефарды уже обосновались в Стамбуле ко временам Синана, так что он был знаком с идеей микрографии через влияние бекташей на янычар. Мы знаем, что он заказал у Якова Ассы роспись с элементами микрографии на плитку в могилу Роксоланы. Малое в великом. Большое складывается из малого. Имя Всевышнего можно понять, только если осознать, что оно прописывается в центре всего сущего, каждый день. Мы не ищем что-то в масштабе городов. Мы ищем что-то маленькое, простое, то, на что мы смотрим ежедневно, но что легко пропустить.

— В Стамбуле? Поиски займут всю жизнь.

— Но он хочет, чтобы это нашли. Секретное имя Всевышнего всегда могли найти дервиши, которые понимали. Тарикат Божественного слова спрятал Медового кадавра там, где его сможет отыскать только будущий хуруфит. Если большие буквы формируются вокруг архитектуры, то, думаю, и малые тоже.

— Но в Стамбуле двадцать две мечети Синана,

не говоря уже о хамамах, медресе,[104] ханах,[105] тюрбе,[106] — говорит Яйла, но его пальцы снова находят стеклянную трубочку с кислотой и играют с ней.

— Ну это не будет первым его творением и не будет последним, поскольку никто не знает, какая работа станет последней.

— На все воля Аллаха, — добавляет Яйла.

— Предлагаю начать с той зацепки, которую мы имеем — микрография в Хасеки Хюррем Тюрбе.

— Внутри усыпальница Роксоланы покрыта тремя тысячами плиток, только одна может содержать финальную «фа».

Решимость Барчина слабеет. Айше часто видела подобное у охотников за сокровищами и одержимых какой-то идеей антикваров, с которыми встречалась в маленьком мирке торговли предметами искусства. Чем ближе они подбирались к объекту своего желания, тем меньше хотели заполучить его. Важен поиск. Процесс.

---

[104] Примечания: 104

Мусульманское учебное заведение, выполняющее роль средней школы.

[105] Примечания: 105

Постоялый двор.

[106] Примечания: 106

Гробница-мавзолей в османской архитектуре, усыпальница знати либо известных духовных лидеров.

Конечная загадка может оказаться скучной. История заканчивается. После того как Барчин Яйла прочтет секретное имя Всевышнего, наступит следующий день, когда ему нужно будет спать, есть и испражняться, как в любой другой день. Поиски могут подойти к концу прямо сегодня вечером, очень быстро и не по его собственной воле. Он потратил впустую пятнадцать с лишним лет, но так и не нашел последнюю букву, поскольку не может отойти от значения буквы, посмотреть на букву как на искусство. Для этого потребовалась проницательность другого человека. Женщины.

— Я так не думаю. Маленькие предметы легко потерять. Что, если та конкретная плитка треснет или вовсе отвалится? Она наверняка маленькая, но, по моему мнению, дублируется в нескольких местах.

Возьми его в оборот. Давай же. Не дай ему дрогнуть.

— Мы можем пойти сейчас. Прямо сию минуту. Усыпальница еще открыта. Пойдемте. Вы можете увидеть ее прямо сегодня вечером.

Нерешительность. Отвращение. Ужас. А потом бурная радость.

— Да! Да! — кричит Барчин Яйла. — Если она там, давайте ее найдем. Во имя Аллаха милости-

вого, милосердного!

С этим криком янычары шли в бой. Яйла исчезает в спальне, чтобы взять рюкзак. Айше вздыхает. Интеллектуальная усталость вытягивает соки похуже физической, а ей еще надо преодолеть немалый путь, чтобы найти пристанище хаджи Ферхата. Все хорошо. Она знает, что все будет хорошо. Ощущение правильности пронизывает каждую клетку ее мозга. Главное как смотреть. Айше берет сигарету и собирается зажечь ее, но за этим занятием ее застает Яйла и орет:

— Не курите здесь, пожалуйста! Провоняете мне всю квартиру!

Лазеры пишут на глазных яблоках совершенно синхронно. Красивое зрелище. Лучи толщиной в микрон, видимые только тогда, когда пылинки летят, поблескивая в зазоре между устройством и глазным яблоком. Пыль. Мертвые клетки кожи. Восемьдесят процентов пыли у нас в домах — это омертвевшие чешуйки кожи или что-то типа того. При мысли о том, что мы — фонтаны грязи и выделений, Лейла приходит в ужас, у нее по коже бегут мурашки. Брр. Танцующий луч света рисует переплетающиеся спирали ДНК на сетчатках менеджеров из «Давай, нано!». То же самое изображение, внутрь которого она попала тогда

на Нанобазаре. То же изображение, которое не впечатлило Мете Оймена из Европейского банка инвестиций в новые технологии. У него душа чиновника. А эти — бизнесмены. Они гонятся за крутыми новинками, за трендами.

Лейла пытается читать по лицам Махфи-бея, Айфер-ханым и Гюлназ-ханым, но они предусмотрительно сели спиной к окну с потрясающим видом через весь Бейоглу на Золотой Рог и вечный Босфор. Умышленные силуэты. Лейла пытается удержаться и не коситься на них, не закрывать глаза от солнца, поскольку ее взгляд при таком раскладе легко заметить.

Она как ни в чем не бывало миновала охрану, секретаршу с изысканным макияжем и абрикосовым тоном лица, миновала зал ожидания с кожаными диванами, такими удобными, что она провалилась в них, как проваливается в сон, и поднялась вместе с администратором «Давай, нано!», в чьи обязанности входит встреча гостей, на пятнадцатый этаж с видом на континенты и империи.

— Я вас покину ненадолго?

Разумеется.

Мраморный туалет с розовой водой, одеколоном и брызгами деионизированной воды.

Лейла еле слышно взвизгивает от восторга. Да! Получилось! Она на вершине башни. В угловом офисе. Лейла засовывает дезодорант под блузку и пшикает под мышками. Эта жара когда-нибудь прекратится? Раз пшик, два пшик. Лейла вспоминала, как ее мать называла дезодорант курдским душем. Она краснеет, смутившись при этом воспоминании. Любимые вами люди могут совершать неблаговидные поступки. Затем Лейла поправляет волосы, освежает помаду, одергивает юбку и идет на поле боя. Новые туфли, блузка идеально отглажена. Со стороны Лейла выглядит очень сосредоточенной и заряжает уверенностью Асо.

— Ты на нано? — шепчет она, пока их ведут в конференц-зал.

— Чуток НРК-32Гамма, как и все, — шепчет в ответ Асо. — А ты что, чистая?

А в конференц-зале глазные яблоки тускнеют и замедляются. Презентация подходит к концу.

— Мы говорим о революции, — начинает Лейла. — Сегодня первый день абсолютно нового мира. Информация пишется на генетический код. Все, что мы храним на съемных носителях и цептепах или храним на серверах где-то в Таджикистане, — все это будет внутри вас. Все

фотографии, которые вы когда-либо делали, уместятся на одном ногте. Вы сможете вызывать их просто силой мысли. Вы когда-нибудь мечтали об идеальной фотографической памяти? Теперь она у вас есть. Теперь нужно только увидеть что-то, и вы сможете в любой момент воспроизвести увиденное, и не только вспомнить, но и показать другим, в мельчайших подробностях. И это только начало. Вся когда-либо написанная музыка поместится в вашем аппендиксе. Книжки займут чуть больше, может быть, пару сантиметров вашего кишечника. Все, чему вы хотели научиться, будь то игра на пианино, иностранный язык, ремонт машины собственными руками или бухгалтерский учет, можно загрузить и хранить вечно. Хотите запомнить пьесу или же просмотреть все прецеденты в библиотеке юридических материалов? Пожалуйста. Устройство водопровода в вашем доме, программные коды, химия — все к вашим услугам. Вы можете все, все-все. Обычные нано вымываются из организма. Наш преобразователь Бесарани — Джейлан пишет информацию прямо в клетках тела, а тело с вами навеки. — Лейла удивлена, как она это запомнила. Слово в слово. Детьми они с сестрами наряжались, чтобы на новогодних семейных

посиделках исполнить для домашних песню, которая представляла Турцию в том году на Евровидении, или другую, что исполнял победитель телеконкурса талантов. Она выросла без страха сцены, могла уверенно обратиться к любой аудитории хоть из-за журнального столика, хоть с трибуны перед группой инвесторов, но раньше не понимала кайфа от публичных выступлений. А сейчас слова льются из нее. Она блистает. Ей это нравится. — Вы можете записывать и воспроизводить все детали своей жизни. Все до единой. И для этого хватит пространства, скажем, размером с желудок. Вся ваша жизнь внутри вас. Второе «я». Вы можете проживать жизни других людей. Вы можете загрузить в себя их опыт. Узнать, о чем в действительности кто-то думает. Вы можете думать, как они, предугадывая, что они сделают дальше. Мы на пороге новой индустриальной революции. И это больше, чем просто нано. Это момент, когда все вокруг становится разумным. Благодаря преобразователю Бесарани — Джейлан.

Лейла выжидает несколько минут, чтобы удержать их внимание, пока адреналин не идет на спад. Затем она резко закрывает папку и садится рядом с Асо за большим столом. Это жар от солнца

на ее лице или послевкусие выступления? Команда «Давай, нано!» все так же кажется безликими силуэтами.

— Большое спасибо, госпожа Гюльташлы, и вам, господин Бесарани, тоже. — Лейла только по голосу может понять, что заговорил мужчина. — Вы прекрасно представили свой продукт, а ваша увлеченность и страсть всем нам очевидны.

— Уверена, у вас есть вопросы.

Голова мужчины слегка поворачивается в сторону женщины справа, и та говорит:

— Что действительно интересует компанию «Давай, нано!» в настоящий момент, так это нанопродукты для широкого потребления. Мы вкладываем деньги в развлекательные проекты, например создаем нано для танцев, а еще один вариант — нано, изменяющие голос. Один из любимых наших проектов — симулятор синдрома Туретта.[107] Очень забавная штука. В следующем году мы запустим ее в виде вируса. Сейчас мы обдумываем, как привлечь поддержку знаменитостей, может быть, провернем что-то и запустим

[107] Примечания: 107

Генетически обусловленное расстройство центральной нервной системы. Зачастую больные выкрикивают нецензурную брань и оскорбительные выражения.

ее в меджлис[108] в Анкаре. Политики с синдромом Туретта. Будет забавно. Кроме того, большие надежды мы возлагаем на продукт, который сейчас тестируют на рынке. Называется «Конфетка для ума», это игра для тренировки мышления, основной упор в которой делается на визуальную составляющую, при этом она вызывает настоящие неврологические реакции. Ваш продукт похож на то, что нам нужно, но проблема в том, что мы-то ориентированы на рынок модных приложений для пользователей от четырнадцати до двадцати четырех.

— То есть — «нет»? — говорит Лейла, удивляясь собственному спокойствию.

— Именно, госпожа Гюльташлы. Спасибо, что поделились с нами, желаем вам всяческих успехов, но мы не пытаемся изменить мир.

На подъезде к мосту через Босфор глухая пробка. Маленький дребезжащий ситикар замурован в этой пробке, окружен стеной грузовиков. Все гудят. Кондиционер пытается перебороть жару. Даже безупречная белая футболка брата Наджи намокла от пота под мышками.

— Нет смысла жать на сигнал, быстрее вы не по-

---

[108] Примечания: 108
Турецкий парламент.

едете! — орет Лейла на хвост из стоящих машин, который спускается по красивому изгибу моста. — Какого черта они гудят? Придурки! — Она опускает стекло и кричит на все шесть обездвиженных полос: — Сволочи! Тупые эгоистичные сволочи! Только о себе думаете, да? Ага, ведь надо показать, какие вы крутые, а в итоге десять тысяч водителей застряли здесь из-за вашего эгоизма. Суки! Чтоб вы с моста попадали!

Водитель средних лет в потрепанной старой красной «тойоте» смотрит на фурию, поливающую всех грязью. Асо тоже смотрит на нее. Брови миролюбивого Наджи ползут вверх.

— Ты уверена, что не нюхнула ту хваленую фигню с синдромом Туретта? — усмехается он.

Лейла накидывается и на него:

— А ты ничем не лучше, мистер Ой-ты-подхватила-этот-вирус! Так сделай что-нибудь! Давай убери его, если дело в нем! Сволочи! Сволочи! Могли бы сказать до того, как мы до них доедем. «Мы не пытаемся изменить мир». Я только что поняла, что не надо соваться к тем, кто ворочает большими деньгами. Они равняют наш продукт со всякой хренью для подростков. «Мы ориентированы на рынок модных приложений для пользователей от четырнадцати до двадцати

четырех». Ублюдки.

— Я так понимаю, что вы прониклись идеей, мисс Гюльташлы, вам уже не плевать, — говорит Асо.

— Мне не плевать на то, что я профи. А я профи! Я была, мать их за ногу, чертовски хороша!

Наджи охает, услышав поток бранных слов изо рта родственницы. Девушки Гюльташлы не ругаются. Но ветвь из Демре — очень даже.

— Ладно, ничего не вышло с «Давай, нано!», но зато идем по следу Корана, — говорит Асо. Наджи кивает.

— Почему ты такой рассудительный, а? Ты себя вел примерно также, когда нас вчера отшили в фонде? Разозлись! — орет она на водителей грузовиков и мужика в красной «тойоте», а те не обращают внимания, они держат руку на рычаге коробки переключения передач, водители грузовиков со своей высоты видят впереди движение, легкую рябь, которая идет по арке моста.

— Может, существует квант злости, — задумчиво говорит Наджи.

Лейла и Асо поворачиваются, открыв рты. Наджи пожимает плечами и снова погружается в стандартное молчание. Грузовики приходят в движение. Маленький ситикар зажат между

ними. Звонит цептеп Лейлы.

— Что еще? — орет она.

Это перезванивает Лютфие Асхик из отдела специальных проектов Озера. Господин Сайлан готов уделить ей полчаса завтра в половине десятого, если удобно.

— Разумеется, это удобно. Алло? Алло? Нас будет двое. Я и господин Бесарани. Спасибо. До свидания.

Теперь оба мужчины открывают рты.

— Озер! — кричит Лейла. — Отдел специальных проектов товарно-газовой биржи Озер!

Краем глаза в уголке зеркала заднего вида она замечает, что за ними, через восемь автомобилей, едет эвакуатор.

Паром скользит вдоль борта газовоза и быстро огибает его сзади, покачиваясь на кильватере. Георгиос Ферентину хватается за перила лестницы между палубами, чтобы удержаться на ногах, тяжело дыша при этом. Шустрые девушки легко сбегают по ступенькам, щебеча друг с дружкой. Георгиос Ферентину вытирает лоб и, пыхтя, идет на штурм следующего пролета. Газовоз ползет под мостом, наполовину скрытые водой винты медленно вращаются. Георгиос представляет, как он превращается в разрушительную огненную

вспышку. Увидит ли он эту вспышку, почувствует ли жар, будет ли это экстатическая агония или же просто поцелуй тепла перед превращением в пепел? Георгиос представляет девушек в шортах, майках и сандалиях, когда плоть на обнаженных ногах и руках превратится в кипящую черную смолу. Это произойдет быстро, мгновенно. Вы умрете, даже не успев ничего понять. Душными вечерами, когда дом дервиша, кажется, сосредотачивает все накопленное за день тепло в его деревянной спаленке, Георгиос частенько представляет, какие формы может принимать смерть.

Майор Октай Эйилмез сидит на пластиковой скамейке в тени моста. Он закуривает сигарету и протягивает пачку Георгиосу, когда старый экономист тяжело плюхается рядом.

— В 2021 году меня назначили в военную разведку в Диярбакыр, — говорит майор Эйилмез без предисловий. — На пороге присоединения к ЕЭС мы решили нанести серию стратегических ударов по КРП,[109] чтобы разрушить ее структуру и ослабить позицию курдских националистов до того, как европейское законодательство в обла-

[109] Примечания: 109
Курдская рабочая партия.

сти прав человека и национальных меньшинств свяжет нам руки.

— Резонно, — кивает Георгиос.

— Мы тоже так думали, — говорит майор. — Это была очень успешная военная операция.

— Интересно, почему я о ней никогда не слышал.

Паром разворачивается, солнце ныряет под укрытие моста и бьет прямо в лицо Георгиосу. Щедрое жаркое солнце. Он улыбается, ощущая, как растягивается кожа. Старикам положено улыбаться солнцу.

— От любых действий нужно было на сто процентов отказываться во время процесса вступления в ЕЭС, поэтому убийства по политическим мотивам маскировали под бытовые или вообще под несчастные случаи, все операции проводили втайне, действия сил специального назначения камуфлировали под массовые убийства на свадьбах, вы же знаете этих курдов.

— Они в чем-то похожи на греков, насколько я слышал.

Майор Эйилмез опускает голову:

— Прошу прощения, профессор Ферентину.

Теперь солнечный свет падает на лицо; майор закрывает глаза и говорит:

— Лучшее в работе этой дурацкой группы для меня то, что я смог вернуться обратно в Стамбул. Анкара — это сплошная политика. А вот готовить никто не умеет. Нами тогда назначили командовать доктора Дженгиза Самаста.

— О нем я тоже ничего не слышал.

— Я бы заволновался, если бы вы слышали. Доктор Самаст — самый известный в стране эксперт второго поколения по химическому оружию.

— Боюсь, я особо не разбираюсь в военной терминологии.

— Убивать врагов трудно, да и грязная это работа, если честно. Так мы сеем только большую ненависть. Намного умнее и тоньше — превратить врага в союзника.

— Такое мне слышать не стоит.

— Операция «Евфрат» — проект, в ходе которого проводились полевые испытания химического оружия второго поколения на отдельных изолированных общинах. Это вещество состояло из отравляющего нановещества, которое должно было проникать в мозг и модифицировать поглощение дофамина, окситоцина и серотонина. Вы знакомы с этими нейрогормонами?

Два водителя грузовиков в потрепанных рабочих ботинках подходят к ограждению с чашками

чая, чтобы посмотреть, как чайки ныряют в воду.

— Насколько я знаю, они, главным образом, влияют на поведение и настроение.

— Это вещество должно было заставлять людей становиться пассивными, нарушать ассоциативные связи, усиливать взаимное недоверие, но в то же время делать их более восприимчивыми к нашей информации.

— Пропаганда.

Майор Эйилмез кажется довольным.

— Профессор Ферентину, вы, как и я, в курсе, что Турецкая Республика не занимается пропагандой. Мы занимаемся маркетингом. В итоге мы выбрали Дивриджан, маленькую изолированную деревушку в районе Шырнак Меркезе провинции Шырнак. На то было две причины. Во-первых, деревушка прославилась как база военачальников КРП, кроме того, она располагалась совсем близко от границы с Ираном, а значит, любые непредвиденные последствия можно списать на радиоактивные осадки с горы Фандоглу. Вы, возможно, помните, что мы разработали план эвакуации жителей приграничных регионов, и существуют ограничения на мясо и сельскохозяйственные продукты из той местности.

— По аналогии могу предположить, что турецкое правительство не занимается и экономическими войнами.

— Разумеется, нет. Пакет с химикатами был доставлен в три часа утра модифицированным беспилотным самолетом, невидимым для радаров. Через четыре часа у всех жителей проявились неврологические симптомы.

— Симптомы?

— Повышенная внушаемость. Стойкие визуальные и слуховые галлюцинации. Они верили в реальность этих галлюцинаций, которые могли проявляться в форме внутренних голосов, как при шизофрении. Кроме того, никто не ставил под сомнение их природу.

— Природу?

— Да, это были религиозные видения. Потусторонние существа. Голоса, говорившие от имени Всевышнего.

— Господи Иисусе, — только и может сказать Георгиос Ферентину. Ему трудно дышать. Легкие и трахея наливаются свинцом.

— Да. Звучит знакомо, не правда ли? Люди видят пери или волшебных роботов, джиннов, карин. Хизира. Я разумный человек. Я не верю ни в джиннов, ни в карин, ни в Зеленого святого.

Я бы сказал, что наши друзья, новоиспеченные шейхи, стали жертвами нанобомбы.

— Но как? Зачем? — волнуется Георгиос.

Паром содрогается, когда винт переключается на реверс. Мимо скользят проспекты и причалы Эминеню. Майор поднимается и поправляет китель.

— Прибываем. Думаю, вам пора в машину, пока ваш водитель не разозлился.

Он движется в сторону толпы, которая вываливает на палубу.

— А те люди? Жители деревни? Курды? Что с ними стало? — кричит Георгиос ему вслед. Ушел. Георгиос больше его не увидит. На следующий день место майора будет пустовать, а им зачитают записку с извинениями от майора Октая Эйилмеза. Много работы, другие дела.

Трап опущен. Машины маневрируют, огибая черный правительственный лимузин. Водитель стоит около открытой дверцы, нетерпеливо поглядывая на Георгиоса на верхней палубе.

Мустафа поправляет зеркальные очки на переносице кончиком указательного пальца.

— Мы что, в боевике? — спрашивает Недждет.

Мустафа вставляет чип в замок зажигания. Маленький газомобиль несколько лет стоял в

подземном гараже, но завелся с первого раза. Пластиковые чехлы на сиденьях пахнут маслом и жутко электризуются. На всем лежит тонкий слой пыли. На счетчике пробега двузначное число. Неджет понятия не имел, что у Центра спасения есть и свой парк автомобилей.

— Тут такое можно найти, о чем, я думаю, даже сама компания позабыла, — говорит Мустафа, включая батарею люминесцентных ламп, которые освещают бетонную коробку города и двадцать новеньких «фольксвагенов», припаркованных аккуратными рядами. — Я подумывал открыть службу такси, но Сьюзан заметит километраж.

Мустафа рванул по спирали пандуса с включенными фарами, словно бы он спецагент Метин Чок или легендарный Джек Бауэр.

— Отвечая на твой вопрос, — говорит он, когда двери гаража раскрываются перед ним, запуская внутрь клин слепящего вечернего солнца. — В определенном смысле это боевик.

Неджет отшатывается с тихим криком. Небо состоит сплошь из джиннов — их миллионы, они кружатся, смешиваясь друг с другом, словно буря, вызванная самим Аллахом. Свинцово-серая туча джиннов, джинны сотканы друг из друга,

большие из меньших, меньшие из еще меньших, и все они застилают небо над Левентом. Нити из джиннов переплетаются в пучки, превращаясь в канаты божественного моста между Стамбулом и небесами. Вся эта паутина ведет в одном направлении, словно бы знак свыше. Неджет не сомневается, что она идет в квартиру в Эрейли.

У Мустафы напряженное лицо. Он склоняется над рулем, вцепившись в него так, что побелели костяшки, и проворно перемещается между полосами, подрезает грузовики, обгоняет дорогие «ауди» и «мерсы» на светофорах, проскальзывает между приближающимися трамваями.

— Где ты научился водить? — спрашивает Неджет.

— В туристической полиции. Альтернатива службе в армии. В туристической полиции меньше шансов схлопотать пулю. Это полицейская манера вождения, у них она называется «внимательная». Ты исходишь из предположения, что все остальные участники движения — убийственные кретины.

— Так вот почему ты нацепил эти придурочные очки?

Мустафа ржет как конь:

— Знаешь, сколько я ждал этого, господин Хас-

гюлер?

— Чего?

— Того, что ты меня рассмешишь. Я тебе скажу, сколько. Ровно шесть месяцев, четырнадцать дней и восемь часов. Есть правило работы в Левенте: если у тебя нет чувства юмора, то ты рехнешься. Я люблю тебя, как брата, Неджет Хасгюлер, но ты никогда не демонстрировал ничего даже отдаленно напоминающего чувство юмора. Все эти безумные бизнес-планы, городской гольф и прочая лабуда… да я из кожи вон лез, чтобы выдавить из тебя улыбку, а ты только кивал, как тупой осел. Что бы это ни было, оно тебя меняет.

— Очень тупо будет поинтересоваться, о чем ты?

— Ты реагируешь на то, что происходит вокруг тебя. Ты удивляешься. Ты обратил внимание, что вокруг существуют и другие люди. Ты говоришь. У тебя есть своя точка зрения. Может быть, она ошибочная, но она твоя. И все это превращает тебя в настоящего человека.

Глубокая, как вода, безмятежность и определенность, которую Неджет испытал в Тюльпановой мечети. Раздробленные воспоминания, которые Зеленый святой вызвал глубоко в подвалах под Центром спасения. До сих пор он не задумывался,

что все это может быть частью более обширного процесса — перестройки — или просто строительства? — Недждета Хасгюлера. Кто этот Недждет Хасгюлер? Он чувствует себя в его шкуре как дома и смотрит на мир широко открытыми глазами. Он впервые становится поистине сознательным. Хизир, повелитель воды, хозяин весны и обновления, когда все растет и цветет, заставляет расти и его.

Недждет смотрит на кипящее небо, пока машина несется по мосту Халычоглу. Джинны сбились в большую круглую стаю над большим перекрестком у автобусной станции. Мустафа въезжает прямо в ураган из джиннов. На узких улочках между скучных многоквартирных домов Недждет замечает магазин и просит Мустафу остановить машину.

— Где живет женщина, которая видит пери? — спрашивает Недждет.

Хозяин магазина нервно ерзает.

— Мы не журналисты, — добавляет Мустафа, показывая на логотип Левента на своей тенниске. — Мой друг — шейх. Он видит джиннов. Хотел бы пообщаться с этой дамой.

Глаза владельца магазина вылезают из орбит, он перебирает четки для снятия напряжения.

— Храни нас всех Аллах. Жилой комплекс «Крым» на улице Гюнайдин. Придется заплатить привратнику, он там всем распоряжается.

— Я так не думаю, — говорит Неджет и делает пасс рукой типа того, что делают шейхи, святые и маги. — Кстати, джинн в вашем магазине говорит, что вам стоит проверить систему безопасности.

— Он так сказал? — спрашивает Мустафа, когда они выходят снова на жаркую улицу. — Ну про систему безопасности, что ее надо проверить?

— А разве не в этом нуждается любой маленький магазин?

Консьерж сидит в крошечной облицованной кафелем будочке рядом с шахтой лифта жилого комплекса. Сам лифт — это клетка из латуни и железа, похожая на гильотину на маслянистых тросах с пролетающими с шумом противовесами, хлопающими металлическими дверями и колесами с ребордами. Холл пахнет застарелым табаком, чистящими средствами и толстым слоем масляной краски. Словно бы они попали в другое столетие. Здесь крутятся лишь несколько джиннов; тайные духи роятся вокруг газовых труб и переплетения проводов.

— Мы к Гюнес Косер, — сообщает Мустафа.

— Надо записаться заранее, — говорит консьерж, представитель типичного племени стамбульских привратников, круглый, жирный и желтый. Он открывает журнал. — Консультация стоит пятьдесят евро. Утром или вечером? Если вечером, то еще доплата двадцать евро.

— Мой друг и сам — шейх, — объявляет Мустафа. — Он хотел бы пообщаться с Гюнес как с равной. Он повелитель джиннов.

— Все равно пятьдесят евро.

Неджет напрягается, наклоняется вперед, словно бы вдыхая ароматы прошлого столетия, и произносит:

— У вас проблемы с легкими. Вы слишком много курите. Вы обдумываете, не надо ли пойти к врачу. Надо. Все серьезно. Это не то, чего вы боитесь, но все плохо кончится, если не покажетесь врачу немедленно. Вы же не хотите умереть с трубкой в носу.

— Квартира шестнадцать! — кричит консьерж. — Вы плохие люди! Идите вон!

— Мы посланники Всевышнего, — говорит Мустафа.

Кабина лифта опасно проседает на полметра, когда они заходят. Мустафа устанавливает латунную стрелку так, чтобы она показывала на пятый

этаж. Тяжелая техника грохочет над головами, и ей вторит что-то снизу. Кабина с рывком начинает движение вверх.

— А что конкретно ты видишь, когда тебе являются джинны? — допытывается Мустафа.

— Горящих младенцев, лица на экранах компьютеров, крошечных летающих человечков с очень длинными ногами, которые переплетаются, словно веревки. Джинн внутри того парня внизу напоминал легкое с клювом и крошечными ручками, расставленными в стороны. Как называется штука, которая развивается у курильщиков, когда их легкие твердеют, и они не могут дышать?

— Эмфизема.

— Вот так бы она выглядела, если бы была живой.

— Интересно, может, Гюнес-ханым видит точно то же самое, что и ты, просто зовет их пери, а ты — джиннами?

— Такое не повторяется.

Лифт с грохотом ползет по железной шахте. Внезапный шум на первом этаже отвлекает Недждета и Мустафу. Двери стучат, раздаются крики, топот бегущих ног. Фигуры в черном бегут по лестнице, которая обвивает шахту лифта.

На них военные фуражки. Неджет садится на корточки и тянет за собой Мустафу, когда фигуры проносятся мимо: пуленепробиваемые жилеты, светоотражающие ленты на запястьях и лодыжках, штанины заправлены в тяжелые ботинки.

— Полиция, — шепчет Неджет.

Он пытается передвинуть латунную стрелку, отполированную до блеска. Лифт намерен доставить их прямо в руки полиции, которая окружает дверь квартиры номер шестнадцать. Они вооружены, в руках у них электродубинки и черный таран. Макушки Неджета и Мустафы уже показались над уровнем пола. И тут рука, рука из ниоткуда, хватает стрелку и поворачивает ее влево. Лифт, даже не лязгнув, останавливается, а потом начинает движение вниз.

— Ты видел это? — шепчет Неджет.

— Они вламываются в ее квартиру. Они уже там.

— Я про руку, она была зеленая.

Но лифт едет вниз, увозя их от криков и шума наверху. Рука была зеленой, безо всякого тела, то есть был кто-то за пределами лифта, за пределами нашего мира. Глаза глубокие, как весна. Помощь невесть откуда. Грохочут сапоги, и какой-то предмет тащат вниз по лестнице. Лифт

спускается ниже уровня холла и останавливается, продолжая торчать примерно метрах в полутора над уровнем пола. Недждет и Мустафа прячутся в тени. Полицейские спускаются. Двое везут по лестнице каталку для перевозки больных и раненых, типа тех, что Недждет видел в Центре спасения. Раздается лязг. На тележке лежит женщина, которую так плотно завернули в термоодеяло и зафиксировали на каталке, что она с трудом может двигать руками и ногами. Голова ее тоже скрыта серебристым материалом, но она так яростно ею мотает, что откидывает одеяло, и Недждет видит, что рот ее заклеен липкой лентой. Они встречаются глазами. Недждет отшатывается. Между ними искрится, словно молния, жизнь потустороннего мира — джинны, пери, божества, все и вся. Могущественные создания. Затем четверо полицейских вывозят каталку, а оставшиеся четверо вытаскивают что-то бессвязно бормочущего привратника из его кафельного убежища, а потом и из жилого комплекса. Недждет вскакивает, готовый бежать, но Мустафа тянет его вниз и удерживает, пока звук сирен не растворяется вдали. Затем они силой открывают двери лифта и вылезают на мраморный пол.

— Ты видел это? Видел? — Неджет несется по ступенькам на улицу. Улица Гюнайдин словно бы застыла, это фотография. «Одна из улиц Стамбула, 14 апреля 2027 года, 18.27». — Это была она, я видел ее в трамвае, она находилась прямо рядом, когда взорвалась бомба. А это не полицейские вовсе, а спецназ!

Мустафа берет Недждета за руку, чтобы увести его, пока он не привлек к себе внимание полиции, но Неджет вырывается. Он стоит без движения на улице Гюнайдин, которая снова течет мимо и шумит, напряженно вслушиваясь, словно бы слышит почти неслышную музыку. Неджет хмурится, трясет головой, а потом, кажется, ухватывает нить мелодии. Мустафа видит, как он бросается на другую сторону улицы. Неджет останавливается рядом с магазином, торгующим цептепами, и показывает на робота, грязно-желтого с черным, который, как оса, цепляется к пластиковой вывеске.

Призыв к молитве звучит с четырех минаретов мечети Сюлеймание, когда Айше Эркоч входит в южные ворота. Айше всегда испытывала ужас перед азаном.[110] Дело не в суровой красоте че-

[110] Примечания: 110
В исламе — призыв к обязательной молитве.

ловеческого голоса, пусть даже записанного на пленку и усиленного с помощью аппаратуры, как принято в наши упадочные времена, и не в перекличке множества перекрывающих друг друга призывов из разных концов города. Азан приводит ее в ужас, поскольку в нем нет к ней уважения. Азан говорит, что это не ее город и не ее время. Город принадлежит Всевышнему, время тоже, и время Всевышнего — это абсолют. Все твои перемещения, все твои дела строятся относительно этих пяти столпов. Пять раз на дню ты должен отложить то, что ты делаешь, и обратиться к Аллаху. Айше боится азана, поскольку для нее это звук атавизма. Он отрицает перемены и надежду на перемены. Он говорит, что все деяния рук человеческих временны, а все надежды на прогресс тщетны. Все, что надо, здесь. Это идеальный путь. Приди и молись. Айше боится азана, поскольку он гласит, что Истамбул, Обитель Счастья, Царь Городов, — это город мужчин. Азан сообщает, что ей, Айше Эркоч, тут ловить нечего.

— Надеюсь, вы не сочтете за наглость, если я скажу, — говорит Барчин Яйла, — но я заметил, как одна и та же машина трижды проезжала мимо, пока мы шли сюда от Кючюкаясофьи.

— Какая машина?

— Боюсь, я не слишком разбираюсь в машинах. Серебряная. «Шкода»? Есть такая марка? — У дверей во двор он сообщает: — Пройдите, пожалуйста, в женскую галерею.

Айше готова капнуть его кислоту себе в глаза. Пока Барчин Яйла молится с мужчинами в роскошном молельном зале, высота которого в два раза превышает ширину, Айше изучает местность. Семьи пришли на пикник в прохладной тени деревьев, покрывала расстелены на траве, матери очищают вареные вкрутую яйца, отцы наливают чай из термосов. Листья шуршат при малейшем дуновении ветра. Айше видела раньше Сюлеймание с примыкающими к ней по обе стороны медресе и кюллие,[111] поскольку на купол и минареты выходили окна ее научного руководителя в университете, но сегодня она впервые видит все это живьем. Но не глазами верующего, поскольку история Барчина Яйлы показала, что глаза верующего слепы, а глазами архитектора, дизайнера, художника. В порядке куполов от большего к меньшему чувствуются математические ритмы и гармонии. Пролеты арок, расположение окон и опор под

[111] Примечания: 111

Комплекс сооружений вокруг мечети (медресе, благотворительные учреждения, библиотека, больница и т. д.).

куполом, высота столбов и количество балконов на минаретах, геометрия квадратов, шести- и восьмиугольников. Это место — не камень, а музыка. Она провела бы годы, десятки лет в поисках спрятанных знаков в этих великолепных каменных хорах и созвучиях.

Сумерки сгущаются под деревьями и в проемах ворот, когда Айше проходит на кладбище, где расположены усыпальницы Османской династии. Ей слышатся летучие мыши. Айше трижды обходит могилу Роксоланы. Она изучает в сумерках резьбу, ощупью бредет по траве, разглядывает могильные камни, трогает резные узоры на колоннах, пинает носком туфли туда-сюда камешки. Ничего. Она могла бы потерять даром год, приходя сюда каждый день в любую погоду. Как она могла подумать, что отыщет ключ с первого взгляда, словно пуля полетит к назначенному месту, которое засияет среди всего этого архитектурного величия огромного комплекса мечети только для нее и ни для кого больше? Но ответ сокрыт здесь, в этом она уверена. Когда она идет обратно, чтобы встретиться с Барчином, один за другим зажигаются прожекторы, отбрасывая неестественный и неуместный свет на купол и минареты. Угловатые тени могут быть куфиче-

скими буквами, скрытыми в архитектуре, могут быть контрфорсами или даже птицами. Семьи пакуют остатки снеди и одеяла, пытаются найти, куда выкинуть пустые пластиковые бутылки.

Она находит Барчина сидящим на ступеньках у ворот, рядом с ним стоит рюкзак. Он светится. Его лицо сияет, глаза горят, кожа упруга. Айше видела такой свет на миниатюрах, изображающих Двенадцать имамов и святых, и на прикрытом завесой лице самого пророка. Айше интересно, а вдруг то, что она считала невинностью и наивностью, на самом деле святость.

— У нас есть дело, — говорит Айше.

— Радостное дело, — отзывается Барчин, и Айше понимает, что он с радостью принимает идею о годах поисков, плитка за плиткой, надпись за надписью, карниз за карнизом, ниша за нишей, и тщательный обыск величайшего из творений Синана протяженностью в десятилетия, это священная обязанность, буква может быть вырезана в каждом камне, на каждой плитке. К тому моменту, как ты найдешь ее, ты уже поймешь, насколько неважна сама находка. Урок суфизма.

Любители пикников и вечерних прогулок поодиночке и парами устремляются к воротам, выходящим на проспект Сидик Сами Омар, ко-

торый во времена Синана назывался улицей Наркоманов, не только потому, что тут можно было купить наркотики, но и потому, что здесь располагалась больница, которая из сострадания лечила опиумных курильщиков.

— Начнем завтра, — предлагает Айше. — Идете или останетесь до ятси?[112]

— Я вернусь в свою мечеть на последнюю молитву, — отвечает Яйла.

— Если они узнают, что вы ищете и во что верите, то назовут вас еретиком, — говорит Айше, пока они идут по скрипящему под ногами гравию под деревьями, в листве которых шебуршат летучие мыши. — Сейчас это небезопасно.

— На молитве рады видеть всех, — возражает Яйла. — Аллах милосерден.

Около ворот он оборачивается, чтобы окинуть взглядом величественную мечеть на фоне грандиозного заката, который развертывается на небе, словно знамена войска Всевышнего у Эюпа, жутковато поблескивая в свете прожекторов.

— Вот она, радость! Радость!

Нет тут никакой радости, Айше. Это ад. Ты стала одной из потерянных. Сельма Озгюн предупре-

---

[112] Примечания: 112
Время отхода ко сну у турок — часа через два после заката.

ждала ее. Красный на мосту Галата предупреждал ее. Даже кролик Бесхун Ферхат предупреждал ее. Мед манит, мед соблазняет, мед завлекает в ловушку. Не связывайся с охотниками за Медовым кадавром. А она не послушалась. Она позволила соблазнить себя. Она стала одной из потерянного легиона хаджи Ферхата.

Барчин Яйла идет вниз по лестнице к проспекту и вдруг застывает как вкопанный. Его губы искривляются, будто от боли.

— Я на чем-то стою, — говорит он слабым голосом.

Айше пулей несется к нему на помощь, но не видит на мостовой ничего, обо что он мог повредить ногу. Левая нога Барчина стоит на решетке люка, очень красивой решетке из обработанного камня, которой, наверное, столько же лет, сколько и мечети. Решетка украшена витиеватой резьбой, слишком сложной для крышки канализационного люка. И тут она видит. Она видит. Рисунок представляет собой серию букв, выполненных куфическим письмом, которые наложены друг на друга. Айше падает на колени прямо на улице. Мимо нее проносится ситикар, водитель что-то орет, но Айше его не слышит. Она снова и снова читает названия шести букв.

— Я почувствовал это через подошву ботинка, — с удивлением говорит Яйла. Он скидывает ботинок и стоит с одной босой ногой. — Я стоял на тайном имени Всевышнего!

— Убери ногу, — приказывает Айше.

Она рассматривает буквы. Резьба пережила четыре века стамбульского движения и дождей. Пространства между вытянутыми в длину куфическими буквами образуют дренажные отверстия. Айше смотрит по сторонам. Под ногами пешеходов, под колесами быстрых мопедов и жужжащих ситикаров она видит такие же люки, расположенные на равных расстояниях вдоль улицы. С виду ничего особенного — маленькие вездесущие люки, на которые никто не обратит внимания, кроме тех, кто ищет специально.

— Синан, ты, мать твою, гений!

Барчин Яйла еле дыша лепечет: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного!»

Айше наклоняется и прижимается щекой к решетке. Она ощущает движение воздуха, охлажденного в глубине нутра старого Стамбула. Это дыхание той самой последней буквы, уникального ориентира, указывающего на сердце Всевышнего.

— Помолчи, а?

Барчин испуганно замолкает. Айше пробует снять кольца. Обручальное поддается легко. Нет, не это, это нельзя. Она скручивает с пальца красивое кольцо с бирюзой Тюльпановой эпохи, которое она забрала в счет оплаты у покупателя из Болгарии. Айше Эркоч бросает кольцо в отверстие люка. Спустя несколько мгновений раздается еле слышный, но чистый звук.

Джану нравится супермаркет. Мягкий неоновый свет, блеск полок. От холодильников веет прохладой, а на высоких полках, докуда Джану не достать, спрятаны тайны. Супруги ссорятся вокруг тележек, кладут продукты и выкладывают их обратно, малыши в детских креслах смотрят на него с серьезным видом, когда их катят мимо или оставляют посреди этой галереи чудес, а матери бросают сочувственные взгляды, когда мама разговаривает с ним жестами. Смотрите, глухой мальчик. Я не глухой, а если бы и был, то я бы вас видел. Маленький детектив ничего не упускает, включая упаковки колготок, или бритв, или бутылки виски, которые они тайком прячут под своими черными плащами чарфаш. А на кассе он любит угадывать, что за люди стоят перед ним в очереди, исходя из выбранных ими товаров, скользящих по ленте. Джану в супермаркете

нравится то, что это не площадь Адема Деде. Не Кенан, который подмигивает и задает вопросы. Очень. Старательно. Артикулируя. Слова. Как у тебя дела?

Сегодня вечером супермаркет полон старичков и старушек, которые, шаркая ногами, бродят туда-сюда, ничего не покупают, а просто остужаются под кондиционерами. Парковка после прохладных рядов кажется удушающе жаркой. Воздух пахнет горячим асфальтом. Мир бесконечен и богат.

— Мам, мне кажется, так должна выглядеть Калифорния.

Шекуре Дурукан делает знак, который означает «Что ты несешь?».

— Да так, ничего, — говорит Джан. Он загружает очередной пакет в багажник «газового пузыря».

Вечер похода в супермаркет всегда сулит удовольствия. Мороженое, которое Джан съедает прямо в машине, не из нетерпения, а из-за ощущения изысканности, которое он испытывает, когда добирается через шоколадную глазурь до холодной кремовой середины, пока мимо проносятся огни города. Когда он едет вечером в машине, поедая мороженое, а мать постукивает пальцами, отбивая мелодию, звучащую по радио,

Джан остро чувствует, как выглядела бы другая жизнь, которую они могли бы вести. Такая жизнь протекает в симпатичном пригородном домике с гаражом, с красной кирпичной крышей и газоном. Позади — качели и батут. На веранде сидит женщина и читает журнал, а в доме глава семейства смотрит спорт со своими друзьями, а потом они сыграют в карты. Вокруг дома на крутом велике рассекает мальчик. Он может поехать куда угодно на этом велике. Этот мальчик — Джан, если бы он был здоров, если бы не синдром QT.

— QT, кью-ти, — мурлыкает он себе под нос, — крути, крути.

— Что, дорогой?

— Да так.

Певица Шемси крутит попой в облегающих красных брючках с плаката во всю стену.

Джану не разрешают поднимать ничего тяжелого по лестнице в квартиру, поскольку напряжение может навредить его сердцу. Родители подумывали установить подъемник, но вопрос упирался в деньги и в надежду, что, может быть, Джан все-таки повзрослеет и станет сильным подростком. Шекуре звонит Осману по цептепу. Три пакета в одной руке, подъем вразвалочку по крутой деревянной лестнице. Почему бы просто

не спустить корзину с балкона? Иногда нельзя взять и посоветовать такое людям. Не в первый раз Джан подозревает, что он куда смышленее родителей.

Джан не доедает кусочек мороженого в награду за то, что его оставили в гордом одиночестве на улице в «газовом пузыре». Шекуре и Осман затащили его в дом в тот самый момент, когда спустились ройботы. Джан злился, а потом боялся, когда тихие крики начали пробиваться через кокон тишины вокруг него. Надо было дать ему посмотреть. В труднодоступных местах площадь Адема Деде все еще испещрена краской: в примыкающей к стене части желоба, на рамах вокруг люка и на карнизах, на резных элементах, — там, куда не дотянуться ни щеткой, ни стеклоочистителем на длинной ручке. Краска осталась на цветочном узоре каменного фонтана. Книжную лавку даже не попытались привести в порядок. Джану леопардовые пятнистые жалюзи кажутся даже более симпатичными, за ними всенепременно должно скрываться что-то потрясающее и дикое. Киоск Айдына тоже закрыт на ночь. А вон Кенан в своей лавке, смотрит спортивный канал по висящему над дверью телику с плоским экраном. Бюлент и Айкут в конкурирующих

чайных заняты одним и тем же — расставляют чайные стаканы аккуратными рядами, у Бюлента стаканы с золотым ободком, а у Айкута малиновые. Джан улыбается. Ему нравится замечать мелочи. Так мистер Ферентину смотрит на мир. А вот и Неджет, ой, простите, шейх Неджет, крадется домой по переулку Украденных кур после того, как где-то таскался весь день. Он никогда не выглядел особо хорошо, но сейчас просто в ужасе, лицо осунулось, а глаза выпучились, как у героев мультика про безумных имамов, идет весь сгорбившись. Если это Аллах с тобой сделал, то стоило бы тщательнее выбирать себе друзей. Возможно, за ним следит робот. В конаках и старых зданиях вокруг площади Адема Деде столько укромных местечек, где может спрятаться робот. Уж Джан-то знает, он большинство задействовал. Он помнит о предупреждении господина Ферентину, а потому вжимается в сиденье и выглядывает поверх приборной доски.

Неджет мнется, словно бы боится идти по Гюнешли к своему убежищу. И тут вдруг распахиваются двери маленького белого фургона, припаркованного у чайханы, фургона, на который Джан даже не обратил толком внимания, поскольку тот выглядел ничем не примечатель-

ным. Из него выскакивают три молодых парня в ветровках и спортивных штанах. Молодчики подбегают к Неджду быстрее, чем он успевает среагировать, и валят его на землю. Попытавшись встать, он получает удар в живот, после чего парни связывают ему руки за спиной куском проволоки. Неджду не хватает времени, чтобы восстановить дыхание и крикнуть, его волокут и заталкивают в фургон через задние двери. Двое парней залезают в фургон вслед за ним, а третий плюхается на водительское сиденье. Хлопают дверцы, фыркает мотор. Джан сползает вниз, чтобы его не было видно, когда белый фургон проносится мимо него по Киноварному переулку. Все это происходит так быстро, что Джан и охнуть не успевает. Быстро и грубо, и он единственный, кто видел похищение. Бюлент и Айкут увлечены своими стаканами, Айдын захвачен просмотром бесконечных обсуждений перед матчем «Галатасарая». Все смотрели в другую сторону. Джан — единственный свидетель.

Джан выдыхает. Оцепенение спадает. Маленький детектив знает, что нужно делать.

Джан выскакивает из «газового пузыря» и бежит вниз по лестнице навстречу родителям, которые спускаются за второй порцией пакетов.

Шекуре сердито делает ему знаки. Джан открывает компьютер, падает на кровать, попискивая от злости на бесконечные окна загрузок. Так медленно! Ага. Еще несколько минут, которые тянутся вечно, и приложение открывается.

Ну же, шепчет Джан, склоняясь над экраном. Давай же. Ура!

Он останавливается, складывая руки в жесте, который заставляет Птицу вылететь из гнезда битботов. Обещай мне, что больше не будешь этим заниматься, просил господин Ферентину. Мы не детективы. Ты должен пообещать мне или больше сюда не придешь.

— Но я — единственный свидетель, — бормочет Джан, глядя на экран. — Если я ничего не сделаю, то никто не сделает. На меня вся надежда, господин Ферентину.

Он раскидывает руки в стороны, и битбот принимает форму птицы. Джан скрещивает большие пальцы и помахивает остальными, словно крыльями. Лети, Птица! И Птица взлетает над деревянными карнизами, огороженным садиком и маленьким тихим кладбищем дома дервиша. Белый фургон мог куда угодно свернуть с Киноварного переулка, и Птица изучает возможные варианты многочисленными глазами. Улица

Бол Ахенк. Нет. Алчак Йокушу. Джан видит, как люди съезжают по крутой улице на мопедах. Отчаянные и опасные похитители рисковали бы фургоном. Нет. Вниз по проспекту Неджатибей. Вечернее движение, свет фар и уличных фонарей слепит, мимо проплывают горящие неоновым светом трамваи, трудно отличить белый фургон от других машин на огромной улице. Джан перенастраивает глаза Птицы и рассматривает проспект Неджатибей в максимальном приближении. Они должны быть здесь, должны ехать в этом направлении, к мостам. Но здесь так много белых фургонов! Ты даже представить себе не можешь, насколько их много, пока не попытаешься найти какой-то определенный. Ага, вот он! Пятая машина перед светофором. Птица скользит над очередью из автомобилей.

— Стань Крысой! — шепчет Джан и сжимает кулаки.

Птица взрывается целым дождем битботов, которые на расстоянии нескольких миллиметров от дороги превращаются в быструю и умную Крысу. Но зажигается зеленый свет, машины приходят в движение. Белый фургон уезжает прочь. Джан сосредоточенно пыхтит, заставляя Крысу маневрировать между убийственных шин и мопедов.

Быстрее! Быстрее! Но белый фургон удаляется от него, хотя он бешено несется через поток такси и грузовиков. Силиконовые усы помогают увернуться от гильотины колес трамвая, Крыса бежит по рельсам за белым фургоном, пока рельсы не поворачивают в сторону. Между ним и фургоном две машины — нет, снова три. Джан высовывает язык. Каждый его нейрон сосредоточен на этом последнем раунде погони. Они уходят, уходят. И тут поток машин внезапно останавливается из-за одной из непредсказуемых стамбульских пробок, которые по непонятным причинам замораживают движение в целом квартале, а потом таким же непонятным образом сами собой рассасываются. Крыса ныряет под машины, несется между колес. Вот они! Остается меньше метра, когда поток снова ускоряется. Фургон движется. Уезжает от него. У Джана один-единственный шанс. Он с резким криком, который слышит даже через свои беруши, вскидывает руки вперед. Крыса прыгает, словно бы зависая в воздухе, а потом цепляется за номерной знак.

— Да! — кричит Джан, но магия на этом еще не кончилась. — Давай, малыш!

На проспекте Неджатибей от Крысы внезапно отделяется крошечный Крысенок, клон большого

битбота, величиной с ноготь большого пальца, который цепляется к дверце белого фургона. Это приложение Джан скачал с форума любителей битботов, называется оно «Битбот мини-я». Джан попробовал его разок, как и большинство других приложений, показал друзьям, а потом забыл про него, поскольку не мог найти применения. Но сейчас перед ним задача, для которой приложений не пишут.

— Крыса, домой!

Крыс-папа отцепляется от фургона, превращается в мячик и катится обратно по проспекту Неджатибей, подпрыгивая между колесами и рычащими моторами, словно пустая пластиковая бутылка из-под колы. Давай. Джан снова соединил кулаки, в процессе прыжка Крыса перегруппировалась, ускользнула от колес автоцистерны и прыгнула в укрытие водосточного желоба.

— Хорошая Крыса, умница! — говорит Джан и переключает робота на режим «возвращение домой». Он медленно, но верно доберется до балкона Дуруканов на минимуме расхода энергии. Работа Крысы окончена. Теперь за дело берется Крысенок, и Джан открывает его окошко. Картинка с его крошечных камер искажена, но это

по сути лишь аппарат слежения, так что Джану достаточно и этого. Крысенок проедет в фургоне весь путь до пункта назначения.

— Я знаю, где вы живете! — говорит Джан.

Дверь в спальню открывается. В светлом проеме стоит отец. Джан видит, как сердито сжаты его челюсти.

— Ты что тут делаешь? — удивленно спрашивает он. Джан притворяется, что не может прочитать по губам. Осман Дурукан закрывает дверь. Джан возвращается к компьютеру и открывает окошко, на котором отображается передвижение Крысенка. Фургон направляется к мосту Ататюрка.

— Теперь по моим правилам, — говорит маленький детектив.

Ты — икона Девы Марии, Матери Божьей, Богородицы. Миниатюрная и незавершенная, тебя творила рука, полная веры, но благочестия не хватило, чтобы сгладить недостаток умения. Твои руки нарисованы с трех разных перспектив, глаза широкие, но невыразительные, они отвернуты от мира. Лицо темное и вытянутое, в его грубоватости схвачена невыразимая печаль, которая обрела оттенок меланхолии этого города задолго до того, как ее начали называть «хюзюн».

Тебя не украшали ни позолотой, ни толченым жемчугом, и оправа твоя из обычного крашеного дерева. Ты маленькая и невзрачная. Обычный посетитель не заметит тебя, висящую среди куда более ярких и сияющих изображений в иконостасе церкви Святого Пантелеймона. Но взгляд веры проникает глубже. В этой топорной работе чувствуется что-то невыразимое, мистическое. Дело не в лице, не в руках, не в пальцах, поднятых в крестном знамении, а в голубом покрывале, что ниспадает складками с головы Богородицы. Неужели та же рука могла нарисовать его? Кажется, будто покрывало парит над деревом, яркое и светящееся, почти искрящееся. Ты — икона «Покрова Богородицы». Ты висишь среди лампад и изображений святых пятнадцать сотен лет. Твой создатель наложил краску на деревянную доску в том же году, когда Юстиниан распорядился возвести собор Святой Софии. Ты была слишком простой для императорской базилики и годилась для церквей попроще, для церквей, в которые ходят простые люди. Они преклонялись перед тобой. Ты заслужила их любовь. Ты творила небольшие чудеса, которые входили в легенды: помогала найти пропажу, берегла солдат, защищала путешественников. Ты избежала

печальной участи в период иконоборчества, поскольку вдова в благодарность за то, что сын вернулся целым и невредимым с восточных рубежей империи, прятала тебя за пазухой один год и один день даже после того, как на ее теле отпечатался твой след. Когда Богоматерь явилась в видении Андрею Юродивому и простерла покров свой над Константинополем, защищая его от неприятельской армии, и твой прекрасный покров стал частью этого большого защитного покрова. Когда Мехмет Завоеватель разрешил своим солдатам мародерствовать в течение трех дней в поверженном Константинополе, тебя спрятали ликом вниз в яслях, пока кровь бежала по улицам ручьем, и последние воспоминания о Византии были сожжены. Теперь тебя почитают не только христиане, но и мусульмане, оставляя небольшие дары за то, что нашлась пропажа, сдался упрямый чиновник, а сын вернулся из армии живым.

Четырнадцать веков, четыре империи, дюжина церквей. Теперь ты нашла покой в церкви Святого Пантелеймона, не древней и не особо почитаемой, став скрытым сокровищем среди множества изображений, украшающих иконостас. Весь фокус в том, что глаз непосвященного

тебя и не узнает, верующий должен тебя отыскать. Ты учишь тому, что чудеса можно найти в обыденных местах — скрытые, скромные, растворяющиеся в толпе сразу после того, как их совершили. Божественное сокрыто в лицах, которые ты видишь ежедневно, во всем, что окружает тебя, словно покров.

Сегодня вечером отец Иоаннис почтил икону особо, сняв с иконостаса и поместив на подставке в притворе[113] специально для всенощной. Под подставкой скопилась уже небольшая кучка евро и центов.

Космический синий цвет покрова сиял прямо из храма в удушливых сумерках улицы Хавьяр и зазвал Георгиоса Ферентину внутрь. Он гулял, думал, пытался оформить мысли о вере и химии, когда боковым зрением ухватил вспышку цвета крыла зимородка. Вообще-то он не собирался идти к церкви Святого Пантелеймона, но прохлада голубого покрова, казалось, пропитала крошечный притвор, облицованный плиткой. Рычание Стамбула осталось за спиной. Георгиос может дышать, глубоко дышать без одышки или напряжения. Воздух пахнет приятно, и это не

[113] Примечания: 113
Передняя проходная часть храма.

запах ладана или чистящих средств, которыми отец Иоаннис пытался оттереть мочу, а более древний и глубокий аромат — аромат Девы, который старше, чем само христианство, аромат античных богов греков и хеттов, плодовитой Венеры из первозданной Анатолии.

Отец Иоаннис исполняет прокимен.[114] У него приятный бас, глубокий, как подземный резервуар. Звонкий, как колокол. Георгиос бормочет строки литургии. Они в памяти навечно. Главное — правильно научить в детстве ребенка. Георгиос никогда не боролся с религией — в чем смысл борьбы с такой красотой, с таким интимным спектаклем, с мелодией вечности? Можно ценить, даже не веря. Он стоит в уголке у двери в тени, откуда он всех видит, а его никто. Свечи и масляные лампады горят рядами перед иконостасом. Агония святого Пантелеймона куда ужаснее в мерцающем свете. Палачи прибили руки гвоздями к голове. А вот пустует то место, где обычно висит икона Богоматери в окружении пробитых черепов, сцен свежевания, жестоких казней и прочих живописных сцен, которые так ценит владелица галереи госпожа Эркоч. Русские

[114] Примечания: 114

В православной церкви — неоднократно повторяемая песнь, состоящая из одного стиха псалма.

платят за такое баснословные деньги, газовые короли и сырьевые олигархи стены увешивают изображениями мучеников. Темный и загадочный народ эти русские.

Отец Иоаннис появляется в поле зрения Георгиоса и занимает место перед входом в алтарную часть. Старик делает шаг назад. Читает молитвы по случаю. Голос отца Иоанниса управляет всем пространством под расписанным звездами сводом. Не в первый раз он в гордом одиночестве читает молитву. Но нет, он не наедине с Господом. Движение — и чья-то тень выходит из интимного полумрака нефа. Прихожанин. А нет, голова покрыта, значит, женщина.

Сердце Георгиоса замирает в груди. Он отходит от двери, вдвойне объятый ужасом, что его могут заметить. Но он должен видеть. Он осторожно движется вокруг двери, пока не видит отца Иоанниса и женщину в профиль. Ее голова наклонена. Платок на голове скрывает ее черты. Локон серебряных волос выбивается и ложится на воротник ее блузы. Георгиос практически не осмеливается дышать. Это она. Это должна быть она. Песнь Симеона заканчивается, женщина поднимает голову. На ее лицо падает свет. Она прекрасна в своей естественности, радостно улы-

бается резонансному звучанию в старой церкви. Снова раздается бас отца Иоанниса. Пусть это длится вечно, думает Георгиос. Пусть это будет нескончаемый плач Богоматери по обломкам нашего мира, вне времени. Его руки трясутся. Это сродни вуайеризму, он подглядывает за движением души. Внезапно запах ладана становится удушливым. Он должен уйти. Так нужно. В спешке он задевает подставку с иконой. Икона, равнодушная к происходящему вот уже четырнадцать веков, наклоняется вперед, грозя упасть на кафельный пол. Георгиос поправляет ее, но грохот латунной подставки заставляет Ариану повернуть голову в сторону притвора. Георгиос уносится прочь, скрючив плечи и закутавшись в пиджак. Не слышь меня, не видь меня, о Дева Мария, накинь на меня свой покров.

За деревянной дверью своей квартиры в своей деревянной кухне Георгиос ставит на плиту металлический чайник. Вот его чай, смесь черноморских трав, приготовленная специально для него. Вот его чайные стаканы поблескивают в подсветке. Георгиос Ферентину швыряет один стакан об стену. Крошечный тюльпан из нежного стекла взрывается. Затем второй, третий, все до единого, Георгиос ревет от невыразимого гнева и

ощущения потери. Все до единого. Он не может дышать, но в этом доме, в этом ужасном доме никуда не скрыться от жары. Он ненавидит этот дом и всегда ненавидел его, а перебрался сюда лишь потому, что не мог позволить себе ничего лучшего, с тех пор как Огюн Салтук объявил об окончании его карьеры профессора. Из-за решений, которые он до конца не осознавал, его жизнь разлетелась в щепки, оставив от него самого лишь обломок. У него должны были быть друзья помимо кучки старых греков, должна была быть семья, должны были быть дети. Должна была быть Ариана Синанидис.

Экономика не всегда была «мрачной наукой». В начале осени 1980 года экономика была захватывающей, революционной. Экономика на несколько сладких недель после того, как летняя жара пошла на спад, стала модной, крутой. Георгиос Ферентину никогда не был крутым. Он никогда не проводил время в барах на площади Таксим или в кафе в Бейоглу с людьми, которые могли обсуждать идеи и после наступления комендантского часа, которых бы будоражили его новые идеи и новый взгляд на вещи. Он никогда не маршировал плечом к плечу с людьми, чьи лица и имена знал лишь по газетам, а теперь

вдруг понял, что они просто люди. До этого он никогда не поворачивался спиной к полицейским водометам и не умел подхватывать гранаты со слезоточивым газом и бросать обратно в войска, а потом нестись через улицы и переулки старых кварталов, чтобы остановиться, еле дыша, на пороге, широко открыв глаза из-за внезапного понимания, какая миновала опасность. Он стоял так близко от Арианы Синанидис, что чувствовал ее сбивчивое дыхание, а потом их сбивчивое дыхание превращалось в безумный хохот. Да он вообще не знал, что умеет бегать. Он был худеньким, бледным и оторванным от реальности. А теперь связался с политикой, но тоже как-то тихо и скромно. Он влюбился.

Любовь ослепляет вас больше всего. Те лекции, что он читал, те демонстрации, на которые он ходил, те листовки, что печатал по ночам, — все это не относилось ни к социализму, ни к коммунизму, ни к исламизму. То был романтизм. Нет более пылкой страсти, чем любовь во времена революции. Даже когда лица с газетных страниц уже не маячили рядом на демонстрациях, когда в бухтах Кадикей и Эминеню и на заброшенных придорожных автостоянках шоссе в Бурсе обнаруживали все больше безликих трупов, с ним

такого не могло произойти. Любовь защищала его, как слово Божье.

— В конечном итоге все обрушится на нас, — ворчала его матушка. — Я видела это в пятьдесят пятом году. Всегда все обрушивается на греков, курдов и армян. Ну, еще на евреев. Думаю, ты и так это знаешь, пока бегаешь с этой девчонкой Синанидис, что они тебя не могут тронуть, но они злопамятные, эти турки. Тебе не удастся пробиться на важные научные посты. Всегда найдется какой-нибудь турок, у которого квалификация выше, публикаций больше и который лучше подходит на эту должность.

— Их тут не будет, — говорит Георгиос. — Мы изгоним прочь генералов и построим нормальный социализм.

— Да что ты вообще знаешь о социализме? — спрашивает отец.

Аресты начались три дня спустя с армян. Видных членов общины и общества, профессионалов, представителей четвертой власти забирали прямо с рабочих мест, выдергивали из-за обеденных столов и кроватей. Большинство выпускали в течение суток. Некоторые впоследствии шли под суд и попадали в тюрьмы, а домой к родным и близким возвращались спустя годы, когда в

Анкаре воцарилась демократия, приемлемая для военных. Некоторые не вернулись вовсе. Греки намек поняли. В течение недели восемьдесят семей уехали из Джихангира. Родные Георгиоса наконец в отчаянии связались с ним телеграммой, которую отправили консьержу в его доме.

— Сынок, не говори, что ты не поедешь, тебе нельзя оставаться, — умоляла мать.

Он помнит тот вечер дома, когда он впервые увидел, какая она старенькая, маленькая, какие тонкие и хрупкие у нее ноги.

— У меня здесь работа.

— Ты называешь работой всю эту беготню с юными социалистами, или как там они себя называют, и с этой девчонкой Синанидис. Она думает только о себе.

Георгиос усмирил свой гнев.

— Нет, я имею в виду работу. Мне надо дописать докторскую.

— Можешь перевестись в университет Афин.

— В какой конкретно?

— Сынок, — перебил его отец, а мать опустилась на колени и зарыдала, не стыдясь слез.

— Ты разрушаешь нашу семью, разбиваешь мне сердце, ну почему ты не поедешь? Это всего на год или два, может, потом все станет иначе, и

ты вернешься.

При этом она прекрасно понимала, как и все в этой загроможденной и душной гостиной, куда прилетали умирать запахи из кухни, что он никогда не вернется, как не вернется никто из греков, пакующих свои жизни в картонные коробки и ящики из-под фруктов.

— По крайней мере скажи мне, что ты это делаешь не из-за нее, — взмолилась мать. Это был нечестный удар, который могут нанести только матери.

— Мне надо дописать докторскую, — сказал Георгиос каменным голосом.

Он помог погрузить вещи в фургон господина Бозкурта. Он специально следил, чтобы не схватить коробку с его детскими вещами. Он молча позволил родителям увезти их, поскольку собирался приехать за ними однажды. Ни один хороший сын не бросит свое детство. Ему не хотелось смотреть, как они уезжают на белом фургоне, поворачивают с улицы Сомунджу на проспект Джихангир, а потом на новое шоссе, чтобы проехать через Эдирне и пересечь границу. Они уехали в Грецию, чужую для них страну, где сняли тесную жаркую квартирку в Эксархии, которую ненавидели до конца жизни, поскольку

там никто не понимал их акцент, и все звали их турками.

Георгиос вернулся в университет и не отвечал на звонки Арианы. Через три дня после того, как семейство Ферентину покинуло Джихангир, где их род жил с незапамятных времен, правительство взялось за университет: громили пикеты, избивали студентов, арестовывали агитаторов, задерживали академиков и исследователей. А потом черная машина приехала отвезти Георгиоса Ферентину через Босфорский мост.

Трижды Георгиос обнаруживает, что держит цептеп в руке, и трижды откладывает его. Ему плохо от страха. Он пытается представить, как звучит голос Арианы. Он забыл ее голос. Он репетировал, что скажет, но не может предугадать ее ответы. Возможно, она просто не станет с ним разговаривать. Возьмет и повесит трубку. Он этого не выдержит. Всю свою профессиональную карьеру Георгиос посвятил тому, что изучал риски, то, как люди идут на них, как их оценивают и принимают. А теперь он трусит перед риском. Георгиос хватает цептеп. Номер на скоростном наборе. Цептеп звонит. Ему отвечают на иностранном языке. Это греческий, греческий. Георгиос подыскивает слова.

— Алло?

— Алло, кто это?

Гексел-ханым била ремешком по рукам, если кто-то на уроке говорил по-гречески.

— Алло, это Ариана Синанидис? — Георгиос слышит, как дрожит его голос.

Пауза. Георгиос задерживает дыхание. Затем на другом конце снова раздается голос:

— А кто это говорит?

Ариана сказала всего несколько слов, но ее голос вспоминается ему до мельчайших подробностей.

— Это Георгиос Ферентину, — говорит он.

ЧЕТВЕРГ

7

День Сделки.

Погода в День Сделки ясная и очень-преочень жаркая. Воздух в шесть утра переливается над шоссе. Асфальт блестит и тает. Турецкий флаг безвольно свисает с флагштока на холме, словно мертвая птица. Аднан встал, как только прозвучал призыв на утреннюю молитву. Молитва лучше сна. А прибыль лучше и молитвы, и сна. В День Сделки необходимо придерживаться определенных ритуалов. Для начала нужно начистить ботинки. Он сидит в трусах на кухонной табуретке, расстелив на столе газету, с кожи стереть пятнышки крема для обуви легче, чем с ткани. Брюки отглажены под прессом; стрелки стали такими острыми, что можно порезаться. Теперь нужно очистить пиджак от волос, шерстинок и перхоти. В День Сделки нужно побриться так, как показывают в рекламе, гладко-прегладко. Так гладко, будто брился пятью лезвиями. Хасан сделал бы лучше, так, как надо, длинной опасной бритвой. Но это потом. Потом побалуешь себя в награду. Когда сделка будет совершена, ты расслабишься в огромном кресле и позволишь Хасану

целовать твое лицо острой бритвой. Кожу печет от одеколона, и Аднан делает протяжный выдох. Аднан не верит во все эти разрекламированные туалетные воды с мужественными именами типа «Голубая сталь» и «Хьюго Мэн» или, что еще хуже, названные в честь известных футболистов и гольфистов. Одеколон — вот чем должен пахнуть мужчина. Вдвойне в День Сделки.

Диджей о чем-то догадывается, или в утренних шоу специально ставят заводную музыку? Нет, он просто предвзят. Как тогда, когда купил «ауди», и ему казалось, что вокруг все только на них и ездят. Аднан гладит рубашку для Дня Сделки, когда из спальни выплывает Айше в одних трусиках.

— У, какой ты у меня горячий, — бормочет она, поправляя спутавшиеся во сне волосы.

— Все впереди, сказали по радио. Сегодня до тридцати восьми.

— Я имела в виду, что ты сексуально смотришься, когда гладишь рубашку в одних трусах без ничего. Мужчины гладят. Это очень изысканно, как и когда мужчины танцуют в балете.

Аднан удивляется, что она вообще видит его сквозь туман. Айше по утрам с трудом просыпается. Она идет на кухню и ставит чайник. Трубы свистят, стучат и издают странный животный

рык, но, по крайней мере, в столь ранний час есть вода.

— Все потому, что ты неправильно включаешь.

— На это потребовались годы тренировки.

Зато кофе она варит правильно, он у нее получается просто потрясающий, такой можно научиться варить, только если в твоем доме живет кухарка. Кофе для Дня Сделки. Аднан пьет его на безопасном расстоянии от отглаженной и все еще теплой после утюга рубашки. Насколько вкуснее кофе будет казаться на залитой солнцем террасе его ялы на берегу, когда мимо будут проплывать огромные корабли! Правда, им придется надевать чуть больше одежды. Праздник для глаз экипажей кораблей и любопытных соседей. Вам бы повезло, ребята. Аллах Всемогущий, она так красиво выглядит, когда присаживается на корточки, чтобы вытащить одежду из стиральной машины: ноги разведены в стороны, а над пятками нависает божественный персик ее задницы. Спина просто невероятная. Аднан раньше никогда не обращал внимания на идеальную симметрию мускулов вдоль долины позвоночника, но сейчас это его поразило и возбудило. Утром в День Сделки все воспринимается острее

и сексуальнее.

— Прости, что я вчера задержалась, надо было кое-что утрясти с Ахметом и Мехметом.

— Ты охотишься за какой-то редкостью?

По игре мускулов Аднан понял, что Айше улыбается.

— Определенно.

— Расскажешь мне?

Снова улыбка.

— Нет. Расскажу, когда все закончится. Ты занимайся своей сделкой, а я — своей.

Айше забирает кофе в спальню. К семи часам Аднан одет. Особая рубашка для Дня Сделки, особый костюм, особый галстук, и носки, и ботинки. Айше права. Он горяч. Аднан застегивает запонки.

— В бой.

Айше выходит проводить его. Она накинула японское шелковое кимоно.

— Мне больше нравилось без него, — говорит Аднан.

Айше легонько ударяет его рукавом кимоно.

— Давай уже.

Ее поцелуй долгий, с привкусом кофе и обещанием страсти.

— Иди и возвращайся миллионером.

— Позвоню тебе, когда все закончится.

Обычные парни тусуются вокруг гаражей. Наверное, торчали там всю ночь. Как и обычно, они переглядываются и тихо шушукаются, когда Аднан садится в свою «ауди». Каждый раз так. Аднан размышляет, а не опустить ли стекло и не послать ли их куда подальше, пусть пойдут и найдут себе нормальную работу, мать их. На следующей неделе в это же время он уже уберется отсюда.

Машина выезжает из гаража на автопилоте, но, как только Аднан оказывается на шоссе, он переключает ее в режим ручного управления. Внимательное вождение не дает углубиться в мысли о том, как же быть с Кемалем. Движение уже довольно плотное. За лобовым стеклом, которое охлаждает климат-контроль, колышется марево, плотное, словно занавес, радио озвучивает пророчества о том, что температурные рекорды мая будут побиты к восьми часам. Он переключает радио с новостными сводками о ценах на момент закрытия рынка в Лондоне и Франкфурте, на «Хенри Хаб» в Луизиане и утренних ценах с восточноазиатских рынков. Говорит Центральная Азия. Баку вот-вот откроется. Огромная «ауди» дребезжит в серебряном потоке машин.

Ультралорд в пути.

Кадир звонит, когда до моста остается пять минут. Мир снова требует к себе внимания. Аднан переключается на автопилот. На лобовом стекле появляется лицо Кадира.

— Привет, Гидрор.

— Привет, Драксор. У меня есть то, что нам нужно. Ты где?

— В получасе езды.

— Я буду ждать тебя в холле.

— Увидимся.

— Выглядит хорошо, да?

— Да, хорошо.

— То есть круто, это самая крутая штуковина из всех.

— Ну да.

На мост. А там слева его ялы. Вот как надо думать. Аднан отвлекается, загрузив на экран брошюрку от агента по недвижимости. Этот балкон, терраса, откуда он будет смотреть на машины на мосту, понимая, что он избранный, ему больше не нужно быть одним из них.

Машина замедляет ход, а потом и вовсе останавливается. Пробка на Босфорском мосту, Аднан больше всего ненавидит, когда приходится стоять там, высоко над водой на ненадежной

конструкции. Когда много машин движется на автопилоте, то иногда возникают пробки; все потому, что автопилоты слишком бдят за возможными движениями других автомобилей. Аднан отключает автопилот, пускай это стадо овец расступится перед ним. Тут же активируется система экстренного торможения: пробку вызвало что-то посерьезнее, чем компьютер, управляющий стадом. Машины начинают гудеть. Аднан просматривает сводки новостей. Отчет о происшествии на Босфорском мосту. Управление автодорог сообщает о происшествии… происшествии. Происшествие означает для Аднана человеческий фактор.

Аднан выходит из машины, чтобы получше рассмотреть, что же там такое случилось. Его тут же оглушает рев автомобильных гудков. Прямо справа от него женщина ругается одними губами, глядя в лобовое стекло, и ритмично бьет рукой по клаксону. Источник сумятицы находится близко, всего машинах в восьми от него. Дальше дорога пуста. На полосах, движущихся в сторону Азии, начинает формироваться пробка, поскольку водители замедляют ход, чтобы поглазеть на случившееся.

— Вы видите, что там случилось? — кричит

Аднан усатому водителю грузовика, который стоит позади него.

— Машина раскорячилась на обе полосы! — кричит усатый в ответ.

— ДТП?

— Нет, насколько я вижу. Парень сидит внутри. Вот что странно: когда кто-то пытается его объехать, он блокирует путь. Оп-паньки! Металл об металл.

Автобус дальнего следования останавливается позади машины сердитой женщины. Пассажиры перебираются в переднюю часть салона и тянут шеи, чтобы посмотреть, что там. Сердитая женщина выходит из ситикара на мост.

— Кто-то может сказать мне, что происходит?

Мужчина через две машины поворачивается и кричит:

— Это попрыгунчик!

— Что? — переспрашивает женщина.

Водитель грузовика вылезает из кабины. Автобус открывает двери, водитель и пассажиры толкаются, протискиваясь между припаркованных автомобилей.

— Может, если мы оставим его в покое, то в итоге быстрее проедем, — говорит Аднан, но люди все напирают и напирают, это как во время

футбольного матча, когда ты просто становишься частью толпы.

— Эй, кто-нибудь объяснит мне, что происходит? — спрашивает владелица ситикара в последний раз, а потом толпа несет ее вперед. Она кричит: — Моя сумочка!

Толпа стоит в четыре ряда между машинами в начале пробки. Аднан протискивается вперед, поскольку костюм придает авторитета. Никто не хочет подходить слишком близко к психу на стоящей поперек дороги красной «тойоте». Урон, который он причинил машинам, пытавшимся проскользнуть мимо, очевиден: смятые бамперы, разбитые фары, поцарапанная краска и карбоновое покрытие. Водитель — мужчина средних лет с кудрявыми волосами, седыми на висках, простоватого вида. У машины стамбульский номер десятилетней давности, бензиновый двигатель переделан в газовый. Водитель сидит, положив руки на руль, выпрямившись в струнку и глядя вперед. Теперь, когда оркестр автомобильных гудков прекращает свой концерт, поскольку все вышли из машин посмотреть на драму, звук его мотора кажется очень громким.

— А вот и полиция! — кричит парень на две машины справа от Аднана.

Впечатляющее зрелище: четверо полицейских на мотоциклах появляются на изгибе моста, они едут в ряд по пустой дороге. Паркуются тоже в ряд. Старший офицер слезает с мотоцикла, снимает по очереди перчатки и идет в сторону красной «тойоты». Водитель бросает быстрый взгляд в его сторону. Его пальцы сжимаются на руле. Когда полицейский подходит вплотную к окну, псих отпускает сцепление, выжимает педаль, резко газует и устремляется к ограждению моста. В толпе зевак раздаются крики. «Тойота» быстро едет задним ходом. Полицейский еле успевает отскочить с дороги. Водитель снова смотрит на полицейского, жмет на газ и въезжает в ограждение. Металл прогибается. Водитель опять сдает назад, занимая исходное положение. Аднан видит, как он быстро дышит через рот. Он очень боится. Старший офицер отходит, чтобы посовещаться с коллегами. Потрескивают полицейские рации.

Затем раздается чей-то крик:

— Вы собираетесь что-нибудь с ним делать?

К нему присоединяется второй голос:

— Уберите его, уберите его с дороги!

Хозяйка ситикара, оставившая свою сумочку на переднем сиденье, верещит:

— Эй, вообще-то у нас работа! Из наших налогов

вам зарплату платят.

Пассажир автобуса, для которого долгое утомительное путешествие закончилось яркой драмой, кричит полушутя:

— У вас же есть пистолет, может, просто пристрелите его, и покончим с этим?

Офицер, услышав эти слова, оборачивается. Он снимает шлем и пристально смотрит на толпу, однако попытка напугать зевак лишь подстегивает их. Аднан чует, что толпа воспламеняется, — это пот, пропитанный феромонами, который проступает на телах болельщиков за секунды до начала драки.

— Сколько, по-вашему, нам тут торчать?

— Это ваша вина, мы бы уже все решили!

— Уберите его с дороги!

— Сделайте что-нибудь!

— Мужик прав, пристрелите ублюдка!

Водитель «тойоты» теперь выглядит очень испуганным и еще сильнее газует. На мосту воцаряется молчание, а потом кто-то за спиной Аднана кричит: «Эй, ты, да, ты!» Водитель вертит головой в ужасе. Он не может выхватить из толпы лицо человека, который его обвиняет. «Да! Я к тебе обращаюсь! Почему бы тебе не сделать это для нас? Ты сам этого хочешь, так почему бы и

нет? Давай!»

Другие голоса в толпе подхватывают. Давай! Давай! Будь мужиком, хоть раз. Усатый водитель рядом с Аднаном бормочет: «Аллах всемогущий, что мы творим». Ты прав, хочет ответить Аднан, это чудовищно, мы все монстры. Но ритм толпы заводит его. Он раскачивается, а стук сердца подстраивается под этот ритм. Он понимает, что происходит, поскольку испытывал много раз подобное на стадионе Аслантеппе. Давай! Давай! Джимбом! Джимбом! Давай! Джимбом! Ревущая стена голосов. Не ненависть, не жестокость, здесь нет вообще эмоций, просто настрой толпы.

Мужчина в красной «тойоте» трясет головой. Он поднимает голову, словно бы через крышу старой машины видит небо. Сдает назад под одобрительные крики толпы. Удивленно и довольно улыбается. Зрители любят его. Он крутит руль. Шины взвизгивают. Из выхлопной трубы вырывается облако дыма. А потом он выжимает педаль. Машина мчится вперед так быстро, что ее даже слегка заносит. Крики толпы внезапно стихают, когда красный автомобиль, протаранив заграждение, вылетает за пределы моста, переворачиваясь в воздухе. Кажется, словно он летит целую вечность. Зависает в воздухе, а потом,

словно в замедленной съемке, летит по дуге в воду навзничь, и когда крыша касается воды, то поднимает целый фонтан брызг. А потом машина уходит под воду.

На мосту воцаряется мертвая тишина, когда все звуки гаснут, а воздух становится тусклым, словно свинец. У Аднана подергиваются глазные яблоки, а сердце глухо колотится в грудной клетке. Он только что видел, как машина вылетела с Босфорского моста и упала в воду. Этого не может быть. Он подстрекал человека к самоубийству. Он и сотня других. Толпа не несет ответственности. Винить кого-то конкретного нельзя. Но его голос был среди прочих. Он тоже кричал «давай!». Этот бедолага все равно покончил бы с собой. Толпа просто дала ему то, что он хотел. Зачем выбирать для самоубийства Босфорский мост в час пик, если ты не хочешь привлечь к себе внимание? Он улыбнулся, он помахал зрителям. Ты не мог остановить его. Давай. Поезжай. Делай то, что собирался. Все остальные тоже разбредаются по машинам. А у тебя еще сделка. Кроме того, надо нанести неврологический удар своему другу. Это уже не кажется чем-то таким уж страшным, после того как ты побуждал человека свести счеты с жизнью.

Водитель грузовика качает головой и лезет обратно в кабину. Пассажиры автобуса садятся в автобус, не глядя друг на друга. Хозяйка ситикара со слезами на глазах снова ругается, она тихонько повторяет «вот ведь сволочь, сволочь», словно бы виноват самоубийца, а не она.

Мы заставили человека покончить с собой.

Вокруг Аднана запускаются один за другим двигатели. Полицейские сделали то, что требовало от них руководство, и теперь жестом разрешили потоку машин двигаться вперед. Вертолет парит над пилоном моста и опускается ниже, к воде. Вы ничего там не найдете. Босфор с его двойными течениями и темными омутами глотает все без разбора. Там погребены целые цивилизации. Парень из «тойоты» упокоится в толще трехтысячелетней истории. Выкини случившееся из головы. Сегодня День Сделки. Перестань об этом думать. Сконцентрируйся на работе. Но Аднан чувствует себя грязным, грязь скопилась между пальцев ног, между зубов, словно песок набился прямо под кожу. Грязь в крови, ощущение типа тех, что должны, по его представлениям, испытывать героиновые наркоманы, словно бы по венам циркулирует пепел. Полицейский резким взмахом велит Аднану двигаться вперед. Он

переключает «ауди» на автопилот и позволяет перенести себя по мосту в Европу.

Памфлет написан на заламинированном листе формата А4 и приколот кнопкой ко входу в жилой комплекс Исмет Иненю. Лефтерес считает, что так же хорошо владеет кистью, как и пером, а потому поместил строфы памфлета в декоративную рамку из растительного узора. Это самое его лучшее произведение за многие годы, поскольку помимо прочего является акростихом, и первые буквы строк, выделенные красным, складываются в слово «РОКСАНА ПОТАСКУХА». Именно оно привлекает внимание прохожих, заставляет посмотреть повнимательнее, вчитаться и задуматься, что же за местная драма вершится за стенами, мимо которых они проходят. Но все добропорядочные женщины Эскикей, все ханым и давние жители площади Адема Деде в полном восторге. С того момента, как Бюлент поднял жалюзи и включил газовые горелки, а Айдын получил суточный запас бубликов, который ему доставил маленький японский микроавтобус, пожилые женщины слетаются сюда, словно скворцы, чтобы полюбоваться на искусство, почитать друг дружке стихи, а потом поспешно разойтись, шурша платками, как только заскри-

пит входная дверь. Лефтерес сидит в чайхане с открытия вопреки своей привычке и смотрит за реакцией читателей, купаясь в лучах славы и одобрения.

— Разумеется, сложность заключалась в том, чтобы использовать стиль Аттара[115] в контексте памфлета, — вещает Лефтерес за утренним чаем своим коллегам.

— Может, я что-то пропустил в классе, но не припомню в его «Беседе птиц» слов «Сосет грузинка член ослиный», — хмыкает Бюлент, собирая пустые стаканы. Он единственный из всех, кто не одобряет памфлет. Георгиос Ферентину идет вразвалку от дома дервиша. — Эй, Георгиос! Что думаешь о памфлете Лефтереса?

Лефтерес хмурится, он хотел сам с гордостью продемонстрировать свое творение. Георгиос явно озадачен. Тогда Бюлент сует ему в руки копию памфлета, которую Георгиос просматривает и отодвигает от себя.

— Очень здорово. Мастерски написано.

Не успевает Лефтерес дождаться очередной похвалы, как встревает Бюлент:

— Чай или, может, кофе с утреца, а, Георгиос-

---

[115] Примечания: 115
Персидский суфийский поэт.

бей? Мне кажется, вы немножко расстроены, мой кофе сможет вас взбодрить.

— Это все потому, что он видел вчера вечером Ариану, — говорит отец Иоаннис. — Она приходила ко мне на всенощную.

— Не просто видел, — говорит Георгиос Ферентину. — Я ей позвонил. Говорил с ней. А сегодня мы встречаемся. В ресторане.

Теперь Лефтерес с его памфлетом отходят на второй план.

— Тогда ты пропустил все, что было тут вчера ночью, — говорит Бюлент. — Этого парня Хасгюлера забрали. — Он зазевался, стаканы переворачиваются, и ложки летят на землю. — И это была не полиция. Уж не знаю, кто эти типы, но они действовали молниеносно, выскочили из фургона, схватили его, запихали в фургон, закрыли двери и уехали. Прямо тут!

— Что? — переспрашивает Георгиос Ферентину. От новости его голова прояснилась лучше, чем от любого кофе. — Кого забрали? Зачем?

— Ну, этого парня, который видит джиннов, — говорит Константин.

— Недждета Хасгюлера? Что произошло? Это очень важно.

— Вообще-то я сам не видел, — объясняет

Бюлент. — Единственный, кто видел своими глазами, тот глухой мальчишка.

— Он не глухой, — перебивает его Георгиос, а греки хором добавляют: «У него проблемы с сердцем». — Если Джан видел это, мне нужно с ним поговорить.

— Ой-ой-ой, подождите-ка, — ворчит Лефтерес. — Я только что написал гениальный памфлет, не только остроумный, но и красивый, чтобы отвлечь внимание турков от греков, и тут один старый одинокий грек собрался на встречу с девятилетним турецким мальчишкой. Нет, нет и еще раз нет.

— Ты не понимаешь, это очень важно! — кричит Георгиос. — Возможно, на кону национальная безопасность!

Но Лефтересу удалось-таки переключить всеобщее внимание на свой памфлет, он увидел молодого человека в дорогой кожаной куртке с большой сумкой на плече, который фотографировал памфлет на цептеп.

— Готов поклясться, это один из моих фанатов, которые организуют фанатские группы и сайты.

Бюлент все еще не впечатлен ни памфлетистом, ни его произведением и, ставя пустой стакан на поднос, тихонько спрашивает:

— Национальная безопасность? А мне можно рассказать?

— Я считаю, что господин Хасгюлер и остальные пассажиры того злосчастного трамвая были намеренно инфицированы нановеществами, ответственные за этот эксперимент мониторили происходящее с помощью роботов-разведчиков, а теперь их увезли, чтобы непосредственно наблюдать, успешно ли все прошло.

— Какой еще эксперимент? — спрашивает Бюлент.

— Эксперимент по искусственному формированию веры.

Рот и глаза Бюлента расширяются, но он так и не успевает ответить, поскольку дверь открывается со стуком, и грузинка собственной персоной срывает памфлет. Она орет на фотографа. Ее слова практически неразличимы, они утонули в крике, но интонация вполне ясна. Молодой человек пятится, бормоча извинения. Но это была только репетиция.

Она несется через площадь Адема Деде, поскальзываясь на булыжниках в своих тапочках на плоской подошве. На ней леггинсы до середины икры и широкая желтая футболка, в ушах качаются и поблескивают вычурные серебряные

серьги из нескольких ярусов, похожие на пирамиды. Она накрасилась для выхода на улицу.

— Вы плохие, плохие! — кричит она с сильным акцентом на скверном турецком. — Что за плохие вещи вы говорите? Я бедная женщина, много работаю и никогда не говорить плохих вещей. Я приехала в Стамбул, чужой город, чужие люди, нет язык, но я много работаю и никогда не говорить плохих вещей про никого. А вы называть меня потаскуха и грязная, вы называть меня грязная грузинская потаскуха. Плохие вещи! Посмотрите на себя, вы старые, вы храбрые, когда вы вместе. Прячетесь как ребенки за матери юбку! За лист бумаги. Не можете сказать в лицо? Нет, надо прикрепить лист бумаги ночью, когда никто не видеть! А ты на себе посмотри! Священник! Поверить не могу! Я бы думать такое от мусульман, но христианы! Я хорошая женщина, много работаю, что я вам сделала? — Ее ярость превращается в слезы. Это стыдно. Георгиос не может смотреть ей в лицо, но и отвести глаза не в силах. Грузинка резко ударяет заламинированным листом по столику. — Я не неграмотная. Я могу прочитать «Роксана потаскуха». Вы плохие люди. Говорите такое о бедной женщине, которая одна в незнакомом городе. И вы тоже, отец. — В

конце концов слезы и слова заканчиваются, остается только гнев, унижение и достоинство. Она отворачивается, но на середине площади разворачивается и кричит с надрывом, обращаясь ко всем балконам и закрытым ставням: — Уроды!

Она закрывает дверь за собой с легким щелчком.

Есть какая-то особая османская манера держаться, думает Аднан. Уверенность, прямая спина, но при этом гибкость и легкость. Он часто видел такую выправку в семьях потомственных офицеров, которые понимали, что страна всегда будет в них нуждаться. Кадира можно узнать с первого взгляда, когда он появляется в залитом солнцем холле Озера. Прямой, элегантный, непринужденный.

— Ты опоздал, — говорит Кадир. Никакой тебе чуши про Драксоров и стихию земли.

— Ты, наверное, видел в новостях, что произошел «инцидент». Я выяснил, что это значит.

— Мог бы позвонить. Если Кемаль уже подготовился…

— Нет. Транспорт от Босфорского моста отводили на мост Султана Фатиха. Кемаль застрянет там в пробке.

Аднан не мог позвонить. Он вообще не мог сде-

лать ничего, кроме того, что уже сделал. Он до сих пор видел, как красиво эта машина переворачивается в воздухе, словно спортсмен, прыгающий с вышки. Он еще долго будет видеть это. Кадир слегка двигает пальцами, словно фокусник, и невесть откуда между ними появляется маленький пластиковый пузырек с нано.

— Как эта штука подействует? — спрашивает Аднан.

— Это лучшее, что у них есть на сегодня. В среднесрочной памяти возникают дыры, которые заполняются всяким мусором, псевдовоспоминаниями, ненастоящими воспоминаниями. В теории система пошатнется так, что никто уже не сможет сказать, что реально, а что стало результатом приема нано.

— В теории.

— Ну, такие штуки не протестируешь на добровольцах. Приходится доверять разработчикам.

— Во сколько тебе обошлись разработчики?

— В восемь штук евро.

— За непроверенный продукт, который используется впервые. Хотелось бы, чтобы он при этом кого-нибудь не убил. Даже нет, не кого-нибудь, а Кемаля. И не превратил его в психопата или в овощ с ошметками мозга.

— Теперь тебя угрызения совести мучают, Аднан. Это деньги. И всегда так было. Рынок открылся двадцать минут назад. Ты собираешься это сделать или нет? — По волшебному мановению пузырек исчезает, а потом снова появляется.

— Давай, — говорит Аднан, берет пузырек и сжимает его в кулаке. Пузырек все еще здесь, плотно прижат к линии жизни его правой руки, когда он выходит из лифта и совершает короткую прогулку, здороваясь по дороге с коллегами, в кабинет к Кемалю. Кемаль сидит за кофейным столиком, перед ним чайное блюдце, а рядом маленький пузырек с веществом, которое поддержит в течение рабочего дня. Это утренний ритуал — чай и нано. За стеклом Денежное дерево переливается огнями, словно дерево в райских кущах.

— Я бы не отказался выпить чаю.

— Ты же не пьешь чай.

— Сегодня особый день.

— Это точно, мать твою. Чай для господина Драксора.

Это растворимый чай, моча в порошке. Аднан не пьет такую дрянь, но времени, пока Кемаль ходит за чайником, достаточно, чтобы подменить

пузырек. Разжать ладонь и снова сжать. Готово. Так просто. Он берет красный с серебряным пиджак из шкафчика. Цептеп на ухо, а лазерную пишущую головку в сантиметре перед правым глазом — финальный штрих. Айше права: аксессуары — главное в наряде. Аднан аккуратно кладет украденный пузырек в карман.

— Полагаю, ты попал в пробку на Босфорском мосту, — говорит Кемаль, включая чайник. — Что это было? Какая-то старушка решила, что оставила газ включенным, и развернулась на сто восемьдесят градусов?

— Нет, это было самоубийство.

— Блин.

— Парень съехал с моста, вернее, вылетел за ограждение.

— Ты это видел? — Кемаль размешивает сахар, кристаллики крутятся на дне стакана.

— Я велел ему это сделать. Я и еще пятьдесят человек. Мы стояли и орали «Давай!». И он это сделал.

— Блин… — снова повторяет Кемаль. Он ставит чашку на кофейный столик рядом с пиратскими нано Кадира. — Блин…

Но Аднан уже больше не в офисе Озера. Он уже и не на мосту, не смотрит, как колеса красной

«тойоты» крутятся в воздухе. Он в Каше, в самом конце лета, на отцовском гюлете.[116] Возле мягкого изгиба побережья у подножья гор Тавр в самом конце сезона, в октябре. Каш всегда рекламируют как некий заповедник, потайное местечко, где жизнь течет куда размереннее, чем на курортах Эгейского побережья, где все происходит в ритме танца. Каш видел чужие ошибки и решил не повторять их. Не слишком богатые туристы, которых заносит сюда свежий ветер надвигающейся осени, не особенно привередливы. У них есть солнце, тепло и бирюзовая вода, такая же глубокая, как время. Аднану только что исполнилось четыре. Он в отцовской лодке, которая везет дайверов понырять у затонувших ликийских гробниц. Аднан ковыляет между девушками в бикини и парнями в плавках, которые расстелили полотенца на палубе. Девушки воркуют над ним, мужчины улыбаются. Он симпатичный малыш с улыбкой, похожей на гримасу, как бывает у детишек, которые растут под постоянным солнцем. Дайверы в воде выглядят словно огромные бледные морские звезды. Гробницы из светлого камня светятся под водой. Отец Аднана готовит кефте на

[116] Примечания: 116

Турецкое слово, происходящее от французского «goulette», обозначающее парусные суда.

маленьком газовом гриле, который закреплен на борту. Затем придет время встретиться с полетом дяди Эрсина, который доставит еще пива и водки и увезет Аднана домой. Отец Аднана не хочет, чтобы мальчик находился рядом с пьющими туристами. Гюлет дяди Эрсина встает вдоль борта отцовского гюлета на расстоянии вытянутой руки и легонько покачивается на волнах. Этого расстояния хватает, чтобы передать ящики с пивом и водкой в одну сторону и Аднана в другую. Может быть, то был внезапный порыв ветра с гористого побережья или отец и дядя зазевались, а может, он просто слишком тяжел для четырехлетнего ребенка. Как бы то ни было, но в момент, когда отец передавал Аднана дяде, он не удержал ребенка, и тот плюхнулся в воду.

Он не умеет плавать, ему всего четыре. А даже если бы и умел, то шок и холод парализовали бы его. Аднан камнем идет вниз. Он видит воду над головой, глядя в вогнутую линзу света между двумя лодками. Он чувствует, что ноги бешено болтыхаются, но все равно идет камнем вниз, а вокруг него поднимаются странные пузырьки. Пузырьки. Линия света сужается, превращаясь в ниточку, когда очередная волна подталкивает лодки друг к другу. И наступает темнота. Он

помнит, как барахтался в темной воде, в голове и легких гудело от этой черноты, грудь сжималась от нехватки воздуха, но он не мог дышать, хоть и должен, должен, но не может, но должен. Он барахтается, но уже не видит света и не понимает, всплывает или тонет.

А там наверху кричат девушки в бикини. Боже, он уронил мальчика! Парни в плавках вскакивают, но команда уже отталкивает полеты друг от друга баграми. Как только между ними образуется зазор, отец Аднана и дядя Эрсин ныряют. Они вытаскивают его замерзшего и трепыхающегося. Дядя Эрсин делает ему искусственное дыхание, а отец хватает за щиколотки и трясет, как котенка. Аднан кашляет, выплевывая соленую воду, слизь и желчь. На пристани их ждет доктор. Аднана швыряют в машину доктора и везут в отделение скорой помощи в Олу Денизе. В тот же вечер Аднана выписывают. Четырехлетние мальчики могут наглотаться воды, но не утонуть. Это рефлекс, который впечатан в мозг любого младенца, а взрослые его забывают. Дети же ведут себя спокойно, ритм их сердец замедляется, а кровь направляется в мозг. Дети могут выжить после двадцати минут под водой. Взрослые паникуют и тонут. Следующие три

дня тетушки и другие щедрые родственники приходят навестить чудо-мальчика, осыпают его конфетами и поцелуями. Но Аднан так и не забыл, как свет сомкнулся, превратившись в тьму, и как он тонул в темной воде. Он помнил об этом на лодке Ферид-бея, которая неслась к огням бухты Золотого Рога. Он помнил об этом каждый раз, когда вел машину через Босфорский мост через скопление темной глубокой воды между камнями. Он особенно ярко вспомнил это, когда увидел, как красная «тойота» вращается в воздухе и ныряет в воду, поднимая лишь небольшой фонтанчик брызг, словно дайвер. Он почувствовал, каково это быть в той машине, когда темная вода ломится в двери, просачивается через трещинки, вентиляционные отверстия и щелки, заполняя сначала пространство под ногами, а потом и всю кабину, а свет постепенно тает в воде, пока не гаснет совсем.

— Два к трем на «Арсенал»!

— Что?

— Ну завтра, помнишь? Букмекеры ставят два к трем на англичан.

— Ах да, «Арсенал».

— Прости, ты о чем-то своем задумался.

— Да, о сделке. — Аднан хлопает себя по карма-

нам. — Ой, забыл свой пузырек в машине. Можно одолжить?

— Тебе нужнее.

Аднан берет предательский пузырек и подкидывает на ладони.

— Я твой должник. — Он отвинчивает крышку. А вот теперь пригодится реакция трейдера. Он подносит пузырек к носу, готовясь вдохнуть, а потом закашливается, и наночастицы разлетаются кругом, переливаясь всеми цветами радуги. — Черт. Прости, пожалуйста. Придется идти на чистую голову. Можешь вызвать кого-нибудь из отдела по безопасности, чтоб прибрались тут?

По Брюссельской конвенции нано считаются токсичными отходами, как энергосберегающие лампочки.

Одной машины на Босфорском мосту достаточно для одного дня. Даже для всей жизни. Аднан пойдет и заработает деньги, а потом придумает, как все подчистить и обезопасить себя. Как обычно.

— Заработай миллион! — кричит Кемаль.

— Даже больше. Да поможет мне стихия воздуха.

Выйдя из кабинета, Аднан отвинчивает крышечку украденного пузырька Кемаля и вдыхает

его содержимое. Что ж, есть сумасшествие, а есть небольшая глупость.

Перечень необходимого для миссии маленького детектива:

1. Большой рюкзак, минимум 30х40х15 размером. Туда должен помещаться п. 2 (см. ниже). Много карманов на молнии. Цвет черный, красный или серый. Никаких розовых и фиолетовых, с рисунками из мультиков для детей. На худой конец (если не найдется другого), школьный ранец.

2. Компьютер. С зарядным устройством. Полностью зарядить батарею, чтобы хватило на восемь часов. В компьютере вся информация о Деле Загадочного Робота/Пропавшего шейха (название в разработке).

3. Цептеп. С зарядным устройством. Только в случае крайней необходимости. До того момента выключить, поскольку маленького детектива смогут отследить с помощью системы слежения. Полезность под сомнением, но лучше перебдеть, чем потом жалеть (и сильно).

4. Наушники, маленькие, чтобы работать с п. 2.

5. Упаковка пластыря.

6. Вода, две бутылки по 0,75 литра, с носиком. Можно пополнять из фонтанов. В Стамбуле

питьевая вода испокон веков чистая, свежая и вкусная.

7. Антисептические салфетки для обработки следов от рюкзака. По подсчетам маленького детектива, рюкзак придется нести часов восемь минимум, кроме того, они пригодятся, чтобы протирать руки перед едой, туалетные сиденья и для общегигиенических нужд.

8. Трусы, носки.

9. Дождевик из нановолокна. Хороший. Скатать в шарик размером с кулак. По прогнозам дождя не будет, но вечером может стать холодно.

10. Ручки 3 шт.

11. Маленький блокнот с резинкой, которая держит обложку. Очень профессионально.

12. Крем от загара с фактором защиты 30. Маленький детектив бывает на улице реже, чем ему хотелось бы.

13. Солнечные очки. См. выше. Кроме того, детективы всегда их носят.

14. Дезодорант и спрей с мятой от запаха ног. Съедобные зубные щетки (четыре) из автомата в «Теско». Зачем в супермаркете продавать одноразовые щетки? Расческа.

15. Деньги. Сто двадцать евро мелкими купюрами, для безопасности помещенные в три разных

места. Последний рулончик с самыми крупными банкнотами спрятать в ботинке. Это НЗ, чтобы вернуться домой. Хватит на такси из любой части города на площадь Адема Деде, как показывает сайт онлайн-бронирования такси. Если перечислять деньги с телефона, то тебя легко вычислить, а наличные безопасны и анонимны. Наличка правит миром.

16. Туристическая карта Стамбула с четким обозначением маршрутов общественного транспорта. Меньше деталей, чем у карты в цептепе, но зато безопасно. Распечатанная карта района Кайишдаги, в котором, судя по GPS, находится Крысенок. Его последнее зафиксированное местоположение — офисный центр на проспекте Бостанджи Дудуллу.

17. Штаны с множеством карманов, хлопчатобумажные носки, удобные кроссовки, разношенные, чтобы не натереть ноги и чтобы было место для пальцев. Невзрачная футболка без логотипов. Еще одну положить в рюкзак в качестве защиты для компьютера.

18. Битботы в конфигурации Змеи вокруг левого запястья, чтобы она крепко прижималась к месту, где прослушивается пульс.

Скажи, что ты видишь.

Я вижу… я вижу мир джиннов, порождение огня, мир, где нет ничего постоянного, и одна форма перетекает в другую, все мерцает, все меняется, расцветает и поглощается, это существа из живого огня.

Скажи, что ты видишь.

Слова… он не понимает, откуда он знает, что это слова, они вытекают, а потом сливаются с бесконечным созидательным огнем, порождающим джиннов. Но теперь слова обретают постоянство, визуальное эхо, тень, которая тянется к огню, даже если тот грозит поглотить ее, что-то большее, чем видение, — звук.

— Скажи, что ты видишь.

Недждет слышит эти слова.

— Я в комнате с белыми стенами и зеленым ковром на полу. Лежу на матрасе в цветочек. Дверь открыта. Перед дверью я вижу женщину, которая стоит на коленях на полу. На ней джинсы и квадратные очки. А еще зеленый платок на голове. Свитер наброшен на спину, а рукава его свисают на грудь. Рядом с ней какой-то мужчина с густой шевелюрой в кожаном пиджаке. А позади еще кто-то…

— Хватит. Судя по всему, он пришел в себя, — говорит мужчина с густой шевелюрой в кожаном

пиджаке.

Недждет пытается удержать его в фокусе. Вокруг него мерцает пламя из потустороннего мира.

— Ты знаешь, кто ты? — спрашивает женщина.

— Я Недждет Хасгюлер. А вы кто? Где мы?

— Мы не можем тебе сказать, — говорит женщина. — Если тебе это поможет, можешь считать нас Божественными инженерами, а ты — наш эксперимент.

— Вы меня похитили. Схватили прямо у текке, когда я шел домой. Где я? Который час?

— Сейчас куда позднее, чем ты думаешь. Уже утро, ты тут со вчерашнего вечера. Вряд ли ты помнишь, что случилось.

— Мы сделали тебя мишенью для нановеществ, — говорит Волосатый. — Нам многое известно о тебе, Недждет.

— Вы не из полиции.

Волосатый смеется.

— О нет, но я понимаю, с чего ты мог так подумать. Полиция стала забирать подопытных, они нас опережали, так что пришлось схватить тебя раньше, чем это сделала полиция.

— Мы Божественные ученые, — говорит жен-

щина. Ее лицо кажется Недждету знакомым, но он не может вспомнить, откуда. Квадратные очки и зеленый платок делают ее старше, чем она есть на самом деле. Все присутствующие, каждый контур и линия горят невидимым огнем джиннов, напоминающим марево в жаркий день.

— А можно попить? — спрашивает Недждет. Еще один мужчина дает ему непочатую бутылку воды, открывая носик. Это огромный парень в зеленой рубашке. Зеленый цвет движется, течет и колышется на краю поля зрения Недждета, пока он, словно младенец, сосет воду из бутылочки. — Что вам надо от меня?

— Твои видения, — говорит женщина. Теперь Недждет видит через огненное марево, что у Здоровяка оружие, огромная военная боевая винтовка.

— Я вижу джиннов, — просто отвечает Недждет. — Комната полна ими. Ваши тела сплетены из них, как из кружев.

Здоровяк вздрагивает, но женщина в зеленом платке говорит:

— Это мы знаем.

— Я вижу Хизира, — говорит Недждет. Трое похитителей переглядываются. — Он в комнате. Он сразу везде. Вот почему говорят, что он вечный

путник. Вот вы называйте себя Божественными учеными, но они ведь не от Всевышнего, эти джинны. Братья сочли, что от Всевышнего, но это не так. Они даже не создания огня, нету никаких созданий огня. Они из моей головы, я взял их из историй о призраках и святых, которые мне доводилось слышать, и из комиксов. Я вижу джиннов, кто-то видит пери. Но вот откуда взялся Хизир, я не знаю.

Волосатый и Женщина обмениваются взглядами. Интересно, вместе ли они, думает Неджет. Они на несколько минут выходят из комнаты, и через головокружение он слышит их разговор. Они говорят исключительно о нем, но требуется слишком много усилий, чтобы сконцентрироваться и попытаться разобрать хоть что-то за огненным ревом джиннов. Затем они возвращаются и занимают точно те же места, что и раньше.

— Мы задавали тебе вопросы под нано отчасти и для того, чтобы нарисовать точную картину твоей жизни. У нас нет времени на вранье и увертки. Мы знаем, кто ты, откуда, чем занимаешься сейчас и что успел натворить.

— Вы о Кизбес?

— Да. В тот момент ты не испытывал ни вины,

ни угрызений совести, ни боли, ни удовольствия от того, что оставил сестру навеки уродиной с ожогами третьей степени. Ты сделал это потому, что она тебя доставала. Во время самого поступка ты не выказал ни ярости, ни агрессии, ты действовал как робот. Это симптомы серьезного диссоциативного расстройства.

— Я не знаю, что это, — говорит Неджет. — Но поверьте, когда я говорю, что это был не я. Это был другой «я». Человек, который выглядел и говорил как я. Но он состоял из пыли. Пыль в голове. Сплошная пыль. Я словно бы состоял из отдельных частей, не связанных воедино, как пыль. Вы понимаете?

— Значит, твоя личность изменилась.

— Да… Нет… я не знаю… я помню, как был кем-то другим. А потом словно бы вся пыль выветрилась из моей головы и превратилась в джиннов. А потом появился Хизир. Это вы со мной сделали, кто вы? Какой-то тарикат? Салафиты?[117]

— Мы Божественные инженеры, — говорит женщина, — мы верующие и горим божественным огнем, мы творим джихад, но не являемся исламистами. Мы из разных конфессий и куль-

[117] Примечания: 117

Своей основной задачей салафиты считают борьбу за очищение ислама от различных чуждых, с их точки зрения, примесей.

тур. Сунниты, алевиты, христиане, несториане. Джихад — это вечная борьба во имя божественного. Это есть в любой религии. Одна из нас взорвала себя в трамвае, она не была смертницей, она была исследовательницей. Она была мне сестрой… У нее… нет, это уже тебя не касается. Как прокомментировала пресса, больше никто не погиб. В этом и заключался план: бомба задумывалась как способ распространить нановещества. Ты и еще несколько человек получили заряд.

— То есть эти джинны — всего лишь порождение химических веществ.

— Ну ты же сам сказал, что понимаешь, что они не от Всевышнего, — хмыкнула женщина. — Нам важно то, что на свет появился новый Недждет Хасгюлер. Прежний Недждет Хасгюлер мертв. Погиб во время наноатаки. Следующий вопрос такой — а что собой представляет теперь Недждет Хасгюлер? Мы даем тебе время подумать. Наш брат будет присматривать за тобой и даст все, что ты попросишь. А теперь отдыхай. И размышляй.

Женщина и Волосатый встают и уходят в другую комнату, а Недждет кричит им вслед:

— А с джиннами, с ними что случится? Они в конце концов исчезнут?

Волосатый хмурится:

— Зачем тебе это?

Нано фонтаном пролетает через мозг Аднана Сариоглу, словно воплощение Денежного дерева, которое растет в центре торгового зала, сотканное из отдельных нейронов. Ох, у Кемаля сильное «кунфу». Его взгляд ясный и острый, свет кажется ярче, цвета — насыщеннее, фокус — четче. Периферийное зрение обостряется, он чувствует, что может видеть даже то, что у него за спиной. Он может заглянуть в самую суть вещей. Взгляду Аднана открываются детали, формы, связи и замыслы. Он слышит каждый звук, каждый голос, любой щелчок и жужжание, слышит все целиком и каждый шорох в отдельности. Без особых усилий он может вычленить из этой волны разговор и, не глядя, понять, кто говорит. Он слышит, как постукивает пластиковый значок на его пиджаке, пока он идет к привычному месту у Денежного дерева. Запах денег, похожий на запах нагревшегося от солнца мокрого костюма для дайвинга, обволакивает его. Вот что испытывали мистики и любимые Айше дервиши, когда говорили о единстве всего сущего. Все соединено, но при этом дискретно. Именно такими мы и должны быть на пике наших возможностей, понимает Аднан. Нано — просто другая разновидность

танца дервишей.

Стихия воздуха, помоги мне! Аднан щелкает цептепом, тут же появляется рой программ-помощников, отчего у него перехватывает дыхание, а окошки с рыночными ценами падают со своих насестов на Денежном дереве, словно скворцы, сбиваются в стаи и кружатся вокруг него так, что Аднан со своим усиленным зрением оказывается завернутым в мантию из меняющихся данных, в живую мозаику. Трейдеры в цветных пиджаках кивают ему, сосредоточенные на собственных сделках, скрытые за своей изолирующей оболочкой из информации.

Аднан смотрит на крону Денежного дерева, а потом поднимает руки, и симфония начинается. Он собирает, анализирует и отбрасывает таблицы с ценами. Затем запрашивает прогнозы погоды, получая сводки из гидрометцентров Анкары, Москвы и Тегерана. Изменения всегда приходят с востока. Спотовые рынки вибрируют, это фрактальное броуновское движение происходит потому, что десятки тысяч программ-помощников автоматически размещают и заполняют заказы. Спотовые рынки всегда были естественной средой для спекулянта: войти, заработать и быстро убраться.

— Ага, теперь на рынок, — приказывает Аднан программе-помощнику.

Перед ним открывается Центр в Баку. Это прекрасный замысловатый цветочный узор из трейдеров, контрактов, деривативов и спотовых цен, фьючерсов и опционов, свопов и целого зверинца новых финансовых инструментов. Микрофьючерсы и суперстрэддлы проходят такой сложный анализ в глубинах компьютеров, что человек не в состоянии понимать, как на них вообще можно заработать. Все это распускается, словно лепестки тюльпана, вокруг плодоножки Баку с трубами, терминалами и хранилищами. Стамбул, для сравнения, напоминает лоток уличного торговца. А в Баку закачивается газ.

— Али, как ты, мой адипозный[118] друг?

— Что это значит? Наверняка «жирный». Ах ты ублюдок, — английский у Жирного Али всегда был намного хуже, чем у Аднана, и с жутким акцентом. — Где ты пропадал?

— Видел когда-нибудь летающие машины, Али?

— О чем ты? Что за чушь?

— А я видел. А теперь хочу продать кое-какой

---

[118] Примечания: 118
От лат. *«adeps»* — жир.

газ. Кто покупает?

Аднан боковым зрением видит, как открывается новое окошко программы. Аднан передвигает его в центр. Греческое правительство подготавливает пункты первой помощи для пожилых, пока жара из Турции движется на запад. Пока Юнанистан потеет, Балканы покрываются испариной. Мигрирующие аисты показывают дорогу. Пора начать раскладывать товар.

— Али, сто двадцать контрактов для Каспийской биржи, доставка в течение суток.

Цены начинают медленно ползти вверх. Аднан взмахивает руками в стороны, создавая окно, отражающее ситуацию на рынке в Белграде и Сараеве. Многие крупные сербские и боснийско-хорватско-словенские газовые компании размещают заказы. Балканы тоже на рынке.

— Они с нами.

Аднан размещает контракты. Тут же начинают стекаться заявки. Он быстро продает «Беогазу» заявку от большой энергетической компании в Белграде. Это не лучшая цена, но хорошая стартовая. Рынок приспособится к внезапному притоку такого большого количества газа. Аднан опять купит газ через Озер, подождет, пока цена вырастет, и снова продаст. Он продаст и перепродаст свой

газ множество раз до закрытия, на каждом этапе извлекая прибыль. Игра на Бирюзовой площадке только началась.

Два часа торгов — и Аднан своей игрой на спотовых рынках поднял цену до четырехсот пятидесяти долларов за тысячу кубометров. Ага, вот сейчас начнутся денежки. Пиджак Аднана намок от пота. Он полностью сконцентрирован. Фокус в том, чтобы двигать Бирюзовую площадку через водоворот других сделок на рынках спотов и деривативов. Ноги в начищенных до блеска ботинках болят и опухают. Главное — не потерять чувство времени, это нано, украденное у Кемаля, норовистая лошадка. Внимание как у ученого, вкупе с суфийским умением ухватить целое. Аднан видит, как Кемаль нервно посматривает на него через стекло своего кабинета. Аднан кивает. Ты знаешь, что я знаю? Я спас тебя, чувак. Тебя бы забрали отсюда в каталке и смирительной рубашке. Ты мне должен, но никогда не узнаешь. Но дыра-то никуда не делась, яма под Денежным деревом, которая уходит до самого Иблиса. Бросаете туда Бирюзовую площадку и наблюдаете, как она рассыпается, словно конфетти. Надо взглянуть факту в лицо. Когда у нас будут деньги, тогда и взглянем. Все легче сделать, когда ты при

деньгах.

Балканы вышли из игры. Деньги перетекают на запад. Венгры и итальянцы размещают заказы, предчувствуя жару на улицах Будапешта и Рима.

На Венском узле, через который газ продается и распределяется в Центральной Европе, цена уже четыреста шестьдесят. Аднан читает ту же метеосводку, что и они, и понимает, что цена поднимется выше. Он выкупает газ обратно. Кемаль за стеклом вскакивает с места. Он может читать цены на Денежном дереве так же четко, как и Аднан. Что он не может читать, да и никто не может, так это агрегаторы Аднана — тысячи крошечных ботов, которые обрабатывают местные новости и социальные сети. Все знания на самом деле локальны. Рынок — это не возвышенная абстрактная громада экономического поведения. В каждой своей точке он связан с миром людей и их ценностей. Он соткан из человеческих душ и мечтаний.

Цена в Вене поднимается до четырехсот девяноста четырех. Агрегаторы открывают вокруг Аднана мозаику окошек. Продажи мороженого идут вниз в Измире. В Каппадокии поставщики фруктов перевозят некоторое количество товара в прохладные подземные хранилища-пещеры.

В отеле «Мардан Палас» коктейль дня — белоснежная «Жемчужина Царицы». А вчера была «Тропическая кайпироска». Ресторан «Шаш» в Каше переместил столики внутрь. «Экен Доместик Газ» на два дня опаздывает с поставками. Турция заговорила. Она предсказывает будущее — тысячи пальцев подняты, чтобы определить направление ветра, глаза устремлены за горизонт, волна жары прорвана. Идеальная информация — это сплетня, идеальная сплетня — это информация. Аднан наклоняет голову, поднимает руки, словно бы в молитве, и прогоняет копошащихся агрегаторов.

Аднан Сариоглу предлагает четыреста девяносто пять долларов за десять тысяч кубических метров каспийского газа с доставкой в течение двадцати четырех часов. Двумя секундами позже «МагияГаз» покупает по его цене. Аднан продает. Все, Бирюзовая площадка опечатана. Когда он отворачивается, цены на экранах денежного дерева достигают пика в четыреста девяносто семь. А потом рынок узнает, что Аднан узнал у хозяев отелей, торговцев фруктами и барменов, готовящих коктейли, тех людей, чья жизнь зависит от погоды, и парит в свободном падении.

Кемаль молча аплодирует через стекло, пока

цены стремительно идут вниз. Аднан кивает. Зарегистрируй это. Но с Бирюзовой площадкой еще не покончено. Он делает два параллельных вызова на цептепе. Один — Жирному Али, который организует поставку из Баку. Второй — через удаленный сервер, по каналу с криптографической защитой, Сейамаку Лариджани. Аднан читает предвкушение, возбуждение, радость и вину на его лице.

— Господин Сариоглу?

— Запускай, — говорит Аднан. Когда он вешает трубку, учетная запись исчезает. Второй звонок Огюзу в царство труб.

— Привет, Террак.

— Привет, Драксор. Почем продали? — спрашивает Огюз. Аднан говорит. Ультралорд земли восклицает: — Охренеть!

Он произведет расчеты по расходу газа и времени транзита и отправит небольшую программку-вирус, которая вызовет сбой в Эрзуруме.

— Мне надо кое-что тебе сказать, — говорит Аднан.

Запал заканчивается так быстро. На самом деле не такой уж был и запал. Ничто по сравнению с блестящим замыслом, с наглой радостью от сделки с «Тебризгазом», неверием в свои силы и

окончательной победой в охоте за белым рыцарем. Драматическая развязка игры на Бирюзовой площадке произошла за долю секунды, до того, как человеческое сознание смогло уловить ее, а программа-помощник выполняет команды с быстродействием компьютера.

Лицо Огюза мрачнеет.

— Ты меня тревожишь. Что ты сделал?

— Не по этой линии.

Огюз вешает трубку. Аднан видит через стекло, как Кемаль поднимает руку, чтобы позвонить. Кемаль кивает, а потом поворачивается лицом к Аднану, улыбается и одними губами произносит имя Огюза.

Огюз снова на проводе.

— Ты не сделал этого! — Когда хочется кричать, а вокруг полно людей, то появляется особый присвист. В голосе Огюза он отлично слышен.

— Я же сказал, не по этой линии. Давай пораньше пойдем в «Пророка кебабов». У меня есть план. Скажем, в половине первого.

Рынок будет работать еще больше часа до закрытия, но всю работу за Аднана могут выполнить программы-помощники.

— Черт. Мы вляпались по самое не балуйся.

— Я сейчас ему скажу.

Кадир реагирует куда спокойнее. Их в отделе контроля учат сдерживаться.

— Итак, ты говоришь, что у тебя есть план, — говорит он размеренным спокойным тоном, которому специально учат руководителей отдела контроля и следователей в полиции. Аднан не хотел бы стать объектом расследования Кадира. Этот ублюдок понимает, что у Аднана нет никакого плана, но Аднан видит намек на этот план, словно линию света на горизонте. — Тогда встречаемся в половине первого, я уверен, твой план окажется блестящим.

Перед тем как покинуть торговый зал, Аднан должен сделать еще один звонок, самый важный.

Цептеп Айше переключается на автоответчик. Удивляться не стоит, но Аднан расстроен. Рассказать ей, пока он еще вне себя от успеха, было бы триумфом.

— Привет, милая. Я все. Четыреста девяносто пять. Начинай выбирать дизайнера. — Он переводит дыхание, чувствует дрожь, отчасти его отпускает нервное напряжение, отчасти это отходняк, который обещает быть тяжелым, как всегда после приема новых нано. — Милая, дай знать, если задержишься, я очень хочу тебя уви-

деть. Поняла? О'кей. Люблю тебя. До скорого.

Купил по шестнадцать пятьдесят, а продал по четыреста девяносто пять. Начинается отходняк — злые вспышки иной Вселенной, расписанной узором «пейсли»,[119] но ему нравится, ему, мать вашу, нравится.

Белый фургон припаркован на проспекте Сидик Сами Омар с самого утра. Это старый «Мерседес Спринтер» с логотипом «Тюрк Телеком», выцветшим, но все еще видимым, этакий корпоративный призрак. Рабочие выставили ограждение с красно-белыми зигзагами, чтобы прохожие держались подальше. После вступления в ЕЭС турки стали активно обращаться в суд, если причинен вред здоровью. Эпоха подозрительности. Рядом установлен небольшой тент, под которым стоит стул и газовая горелка с чайником. Парни в футболках, рабочих комбинезонах с множеством карманов и светоотражающих жилетах стоят вокруг горелки, попивают чай и разглядывают дыру, которую проделали в мостовой улицы Наркоманов. Радио настроено на спортивную волну. В два начинается матч «Галатасарай» против «Арсенала».

---

[119] Примечания: 119

Узор, обычно на ткани, который у нас в обиходе называется «огурцы».

Айше Эркоч давно уже поняла, как можно в Стамбуле посреди бела дня на глазах у честного люда делать что-то противозаконное. Наглость не вызывает вопросов. А Мехмет и Ахмет — суфийские мастера по этой части. Они из тех парней, что зайдут в ваш кабинет и стырят ваш компьютер под предлогом гарантийного обслуживания. Они продадут вашу квартиру, когда вы в ней живете. Они передвигают вещи, складируют, прячут, ищут. У них на складе в Зейтинбурну имеется целый пантеон греческих богов, стыренных с различных античных руин от Геллеспонта до Олимпа. У них есть рогатые бронзовые статуэтки из Аладжа-Хююка и хеттские рельефы, византийские мозаики и православные фрески, михрабы сельджуков и минбары[120] Тюльпановой эпохи в каком-то потайном местечке у шоссе 03. У них есть целые храмы, в которых каждый камень помечен и закодирован, запакован и готов к отправке. Айше раньше никогда не имела с ними дела, ее работа слишком несерьезная для тех, кто уносит целиком руины и ворует саркофаги, но их номер на быстром наборе у каждого антиквара в Стамбуле. Это здоровые парни с бычьими го-

[120] Примечания: 120

Кафедра или трибуна в соборной мечети, с которой имам читает пятничную проповедь.

ловами и складками на шее, короткостриженые и сложенные, как борцы из Эдирне. Они и были борцами из Эдирне и вообще-то не совсем братьями. Они передвигают с места на место всякую всячину.

Они поставили фургон и заграждение, водрузили поддельный знак «Тюрк Телеком», беззаботно сняли крышку с люка и бросили на мостовую. Барчин Яйла, замаскированный под рабочего и облаченный в светоотражающий жилет, застонал в знак протеста.

— Он вообще кто такой? — спрашивает Мехмет.

— Он — последний хуруфит, — поясняет Айше. Мехмет и Ахмет переглядываются.

— Лучше держи его подальше.

Айше смотрит в дыру — вот они, ворота, портал.

— Я полезу первая. Это мое условие.

— Тпру! — буркает Ахмет. — Сначала мы попьем чаю. Это во-первых.

— Чаю? — восклицает Айше.

— Кто поверит, что мы стамбульские рабочие, если мы не будем пить чай каждые полчаса? — заявляет Мехмет. — Пойди-ка, поставь чайник.

Мальчишка-помощник собирает стаканы, а у

Айше внутри, словно желчь, разливается волнение. Она чувствует слабость, пытается дышать глубоко и медленно, через нос, но дыхание сбивается. Руки трясутся. Ее подташнивает. Вчера, наконец проскользнув в спальню и улегшись рядом с Аднаном после часов, проведенных в комплексе мечети, и сделки с Мехметом и Ахметом, она попыталась не думать об этом моменте, заполнив мысли банальностями, случайностями, важными и неотложными делами. Утром она думала об Аднане и его сделке, о том, как сильно ему придется сосредоточиться ради этого, чтобы только сдержать волнение, грозящее парализовать ее. И вот этот момент настал. Сейчас. Через несколько мгновений она с фонариком на голове спустится в эту дыру по веревке. Что она увидит? Она не позволяет фантазии разгуляться. Увидь все своими глазами. Но сначала неотложные дела. Она отводит Мехмета и Ахмета за фургон и шепчет им:

— Как вы думаете, вы справитесь с нашим другом-хуруфитом?

— А он может пойти вразнос? Может быть опасен? — уточняет Мехмет.

— Только для себя. После того как он увидит то, что скрыто внизу, он планирует выжечь себе

глаза пузырьком с кислотой, который постоянно таскает с собой. Он уверен, что это Семь букв, тайное имя Всевышнего.

— А это оно? — спрашивает Ахмет.

— Что?

— То, что там внизу?

— Ну, он так считает. Мне нужно, чтобы вы увели его до того, как он успеет причинить вред себе или кому-то еще.

— Если он настолько безумен, то может сделать это дома.

— Что он сделает дома, это его личное дело. Я просто не хочу, чтобы при мне в глаза капали кислоту.

— Кислоту, — повторяет Мехмет.

— Гадость, — морщится Ахмет. — Ладно, давай уже спускать тебя.

Когда они закрепляют на ней веревку, Айше жалеет, что утром надела платье. Оно задерется до самых бедер, и ее туфли тоже не слишком подходят для исследования подземелий. Жилет неудобно сморщился, а каска и вовсе кажется оскорблением. Молчаливые помощники Ахмета устанавливают треножник над открытым люком и крепят трос к лебедке, закрепленной в кузове белого фургона.

— Ты будешь малость раскачиваться, когда мы станем тянуть вверх, пришлось закрепить, — говорит Мехмет. Тут появляется Бурак Озекмекчиб, он идет прогулочным шагом, засунув руки в карманы, и кивает Ахмету и Мехмету.

— Вижу, ты в полной боеготовности, цветочек, — говорит он, натягивая жилет.

— Секретность этого проекта на высоте, — хмыкает Айше, стоя на краю метровой дыры.

— Ох, госпожа Эркоч, что бы ты ни нашла на дне этой огроменной черной дыры, я хочу это увидеть, я хочу увидеть, как ты найдешь легенду, розочка моя.

Мехмет дергает за рукоятку. Айше поднимается и качается над дырой. Даже сейчас, когда солнце взошло высоко над куполами медресе, в этой темноте ничего не видно. Ахмет держит Айше и включает закрепленный на каске фонарь. Теперь она в состоянии полного покоя. Она сделает то, что нужно. Все предрешено. Лебедка заработала.

Начинает действовать сила Кориолиса,[121] и Айше, вращаясь вокруг своей оси, медленно опускается в темноту. Фонарик освещает огромное количество колонн. Ее опускают в большую

[121] Примечания: 121

Одна из сил инерции, проявляющаяся при движении в направлении под углом к оси вращения.

подземную цистерну. Кинув вчера кольцо, Айше определенно слышала всплеск, но для верности она направляет вниз луч фонарика. Никаких следов воды, лишь каменный пол, идущий чуть под углом, с туннелем в полметра глубиной — это коллектор, который протянут с юга на север. Свет падает на ее кольцо, и оно поблескивает. Отлично. Бирюзу Тюльпановой эпохи трудно найти. Пыль танцует в луче света. Айше поднимает голову. Глаза ее привыкли к темноте, а потому открытый люк кажется ослепительно-белым кругом. Это лица? Рассеянный свет просачивается через ажурные крышки других люков, образуя каллиграфию в обратном порядке. Два метра до пола, один метр. Каблуки скребут о камень. Айше поднимает кольцо и надевает обратно на палец. Готова. Она отцепляет веревку и включает цептеп. Сигнал ловится, но еле-еле.

— Я внизу, остановите лебедку, — говорит она. — Я на глубине около десяти метров в огромной, метров двадцать на двадцать, цистерне, не похожей на римскую. Я бы сказала, что она одного возраста с мечетью. Понятия не имею, зачем она нужна… тут еще дренажная канава прямо в полу, может быть, предполагалось, что отсюда

вода будет поступать в шадирван.[122] Колонны через каждые четыре метра. Я осматриваюсь, но нет и следов… Ох…

— Айше, ты в порядке? — кричит Бурак в телефон Мехмета. — Все нормально?

— Да, да. О да! Тут гроб. Определенно не мусульманский, а куда более древний. Может быть, ликийский… да, определенно ликийский. Я иду к нему. Подождите. Тут что-то на крышке.

Айше ощупывает крышку массивного каменного саркофага, направляя на него луч фонарика, чувствуя под пальцами сатиров и фавнов, вакхов и наяд, тени древних воинов и всадников, обнаженных атлетов, метателей дисков. Крышку охраняют с четырех углов львы и чувственное лицо богини в огненном ореоле. Ее губы запечатаны свинцом. Сам по себе этот гроб уже сокровище. Но сверху на нем есть еще один объект из другой эпохи, другой цивилизации и другой веры. Это каменная плита, которую выковыряли из пола и установили в центре гроба. Айше направляет на нее луч фонарика, который освещает пыльную барельефную тень куфической буквы. Фа.

Айше на пару минут садится на краешек дре-

---

[122] Примечания: 122
Фонтан для омовения.

нажной канавы. Она устала и тяжело дышит, словно бы пробежала кросс. Восторг, страх, суеверный ужас, ликование, возбуждение, прилив энергии, ощущение великого научного открытия наплывали, словно волны, сталкиваясь друг с другом. Айше звонит наверх Бураку:

— Я нашла его, спускайтесь.

Теперь за дело берутся Ахмет и Мехмет. Они спускают в люк раздвижные лестницы и делают это быстро. Затем опускают кабели, лампы, электроинструменты, веревки и тросы. Ахмет подключает прожекторы, и цистерну заливает чистый свет XXI века в сумерках XVI века.

— Что у нас тут?

Айше смотрит на Мехмета:

— Хаджи Ферхат. Медовый кадавр из Искендеруна.

— Дамочка, наш гонорар только что вырос.

Ахмет садится на корточки и изучает саркофаг.

— Интересно, как они его сюда опустили, — говорит он.

— Интересно, как мы его поднимем, — говорит Мехмет.

— Мне все равно, — отвечает Айше. — Моя задача была найти Медового кадавра из Искендеруна. Я это сделала. А как его поднять — это

уже проблема клиента. — Она набирает номер. Довольно долго никто не отвечает. — Акгюн? Это Айше Эркоч. Я наша ваш артефакт. Высылаю GPS-локацию, минус пятнадцать метров. Оплату приму наличкой или банковским переводом.

Кто-то спускается по лестнице. Это Барчин Яйла.

— Нашли?

Айше устало кивает в сторону каменной плиты у ее ног. Яйла бежит, поднимая клубы пыли, падает на колени и стукается лбом в благоговении. Айше смотрит на Мехмета. Эти здоровяки быстро двигаются для их размеров. Мехмет совершает борцовский захват, пока Ахмет ловко обыскивает карманы Барчина.

— Прости, братан. — Ахмет забирает пипетку, но Яйла борется, делает подножку, и Ахмет, потеряв равновесие, роняет стеклянный пузырек с кислотой. Айше давит его каблуком. Известняк шипит и пенится, вытравленный кислотой. Барчин Яйла скулит. Мехмет отпускает его.

— Барчин, я не могла позволить тебе это сделать.

Барчин садится, цепляясь за плиту с «Фа», как ребенок. Кислота нейтрализована.

— Я не собирался его использовать, как вы

не понимаете? Найти букву — это лишь часть, а не целое. Целое — это увидеть узор. У меня есть только буквы. Это лишь начало работы. Вот крошечный камень с буквой размером с мою ладонью, а над нами — огромная мечеть, являющаяся небольшим фрагментом других букв размером с целый город. Малюсенькая буква и огромные буквы. Как мне их соотнести? Как одновременно охватить взглядом бесконечно малое и непостижимо большое? Но это — замысел Синана. Вот она, настоящая работа. Аллах велик!

— Меня всегда пугала эта кислота. — С каблука из-за кислоты слезла кожа. Металлическую набойку разъело. Айше решила, что не стоит делать резких движений.

— Вы же собираете предметы искусства, должны знать, что художники, рисующие миниатюры, в конце карьеры рисовали самые малюсенькие детали такими, что их вообще никто не увидит, и зачастую выкалывали себе глаза иглами. Слишком много красоты, но еще и слишком много увиденного. Они просто уставали смотреть. Темнота безопасна, тепла и удобна. Слепота — это дар. Но мне пока еще нужно видеть.

Теперь по лестнице спускается Бурак Озекмекчиб. Он смотрит на свет и резкие тени.

— Посмотрим, что тут у нас. — Бурак буквально пролетает последние три метра. — А ты собираешься открыть его, розочка моя?

Сломать свинцовую печать — процесс трудоемкий и медленный. Нужно опустить оборудование, завести генератор, а потом выровнять установку для бурения с точностью до миллиметра. Мехмет протягивает маски и очки.

— Ну, будет пар от свинца, — поясняет он. — И лазеры.

В луче лазера поблескивает пыль и металлические искры, Мехмет и Ахмет, ненормальные демонические фигуры в этих своих очках и респираторах, ведут луч миллиметр за миллиметром вдоль ободка печати, оплавляя свинец. Эта медленная работа оставляет время, чтобы триумфальное настроение Айше превратилось в сомнение. Что, если гроб пуст? Что, если это всего лишь ликийский гроб, который простоял здесь две тысячи лет, пока над ним построили свод и весь комплекс мечети Сюлеймание, десятки тысяч тонн кирпичной кладки? Это обломок исторического груза, который привлекал к себе легенды, в итоге одна история закручивалась за другой поверх массы мифов, пока все это не кристаллизовалось в популярную истину: Седьмая

буква, могила хаджи Ферхата.

Луч гаснет. Мехмет и Ахмет снимают очки.

— Готово.

Новая фигура появляется на лестнице. Айше узнает ее по запаху. Хайдар Акгюн. На нем желтый светоотражающий жилет поверх сверкающего костюма из наноткани. Ботинки начищены до блеска.

— Вы очень вовремя, — говорит Айше, — мы как раз собираемся открыть его.

Айше пытается прочитать, что написано на лице Акгюна, когда тот проводит рукой по саркофагу. Удивление, благоговение, неверие. Почтение, смирение. Вот только гордости обладания она не видит. Его указательный палец исследует рот богини, запечатанный свинцом. Акгюн складывает пальцы, словно бы в молитве, и дотрагивается ими до своих губ.

— Это сокровище, — говорит он. — Настоящее сокровище. Вы нашли его. Поверить не могу. Это легенда.

Айше делает знак, и Ахмет с Мехметом аккуратно оттесняют Акгюна в сторону и засовывают лом в зазор между самим гробом и крышкой. Айше встает над ними, подняв руки, будто собирается дирижировать оркестром. Она делает взмах.

— Только аккуратно.

Лом приподнимает тяжелую каменную крышку на сантиметр, но этого достаточно, чтобы Мехмет и Ахмет зацепили подъемное устройство. Операция повторяется с другой стороны крышки. Все теперь на ногах, и по полу ползут их длинные тени. Тишина стоит мертвая. Ахмет передает пульт управления подъемным устройством Айше. Три кнопки: вверх, вниз и стоп. Она нажимает кнопку «вверх». Подъемник очень медленно отрывает крышку от гроба. В воздухе все еще пахнет металлической гарью, но Айше снимает респиратор. Она хочет вдохнуть этот запах. Крышка болтается в полуметре над гробом. Еще выше. В метре. Стоп. Пространство заполняет сладкий запах, древний, но при этом свежий. Запах меда.

Айше подходит к открытому гробу хаджи Ферхата. Он заполнен золотом полупрозрачного засахарившегося меда. Было бы наивно надеяться, что мед останется прозрачным через столько веков, но Айше видит под слоем застывшего меда темную фигуру. Это человек с вытянутыми вдоль тела руками. Нетронутый.

— Свет! — командует она. Ахмет с Мехметом тащат лампы по каменному полу и устанавливают

их так, чтобы лучше осветить предмет в гробу.

Айше смотрит на лицо хаджи Ферхата. Даже через засахаренный мед видно, насколько он хорошо сохранился. На нем нет одежды, плоть сошла с костей, и кости теперь торчат, словно шесты для палатки, а кожа стала темно-красной, сморщилась, распухла от сахара и с виду кажется мягкой и хрупкой, как сусальное золото. От тела исходит золотистый свет, который распространяется на несколько сантиметров в меду. Пузырьки газа оказались в медовой ловушке. Сложно различить детали в сахарной массе, но волосы, борода и ногти кажутся нетронутыми, глаза, к счастью, закрыты, а зубы длинные и коричневые, как у крысы. Айше никогда не видела ничего столь необычного. Ей доводилось видеть мумии, но это что-то совсем иное. Они были высохшими, более мертвыми, чем сама смерть. В Медовом кадавре нет ничего от смерти и разложения. Это человек из сахара. Работа кондитера. На мгновение Айше представила, как ударяет кулаком в грудь Медового кадавра, и кулак проходит насквозь. Будет ли он похож на желе, или окажется мягким и зернистым, как халва, или же она видит лишь тень, оставшуюся после долгих веков медленного растворения?

Айше опускает палец в гроб. Пробует. Медовый кадавр сладкий, мускусный, землистый. На зубах чуть хрустят кристаллики, чувствуется нотка фенола, намек на старую кожу, торф, следы мочи.

Хайдар Акгюн заглядывает в гроб.

— Вы проделали потрясающую работу. Тем обиднее.

Когда он произносит эти слова, Айше слышит, как вдалеке воют сирены. Акгюн достает бумажник и раскрывает его.

— Я инспектор Хайдар Акгюн из отдела по борьбе с контрабандой и организованной преступностью, мы сотрудничаем с отделом памятников и музеев. Оставайтесь на своих местах. Наверху вас ждут офицеры полиции. Вы все арестованы по обвинению в получении артефактов для нелегальной продажи за пределы Турции.

По лестнице спускается один полицейский, за ним второй, третий. Мехмета и Ахмета выводят на свет, арестовывают Бурака и Барчина.

— Мне стоило догадаться! — кричит Айше Акгюну, когда два офицера берут ее под руки. — По дешевому лосьону «Арслан»!

— Да.

— Можете представить себе, как это — проживать чужие жизни? А мы можем. Можете

представить себе, что будете знать, что другие на самом деле думают, и сможете предсказать, что они собираются сделать? А мы можем. Это следующий виток промышленной революции. Это больше чем просто нано. Это момент, когда все вокруг становится разумным. Это…

— Да, госпожа Гюльташлы.

Дениз Сайлан — самый гладко выбритый, самый хорошо подстриженный, самый хорошо пахнущий мужчина в самом элегантном костюме, самых блестящих ботинках и с самым прекрасным маникюром из всех, что когда-либо доводилось видеть Лейле Гюльташлы. Он вежлив и энергичен, лучится силой и уверенностью, и офис у него намного выше, больше, красивее и с куда более впечатляющим видом, чем у «Давай, нано!» — надо же было придумать такое идиотское название для корпорации. Три офиса за три дня, все уже как в тумане. По крайней мере у него в офисе нет никаких наноигрушек, изменяющих форму. У мужчины не должно быть игрушек.

— Что, простите?

— Я сказал «да». Да, нам интересно. Мы хотели бы поучаствовать.

Иногда в мультике, когда койот падает со скалы, он зависает в воздухе, не машет на прощание

рукой, а просто падает. Но иногда койоту удается выбраться обратно на скалу.

— В производстве преобразователя Бесарани — Джейлан.

Вдоль стены здания со свистом проносится скоростной лифт.

— Это именно такой проект, ради которых и был создан наш отдел специальных проектов. Уверен, вы ознакомились с направлениями деятельности нашей компании и с ее историей.

Ну да, Лейла ознакомилась со всем этим в поезде и в долмуше до Нанобазара. В пять утра она стояла на станции метро, на платформе были лишь бездомные, которые здесь же и спят, возвращавшиеся домой тусовщики, и рабочие, спешившие на утреннюю смену; в костюме только она одна. Она инструктировала Асо: компания была основана в 2012 году под названием «Газовая компания Озер». Постоянно входит в пятерку лучших компаний на турецком рынке. Биржевой курс такой-то. За прошлый финансовый год прибыль такая-то. Знай свой рынок, знай свой рынок, знай свой рынок.

— Наше преимущество перед конкурентами в том, что мы пытаемся стать поистине компанией XXI века. Десять лет назад мы были газовой ком-

панией, сегодня мы газово-товарная биржа, через десять лет, когда подача газа по трубопроводам прекратится, мы станем кем-то еще. Возможно, «Клеточными преобразователями Озер».

Нет, думает Лейла. Только не пытайся шутить. Мужчины прекрасны, когда серьезны. Асо лучше всего выглядит когда он серьезен.

— Наша стратегия заключается в поиске новых источников прибыли и постепенном сокращении деятельности в тех областях, которые теряют свою ценность, или при росте конкуренции. Озер не просто газовая компания и не просто товарная биржа — это целый организм, генерирующий прибыль. Мы появляемся первыми, зарабатываем много денег, а потом, когда ресурс находится на пике или рынок переполнен, когда мы устаем от этого вида деятельности, то продаем его и двигаемся дальше. Поэтому мы тратим очень большие суммы на стартапы, которые, как нам кажется, обладают рыночным потенциалам. Мы охотимся за новыми технологиями и новыми веяниями. Если вы сможете сделать даже двадцать процентов из сказанного, это будет величайший технологический прорыв после интегральных микросхем. Это все равно, что встать на один уровень с «Техас Инструментс». Вы когда-либо

задумывались об интеллектуальной собственности и лицензировании? Мы просто не можем не поучаствовать. Мы подготовим стандартный контракт на разработку опытного образца. О какой сумме идет речь?

Асо открывает рот, но тут Лейла вонзает каблук в его поношенный ботинок.

— Полмиллиона евро, — нагло заявляет она.

Сайлан и глазом не моргает.

— Вы должны понимать, что компании типа нашей редко идут на уступки. Наше обычное условие восемьдесят процентов на двадцать.

— Семьдесят на тридцать? — осмеливается Лейла.

— Нет, госпожа Гюльташлы.

Решительно, но вежливо. Асо тоже культурный, но нерешительный. А ведь решительность — и есть воспитанность. Неспособность отказаться — самая ужасная из линий поведения.

— Сколько времени это займет?

— Контракт будет готов к завтрашнему дню. А пока что нам понадобятся заверенная аудиторами отчетность, свидетельства о праве собственности и ясность относительно интеллектуальных прав. Это уже забота адвокатов. От вас мне нужно подробное техническое описание,

которое я представлю комиссии. Поскольку мы сами в настоящее время не занимаемся нано профессионально, придется нанять специалистов.

— Могу я спросить, кто войдет в состав комиссии? — спрашивает Асо.

— В вопросах нанотехнологий мы регулярно приглашаем в качестве консультантов профессора Сюлеймана Турана из университета Анкары и Неввала Седена из университета Биликент. Вы с ними знакомы.

— Неввал Седент был моим научруком.

— Это не проблема. Возможно, мы пригласим вас для устного собеседования с ними. Можно онлайн. А теперь мы дотошно изучим вашу отчетность. Мы настаиваем на обязательной экспертизе и сами назначим руководителя проекта. Вы не против?

— Нет, — говорит Лейла, но Сайлан ее игнорирует.

— Господин Бесарани?

— Мне нужно поговорить со своим деловым партнером.

— Разумеется.

— Итак, к чему мы пришли? — уточняет Лейла.

— Полмиллиона евро на разработку опытного

образца преобразователя Бесарани — Джейлана, в свою очередь Озер получает долю в восемьдесят процентов от будущих прибылей.

— Семьдесят пять, — вставляет Лейла.

— Нет, госпожа Гюльташлы.

— А что после опытного образца?

— Будет отдельное финансирование рыночной апробации. Если она пройдет успешно, мы запустим производство и приступим к международному маркетингу. Это долгосрочный проект, только испытания медицинской безопасности займут лет пять.

— Мы уже занимаемся этим проектом пять лет. Это проект всей нашей жизни.

По-видимому, Сайлану его ответ нравится.

— Хорошо, хорошо, хорошо. Пусть ваши люди свяжутся с моими. — Рукопожатие Сайлана, разумеется, идеально: нужная твердость, нужная длительность, нужная вибрация, еле слышное потрескивание, когда контактные данные передаются от ладони к ладони. — Большое спасибо, господин Бесарани, госпожа Гюльташлы, это очень, очень интересный проект. Я бы с удовольствием поговорил с вами подольше, но у меня назначена еще одна встреча. До скорого.

— Ты с ним флиртовала, — говорит Асо, пока

они ждут лифта, скользящего по поверхности башни, словно капля смолы. Они так высоко, как аисты, хихикают, как школьницы, испытывая головокружение и опьянение от победы. Да. Он сказал «да».

— Нет, — шепчет Лейла. Она вытряхивала его из костюма, очищала от стиля, ухоженности и манер. Заодно помечала, что надо переделать. Не для себя, как она поняла, а для Асо. При этой мысли она вдруг ощутила новое, незнакомое чувство, словно бы судорогу в области желудка.

— Но полмиллиона? — говорит Асо, когда приезжает лифт.

— Для Озера это мелочь, но было бы серьезной ошибкой просить как слишком мало, так и слишком много.

— Не думаешь ли ты… — начинает Асо, но тут двери открываются, и Лейла заталкивает его в набитый лифт. Тсс, она прикладывает палец к губам. Лифт везет их вниз вдоль здания Озера. Мужчины входят и выходят. Асо хочется поговорить. Мне тоже хочется, чтобы ты говорил, думает Лейла. Я хочу кричать, бегать, плюхнуться в фонтан на площади, но пока что тсс. В атриуме среди костюмов и богатеньких парней… ммм, а есть тут богатенькие женщины, ну, или вообще хоть

какие-то женщины, кроме Лейлы? Тсс. Протянуть пропуски администратору. Тсс. Стол администратора — это плита из черного мрамора, задуманная так, чтобы поражать мощью Озера и напугать каменными лицами администраторов. Лейла улыбается и передает свои документы по зеркальному мрамору. Я тебя сделала. Ты крутая шишка, но я отжала у тебя деньги. Я, девчонка из Демре, мисс Двигайся-потихоньку-по-карьерной-лестнице, мисс Приползешь-обратно-как-миленькая. Помидорка. И тебя, Яшар, и всех Языджоглу, Джейлан, Гюльташлы, всех, кто сидит за столом в Бакиркей, дядю Дженгиза, тетушку Кевсер и даже двоюродную бабушку Сезен на балконе, но больше других тебя, противная Зелиха, с кислой усмешкой сидящая за столом. Я. Умничка я!

На площади она поворачивается лицом к сорока этажам из стекла и титана и поднимает руки.

— Озер! Озер! Озер! Я люблю тебя!

— Не показалось ли тебе, что он согласился слишком быстро? — спрашивает Асо. — Один-единственный парень в кабинете и сразу согласился — оп! — и половина миллиона евро?

— Ну, я не в таком восторге. Поехали домой, а то ты говоришь «Озер» таким же тоном, как «Сатана».

— Они управляют востоком, словно личной империей. Я единственный из тамошних парней, кто смог устроиться, единственный из города, кто получил образование выше среднего, и вдруг беру и первым же делом продаю душу дьяволу.

— Что за антикапиталистическое нытье? Тебе нужна была сделка, ты ее получил. Я звоню Яшару.

— Я скажу тебе, что я думаю. Я думаю, что кто-то проделал за нас всю работу. Мы не первые. Думаю, ребята Идиза были в этом офисе недели три назад, искали финансирование для своей версии преобразователя. Это было непросто. Вот тогда-то они и убедили Сайлана. А тут вваливаемся мы с такой же штукой, и он видит возможность убить двух зайцев одним выстрелом. Озер получает монополию на технологию преобразователей. За полмиллиона, это дешево.

— Но их версия не будет работать.

— В лучшем случае шестьдесят процентов от нашей функциональности.

— Значит, они выберут явно лучший продукт. У тебя есть деньги! Это повод для празднования! Эй! Наджи!

Через дорогу стоит не слишком уместный крошечный ларек на колесах, торгующий кебабами.

Наджи занял стул у прилавка и попивает чай. Услышав свое имя, он оборачивается и улыбается, видя нескрываемую радость Лейлы. Какая у тебя классная улыбка, думает Лейла. Улыбка преображает тебя до неузнаваемости, словно другой человек.

— Перед тем как ты начнешь праздновать, хотелось бы напомнить, что надо найти Коран. Деньги — лишь половина дела.

Здоровяк Наджи уворачивается от машин, поднимая руку, чтобы подать знак остановиться. Можно было бы остановить их с помощью таэквондо, думает Лейла. Но блеск момента постепенно угасает. Асо вернул ее на землю. Но Всевышний был милосерден к ней и будет милосерден снова. Такова его природа.

— Хорошо-хорошо, позволим себе лишь половинку празднования.

Наджи бежит по тротуару и радостно машет руками.

— Давай звони Яшару.

Неджет принимает вертикальное положение, с трудом вставая с матраса, чтобы воспользоваться горшком. Что бы они ему ни дали, от этого мышцы трясутся, суставы болят, а комната кружится перед глазами за маревом джиннов. Но

мужчины писают стоя. Он ставит горшок в угол и опирается свободной рукой о стену.

— Может, не будешь смотреть, как я ссу?

Он вырывает Здоровяка из состояния глубокой медитации.

— Что?

— Я не к тебе обращаюсь, а к нему. — Недждет кивает в сторону Хизира, сидящего по-турецки у противоположной стены. Моча темная и скудная. Недждет сильно обезвожен. Какие химические соединения, помимо его собственных, он изливает сейчас в горшок? — О'кей, я все.

Здоровяк накидывает кусок тряпки на горшок и стучит в дверь прикладом, вызывая Мрачного типа, четвертого члена банды, который пока еще не сказал Недждету ни слова, хотя Недждет до сих пор еще чувствует на предплечье синяки от его сильных пальцев. Здоровяк — другое дело. Он практиковался в молчании, но в конце концов обрушивал на Недждета слишком много вопросов.

— Когда ты говоришь о Хизире, что ты видишь?

— Алевиты почитают Хизира?

— Мы почитаем всех святых и имамов.

— Как вы его изображаете?

— Он старый и в то же время молодой, похож

на человека, но в то же время и на животное или птицу. А еще вокруг него зеленое сияние.

— Таким бы ты его и увидел.

— А ты что видишь?

— Ничего, что я могу объяснить. Это что-то, что предшествует животному, птице или человеку, они лишь формы, которые мы приписываем им… бессознательно. А Хизир — это нечто, что предшествует форме, зрению и даже мышлению. Что-то, что существует до того, как мы его осознаем.

Здоровяк кивает.

— У всех свой Хизир.

— Нет, ты не понимаешь. Как это еще может быть?

— Это они тоже говорили. О необъяснимом.

— Они?

— Ну, те, после Дивриджана. Я жил в долине по соседству, но у всех были знакомые, которые от этого пострадали. Долина святых и шейхов.

— О чем речь?

— Это случилось всего лет пять назад. Турки нанесли последний удар по курдам перед тем, как ЕЭС положило этому конец. Как-то ночью над Дивриджаном, в соседней долине, появился бесприютный самолет. Он кружил полчаса. На следующее утро все стали как ты. Видели джин-

нов и ангелов, демонов, пери и духов. Кто-то видел Хизира, кто-то — Малака Тавуса,[123] а кто-то — и самого пророка.

Здоровяк склоняет голову, словно боится, что и так сказал слишком много.

— А что с ними стало? — спрашивает Неджет.

В заточении он понял, что человек обладает талантом приспосабливаться. Эта комната, этот матрас, огромный парень с оружием — Неджет уже привык ко всему этому. Он не боится. Это просто архитектура его жизни. Но слова Здоровяка открывают внутри этого комфортабельного страха дверцу в новый страх, это как дыра внутри дыры.

— Что с ними стало?

Он слишком много себе позволил. Здоровяк обнажает зубы и пихает Неджета своей штурмовой винтовкой. Неджет возвращается на матрас. Хизир так и сидит у стены, через него перетекают другие формы и сущности, словно конвекционные потоки в кастрюле с кипящим сиропом.

Женщина в зеленом платке и Волосатый выходят из соседней комнаты, где Неджет может различить контейнеры из пенополистирола,

---

[123] Примечания: 123
Глава ангелов в религии езидов.

крошечные пластиковые пузырьки и картонные коробки.

— Все хорошо? — интересуется Волосатый.

Здоровяк во всем считается с Волосатым. Женщина присаживается на колени рядом с Неджетом. Она всегда принимает одну и ту же позу, скромно садится, сводит колени вместе и натягивает рукава, закрывая руки. Возможно, это часть стратегии.

— Во время этого сеанса мы поговорим о природе веры, — говорит Женщина.

— А у меня ее нет, — отвечает Неджет. — Она мне не нужна. Я могу видеть. Вера — это то, что вы видеть не можете. Если я вижу это, это не Всевышний.

— Есть и другие определения веры. Вы можете верить в кого-то или во что-то, и тогда это заслуживает доверия.

— Как вера в будущее, — говорит Неджет.

— Можно определить веру и как метод, который мы применяем в отношении рациональных идей.

— Но это не значит, что они верны, — возражает Неджет. — Почему вера применима только к рациональным идеям, а не к иррациональным?

Волосатый делает записи.

— Вера — это повиновение воле Аллаха, — говорит Недждет. — На что вы меня проверяете?

— Расскажи мне о природе своей веры в Хизира?

— А в джиннов?

— Ну, ты же настаиваешь, что они не от Всевышнего, а лишь порождение твоего собственного разума. А чем отличается Хизир?

— Он другой.

Снова. Обмениваются взглядами.

— Религиозный опыт — универсальная человеческая черта, — говорит Волосатый. — Всевышний встроен в нас, прямо в химию мозговой деятельности, в нейроны. На фундаментальном уровне у всех человеческих религий один и тот же опыт и один и тот же язык.

— Все мистики единодушны, — говорит Женщина. Волосатого ее слова явно злят.

Интересно, это раскол среди Божественных инженеров, думает Недждет.

— Мы не верим в сверхъестественного бога за гранью правил нашей Вселенной, — говорит Волосатый. — Мы верим в того бога, который здесь. Бог есть часть нас, он всегда был частью нас, это наша часть за гранью сознания. Мы считаем, что еще тысячу лет назад человеческое сознание кар-

динально отличалось от того, что мы наблюдаем сегодня. Мы не были одной личностью, а были множеством личностей в одном флаконе, множеством фрагментов, и одним из этих фрагментов был бог внутри нас. То было прекрасное время, когда бог говорил с людьми, когда у людей были видения, когда мы становились свидетелями чудес и видели духов. Бог говорил с нами притчами, пророчествами, аллегориями и стихами. Мы все это утратили. Мы стали слишком много думать, нужно воссоединиться с нашими личными богами.

— То, о чем вы говорите, мало отличается от джиннов. Хизир — тоже порождение моего разума.

— Но ты же говоришь, что он другой. У нас есть основания полагать, что он отличается от того, что ты считаешь порождением собственного разума. Он старше твоего разума.

— Должно быть, я безумен, — говорит Недждет. Этот разговор пугает его. Страх внутри другого страха прорывается через третий страх. — Вы говорили, что у меня было какое-то расстройство личности. Но, может, я не был болен, а болен сейчас. И все это — из-за болезни.

Женщина наклоняет голову, обдумывая его

слова.

— Неджет, послушай себя. Тебе кажется, ты говоришь как сумасшедший?

— Откуда же я знаю? — восклицает Неджет.

— Ты был болен. Мы взяли все внутренние противоречия, конфликты и гнев, собрали их воедино, придали им форму, и теперь, мне кажется, ты счастлив. У них есть голос и тело. Они — твой внутренний бог. Они твой Друг с большой буквы. Пока что мы довольны результатами. Поговорим позже, Неджет.

Они снова уходят. Через открытую дверь он видит ноги Мерзкого типа рядом с ногами Волосатого и Женщины. Он отсюда не выберется. Теперь он это понимает. Они продержат его до тех пор, пока не получат все ответы, а потом он станет им не нужен. Неджет знает, что случается с подопытными животными. Хизир отвечает из небытия улыбкой. Здоровяк все еще нервничает, но Неджет чувствует, что он слабый. Определенно Мерзкий тип — палач, Волосатый — технократ, а Женщина — теоретик. Для Здоровяка это личное.

— Эй, скажи мне, а те курды из соседней долины… Мне нужно знать! Что с ними стало?

Прозрачный пластиковый цилиндр с зеленой

грязью взбалтывается на полке в глубине фургончика «Пророка кебабов».

— Что это за дерьмо? — спрашивает Аднан. — Выглядит как бурда, которую пьют дети.

— Это дерьмо называется «гранита»,[124] — объясняет Пророк кебабов. — Лимон и лайм. Смесь из порошка, а потом машина все остальное делает. Считается, очень освежает. Хочешь?

— У меня башка раскалывается и без того, чтобы сосать лед через соломинку, — говорит Аднан. — Я тебе говорю это как человек, на чьи деньги твой ребенок учится в колледже: надеюсь, ты не выложил за эту фигню кругленькую сумму, в противном случае ты выкинул деньги на ветер, поскольку жара закончится завтра.

— В любом случае, я взял его на пробу. — Пророк кебабов задумывается на минутку. — Так значит, ты при деньгах.

Аднан не может удержаться от самодовольной улыбки.

— Четыреста девяносто пять.

— А опустилось?

— До четырехсот двадцати двух.

Пророк кебабов кивает, он впечатлен.

---

[124] Примечания: 124

Сицилийский освежающий десерт, представляющий собой колотый фруктовый лед с сахаром.

— Мне надо отдать в колледж и других детей.

— Дай мне три порции кебаба, приготовь так, как готовил бы для президента. Я хочу, чтобы мясной сок стекал у меня по подбородку.

— Три?

— Лорд Ультрор присоединится к нам чуть позже.

Пророк набирает пригоршни фарша и начинает формировать на вертелах колбаски. Он делает их тонкими, как карандаш, и буквально лишь касается огня, чтобы кебабы стали коричневыми и сладкими снаружи и сочными в центре. Все как надо. Кадир вместе с Огюзом пересекают площадь. Никаких привычных ритуалов, никаких приветов Драксору.

— Ты этого не сделал! — орет Огюз. — Чувак, да мы в заднице. В полной заднице.

Аднан садится на свой стул около прилавка и не отрывает взгляда от кебаба, который вертит и так и сяк, изучает, выискивая недостатки. Мясо ароматное, тмин и чеснок смягчают запах баранины. Томаты теплые и наполнены солнцем. Пророк кебабов держит в секрете рецепт приготовления лепешек — это гениальное произведение коммерциализация только испортила бы — и к каждой лепешке относится как к своему детищу.

Хлеб пахнет жизнью.

— Я сегодня утром сделал тебя миллионером, так что садись, ешь этот потрясающий кебаб, который я тебе купил, а когда закончишь, я тебе поведаю, почему мы не в заднице.

Ультралорды Вселенной выстраиваются перед сияющим прилавком Пророка кебабов в очередь.

— Воистину ты превзошел себя, — говорит Аднан, вытирая пальцы и рот влажной салфеткой. — Сам Аллах не смог бы приготовить кебаб лучше.

Пророк кебабов в знак благодарности кивает. Он понимает намек и удаляется вглубь фургончика резать салат.

— Почему ты не дал ему нано? Он же знает все номера счетов, все, — Огюз сразу же идет в атаку.

Аднан поворачивается к нему.

— Я скажу тебе, почему. Потому что я не лорд Драксор, а ты не лорд Террак. Мы не ультралорды Вселенной, поскольку никаких ультралордов Вселенной не существуют. Это герои мультиков. Ты помнишь, чем заканчивается каждая серия? Серьезной битвой. В ход идут сверхспособности и всякие хитрые штуки. Потом ба-а-а-абах! Большой взрыв. И плохие парни повержены еще на неделю. Что ж, если мы взорвем плохого парня,

то так и будет. Он мертв. Мы его убили. У нас нет сверхспособностей. Мы работаем на финансовую корпорацию. Мы не герои мультиков. Мы люди. А люди так не делают. Не с друзьями. Не из-за денег. Я хочу, чтобы вы поняли, почему я не подсыпал Кемалю нано. Я надеюсь, вы признаете, что я был прав, как был прав и насчет всего остального в ходе этой операции.

— Лично я понимаю, что начало заварушки — только вопрос времени, нас выведут на чистую воду, и тогда Кемалю просто оторвут голову, и нано будут выглядеть как безобидные конфетки, — говорит Огюз. Нож Пророка кебабов движется, словно смерть: быстро, четко и безотказно.

— Надо сохранять спокойствие, не открывать огонь. Мы вернемся к работе и будем выполнять нашу маленькую работенку эффективно, а за кулисами свернем деятельность на Бирюзовой площадке, скатаем, словно ковер, как и планировали. Мы не будем высовываться. Мы будем двигаться дальше, шаг за шагом, как репетировали. Двадцать миллионов евро в двух сотнях миллионов или в двух миллиардах, разве это серьезно? Охота идет не на нас, а на Мехмета-Манду.

— Вот ты тут разглагольствуешь, что надо сохранять спокойствие, — бурчит Кадир, — а я тебе скажу — у тебя нет плана.

— У меня есть план. Кто сказал, что нет? У меня всегда есть план. Мы ликвидируемся прямо сейчас. Поскольку, как только первые трещинки появятся на стекле, мы должны выйти из башни Озера с набитыми задними карманами, пока здание рушится за нашими спинами. Ликвидность всегда работает. Я думал об облигациях на предъявителя, это безопаснее, чем наличка.

— А Ферид-бей? — спрашивает Кадир.

— А он получит свое наличкой. На-лич-кой. Наличка правит миром, так было, есть и будет. — Аднан стучит костяшками по стальному прилавку, поцарапанному абразивными чистящими порошками. — Лорд кебабов! Сделай-ка еще одну порцию для нашего четвертого друга!

Ультралорды вскидывают головы. Кемаль идет через площадь, лавируя между скутерами и мопедами. Аднан поднимает кебаб, как трофей:

— Привет, Ультрор! Возьми, съешь и пойдем, а то у нас еще футбол, а я не собираюсь показываться на стадионе в подобном прикиде.

Когда Пророк кебабов, отрегулировав температуру на цилиндре с зеленой гранитой,

поворачивается, то под держатель для салфеток запихнута банкнота в сто евро, а четверо парней в темных костюмах маршируют к стоянке такси, словно стильные гангстеры.

8

После полудня солнце щедро льется в белую бетонную чашу стадиона Аслантепе. Кубок! Кубок! «Галатасарай» против «Арсенала», полуфинал Лиги чемпионов! Победитель встретится в финале с «Барсой» в Мюнхене! Самый большой приз в Европе! Трибуны потихоньку наполняются, болельщик за болельщиком занимают кресла, загораживая огромные буквы «ДЖИМБОМ», написанные белой краской на спинках красных кресел вдоль домашнего сектора. Болельщиков «Арсенала» пораньше пропустили на гостевой сектор стадиона, где они растягивают баннеры над заграждениями и репетируют речевки, типичные для английских болельщиков. Кто-то уже снял футболки. Турецкие барабаны и горны отвечают им из домашнего сектора. Фанаты «Арсенала» тычут пальцами и орут: «Да чтоб вас!» Реклама крутится на щитах вдоль линии поля и на огромных экранах трибун. Журналисты уже тут. Фургоны телевизионщиков припаркованы вдоль главной дороги, звезды телевещания смутно видны в стеклянных аквариумах, десятки комментаторов заняли свои места на скамейках,

а фотографы крутятся у линии ворот. Операторы делают пробные кадры со штрафной линии через весь стадион, а камеры на боковой линии поля движутся вверх и вниз. Болельщики визжат от восторга и машут, увидев себя и своих друзей на десятиметровых экранах. Над футбольным полем летает аэростат с надписью «Тюркселл».[125] Стадионный диктор врубает турецкую попсу так, что подрагивают кресла. Талисманы команд в огромных костюмах скачут вдоль боковой линии, пытаясь завести толпу.

Аднан Сариоглу замирает на верхней ступени. Он смотрит, прищуриваясь, на синий купол над белым диском Аслантепе.

— Видите? Облако на небе!

Ультралорды Вселенной спускаются на свои места по абонементу в центре сектора B, обмениваясь приветствиями и рукопожатиями со знакомыми завсегдатаями. Кемаль останавливается на минутку, чтобы принять сообщение с цептепа, а потом наклоняется к друзьям и шепчет:

— Дело сделано. Можете забрать свою долю, когда захотите.

---

[125] Примечания: 125
Турецкая компания, крупнейший оператор сотовой связи страны.

Все, теперь он официально богат.

Они смотрят замечательный проморолик «Галатасарая», в котором игроки штурмуют стены Константинополя в фильме про Мехмета-Завоевателя. Наступает момент первой «волны» на стадионе, в которой участвуют все присутствующие. Аднан тоже вскакивает на ноги и чувствует, как тает в атавистической сущности этого действа. Это царство Джимбома. Люди здесь другие.

— И где конкретно наш газ? — спрашивает Кемаль, вскочив на ноги и подняв руки.

— Сейчас примерно идет из Чалдырана по линии «Набукко», движется в нашу сторону со скоростью сорок километров в час, — говорит Огюз, садясь на место, когда волна проходит.

Проморолик, несмотря на бесстыжий плагиат и металлические аккорды, срабатывает. Невзирая на жару талисманы, запечатанные в жаркие костюмы из пенопласта, встают на руки, прыгают и заводят толпу. Колонки врубают на полную, и Аднан чувствует, как вибрация проходит сквозь него. В этот момент он перестает быть Аднаном Сариоглу, трейдером, а становится фанатом. Игроки «Арсенала» выбегают, держа за руки напуганных маленьких мальчиков в полосатых футболках «Арсенала», которые им

велики. Нестройный хор голосов приветствует их издалека, с гостевого сектора. Болельщики Джимбома встречают противников улюлюканьем и свистом. Дело не в спорте как таковом, а именно в футболе. Диктор громко приветствует команды, и вдоль кромки поля загораются факелы. Началось! Джимбом! Джимбом! Толпа вскакивает с мест, и Аднан поднимается вместе со всеми, орет и сжимает кулаки. Глаза мальчиков в футболках «Арсенала» расширяются от ужаса. Диктор объявляет состав, каждый из игроков, когда выкрикивают его имя, кивает или смотрит на небо или на свои бутсы. Каждое имя встречают радостными криками, а Волкана и вовсе сейсмическим грохотом — наконец-то он в форме. Игроки занимают свои места, капитаны обмениваются рукопожатиями, флажками и ждут, пока судья бросит монетку.

— Русский рефери! — кричит Кадир.

— Нет, они ж нас ненавидят! — сетует Кемаль.

— Ничего, англичан они ненавидят еще сильнее, — успокаивает Аднан.

— Это точно, — уступает Кемаль.

«Арсенал» выигрывает жребий и ставит мяч на точку. Судья свистит, игроки приходят в движение, капитан бьет по мячу, и стадион Аслантепе

превращается в полусферу шума. «Арсенал» атакует, игрок делает длинную передачу на противоположную половину поля, разрезая оборону противника, но Гюндюзалп, габаритный центральный защитник хозяев, перехватывает передачу и отбивает мяч головой Эрсою, начав контратаку команды, теперь «Галатасарай» атакует, и в этот момент звонит цептеп Аднана.

Судя по рингтону, Айше.

Аднан смотрит на дисплей, а потом замечает локацию, поскольку работает GPS. Полицейский участок Бибирдирек в Султанахмет. Он тут же прижал аппарат к уху.

— Айше.

— Аднан, меня арестовали.

На фоне зеленого поля, синего неба, мозаики ярко одетых фанатов слова кажутся невероятными. Айше. Арестована. Они не сочетаются друг с другом и с реальностью, в которой мужики в коротких шортах пинают мяч по зеленой траве.

— Тебя… что? — переспросил Аднан.

— Арестовали. Меня держат в Бибирдиреке. Это глупо, они поймут, что ошиблись, и выпустят меня.

Он чуть было не спросил, кто тебя арестовал, за что, в чем тебя обвиняют. Но он не один в толпе.

«Галатасарай» атакуют на его же половине поля, мяч передают Айколу, который видит зазор перед собой и бежит практически через половину поля. В толпе гул. Аднан говорит:

— Я еду. Найду адвоката. Он приедет к тому моменту, как я туда доберусь.

Кадир улавливает нити разговора, качающиеся, словно паутинки. Он наклоняется и одними губами спрашивает: что? Айше, отвечает Аднан и, не дожидаясь следующего вопроса, начинает протискиваться к лестнице, болельщики хмурятся, ругаются и тянут шеи, чтобы увидеть происходящее на поле. Он единственный, кто движется против шерсти в этой восьмидесятитысячной толпе фанатов Джимбома. Когда он рысцой бежит по бетонным ступенькам, пахнущим мочой и свежей краской, то слышит, как за его спиной взрывается Аслантепе. Гол «Галатасарая»! На проспекте Джендере Аднан вызывает свою машину. Он бросит ее у полицейского участка и отправит искать парковочное место или пусть просто наматывает круги, пока не понадобится ему снова. На подходе к дороге, ища глазами «ауди» без водителя, которая спешит к нему в потоке машин, Аднан внезапно понимает, что в первую очередь показалось ему несуразным. Тот краеугольный

камень, который удерживает всю эту арку невероятности. Он всегда считал, что из них двоих скорее арестуют его, но уж никак не жену.

Золото и серебро. Купола с отслоившейся штукатуркой. Улицы с желтыми крышами, которые отказываются просто бежать вперед, каждый перекресток открывает новые переулки и аллеи, и они непредсказуемо спускаются между узкими лавочками и киосками, прежде чем вывести к площади, обрамленной куполами, или к крытому рынку-бедестен. Турецкие флаги всех возможных конфигураций. Красный и белый, полумесяц и звезда. Здесь нет места для звездной тиары Евросоюза. Маленькие выкрашенные краской указатели показывают путь к крошечной мечети, к которой ведет спиральная лестница. Мужчины торопливо везут нагруженные доверху тележки по мощеным улицам. Вода брызгает на плитку фонтана. Все маленькое, тесное, плотно прижатое одно к другому. Покупатели слишком велики для крошечных лотков и перегружены покупками. Свечение неоновых вывесок не меняется ни днем ни ночью. Гранд-базар живет по собственному времени, и это время не измеряется ни часами, ни календарями.

Асо движется по Гранд-базару с помощью

навигатора в цептепе. Яшар созванивается с адвокатами и бухгалтерами, занимается таблицами, так что Асо делегирован вместе с Лейлой на поиски сокровища в сердце лабиринта. Лейла понимает, что одна потерялась бы через минуту. Что-нибудь блеснет, отвлечет ее внимание — и она пропала. В этом, как говорят здешние торговцы, весь фокус. Когда разум перестает искать, тогда и случаются подлинные открытия.

Вот вам пример открытия: вы входите в один и тот же маленький бедестен с разных концов и каждый раз думаете, что это разные площади. Спотыкаетесь о странную маленькую деревянную стойку для продажи кофе, здание внутри здания, и понимаете, что никогда не сможете отыскать это место снова. Один шаг уведет вас от толчеи улиц, на которых вас так и норовят обворовать, на маленькую темную улочку, где у ржавой обувной колодки сидит одинокий сапожник, и вы задумываетесь, продал ли он хоть что-то в этом веке или в прошлом.

Лейле Гранд-базар не понравился с первого посещения. Кругом дерьмо, подделки и завышенные цены, все сложено в кучу, все пихают товар вам в лицо, но Лейла видит линию, прочерченную от базара Джапалли через «Хазине»

и Нанобазар к ней. Все постоянно настойчиво предлагают свой товар. И она не отличается от этих троглодитов, спрятавшихся за стенами из товара. Торговля — наше все.

— Асо.

Он бредет за светящейся стрелкой навигационной системы цептепа у него на глазу.

— Вопрос прозвучит глупо. Я могу продавать преобразователь Бесарани — Джейлана всем и каждому, могу рассказать о его функциях, свойствах и преимуществах, могу заверить, что это новая нанореволюция, и ничто уже не будет прежним, я могу говорить, что это будущее, которое начнется сегодня, но я не вижу этого будущего. Я вижу странные графики ДНК, но не могу связать их с собой, с людьми. У вас же есть такая штука, как мысленный эксперимент. Вот тебе мысленный эксперимент — что я увижу здесь через пятьдесят лет?

— Один вопрос — почему здесь?

— Потому что мне кажется, что это место самое консервативное и больше других противится переменам. Такое впечатление, что его нанотехнологическая революция завоюет в последнюю очередь.

Асо отвечает ей странной, одновременно милой

и уродливой улыбкой и кивком головы, следуя за одному ему видимым светом.

— Ну, это место будет выглядеть почти так же. Те же чайные лавочки и антикварные магазинчики, все так же будут торговать рахат-лукумом. Аутентичность на высшем уровне. Не будут торговать всякой бытовой техникой и электроникой. Это все вы сможете смонтировать дома, ну, кроме таких махин, как автомобили, которые станут собирать на специальных заводах. А так у всех дома появятся фабрикаторы, нечто наподобие трехмерного принтера, только куда более навороченные. Электроника и биология будут все больше и больше сближаться. Мы станем «печатать» вещи из протеинов и живого пластика. Когда ты устанешь от этого пиджака или захочешь новые туфли, ты просто позволишь старым умереть. Фабрикатор переработает их. Все будет решать дизайнер. Когда товары дешевые, люди платят за бренды. Сними лейбл «Донна Каран» с футболки, и она превратится в хлопчатобумажный прямоугольник стоимостью два евро. Статус будет измеряться не вещами, а стилем. Дизайнеры станут такими же популярными, как сейчас футболисты. У них будут целые фан-клубы. Вот поэтому я только что говорил про аутентичность.

Все, что не произведено на фабрикаторе, будет подлинным, с очевидным происхождением — вот эти вещи и превратятся в ценность. Люди будут платить за аутентичность, люди будут платить за опыт. Хорошая чашка кофе будет стоить дороже цептепа, поскольку цептеп ты сможешь сделать дома на фабрикаторе, да и вообще цептепы тогда уже отомрут. А вот вкусный кофе — это искусство.

Жизнь Гранд-базара течет вокруг Лейлы и Асо. Лейла пытается наложить картины Асо на лица вокруг: на симпатичного паренька, который сидит рядом с коврами-килим, которыми торгует его отец, старика с желтыми зубами у прилавка с безделушками, на двух немецких туристов, на спешащую куда-то женщину, закутанную в хиджаб.

— Все станет роскошным, восхитительным, головокружительным. Это будет эра стиля и цвета. Люди вспомнят, как одевались османцы, снова войдут в моду халаты и тюрбаны. Возможно, нас будут окружать облака свободно парящих микроботов, способные принимать любую форму, какую мы пожелаем, как джинн. Никто не будет носить очки. Каким бы плохим ни было ваше зрение, его тут же скорректируют изнутри, это

как автофокус на камере. И никаких наличных денег, средства будут списываться по мановению руки, по морганию глаз или просто силой мысли. Станет тише, чем сейчас, поскольку зачастую общение будет происходить напрямую, опять же на уровне разума. Голоса оставят для публичных выступлений или для представлений. Мы будем обладать двумя способами речи, точно так же, как в некоторых языках есть два стиля общения, формальный и интимный. Устная речь — нечто наподобие радиовещания, когда вас слышат все в пределах слышимости. Прямая речь станет интимной, сюда придется приглашать, и ее услышат лишь те, к кому вы обратитесь. Можно будет рассказывать секреты при помощи прямой речи. Находясь в переполненной комнате, вы сможете вести разговор, который никому не удастся подслушать. Станет возможно разговаривать с кем-то в другой точке планеты, ведь прямая речь не ограничена расстоянием. Наступит эпоха сплетен, интриг и маленьких заговоров.

Старые друзья будут встречаться, садиться в чайхане и вспоминать разговоры десятилетней давности слово в слово. Они смогут воспроизводить эти сцены в своей голове, поскольку ДНК ничего не забудет. Это как путешествие во

времени — общая иллюзия прошлого. Или же они смогут отправиться совсем в другой мир, мир, спроектированный дизайнером, мир социальных сетей, который покажется им таким же реальным, как наш мир. Люди будут свободно перемещаться между мирами. Некоторыми можно будет делиться, другие будут вашими личными, где вы сможете делать все, что заблагорассудится.

У нас появятся дополнительные органы чувств. Нам не понадобится способ закачки и выкачки информации, лишь специальные провода. Мне нравится идея небольшого отростка, может быть, на затылке. Или чего-то типа антенны. Но я думаю, мы будем их стесняться, это будет интимной частью тела, которую стыдно показывать на публике или незнакомым. Это как ворота в нашу душу, а такое не всякому покажешь. Придется прикрывать, и вот тут-то и вернутся тюрбаны. Дождаться не могу.

Но вскоре после этого мы вообще перестанем прикрывать наготу. Мы пойдем совершенно противоположным путем. Начнем ходить обнаженными! Почему? Потому что мы научимся фотосинтезу. У нас уже есть панели фотосинтеза для обеспечения домов электричеством, останет-

ся только соединить их с нанопреобразователем, и тогда мы будем как растения: разденемся и будем впитывать солнце. Такие места, как это, станут для нас темными и страшными. Крыши? Темнота? Извращения! А вот после фотосинтеза можно лишь гадать, что будет дальше. Все диаграммы идут вверх!

— Интересно, а что, если я помогаю тебе построить будущее, в котором не хочу жить? — говорит Лейла. — Я выросла под крышами. Демре — город крыш. Кругом теплицы и парники, на километры вокруг. Они подходят вплотную к дороге, а дома и мечети втиснуты между ними. Земля слишком ценная, и дома растут вверх, поэтому, когда создается новая семья, то к уже имеющемуся дому пристраивают еще один этаж. Некоторые старые здания в Демре выглядят как мини-небоскребы. Помнится, когда американцы говорили о полете на Марс, о том, чтобы основать там базу и выращивать еду, то все это чертовски напоминало Демре. Мы знаем, как сохранять воздух внутри теплиц и как пропускать внутрь свет. Может, если бы они спросили нас, то у них все получилось бы. Мы закачиваем воздух из отелей вдоль пляжа, в итоге томаты вырастают до крыши. Целые джунгли перцев чили и баклажанов. У

некоторых людей непереносимость CO_2, и они не могут туда заходить, а еще был один ребенок с аллергией на томаты, так он не мог находиться рядом, иначе его лицо распухало. Я до сих пор чувствую запах томатов и подкормки. Мы производили подкормку из сточных вод отеля. Прогоняли их через реактор для ферментации, чтобы получался метан, дававший энергию, и экологически чистая подкормка. Мой папа не выращивал томаты, он был инженером по обслуживанию систем капельного орошения. В парниках только и слышишь, что кап-кап-кап, да еще шипение мелкокапельного опрыскивателя, который помогает растениям завязывать плоды. Почему я рассказываю тебе о Демре? Потому что люди удивляются, как кто-то может жить без единого клочка открытой земли, когда пластиковые крыши повсюду, но знаешь что? Мне нравилось. В детстве я была там счастлива. Я говорю о том, что можно привыкнуть ко всему, чему угодно. Люди просто адаптируются.

Антикварная лавка Топалоглу — это клетушка, заваленная декоративными элементами со стен старых мечетей, светильниками, греческими курильницами, текстами на иврите, помещенными в рамочку, фальшивыми иконами или иллюстра-

циями к «Беседе птиц». А еще миниатюрными Коранами — их целая витрина, они ряд за рядом поблескивают на свету. Сам Топалоглу — шарообразный человечек средних лет с выступающими зубами и проплешинами. Он одет в кардиган, несмотря на жару Гранд-базара. В лавке пахнет полировкой для металла.

— Вам нравятся миниатюрные Кораны?

— Мы ищем один, определенный, — говорит Лейла. — Это семейная реликвия.

— В Стамбуле во многих местах продаются миниатюрные Кораны, — замечает Топалоглу.

Лейла раскрывает карты:

— Тургут из «Хазине», возможно, продал его вам.

Топалоглу с подозрением посматривает на Асо, который изучает латунные лампады.

— Мы не из полиции.

— А выглядите так, словно вы именно оттуда.

Это все костюмы.

— Я маркетолог, а он — ученый. Мы и правда ищем потерянную семейную реликвию, миниатюрный Коран. Вы вспомните, если вы его видели, поскольку он разрезан пополам.

— Вторая половинка вот. — Асо кладет половинку Джейлан-Бесарани на ладонь Топалоглу,

тот поправляет очки и смотрит.

— О да. Я узнаю его. Я и правда купил такой в «Хафизе». Они специально оставляют для меня всякие предметы религиозного искусства.

— Он у вас?

— Нет, я его продал.

Блики и блеск латуни кружатся вокруг Лейлы, как звезды. Она ощущает в глубине своего желудка комок, ее подташнивает.

— Я продал его в прошлый понедельник. Продал часть купленного, то, что оказалось лишним. Я могу сказать вам, куда. Напишу адрес. Я не очень-то люблю передачу данных через рукопожатия. — Он берет шариковую ручку и пишет на обороте визитной карточки. — Вот.

Лейла читает снова и снова, чтобы убедиться, что все правильно поняла. Ошибки нет. Круг путешествия замкнулся, словно поворот в танце дервиша. Аллах милостив, воистину милостив.

Одинокая галка с черной головой и яркими глазами важной походкой прохаживается туда-сюда по перилам балкона салона на втором этаже дворца Контанпаша, наблюдая, как участники группы «Кадикей» двигаются в очереди за кофе. Георгиос Ферентину с удовольствием смотрит на птицу. Ему всегда нравились галки. Городские

целеустремленные создания.

— Семейство врановых, — говорит Эмрах Бескардес, стоящий в очереди за ним.

— Мне нравится их ум, — говорит Георгиос.

— Вот почему я защищал диссертацию о социальных сетях у грачей. Вы знали, что они скорбят по умершим? А еще у них есть суды. Они распознают нарушителей, собираются в группу — типа жюри присяжных, изолируют нарушителей и наказывают. Вы, наверное, видели, просто не понимали, что происходит, когда группа грачей в воздухе нападает на одного своего собрата. Это наказание. Они целятся в хвост и пеньковые, то есть зачаточные перья. Иногда вы видите грачей и сорок, которые прыгают без хвостов, пытаясь взлететь. Они нарушили закон. Я видел, как дети пытаются помочь таким птицам, которых считают больными и увечными, а остальная стая поднимает крик и даже пытается заклевать их. Они умные, но сволочи.

Георгиос Ферентину наклоняет голову набок, заинтригованный, неосознанно отзеркаливая движение галки на улице.

— Такое впечатление, что вы не особо любите предмет своего изучения.

— Вы не любите ворон, вы ими восхищаетесь.

Они используют нашу способность создавать хаос. Забудьте полярных медведей или всяких там тунцов, которых мы должны защищать в этом месяце. Вороны — на переднем плане всего, что мы творим на планете. Чем больший беспорядок мы устраиваем, тем больше им нравится. Новые линии поведения распространяются в новых популяциях ворон, как пожар. Десять лет назад японские вороны научились класть твердые орешки на дорожные перекрестки, чтобы машины раскололи их шинами. И не только это, они стали ждать красного света, чтобы снова подобрать орех. Теперь так делают и вороны в Лондоне. Десять лет, чтобы пересечь Евразию. Существует давление эволюционного отбора, и если оно срабатывает на воронах, то срабатывает и на нас, просто мы пока что этого не видим. Теперь все те же японские вороны демонстрируют навыки, на развитие которых просто не было времени. Они умеют считать до десяти. Они ставят отметины грязью на своих насестах. Ряды точек из грязи. А теперь, если вас не испугает… Хотите услышать теорию? Меня она чертовски пугает. Короче говоря, я считаю, что вороны подбирают в воздухе те нано, что мы не использовали, и развивают свои мозги.

— Спаси нас Господь, — охает Георгиос Ферентину, и в очереди за кофе он ощущает волну интеллектуального возбуждения и страха из-за понимания, что Вселенная ничего больше не хочет от нас, людей.

— Не спускайте глаз с воронов, — говорит Бескардес. — Вороны определенно наблюдают за нами.

Георгиос знает, что такое вороний суд. Некогда он стоял на месте провинившегося грача. Это случилось в тот год, весной, поздней весной, которая показалась еще более поздней из-за конференции в Москве. Георгиос дрожал и ежился, пока неделю вел семинары по неполной информации, рациональной иррациональности, шаблонному мышлению и финансовым пирамидам — это были модные темы популярной экономики, темы, которые становились пищей для написания книг: в их заглавии после непонятных слов следовало двоеточие и подробнейшее объяснение для чайников. Сославшись на грипп, Георгиос сумел избежать обязательных возлияний до посинения. Он толком не понимал, насколько его доклады на тему психогеографии экономических ландшафтов проникали в похмельные от водки мозги слушателей, но цитаты появлялись

в газетах еще полтора года, пока не возникла новая модная теория. Но это была мрачная неделя затянувшейся зимы, и тем удивительнее было, выйдя из мраморного здания аэропорта Ататюрк, обнаружить, что в Стамбуле уже вовсю весна. В воздухе пахло весной, а облака цветов миндаля нежно окутывали минареты и купола огромного комплекса мечети Сюлеймание, усыпальницы и больницы, пока Георгиос Ферентину пересекал парк по дороге на факультет экономики. Записка в ящике для корреспонденции. Собрание на факультете. В два часа.

Георгиос до сих пор помнит ту комнату в деталях. Термос с кофе, банка с порошковым яблочным чаем возле термоса с горячей водой. Тарелка с конфетками и печеньем. За окном цветы. Георгиос до сих пор не забыл, кто где сидел. Огюн Салтук занимал место слева от ректора Эрмине Арина.

Они расспрашивали о поездке в Москву. Как там погодка? Не такая, как у нас. Жаль. А участники? Со всего мира. Хорошо. Качество докладов? Разное. Хорошо. Презентация профессора Ферентину? Хорошо принята. Отлично. Затем ректор Арин взглянул на Огюна Салтука, и Георгиос понял, что все кончилось.

— Профессор Ферентину, ваш вклад в работу факультета экономики на поприще экспериментальной экономики за последние двадцать пять лет… — начал Огюн Салтук.

Георгиос прервал его:

— Вы меня увольняете.

— Это университет Стамбула, мы не увольняем выдающихся ученых, у нас проблемы с финансированием деятельности вашей кафедры.

— Тогда надо увольнять всю кафедру, а не меня, — сказал Георгиос, но он уже полетел вниз, все слова — лишь воздух, ухватиться не за что.

— Вряд ли это справедливо, — возразил ректор Арин. — Сокращения затронули все факультеты.

За столом всего сидело шесть человек, все знакомые и все с каменными лицами. Только Салтуку не хватило благопристойности хотя бы выглядеть пристыженным.

— Когда?

— С нового учебного года, — сухо сообщил Салтук.

— Но должно быть уведомление за полгода.

— Если бы была моя воля, но тут финансовые вопросы.

Георгиос сел, сложив руки на коленях. Напускная храбрость покинула его, две маленьких

вспышки неповиновения — максимум, на что его хватило.

— Я… я не знаю, что делать…

— Профессор Ферентину, — сказал ректор Арин, пытаясь положить конец неловкой эмоциональной сцене.

— У меня ничего не будет, я уже немолод, что я буду делать?

— Профессор Ферентину, — начал Салтук елейным голосом. — Думаю, факультет будет считать это ранним выходом на пенсию, а не упразднением кафедры, вы так не думаете, господин ректор?

Все уже решено, подумал Георгиос. Это отрепетированный диалог. Они беспокоятся только, чтобы я не вышел за рамки сценария.

— Но мои аспиранты…

— Я возьму их под свое крыло. Мы ведь работаем в параллельных направлениях.

Георгиос ненавидел тогда Огюна Салтука, ненавидел со всей эллинской силой и страстью за все годы академических трений, за натянутые отношения и плохо скрываемую враждебность — Салтук сразу же открыл свои карты. Каждое крошечное язвительное замечание, придирка, каждый раз, когда ставились под сомнения его способности, авторитет, оригинальность, предан-

ность делу, — были прелюдией к этому грязному перевороту.

— И вот еще что, — добавил Салтук. — У вас есть правительственные разрешения и доступ к секретной информации, боюсь, нам придется пересмотреть этот вопрос.

— Почему бы вам просто не назвать меня греческим предателем, и покончим с этим? — Георгиос пулей вылетел из комнаты.

У него звенело в ушах, пока он несся по пустым коридорам и через четырехугольный двор, больно сжималось в груди. Глупые надежды, пустые фантазии вспыхивали и гасли в мозгу: поездка за границу с лекциями, работа в США, Германии или Британии, создание бестселлера, карьера обласканного журналистами поп-экономиста, номинация на Нобелевскую премию. С таким же успехом можно было пожелать сверхспособностей или надеяться, что Господь снизойдет с тучных роскошных облаков, которые летят над весенним Стамбулом. С ним покончено. Ветер дул и посыпал голову Георгиоса Ферентину цветами миндаля.

С деревьев летели листья, когда экономический факультет университета Стамбула объявил о создании новой кафедры экономической пси-

хологии, и первым заведующим стал профессор Огюн Салтук.

Кофейная чашка Георгиоса звенит на блюдце от нахлынувшей ярости. Темная и сильная, долго вызревавшая злость старика. Он должен сделать это сейчас. У него есть возможность, у него есть оружие. Нет, не ради мести. Ради правды. Воздавая за то, во что его превратили, может быть, из тщеславия или по глупости, в изгоя в собственном городе. Когда он вступит в схватку с Огюном Салтуком, то исключительно ради справедливости.

Очередь, получившая свой кофе, разворачивается в обратном направлении и движется в главный зал, откуда открывается мрачный вид на резервуары для газа. Это технический перерыв. Первая сессия затянулась, и Огюн Салтук хочет побыстрее покончить с ней и двинуться дальше. Георгиос подозревает, что его хозяева в МИТ просто не понимают того, что Огюн Салтук им втюхивал. Фатих Дикбас лепечет что-то о макроэкономическом терроризме как геополитическом инструменте, основываясь на опыте российско-европейской газовой дипломатии в первой декаде века. Он ужасный оратор, скучный донельзя. Огюн Салтук волнуется и посматривает

на часы. Наконец Дикбас неубедительно замолкает, и через пару секунд Огюн Салтук спрашивает:

— Будут еще какие-то комментарии? Нет?

Рука Георгиоса Ферентину спокойно лежит на столе. Теперь он медленно поднимает ее.

— Я хотел бы кое-что сказать.

— Мы надеялись перейти к следующему пункту программы, — говорит Огюн Салтук, помахивая руками так, словно разматывает моток пряжи — жест детский и покровительственный. — У вас будет возможность высказаться на завтрашней заключительной сессии.

— Полагаю, то, что я скажу, требует незамедлительных действий, — говорит Георгиос. Вся присутствующие, кажется, затаили дыхание. Воцаряется тишина. Галка заняла свое место на подоконнике.

— А я хочу послушать профессора Ферентину, — заявляет Бескардес.

— И я, — подает голос Сельма Озгюн. — Его голоса не хватает на наших заседаниях.

Многие из присутствующих согласно кивают.

— Хорошо, — говорит Салтук, поджимая нижнюю губу. — Поделитесь же с нами, профессор Ферентину.

Георгиос хлопает в ладоши и наклоняется впе-

ред. Он всматривается в лица участников.

— В начале наших посиделок профессор Салтук попросил нас дать волю фантазии. Мы можем не сдерживать себя, нам все позволено. В этой связи я бы хотел предложить подумать о возможности террористической атаки на Балканы, Центральную и Южную Европу с использованием нановеществ, которые распространят по системе газопроводов.

За столом ропот, бормотание, собравшиеся ерзают на своих местах. Георгиос обводит взглядом комнату. Как и ожидалось, майора Октая Эйилмеза нет на месте. Бескардес пишет на своем экране слово «супер».

— В моем возрасте, как я обнаружил, я часто задумываюсь о санкционированных страхах. Санкционированный страх в отношении нанотехнологий — это то, что пресса называется «сценарием серой слизи», — вышедший из-под контроля репликатор разрушил все. Однако, как вам подтвердит любой биолог, мы уже живем в таком мире: подавляющее количество биомассы на нашей планете — это бактерии, вот вам и биологические репликаторы. Если нам что и скажут о нанотехнологической революции, так это то, что она станет конвергенцией биологического и

искусственного.

Мы — лишь пена на поверхности бактериального мира, мы — выжившие. А теперь то, что больше интересует меня и, как я подозреваю, так называемую террористическую группу тоже, — потенциал нанотехнологии в области перепрограммирования нашей личности. Конечная победа в любом конфликте сокрыта в умах и сердцах. В прошлом всегда было легче убить, чем привлечь на свою сторону, но настала эра идеологического конфликта. Наши военные разработали нанотехнологические вещества, которые помогают лучше концентрироваться на задаче, лучше работать в команде, которые делают нас более агрессивными и восприимчивыми и, что важно, приглушают эмпатию. Летчики, дальнобойщики, программисты, актеры, спортсмены и женщины постоянно сидят на нано, а образ трейдера с Левента, который ни дня не начинает, не вдохнув нано, уже стал клише. Итак, мы привычно используем нановещества, чтобы улучшить концентрацию, развить общительность, память, способность учиться или получить безопасную краткосрочную информацию. Мы можем покупать настроения, эмоции, черты характера, вовсе нам не свойственные.

Молодые люди по ночам принимают коммуникабельность, влечение и раскрепощенность. Мы без зазрения совести даем детям нано во время экзаменов. Когда меня пригласили в эту группу, то я должен был вдохнуть нано, благодаря которому контактный номер сохранился в краткосрочной памяти. Мы вовлечены в массовый, нерегулируемый и импровизированный эксперимент по перепрограммированию нас самих. Подлинный смысл нанотехнологий — не трансформация мира, а трансформация человечества. Мы можем найти новое определение, что значит быть человеком. Разумеется, молодежь описала бы это куда более неприятным выражением «нанохакерство», но вот мое личное мнение: подобное невозможно без участия тех, кто занимается политическим, социальным и религиозным проповедничеством, то есть тех, кто нацелен завоевать умы и сердца. Нанотехнология — это оружие, которое выбирают для себя те, кто пытается обратить нас в свою веру. Это меч пророка. У меня есть основания полагать, что мы достигли той точки, когда такая атака не просто возможна, но и вероятна.

Девлет Джебер медленно произносит своим раскатистым басом:

— Это очень необычная теория, профессор Ферентину, я уверен, не нужно напоминать вам о том, каких доказательств требуют подобные теории.

— Я знаю, профессор Джебер. У меня таких доказательств нет. Но я могу рассказать вам о той цепочке событий, которые привели меня к этому необычному заключению. Итак, в понедельник рано утром в трамвае на проспекте Неджатибей смертница взрывает бомбу, об этом кратко рассказали в новостях. Профессор Салтук упоминал об этом в предисловии к нашему заседанию. Единственная жертва — сама смертница. Это необычно. Полицейские ройботы прибыли на место, чтобы задержать и идентифицировать пострадавших. Но не только они. У меня есть доказательство, что еще одна группа — почти наверняка та самая группа, которая убедила бедную женщину принести себя в жертву, — наблюдала за местом происшествия при помощи собственных роботов-разведчиков.

— Вы должны представить нам это доказательство, — говорит профессор Джебер, ведущий теоретик права, придерживающийся левых взглядов.

Георгиос склоняет голову в знак уважения:

— Дело в правовой защите информации, — говорит он. Джебер кивает. — Эти роботы, по-видимому, получили задание идентифицировать личности и следить за некоторыми избранными потерпевшими. Один из них — мой сосед, молодой парень по имени Недждет Хасгюлер. Он ничего собой не представляет: амбиций особо никаких и мутное прошлое. За ним присматривает брат Исмет, который руководит тарикатом из своей квартиры на первом этаже, а заодно ведет заседания любительского суда шариата. От такого парня вы бы в последнюю очередь ожидали, что он начнет видеть джиннов.

Брови Бескардеса ползут вверх. Участники группы перешептываются. Салтук нервничает и пытается найти предлог, чтобы прервать Георгиоса. Беззаботного грача нигде не видно.

— И не только джиннов, ему является также и Зеленый святой, Хизир, и всевозможные существа из религиозной мифологии. В моем районе Бейоглу, где многие придерживаются традиционных взглядов, подобный талант делает вас религиозной знаменитостью. Видения этого юноши можно было бы с легкостью списать на посттравматический стресс, но зачем следить за простым пострадавшим от взрыва бомбы? А потом Сель-

ма-ханым оговорилась, что Неджет Хасгюлер не единственный, и наблюдается прямо-таки бум подобных провидцев: мужчина, который считает, что все вокруг заполнено крошечными роботами, женщина, которая консультируется с пери и другими сверхъестественными сущностями как оракул. Да, мы, разумеется, в курсе, что в Стамбуле ничему нельзя удивляться, тут чудеса случаются каждое утро еще до завтрака, но все эти «провидцы» появились буквально в течение нескольких часов после взрыва, и, пожалуйста, обратите внимание на этот факт: все они живут вдоль той злосчастной трамвайной линии. Возможно, это совпадение, но я так не думаю. Есть кое-что еще. — Георгиос делает глоток воды. У него пересохло горло. — Я провел некоторые изыскания. И нашел вещественное доказательство, позволившее мне отследить происхождение роботов — помещения, сданные в аренду, в Кайишдаги, на азиатской стороне города. Кроме того, там же находится компрессорная станция на пути газопровода «Набукко» по пути под Босфором в Европу. Финальный фрагмент мозаики встал на свое место, когда вчера неизвестные преступники похитили молодого Неджета Хасгюлера прямо с улицы перед его собственным домом.

Обеспокоенный шепот, на фоне которого снова берет слово Джебер:

— Профессор Ферентину, вы сказали «финальный фрагмент мозаики», но представили нам лишь несколько неподтвержденных и несвязанных событий. Я не вижу, как отсюда вы вывели теорию о том, что ЕЭС угрожает нанотерроризм.

— Я уверен в этом, — говорит Георгиос. — Что касается доказательств, то тут придется поверить мне на слово. А теперь я объясню, как сюда вписываются вышеописанные события. В Стамбуле действует террористическая ячейка, которая разрабатывает нанотехнологическое оружие. Они организовали атаку на трамвай, это был эксперимент. Они выбрали среди пострадавших нескольких человек, чтобы наблюдать за симптомами, которые вызовут их нановещества. Они видят, что все прошло по плану, и теперь собираются провести полномасштабную атаку. Террористы введут нановещества в газ в Кайишдаги, откуда по газопроводу они разнесутся по всей Европе.

— Для этого им потребуются репликаторы, — перебивает его Юсуф Йилмаз, журналист из «Джумхуриет», который пишет о новых технологиях.

— Да, я уверен, думаю, что репликация происходит в углеводороде. Ключевое слово — газ.

— Ну если они наблюдали за господином Хасгюлером, зачем было похищать его? — спрашивает Джебер.

Салтук уже в ярости, он перекатывает ручку между пальцами, теребит отслоившийся кусочек шпона на столешнице и постоянно стучит ногой — маленькие признаки сдержанной агрессии.

— Слежка провалилась. Робот случайно сломался, именно благодаря этому я и смог отследить его происхождение в Кайишдаги.

— Это серьезные подозрения, профессор, — говорит Джебер. Он упорно подвергает сомнению теорию Георгиоса, но вообще-то он прав. — Почему вы не пошли в полицию?

— Мой помощник — сын соседей. У него есть техническая база. Но ему всего девять лет, я не хотел бы подвергать его опасности.

Участники группы понимают и невысказанный страх — он не хочет привлекать внимание к собственной персоне.

— Я считаю, был и еще один мотив похитить господина Хасгюлера. Они хотели удостовериться, какова природа видений, — это просто галлюцинации или источником является глубин-

ное религиозное рвение.

— А можно отсюда поподробнее, профессор Ферентину, — просит Джебер, хотя вся комната уже знает ответ.

— Конечно. Я считаю, что террористы поставили перед собой цель — обратить в свою веру значительную часть населения Восточной и Центральной Европы.

— Чушь, — Огюн Салтук буквально выплевывает это слово, сгусток ярости. — Сущий вздор. Репликаторы в газе, террористические ячейки, нанотехнологический джихад, это даже не теории, не полет фантазии, это настоящая научная фантастика. — Единственный присутствующий на собрании писатель-фантаст вскидывает голову и шепчет: «Я бы попросил!» — но Салтук уже завелся, он плевать хотел на личности. — Нет, нет и еще раз нет, не пойдет. Я хочу, чтобы заявление профессора Ферентину, все ответы и вопросы были удалены из протоколов собрания.

— Почему? — спрашивает Джебер. — Во-первых, теория профессора Ферентину идеально соответствует целям нашей встречи. Во-вторых, он представил доказательство преступления — похищение господина Хасгюлера. В-третьих, если все так, как говорит профессор, то важно,

чтобы полиция и силы безопасности немедленно начали расследование.

— Вы просили полет фантазии, — добавил Юсуф Йилмаз. — Вы его получили. Что не так? Все довольно стройно с учетом свидетельств.

Салтук перестал прикусывать губу, теперь у него дергается щека.

— Свидетельств? Вряд ли можно доверять девятилетнему пацану. Есть полет фантазии, а есть глупые бредни. Мы требуем точности, это же не игра «соедини точки — и увидишь лицо». Нет, я не могу допустить этого, поскольку профессор Ферентину совершил смертный грех, сделав слишком смелые выводы из недостаточных данных.

Ага, заговорил о смертном грехе, думает Ферентину, но это ты совершил его, Огюн Салтук. Ты настроил против себя собственных экспертов. А если прибавить к первой ошибке вторую, фатальную, — вы не понимаете, о чем я, а аудитория понимает, и я тоже понимаю, в итоге эта гремучая смесь убьет вас.

— Вы говорите о недостаточных данных, — говорит Георгиос, его руки теперь уже перестали дрожать, голос тверд и звонок. — Не лучше ли сказать «минимальных»?

— Что? — Салтук понимает, что происходит, но уже ничего не может исправить.

— Я говорю о когнитивном скачке, о теории, согласно которой наш разум, работая с минимальной информацией, может совершать скачки интуиции, достигая куда большего, чем при целенаправленном мышлении. Теория звучит так, если я правильно помню. Богатая и полная экология информации, когда одни данные не затмевают другие, не в этом ли теория?

Огюн Салтук теряет дар речи. Когнитивный скачок. Его только что ткнули носом в то, что он не понимает собственную теорию.

— Как называется ваша книга, профессор Салтук? — спрашивает Георгиос Ферентину. Десять лет он ждал этого момента, и в итоге вышло довольно жалкое зрелище — видеть кого-то уничтоженным публично. Но Георгиос насладится этим по полной, насладится каждым звуком. Никто не умеет так мстить, как греки.

— «Большой скачок», — отвечает Салтук. К чести сказать, отвечает громко и четко, но его лицо становится белым как мел.

— «Когда незнание действительно во благо», — заканчивает за него Георгиос Ферентину.

Салтук бормочет что-то о том, что они превыси-

ли лимит времени, быстро объявляет очередной кофе-брейк, чтобы хоть как-то восстановить самообладание, но все понимают, что с ним покончено, и группе «Кадикей» тоже конец. Все присутствующие спонтанно разбились на маленькие кучки, обсуждают нано, анализируют «большой скачок» Георгиоса, споря о нейрохимии веры. Огюн Салтук стоит в одиночестве у окна, отделенный от окружающих сворой сотрудников МИТ. Георгиосу тут делать нечего. Он потихоньку ушел бы, но на верхней площадке лестницы в псевдостиле «рококо» его перехватывает Эмрах Бескардес.

— Хотели улизнуть втихаря?

— Не думаю, что я могу внести какой-то вклад, — говорит Георгиос.

— Я рад, что, когда дело доходит до нескрываемой агрессии, люди круче, чем грачи.

Георгиос краснеет:

— Нет, мне не стоило этого делать. Я наговорил лишнего, позволив злости взять верх. Я был жесток.

— Я был рад провести в вашей компании эти несколько дней, за которые мне слишком много заплатили при минимуме работы, в вашей компании, профессор Ферентину. Я узнал кое-что

новое. — Бескардес пожимает руку Георгиосу. — Надо почитать ваши работы.

— Это экономика, мрачная наука. Вон мой водитель. Был рад познакомиться с вами, доктор Бескардес. Никогда не смотрел на ворон под таким углом.

— Не спускайте глаз с этих ворон, — кричит ему вслед Бескардес с блестящей лестницы. — Они еще те сволочи.

— Джинны говорят мне, что ты занимался наноинженерией, — говорит Недждет Здоровяку.

Прошло два часа в тишине, с тех пор как Женщина и Волосатый вышли из комнаты. До него доносились разговоры на повышенных тонах, радио, включенное на полную громкость, чтобы заглушать спор, хлопанье дверей. Здоровяк на нервах, сидит тихо, как мышка, не задает вопросов и не отвечает на вопросы Недждета.

— Они мне сказали, что у консьержа эмфизема, они сказали мне, что женщина беременна, еще раньше, чем она сама узнала. Я тебе про это расскажу. Мой брат местный шейх, он открывает книгу и разрешает споры соседей, и всякое такое. К нему приходят за советом. Молодая девушка, которая работает в галерее поблизости, пришла, чтобы выяснить, беременна ли она. А на улице

я увидел ее карин вверх ногами и понял то, что она хотела знать. Как я это узнал? Это были не создания вселенной огня и не Аллах. Я просто знал то, чего больше никто не знал. Знал, не понимая, что знаю, думаю, такое стало возможным по многим причинам. Возможно, существуют какие-то химические соединения, которые мы чувствуем, но не отдаем себе в этом отчета. Может быть, это что-то наподобие электричества. Думаю, мы получаем тысячи, миллионы бит информации каждый день, но потеряли способность считывать ее или фильтруем, потому что это слишком много для нашего сознания. Знаем, не понимая, что знаем. Я вижу, как ты держишь винтовку, какие у тебя нежные руки и лаконичная надпись на футболке, и знаю, что ты создал эти нано, который у меня тут — Недждет прикладывает указательные пальцы ко лбу, получаются рога Иблиса. — Точно так же я знаю, что вы с Женщиной заодно, надеюсь, ты не будешь возражать, если я стану называть вас придуманными мной самим именами. Вы оба — алевиты, это очевидно. И точно так же я знаю, что твоя сестра вызвалась взорвать бомбу в трамвае, поскольку она из той долины Святых и Шейхов, о которых ты мне рассказывал. Она в ту ночь попала в Дивриджане

под атаку нано. Женщина была в университете. В ту ночь она была с тобой. Вы мне не скажете, что же случилось с теми людьми? Что она видела?

Здоровяк поднимает голову. Он дрожит от бессильной ярости. Он дрожал так годами, думает Недждет.

— Если Всевышний на самом деле был внутри тебя, смог бы ты взглянуть на это? — спрашивает Недждет.

Волосатый и Женщина входят в комнату и занимают привычные места. Лица обеспокоенные, словно они спешат куда-то. Женщина сжимает и разжимает кулаки под растянутыми рукавами свитера. Недждет видит, как Мерзкий тип в пределах слышимости вертится и меряет соседнюю комнату шагами.

— Ты когда-нибудь смотрел на карту нашей страны, Недждет? — спрашивает Женщина. — Это карта человеческого разума. Мы разделены водой на два континента — Европа и Анатолия. Мы на семь процентов — Европа и на девяносто три процента — Азия. Сознательная Фракия, бессознательная, предсознательная и подсознательная Анатолия. И Стамбул. Ты когда-нибудь видел нейрон, Недждет? Клетку мозга. Чудо в том,

что синапсы[126] не соприкасаются, всегда есть зазор, должен быть зазор, иначе не существовало бы сознания. Босфор — это синаптическая щель. Благодаря этой щели возможно существование сознания.

— Я не понимаю, о чем вы, — говорит Недждет. — Это чушь какая-то.

Мерзкий тип останавливается. У Недждета перехватывает дыхание. Шаги возобновляются. Ты в опасности, парень. Эти люди безумны. Женщина трясет головой, не понимая.

— Да нет же, все правильно. Анатолия изначально была колыбелью цивилизаций. Здесь зарождалось новое сознание. Европейцы всегда смотрели на нас свысока, привыкли называть нас «больными людьми Европы», но вот что я скажу — больна сама Европа. У нас мудрость тысячелетий цивилизаций, империй и религий, но европейцы не слушали нас, поскольку они, дескать, изобрели Просвещение, Возрождение, капитализм, демократию и технологию, а значит, в XXI веке имеют право на монолог. Может быть, они поймут, что это должен быть диалог. Может быть, осознают, что можно черпать идеи и из му-

[126] Примечания: 126

Место контакта между двумя нейронами или между нейроном и получающей сигнал клеткой.

сульманского мира — новые, ранее не виданные идеи, революционные взгляды на то, что значит быть человеком.

— Они… — говорит Неджет. — Вы говорите о… целых странах.

— Они невежественны, не могут выйти за пределы собственного опыта, так что мы застанем их врасплох, — говорит Женщина, раскачиваясь на коленях. Неджет замечает, что Здоровяк не смотрит на нее. Он крепко сжимает винтовку. Его лицо пылает. Это ужасающе и опасно. Они безумцы. Они уже творили безумные вещи. Они не слушают голоса разума и выполнят свой план во что бы то ни стало. — Это невежественно так думать, невежественно и высокомерно. Мы против невежества. Мы за идеальное знание Всевышнего.

Им придется убить меня, думает Неджет. Они сделают это, перед тем как отправятся на задание. Они убьют меня. Это сделает Мерзкий тип. Он единственный, кто способен на убийство. Я буду мертв. Не могу думать об этом. Это произойдет быстро? Что я увижу? Будет ли мне больно? И каково это не существовать, быть мертвым? Аллах Всемогущий! Как мне их остановить?

— У нас достаточно данных, чтобы констати-

ровать, что эксперимент прошел успешно, — говорит Волосатый. Глаза Женщины закрыты. Ее губы двигаются безмолвно. — Мои поздравления, господин Хасгюлер.

— Я всего лишь сел не на тот трамвай, чтобы пораньше добраться до работы! — кричит Неджет. — Кто вы такие, чтобы взять и взорвать бомбу в трамвае, чтобы проверить ваши теории о человеческом сознании?! Кто такая твоя сестра, чтобы взорваться мне прямо в лицо, окатив фонтаном нано, которые ты создал? Кто вы такие, чтобы решить, что мне нужно видеть джиннов и зеленых святых, знать вещи, которые другим знать не дано или не положено, и это типа нормально, это просто Аллах внутри меня? Кто вы такие, чтобы хватать меня прямо у порога дома, заталкивать в фургон, привозить сюда, держать в плену и нести всякую чушь? Это чушь, несусветная чушь! Кто вы такие? Кто вы, сволочи, чтобы проводить на мне эксперимент? А теперь эксперимент закончился, а мы все знаем, что случается с подопытными крысами и обезьянами, а? Помогите! — в отчаянии орет Неджет. — Помогите мне! Кто-нибудь!

Здоровяк делает резкий выпад и ударяет Неджета по груди прикладом винтовки, вышибая из

него дыхание и слова. Неджет падает, руки и ноги сводит судорогой, словно у высушенного паука, он задыхается.

— Пойми, здесь нет мести, злого умысла или религиозного фанатизма, Неджет, — говорит Женщина. — Мы не курдские борцы за свободу, не исламисты. Мы — Божественные инженеры. Да, мы боимся, но ты реально обретешь место в том раю, который мы построим.

Неджет откатывается в сторону. В его углу целые вселенные знаний льются через зеленую фигуру Хизира.

Джан наблюдает, как «газовый пузырь» отъезжает от отмеченной желтым школьной остановки и сливается с обычным потоком гудков, поворотников, перестроений и тихих проклятий. Он ждет, пока мама не завернет за угол на проспект Ашарие. За воротами маленькие ребятишки, согнувшиеся под тяжестью огромных рюкзаков, снуют по бетонному школьному двору. Джан отходит от ворот, прижавшись к стене. В интернате полно острых глаз. Как только первая смена уйдет, вторая выстроится на цветных ячейках, нарисованных на асфальте, каждому своя ячейка. Джан скользит вдоль стены, пока не теряет из виду школьный двор. На улице нет пе-

шеходов. Джан быстро поворачивается и шагает прочь от интерната. Он идет довольно быстро, но не настолько, чтобы кто-то мог заподозрить в нем ребенка, сбегающего с уроков. Переходить проспект Ашарие довольно опасно. Он представляет, что сейчас взрослые обратят внимание на него и на близость школы, а может быть, на плечо ляжет тяжелая рука учителя, возвращающегося с обеда. Этот поток машин когда-нибудь закончится вообще? Затем на светофоре загорается зеленый человечек, и Джан оказывается в безопасности в лабиринте улиц и переулков к югу от Джиханнумы. Узкие улицы забиты машинами и людьми, грузовички оттесняют пешеходов к дверям и подъездам. Подростки на мопедах лавируют между группами женщин в платках и мужчин в рубашках и галстуках. Джан пристраивается позади группы мужчин в деловых костюмах, неосознанно начиная маршировать с ними в ногу. Старики за столиком у дверей чайханы, которым не на что потратить свои жизни, кроме как на наблюдения за происходящим на улице, обращают внимание на важную походку Джана, кивают и улыбаются. Джан поднимает плечи и расправляет спину. Он достает солнечные очки из одного из многочисленных кармашков на

специальных брюках маленького детектива и водружает их на нос. Он настоящий мужчина, по делам вышел в город. У каждого его шага есть цель.

На верхней площадке лестницы Джан останавливается, ослепленный бликами залитого солнцем моря. Оно мерцает, сияет и слепит. Джан испытывает восторг и ужас — он впервые так далеко и без родителей. Он планировал сесть на трамвай до Мармарай, потом перебраться под Босфором до станции метро Усюодар. Но он сам по себе в городе и далеко от дома, и ни один стамбульский мальчик никогда не мог устоять перед зовом моря. Джан скачет вниз к этой сверкающей воде между антикварных лавочек и кафешек, тротуар спускается вниз длинными ступенями, каждая по ширине как дом. На балконах яркими пятнами горят герани в глиняных горшках. Глициния обвивается вокруг железной решетки, сбрасывая ранние цветы. Тощая колченогая кошка перестает вылизываться и поднимает голову, изучая Джана, но не находит его достаточно необычным. Джана атакуют запахи: кофе, мята, мастика, ржавый металл, уголь и мебельная полироль. Лимон и дизель. Резкий запах газа, кислый запах гниющих фруктов. И соленый за-

пах моря, глубокий и явственный.

Лестница выводит Джана на проспект Чираган. Он знает это место. Вот мечеть Синанпаша, там остановка трамвая прямо посреди улицы, а вон там, у дворца Долмабахче, проходит проспект Неджатибей, где Крыса по велению Джана уворачивалась от шин грузовиков и колес трамвая, похожих на гильотину, в погоне за белым фургончиком, в котором увезли Недждета. Но это было на экране. В двух измерениях. Совсем другое дело, когда ты чувствуешь потоки воздуха и грохот проходящего трамвая, видишь, как чайки кружат над минаретами Синанпаши, вдыхаешь маслянистый запах воды у причалов на набережной. Это не игра. Джан переходит дорогу и идет по тропинке к морю, засунув большие пальцы под лямки рюкзака. Все вокруг видят, что он тут не просто так. Возле маленького садика на Джезайир он вытаскивает карту, чтобы посмотреть, как ходят паромы. Вполне посильная работа. Можно и так. Хороший детектив должен быть гибким, иметь информацию буквально на кончиках пальцев и быстро соображать.

— Один билет, пожалуйста, — говорит Джан кассиру, в глубине души надеясь, что кассир поинтересуется, зачем девятилетнему мальчи-

ку один билет до Усюодара, зачем ему вообще бумажный билет, за который он платит бумажными деньгами, почему бы не воспользоваться цептепом, и что это за штуковина вокруг его запястья, змея? Но кассир просто протягивает билет и сдачу. Джан поднимается на палубу.

Раздается лязг металла, когда машины и грузовики въезжают по трапу, стучат двигатели, грохочут гребные винты, но до Джана все это доходит в виде шепота и шорохов. Джан поднимается на самую верхнюю палубу, теперь выше него только флаги Турции и Евросоюза. Паром увозит его на Босфор. Прохладный ветер обдувает лицо, это первая прохлада за долгое время. Джан перевешивается через поручень. Он теперь не маленький детектив, а командующий паромом, который перестал быть паромом, превратившись в десантное судно, собирающееся штурмовать азиатский берег. Паром покачивается на волнах между убийственными скалами движущегося металла, пересекает кильватер от чудовищного газовоза, на борту которого красуется кириллица, и каждая буква размером с автомобиль. Теперь паром проворно ныряет под носом контейнеровоза, переходной мостик виднеется над ярусами контейнеров. Цветные прямоугольники словно

конструктор «Лего». Этот корабль Джан знает. Он уже видел раньше эту мозаику из контейнеров, цветную стену, двигающуюся мимо окна дорогой частной клиники, где ему сделали беруши. Это тот самый корабль, что увез все звуки мира. Джан всегда знал, что в один прекрасный день он вернется. Джан пулей мчится к боковым поручням и смотрит, задрав голову, на огромную глыбу неспешно двигающегося металла. Он медленно вытаскивает беруши из ушей. Вздрагивает, когда беруши поддаются и выскакивают. На них полно ушной серы, грязи и чешуек кожи. Беруши вытащены, и теперь в его уши врываются звуки мира. Такое ощущение, словно бы каждый из контейнеров, которые в десять рядов составлены на палубе огромного корабля, открывается, высвобождая запертые внутри звуки. Чайки кричат пронзительно и резко, и их крики ассоциируются с летним утром. Флаги трепещут и хлопают над головой, и этот звук доставляет особое удовольствие. Моторы: дизельный металлический бит парома поверх более глухой, скорее ощутимой, чем слышимой, пульсации контейнеровоза. Вода. Он слышит воду. Звук шагов на металлической лестнице, радио потрескивает за ним на мосту, девчонки болтают рядом на палубе, за

спиной, в тени тента, раздаются мужские голоса. У звуков есть места. Джан поднимает голову, не понимая, как он догадался это сделать, чтобы найти источник жужжания в небе, — это самолет снижается над Мраморным морем. Еле слышные звуки, почти не различимые звуки. Шепот из чьих-то наушников по соседству, ветер, играющий проводами на радиомачте. Джан медленно поворачивается, идентифицируя и находя место каждого из звуков, а потом смотрит на маленькие беруши, покрытые ушной серой, на своей ладони и выбрасывает их далеко-далеко в след от удаляющегося контейнеровоза.

Паром проплывает мимо Кыз Кулеси, Девичьей башни, на крошечном островке. Теперь Джан слышит Азию. Это машины и аварийные сирены. Паром переключает мотор на реверс с ужасным грохотом, поднимая кучу брызг. Трап спускается с лязгом — новым звуком в копилке Джана. Одна за другой заводятся машины. Эхо разносится по металлической палубе. Мимо него проходят пассажиры, и Джан может различить каждый из голосов, пока люди роятся на металлических ступеньках. Они все разные. Все голоса разные. Мир — это звук.

Джан топчется на бетонном пандусе. Все звуки,

которые существовали отдельно друг от друга, слились, превратившись в пугающую стену. Все такое огромное, шумное и близкое. Он не понимает, как вычленять из этого информацию. Грудь сжимает. Дыхание становится поверхностным. Он выкинул беруши. Зачем он это сделал? Грудь сжимает сильнее. Но что это? Действительно больное сердце или же то, что ему всегда говорили о его сердце и во что все верили столько, сколько он жил? Факт и вера в него — большая разница. Может, то, во что все верили, уже неправда. Он поправился. Люди же поправляются. Когда он в последнее время бывал у врачей, аппараты подключали к берушам, а не к груди. Джан садится на промасленные камни около терминала и закрывает глаза. Он сосредотачивается на звуках, втягивает их внутрь, в грудную клетку. Он прислушивается к собственному телу. Улавливает этот звук, сначала кажущийся тихим и еле слышным, но потом, стоит ухватить ритм, оказывающийся основанием всего. Его сердцебиение. Хорошее, ровное, сильное. Никаких щелчков, никаких шумов. Эта одышка, тяжесть в груди — что, если они возникли от ощущения новизны, громкости, сопричастности с чем-то интересным, восторга? А что, если так и ощущаешь

приключения? Джан перестает думать о сердцебиении и открывает глаза. Вот он, огромный корабль звуков, плывет к мосту, а все звуки мира все так же выплескиваются из контейнеров. А это Азия, другой континент, но все еще Стамбул, его родной город. Джан достает карту. Чтобы попасть на станцию, надо пересечь три широких дороги. Это простая задача для маленького детектива.

Станция Мармарай — это бетонная дыра, выдолбленная прямо в горной породе, глине и иле Усюодара. Джан спускается по множеству туннелей вместе с толпой людей, зажав в кулаке билет. Было очень волнующе услышать собственный голос, когда он просил один билет до Кайишдаги, и голос кассира, когда тот назвал цену. Шумы отличаются друг от друга. Жужжание эскалатора, пощелкивание плохо закрепленного поручня. Механические голоса вдали объявляют поезда. Внизу прохладно, воздух пахнет электричеством, бетоном и стариной. Тут глубокие туннели. Звуки разносятся далеко, странным образом искажаясь, слова прилипают к стенам, некоторые шаги звучат как пистолетные выстрелы, другие тихо шелестят, как дождь. Прибытие поезда самое потрясающее, что Джан когда-либо слышал. Сначала он гудит вдали, словно динозавр шумит в

глубоком туннеле, а потом звук превращается в глухой рокот. Горячий воздух обдувает лицо Джана. Свет появляется в темноте, а затем на него внезапно летит поезд, громыхают вагоны и лязгают тормоза. Над головой разносятся объявления. Осторожно то, аккуратно се. Джан входит в вагон. Двери с шипением закрываются. Внезапное ускорение отбрасывает его на сиденье. Он прислушивается к вою моторов. А тонкий механический голос объявляет следующую станцию.

Вагон полон, все места заняты, некоторые пассажиры держатся за поручни у дверей. Рядом с Джаном какой-то подросток не может оторвать глаз от робота, обмотанного вокруг левого запястья Джана.

— Что это?

Джан игнорирует вопрос. В планы детектива не входит общение с людьми в транспорте.

— Ну ладно тебе, мне ж любопытно, что это? Татуировка? Странный цептеп? Украшение?

Парень дотрагивается до руки Джана. Змея, молниеносная, как кинжал, поднимает голову и делает выпад в сторону любопытного парня. Тот отпрыгивает, задевая при этом свою соседку, добропорядочную женщину средних лет.

— У него змея! У него змея!

— Это всего лишь игрушка! — кричит Джан, поднимая руку.

Увы, слишком поздно. По вагону расползается тревога. Какой-то мужчина говорит по цептепу. Возможно, он вызывает работников подземки. Поезд тормозит на следующей станции, Джан первым выскакивает, пока двери еще открываются. Он растворяется в толпе на платформе, отворачивается, снимает Змею с руки и оборачивает вокруг шеи, превращая в простую цепочку, скрытую неприметной футболкой. Он поедет на следующем поезде. Маленький детектив всегда находчив.

— Ты здесь живешь? — спрашивает Асо, когда Лейла поворачивает на Гюнешли за чайной лавкой Фетхи-бея. — Я и не знал, что остались по-настоящему старые текке.

— Тут дешево, — говорит Лейла. — А на историю мне плевать.

Двоюродный брат Наджи выбирается с заднего сиденья — картина напоминает телесериал для взрослых, где женщина в блестящем костюме кошки внезапно вылезает из стеклянного ящика.

— Клево.

Асо разглядывает балконы, нависающие над

мостовой, закрытую ставнями галерею под насупленной крышей.

— Это что-то. Наверное, век XVII.

— Водопровод тут точно XVII века, — ухмыляется Лейла.

Асо изучает улицу Гюнешли, даже залезает на стену, чтобы посмотреть, что там. Лейла видит, как он обдирает носки новых ботинок, которые она заставила его купить.

— Там старое кладбище дервишей на заднем дворе, — сообщает он. — Оригинальные надгробия Мевлеви. — Асо спрыгивает на грязные ступени. — Удивительно, что старое деревянное текке столько продержалось.

— Ага, особенно учитывая электропроводку.

— Тебе повезло, что ты живешь здесь.

Практичный Наджи уже обогнул дом дервиша спереди.

— Вам надо это увидеть.

Двойные двери галереи Эркоч, старинные деревянные двери ордена Мевлеви с изображением Древа Жизни, между ветвями которого виднеются железные заклепки, крест-накрест перетянуты желтой предупредительной лентой с надписью: «Не пересекать».

— Одно за другим! — кричит Лейла. — С меня

уже хватит.

От мошенника к оптовому продавцу, а потом к розничному. Препятствие за препятствием. За каждым достижением разочарование, поскольку так и не удается добиться успеха. Это просто черт знает что! Теперь вот полиция. Решение простое. Лейла тянется, чтобы сорвать ленту.

Наджи откашливается и показывает в правый верхний угол. Там среди паутины и шелковистых коконов настоящих пауков сидит полицейский бот, весь состоящий из ног и глаз.

— Вы ищете госпожу Эркоч? — кричит им владелец лавки на другой стороне площади. Его вроде как зовут Бюлент. Лейле одинаково не нравятся обе чайханы на площади. Тамошние парни извращенцы. Собираются, садятся и смотрят, смотрят, смотрят.

— Что случилось?

— Около десяти часов утра приехала полиция, полицейские вошли внутрь, пробыли там около часа, кое-что забрали и опечатали галерею. Дважды за последние два дня тут побывали копы. Я только что закончил отмывать стены после их предыдущего визита.

Балкон Лейлы все еще в оранжевую крапинку. Краска попала на брюки и блузку, которые она

вывесила посушить. Ничего, когда ей заплатят, она отнесет их в химчистку. Так поступают фифы типа этой госпожи Эркоч.

— А что они забрали, не знаете?

— Нет, но можете спросить у Хафизе. — Лейла хмурится, не понимая, кто это. — Ну у девушки, которая тут работает. Она вон там, в книжном, ждет, что будет дальше.

Хафизе? Лейла про себя называла ее Пустышкой. Много раз она ловила на себе взгляды этой Хафизе и слышала неодобрительное фырканье, когда стучала высокими каблуками по мостовой площади Адема Деде, или прогуливалась до киоска Айдына, чтобы купить журнал со сплетнями, в коротеньких домашних шортах, или выкидывала в мусорку пустые винные бутылки. Хафизе носит платок. У нее есть муж и ничем не оправданное чувство собственного морального превосходства. Смешно, когда тебя презирает продавщица на пять лет тебя моложе.

Лейла никогда не была в этом книжном. Там пахнет начальной школой, дешевой бумагой и феноловыми чернилами, переплеты у книг плохонькие, а обложки изготовлены из тонкого картона, гладкого снаружи и колющегося внутри. Окна пропускают солнечный свет, и в луже этого

света за маленьким столиком с чашкой чая сидит Хафизе.

— Это были ребята из отдела по борьбе с контрабандой во главе с офицером по имени Хайдар Акгюн. До этого он приходил сюда на встречу с госпожой Эркоч, я его помню. Он мне сразу тогда не понравился. Я спросила его, зачем он пришел, а он ответил, что это не моего ума дело, и он не обязан мне говорить, но вообще-то госпожу Эркоч обвинили в нарушении Акта о защите древностей 2017 года, якобы она собиралась что-то незаконно вывезти и продать за границу. Он сказал, что это очень серьезное обвинение, и я должна всячески ему помогать, а не то и меня обвинят в противодействии полицейскому расследованию, а это тоже очень серьезно. Полицейские всегда пытаются запугать. Разумеется, я попросила показать ордер. Он разозлился, но показал. Пришлось. Таков закон. Я видела, как он забирает рукописи, миниатюры и компьютеры, а потом женщина из полиции приказала мне выйти и опечатала галерею.

— Миниатюры?

— Ну да. Персидские миниатюры. Мастера из Исфахана. Такие чаще всего покупают.

— Но не миниатюрные Кораны? Половинку

вот этого? — Лейла кладет половинку Корана на стол.

— Это персидский, в серебре. XVIII век. Да, я видела вторую половинку. Я хорошо запомнила, поскольку негоже такое делать со священной книгой, это знак неуважения.

— Или знак большой любви, — говорит Лейла.

— Госпожа Эркоч купила его среди прочего в понедельник у какого-то типа.

— Топалоглу.

— Да, точно. С Гранд-базара. Я о нем невысокого мнения, поскольку он попытался втюхать госпоже Эркоч плохую подделку Блейка. Вот тогда-то я и видела их вместе. А потом я отдавала ему деньги, поскольку госпожа Эркоч денежными вопросами не занимается. Помнится, подумала тогда, а где же вторая половинка.

— Она здесь, — сообщает Лейла.

— Я не могу у вас ее купить. Госпожа Эркоч сама принимает решения о покупке, но не сможет этого сделать, пока не разобралась с полицией. Да и тогда вряд ли заплатит много. Коран красивый, но это ширпотреб для паломников.

— Я не хочу продавать его, — медленно произносит Лейла. — Я хочу выкупить у вас вторую половину. Вы можете продать мне ее?

— Полиция закрыла галерею. Я здесь, пока мне не скажут, что делать дальше.

— Если мы попадем в галерею, вы мне его продадите?

— Я не хочу злить полицию.

Ах ты мерзкая, бесполезная, покорная ханжа. Настоящая Пустышка.

— Мне он нужен срочно. Асо, расскажи ей.

Хафизе предпочитает рассматривать свой маникюр, пока Асо объясняет финансовые пертурбации компании «Бесарани — Джейлан». Лейла не уверена, понимает ли Хафизе что-то из страстного рассказа о новом предприятии, об асимптотической кривой развития наноинженерии в XXI веке. Лейла прерывает Асо, когда тот переходит к техническим характеристикам преобразователя.

— Я дам вам тысячу евро. По рукам?

Вот тут Хафизе сразу понимает. По рукам.

— Тысяча евро? — шепчет Асо Лейле, пока она ведет его, Хафизе и Наджи в арьергарде к узенькой деревянной лестнице.

— Мы все уладим. В любом случае, в лавке Кенана есть банкомат. — Лестница выходит на северную сторону галереи, которая смотрит на сад. — Я живу здесь.

Но Асо больше интересует фонтан во дворике.

— У тебя собственный сад. Я бы отсюда не вылезал. А кто хозяин?

В конце галереи находится дверь, откуда можно выйти в узкий, пыльный коридор. Высокое окно в правой стене заколочено дешевыми досками.

— Здесь живет профессор. А с другой стороны стены главная лестница, которая поднимается в квартиру мальчишки.

— Как вы это обнаружили? — спрашивает Хафизе.

Тебе этого не понять, дорогуша.

— Вы знаете того мальчишку, который вечно играется с крошечными роботами, меняющими форму? Как-то раз я заметила, что он с их помощью следит за мной. Пацан попытался сбежать, но я последовала за роботами. У него тут входы-выходы по всему зданию. Больше он за мной не следил.

— Ну или вы не заметили, — говорит Хафизе.

Дверь справа открывается в заброшенную галерею, огибающую все текке. Лоскуты горячего света просачиваются через решетку на окне. Лейла стоит четко над главным входом в галерею. Если плюнуть, то попадешь на мостовую площади Адема Деде, но это целый отдельный мир,

скрытый от посторонних глаз. Там, где галерея поворачивает направо и тянется вдоль Киноварного переулка, Лейла останавливается возле выкрашенной двери.

— У кого-нибудь есть нож?

Наджи достает швейцарский нож. Лейла выковыривает обрывки бумаги из щели в дверной коробке. Пыль взлетает в воздух, поблескивая в щедрых потоках солнечного света. А платок не такая уж плохая идея. Когда последний клочок бумаги летит на пол, Лейла вставляет лезвие в щель и приоткрывает дверь. Свет заполняет воздух старой галереи. Лейла смотрит в щелочку.

— Чисто. — Она открывает дверь, ведущую в семахане, где расположена лавка Эркоч. — Изначально это было одно помещение, но в какой-то момент кто-то решил, что неплохо бы разделить его пополам.

Асо опирается на перила. Он осматривает восьмиугольную галерею, старые деревянные клетушки, медные канделябры и зал, где в стеклянных витринах выставлены сокровища размером поменьше.

— Я видел старые хамамы, превращенные в лавки, торгующие коврами, но тут просто красотища.

Хафизе в ужасе прикрывает рот рукой, увидев, как гнусно надругались над галереей. Со стен почти все сорвано. Лишь несколько тоненьких томиков осталось в витрине. Страницы рукописей рассыпались, будто тут пролетел ураган. Хафизе опускается на корточки, чтобы собрать сакральные тексты, но потом не выдерживает и садится на пол, сраженная масштабом осквернения.

— Позже, — мягко говорит Лейла.

Некоторые витрины были вскрыты с помощью специальных нано. По скудным остаткам Лейла догадывается, что там лежали христианские кресты. В зале, где стоял старейшина, пока остальные дервиши крутились в танце, находится витрина с миниатюрными Коранами. Нетронутая. А вот и тот, что ей нужен. Он здесь.

— У вас есть ключ?

Хафизе открывает витрину. Лейла берет главный приз. Теперь вторая половинка в левой руке, а первая — в правой. Мелькает мысль сложить их вместе. Но она не делает этого, поскольку понимает, что тогда прогремит гром, появится джинн или супергерой, ну или она навлечет на Стамбул какое-нибудь нанонесчастье, которое уничтожит башни и минареты. Это суеверия, но в таких местах, как это, суеверия сильны.

— Пойдемте.

— Тысяча евро, — напоминает Хафизе.

Они с трудом набирают нужную сумму. Хафизе пересчитывает их так и сяк, а потом отдает обратно пятьдесят евро на удачу и выписывает от руки чек.

— Теперь можно идти?

Они спускаются по скрипящим пыльным ступеням на тенистую улицу Гюнешли и обнаруживают, что машина заблокирована большим красным эвакуатором, припаркованным поперек улицы. Водитель высовывает руку из окна. Абдулла Унул, облокотившись на кабину, пьет чай. С ними еще один парень. Молодой, высокий, с кудрявыми, почти как у африканца, волосами и впалыми щеками, что подчеркивает красоту скул. Щетина и блеклые голубые глаза. Откуда вообще в их семье такая ДНК? Лейла совсем иначе представляла себе Мехмета Али.

— Люблю птичек, — сообщает Абдулла Унул. — Они все порхают по своим маленьким делам. Все заняты чем-то. Вы когда-нибудь задумывались: если бы какая-то птица стала символом Стамбула, то какая? Готов поклясться, вы подумали об аисте. Ну, или о воробье. А по мне так символом Стамбула была бы чайка. Кто танцует в огнях Ра-

мазана, кто следует за кораблями по Босфору, кто летит навстречу ветру? Чайка, вот кто. Поэтому для меня чайки в большей степени представляют Стамбул, но самая основная причина в том, что они практикуют клептопаразитизм. Вы, наверное, и слова-то такого не слышали. Я объясню. Это тип поведения, когда одно животное отнимает добычу у другого, после того как то второе эту добычу поймало и убило. Чайки позволяют другим птицам сделать всю трудную работу по ловле рыбы или добыванию кусочка хлеба, а потом просто воруют. Вот причина их успеха. Итак, у меня есть этот Коран. Обе части. Если быть честным, то я предпочитаю наличку, но, как я понимаю, у той приблуды, что вы собрали в Фенербахче, есть определенный рынок сбыта.

Наджи делает шаг вперед. Абдулла Унул распахивает пиджак, чтобы показать рукоятку из слоновой кости.

— Не надо, сынок.

Лейла в ярости. Это ярость от беспомощности, от отсутствия выбора при необходимости что-то сделать. Она так зла и беспомощна, что может совершить глупость. Например, броситься на Абдуллу Унула и вцепиться ему в горло. Побежать обратно по лестнице и устроить гонки по дому

дервиша. Уронить обе половинки Корана в канализационный люк под ногами. Жесты отчаяния. В такой ситуации нет блестящего решения. Тут она проигрывает. Лейла слышит, как за спиной открывается дверь. Она оглядывается. Это тот странный парень, который вообразил себя дервишем.

— Шейх Исмет! — кричит Хафизе.

— Что тут происходит? — спрашивает Исмет.

— Это личное дело.

Лейла видит, как Исмет оценивает всю компанию, эвакуатор и расстановку сил.

— Эти люди находятся под защитой тариката Адема Деде. — Исмет встает между Хафизе и Лейлой.

— Это тебя не касается, сынок.

И тут из дверей старой кухни начинают появляться другие парни. Пять, десять, двадцать. Они выстраиваются вокруг Исмета. Они все в черном. Лица у них серьезны, как и полагается тем, кто изучал Священный Коран.

Абдулла Унул вздыхает, качает головой и снова демонстрирует пушку. Исмет щелкает языком и делает точно такой же жест. Возникает пауза, а потом каждый из членов тариката распахивает пиджак или задирает футболку, чтобы показать

оружие.

— Ну ладно, — сдается Абдулла Унул. Водитель эвакуатора заводит мотор. Абдулла Унул толкает Мехмета Али к машине.

— Он остается, — говорит Наджи звонким командным голосом.

Абдулла Унул прикусывает губу, трясет головой, раздувает ноздри, а потом обходит эвакуатор и садится внутрь. Мотор ревет. Красный эвакуатор уезжает с узкой улицы в Эскикей.

Адвокат явно стажер в недавно купленном костюме, но ботинки на нем неплохие. Аднан хочет было пробурчать, что фирма могла бы прислать кого-то и посолиднее, но и сам далеко не образец солидности в рубашке и джинсах. В таком наряде он сливается с уличными ворами, местными хулиганами и обворованными гостями города. Парнишка не может вычленить его из толпы, пока Аднан не кивает ему.

— Господин Сариоглу, я Дженгиз Бекдил из юридической фирмы «Озис, Туран и Кезман».

В этой большой юридической конторе, к услугам которой прибегает Озер, до сих пор есть и свои специалисты по уголовному праву, поскольку современный бизнес — сложная штука. Не меняй работу, сынок, думает Аднан. Возможно,

тебя ждет головокружительный взлет. Рукопожатие Бекдила такое же качественное, как его обувь. Затем он обращается к дежурному:

— Мы можем поговорить где-то с глазу на глаз?

Сержант хмурится, когда его отвлекают от еле слышных голосов комментаторов по радио, но поднимает-таки стойку и кивком приглашает Аднана и Бекдила пройти в комнату для допросов. На столе здесь стоят ряды пустых стаканов из-под чая.

— Какой счет? — кричит Аднан вслед сержанту, когда тот уже закрывает дверь.

— Один — один.

Аднан морщится. Бекдил садится напротив, наклонившись вперед. Его руки ни на секунду не останавливаются.

— Ситуация такова, господин Сариоглу: вашу жену арестовали по обвинению в контрабанде антиквариата из Турции.

— Какие есть доказательства?

— Якобы ее поймали в процессе транспортировки какого-то редкого исторического артефакта в свою галерею в Эскикей с намерением продать его за пределы страны без соответствующей документации. Артефакт находится сейчас в галерее.

Полиция оцепила территорию. Госпожа Эркоч утверждает, что нашла артефакт совершенно легально в ходе собственного расследования. Против нее — и это несколько затрудняет дело — тот факт, что она была арестована в ходе более крупной операции против организованной контрабанды антиквариата.

— Айше не контрабандистка.

— Разумеется, господин Сариоглу. Однако в приватной беседе она призналась мне, что многие из предметов, которыми она торгует, — религиозное искусство, это же ее специальность? — поступают из сомнительных источников. Разумеется, мы заявим, что это была провокация.

— Хорошо, а что вы собираетесь делать прямо сейчас?

Бекдил прикусывает нижнюю губу каждый раз, когда сосредоточен или раздражен.

— Я подам прошение о внесении залога. Уверен, что его удовлетворят, хотя сумма может быть внушительной. Вы в состоянии внести залог, господин Сариоглу?

— Я это сделаю.

— Отлично, просто отлично. — Бекдил хлопает в ладоши и трясет ими от удовольствия. Может, на нем и костюм юнца, но в духовном плане, если

говорить о том возрасте, что сохраняется на всю жизнь, он двоюродный дедушка из Анатолии, который дает вам деньги на школьную форму и дарит свой старенький пикап, который станет вашей первой машиной. — Между нами и не для протокола, подозреваю, что прокуратура предложит урегулировать дело, если она признает свою вину.

— Айше не признает свою вину. Если в ее бизнесе прослыть предателем, то никто с тобой больше не будет работать.

— При всем уважении, это решать моей клиентке, господин Сариоглу. Я собираюсь пойти и узнать, можно ли внести залог.

Они поднимаются из-за стола с липкими стаканами.

— Последний вопрос — вы знаете, о каком артефакте идет речь?

Бекдил снова прикусывает нижнюю губу.

— Вы когда-нибудь слышали о Медовом кадавре?

— Что это еще такое?

— Я тоже не знаю, господин Сариоглу, но его стоимость где-то в районе миллиона евро.

— Счет только что стал два — один, — сообщает сержант, откидывая стойку и пропуская Бекдила

и Аднана.

— Джимбом?

— «Арсенал».

Аднан ругается одними губами. Офицер прибавляет звук, чтобы Аднан, наклонившись через стол, тоже слышал.

— Волкана заменили из-за травмы. Ван Риджн атаковал его в штрафной площадке и нанес ему травму. Должны были дать красную карточку и назначить пенальти, а вместо этого нас же еще наказали желтой карточкой и назначили свободный удар. Говорят, что Волкан теперь полгода играть не сможет.

— Русский судья.

Губы сержанта складываются буквой «О». В это время за зарешеченным стеклом Бекдил спорит с двумя полицейскими в отглаженных костюмах. Один маленького роста, пожелтевший от никотина, лысеющий. Кажется, ему слишком жарко. Второй — высокий, с хорошей стрижкой, в костюме из наноткани, рисунок на ней от черного на черном переходит к муаровому узору, от которого рябит в глазах. В манжетах серебряные запонки. На его фоне Бекдил выглядит дешево. Модный ублюдок. Руки Бекдила проговаривают весь ход переговоров: вот открытая ладонь — просьба,

перевернутая — отказ, вот он призывает быть благоразумными, все взвесить, а вот изображает ножницы, чтобы отсечь все лишнее. Офицер Модник взял на себя переговоры от лица властей. В конце концов оба кивают. Бекдил идет в комнату для допросов. Аднан мельком видит руку с серебряными кольцами и старинным браслетом на запястье. Айше. Потом дверь закрывается.

— Как я и подозревал, залог внушительный, — говорит Бекдил, вернувшись. Модник смотрит на Аднана через стекло. Какой коп может позволить себе такой костюм? Стоило бы его проверить на взяточничество, а не честную владелицу галереи, работающую в поте лица, чтобы выжить в Стамбуле. — Можно перевести из наших фондов…

— Сколько?

— Двадцать тысяч.

— Я же сказал, что заплачу.

— Мы принимаем карточки, — сообщает сержант, — кроме «Американ Экспресс», и по кредиткам комиссия два процента.

Он протягивает считывающее устройство. Аднан вводит старательно нули на конце суммы, и они кажутся ему математическим воплощением этого несуразного дня. Ноль на ноль равно нулю. Ноль на все что угодно равняется нулю. Зато если

бы можно было разделить на ноль, то получилась бы бесконечность. Вот она, логика сегодняшнего дня. Айше арестовали. Якобы она украла какой-то памятник. За миллион евро. Медовый кадавр. Он даже близко не представляет, что это такое может быть. И все это под звуки матча по радио. Аднан смотрит, как деньги с его счета перетекают на счет стамбульской полиции. Сержант широким жестом отрывает чек.

— Вы можете потребовать возврата денег либо онлайн, либо по телефону круглосуточной горячей линии.

Он берет трубку и звонит в соседний кабинет за стеклом. Модник открывает дверь в комнату для допросов, и там сидит Айше. Она устала и сердится, но глаза светятся. Волосы спутаны, на колготках стрелка, носы туфель ободраны, но лицо и макияж идеальны. В глазах таится тот темный свет, который за годы их брака Аднан научился узнавать и уважать. Сумочка агрессивно висит на плече. Да-да, можно носить сумочку агрессивно. Такое чувство, будто он не видел ее несколько лет. Она выходит из кабинета. Модник встречается взглядом с Аднаном и кивает. Думаешь, ты знаешь меня, а? Да, знаешь. Я твой враг.

Айше забирает бумаги со стола сержанта и

бросается мимо распростертых объятий Аднана.

— Не здесь, — шепчет она. — Не доставлю этим ублюдкам удовольствия.

Аднан и Бекдил выходят за ней на жаркую улицу. Айше зло вытаскивает сигарету, зажигает и с нескрываемым удовольствием затягивается. Хотя курение на улице — это моветон.

— Ну, госпожа Эркоч, я буду держать вас в курсе, как продвигаются наши дела, — Бекдил протягивает руку, но Айше отмахивается. — Дело сложное, поэтому у прокуратуры уйдет какое-то время, чтобы сформулировать обвинения. Я был бы удивлен, если бы что-то сдвинулось с мертвой точки раньше лета, но все же хотел бы встретиться с вами в начале следующей недели и рассказать о предполагаемых вариантах развития событий и о том, что вы можете сделать. Есть хороший адвокат, который специализируется на делах, касающихся предметов искусства и антиквариата, если получится, я хотел бы обратиться к нему. Он знает эту сферу. Господин Сариоглу. — Во время рукопожатия происходит обмен информацией, которая тут же поступает на цептеп Аднана. — Если что-то понадобится, звоните в любое время, не стесняйтесь!

Он уходит прочь по проспекту Имрана Октема,

семеня ногами, как девушка.

— Я вызову нашу машину, — говорит Аднан. — Поехали домой.

— Я не хочу домой, — рычит в ответ Айше. — Я хочу кофе. Я воняю полицейским участком. — Она осматривает серую улицу, которую не смогло оживить даже яркое солнце. — Но не здесь.

Каблуки стучат по мостовой улицы Терзихани. Аднан следует за женой через залитую солнцем площадь Атмейданы, где находился когда-то Римский ипподром, обходя туристические автобусы и такси и группы китайских туристов, идущих за гидом с высоко поднятым зонтиком, но при этом соблюдает дистанцию, чтобы должным образом оценить все величие ее гнева. Ни тебе раскаяния, ни угрызений совести, ни капли вины. Такой он ее любит. Она с грохотом отодвигает стул в чайхане у стен мечети Султанахмет. Клиенты глазеют на нее, поскольку даже в сердце туристического Стамбула это обычно мир мужчин.

— Два кофе, — приказывает Айше, садится и начинает курить одну сигарету за другой. Аднан знает, что жена сама заговорит, когда посчитает нужным.

— Вы не знаете окончательный счет? — спрашивает он у официанта, когда тот ставит крошеч-

ные чашечки кофе.

— Ничья. Два — два. Второй тур в Эмиратах на следующей неделе.

— А, ну тогда хорошо, — говорит Аднан. От этой новости он вдруг чувствует себя до смешного лучше.

— Неплохо, хотя я сам болею за «Бешикташ».

Айше залпом выпивает кофе и тараторит:

— Они взяли у меня отпечатки пальцев. А этот порошок не отстирывается. Он повсюду на платье, оно испорчено, я его больше не надену. Взяли ДНК. Заставили открыть рот и шерудили там ершиком, как будто я автоугонщик или что-то типа. — Она зажгла очередную сигарету, запрокинула голову, вдохнула дым, а потом выпустила его голубоватой дымкой — Аднана всегда возбуждала эта киношная изысканность. — Но я нашла его. Он был в моих руках. Я открыла гроб и заглянула внутрь, впервые за двести пятьдесят лет. Я дотронулась до него. Такой сладости я никогда не испытывала до и впредь не испытаю. Он был у меня в руках.

— Бекдил вроде нормальный, — вставляет Аднан.

— Да к черту Бекдила. Нет, он нормальный, ведет себя как двенадцатилетний, но ничего. Он

тебе что рассказал?

— Что тебя взяли в рамках более крупной операции по борьбе с контрабандой.

— Ну меня это не особо утешает. Он сказал тебе, в вывозе конкретно какого артефакта из страны меня обвинили?

— Какого-то Медового кадавра…

— А ты знаешь, что это? Это легенда. Сказка. Яйца птицы Рух, лампа с джинном внутри или летающий ковер. Это драгоценности Святой Софии и слезы Богоматери. Человеческий труп, мумифицированный в меде. Никто не верил в его существование, но я его нашла. — Она зажгла новую сигарету. — Это оказалась медовая ловушка. Но я не думаю, что этот козел Акгюн вообще знал о том, что Медовый кадавр существует, он просто сделал мое задание правдоподобным, а потом помахал перед носом миллионом евро.

— Не понимаю.

— Ко мне в галерею явился клиент, хорошо одетый, разбирающийся в искусстве. Он узнал о существовании Медового кадавра из Искендеруна и готов был заплатить мне миллион евро, если я достану ему это чудо. И я достала. Достала ему Медового кадавра, но оказалось, что это коп из отдела по охране памятников искусства. Черт,

мне стоило догадаться, от него воняло дешевым парфюмом. Он понимал, что мои поиски Медового кадавра станут приманкой для всех торговцев предметами искусства отсюда и до Бурсы. Сукин сын.

— Миллион евро. Айше, если дело в деньгах…

Айше внезапно дотрагивается до лица мужа.

— Аднан, я сделала это ради себя, чисто из эгоизма, чтобы доказать, что я тоже могу. Тоже могу зарабатывать деньги. Тоже могу играть по-крупному.

Тень ложится на стол. Аднан морщится из-за неожиданного падения температуры. Это тучка загородила солнце, маленький смешной пузырек пара, но за этой тучкой двигались другие, а над куполом Айя-Софии и вовсе стеной собирались густые дождевые облака. Сердце Аднана глухо стучит, теперь вся чудовищность его проделки с Бирюзовой площадкой обретает форму. Доказательства написаны прямо на небе.

— Я была наживкой. С самого начала. Стоило бы догадаться, но Медовый кадавр ослепил меня. Найти что-то такое, одно из утраченных чудес света, ты бы отказался?

Аднан покачал головой и одними губами ответил «нет».

— Они пытаются запугать вас. Чандар, тот второй, рядовой детектив, он понятия не имеет, в чем все дело, просто знает, что должен разыгрывать из себя плохого копа, а Айкут будет изображать хорошего. Тюрьма, штрафы, потеря бизнеса, банкротство. Мне нельзя в тюрьму. Это убьет мою мать. Я и так нанесла ей удар, выйдя за тебя, Аднан. И тогда они разыграли классическую дилемму заключенного. Только штраф, может, условное заключение, и все. Игра окончена, а больше никакая другая игра меня так не заинтересует. Если я больше не увижу Пятикнижие ашкенази, исфаханские миниатюры или картины Блейка. Жизнь без Блейка лишена смысла. Все очень просто. Я не могу пойти под суд. Я не могу потерять галерею. Черт! Черт! Черт!

Айше гасит сигарету в пепельнице.

— Тебе нужна сделка получше, — говорит Аднан, — не просто признание вины, но иммунитет от судебного преследования.

— Да, дорогой, но такое положено только ценным свидетелям, которые помогают выявить нечистых на руку чиновников…

У Айше расширяются от удивления глаза, когда Аднан поднимается с места и начинает ходить вокруг столиков, за которыми курят и выпивают

другие посетители. Он меряет шагами площадь, доходит до Ипподрома, смотрит на египетский обелиск, идет обратно. Когда Айше пытается спросить, что на него нашло, Аднан прикладывает палец к губам: тсс, молчи. У него есть план, простой и четкий, идеальный и всеобъемлющий, он возник перед мысленным взором Аднана так же молниеносно, как и идея с Бирюзовой площадкой, которую он увидел на запотевшем стекле лифта. Только это даже круче, чем Бирюзовая площадка.

Аднан садится на плетеный стул и достает цептеп.

— Бекдил? Это Аднан Сариоглу. Спасибо, что ответили. Мне нужно поговорить с вами срочно. Лучше сразу прихватите с собой пару коллег, или в любом случае за ними придется послать позже. О чем пойдет разговор? Скажем так, вы отличный адвокат, но вы не делец.

Ага, последний отсек справа, рядом с упаковочным цехом «ЭлмаОрап», над бухгалтерией, вот где они держат Недждета, делает вывод маленький детектив. Он проходил мимо уже трижды, последний в стайке детишек, возвращающихся из школы после второй смены. Молодой парень с редкими усиками в будке охранника не беспоко-

ит Джана. Взрослые никогда ничего не замечают, и, пока грузовики с грохотом въезжают на склад и выезжают обратно, этот тип проводит время, смотря спортивный канал или играя с цептепом. Но кругом висят камеры, а быстрая проверка на сайте слежения за ботами выявляет наличие двух летающих роботов «Самсунг FBI 18» на карте Бостанджи Дудуллу. В этих моделях предусмотрено распознавание образов, анализ походки и лиц, а также предполагается искусственный интеллект, и в стандартной комплектации идет устройство для нанесения несмываемой краски. Комментаторы пришли к согласию, что внимание привлекает к себе тот, кто трижды проходит мимо. Во время первой вылазки Джан от бедра фотографирует все на цептеп, повернув аппарат под углом. Это риск — включать телефон, но он понял, что фотографии нужны, а фотокамеры в его списке нет. В следующий раз надо подготовиться лучше.

Кайишдаги — уродливый, безликий район, все дома не выше двух этажей и жмутся друг к другу, краска облепилась, на штукатурке следы плесени, кругом пластик, широкие улицы патрулируют широкие машины, везде грязь. Грязь на белых пикапах «тойота», грязь на маленьких

трехколесных ситикарах, на крошечном куполе маленькой дешевой мечети, грязь на пластиковых вывесках. Все женщины в платках. Полно младенцев и малышек. Некоторые тоже весьма грязные. Звуки здесь тоже монотонные, высокие, пронзительные. Солнце сильно припекает. Джан уже вымазал на себя полтюбика солнцезащитного крема с фактором тридцать.

Джану кажется, что он хорошо выбрал точку обзора. Чайная лавка «Капчек» выходит как раз на ту сторону склада на другой стороне проспекта, где, по подозрениям Джана, удерживают Недждета. Дорога широкая, машин много, две полосы постоянного потока. Роботы «Самсунг FBI 18» достаточно умны, чтобы не обращать внимания на поток машин, они вполне могли бы сканировать и идентифицировать все подряд, но тогда не осталось бы времени на само здание. Джан будет прятаться за стеной движущихся машин. Под навесом в чайной можно сидеть, работать на компьютере и вести расследование. Никто не спросит, что он делает. В чайхане всегда так.

Джан кивает другим посетителям, когда садится за столик на улице.

— Добрый день, господа! — говорит он беспечным тоном. Здешние мужчины не так хорошо

выбриты, их лица худощавее, руки коричневее, морщинки в уголках глаз заметнее, но они из того же теста, что господин Ферентину и старые греки. Джан достает из рюкзака компьютер и открывает его. Владелец подскакивает к столику. Он моложе и худее Бюлента, и у него зубы выпирают вперед.

— Чем могу помочь?

Джан смотрит на него поверх темных очков.

— Айран, пожалуйста. Со льдом.

Айран на азиатской стороне дешевый и очень-очень вкусный. Джан потягивает напиток через соломинку и открывает приложение битботов, параллельно загружая фотографии с чипа цептепа прямо в программу «Фоторамика», которая преобразует их в панорамный снимок здания. Надо запустить внутрь ботов, чтобы посмотреть на место и на лица, прежде чем стемнеет. А вот и фургончик. Он так и стоит здесь с прошлого вечера. Если навести зум, то можно различить на заднем крыле Крысенка. Джан хихикает, восхищаясь собственным умом. Битбот готов. Джан вставляет наушники и кликает по полю. Движение пальцев, и Змея, обвившаяся вокруг шеи, оживает и ползет по руке Джана на стол.

Старики и владелец чайной смотрят, раскрыв глаза от удивления.

— Это игрушка, — поспешно говорит Джан. Он скрещивает руки, растопыривает пальцы, и Змея превращается в Птицу.

— Почему в моем детстве не было таких игрушек? — говорит пухлый улыбчивый пожилой мужчина с великолепными усами.

— Надеюсь, что мои внуки никогда не услышат об их существовании, — ворчит седой старик со впалыми из-за отсутствия зубов щеками.

Ничего, вот сейчас у вас глаза вылезут от удивления. Взмах руками, и Птица взмахивает крыльями, взлетает со стола и взмывает над потоком машин по спирали, как аист, на теплых потоках воздуха, которые поднимаются от асфальта, высоко над крышами склада, оснащенными солнечными батареями. Первая часть довольно сложная, нужно сделать так, чтобы Птицу не заметили сестренки «Самсунг», а потом поменять конфигурацию, чтобы Крыса объединилась с Крысенком. Птица летит высоко, выше угла зрения камер. Рискованно, поскольку если она попадет в их зону обзора, то противные роботы тут же поймут, что это не простая птица. Ага. Подвернулась возможность. Джан сажает Птицу на крышу грузовика, притормозившего у ворот, и разжимает кулаки. Птица превращается

в Змею и сползает вниз, к заднему бамперу. Еще одно превращение, и вот Змея уже становится Крысой, которая прячется за номерным знаком. Грузовик раскачивается, сдавая назад к рампе, и в этот момент Крыса прыгает максимально далеко, в прыжке прячась под колесами, распадаясь на битботов и в тот же момент соединяясь с битботами спрыгнувшего с белого фургона Крысенка. Прямо в прыжке битботы снова соединяются в Крысу, которая закатывается под фургон, долой с глаз «Самсунгов».

На месте.

Джан чувствует за спиной чье-то присутствие. Он поворачивается и видит, что старики выставили вокруг него кресла, чтобы наблюдать за шоу трансформеров на его экране.

— Плевать на ваших внуков, я сам хочу такого, — говорит владелец чайханы.

— Это для телевизора? — спрашивает Беззубый.

— Серьезно, сынок, ты где взял такое? — берет слово угрюмый старик, похожий на противного старого египтянина, живущего на площади Адема Деде. — Что ты с ними делаешь?

Сердце Джана трепещет и бьется, как голубь, залетевший на балкон. Он никогда не задумывался

о том, что другие могут с подозрением отнестись к его расследованию. Ведь детективы всегда делают правое дело. Их положительные качества никто не ставит под вопрос. А тут такое. Еще одно нехорошее сомнение сжимает грудь Джана. Любой из них может быть плохим парнем. Плохие парни тоже выходят каждый день в пять вечера, чтобы выпить свежего айрана из холодильника. Возможно, Угрюмый потому такой угрюмый, что он полицейский. А Усатый может оказаться учителем или социальным работником. Все это люди, у которых есть полномочия положить конец расследованию и отвезти Джана домой. Но Джан знает, как с этим разобраться.

— Моего брата похитили.

Старики отшатываются. Сейчас вы скажете, что мне надо позвонить в полицию, а я вам в ответ скажу кое-что еще. Блестящая идея.

— Он задолжал денег.

Старики издают явный вздох облегчения.

— Но он этого не делал. Это ошибка. Я прикрепил на него маячок, и когда я нашел брата, то позвал всех родных, но и их тоже схватили.

— Ты сочиняешь? — спрашивает Беззубый.

— Нет, — говорит Джан с нажимом, такую же интонацию он использует, чтобы убедить

родителей, пуская в ход тактику «двойного обмана». — Правда.

Ага, теперь вы не знаете во что и верить, но вообще-то я говорю правду. Отличная идея. Старики сбиты с толку.

— Вы не видели, чтобы что-то странное вносили или выносили из крайнего отсека?

Владелец чайханы качает головой, выражая скорее недоумение, чем отрицание.

— Дети, что с них взять, — Беззубый машет рукой.

— А родители знают, что ты тут? — полушутливо интересуется Усатый. И только мерзкий Египтянин не сводит с Джана глаз, когда остальные уже вернулись к своему чаю и картам. Джан расслабляет пальцы. Наконец-то спокойствие.

Джан отправляет Крысу из-под белого фургона вдоль стены, чтобы она скрылась за кучей мусора. Как обычная живая крыса. Затем изменяет конфигурацию на Змею, и она ползет по стене. Тихонечко. Эти огромные неповоротливые «Самсунги» ему и его битботам и в подметки не годятся. План такой: пусть Змея ползет по стенам, цепляясь за грубо выкрашенные шлакоблоки нанокрючками, и найдет убежище в тени подоконников и карнизов. Окна — вот основная

задача, надо заглянуть в каждое. Джан от восторга щелкает пальцами. Отлично. Он умница.

Первое окно. Пустая комната со сломанным диваном, на столе какое-то оборудование, которое с учетом ограниченного разрешения Змеи не рассмотреть толком.

Второе окно. Змея поднимает свою голову-камеру через край подоконника. Три матраса, какие-то простыни, плоские подушки. Пустые бутылки из-под воды. Много. Пустые контейнеры из-под фастфуда. Несколько. Черные пластиковые мешки для мусора. Журналы, книжки в тусклых обложках, исписанная бумага.

Третье окно. Столы сдвинуты к стене, а весь пол занят коробками и ящиками. Первая человеческая фигура. Молодой человек сидит за столом так, чтобы видеть и дверь, и окно. У него вьющиеся волосы, голубые глаза и странное подобие бороды, которое отращивают юнцы, когда приходит время экспериментировать с растительностью на лице. Возможно, это один из тех, кто похитил Недждета. Их лиц Джан не заметил. Юноша увлечен работой на компьютере. Джан наводит фокус, но не может сделать четкий снимок экрана. Он не осмеливается переместить Змею выше, ведь человек может в любой момент

поднять голову. Но есть и еще какой-то предмет под столом. Парень ерзает на стуле, и теперь Джан видит, что это — винтовка.

Джан в чайхане «Капчек» отшатывается от экрана. Легкий вздох слетает с губ. Он быстро оглядывается, не увидел ли кто эту винтовку. Но старики увлечены игрой в карты. Джан быстро направляет Змею к четвертому окну.

А вот и Недждет. Лежит на боку на матрасе. Джан смотрит под углом, ему не видно лица, но на лежащем та же одежда, что была на Недждете, когда его на глазах у Джана запихивали в фургон. Джан навсегда ее запомнил. Рядом с ним сидит на коленях какая-то женщина. Она в платке, но лицо молодое. У нее модные очки, джинсы и ботинки. Пятки слегка приподняты над полом. Губы двигаются, она определенно что-то говорит Недждету. Аудио всегда было слабым звеном у битботов. Уловить нормальный звук еще сложнее, чем хорошую картинку. Джан уверен, что никогда не видел эту женщину. Рядом с ней сидит, скрестив ноги, мужчина. Он выглядит смутно знакомым. Один из похитителей. Плотно сбитый и старый, правда, Джан плохо определяет возраст тех, кому больше четырнадцати. Все взрослые выглядят одинаково. У этого темная кожа, восточная

внешность, на нем футболка с надписью, из-под которой выбивается облако волос. Здоровенная винтовка покоится на коленях.

Все, кроме Недждета, расположились так, что могут увидеть выглядывающую Змею как на ладони. Джан прячет ее под подоконником. Он нашел его. Он нашел Недждета. Он видел людей, которые его удерживают, и часть их плана. У них пушки. Он всегда считал, что у таких людей бывает оружие, но правда его ошеломила. Что теперь делать? Ага, есть задача крайней важности. У битботов садится батарейка.

Владелец чайханы вздрагивает, когда моет стаканы, оборачивается и видит за собой странного мальчика. Джан протягивает адаптер.

— Можно подзарядить? Я вам заплачу.

Хозяин чайханы молча включает провод в розетку. Джан аккуратно разворачивает свой стул, чтобы видеть и улицу, и чайную, этому он уже научился у террористов. Рискуя, он превращает Змею в Птицу, и та перелетает через проспект. Господин Ферентину как-то раз сказал, что людей куда меньше интересуют предметы, движущиеся от них, чем к ним. Возвращение Птицы заставляет картежников отвлечься.

— Требуется подзарядка, — объясняет Джан.

Час подзарядки тянется вечно и мучительно. Темнеет. Хозяин чайной теряет терпение. Старики устали играть в карты и скоро снова начнут задавать вопросы. А он понятия не имеет, что происходит в той комнате ужаса. План хороший. Надо обдумать стратегию. Так, в стамбульском управлении планирования и жилищного контроля имеются все строительные планы этого склада. Пока Джан лазает в меню поиска, он не перестает изумляться, что в управлении планирования лежит целый Стамбул на бумаге. Двухмерный город. Ага, вот и он. Джан планирует атаку. Самое простое — через бухгалтерию. Для начала проникнуть в отверстие в кондиционере, а потом проползти через пустоты в стене из шлакоблоков. Это простая задача для Змеи. В офисных помещениях полно кондиционеров, если загрузить план в память, то можно обнаружить ближайший к Неджду.

Зеленые огоньки показывают полный заряд батареи. Битботам пора.

Бухгалтерия закрывается, когда Крыса проскальзывает мимо ног сотрудников вдоль стены. У вентиляционной решетки превращается в Змею и ползет, не теряя ритма. Вверх. Вверх. Вверх. Джан улыбается от радости, глядя на пере-

мещение битбота по архитектурному плану, на смутные очертания предметов, резкие повороты, едва освещенные встроенным в Змею источником света. Это самая лучшая игра в мире. За стеной из шлакобетона перед ним открывается пространство под полом склада. Ага, вот кабели. Следуй за ними. Воздуховод. Он тут. Через вентиляционную решетку пробивается слепящий свет. Джан убирает камеру и потихоньку подползает ближе. Одна наночешуйка за другой. Нос Змеи в паре миллиметров от крышки. На горизонте маячит темный силуэт. Джан сосредоточенно сопит, переводя камеры в широкоугольный формат. Темная фигура уменьшается. Это Неджет на матрасе, правда, он лежит спиной к решетке, и, что хуже, за ним лицом к решетке виднеется сидящий охранник. Вряд ли он не заметит, как из решетки выползет метровая змея-робот.

Терпение, только терпение, и увидим, сработает ли план.

Час Джан сидит перед монитором, не двигаясь, не издавая ни звука, глядя на скрюченную спину Неджета. Последний грузовик увез упаковки яблок. Даже охранник закрыл свою будку и запер ворота. «Самсунги» продолжают патрулировать территорию, а в помещении над бухгалтерской

фирмой загорается свет. Машины едут по проспекту со включенными фарами. Поразительный закат зажигается над плоской крышей склада.

— За тобой придут? — интересуется хозяин чайханы. Приставучие старики разошлись по одному, так и не удовлетворив свое любопытство, чем же закончилась история мальчика с роботами и кредиторов. Джан остался в одиночестве между дневной и вечерней сменами.

— Я скоро, — говорит Джан, хотя пока что не придумал, где переночует. Вообще об этом не думал. Пока нужно оставаться.

Шорох. Недждет перевернулся. Теперь Джан аккуратно, по миллиметрику за раз двигает голову Змеи так, чтобы она смотрела прямо в лицо Недждету. Он наводит камеру. Недждет плохо выглядит. Он небрит, и у него сальные волосы, а еще складки вокруг рта и глаз от недосыпа. Ресницы Недждета дрожат. Открой глаза. Снова дрожат. Ну, открывай же. Недждет открывает глаза. Теперь маленький детектив демонстрирует всю свою смекалку. Джан открывает новое командное окно, перемещает правую руку на поле, щелкает пальцами, и на той стороне проспекта в офисе Змея светит прямо в лицо Недждета.

Просыпайся!

Я не хочу просыпаться.

Просыпайся!

Оставь меня в покое!

Как это? Просыпайся! Открывай глаза!

Я не хочу открывать глаза. Тогда я увижу, что уже скоро они меня убьют.

Как меня зовут? Говори.

Ты Хизир, Хидр, ал-Хидр, Зеленый святой.

Кто я?

Ты бессмертный, вечный странник, верный слуга Всевышнего, учитель пророков, властитель джиннов, хозяин духов, повелитель воды, наставник тех, кто идет по Скрытому пути.

Открывай глаза!

Я вижу края матраса, тонкий серый ковер, стык двух белых стен, следы от обуви, плинтус, решетку вентилятора… Что ты хочешь, чтобы я увидел, Зеленый святой?

Вентиляция… там что-то мигает — не светится, а именно мигает. Ритмично.

Это по-настоящему, говорит Хизир голосом весны.

Недждет дважды моргает. В ответ свет мигает тоже, два раза. Там кто-то разумный, кто-то, кто его узнает, кто знает, что он здесь. За ним кто-то следил? Одно моргание, одно мигание в ответ.

Что же там такое? Неджет пытается определить форму предмета за вентиляционной решеткой. Похоже на змеиную голову. У этой змеи глаза паука, целый десяток глаз, которые ему подмигивают. Это машина. Робот-змея. Он уже видел робота-змею.

Это было в саду дома дервиша. Он тогда только что переехал. Вскоре после того, как брат Исмет забрал его из Башибююка, чтобы построить новую жизнь. Он сидел на краю того маленького фонтана, делал самокрутку с травкой и тут боковым зрением уловил какое-то движение на крыше. Змея! Он бросил даже наполовину скатанный косячок, задохнувшись от страха. Сначала он решил, что это расплата, и старые грехи дают о себе знать, но потом увидел, что это какая-то хитроумная машина свисает с края крыши галереи и наблюдает за ним. В другой раз, когда он изучал крошечный треугольник кладбища дервишей позади кухонного блока, что-то мелькнуло в траве, и та же самая змея увернулась от его ног и свернулась кольцом на цилиндрическом надгробном памятнике, а потом, к его удивлению, рассыпалась в прах и превратилась в птицу. Птица расправила крылья и улетела. Неджету всегда казалось, что это своего рода иносказание.

Это робот того мальчишки. Мальчишка нашел его. Как? Не имеет значения. Мальчишка нашел его. Кто-то знает, что он здесь. Он должен подать сигнал наружу, но он заперт в одной комнате с вооруженным охранником, который убьет его быстро, безболезненно, беспристрастно и во имя Аллаха, когда операция закончится, и тут возникает робот, который подмигивает из вентиляции, и им управляет глухой мальчишка.

Парень глухой, он может читать по губам.

Один раз — да, два раза — нет, одними губами медленно и четко произносит Недждет. Длинная пауза, потом паучьи глаза мигают один раз.

Не мигай, пока я тебя не спрошу, говорит Недждет. Здоровяк такой же пленник этой комнаты, как и Недждет, и рассматривает со скуки стены, свет, узоры на ковре, плинтус — все, чтобы хоть как-то развеять скуку.

Мигание.

Слушай внимательно, мигнешь в конце, когда я тебя спрошу, понял или нет. Позвони в полицию. Эти люди террористы.

От этих нескольких «р» челюсть трется о матрас. Голова Недждета дергается, на пару миллиметров, но Здоровяк это замечает.

— Недждет, ты проснулся?

— Да.

— Хочешь воды, ну, или отлить?

— А это имеет значение?

Неджет не отрывает глаз от еле различимого предмета в вентиляции. Ничего не говорит несколько минут, прислушиваясь к Здоровяку, который расслабляется и теряет бдительность. Мальчик не двигается и не мигает.

Позвони в полицию, одними губами просит Неджет. *У них какой-то безумный план. Нанотехнологии. Они не говорят. Осторожно. Иди. Быстро. Они меня убьют. Ты понял?*

Мигание. Неджет закрывает глаза. В следующий раз, когда он их открывает, то не видит ничего за решеткой вентилятора. Он и забыл, чем славится Зеленый святой — помощь невесть откуда.

Хасан, владелец парикмахерской, наматывает бумажное полотенце вокруг отвертки, окунает в бензин и поджигает. Быстро, словно ножом, он проводит пламенем от уха до уха по подбородку Аднана дважды, а потом тушит в горшке с песком, стоящем на стойке. Волна жара, слишком быстрая, чтобы причинить боль, запах паленых волос. Вот она — суть парикмахерского искусства, интимный акт насилия, когда ты сам садишься

в кресло к парню, который будет размахивать лезвиями у твоих глаз, ушей, ноздрей и яремной вены. Брызги одеколона — и ритуал завершен. Звонит дверной звонок, это курьер, подоспел точно в срок, с плоскими коробками под мышками.

— Господин Сариоглу!

Три остальных ультралорда Вселенной, сидящие на длинной скамейке, как старики зимой на трамвайной остановке, тыкают пальцем в свежевыбритого мужчину в кресле. Аднан срывает с себя накидку, открывает верхнюю коробку и вынимает оттуда прекрасную новую белоснежную рубашку.

— Я переоденусь прямо тут, Хасан?

Парикмахер кивает и переворачивает табличку. «Закрыто». Аднан снимает с себя футболку с надписью «Галатасарай». Новая рубашка сидит на нем как влитая. Портные знают его тело лучше, чем кто бы то ни было, за исключением Айше.

— Я тебе заказал такую же, Кемаль. Не был уверен в размере, так что прикинул на глаз. — Он отфутболивает коробки Кемалю. Это правила жизни от Аднана Сариоглу. Готовая одежда — фальшивая экономия, когда стамбульский портной держит при себе все твои мерки, кроит, шьет костюм за час и доставляет с курьером. —

При всем уважении, господа, но со мной должен пойти только он.

Кемаль аккуратно вытаскивает пиджак из упаковки.

— В детстве я посмотрел старую американскую немую комедию. Довольно смешную, так что это был не Чарли Чаплин. Так вот, там была сцена, когда забавный паренек стоит перед амбаром, открыв правую створку двери. — Он застегивает запонки и сбрасывает ботинки. — Шутка заключается в том, что в этот момент падает стена, но этот парень стоит так, что попадает четко в проем открытой двери. Правильный выбор времени, господа, во многом определяет то, что я хочу сделать с Озером. — Аднан сует ноги в брючины, поправляет пояс. Теперь очередь туфель, — Озер рушится. Мы все это знаем. Но что, если мы не будем смотреть, как башня Левент рушится у нас перед носом, и надеяться, что сможем унести свои задницы, а вместо этого организуем контролируемый снос? Кемаль, надевай уже чертов костюм. Без тебя у нас ни малейшей надежды. — Аднан надевает туфлю, левую, потом правую. Они достаточно хороши для дешевой обуви без шнуровки. — У Кемаля все детали: имена, счета, транзакции, коды, время, все. С меня сделка.

— Иммунитет, — говорит Кадир. Клубная футболка и бейсболка смотрятся на нем нелепо, он похож на британского принца на музыкальном фестивале.

— Именно.

— То есть мы намеренно разрушим Озер? — спрашивает Огюз.

— Озер в любом случае обрушится. Сколько там долгов?

— Что-то в районе двух целых семи десятых миллиарда евро, — говорит Кемаль. Он стоит посреди крошечной парикмахерской с одним креслом без брюк и в футболке Джимбом. — А когда ты узнал о «Лебеде»?

— Я сказал Аднану, — сообщает Кадир.

Аднан поднимает палец:

— Кадир, заткнись, мать твою. Он сказал мне за день до того, как процесс пошел, после встречи с Лариджани. Мы думали, что ты можешь представлять угрозу для нашего плана. — Он встречается глазами с Кемалем и не отворачивается. Теперь можно играть только честно.

— Угрозу? Угрозу? Вашу ж мать, а кто отмыл деньги, кто сделал всю бумажную работу? Кто вдохнул нано с кодами, которые дал Лариджани? Вы бы сами попробовали, радость еще та. Так что

вы собирались сделать? Ну же, что вы собирались сделать?

— Мы собирались исключить тебя из сделки.

— Исключить? Меня? Черт… а как именно вы планировали это сделать, понимая, что мне известно? А?

— Кемаль, надень уже костюм. — Огюз открывает рот, чтобы ляпнуть какую-нибудь глупость, но Аднан тыкает в него пальцем. — Рот закрой. Только я говорю. Надень костюм, Кемаль.

— Что это? Напоминает фильм про гангстеров, где все ссорятся после грабежа. Что вы собирались сделать, ублюдки? Драться? Скинуть в Босфор машину с трупом в багажнике?

— Надень гребаный костюм, Кемаль.

— Или тупо в лоб? О нет… — Он хватает ртом воздух, поскольку картинка складывается воедино, прозрачная, словно стекло. — Вы сволочи! Сволочи!

— Нет, — произносит Аднан очень четко и медленно. — Это были нано, изготовленные на заказ. Я должен был подменить их, подсунув вместо твоей обычной дозы. Нано привели бы к тому, что все воспоминания перепутались, ты бы не понимал, где твои воспоминания, а где те, что спровоцировали нано.

Кемаль помнит, помнит все в подробностях.

— Ты тогда закашлялся…

— Поэтому ты сегодня разговариваешь со мной.

— Вы сволочи! — орет Кемаль. — Подлые, коварные, вероломные сволочи!

— А теперь надевай костюм. Нам пора.

— Какого хрена я вообще с тобой должен работать?

— Мы нужны друг другу, последний раз. Сделаем это и можем больше никогда в жизни не видеться, но сейчас тебе надо надеть этот костюм, Кемаль.

Кемаль раздавлен, но он же ультралорд. Он — паша, а потому вскидывает голову в знак презрения.

— Очень умно разродиться этим планом, когда твоя женушка оказалась в полной заднице.

Два движения, и Аднан уже держит Кемаля за шиворот клубной футболки и дышит ему в лицо.

— Не смей никогда говорить об Айше, — рычит Аднан, а потом Кадир и Огюз их разнимают. Аднан медленно выдыхает, одергивает лацканы пиджака, поправляет рукава. — Мы встретимся с Бекдилом и всеми, кого он уговорил прийти в отель «Анадолу». Мы расскажем ему про Бирю-

зовую площадку. Про счета «Лебедя». О личном участии Мехмета Мерала в работе со счетами «Лебедя». Ты дашь ему коды, он увидит счета, ошибки, внебалансовые убытки, он увидит разрешения сверху. Мы расскажем, что Озер гниет с головы, что у компании нет активов, она манипулирует ценами акций, потеряла миллиарды и фактически банкрот. За эту информацию мы хотим иммунитет за то, что мы сделали. И да, я хочу, чтобы с Айше Эркоч сняли все обвинения, это часть сделки. Бекдил пойдет в комитет по финансовому надзору. Там мы повторим снова эту историю и будем повторять ее столько раз, сколько потребуется, пока у нас не будет на руках защищающих нас документов, налички в карманах, а Озер не разберут на составные части, как «Ролекс», купленный в Эминеню. — Аднан вытряхивает новую рубашку из коробки и протягивает Кемалю. — Надевай костюм или не надевай, но голым идти нельзя. Ты увидишь, мы сделаем это, мы с тобой, и получим все.

Кемаль выхватывает рубашку и отворачивается. Он дрожит, когда снимает футболку с логотипом команды. Аднану кажется, что Кемаль вот-вот заплачет, и это будет самое худшее. Но потом Кемаль натягивает на свое оплывшее

тело рубашку из чистого хлопка, застегивает и поправляет манжеты. Работу нужно сделать. Но я спас тебе жизнь и твою задницу, и тебя это бесит, думает Аднан. Тебя убивает то, что ты навеки мой должник.

Аднан завязывает галстук и поправляет запонки, чтобы добиться идеальной симметрии. Вот это подобающий вид для часа Х.

В книжном по соседству с домом Джан как-то раз нашел нечто удивительное: четыре тома в кожаном переплете стояли, щека к щеке, на полке, куда редко заглядывают покупатели, а на страницах с золотым обрезом лежал слой пыли. На корешках название: «Энциклопедия Стамбула». Только до буквы Г, но зато с картинками, так что на страницах можно было не только прочесть об истории повозок и паромов, но и увидеть их изображения, по четыре на страницу, а еще прочитать про Хезарфена Ахмета Челеби, который на деревянных крыльях слетел с башни Галата над Ускюдаром, об осадных машинах Мехмета-Завоевателя и о жестоких оттоманских пытках, рассказы о которых вызывали головокружение и странное возбуждение. Родители отказались купить ему эти книги, даже если продавец сделает скидку, но Джан ярко помнил рассказ о том,

что последнего волка застрелили в 1943 году на старом кладбище Эюп, и рисунок: чудовище с пеной у рта и бешеными глазами летит навстречу палящим винтовкам усатых охотников.

Джан задумывается, насколько уверен господин Кочу, автор энциклопедии, в информации о событиях 1943 года. Он слышит лязг когтей и зубов, а еще чье-то тяжелое дыхание на том конце бетонной трубы. Он сильнее прижимает к себе Обезьяну. Роботы отдают тепло даже в выключенном состоянии. Как только солнце зашло, бетон быстро остыл. Джан дрожит и кутается в куртку.

Извлечение робота прошло успешно. Вот почему это так называется в компьютерных играх, когда надо собрать и поднять с земли инопланетных космонавтов. Извлечение. Как зуб или его беруши. Забавно, что теперь, когда он может слышать все и вся, Неджду пришлось разговаривать с ним без слов, чтобы он читал по губам. К тому моменту, как робот проделал тот же путь обратно, уже стемнело. «Самсунги» казались силуэтами на фоне желтого света фонарей, но там, куда не попадал их свет, было очень темно. Снова отделить Крысенка и закрепить его на белом фургоне оказалось легко. Они — террористы. У них есть план. Они могут уехать до прибытия

полиции.

Террористы. Это слово вызвало у него забавное чувство, не страх и не возбуждение, а что-то среднее глубоко-глубоко в желудке, прямо в центре его существа, жаркое, темное, странное, одновременно свое и чужое. Террористы — это старики с бородами в длинных халатах и молодые парни, двигающие руками, как рэперы. Террористы не носят дорогие джинсы и ботинки. Но он же видел винтовки и коробки с чем-то. Джан не мог понять, как такое возможно. Предполагалось, что террористы и не люди вовсе.

Он обернул Змею вокруг запястья, отключил зарядное устройство и закрыл компьютер.

— Спасибо, — крикнул он хозяину чайной. — Я домой пошел.

Хозяин не взял с него платы за электричество. Джан купил пластиковую упаковку питательных продуктов в магазинчике на автозаправке и побрел по пыльной улице, залитой светом фонарей. *Позвони в полицию,* велел Недждет. *Эти люди — террористы. У них какой-то безумный план.*

Позвонить в полицию. Вернуться домой.

Обещай мне, что больше не будешь этим заниматься, попросил господин Ферентину. *Террористические заговоры — это не для мальчиков*

и стариков, это дело полиции, службы безопасности, у них оружие. Ты должен пообещать, что больше не будешь этим заниматься никогда, или ты больше сюда не придешь.

Он нарушил обещание. Господин Ферентину никогда больше не будет с ним разговаривать. Домой возвращаться нельзя. Тогда надо позвонить в полицию. Но разве они ему поверят? Они должны поверить. Это же правда. Но уже сгустилась тьма, и он не встретил ни души с тех пор, как вышел с парковки, а поток машин так и не иссякает, только шум в ночной тишине кажется громче и ближе. Джан не знает, что делать. Затем он видит за забором стройплощадку, кучу предупреждающих знаков и экскаваторы со стальными ставнями, чтобы в кабину не смогли залезть воры и мальчики, но самое главное — там есть бетонные трубы. Никакой забор не может остановить девятилетнего мальчика. Трубы все еще теплые после дневной жары, такие желанные и укромные и, что немаловажно, никем не занятые. Никакого пепла, упаковок от еды или спиралек засохших экскрементов. Если террористы куда-то поедут, можно будет потихоньку мониторить их передвижения. Здесь его никто не потревожит. Джан забирается внутрь и открывает рюкзак.

Теперь он съел всю еду и замерзает, бетон твердый, а в трубе не сесть толком, он может только лежать ногами к выходу из трубы, а снаружи ходит последний стамбульский волк или что похуже: бродяга, пьяница или террорист. Джан парализован от ужаса перед тем, что нужно сделать.

Звони в полицию.

Трясясь от страха, Джан включает цептеп. Теперь он виден всему внешнему миру.

— Полицию, пожалуйста.

— Соединяю.

— Алло, это полиция в Кайишдаги?

— Это полицейский участок в Кадикей, чем могу помочь?

— Мой друг… он из Эскикей, это на европейской стороне, так вот, его похитили и удерживают на складе на проспекте Бостанджи Дудуллу.

Пауза. Вздох.

— Как тебя зовут, сынок?

— Джан Дурукан.

— А лет сколько?

— Девять. Его держат террористы. Я их видел. У них оружие.

— Террористы, значит.

— Да, у них какой-то план. Они планируют ата-

ку. Надо прислать сюда войска, одной полиции не справится.

— Да ты что!

— Да, у них винтовки, бомбы и все такое.

— А вот что полиции по плечу — прислать патрульную машину и устроить тебе хорошую взбучку за то, что ты тратишь наше время и занимаешь линию. Это серьезное правонарушение, на случай, если ты забыл, малыш, мы автоматически узнаем местоположение и можем приехать прямо сейчас и разобраться с девятилетним парнем, который считает себя таким умным, что может тратить впустую наше время.

— Тогда приезжайте, и я покажу вам, что это правда! — кричит Джан, но офицер уже отключился. — Произойдет что-то ужасное.

Цептеп молчит. Неправильно. Он все испортил. Надо было сказать, что он пропавший ребенок. Мама с папой должны были заявить в местный участок. Тогда они приехали бы как миленькие. Ага, запихали бы в машину и увезли домой. Вот почему он не может позвонить ни Осману, ни Шекуре, ни даже господину Ферентину. Сначала домой, вопросы позже. К тому моменту, как он хоть кого-то убедит, если ему вообще это удастся, может оказаться слишком поздно. Помещение

наверху окажется пустым. Фургон забьют коробками и ящиками и выедут в ворота. А Неджет… что они сделают с Неджетом? Джан об этом не думал. Нет, кто-то должен остаться здесь. Остаться и следить. Кто-то, кто найдет способ предупредить людей, победить террористов и спасти Неджета. И это будет Джан Дурукан. Теперь все зависит от него.

Джан прижимает к себе Обезьяну. Тепло скудное, но он не знает, когда снова подзарядит битбота. Пришлось залезть в те деньги, что предназначались на случай чрезвычайной ситуации. Еда на бензоколонке ужасно дорогая, сто евро, а ничего не купил. Холодно, он далеко от дома и не знает, сколько времени еще здесь пробудет, раз уж решил дождаться полиции. Сейчас он хочет одного — пускай этот волк уйдет.

Золото на черном, звезды и дрейфующие созвездия кораблей и паромов на фоне украшенной драгоценностями Азии. А по ту сторону Золотого Рога — неон Эминеню, освещенные башни знаменитых мечетей, увенчанные целыми стаями галок. Такси уезжает сквозь приглушенный свет проспекта Рыхтым, а Георгиос Ферентину остается на мостовой, мимо него идут прохожие, очарованные ночью.

Георгиос никогда не был в этом ресторане. Георгиос вообще не помнит, когда был где-то, кроме чайной Бюлента. Его образ жизни не сочетался с походами по ресторанам. Он об этом сожалеет, поскольку раньше любил куда-то выбраться. Но карты Стамбула изменились, и все его поисковые запросы выдавали только пошловатые обзоры посетителей и оценки в четыре с половиной звезды, поэтому он спросил Бюлента, куда бы тот отправился с женой, если бы хотел хорошо провести время. Бюлент тоже не был в этом ресторане, но он расположен у воды, есть терраса с видом на Босфор, и вышколенный персонал в униформе открывает двери такси и торопится помочь снять пиджак, да и вообще тут все пышет гламуром. Когда наступает ночь чудес, когда вы перестаете думать о расходах, а желания становятся выше необходимости, приходите сюда — в ресторан «Лале».

— Чем могу служить? — Гардеробщик выходит из золотого облака света на улицу.

— У меня заказан столик. На восемь часов. Ферентину.

Метрдотель подходит и дотрагивается до его цептепа:

— Добро пожаловать, профессор Ферентину.

Вы первый. Хотите выпить у барной стойки, или проводить вас к столику?

Момент паники. Даже когда Георгиос заказывал столик, у него голова кружилась от страха. Будут ли посетители все сплошь молодыми и модными? Не слишком ли в ресторане шумно и смогут ли они спокойно поговорить? Станет ли народ таращиться на его одежду? Какие комментарии они придумают о старике и пожилой даме, занявших столик на террасе с видом на Босфор? Знает ли он нынешние правила приличия? Будет ли метрдотель презирать их?

— Думаю, я хотел бы сесть за столик.

— Он накрыт для вас. Прошу за мной, пожалуйста.

Метрдотель проводит Георгиоса через зал. Георгиос выглядит как ковыляющая груша, он самый старый во всем ресторане, одежда на нем странная, уродливая и смотрится нелепо, а все остальные посетители молоды, гламурны, хорошо одеты, привлекательны, поразительно красноречивы и куда богаче, чем Ферентину, но его походка упруга, он поднимает подбородок, глаза сияют, а намерения тверды, ведь он победил Огюна Салтука в его собственном проекте перед лицом интеллектуальной элиты Турции,

победил его собственным оружием, выхваченным из рук Салтука, оружием, которое много лет назад было украдено у Георгиоса. Он разгромил своего заклятого врага, а потому выглядит таким же молодым, сильным и элегантным, как и все в «Лале».

Столик у самой воды, и от Босфора его отделяют только перила. Вода пахнет довольно резко, как тогда, когда Сливовый Шторм или осенний Шторм Пролетающих Журавлей приносит на холмы Эскикей запах Босфора. Георгиос сидит в круге света. На столе горит свеча. Вдали блестящая арка моста. Круизный корабль, весь из искрящейся мозаики, медленно двигается по каналу с Черного моря. Самолет, вертолет, навигационные маяки южнее в Мраморном море. Вода ловит огоньки, превращая их в рябь и вспышки. Глядя на всплески, Георгиос видит под водой покрытый илом полистирол и пустую бутылку от отбеливателя. Но каждый момент новые отблески отвлекают внимание. Он не чувствует ни возраста, ни времени.

— Ваша гостья.

Георгиос с трудом поднимается. Он ошеломлен небом, упивается ночью. Он не готов для Арианы. Но это она вынырнула из глубин сорокалетней

давности. Он не может взглянуть на нее. Не осмеливается. Георгиос кланяется, а потом выходит из своего укрытия за столиком, чтобы поцеловать ее в обе щеки на европейский манер. Ариана пахнет лавандой, морской солью и небом.

— Спасибо, что пришла.

Метрдотель отодвигает для Арианы стул. Он встречается глазами с Георгиосом, и его взгляд говорит: я все понимаю, господин профессор, мы постараемся сделать этот вечер особенным. Вот теперь Георгиос осмеливается взглянуть на нее. Последний образ Арианы — Ариана идет от парома в сторону вокзала Хайдарпаша, и было это в прошлом веке. Он носил этот образ в душе сорок семь лет. Он смотрит и уже не помнит то лицо. Перед ним Ариана Синанидис. Лицо тоньше и все в морщинках, следах идеализма и решительности. Копна густых черных вьющихся волос, в которые он мог зарываться руками, но теперь волосы выглядят еще драматичнее из-за двух белых прядей, обрамляющих лицо. Он думал, что ее глаза не изменятся, просто не могут измениться, но теперь они стали больше и ярче. Она несет себя с достоинством и изяществом. Она — матерь богов. На коже рук видны ромбовидные узоры возраста, а на ногтях французский маникюр. Георгиос не

видит ни колец, ни следа от старого кольца на среднем пальце левой руки.

— Прекрасное место, — говорит Ариана Синанидис по-английски. — Прости, я подзабыла турецкий.

Шаль сползает с плеч, обнажая их. С темной воды долетают водоворотами потоки теплого воздуха, которые приносят ароматы розы и запах выхлопных газов.

— Разумеется, — Георгиос легко переключается на другой язык. — Уверен, тебе показалось, что Стамбул сильно изменился.

— Кое-где я его с трудом узнаю, а иногда кажется, что не так уж сильно он и изменился. Старые дома все здесь, даже некоторые магазины. Где-то поменялись вывески, но там все равно торгуют сигаретами и газетами. На Казанджи Месжид до сих пор есть лотерейный киоск. А фонтан на улице Чукурлу Чешме все так же подтекает. Все кажется меньше и кучнее.

Во время паузы подходит сомелье. Напитки заказаны. Георгиосу — вода, а Ариане — скотч, мужской напиток. Она просит сомелье принести определенную марку. У сомелье такой марки нет, но он предлагает аналогичную. Годится.

— Прости за наглость, что привело тебя обрат-

но в Стамбул? — Георгиос зачарован ее тонкими пальцами, сжимающими тяжелый стакан. Интересно, каким она его видит, осталось ли в нем что-то от того худого, робкого неопытного революционера или он — едва узнаваемая гора усталого мяса?

— Дела. У моей семьи все еще есть кое-какая собственность в Бейоглу, и я пытаюсь организовать трастовый фонд.

— У тебя есть дети?

На ее лицо набегает легкая тень.

— Нет, я выбрала для себя иную жизнь. Но у меня есть внучатые племянники и племянницы, я их очень люблю и хочу, чтобы они что-то получили. Мы не становимся моложе, но я возлагаю на них большие надежды. А у тебя дети есть?

— Нет, нет, ничего такого. Холостяцкая жизнь академика. Я живу один. Около десяти лет назад, потеряв место в университете, я переехал в Эскикей, в Бейоглу почти не осталось уже греков, а если и остались, то старые и усталые, как я. У меня квартира в старом доме дервиша, по-своему там даже мило. Мне подходит. Мне не нужно особого шума. Я полюбил соседского мальчишку, он мне как сын. Единственный ребенок. У него проблема со здоровьем. Я за него беспокоюсь,

но тут уж не убережешься, обычно в наши дни сначала обвиняют, а потом задают вопросы. Все виноваты, пока не доказано обратное. Но ты, похоже, очень преуспела.

Ариана принимает комплимент без самоуничижения или притворного жеманства.

— Я думаю, ты хочешь сказать, что мне удалось достичь компромисса. Успех — это когда меньше становится умерших детей. Прости за грубость и пафос. Я теперь меньше работаю на местах, в основном лекции и семинары. Самое сложное — это работа с неправительственными организациями, у всех своя специфика, у всех свой кружок, и все ненавидят друг друга. Лучше уж правительства или военные диктаторы, с ними, по крайней мере, понятно, где ты. Маленькие группы — это естественный уровень социальной организации людей, и с ними труднее всего работать. Политика просто не может совладать с такими группами.

Приносят меню. Все блюда изысканные и роскошные, они демонстрируют, насколько скромную и монашескую жизнь вел Георгиос: если не ел ложкой прямо из консервной банки, то был вполне доволен скудностью и монотонностью. От обилия блюд кружится голова, он

хочет всего и сразу, не может выбрать. Но выбирать нужно, а потому он это делает, а разговор продолжает крутиться вокруг международной миротворческой деятельности Арианы. В итоге она посетила разные страны с одной и той же ключевой проблемой — мужчины убивают друг друга. Достижения Арианы огромны, но у Георгиоса возникает ощущение, что она больше не уверена, что правильно прожила собственную жизнь. Жестокости не будет конца, пока на свете есть молодые мужчины.

— Боюсь, я никогда не был силен в заботе о ближнем, — говорит Георгиос. За первым блюдом они вообще не разговаривают. Это было бы неуважением к шеф-повару.

— Во время твоих путешествий ты когда-нибудь возвращалась в Стамбул? — спрашивает Георгиос, когда уносят тарелки.

— Нет. Никогда. Пока не пришлось. Я пробыла вне Стамбула намного дольше, чем жила здесь. Мой дом в Афинах.

— Тебя здесь помнят.

Ариана кутается в шаль.

— Не уверена, что хочу этого. Такое впечатление, будто я призрак, правда, пока живой.

— Ты ходила к старому дому?

Ариана качает головой.

— Его давно уже нет, там двадцать лет как хостел для туристов.

— Хорошо, — говорит она.

Приносят основные блюда: ягненок для Георгиоса, рыба — Ариадне. Под рыбу, красную кефаль, она заказывает ракы, местную водку, и это правильно. Георгиосу всегда казалось, что рыба — слишком простое блюдо для изысканного ресторана. Просто какая-то мертвая штуковина на тарелке. Зато его ягненок роскошный, тает во рту. Боже, как он плохо питался! Георгиос хотел бы есть ягненка вечно, но удовольствие от еды именно в ее конечности, поэтому сначала он съедает гарнир, оставляя мясо напоследок. Главное блюдо позади, вечер проплывает мимо, словно освещенные корабли, а он так и не сказал того, что должен сказать.

— Ты контактировала с кем-то из старой группы?

Снова тень ложится на лицо Арианы.

— Я не осмеливалась. Я знала, что у них есть агенты и в Афинах.

— Мудро. Ты знаешь, что с ними случилось?

— Знаю, что Ариф Хикмет умер пять лет назад.

— Он отказался пойти с ними на сделку.

— Настучать на остальных.

— Да, а им нужно было показательное наказание. Когда правительство сменилось, то его выпустили, но он так и не смог получить должность в газете. Он попробовал себя в политике, сформировал собственную небольшую партию, которая потом слилась с Партией труда, а потом и с Турецкой рабочей партией.

— Девлет Сезер?

— Девлет Сезер умер десять лет назад. Рак. Скурился до смерти. Его не публиковали, он анонимно вел колонку в «Хюрриет» про тайную историю города и старые типажи. Стал своего рода знаменитостью.

— Реджеп Гюль?

— Он уехал в Германию и стал исламистом. Ну таким исламистом, как все в Турции. Занимался проблемой дискриминации гастарбайтеров. Действовал через сеть мечетей. Погиб во время поджога в Дрездене, бывшей Восточной Германии. На востоке нетерпимо относились к туркам.

— А Мерве Тюзюн?

— Она получила три месяца за агитацию, а когда вышла, не смогла устроиться учителем, переквалифицировалась в поэтессу. Пишет под

именем Тансу. Ее ценят и много печатают.

— Тансу. Мне кажется, я слышала это имя. Она всегда читала свои стихи на собраниях в кафе «Каракуш». Ужасная лабуда.

— Видимо, исправилась.

Ариана подается вперед.

— А Ариф Кезман, с ним что?

Каждый раз, когда она произносит очередное имя, Георгиос видит их в толпе в кафе «Каракуш», память и время замедлили кадры, лица ужасно молодые, волосы ужасно длинные, а одежда просто ужасная. Видение замедляется, пока все они не застывают как один с открытыми ртами, поднятыми в воздух кулаками, топающими по полу ногами, они обнимают друг друга, и полы пиджаков разлетаются. Или же они стоят в пикете на площади Таксим, губы искривились в крике, в пении, руки отталкивают оружейные стволы. А вот они все щурятся на солнце, обнявшись, как братья, с бокалами шампанского, на фоне бело-голубого бассейна Мерьем Насы. Революционеры 1980 года.

— Ариф! Ты не поверишь! Он диктор на телевидении.

— Быть не может! — ахает Ариана Синанидис, теперь уже увлекшись.

— Да! Звезда! Ну вообще-то теперь он уже старенький и почти отошел от дел. У него было шоу под названием «Брат Мехмет», в котором солдаты воссоединялись с семьями, невероятно популярное.

— Про армию? — Ариана качает головой. В ее волосах искрятся огни Стамбула. — Ариф?

— Его все еще каждый год приглашают на новогоднее шоу. Он себе подтянул все что угодно, вряд ли слезает с ботокса.

Ариана смеется. Она откидывает голову и демонстрирует великолепные зубы, а у глаз собираются морщинки. Это смех молодой женщины. Затем она закрывает рот и прерывает смех, вспомнив те жизни, которые искалечила мясорубка 1980 года.

— Ариана, — говорит Георгиос Ферентину, — ты кое-что должна знать, кое-что, что оставалось несказанным сорок семь лет.

Сначала пришли за курдами. Потом за армянами. Потом за евреями. А потом настала очередь греков.

Табачный дым год за годом проникал в блестящую краску на стенах той комнаты в Ускюдаре и въелся так сильно, что стены пахли больными легкими. Это был не запах дыма или горения, а

резкий металлический запах, определенно человеческий и грязный. Так воняет мокрота.

— Вы знаете Ариану Синанидис? — спросил главный следователь.

— Да, — просто ответил Георгиос. — Знаю.

Третий из тех, что его допрашивали, тот, что не делал заметок, достал из большого конверта фотографии и по одной выложил их на стол. Георгиос и Ариана в первом ряду на Таксим. Георгиос и Ариана с громкоговорителем. Георгиос и Ариана вешают листовки. Георгиос и Ариана бегут по Истикляль. Георгиос и Ариана прячутся под козырьком, спасаясь от дождя не по сезону.

— Вы состоите в отношениях с Синанидис?

— Да, — кивнул Георгиос. — Мы пара. Я ее… — он не знал, какое подобрать слово: — …Возлюбленный.

Он видел, как парень с шариковой ручкой аккуратно выводит «трахает ее?» и дважды обводит вопросительный знак.

— Вы экономист, — продолжил следователь обыденным тоном, косясь на бумаги, лежащие у него на коленях. — Хорошая наука, полезная. С такой специальностью вы можете получить хорошую работу. Крупные банки принимают экономистов на ключевые посты. Турции нужны

экономисты. Правительство может использовать экономистов.

— Я хочу заниматься наукой.

— О! А сейчас вы занимаетесь наукой?

Тот, что принес фотографии, открыл второй конверт. На этот раз там только одна фотография — увеличенные зернистые изображения людей, стоящих вокруг грузовика на границе.

— Хорошо ли ваша семья устроилась в Греции? — поинтересовался следователь.

— Думаю, да.

— Разве в Афинах нет университетов, школ экономики?

— Я предпочитаю остаться в Стамбуле.

— Из научных интересов?

— Из научных интересов.

— То есть никаких личных причин. Романтических. Причин, связанных с Арианой Синанидис.

— Я же сказал, — огрызнулся Георгиос. Парень с шариковой ручкой громко цокнул языком.

— Хорошо, — сказал следователь. — Приятно видеть амбиции и самоотверженную преданность науке. Многие научные карьеры начинаются красиво, но потом вмешивается секс, и все катится к чертовой матери. Будет постыдно, если то же самое случится и с вами.

— Вы мне угрожаете?

— Я даю вам совет, какой дал бы и ваш научный руководитель. Она симпатичная, да? — Следователь достает снимок Арианы Синанидис крупным планом из папки и по очереди показывает всем своим коллегам. Тот, у которого были их фотографии, внимательно рассматривает снимок. — Классическая красота. Греческий нос. Действительно красивая. Мы все были молоды и шли на поводу у своих членов, так что часто слепли от женской красоты, делали глупости и принимали глупые решения. Она — известная провокаторша и бунтарка. А вы человек ведомый, и я вас не виню, молодые люди, как я уже говорил, идут на поводу у членов, но еще и на поводу у сердец, а тут романтика, политика, протест, революция. Молодые люди должны быть идеалистами, они должны быть революционерами. Насладитесь этим, пока не станете таким старым прагматиком, как я. Но тебя ждет большое будущее, сынок. Ты не будешь плесневеть в кабинете, как мы. Так не упусти свой шанс из-за летнего помешательства.

Георгиос смотрел на свои руки, симметрично лежащие на бедрах. Он смотрел на снимки своего романтического бунта. Он смотрел на

фотографию родителей на пропускном пункте за мгновение до того, как грузовик обыщут и конфискуют половину нажитых ценностей. Он вдохнул запах больных легких в комнате для допросов и сказал:

— Мерьем Насы.

— Молодец, — похвалил следователь.

В ту же ночь силы службы безопасности были в Еникей. Соседей предупредили, и они потихоньку покинули свои дома. Спецназ тараном выбил входную дверь. Другие прошли вдоль стены и террасы, мимо бассейна, отпихивая ногами тележки для напитков и разбивая пластиковые стулья. Они нашли Мерьем Насы на кухне с открытой бутылкой вина в одной руке и телефоном в другой. Она пошла с ними вежливо и культурно, не кричала, не боролась, хотя успела крикнуть своему другу Элифу Матеру, приехавшему из Мадрида: «Вызови Оссиана, он мой адвокат».

Через три дня ее труп нашли в мусорном контейнере возле новой станции метро в Есилюрте, официальное опознание пришлось делать по зубным снимкам.

— Я сдал Мерьем Насы полиции, — говорит Георгиос. Мимо них проплывают огни корабля. — Они ее убили. Они держали меня в комнате весь

день. Забрали прямо из университета, привезли в Усюодар, и я все рассказал им. Я не мог остановиться. Если ты совершаешь такое, то в тот миг, когда понимаешь, что находишься у них на крючке, и они могут сделать с тобой все что угодно, ты отвечаешь на все вопросы. Они спросили о тебе. По-видимому, считали, что ты занимаешь важное место в протестном движении. Я назвал Мерьем Насы главным организатором протестов, якобы она руководила революционной ячейкой и всех знает. Ее арестовали. Я не думал, что ее убьют. Вот почему я хотел, чтобы ты уехала из Стамбула. Я сдал им ее. Ты это знаешь, все это знают и знали сорок семь лет. Георгиос Ферентину стукнул на Мерьем Насы тайной полиции, и те ее убили. Я сорок семь лет был иудой и научился жить с этим. Но никто не знает, я никому не сказал, что назвал имя Мерьем Насы, чтобы защитить тебя.

Ариана произносит:

— Я знаю.

Георгиос не слышит ее, а если и слышит, то не понимает, что она сказала, собираясь пуститься в долгие объяснения, а потом вдруг спотыкается об эти два слова.

— Что? — Иногда вы помните, что этот вид из вашего окна, этот пейзаж принадлежит другому

континенту. Иногда сезонные ветра напоминают вам, что полоска воды, бегущая через сердце вашего города, — это на самом деле безбрежное море. Иногда вы открываете для себя, что частокол облаков на горизонте — это горы.

— Я знаю. Я знала все эти годы. У меня не было доказательств, никто не говорил, поскольку все, кто участвовал в событиях 1980 года, понимали, до чего может довести длинный язык. В те первые дни в Афинах я сходила с ума, я винила тебя за смерть Мерьем. Я ненавидела тебя, ненавидела за то, что ты сделал. Я ненавидела и себя за то, что любила тебя, а ты предал любовь. Я думаю, что на самом деле я ненавидела то, что случилось с Турцией, Стамбулом, миром, который я знала, и саму мысль, что мне не суждено вернуться.

— А ты меня…

— Что?

— Любила?

— Георгиос, двадцать один год от роду обоим, мы были дикие, мы ослепли, слишком долго длилось жаркое лето, а мы ничего не понимали. Мы были детьми. Считали, что пара плакатов и памфлетов и стишки в кафе сметут генералов, как сухую солому. Это несерьезно. Полиция, армия и генералы — все это серьезные люди. У нас

не было шанса. И тогда я поняла, что ты должен был сделать, и много лет ощущала свою вину, что жива, потому что погибла Мерьем, а тебя принудили сделать этот выбор.

Сердце Георгиоса глухо стучит. Руки трясутся, кажется, весь мир вокруг замер, а свет качается, словно лампады в мечети, круги света, один за другим. Тот фундамент, на котором стояла его жизнь сорок семь лет, сдуло прочь. То, что было, и то, что могло бы быть, слились воедино. Жизнь, которую он вел, которую сам придумал, а потом примерил на себя, была аккуратно сложена, как неиспользованный свадебный костюм. Годы, годы…

— Достаточно было одного слова. Письма, электронного послания или даже звонка. Просто слова. Я считал, что ты не возвращаешься из-за меня.

— О нет, ты тут ни при чем, — говорит Ариана и берет руки Георгиоса в свои.

— Ты думаешь…

— Не думай. Не спрашивай. Это убьет тебя. Мы живем такие жизни, какие у нас есть, вот все, что нам известно. Мы живем так из-за того, что тебе пришлось сделать. Мы были молоды и думали, что непобедимы, а потому бросились под колеса

истории, и она сровняла нас с землей. Но не жалей. На несколько мгновений мы были самыми яркими звездами на небе.

Внезапно Ариана Синанидис начинает дрожать.

— Холодный ветер.

— Слава богу, — говорит Георгиос. — Это Чаркденюмю Фыртанасы.

— Ветер, вращающий крылья мельниц, — говорит Ариана, натягивая шаль на обнаженные плечи.

ПЯТНИЦА

9

Сегодня утром на площади Адема Деде настоящее блаженство. Воздух чистый и прохладный, пахнет свежестью, как только что испеченный хлеб или утренняя газета. Все звуки кристальны и слышны. Гул Стамбула распадается на слои, уровни и линии. Громыхание машин, разговоры по радио, шаги по лестнице, чьи-то крики, призывающие пошевеливаться. Внезапно с ревом оживает мотор, а потом успокаивается, работая вхолостую. Шипение газовых горелок в конкурирующих чайных, свист кипящих чайников. Айдын переворачивает хрустящие страницы газеты у себя за стойкой. Капли воды падают в фонтан в виде раковины. Старый дом дервиша поскрипывает, когда деревянные балки потягиваются на солнце. Птицы. Воробьи чирикают, низко летая над улицами и переулками. А надо всем этим над крышами заводит свою песню черный дрозд, обращаясь к Золотому Рогу.

Отец Иоаннис поднимает голову. Аисты все так же скользят над зубчатым прямоугольником неба над площадью Адема Деде, спускаясь к старинным гнездовьям среди надгробий Эюпа. Христос

во всем. Обет молчания — это обет слушания.

— Храни вас Господь, — приветствует он греков Эскикей, собравшихся за маленьким столиком. — Сегодня погода по сезону. — Он тяжело садится на низкий стул. Лефтерес не отвечает на приветствие. Он сидит, скрючившись и опустив голову, словно больной стервятник. Лицо желтое, глаза выпучены. Правой рукой Лефтерес прикрывает заламинированный лист формата А4, на краю которого украшения в виде цветочного орнамента и дырка от кнопки. — Что с нашим другом?

— Его заставили снять это, — отвечает Бюлент из кухни, наливая отцу Иоаннису чай.

— Кто? Что? — спрашивает священник.

— Те парни из тариката, — говорит Константин. Он кивает через площадь в сторону темного угла улицы Гюнешли.

— Молодой Хасгюлер? — Отец Иоаннис мешает чай. Кристаллы сахара несколько секунд кружатся, прежде чем раствориться. — Так называемый шейх Исмет?

— У так называемого шейха Исмета полно друзей, — замечает Бюлент. — Они опустили какого-то крутого парня, который попытался решать какие-то свои проблемы силовым методом.

— Это грубо, обидно и вопреки религии, — бур-

чит Лефтерес. — Типа, неуважение к женщинам! Только послушайте! Неуважение к женщинам! Ваххабиты! В будущем все вопросы будут решаться тарикатом Адема Деде. Тарикатом Адема Деде? Автомеханики, маляры и невежественные мелкие говнюки из геджеконду, которые после медресе нигде не учились? Уличные судьи? Уличный закон? Когда вы родились на этой улице, выросли на этой улице, проработали здесь пятьдесят лет, когда вы видели и помните все те перемены, что произошли с этой улицей и городом, когда вы знаете название каждой двери в каждом доме, когда вы каждое утро своей жизни садитесь и пьете чай на этой улице, то тогда, возможно, у вас есть право говорить мне об уличном законе. Вы же не местные, вы не понимаете, что тут к чему. Это не кадисы и не уличный шариат. Главное — всех знать, пользоваться уважением. Это все еще общество стыда. Стыд срабатывает, а не «уличный закон». Уличный закон? Я сам себе гребаный уличный закон, простите, святой отец.

Но все за низким столиком понимают, что власть Лефтереса сломлена. Ему бросили вызов и победили. Время памфлетов кануло в прошлое. Настала эра божественного закона.

— Теперь у них есть пушки, — мрачно сооб-

щает Бюлент. — Со вчерашнего утра много чего произошло, отец. Полиция закрыла галерею.

— Госпожи Эркоч?

— Ага, а ее саму арестовали. Вроде как она увязла в контрабанде. Вчера утром после вашего ухода полиция провела обыск, вывезли целые коробки всякой всячины и опечатали галерею. А потом внезапно печать сняли, все вернули, типа, она чиста.

— Как такое возможно? — спрашивает отец Иоаннис.

— Муженек-трейдер, — вклинивается Константин. — Работает на Озер. Но это еще не все.

Бюлент наклоняется через стол, чтобы привлечь внимание аудитории.

— Та девушка из второй квартиры, ну, вы знаете, та, которая иногда носит слишком короткие шорты, это у нее возник спор на Гюнешли. А потом явились Исмет и его товарищи из мечети, произошла стычка, и выяснилось, что они и сами вооружены.

— Господь, храни нас, — говорит отец Иоаннис, и все греки за столом крестятся.

— Ну а заодно они сняли памфлет.

— Я больше не буду пить чай в этой чайной, — заявляет Лефтерес. — Это место не безопасно для

греков.

— Расскажи ему о мальчике, — быстро говорит Константин, но вообще-то Лефтерес озвучил их общий страх.

— Пропал не только Неджет Хасгюлер, — сообщает Бюлент. — Но и мальчик из пятой квартиры.

— Глухой? — спрашивает отец Иоаннис.

— Он не глухой, — говорит Бюлент, а Лефтерес, Константин и сам отец Иоаннис хором добавляют «у него проблемы с сердцем». — Такое впечатление, что он днем пошел в школу, как обычно, вот только… — тут снова Бюлент наклоняется к старым грекам в целях конспирации, — …так и не вернулся. Мать пошла забрать его, ждала-ждала, очень долго ждала. Наконец зашла в школу. Оказалось, что мальчик вообще там не появлялся. Он исчез. Испарился. Цептеп выключен, местоположение никак не отследить. Шекуре-ханым обезумела от горя, особенно учитывая состояние мальчика. Вы же помните, любой внезапный громкий шум — и электрические сигналы в его сердце сойдут с ума. Хлопок двигателя или рабочие сбросят мусор в контейнер — и это убьет его. Разумеется, родители позвонили в полицию. Полиция приезжала сюда уже третий раз

за неделю.

— Это скажется на ценах на недвижимость, — ворчит Константин.

— Теперь полиция расследует его исчезновение, но без особой шумихи, ну, если, конечно, мальчишка не сбежал сам и не попал в аварию, спаси Господи.

— Храни его Господь и Богоматерь. — Отец Иоаннис целует крест.

— Если что-то произойдет с ребенком, эти исламисты будут винить нас, — говорит Лефтерес.

— А то окажется, что кое-кто может знать, где сын Дуруканов, — добавляет Бюлент. — Наш профессор Ферентину. Помните, о чем мы говорили? Роботы, газовые террористы, люди, которые видят джиннов и бомба в трамвае в понедельник. Георгиос считает, что все это связано, и посвятил мальчика в свои теории. Забил ему голову всякой чушью. А теперь парень решил сыграть в детектива.

— А сколько мальчику? — спрашивает отец Иоаннис.

— Девять.

— Слава богу, теперь этим занимается полиция, — говорит священник.

Бюлент морщится.

— Все не так просто. Это сенсация. Но Георгиос только сегодня узнал об исчезновении мальчика, а вы же знаете, как они были близки.

— Даже слишком, — ворчит Лефтерес.

— Так, я что-то не понял, — тянет отец Иоаннис. — Георгиос всегда интересуется, что тут происходит. Он всегда говорит, что наша площадь для него как карта Вселенной. Как он мог не заметить прибытия полиции?

— Его тут не было, так ведь? — говорит Бюлент.

Отец Иоаннис озадаченно хмурится.

— Ариана, — шепчет Константин, и кустистые седые брови священника ползут вверх.

— Он пошел к Шекуре-ханым, — сообщает Бюлент. — Они хотят найти мальчика. А отец разговаривает с копами.

— Что они намерены делать? — интересуется отец Иоаннис. — Такие дела лучше предоставлять полиции.

— Если бы у вас были дети, вы тоже поехали бы, наплевав на полицию, — фыркает Бюлент.

Отец Иоаннис дотрагивается до лба.

— Слава богу, что ребенок не пострадал.

— А я и не сказал, что он не пострадал, — возражает Бюлент. — Я сказал, что у Ферентину есть

идея, где он может быть.

— И где же?

— На азиатской стороне. Там же, где и люди, похитившие Недждета Хасгюлера. Он что-нибудь рассказывал о террористическом заговоре?

Лефтерес поднимает голову, что-то отвлекло его от бессильного старческого гнева.

— Что еще?

Через площадь идет человек. Молодой низкорослый мужчина с преждевременной лысиной, у него лицо в форме сердечка и маленькие усики, которые добавляют ему возраста и придают комичности, словно бы он уверен, что весь мир — его зрители. Никто его не знает, но по походке ясно, что он-то идет к намеченной цели. И нужны ему греки с площади Адема Деде.

— Кто-нибудь знает Недждета Хасгюлера?

Бюлент медленно поднимается со своего стула.

— А вы, простите, кто?

— Меня зовут Мустафа Багли. Мы с Недждетом вместе работаем в Центре по спасению бизнеса. Он не пришел на работу вчера и сегодня не пришел. Я боюсь, что с ним случилось что-то плохое.

Четыре человека за столом обмениваются взглядами.

— Случилось, — аккуратно говорит Бюлент. — В

среду вечером его взяли.

Глаза Мустафы расширяются.

— Полиция?

— А почему вы спрашиваете?

— Потому что я видел, как полиция увозит одну из них, — в его речи сквозит волнение.

— Из них? — переспрашивает Лефтерес.

— Ну, из тех, кто был в трамвае, когда взорвалась бомба. Та женщина из Эрейли… короче, Недждет видит джиннов, а она видит пери и фей. Мы хотели поговорить с ней, а тут начался полицейский рейд, и ее забрали. Я решил, что Недждет, возможно, в большой опасности.

— Так и есть, — кивает Лефтерес. Настроение его улучшилось, словно ветер сдул все темно-синие тучи с осеннего неба. Лефтерес снова обрел цель. — Недждета забрала не полиция. — Он кивает в ту сторону, где из гаража в Киноварном переулке выруливает на мостовую маленький серебряный трехколесный ситикар на газе. — Там человек, который вам нужен. Быстрее, задержите его. Повторите то, что нам сказали. Быстрее, пока они не уехали.

Мустафа машет рукой в знак благодарности посетителям чайной, пулей летит через площадь с громкими криками вдогонку медленно двига-

ющемуся ситикару, просевшему из-за большого веса Георгиоса Ферентину. Догоняет, стучит в окошко. Машина останавливается. Посетители чайханы на Адема Деде наблюдают за дискуссией через окно. Мустафа садится в машину. Ситикар проседает еще сильнее, возобновляя движение по Киноварному переулку.

— Правильно ли я понял: мамочка, профессор на пенсии и какой-то парень из Центра спасения бизнеса вышли на охоту на террористов? — говорит отец Иоаннис. — Надеюсь только, что полиция остановит их раньше, чем они серьезно пострадают. Что вообще это за Центр по спасению бизнеса?

— Да плевать, — резко отвечает Константин. — Меня интересует, как прошла его встреча с Арианой Синанидис.

Отец Иоаннис перебирает четки, одну за другой. Благословения мимолетны по природе своей, вечен лишь Господь. И Стамбул.

Они идут.

Недждет просыпается. Серый закат заполняет комнату. Он один, но со своего матраса видит ноги в соседней комнате. Он насчитывает четыре пары ботинок, расхаживающих туда-сюда, а еще вверх и вниз по лестнице. Голоса: Женщина, судя

по тону, отдает команды. Он не может разобрать слов, но остальные, видимо, соглашаются.

Пора. Приготовься.

Здоровяк входит в комнату и одним движением хватает Неджета за ворот футболки и поднимает на ноги. Но Неджет подчиняется голосу Хизира. Он уже проснулся и настороже. Он сконцентрировался.

Сожми кулаки. Большие пальцы наружу.

Здоровяк обматывает провод вокруг запястий Неджета, связав ему руки за спиной. Здоровяк хватает Неджета за левое предплечье, а Волосатый — за правое. Неджет упирается, падает на колени, брыкается, пока они тащат его по ступеням.

— Куда вы меня тащите? О нет! Не убивайте меня.

Мерзкий тип спускается следом за ними. Неджет чувствует, как холодное металлическое дуло прижимается к основанию черепа.

— Только прошепчи что-нибудь, и я снесу тебе башку к чертям.

Белый фургон припаркован задом прямо перед зданием, чтобы открытые двери загородили похищение от водителей, оказавшихся утром в Кайишдаги, но Неджета запихивают в фургон

так быстро и проворно, что он буквально за доли секунды оказывается внутри, двери закрываются, фургон трогается с места и выезжает за ворота, а никто из водителей грузовиков с поставками фруктов ничего не замечает.

В кабине Женщина и Волосатый. Неджда усаживают на пол между Здоровяком и Мерзким типом. Ему не удается сидеть ровно, поскольку руки связаны. Он может сосчитать левые повороты по количеству раз, когда он заваливался на коленки Здоровяка, а правые повороты — когда заваливался на Мерзкого типа. Спина его прижата к горе контейнеров из пенополистирола, аккуратных пластиковых ящиков и картонных коробок, которые он видел в комнате наверху.

— Куда вы меня везете?

— Навстречу славе, Неджд.

Они тебя не убьют. Им нужен потенциальный заложник.

В кузове темно, лампочка перегорела. Яркие, словно иголки лазерного света, лучи проникают сквозь щели в кузове и трещины в полу. Свет просачивается в фургон через зазоры между дверью и кузовом, но Неджду чудится, что над замком двери мелькает зеленый огонек.

А теперь расслабь руки.

Неджет откидывается на коробки, чтобы скрыть движение. Кулакам больно, кровь пульсирует в пальцах. Он разжимает кулаки и выпрямляет большие пальцы. Путы тоже ослабляются, образуется щелка. Неджет тянет руки. Это больно, шнур врезается в кожу, но Неджет чувствует, как пластик начинает скользить по суставам больших пальцев.

Это миссия. Это великий день. Они собираются сделать это. Но где же полиция? Почему парень не позвонил в полицию? А может, он и позвонил. Может, полицейские сидят в укрытии, ждут, пока террористы окажутся на открытой местности, прежде чем перейти в наступление. Может, хотят удостовериться, нет ли второй страхующей группы на случай, если первую схватят. Как бы то ни было, Неджет в эпицентре священной войны. Хизир, ты меня не подводил, помощь приходила неведомо откуда, помоги мне и сейчас.

Фургон, качнувшись, с рывком останавливается. Когда двери открываются настежь, свет больно слепит глаза. Неджет проверяет путы. Они поддадутся. Порежут руки на клочки, но поддадутся, и он будет свободен. Но сейчас это было бы прыжком в слепящий белый свет. Он не преодолеет и трех метров. Хизир скажет, ко-

гда. Божественная интуиция определит самое подходящее время. Здоровяк почти нежен, когда помогает Неджду вылезти из фургона.

Они припарковались перед промышленным зданием размером с баскетбольную площадку — прямоугольник, состоящий из жирных желтых труб, ярко-голубых клапанов и больших металлических ободов вокруг массивных белых агрегатов, и все это под гофрированной алюминиевой крышей. На одном конце установки расположены три вертикальных цилиндра, каждый в три раза выше человеческого роста. Они выглядят как огромные водяные колонки, какие используют в деревнях. Территория обнесена колючей проволокой, чтобы отпугнуть мальчишек, и зачем-то скрыта за небольшим захудалым торговым центром, выходящим на новый жилой комплекс. На проводах, насосах и воротах щедро нанесены логотипы «Трубопровод Озера».

Ворота поддаются так быстро, что возникает ощущение, будто нарушители просто прошли сквозь них. Код быстро дешифрован с помощью специального устройства, а потом стоит лишь пшикнуть особым составом нано, который дезактивирует замки. Волосатый разворачивает фургон, пока Здоровяк подгоняет Неджда, что-

бы не привлекать внимания жителей жилого комплекса. Мерзкий тип закрывает ворота. Атака Божественных инженеров на газокомпрессорную станцию Кайишдаги начинается.

Холод может причинять боль, осознает Джан. От холода кажется, что пальцы вот-вот треснут. От холода ноги превратились в стальные копыта. Холод сковывает все кости и мышцы. Холод в каждой клетке его тела. Джан дрожит и не может остановиться. Он не может двигаться. Но нужно. Прозвучал сигнал тревоги. Крысенок пришел в движение.

Холод пришел в ночи. Он скользнул с востока по Кайишдаги, нырнул в трубу к Джану и разбудил мальчика. Холод не дал ему снова уснуть. Четыре часа Джан сидел в трубе, закутавшись в куртку, греясь об битботов. Он всегда думал, как бы здорово было не спать всю ночь, как в тот день, когда у него отобрали слух, Турция вступила в ЕЭС, а он сидел поздно-поздно ночью и смотрел на беззвучные фейерверки и на то, как разрисованный человек упал с крыши чайханы на площади Адема Деде. Но не спать всю ночь тяжело, скучно, бесконечно долго и холодно до чертиков. В приключенческих романах никому никогда не холодно. Никто не говорит, что холод

куда опаснее, чем шакалы, бездомные собаки или последний волк Стамбула. Маленький детектив, возможно, околеет, и его труп обнаружат, только когда строительный кран поднимет бетонную трубу.

Бетон такой холодный, что аж жжется. Но сигнал тревоги прозвучал, прозвучал-таки. Джан двигает конечностями, через боль разжимает пальцы, ползет по безжизненному камню ногами вперед. Так себя чувствуешь, когда ты старый, господин Ферентину? Это ужасно. Джан выползает из трубы на свет. Солнце еще не встало, воздух серый и безжалостно холодный. Джан дует на пальцы. Работать, работать, работать. Он открывает компьютер. Ах, как медленно грузится приложение. Джан вскрикивает от досады, когда пальцы, негнущиеся и неуклюжие, путешествуя по клавишам, допускают ошибку. Он чуть не плачет к тому моменту, как удается открыть командное приложение. Накладывает карту. Неджет близко. Фургон едет по шоссе. Вот стройплощадка, а вот дорога. Джан, прихрамывая, выходит из джунглей труб, чтобы посмотреть, как белый фургон проносится мимо по пустой трассе. Ага, на северо-восток. Это компрессорная станция Кайишдаги, как он и думал. Джан

перенастраивает битботов. Батарея разряжена. Надо найти где подзарядить, ну или, на худой конец, где купить пару контейнеров с газом для каталитического зарядника.

Уже потеплее. На трассе, по крайней мере, можно чуть-чуть погреться на солнышке. Там у него будет направление и цель. Тепло медленно проникает в ледяную сердцевину его тела, но солнце набирает силу с каждой минутой. Джан старается не думать о боли и голоде, представляя, как было бы здорово, если бы люди, как цветы, питались солнечным светом. Тогда бы вы никогда не замерзали днем. И не голодали. Растения никогда не голодают. Но ночи были бы ужасными, люди боялись бы ночи сильнее, чем сейчас, наполняя ее куда более страшными вещами, чем стамбульские волки-призраки. Ледяные демоны и ледяные ужасы — уже довольно страшно.

Это очень длинная дорога, на пути ни одного магазина, а машины идут непрерывным потоком. Интересно, что водители думают о мальчике с рюкзаком и птицей на плече, который бредет в лучах восходящего солнца по пыльной обочине? Они вообще что-нибудь замечают? Осман вряд ли замечает хоть что-то по дороге на работу. На углу, где проспект Кайишдаги пересекается с

Бостанджи Дудуллу, стоит ларек, торгующий чаем и газетами. Джан не любит чай, но покупает стакан. Стакан в форме тюльпана кажется каплей расплавленного золота в пальцах. Джан с трудом терпит боль, но пьет и ощущает лучистое тепло, расходящееся по телу. Второй стакан — и холод изгнан отовсюду, кроме кончиков пальцев рук, ног и кончика носа, а солнце уже встало, жаркое и яркое. На последние купюры из своего неприкосновенного запаса на черный день Джан покупает три контейнера с газом для переносного зарядника. Джан присаживается на корточки позади ларька прямо на обочине и смотрит на экран, пока Птица подзаряжается. Фургон остановился. Прямо рядом с компрессорной станцией. Джан пытается от радости щелкнуть пальцами, но морщится от боли и дискомфорта. Однако маленький детектив снова с нами.

Длинный перегон по проспекту Кайишдаги, но к концу пути Джан уже все спланировал. Очень хороший план. Он такой умница. Компрессорная станция вклинилась прямо в середину жилой застройки. Карта показывает, что рядом нет никакой подходящей чайханы, где он мог бы сесть и весь день наблюдать за газогенераторной установкой. Но в конце улицы есть торговая галерея, а

через дорогу — АЗС с круглосуточным магазином и небольшой часовней для путешественников. Мальчики постоянно торчат около заправок и круглосуточных магазинов, он может сесть возле входа в месджид,[127] никто и не заметит, что он там. Затем он отправит Птицу на разведку. Вернее, так: если они не привезли с собой роботов «Самсунг», то Птицу, а если привезли, то Крысу или Змею. В любом случае он сделает снимки, много-много. Когда он вчера звонил в полицию, они не поверили своим ушам. Может быть, поверят своим глазам. Ох, это блестящий план, он даже начал согреваться.

Шекуре Дурукан падает на колени перед бетонной трубой и подбирает огрызок яблока, пустую бутылку из-под воды и упаковку от гезлеме.[128] Она поднимает их двумя руками, будто молится, а потом начинает рыдать, горько и безутешно, — это плач женщины на похоронах матери. Строители, забеспокоившись, отвлекаются от утреннего чая.

— Вот отсюда он звонил, — говорит сержант

[127] Примечания: 127
Мечеть.

[128] Примечания: 128
Традиционное блюдо турецкой кухни в виде лепешки с завернутой в нее начинкой.

полиции.

— И вы не среагировали? — спрашивает Георгиос Ферентину.

— Если мы будем реагировать на каждый звонок от девятилетнего ребенка, то больше ни на что времени не останется.

— Но вам не показалось странным, что девятилетний ребенок после наступления темноты звонит со стройплощадки?

— А мы не проверяли его местоположение, пока не поступил звонок от коллег в Бейоглу о том, что пропал ребенок, вероятно, в Кайишдаги.

Как только машина свернула с Киноварного переулка, Шекуре Дурукан переключила режим на автопилот и позвонила в полицию Бейоглу. Теория о потерявшемся мальчике. Кайишдаги. Изображает из себя детектива. Ищет какого-то парня, которого якобы похитили из района Эскикей. Кайишдаги, в Кадикей. Считает, что это террористический заговор. Да, мы едем туда.

Затем она напустилась на Георгиоса Ферентину:

— Вы втянули его в это.

— Я ему ясно дал понять, что ему одному там делать нечего. Категорически запретил. Я сказал ему, чтобы он не вмешивался, поскольку это

опасно, и этим должна заниматься полиция.

— Категорически запретили, значит? Вы знаете хоть что-нибудь о девятилетних мальчиках? Запретил он, видите ли. Вы в каком городе живете? А все эти исчезновения, загадки, заговоры, вы мне рассказали? Вам в голову не пришло рассказать мне! А это мой сын, на минуточку. Вы не думали, что его матери стоит знать обо всех этих теориях и заговорах, которые вы обсуждаете с ним у себя дома? И кто вообще сказал, что он может к вам ходить? Он был у вас дома! Девятилетний ребенок! Как часто он приходил? Он вынимал свои беруши? Вынимал или нет? Вы знали, что его это может убить, или вам плевать? Он прокрадывался к вам за моей спиной. Он постоянно нам лгал, нагло лгал после всего, что мы для него сделали. Вы сказали ему, что это опасно?! С таким же успехом можно было плеснуть в костер бензина. Как давно он к вам ходит?

— Примерно полтора года, с тех пор как у него появились…

— Эти игрушки. Я жалею, что мой взгляд вообще упал на эти чертовы игрушки. Когда он вернется, то больше их не увидит, это я вам обещаю.

— Госпожа Дурукан, у вас очень умный, творческий и энергичный парень, который в силу

обстоятельств ведет неестественный…

— Неестественный? Разумеется, неестественный! Вы думаете, мы хотим для него такой жизни? Неужели вы думаете, что мы жаждем держать его взаперти, опасаясь, что случайный шум остановит его сердце? Это все ради него, поймите. Мы могли бы вести совсем другую жизнь, куда лучше. Но я не жалуюсь, даже не думайте. Я люблю его, господин Ферентину. Я люблю его.

— Слушайте, — перебивает их Мустафа с заднего сиденья. — Не знаю, обратили ли вы внимание, но я вижу ваш цептеп, и полиция Бейоглу звонит вам уже минуты три.

Тот звонок привел их на стройплощадку рядом с проспектом Бостанджи Дудуллу к огрызку яблока, пустой бутылке и упаковке от блинов.

Почему я не защищался, спрашивал себя Георгиос Ферентину. *Потому что вы правы, госпожа Дурукан. Я поступил неправильно. Все ваши обвинения в точку. Я мог бы все вам рассказать сразу после того, как поймал битбота стаканом, и мальчик постучал в мою дверь. Но я этого не сделал, потому что не хотел делиться с вами. Хотел, чтобы это было только мое. Я хотел сына. Хотел собственную маленькую семью. Вы бы мне не позволили и теперь уже никогда не позволите.*

Шекуре Дурукан без зазрения совести рыдает над мусором, и Георгиос понимает, что сам не стал бы так делать и не сможет.

Мустафа опрашивает рабочих. Георгиосу он кажется странным малым, вроде по-житейски умным, но с набором всяких глупостей в голове, смотрящим на чудеса мира широко открытыми глазами. Мустафа очень беспокоится о Недждете, и Георгиос находит это трогательным.

— Пара людей сказала, что припоминают ребенка… эээ… с птицей на плече?

Шекуре Дурукан берет себя в руки и вытирает лицо влажной салфеткой.

— Это одна из форм, которую могут принимать его игрушечные роботы. Он так и зовет ее Птицей.

— Оригинально. Так вот, кажется, что парень с птицей шел по дороге в северо-восточном направлении.

— Кайишдаги, — говорит Георгиос.

Сержант говорит по полицейской рации и реагирует на это слово:

— Кайишдаги?

— Компрессорная станция.

— Оттуда поступил еще один звонок от вашего сына. Он в торговом комплексе неподалеку от

компрессорной станции. Наша машина ближе всех. Поехали.

Шекуре Дурукан едет за патрульной машиной, словно на стамбульском этапе Формулы-1. Она останавливается возле пяти захудалых магазинчиков, которые с гордостью именуют себя «Торговой галереей», бежит по улице, размахивая руками и неистово жестикулируя.

Георгиос и Мустафа пересекают дорогу и идут к АЗС.

— Джан?! Ты здесь? Джан!

— Мальчик ничего не слышит, господин Багли. Фактически он глухой.

Но Джан не глухой и никогда не был. Он когда-нибудь вытаскивал свои беруши? Вот что спросила госпожа Дурукан в потоке обвинений. У мальчика величайшее приключение. Разумеется, он их вынет.

— Джан! — кричит Георгиос. Его голос не приспособлен для крика, он дрожит. — Джан!

Мустафа останавливается, трясет головой, словно у него внезапный приступ зуда. И тут Георгиос тоже слышит это всепроникающее жужжание, словно миллионы насекомых шуршат крыльями.

— Ого! — восклицает Мустафа. Георгиос следует

за его взглядом наверх. Воздух над компрессорной станцией закручивается и вибрирует, словно марево, а потом в мгновение ока сгущается, превращаясь в пыльную бурю из ройботов.

16 апреля 2027 года, в восемь часов тридцать минут черные фургоны комитета по финансовому надзору приезжают на площадь Левент, когда Пророк кебабов открывает свой ларек. Женщины и мужчины в костюмах и желтых светоотражающих жилетах с эмблемой министерства финансов Турции между лопаток выскакивают из фургонов и вежливо, но решительно расталкивают «утренних пташек», спешащих на работу. Они направляются к штаб-квартире газово-товарной биржи Озер, проходят мимо охраны, махнув удостоверениями, и идут к лифтам, читая карты здания на своих цептепах. Они заходят в каждый отдел, в каждое подразделение, идут по огромным открытым офисам, высоко подняв удостоверения. По большей части здесь только уборщицы, те немногие сотрудники, что пораньше пришли на рабочее место, встают и тянут шеи, чтобы увидеть эту линию из черных костюмов и желтых жилетов. Кто-то вытаскивает телефоны, но звонки прерываются на полуслове, поскольку цептепы перестают ловить. Сеть обрублена.

Одновременно с атакой черных фургонов программы комитета по финансовому надзору взламывают серверы Озера. Все исходящие сообщения отрезаны — электронная почта, обмен мгновенными сообщениями, видеоконференции, интернет-банк, онлайн-системы банковского учета, автоматические ссылки с торгов. Экран за экраном блестящие листья Денежного дерева гаснут. Благодаря поддержке квантовых суперкомпьютеров в Анкаре программы без усилий взламывают пароли коммуникационной сети Озера и пытаются обрубить все внутренние и внешние звонки. Здесь они впервые наталкиваются на какое-то сопротивление: местные программы-помощники задействуют антивирусные программы, которые пытаются перепрограммировать операционные коды нападающих. Миллиарды копий повреждены и удалены. Война программ длится тридцать секунд, после чего министерству финансов удается прорвать оборону. Но этого хватает, чтобы программы Озера разослали предупреждение всем руководителям.

Восемь пятьдесят. Башня Озера оцеплена, изолирована от финансового мира, это одинокий шип из стекла и стали, вырванный зуб. Агенты комитета по финансовому надзору идут по зда-

нию, опечатывая кабинеты с документацией, отключают серверы. Озер закрыт. Те немногие менеджеры Озера, что находятся в здании, помнят официальную стратегию — уничтожить все. За стеклянными перегородками рабочих ячеек и кабинетов старший персонал выходит из ступора и запускает специальные электромагнитные устройства, чтобы прикончить винчестеры и цептепы, давит флешкарты каблуками, вытряхивает пузырьки с нано в вентиляционные отверстия компьютеров. На всех сорока этажах жужжат шредеры, словно одновременно вырубают все тропические леса. Уничтожить все. В деловых кругах ходит легенда, что бумаги, пропущенные через шредер, отправляют в Африку, где дети сортируют ее и восстанавливают документы. Во всех окнах башни Озера форточки открываются на максимум, и оттуда летит конфетти из документов, пропущенных через шредер, кружась на ветру. Эти клочки бумаги белым снегом падают на головы работников, которые выстроились на площади за линией оцепления, блокирующей подходы к зданию. Какой-то мужчина в пиджаке пытается прорваться через кордон, но полицейские поднимают его и с силой швыряют на мраморные ступеньки.

Девять ноль-ноль. Четверо мужчин в костюмах и с портфелями идут по Истикляль и заходят в отделение банка Анадолу. Работники банка еще подготавливают рабочие места, когда посетители направляются к стойке. Администратор зовет менеджера филиала, и та по одному проводит мужчин через бронированные двери в кабинет в глубине банка. Потом она сканирует их радужные оболочки и просит дважды расписаться — на контракте и на отказе от ответственности, а в обмен выдает каждому пластиковый кошелек, в котором лежат пятьдесят облигаций на предъявителя, каждая по сто тысяч евро. Еще одна подпись на квитанции. Затем она торжественно пожимает им руки. Мужчины пришли вместе, но уходят по отдельности, и каждый идет своей дорогой по Стамбулу.

Девять двадцать. Руководители Озера приезжают одновременно с прессой. Первыми на месте оказываются летающие камеры, которые устремляются вниз, на площадь Левент, кружа вокруг башни в надежде заснять, как агенты комитета по финансовому надзору оттаскивают менеджеров от шредера или компьютера. Камеры ныряют вниз, чтобы запечатлеть логотип Озера — гигантскую титановую букву «О», точки над которой

держатся благодаря магнитному полю, парят, чтобы быстро снять лица, а потом сопоставить их с базой данных руководителей Озера. К тому времени, как приезжают телевизионщики, агенты комитета по финансовому надзору уже начинают вывозить на тележках серверы и коробки с документацией. Все заголовки для дневных новостей придуманы. Обрушение башни Озера. Самая крупная афера в истории экономики Турции. Банкротство века. Игра окончена. Полицейские продолжают выводить из здания непрерывный поток менеджеров младшего звена и незадачливых «ранних пташек». Коллеги, столпившиеся у входа в здание, шумно приветствуют их. Уборщиков встречают аплодисментами. Они потрясают в воздухе кулаками. Очередь к «Пророку кебабов» растягивается через всю площадь и даже на соседнюю улицу. Тот подсчитывает потенциальных покупателей и звонит племяннику и племяннице, чтобы они сгоняли на склад. Журналисты начали брать интервью у сотрудников. Озер банкрот? Нет, они ничего не знают. Никаких признаков не было. Озер, как такое могло случиться? Озер был крупной компанией. Что они собираются теперь делать? Когда полиция пустит их в здание? У них в ящиках рабочих столов оста-

лись семейные фотографии. А где же Сюлейман Памир, Этьян Эрджан и Мехмет Мерал?

В квартире в Бебеке, в ялы в районе Канлыджа и в «мерседесе», припаркованном возле автосервиса на шоссе E80, Сюлейман Памир, Этьян Эрджан и Мехмет Мерал независимо друг от друга достают из пластиковой коробочки по пузырьку. Открывают крышку. Каждый медлит несколько секунд, прежде чем засунуть носик в ноздрю, но лишь пару секунд. Нет, они не умрут. Создатели серых нано пообещали это. Но это будет своего рода небытие. Каждый вдыхает нано, а потом откидывается на стуле, диване или сиденье машины с прерывистым выдохом, а картинки, звуки, запахи, воспоминания о жизнях, которые они никогда не жили, об опыте, которого никогда не знали, фонтаном разливаются по их мозгу, и Сюлейман Памир, Этьян Эрджан и Мехмет Мерал забывают, кто они такие.

Девять сорок пять. Комитет по финансовому надзору заканчивает работу в здании газово-товарной биржи Озер. Все сети, внешние и внутренние, вырублены, коды и пароли в руках у следователей, прекращены онлайн-операции: работа с банками, торговля, электронная коммерция, поставка и логистика. Программы Озера

остановлены и дезактивированы одна за другой, пока аудиторские программы комитета по финансовому надзору идут по следу денег, двигаясь от башни Левент к дочерним фирмам, клиентам и поставщикам услуг. Автоматические системы генерируют обвинения против аудиторов Озера, банка «SarayTRC» и корпорации «Газопровод Набукко». По всей Анатолии компрессорные станции замолкают, когда останавливаются насосы. Денежное дерево висит черное и мертвое посреди торгового зала. Руководители среднего звена собирают свои отделы группа за группой по всей площади и выкрикивают инструкции: идти домой, прийти завтра, чтобы получить дальнейшую информацию, освободить столы и собрать личные вещи. Биржа Озер прекратила торговлю. Последние бумажные снежинки, кружась, летят на площадь. Пророк кебабов никогда не видел такого наплыва покупателей.

Девять пятьдесят. Аднан Сариоглу идет по проспекту Истикляль, где полно народу, огибая электрокары, стайки женщин и белые фургончики, доставляющие рыбу на рынок на улице Балык. Походка решительная и легкая. Ощущение такое, будто следующий шаг может унести его за пределы мира. Голова кружится от собственной

смелости. Он это сделал. У него четыре миллиона в облигациях на предъявителя в портфеле, а еще подписанный главным обвинителем документ о неприкосновенности в левом внутреннем кармане пиджака, а в правом лежит аналогичный документ для Хайдара Акгюна. Он разрушил Озер, и это банкротство века. Ноги могут унести его куда угодно. Впервые на его памяти ему никуда не надо и нечего делать. Мимо, к конечной станции на Тюнель, едет туристический трамвай — медлительное, громыхающее, крайне непрактичное сооружение. Он видит над высокими фасадами XIX века верхушку башни Галата и первый отблеск Золотого Рога — самого глубокого и самого синего из всего, что Аднан видел в жизни. Лодки шныряют туда-сюда, вода кажется свежей-пресвежей, как тогда, когда Аднан, мальчишка с пляжа в Каше, боящийся воды, вышел из автобуса. Сердце Аднана гулко бьется и на Юксек Калдырым пускается вприпрыжку. Он чувствует словно стал ростом в миллион километров, может сделать один шаг и преодолеть все семь небес. Вот он, мост Галата, на котором выстроились рыбаки, по центру курсирует трамвай, а на той стороне виднеются купола и минареты Султанахмет. Теперь Аднан уже бежит, уворачиваясь от ма-

шин, которые резко тормозят и бибикают, сбивая волну движения на переполненных улицах, а Аднан перебегает дорогу прямо перед трамваем, поднимается на мост и бежит мимо рыбаков и их пластиковых бутылок с наживкой, коробочек с крючками и блеснами и ведерок с крошечными рыбами из Золотого Рога.

Встретимся на мосту, сказал он. Прямо над открытой водой. И вот Айше, посреди широкой мостовой, подальше от удочек и поплавков рыбаков, слегка нахмуренная, но элегантная, сильная, потрясающая. Ее волосы похожи на пирамиду из черных кудрей. Айше смотрит не в ту сторону, но потом видит его, Аднана, размахивающего руками, как безумный пингвин в костюме, но теперь он не птица, которой не дано летать, а приземлившийся на землю самолет, огромный белый аэробус, который летит над водой перед посадкой в Стамбуле. Аднан раскидывает руки в стороны и бежит, как сумасшедший, прохожие отскакивают и кричат, глядя на безумца в костюме. Айше улыбается, запрокидывает голову и трясет копной черных кудрей, и вот они встречаются, прямо над водой, посреди моста Галата.

Недждет впервые видит птицу, когда Божественные инженеры разгружают фургон. Птица

соскальзывает с балкона жилого комплекса, который возвышается за окружающим компрессорную станцию забором. Полет привлекает к себе внимание. Слишком уж движения птицы уродливые, механические и плохо выверенные, напоминают скверно нарисованного птеродактиля, которого Неджет как-то раз видел в кино. Пропорции у птицы тоже неправильные, крылья слишком длинные, а таких хвостов и вовсе не бывает. Голова. Голова… пролетая мимо, птица посмотрела на него своими шестью глазами, а потом перелетела через крышу компрессорной станции.

Инженеры, выкладывавшие оборудование из фургона ровными рядами, не видели птицу. Теперь, когда все заняло свое место, Неджет обращает внимание, что каждого предмета по четыре штуки: четыре картонных коробки, четыре пластиковых ящика, четыре стирольных ударопрочных контейнера.

В картонных коробках какие-то штуковины, которые Неджет не может идентифицировать, гибриды очищающего спрея для бытовых поверхностей и боксерской перчатки. По одному на каждого, надевается на руку. Какое-то оружие. К нему идут еще патроны в магазинах, по

шесть патронов в магазине, по магазину на каждого. Здоровяк и Волосатый на пробу заряжают оружие. Пытаются прицелиться. Судя по всему, довольны, похлопывают этими штуковинами по ладоням. Классно. Классно.

Птица снова устремляется вниз, летит от магазина к новому дому и снова смотрит на него. Недждет понимает, что это. Помоги, произносит он одними губами.

Из пластиковых ящиков члены группы достают то, что Недждет назвал бы бусами, и застегивают их на шее с большой осторожностью и почтением. В глазах Женщины, когда Волосатый защелкивает застежку на ее бусах, стоят слезы. А бусы-то тугие. Удушающие. В центре — драгоценный камень. Недждет вспоминает, когда видел такой же драгоценный камень. Он поблескивал на шее у женщины в трамвае. Она потянулась, дотронулась до него и взорвала себе голову. Та смертница была сестрой Женщины. Из слов Женщины Недждет сделал вывод, что у нее, должно быть, было какое-то неизлечимое заболевание. Но у этих людей нет никаких смертельных заболеваний, так что бусы не являлись орудием самоубийства. Смерть была случайностью. Это лишь средство распространения нановеществ.

Божественные инженеры при этом на тот свет не отправятся. Неджет снова пытается высвободить руки. Увлажненные потом от страха, суставы больших пальцев проскальзывают еще чуть дальше. Здоровяк бросает взгляд на Неджда. Тот вяло стоит, прислонившись к бетонному столбу.

В третий раз странная птица облетает территорию. Летит низко, очень низко, опасно низко. Подними ее повыше, парень. Она скользит над колючей проволокой, а через пару секунд Неджет слышит щелчок на крыше.

Теперь стироловые контейнеры-ячейки. Этим озаботился Волосатый. Он разрезает стяжку, разворачивает пузырчатую пленку. Внутри оказывается цилиндр из матового алюминия длиной примерно с предплечье Неджда. Это нанобоеголовки. Четыре штуки. Четыре боеголовки. Четыре насоса.

Неджет слышит шорох на крыше, словно ползет что-то чешуйчатое. Он не беспокоится, что звук услышат Здоровяк или Мерзкий тип. Нужно обладать божественным слухом. Так Хизир проявляется в мире звуков. Это робот-змея.

А у дверей маленькой мечети, где в теплую погоду сидят старики, Джан прыгает от радости,

когда Птица передает картинку. Получилось! Получилось! Определенно, это насосная станция, как и предполагал господин Ферентину. Вот белый фургон за колючей проволокой. Трудновато будет вытащить Крысенка оттуда. Может, потом, уже после… После чего? Джан не думал ни о каких «после».

Следующая фотография. Женщина в зеленом платке и здоровый мужик с оружием. Смотрите, оружие! Этого хватит, чтобы полиция обратила на него внимание. На следующем снимке коробки и ящики, разложенные на земле, и люди, сидящие рядом с ними на корточках. Еще оружие. А вот Неджет рядом со столбом, руки связаны за спиной. Еще один снимок, с более близкого расстояния, Неджет смотрит прямо на Птицу. Он знает.

Нет времени на разговоры. Джан открывает цептеп и отправляет фото прямо на сохраненный номер полицейского участка в Кайишдаги. Теперь-то вы поверите девятилетнему мальчику.

Так, теперь нужно помочь Неджету. Джан скрещивает пальцы, а потом щелкает ими. Птица приземляется на крышу, царапая когтями металл, Джан выбрасывает руку вперед, и Птица превращается в Змею. У него достаточно изображений,

чтобы построить карту и определить местоположение Недждета под козырьком крыши. Джан отправляет Змею ползти тихонько, чешуйка за чешуйкой, по ближайшему к Недждету столбу.

Посмотри на меня, посмотри на меня, посмотри на меня.

Зрительный контакт длится один миг, но Недждет дергает головой и еле заметно раздувает ноздри, словно говоря: я тебя видел. Джан направляет Змею по задней части столба, невидимой для террористов. А вот теперь сложная задача — читать по губам Недждета в профиль. Что он говорит. Какой-то «вяк-вяк».

— А! Здоровяк, — хихикает Джан. — Здоровяк!

Работник АЗС, который натягивает после молитвы резиновые сапоги на железных ступенях месджида, пялится на сумасшедшего мальчишку. Здоровяк. Это может быть только тот, в футболке. Он реально здоровый. Джану он кажется добрым, только немного растерянным.

Поднимись над Здоровяком.

Это тяжело. Ему приходится двигаться медленно и аккуратно, чтобы остаться незамеченным и при этом держать Недждета в фокусе камеры, да еще и вверх тормашками, а при этом сцепление у Змеи самое слабое. Джан так сосредоточен, что

язык прилип к нёбу. Он даже забыл, что недавно промерз до костей. Забыл обо всем, что вокруг него, даже о том, где находится, к тому времени, как буквально по миллиметру переместил Змею в точку над головой Здоровяка. Змея же должна упасть? Типа, она злая и кусачая. Он всегда хотел, чтобы та девица из второй квартиры завизжала. Атака ужасной змеи! Джан встречается взглядом с глазами Недждета и сосредотачивается на его губах. Недждет отводит глаза в сторону.

Подожди.

Не смотри на змею. Но как долго мальчишка сможет удерживать ее висящей под крышей? Не ерзай, нельзя, чтобы они заметили, что ты уже почти высвободил одну руку. Хотя пальцы словно зажаты в тиски и в любой момент взорвутся фонтаном крови.

Волосатый открывает компьютер и присоединяется к панели управления насосной станцией. Нажимает на клавиши. Проверяет данные на закрепленном в глазу считывающем устройстве. Он кажется довольным. Еще одна последовательность ударов по клавишам. Четыре овальные панели с предупредительными черно-желтыми знаками на корпусе насоса открываются. Волосатый улыбается. Женщина помогает ему загрузить

контейнеры, по одному на каждый насос. Они четко подходят под отверстия. Интересно, думает Неджет, а что обычно Озер туда помещает? Эта мысль помогает отвлечься от боли, пока он елозит большими пальцами туда-сюда под пластиковым шнуром. Дверцы на корпусе насоса снова закрываются.

Неджет удивленно поднимает голову. Шум был такой тихий и всепроникающий, что превратился в неслышимый фон, как гул транспортного потока, но теперь, когда он прекратился, его отсутствие оглушает. Насосы перестали жужжать!

— Насосы остановили! — орет Волосатый.

— Что? — переспрашивает Мерзкий тип.

— Насосы остановили! Послушай, ничего не работает!

— Ну так запусти их снова! — требует Женщина.

— Возможно, это запланированная диагностика, в таком случае я принудительно включу их. — Волосатый снова нажимает по клавишам. — Нет, это центральная команда из пункта контроля трубопровода. Посмотрим, смогу ли я обойти… Нет… Она распространяется глобально на всю сеть. Вся система Озера выключена.

Тут даже Здоровяк вскакивает на ноги. Неджет

бросает взгляд наверх. Хороший мальчик. Змея ползет за ним по внутренней стороне крыши, прячась за трубами.

— Это вообще возможно?

— Как видите. Ощущение словно Озер испарился.

— Мать твою, дай мне гаечный ключ, должен быть способ запустить вручную! — Мерзкий тип протискивается между Волосатым и Женщиной.

И тут Недждет слышит новый шум, еле слышный шум, который становится все громче и громче, и уже не с помощью Хизира, поскольку Женщина, Волосатый, Мерзкий тип и Здоровяк разом поднимают головы. Это шуршание миллиардов крылышек насекомых.

— Ройботы! — вопит Мерзкий тип и сует руку в оружие, похожее на боксерскую перчатку.

— Давай! — командует Недждет.

Змея из укрытия падает на голову Здоровяку. Тот орет, отшатывается, спотыкается, падает на спину, бьет по земле руками и пронзительно кричит от древнейшего из страхов — змея, свалившаяся с неба. Недждет высвобождает руки. В два прыжка он подскакивает к растянувшемуся Здоровяку, выхватывает окровавленными руками винтовку и с силой бьет Здоровяка в живот

прикладом. Здоровяк изрыгает фонтан рвоты.

— Прости меня, брат.

Неджет бьет его по голове и убегает. Ураган ройботов летит навстречу по улице. Он видит, как Божественные инженеры размахивают своими перчатками, сжимая кулаки. Ройботы падают с неба, словно черный снег. Размах, прицел, огонь. Эскадрилья за эскадрильей, воздух очищается от летающих роботов. Их останки дождем проливаются ему на плечи и на голову. Неджет бежит в сторону открытого пространства. Две белых крысы-робота, одна большая, а вторая малюсенькая, мчатся позади. А потом раздается рев моторов, и прибывают вертолеты.

Чей-то голос зовет Джана по имени. Но его нельзя называть по имени. Это неприемлемо. Игра окончена. Давай, иди домой. Раздается второй голос. Он узнает господина Ферентину. Не сейчас, господин Ферентину. Джану нужно выполнить миссию, закончить это дело. Теперь он видит, как его мать бежит мимо магазинов, оглядываясь вокруг так, словно он мог спрятаться в водосточном желобе, как крыса, или сидеть на крыше, как птица, при этом она сигналит на языке жестов его имя. Ну, он всегда умел игнорировать язык жестов. Теперь он видит, как на той же стороне

улицы появляется господин Ферентину, а с ним еще какой-то незнакомый парень. Они направляются в сторону заправки. Вон и «газовый пузырь», а чуть дальше полицейская машина. Не сейчас, не сейчас, не сейчас. Джан соскальзывает со скамейки и прячется в маленький предбанник крошечной мечети, выкрашенный красной краской. Притворяется, что не слышит своего имени. Затем металлическая мечеть начинает вибрировать новым звуком. Дрожит сам воздух. Джан выглядывает из укрытия. Небо над Кайишдаги сгущается, превращаясь в ройботов, черных, как дым. Джан охает. Он проморгал бы момент, когда Змее пора действовать, если бы не услышал крик Недждета «Давай!».

Он реагирует автоматически, не успев даже толком подумать, резко проведя кулаком по экрану. Он видит лицо Здоровяка, побелевшее от страха, а потом изображения Здоровяка, Недждета и компрессорной станции мелькают, накладываясь друг на друга.

— В атаку, злая Змея! — радостно верещит Джан. — В атаку!

Ничего не видно. Пора выбираться. Миссия окончена, маленький детектив.

— В Крысу! — командует Джан. — Битботы,

ко мне! — Он надеется, что Крысенок получил команду и отцепился от белого фургона.

Ройботы кружатся в вихре, возвышаются над Кайишдаги и обрушиваются на улочку, ведущую к компрессорной станции. А потом вдруг начинают падать с неба. Джан разевает рот. Они сыплются, как град. Экран мерцает и то и дело отключается. Джан взвизгивает от страха. Ройботы с грохотом скатываются с железной крыши месджида.

— У них электромагнитные пушки! — ахает Джан.

Это лучший боевик, какой миру только доводилось видеть. Крыса и Крысенок бесшабашно несутся по улицам, запинаясь, перекатываясь и падая, и тут новая пульсация сметает ройботов с неба.

— Сюда! Сюда! — шепчет Джан. Один прицельный выстрел убьет их обоих. Неджет. Вот и Неджет. Весь в крови и с огромной винтовкой в руке.

С шумом, который отдается в груди Джана, как барабанная дробь, два вертолета пролетают прямо над крошечным минаретом мечети. Они разворачиваются над жилыми комплексами и захудалыми магазинами. Один занимает позицию

над компрессорной станцией, а второй скользит вдоль улицы и зависает над круглосуточным магазином. Все высыпали на улицу, но никто не двигается. Рев моторов выдавливает воздух из легких Джана и мысли из его головы. Это самое волнующее зрелище в жизни Джана. Крыса и Крысенок несутся по улице, разбрасывая во все стороны мертвых ройботов, как высушенных мух. У дверей мечети они совершают прыжок, прямо в воздухе распадаются на составные части, а потом соединяются в единое целое. В тот же миг на проспект выворачивают броневики.

Человек, который, спотыкаясь, выбегает из переулка, весь в крови, у него бешеный взгляд, а в руках — винтовка.

— Недждет! — кричит Мустафа.

Человек останавливается, озадаченный.

— Недждет, братишка! — Мустафа бросается к нему, и мертвые ройботы хрустят под ногами. Биение моторов вертолетов заполняет собой весь мир. Недждет отбрасывает винтовку с такой брезгливостью, словно это нога трупа. Мустафа обнимает Недждета, как брата.

— Пойдем, пойдем со мной. С тобой все хорошо. Это я, Мустафа. Мустафа с работы. Пошли! Полиция приехала, они о тебе позаботятся.

Сержант полиции уже спешит на помощь. А затем все замирают на месте, когда на проспект выворачивают огромные бронированные машины, перекрывая дорогу с обеих сторон. Передняя часть вдруг выезжает, словно челюсть насекомого, образуя подобие трапа, и изнутри высыпает целая толпа людей в оранжевых костюмах и оранжевых противогазах. Сзади на защитных комбинезонах и спереди на шлемах виднеется эмблема — букет из черных стрел, развернутых остриями в центр, на желтом фоне. Эти люди вооружены. Они рассредоточиваются вдоль улицы. Громкоговорители заглушают даже шум вертолетов:

— Внимание, внимание! Это служба безопасности! Угроза заражения нановеществами, угроза заражения нановеществами! Немедленно покиньте территорию. Ничего с собой не берите. Выйдите за оцепление.

Но Георгиос Ферентину видит бегущих битботов.

— Джан! — Его голос разбивается о стену шума. — Джан!

Георгиос ковыляет в сторону маленькой красной мечети мимо круглосуточного магазина. Из громкоговорителя еще раз повторяется приказ. В

дверях месджид появляется Джан. Испуганный и очень маленький.

— Джан!

И тут из переулка выскакивает какой-то человек, тощий, с копной вьющихся волос. Он поднимает винтовку и целится в Георгиоса и заправку.

— Ложитесь!

Выстрелы оглушающие. Спина тощего стрелка взрывается. Он падает прямо в сугроб из ройботов, раскинув руки и ноги, как раздавленный паук. А в дверях мечети застыл Джан Дурукан. Грудь его сдавливают спазмы. Глаза расширяются. Он поднимает палец и тут же падает на землю.

— Помогите! Помогите! — Георгиос пригибается и бежит к мечети.

— Сэр! На землю!

— Вызовите скорую! — кричит Георгиос. Грохот ужасающий. Джан вялый и бледный. Кажется, он не дышит. — Боже, нет, только не это! Джан! Джан! Джан! — Георгиос не знает, что делать, совсем не знает. — Помогите мне!

Но вас никто не слышит, Георгиос Ферентину.

Солдаты в оранжевых костюмах химзащиты из укрытия перебежками перемещаются ближе к переулку. От компрессорной станции бежит еще

один человек, он безоружен, но лицо искажено от гнева, как у бешеной собаки. Он поворачивается лицом к солдатам и поднимает руки к горлу, но раздается единственный выстрел — и он падает замертво.

— Давай, Джан, ты выдержишь. — Георгиос пытается поднять мальчика, но он старый и толстый, а мальчик тяжелый и обмякший, а потому Георгиосу никак его не ухватить. Тогда Георгиос зажимает Джана под мышкой и вытаскивает из мечети на улицу, шаркая ногами. — Не стреляйте! Не стреляйте! — Георгиос вытаскивает из кармана платок и размахивает им.

Но теперь от компрессорной станции в их сторону идет женщина. На ней очки и зеленый платок. Руки подняты вверх. Солдаты держат ее на мушке. Женщина шагает уверенно, целенаправленно и бесстрашно. Один из солдат проводит пальцами по тыльной стороне тяжелой перчатки с крагами.

Георгиос Ферентину тащит Джана в сторону армейских машин.

Женщина вдет к солдатам. Улыбается и тянется к бусам на шее. Она выглядит удивленной. Солдат хлопает по перчатке, и в этот же момент другие солдаты хватают ее, валят на землю, срывают

бусы и надевают наручники.

— Помогите мне! — кричит Георгиос Ферентину. Его силы на исходе. К нему из укрытия бросаются солдаты в оранжевом. Двое подхватывают Джана, а один помогает Георгиосу выйти за оцепление.

— Ему нужна скорая! У него больное сердце! — кричит Георгиос. Он слышит звук приближающихся сирен через гул вертолета.

— Мы позаботимся о нем, — говорит тот солдат, что помогал Георгиосу. Он снимает защитный шлем. У Георгиоса уходит несколько секунд, чтобы узнать лицо, которое в последний раз он видел совсем при других обстоятельствах, настолько других, что происходящее не поддается пониманию. Это майор Октай Эйилмез, с которым Георгиос виделся на палубе парома в Кадикей.

— Вас тоже надо осмотреть, профессор Ферентину.

— Но мальчик…

— Мы о нем позаботимся. Доктор! — Солдат в оранжевом костюме, но без шлема, который обрабатывает раны на руках Недждета, поднимает голову. — Когда закончите, осмотрите, пожалуйста, профессора Ферентину. Догадка оказалась правильной. Это был газ. Мы и думать не думали,

что через систему подачи газа будут распространять нановещества.

— А кто они такие?

— Понятия не имеем. Они не значатся ни в одном из наших списков подозрительных лиц. Сейчас будем разбираться с их оборудованием. Технически очень продвинутая команда, что тревожит. Но одного удалось взять в плен, все, что нам требовалось.

Приезжает скорая. В мигалке пульсируют голубые огоньки. Георгиос наблюдает, как врачи скорой помощи укладывают Джана на каталку и завозят в машину.

— Мне нужно ехать с ним.

— Как только мы вас осмотрим, сразу попросим полицейских отвезти вас. — Майор Эйилмез снимает перчатку. — Я буду рад, когда все закончится, по правде говоря. Спасибо вам, профессор Ферентину. — Он протягивает руку. Георгиос, все еще обалдевший от этой круговерти солдат, машин, вертолетов, убитых и раненых, пожимает руку майора. — Вы молодец.

Майор Эйилмез коротко кланяется Георгиосу и идет поговорить с Шекуре Дурукан. Солдаты помогают ей забраться в машину скорой помощи и закрывают двери. Сирены воют, и скорая отъ-

езжает. Солдаты упаковывают трупы в мешок. Полиция разворачивает желтые предупредительные ленты и разгоняет зевак. Радио потрескивает. Люди толкутся вокруг. Мустафа сидит на обочине рядом с Неджетом, обняв его одной рукой, а второй держит за руку, как старого доброго друга. Георгиос остается один. Вертолеты синхронно поднимаются с площадок, кивают друг дружке и летят над Кайишдаги.

Звонит цептеп.

Лейла Гюльташлы накрывает голову подушку. О, одна сторона подушки прохладная. Впервые за несколько недель.

Но цептеп все так же звонит еще пару секунд, когда она чувствует себя богиней.

К тому времени, как сотрудники «Джейлан — Бесарани» добрались разными путями в Бакиркей, слух уже расползся, и большинство обитателей здания сидели в квартире у родных Лейлы с фруктовым пуншем и пивом для тех, кто может выпивать, и сластями. Лейла услышала музыку с улицы, пока парковалась. Ее появление приветствовали взрывом петард и серпантином. Шум стоял такой, что впору вызвать полицию, если бы кто-то остался не у дел и пожаловался на них. Дядя Дженгиз без конца жал ей руку и

мычал какие-то поздравления, которые Лейла не разобрала. Тетя Бетюл обняла ее. Тетушка Кевсер тоже. Двоюродный брат Наджи, самопровозглашенный телохранитель, выгнал всех из гостиной, чтобы Лейла могла пройти на балкон и получить благодарность бабушки Сезен. Старуха поцеловала ее в обе щеки. Затем друзья семьи и просто любители выпить за чужой счет почтительно замолчали, когда Лейла передала матриарху обе половинки Корана. Бабушка Сезен взяла их, произнесла «Бисмиллах»[129] и соединила разлученные половинки.

— Да не разлучатся они больше, — сказала она со слезами на глазах.

Лейла вдруг поймала себя на том, что тоже ревет. Наджи плакал и смеялся одновременно. Потом кто-то поставил старомодные арабески,[130] такие добрые, патриотичные песни, под которые все пустились в пляс; девушки выстроились в линию, закатав топики поверх обнаженных животов, кивая друг дружке, смеясь и двигаясь в такт, а парни тоже выстроились в шеренгу с

---

[129] Примечания: 129

«Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного» *(араб.)* — произносится перед делом, совершаемым в поклонение Всевышнему.

[130] Примечания: 130

Популярный в Турции в 1980—90-е годы музыкальный стиль.

поднятыми руками. Правда, дядя Дженгиз скорее напоминал полено, зато Наджи оказался отличным танцором и двигался очень легко, как часто умеют такие здоровяки. Это все таэквондо. Они поманили и Асо, но тот покачал головой, мол, вы что, нанотехнологи не танцуют, но они звали его снова и снова, и в итоге он таки согласился и наблюдал, как танцуют другие, чтобы уловить шаги. Асо танцевал просто отвратительно, но Лейла увидела, что он делает это с душой, а глаза его светятся. Потом девушки ответили мужчинам, поставив старый ремикс Ибрахима Татлысеса,[131] Асо закричал, что знает эту песню, вырос под нее, мама ее пела. В итоге Асо сплясал перед шеренгой тетушек, двоюродных тетушек и двоюродных сестер, а Лейла подумала: «Он ведь для меня танцует?» В разгар этого безумного танца Лейла заметила, что звонит цептеп, и выскользнула на относительно тихий балкон бабушки Сезен. Звонили из Демре. Мама гордилась ею, папа гордился ею, сестры гордились ею, деньги были потрачены не зря. Лейла снова расплакалась.

Затем наконец приехали Яшар с Зелихой, кото-

[131] Примечания: 131

Популярный турецкий певец, признанный «император турецкой эстрады».

рая накрасилась и нарядилась, превратившись из офисной фурии в сумасшедшую гламурную вампиршу, и снова полетели конфетти и серпантин, загремели хлопушки. Дяди, тети и соседи остались в гостиной танцевать под арабески, а молодежь отнесла караоке-центр в большую спальню. Зелиха взяла микрофон и стала сентиментальной певицей с прокуренным голосом. «Где мой контракт?» — прокричала Лейла, но Зелиха увлеклась ролью дивы. Два часа спустя она все еще пела. В спальне никого не осталось, но Зелиха не нуждалась в других слушателях, кроме себя самой.

Асо кругами вез Лейлу домой как раз в час вечеринок. Такси и «мерсы». Короткие платья, цветные туфли. Модные парни с трехдневной щетиной. Прекрасная миграция из клуба в бар, из бара в клуб. Весь Стамбул празднует, думала Лейла. Весь Стамбул в трауре, в страхе и полон надежды. Здесь сразу все. «Пежо» с жужжанием въехал на площадь Адема Деде, когда часы показывали четыре утра. Воздух был прохладным. Стояла мертвая тишина. Асо тоже ощутил присутствие джиннов, которые столпились, как рыба на нересте, ждали чего-то, наблюдали, не добрые, но и не злые.

— Слушай, я не спрашивала никогда, но где ты живешь? — спросила Лейла.

— У меня квартира в Бостанджи, — ответил Асо.

Дом, семья, родные. Лейла никогда не думала, что у Асо есть жизнь помимо нанотехнологий.

— А Яшар?

— Он у себя дома.

— А Зелиха?

— Она ночует на раскладной кровати в комнате тети Бетюл. Вообще-то Яшар с ней спит уже несколько месяцев.

— А я и не знала.

Асо замешкался у двери.

— Короче, это… я тут хотел сказать…

— Да?

— Мне кажется, ну… мы могли бы нанять тебя на полный рабочий день.

Цептеп все так же звонит. Звонит, звонит и звонит. Лейла прижимает подушку к уху, но это не помогает. Ответь мне, ответь. Лейла швыряет подушку через всю комнату.

— Да!

— Лейла! Это Яшар. Товарно-газовая биржа Озер обанкротилась.

Страница нанесена на телячью кожу, размер

четыреста пятьдесят три миллиметра на двести двенадцать, поле двадцать два миллиметра, четная. Основной текст из Пятикнижия, Книга Руфь, глава четвертая, стихи с четырнадцатого по двадцать второй, генеалогия царя Давида. Текст написан красивым почерком рукой ашкенази где-то между XII и началом XIII века в центральной Франции или южной Германии.

Текст Пятикнижия помещен в центральной секции в обрамлении из трех декоративных колонн, которые образуют две арки. Пространство внутри заполнено изображениями виноградной лозы: вьющийся стебель и маленькие листочки в виде вееров. На правой колонне орнамент богаче, прорисованы шипы и сочленения. Концы каждого стебля превращаются в фантастическое чудовище, снизу под текстом Пятикнижия змеиные головы, а наверху страницы присутствуют и другие сказочные существа. На левом поле крылатая собака пересекается языком в виде трилистника с таким же языком химеры, напоминающей помесь козы и жирафа. Все контуры этих существ, а также змей, виноградных лоз, цветов, столбов, арок и мельчайшие детали написаны микрографией, строятся из крошечных строк, таких маленьких, что они не видны нево-

оруженным глазом. Этот микротекст — масора, комментарии и традиционные мудрые речения, которые обычно записывались на полях страницы. Здесь же художник превратил масору в декоративный элемент. Слова внутри других слов.

Айше Эркоч долго рассматривает микрографию, прежде чем повесить на стену. Это ее любимый экземпляр в коллекции, с которым она ни за что не хотела бы расстаться. Она бы пошла в огонь и под пули ради этой микрографии. Она помнит, как купила ее с аукциона на последние деньги, оставшиеся от завещанных отцом. До этого она знала толк только в иллюстрациях. А после приобретения микрографии на несколько месяцев погрузилась в мир, сотканный из слов и букв, мир, который, по замыслу Всевышнего, прописан на восприимчивой поверхности земли.

Айше и Хафизе распределили коробки по семахане в зависимости от того, какое место изначально занимало их содержимое. Айше вешает Пятикнижие на место. Следующая на очереди коробка с константинопольской канонической таблицей — это ранний указатель речений. Стекло треснуло. В комитете по охране памятников никакого уважения к старинным и

прекрасным вещам. Айше поднимает таблицу и долго всматривается в красивые медальоны с поясными изображениями четырех евангелистов, выполненными в золоте, а потом снова кладет в коробку.

Аднан ползает под столами, подключает питание и включает беспроводную сеть.

— Я бы тоже мог заниматься книгами, — говорит он. Дорогой пиджак висит на спинке стула, чтобы сохранить вид. Портфель с облигациями на предъявителя лежит на стуле. — А может, тебе нужен кто-то, чтобы торговаться? Рассмотрю все разумные предложения. Я внезапно оставил себя самого без работы.

— У тебя есть четыре миллиона долларов. Тебе не нужно работать.

— У меня есть четыре миллиона, от которых надо избавиться быстро и безболезненно, пока финансовый надзор не начал рассылать программы аудита, чтобы подсмотреть на расходы бывших трейдеров Озера. Кто удрал, прихватив с собой «на чай», кто вознаградил себя золотым парашютом или взял и отправил дешевого иранского газа в Баку, получив двадцать миллионов евро. Ты не думала о том, чтобы расширить галерею и перебраться в какое-то другое помещение,

не так сильно напоминающее морг?

Айше смотрит на него.

— Хватит уже об этом. Все уже произошло. Я всегда говорила, что репутация прежде всего и навсегда. Я не знала, что речь пойдет и о моей репутации. — Она подходит к нескольким симпатичным столикам периода начала Республики в центре семахане. — Прости. Ты тут ни при чем. Нет, любимый, галерее Эркоч конец. Я собираюсь распродать все это добро.

Хафизе, которая развешивает миниатюры, каждая не больше ее пальца, поворачивается.

— Ты нашла Медового кадавра, — возражает Аднан. — Это кое-что да значит. Это же, черт побери, легенда, как меч пророка или Священный Грааль.

— Из-за меня арестована половина стамбульских антикваров. Из-за меня предъявлено обвинение моему старому другу Бураку, он, возможно, потеряет лицензию, а Ахмета и Мехмета посадят лет на шесть и оштрафуют на несколько миллионов. Я же вышла сухой из воды. Как это выглядит со стороны? Что обо мне подумают? Мы не сможем говорить об этом. Стоит прозвучать имени Айше Эркоч, и все будут знать, что она предательница, но… — Айше присела на корточки,

чтобы заглянуть в глаза Аднану, лежащему под столом и выглядящему странно беззащитным, как младенец в колыбели, — …Несмотря на все это, я попробовала на вкус Медового кадавра.

— И как?

Айше любит в Аднане то, что, когда нужно, он серьезен.

— Сладкий. Сладчайший. Теперь ничто уже не будет на вкус тем же, что раньше. Мне кажется, я понимаю Барчина Яйлу. Ничто в мире не может превзойти по яркости тайное имя Всевышнего. Это будет не виданный никем ранее цвет. Вот почему он подумывал выжечь себе кислотой глаза. Это стало бы актом поклонения Всевышнему, но я не верю в Аллаха, значит, такой вариант не для меня.

— Можем уехать из Стамбула, — говорит Аднан. — Просто куда-нибудь, начать сначала. Вернуться в Каш. Я могу завести какой-то бизнес, может, в области выездного туризма, всякие там горные велосипеды, походы, байдарки, погружения. К тому моменту, как я заплачу достаточно взяток, чтобы все устаканилось, у меня, может, и останется сдача с четырех миллионов.

— Дорогой, солнце, море — и я? Нет. Я не люблю бывать на свежем воздухе. Мне нравятся кра-

сивые вещи, редкие и ценные. Стамбул — мой город. Я помру, если уеду дальше Бурсы.

Аднан садится и направляет пальцы, сложенные в виде пистолета, на Айше.

— Кстати, про ялы… можем ли мы подождать с покупкой пару лет? В первую очередь начнут проверять сделки с имуществом.

Айше садится на отполированный подошвами пол семахане рядом с Аднаном, и их тела интимно соприкасаются.

— Дорогой, это ты все время говорил о ялы. Это тебе хотелось, а мне эта идея никогда не нравилась.

— А что не так?

— Ради всего святого! Ялы не на той стороне Босфора!

Они смеются. Смех натянутый и отчаянный, но это и есть ядро любого смеха — осознание смехотворности человеческого существования. Смех прославляет это. Аднан с Айше ложатся рядом и смеются изо всех сил.

— Госпожа?

Айше прищуривается, глядя на Хафизе против света люстры. Хафизе протягивает ей конверт.

— Пока вы были в полиции, я кое-что продала покупательнице. Нашей соседке. Лейле Гюль-

ташлы. Вы ее сразу узнаете. Она живет во второй квартире. Половину Корана. Ту, что Топалоглу продал вам в понедельник перед приходом…

— Стоп! Это имя больше никогда не упоминай здесь. Половинку Корана, говоришь? Хорошо, что нашелся покупатель.

— Ну, не то чтоб я прям продала. Она сама его разыскивала. Дала мне тысячу евро.

Айше резко садится.

— Это куда больше, чем он стоит.

— Ей он очень дорог. Госпожа, Аднан-бей, я подслушала то, что вы говорили об открытии нового дела и необходимости быстро избавиться от крупной суммы денег. Так вот, у меня есть предложение.

10

В 1783 году (по мусульманскому календарю в год 1197) Махтаб, жену Куроша Тегранианa, чиновника из Тебриза, привлекает блеск серебра на прилавке торговца книгами на старом городском базаре. Это миниатюрный Коран в серебре, в обложку которого встроено увеличительное стекло, очень красивый. Идеальный Коран для путешественника, торговца, солдата или паломника. Именно ради паломничества Махтаб и приобретает его. После многих лет экономии Курош Тегранианнаконец собирается в хадж, чтобы выполнить жизненное предназначение и долг.

Год 1827/1243. Салман Тегранианн, член дипломатической миссии каджарской династии, едет в Константинополь, чтобы вести с османцами переговоры о поддержке персов в войне с русскими. В городе Конья он заболевает. Миссия едет дальше, а Салман остается в больнице. Три месяца спустя он умирает, завещав Юсуфу Хорозджу, который ухаживал за ним с любовью и преданностью, самое ценное — миниатюрный Коран в серебряном переплете. Переговоры с Блистательной Портой провалились.

Год 1858/1275. В списке приданого Фикрие Герен, которая выходит за Атифа Джейлана, мебельщика из Хаджиэвхаттина, значится миниатюрный Коран, который описан так: «персидская работа, серебряная филигрань, хрустальная линза». Чтобы получить разрешение взять в жены девушку, Атиф Джейлан должен был доказать свое мастерство мебельщика и создать нечто удивительное. Он сделал необычайный ларец, настоящий сундук с сокровищами, украшенный резным цветочным орнаментом очень тонкой работы, но, увы, подарок оказался несчастливым. Нилуфер Герен в возрасте шестидесяти трех лет спотыкается, ударяется головой об угол сундука и умирает. Семья решает вынести сундук на улицу и сжечь.

Год 1916/1335. Абдулкадира Гюльташлы, несмотря на все подношения и мелкие взятки чиновникам, забирают в армию, облачают в форму и сажают на пароход, который отвезет его к поезду до Чанаккале, а потом через Дарданеллы на полуостров Галлиполи. На пристани мать дает ему охранный талисман, чтобы сын живым и невредимым вернулся в Стамбул, — половинку миниатюрного Корана. Перед тем как дым из труб парохода взовьется в вечернее небо, мать

говорит, что половинки всегда будут стремиться найти друг друга. Благодаря амулету Абдулкадир проходит через ад Галлиполи и возвращается невредимым в Стамбул, чтобы основать большую и разветвленную семью.

Год 2027/1448. Сидя за столом в семахане дома дервиша Адема Деде, Аднан Сариоглу и Айше Эркоч выкупают обе половинки Корана Гюльташлы за два миллиона евро. Таким образом, они становятся владельцами компании «Джейлана — Бесарани», а Яшар Джейлан и Асо Бесарани — исполнительным и техническим директорами. Они пожимают друг другу руки над столом. Лейла Гюльташлы и Хафизе Гюлек свидетельствуют контракт своей подписью.

— Хорошо, — говорит Аднан Сариоглу. — Вы очень талантливые парни, но ни хрена не смыслите в сделках. Сделка такова — сделками занимаюсь я. Вы двигаете науку, я делаю деньги. Я буду работать отсюда. Вы можете продолжать работать на Нанобазаре. Я такое название на своей визитной карточке указывать не стану, а то рискую выйти с работы и обнаружить, что моя «ауди» стоит на кирпичах со снятыми колесами. Я вас буду навещать, но не часто. Можете радоваться, мне плевать. Я хочу максимально

сократить время пребывания в обществе гиков, технохиппи, наноэльфов и прочих придурков в защитных очках. Здесь будет административная штаб-квартира «Бирюзы Нанотех» — мы решили так назвать компанию, кстати, но вы можете продолжить называться «Джейлан-Бесарани», или «Бесарани — Джейлан», или как вам заблагорассудится, когда преобразователь будет готов.

— Это официальное представительство компании, — говорит Айше. — Все дела будут вестись отсюда. Действующие контракты на шесть месяцев, потом они будут обсуждаться в зависимости от результатов.

— Прощу прощения, — Лейла Гюльташлы поднимает руку. — Но у меня все еще нет контракта.

— Когда станешь руководителем производства, то сама его составишь…

— Производства? Но я была специалистом по маркетингу…

— Мы с Аднаном — лицо компании, — перебивает ее Айше. — Лейла занимается производством. Яшар и Асо — технической стороной. Зелиха продолжит управлять офисом в Фенербахче. Хафизе — наш с Аднаном личный помощник, ну после декретного отпуска. «Бирюза Нанотех» — коммерческая компания. Мы здесь, чтобы зарабатывать

деньги, а если заодно удастся изменить мир, это станет бонусом.

В бизнесе пять дней — это огромный срок, думает Аднан. В понедельник он лишь собирался прокрутить аферу с газом, внести депозит за ялы и посмотреть, как «Галатасарай» побьет «Арсенал». Сегодня пятница, а он разрушил корпорацию, приобрел компанию, занимающуюся нано, пропустил матч. Он даже представить не мог, что Озер так быстро падет. А Кемаль знал это, знал с того самого момента, как в проводках «Лебедя» появилась первая ошибка. Та же сила приумножения финансовых инструментов, которая помогает получать невообразимые прибыли, приводит и к безграничным убыткам. Теперь стервятники разрывают труп Озера, а он вышел из игры. Вышел целым и невредимым, да еще и с деньгами. Ультралорды Вселенной всегда выбираются с взрывающейся базы. Империи рушатся, а деньги никогда не отдыхают. Деньги кружатся вокруг мира и никогда не перестают двигаться, поскольку, стоит им остановиться, остановится и все остальное. Сегодня пятница, и Аднан прикончил большую компанию.

— У нас есть работа прямо сейчас. У нас есть преимущество — падение Озера выбьет из-под

ног почву у ребят из Идиза, но даже сию секунду, пока мы тут болтаем, они говорят с финансовыми воротилами. Так что преимущество долго не продержится. Надо выйти на рынок первыми. Так что сейчас все силы нужно бросить на производство образца преобразователя «Джейлана — Бесарани».

— «Бесарани — Джейлана», — поправляет Асо Бесарани.

Маленькие буковки, думает Айше Эркоч. Слова, которые состоят из слов поменьше, а те в свою очередь из таких маленьких, что их и не прочтешь. В этой самой комнате и за этим самым столом полицейский Акгюн размышлял, растет ли сила микрографии по мере уменьшения слов. Хуруфиты верили, что конечное имя Всевышнего прописано в каждом атоме. Все написано. Реальность перезаписывается, бесконечно копируется каждое мгновение. Секреты Вселенной могут быть записаны в человеческих сердцах.

— Начнем прямо завтра.

Яшар тянет руку.

— Я хочу знать, не будет ли у меня проблем с Абдуллой Унулом.

— Абдулла Унул — мелкий бандит, собирающий дань с магазинов. Если хотите посмотреть на

крупных мошенников, то сходите на Левент, они там тусуются в поисках новой работы. Я разберусь с Абдуллой Унулом. А теперь, дамы и господа!

По команде Хафизе приносит поднос с бокалами и бутылкой шампанского. Ей налита гранатовая шипучка. Полезно для беременных. Она берется за пробку так, словно это заряженное ружье, но пробка и впрямь выстреливает, идет пена, и шампанское разливается по пяти бокалам.

— Дамы и господа, за «Бирюзу»!

Первый тост позади.

— Дамы и господа, за прибыль!

После второго тоста Айше берет Коран и разделяет его на половинки. Заднюю она протягивает Аднану, а переднюю кладет в сумочку. Люди, которые коллекционируют миниатюрные Кораны, покупают их из-за связанных с ними историй.

— За прибыль! — говорит Айше Эркоч.

Аднан наклоняется через стол к своим новым партнерам.

— Господа, может, кто-то из вас по счастливой случайности еще и футбольный болельщик?

Женщина — офицер полиции высокая и потрясающе смотрится в облегающей униформе с кобурой и пистолетом, но Георгиос не замечает ее присутствия, пока она не обращается к нему

второй раз.

— Да?

— Мы можем отвезти вас домой. Это не проблема.

— Ох, нет-нет, я подожду.

— Доктора сказали, что не пустят сегодня никого, кроме близких родственников.

— Ничего. Я с радостью подожду. Понимаете, у меня одна его вещь. — Георгиос поднимает полиэтиленовый пакет из супермаркета, лежащий у него на коленях.

— Может быть, принести вам чашку кофе или еще что-нибудь?

— Нет, благодарю.

Георгиос сидит в центре скамейки из скрепленных между собой пластиковых стульев у дверей кардиопалаты. Он сидит прямо, колени и лодыжки вместе, руки обнимают мешок на коленях. Так положено сидеть в учреждениях. Больничный коридор выкрашен той же желтой краской цвета больного легкого, что и комната для допросов в Ускюдаре. Запах долетает до него через годы. Возможно, это и не воспоминание, в больнице вполне может быть тот же запах, что и в полиции: жидкости человеческого тела, смесь из страха, надежды и ужаса. Смерть. Он уже три-

жды перечитал все объявления на стене. Все эти предупреждения о вреде здоровью имеют мало общего с реальностью, иначе давно прикончили бы его.

Женщина притрагивается цептепом к автомату по продаже кофе, ждет, снова притрагивается, потом ударяет по автомату, еще раз ударяет.

— Мне надо кое-что отдать ему, понимаете, — говорит Георгиос в надежде, что женщина спросит, что у него в пакете. — Вернуть ему кое-что.

Машина неохотно выдает полчашки черного, как деготь, кофе. Георгиос заглядывает в мешок. Внутри копошатся насекомые. Это битбот, распавшийся на составные части, которые роятся, словно осы, не находя выхода энергии в непрерывном бурлении. Бездумные автоматы поодиночке, интеллектуальные сообща. Интеллект — это возникающее качество, качество, которое нельзя предсказать по поведению индивидуальных компонентов общности. Георгиос собрал бы их, но у него нет панели управления. Чуть попозже он отнесет пакет к бесплатной сети, чтобы подзарядить.

Уже после отъезда скорой помощи Георгиос обнаружил битботов, копошащихся, будто серебряные осы, в водосточном желобе неподалеку

от компрессорной станции Кайишдаги. Они напоминали лужу жидкого света. Какая-то собака попыталась их обнюхать, но отпрянула, когда битботы ответили запрограммированной защитной реакцией. Владелец чайханы взял пластиковый пакет — тот, что сейчас держит Георгиос, — и хотел собрать их. За полицейским кордоном журналисты наперегонки фотографировали.

— Они не ваши! — крикнул Георгиос. — Они принадлежат мальчику. Это его питомцы!

— Питомцы? — переспросил владелец чайной. Игрушки, хотел сказать Георгиос.

— Я еду в госпиталь. Отдам их ему.

Сообща они загнали всех до единого битботов в мешок. Потом полицейские из отдела по борьбе с терроризмом, которые отогнали всех от компрессорной станции, обратили внимание на неохваченных людей и подошли идентифицировать их и задать вопросы. Они отвели Георгиоса в передвижной штаб в полицейском фургоне.

— Значит, они пытались провести атаку, запустив нановещества в систему подачи газа? — спросил Георгиос.

— Кто, простите?

— Террористы. Они пытались запустить нано-

репликатор в систему распределения?

— Я не могу этого ни подтвердить, ни опровергнуть. — Полицейский нахмурился. — Могу только сказать, что это было серьезное происшествие. Могу я увидеть ваши личные данные?

Георгиос вытаскивает идентификационную карточку группы «Кадикей». Офицер пропускает ее через считывающий сканер.

— У вас допуск МИТ.

— Да, офицер. Я недавно работал на них, это была комиссия ученых, занимавшаяся вопросами безопасности. Мы как раз исследовали возможность террористической атаки с использованием нанотехнологий. Тут был мальчик, девяти лет от роду, у него проблемы с сердцем, очень серьезный порок. Его забрали в госпиталь, не знаете, он в порядке?

— Вы спасли ребенка.

— Да.

— Он ваш родственник?

— Я сосед. Друг семьи. Он мне как сын. Вернее, как внук.

— Могу попросить отвезти вас в госпиталь.

— Это было бы замечательно. Благодарю вас.

— В госпитале дежурят офицеры полиции. Я сообщу им, что вы едете. Мне нужны ваши

контактные данные, нам придется задать вам кое-какие вопросы.

— Понимаю, офицер. Если я только могу чем-то помочь.

— Это ваш пакет?

— Да так, кое-какое старье. Я ношу с собой слишком много вещей.

Да, старики с пластиковыми пакетами, ворчуны, которые кормят голубей.

— Так это была наноатака? — быстро спрашивает Георгиос.

Офицер ничего не отвечает, но, когда Георгиосу помогают сесть в патрульную машину, он окликает его и, когда Георгиос оборачивается, коротко кивает.

Всю дорогу до Центрального госпиталя Козьятагы Георгиос прижимает к груди пакет.

Женщина в зеленом халате выходит из палаты Джана.

— Доктор! — Женщина с явным раздражением останавливается. — С ним все нормально?

— Вы родственник?

— Я его дедушка.

— Мы стабилизировали сердцебиение. Несколько минут был в состоянии гипоксии. Мы провели сканирование, но не определили нев-

рологических повреждений. Это не значит, что их нет, но тут возраст играет ему на руку. Дети в этом плане очень здоровы.

— Спасибо, доктор.

— Но вам туда нельзя. Только самые близкие родственники, дедуля.

Стабилизировали. Гипоксия. Ужасные врачебные эвфемизмы. Георгиос помнит, каким обмякшим было тело мальчика, конечности болтаются, ужасно тяжелый, безжизненный, ни движения, ни дыхания, ни жизни. Жуткая паника. Непонимание, что делать. Что нужно делать. Он тогда безостановочно выкрикивал имя Джана.

Телевизор на сестринском посту что-то бормочет сам себе, показывает снимки перестрелки в выпусках новостей. Улица кажется очень широкой. Камера бешено дергается. Георгиос даже не заметил, что там было столько дыма. А это, наверное, он, круглый смешной человек, который, пригнувшись, пытается бежать с Джаном под мышкой и машет белым платком.

Люди в оранжевых костюмах химзащиты бегут к нему вприпрыжку и жестом просят лечь на землю. Почему они всегда приказывают лечь на землю?

— Офицер! — Женщина снова подходит. Она пахнет свежестью, отутюженной одеждой и мускусным дезодорантом. Она замужем. Георгиос завидует ее мужу. — Та женщина, которую схватили до того, как она себя взорвала, вы знаете, что с ней?

— Думаю, ее допрашивают.

— Я имею в виду, она в порядке?

— Разумеется, сэр.

— Хорошо. Мне было бы интересно послушать, что она скажет, но думаю, придется ждать суда, если мы вообще о нем узнаем, это ведь тот случай, когда на заседания не пускают зрителей, как я понимаю.

— Наверное.

У ведущих теленовостей серьезные лица. За два часа Георгиос семь раз видит себя, как он тащит мальчика, машет платком, тащит мальчика, машет платком. В репортаж по мере готовности добавляют новые кадры. Вот здоровяк бежит по улице, палит, падает. Этот человек сделал выстрел, из-за которого упал Джан? Георгиос никогда не видел, чтобы кто-то так быстро падал. Они падают прямо на землю, так быстро, так тяжело.

— Неджет!

Женщина-офицер подскакивает к нему в ту же секунду.

— Пожалуйста, тише. Это же больница!

— А тот юноша, заложник, Недждет. Что случилось с ним?

— Им занимаются в другой больнице. Вам, наверное, стоит пойти домой. Тут уже, ничего не произойдет. Я вызову вам машину, вернетесь завтра.

Нет, мне нужно услышать голос Джана. Мне нужно, чтобы он сказал мне, что я не виноват, я не сделал ничего плохого. Мне нужно, чтобы он отпустил мои грехи и простил меня. Он видел, как Шекуре и Осман посмотрели на него, когда их вывели из палаты на короткую пресс-конференцию. Они винили во всем его, и только его. Они никогда не простят. Он надругался над их сыном даже хуже, чем если бы был педофилом. Я только помог ему попасть туда, куда завело его собственное любопытство. Нельзя запереть девятилетнего мальчика в темнице молчания. Нельзя отнять у него половину мира и ожидать, что он не захочет исследовать отнятое у него пространство, не попытается расширить горизонты и не попадет в запретную зону. Если бы у него был сын, то Георгиос, наверное, думал бы

иначе. Если бы у меня был сын, которого может убить один-единственный хлопок. Родители не позволят ему снова увидеться с Джаном. Он это понимает. Георгиос ужасно боится, что они вообще увезут Джана. Шекуре и Осман получат компенсацию и съедут из дома дервиша, и тогда он останется в полном одиночестве.

Это ужасно — стать героем новостей.

— Мое дежурство заканчивается через десять минут, если хотите, я отвезу вас в Эскикей, — предлагает женщина-офицер.

— Да, спасибо.

— Хорошо, тогда я схожу сначала в дамскую комнату.

Коридор пуст, все медсестры сидят спиной, не обращая внимания на толстого старика в темном костюме. Георгиос высыпает содержимое мешка на пол.

— Идите к нему, — шепчет он. Как он и ожидал, битботы привязаны к запаху Джана. Лужа роботов размером с комара колышется, на ее поверхности видны волны и странные геометрические узоры, а потом она с невероятной скоростью вытягивается в линию и проползает под дверь. Георгиос наблюдает за этим, пока последний из битботов не исчезает под дверью.

Так же было и с его миром. Год за годом, десятилетие за десятилетием Георгиос сжимал границы собственной жизни вокруг себя: Стамбульский университет, сообщество экономистов, греческая диаспора, Эскикей, три старых грека и владелец чайной, старый дом дервиша и белые стены, полные городов, которые Георгиос боится посетить. Пластиковый стул в больнице и пустой пакет на коленях.

Он потерял все.

Женщина-офицер выходит из дамской комнаты освеженная и полная сил.

— Идем?

— Да, можно я только быстренько позвоню?

— Хорошо.

Георгиос переходит туда, где можно пользоваться цептепом. Он и так натворил достаточно без того, чтобы телефонный звонок вмешивался в работу аппаратов, которые запускают модифицированные импульсы в сердце Джана. Телефон звонит. Сейчас, наверное, тяжело дозвониться. Просчитался со временем. Надейся, старина. Позволь себе надеяться. О, дозвонился. Трубку подняли.

— Ариана, не улетай. Не сегодня. Не садись на самолет. Не уезжай.

Последние лучи солнца освещают галерею на верхнем этаже дома дервиша. Люди выходят из автобусов и трамваев и идут домой, пересекая площадь Адема Деде разными тропками и направляясь в многоквартирные дома и конаки старого Эскикей. Если они идут более размеренной походкой, чем раньше, если меньше торопятся, останавливаются на ступеньках и болтают, так это потому, что наконец-то спала жара. Пришла прохлада. Таким вечером надо насладиться в типичной стамбульской манере. Купить газету у Айдына, фрукты или хлеб у Кенана, кофе у Бюлента или его постоянного конкурента Айкута через площадь.

Ставни книжного магазина закрыты. Сумерки сгущаются над площадью Адема Деде, словно стая птиц, поднявшихся в воздух, а Лейла Гюльташлы может думать только о том, чтобы поцарапать ключом «ауди» Аднана Сариоглу.

— Она заведует галереей! — жалуется Лейла Асо. — Что она понимает в маркетинге? Это я все устроила, а что в итоге? Производство! Это я должна ездить с Аднаном на встречи, разговаривать с оптовиками, заключать сделки.

Она довольствуется тем, что пинает колеса «ауди». Красивая машина. Но царапать авто-

мобиль было бы выражением злобы, а она не ощущает злобы, ей просто кажется, что ее недооценили, да и Бюлент из чайной смотрит.

— Это капитализм, — говорит Асо. Он запрокинул голову и стоит, не шевелясь, ощущая, как воздушные потоки касаются лица. Выглядит как святой.

— Ты так спокоен.

— У меня на это миллион причин.

— Даже два миллиона.

— Разумеется, они захотят выплачивать себе большие зарплаты и перевести как можно больше денег в необоротные активы, но это все равно дешево.

— И тебя все устраивает?

— Мы сможем создать преобразователь Бесарани — Джейлана. Мы произведем стартовый выстрел для новой промышленной революции. Мы успеем изменить мир в течение наших жизней. Правда, название идиотское. Ну об этом мы потом поговорим. Да и проценты маловаты, но это опять же закон больших чисел. Очень-очень больших чисел.

— А еще мне придется искать новое жилье, я имею в виду, не могу же я теперь жить так близко к галерее…

— Лейла, — мягко говорит Асо. — Замолчи. Хватит уже о делах, о работе, о деньгах, о сделках. Сегодня такой прекрасный вечер.

И правда, вдруг понимает Лейла. Вечер расползается по ее телу, как и по небу, минута за минутой, пурпурные сумерки с золотистыми прожилками. Воздух пахнет по-новому. От света захватывает дух: все вокруг кажется сияющим, потому что через несколько мгновений свет потухнет. Бюлент уже зажег вокруг витрины маленькие китайские фонарики, а лавка Кенана освещается изнутри. В квартирах на площади Адема Деде зажигаются огни. Лейле никогда не нравилась эта площадь, никогда не нравился дом дервиша и Эскикей. Здесь нет ни горизонта, ни панорамы, ни потрясающих видов. Куда ни глянь, увидишь другое здание. Кажется, что дома прижимаются к ее окну, полные глаз, ртов и чужих громких жизней. В этом месте не рады молодости, оно переполнено историей и старыми воспоминаниями. Она понимает, почему подружки при первой же возможности сбежали. Здесь много женщин, но это не их мир, он старинный, мужской и замкнутый. Лейле он никогда не нравился и не понравился, она приняла решение уехать и уже дождаться не может, когда же уберется

отсюда, но в такой вечер почти забывает об этом.

— Знаешь, я, может, домой уеду. — Лейла видит, как Асо внезапно остолбенел. Почему, что, из-за чего, из-за меня? Она быстро добавляет: — Ну, съезжу проведать их, удостоверюсь, что там все нормально, и томаты по-прежнему растут. На пару дней, не больше.

Асо все так же в оцепенении. Он выглядел шокированным, когда Лейла сказала об отъезде домой, словно бы он больше ее никогда не увидит. Словно бы он будет по ней скучать. Это невероятно. Но вот вам урок из Демре: секрет ее бесшабашной и постоянно растущей семьи в том, что любовь всегда у вас под носом. Вы любите то, что видите каждый день.

— Асо, — внезапно говорит Лейла, — пойдем поужинаем. Не знаю, куда, просто куда-нибудь подальше отсюда, где мы не будем говорить о делах, а я смогу снять эти проклятые туфли.

— Типа свидание.

— Нет, типа пойти и поесть… Да, свидание. В каком-нибудь приятном месте, откуда открывается красивый вид, где можно заказать вино, на столе хорошая скатерть, а окружающие будут обращаться с тобой вежливо, поскольку на тебе костюм. Куда-нибудь, где можно чуток побыть

гламурными. Асо, что думаешь?

Пару минут он молчит. Лейла боится, что все испортила, наговорив слишком много. Может, она всегда была дерьмовым маркетологом и добилась всего только благодаря самоуверенности. Которая сейчас утекает в почву через подошвы ее элегантных туфель, словно вода.

— Давай, — говорит Асо, — с удовольствием.

Ты маленький детектив и лежишь на огромной кровати, которая опускается, поднимается и меняет конфигурацию силой мысли. У тебя на лице маска, катетер в руке, а аппараты наблюдают за тобой с такой отдачей, с какой люди молятся. Ты прямо чувствуешь, как волоски на коже стоят дыбом. Это все от пристального наблюдения аппаратов. Вот эта непрерывная синяя линия — биение твоего сердца. А вот мерцающий призрак самого сердца. Оно работает, работает и работает без отдыху. Тебя это изумляет. Под экранами горит куча циферок и еще какие-то маленькие экраны; ты не можешь прочитать, что там, не поворачивая головы, но медсестра категорически запретила вертеть головой, а то может вывалиться катетер или отключатся все эти проводки, которые подсоединены к груди.

На тебе только трусы. Это странно и дико.

Должно быть, тебя раздевали незнакомые люди, пока ты был в темноте и безвременье, в месте, которое темнее и глубже, чем сон. Ты помнишь сон, внезапный громкий шум, а потом в груди словно взорвались фейерверки, но только взорвались они ярко-красной болью в сердце, которая отдавалась в груди, снова, снова и снова, пока краснота не заполнила все. Все кругом стало красным. А потом ты очнулся в этой кровати в одних трусах. Ты думаешь, что, возможно, на какое-то время умер.

А докторша хорошая. Она тебе нравится. Грубоватая, не сюсюкает и всегда выглядит нетерпеливой, словно у нее еще десять тысяч дел поважнее, чем разговоры с тобой, но тебе кажется, что ей можно доверять. Она ответит на твои вопросы так, словно ты поймал ее в полете, и говорит правду.

Когда она слышит о берушах, то ее лицо становится еще более серьезным.

— Это Средние века, — говорит докторша, — а не лечение.

Оказывается, есть новый способ лечения синдрома удлинения интервала QT. Как и беруши, эта технология убирает шумы, но только те, от которых сердце сходит с ума, пропускает их в об-

ратном порядке и накладывает на них же, в итоге грохот и крики гасят сами себя и остается лишь тихий и постоянный голос сердца. Ну на самом деле все куда сложнее, но в итоге именно этого желает паук из нанопластика, сидящий на груди, и то же самое будет делать маленький паучок, которого они поместят прямо в грудную клетку и который своими лапками обовьет его сердце. Это новая технология, не совсем машина, но и не живое существо. Протеиновые компьютеры, как назвала это докторша, хотя Джан подозревает, что она тоже не особо понимает, как это работает. Но у нее есть план.

— Дадим тебе пару деньков прийти в себя, удостоверимся, что нет внутренних травм или повреждений, и ты готов к операции. А потом вошьем тебе этого паучка.

— И я смогу слышать.

— Ну ты всегда мог слышать.

Когда ты видишь сны, а сны ты видишь яркие на всех этих лекарствах, которые капают тебе через катетер, то снятся тебе вовсе не остановившие твое сердце выстрелы, не полицейские ройботы, падающие с неба, как снег, и даже не Недждет, которого ты видишь через мышиный лаз в офисе над бухгалтерией. Тебе снится корабль, который

плывет по Босфору в Черное море, и все двери контейнеров распахиваются, и оттуда выплескиваются все звуки мира.

Шекуре и Осман выходят только поесть, в туалет или поговорить с газетчиками. Они клюют носами, засыпая прямо на стульях. Журнал выпадает из рук Шекуре и падает на пол. Ты наблюдаешь за ними. Ты долго за ними наблюдал. Их легко обмануть, притворившись спящим, но не медсестру. Медсестры хитрые. Медсестры знают все.

Шекуре и Осман общаются с журналистами, когда в комнату входит медсестра. Тебе ничего не нужно, она зашла просто потому, что знала, что ты проснулся.

— Это твой дедушка снаружи?

Ты на минуту задумываешься.

— Да.

— Он сказал, что у него для тебя кое-что есть.

— Что?

— Какой-то пакет.

— Можно ему войти?

— Не сегодня. Сегодня только родные.

— Но он же мой дедушка.

Медсестра улыбается.

Потом ты засыпаешь, но ненадолго, поскольку

вскоре пробуждаешься от ощущения, что по тебе что-то ползет, что-то длинное, гладкое, мягкое, но при этом щекочет, как кошка язычком. Это что-то ползет по руке, заползает под мышку, и ты чуть было не смеешься от щекотки, а потом движется вдоль бока, по бедру и на живот. Что-то нажимает на пупок. Ты аккуратно-аккуратно поднимаешь простыню, которой ты закрыт до подбородка, и там, ниже пластикового паука, поднимает свою голову Змея.

Ты маленький детектив и только раскрыл первое и самое важное дело. Ничего более волнующего и важного не будет. Это нормально. Расследование чуть было не убило тебя. Но и это нормально, поскольку в итоге врачи сделают даже лучше, чем было. А вот и Змея, твоя верная подружка, по совместительству Обезьяна, Крыса и Птица, свернулась калачиком на животе. Уже почти стемнело. Медсестра говорит, что господин Ферентину ушел домой. Ты надеешься, что с ним все хорошо. Осман и Шекуре спят, прислонившись друг к другу, словно пташки в клетке. Даже машины затихли, и в этой тишине ты прислушиваешься к себе, как тогда, на берегу в Ускюдаре, когда у тебя был приступ. Ты прислушиваешься к своему сердцу. Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук. С ним

все хорошо. Даже очень.

— Урааааа! — кричит Аднан Сариоглу, выключая автопилот, вдавливая в пол педаль газа и направляя ревущую «ауди» в поток автомобилей, которые степенно и размеренно ползут в сторону Азии по Босфорскому мосту. Машина несется, остальные машины бросаются врассыпную. Едем!

Айше кладет руку на руль.

— Давай не поедем в Ферхатпаша. Я не могу жить в этой квартире. Продай ее, избавься от нее. Мне не нужна ялы, не нужен вид на Босфор и причал для яхты. Я просто хочу снова перебраться на европейскую сторону. Мы можем позволить что-нибудь скромное, отмоем деньги через счета моей семьи или через галерею. Нет, только не Ферхатпаша, не сегодня. Давай снимем номер в отеле, только в каком-нибудь хорошем. Где-то, где мы будем смотреться как парочка миллионеров. У воды.

— Да, черт возьми. Мне кажется, я знаю подходящее место. — Аднан включает навигатор. — Когда я работал в Озере… — он замолкает. — Так странно произносить это. Как будто вырванный зуб. Так вот. Когда я работал в Озере, то мы с парнями называли себя ультралордами Вселенной, ну, как

в детском мультике. Драксор, Ультрор, Террак и Гидрор. Ультралорды! Вот чем мы занимались в Озере. Но мне нравился еще один мультик, мне кажется, это ремейк какого-то старого американского. В нем два героя, мальчик и девочка, и у каждого из них по половинке волшебного кольца. Они борются с преступниками, сражаются с демонами и все такое, но когда у них неприятности, то они соединяют две половинки кольца с криком «Шаззан!», и тогда появляется огромный толстый джинн в шароварах и надирает всем задницу. Разумеется, ты быстро понимаешь, что мультик становится интересным только тогда, когда плохой парень крадет одну из половинок кольца или джинн заперт где-то в ловушке, а деткам приходится опираться на собственную изобретательность.

Аднан достает свою половинку Корана Гюльташлы и протягивает руку. Айше достает свою.

— Шаззан! — кричит Аднан. Айше складывает половинки вместе.

— Шаззан!

А потом Аднан включает автопилот, раскладывает кресло и откидывается на нем, улыбаясь, как подобает настоящему миллионеру, а Айше смеется, откидывает назад волосы и ложится на

бок лицом к мужу, а «ауди» едет по арке моста через Босфор, через нескончаемый поток машин и вечную реку огней.

В саду так много умиротворяющих вещей. Неджет Хасгюлер сидит на краешке фонтана, ловя тишину, как ловят бабочек. Это тишина уединения, ведь мягкое натуральное дерево дома дервишей скрадывает рев города, превращая его в шорохи. Камень и бетон отражают, а дерево поглощает. Это умиротворение мелочей: струйка воды в фонтане, еле слышные шажки ящерицы, которая живет под основанием фонтана, птичка, которая слетает вниз, чтобы посидеть на карнизе галереи, посматривая на Недждета то одним глазком, то другим, а потом снова улетает. Это тишина бытия: темные деревянные колонны монастыря, голубые и белые плитки, мрамор фонтана для омовения, запах воды и выгоревшей на солнце древесины, земли и травы. Это тишина отсутствия: ни людей, ни голосов, ни желаний, ни вопросов. Это тишина присутствия: в крошечном садике только Неджет и Зеленый святой, больше никого.

— Здравствуй, друг, — шепчет Неджет.

Хизир кивает ему с каменной скамейки возле розового куста. Армейский медик, который обра-

батывал раны на руках и осматривал его после спасения в Кайишдаги, рассказал ему историю Мевляны, величайшего святого, который приказал возвести это текке. У Мевляны был друг Шамс из Тебриза, духовный друг, вторая половинка его души, одна душа, заключенная в двух телах. Вместе они познавали величие Всевышнего в бесконечных разговорах. Дервиши взревновали и втайне убили Шамса из Тебриза. Когда Мевляна не смог найти своего друга, то пришел к единственно возможному заключению — они слились воедино, и теперь Шамс — часть его самого.

Зачем искать?

Мы с ним едины.

Устами говорит моими.

Он — это я.

И я искал себя.

Недждет знает, сколько времени Хизир пробудет с ним.

— А остальные?

— Разумеется, мы будем следить за их состоянием, но нет повода удерживать их. Они не больны. Как и вы, они миновали стадию галлюцинаций, и сейчас состояние стабильное. Такое впечатление, что у них появились дополнительные

способности, которые мы не в состоянии описать, поскольку нам не хватает ни знаний, ни языковых средств. Сверхсознание? Иное сознание?

— А сколько это продлится, доктор?

Тогда-то доктор и рассказал Недждету историю Шамса из Тебриза. На все воля Аллаха. Все меняется. Брат спас его, помог, заботился, а теперь Недждет поможет Исмету. Братские узы очень сильны, но мужчины ведут себя глупо, когда собираются вместе. Уличный шариат — это сила, он может сослужить добрую службу, однако все может развалиться из-за соперничества или догматизма. Если Исмет называет его шейхом, он станет настоящим шейхом. Шейх Недждет. Вращение дервишей пронизывает все.

Это ты помог мне воплотиться в жизнь, Друг.

От запаха зелени в маленьком садике внезапно кружится голова. Завтра Недждет поедет обратно в Башибююк, к семье, к сестре, попытается исправить старые ошибки. А сегодня вечерний азан доносится из динамиков Тюльпановой мечети. Дом дервиша воспринимает этот звук, призыв к молитве кружится в воздухе сада текке, наплывая, как волны. Может быть, Недждет пойдет помолиться.

Азан, призыв к икинди,[132] доносится с минаретов трех тысяч мечетей Стамбула. Вот аист по спирали поднимается на восходящих потоках воздуха высоко над небоскребами, над Левентом и Маслаком. Вот атом углерода, окруженный четырьмя атомами водорода, отчего он становится похожим на звезду, несется с шумом по газопроводу под Босфором в сторону Европы. А вот Медовый кадавр, почивающий в меду до тех пор, пока его не пробудит трубный зов Исрафаила.[133] Три мертвеца стынут в армейском морге. Дева Мария из церкви Святого Пантелеймона раскинула покров над двадцатью миллионами душ в самом большом городе Европы. Любовники в номере отеля, который омывают звуки моря. Ветер, Вращающий Крылья Мельниц, поет среди парусов и лижет воды Босфора, превращая их в неугомонные кошачьи язычки. Вот тайное имя Всевышнего, написанное через весь Стамбул буквами одновременно слишком большими и слишком маленькими, чтобы понять их. А вот вихрь джиннов и воспоминаний, которые не так сильно, как думают люди, отличаются друг

[132] Примечания: 132
Предвечерний намаз.

[133] Примечания: 133
В исламской эсхатологии — вестник Страшного суда.

от друга, кружится в сумерках площади Адема Деде перед старым домом дервиша. Это поворот, вращение, танец, который вплетен в каждую частицу Вселенной. Слышен смех Хизира, Зеленого святого. Это Стамбул, Царь Городов, и он будет существовать, пока на земле бьются людские сердца.